84(4)
C31

14

Генрикъ Сенкевичъ.

ПИСЬМА

изъ

АМЕРИКИ, РИМА, ВЕНЕЦІИ и ПАРИЖА.

КОМЕДІЯ ИЗЪ-ЗА ОШИБОКЪ.

Переводъ Е. Л. Карловой.

Приговоръ Зевеса.—Изъ впечатлѣній во время путешествія по Италіи.—У источника.—Письма о Золя.

Переводъ М. Л. де-Вальдена.

125909-1к/х
Отдел книгохранения
МУК «Централизованная библиотечная система» г. Вологды

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
С.-Петербургская Электропечатня. Вознесенскій пр., 53.
1902.

84(4Пол)
С31

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 10 іюля 1902 г.

I.

Американскіе эскизы.

Горы Санта-Анна, съ которыхъ я посылаю настоящее письмо, составляютъ южную часть огромной цѣпи, тянущейся разбросанными отрогами и подъ разными названіями отъ Орегона до южной Калифорніи и мексиканской Соноры. Я пріѣхалъ сюда вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ, Максомъ Неблунгомъ. Эта первая ночь, проведенная въ безлюдной и дикой мѣстности, оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Въ предшествующемъ письмѣ я уже упоминалъ, что мы остановились у одного сквэтера, котораго съ этой минуты я буду звать Робинзономъ, такъ какъ онъ живетъ въ шатрѣ, въ полномъ одиночествѣ, а единственное его общество составляютъ собака и ружье. Мой новый Робинзонъ—человѣкъ уже немолодой, лѣтъ около пятидесяти, имѣлъ такой видъ, что если-бы я его встрѣтилъ гдѣ-нибудь во время своихъ прогулокъ, то, безъ сомнѣнія, схватился-бы за револьверъ. На немъ была фланелевая рубаха, брюки изъ оленьей шкуры и большая мексиканская шляпа, обтрепанныя поля которой прикрывали мрачное, обросшее волосами лицо. Какъ только Максъ насъ познакомилъ, онъ сильно пожалъ мою руку и, проговоривъ обычное «Гало!», отправился въ оврагъ готовить намъ ужинъ, а мы съ Максомъ, разсѣдлавъ нашихъ мустанговъ и привязавъ ихъ за длинныя лассо къ дереву, закурили трубки и усѣлись подъ шатромъ въ ожиданіи ужина.

Я сталъ разсматривать окрестности. Черная масса горъ окружала со всѣхъ сторонъ котловину, изъ которой единственный выходъ къ сѣверу и югу составляетъ русло глубокаго горнаго ручья. Мѣстность показалась мнѣ невыразимо дикой и угрюмой. Скалистые обрывы свѣшивались надъ котловиной огромными, титаническими изломами, будто съ пенистовой яростью брошенные другъ на друга. Казалось, что все это сію минуту оборвется и грохнется на дно долины. Свѣтлая ночь усиливала дикую фантастичность формъ. Луна освѣщала серебристой каймою края скалъ, черные силуэты которыхъ обрисовывались на свѣтломъ фонѣ съ поразительной ясностью. Ночные голоса увеличивали мрачное очарованіе всего окружающаго. Въ расщелинахъ скалъ, покрытыхъ деревьями, зловѣще и хрипло кричали дикія кошки; порою отзывался филинъ, или всхрапывали лошади. Собака моя, не привыкшая къ подобнымъ ощущеніямъ, начала выть; прирученный барсукъ какъ-бы со страха взобрался ко мнѣ на колѣни, а я былъ очарованъ и совершенно счастливъ. Несмотря на то, что мнѣ пришлось прогалопировать около тридцати англійскихъ миль на отвратительномъ мустангѣ, и что члены мои одеревенѣли,

я ни за что не послѣдовалъ-бы примѣру Макса, который, разостлавъ передъ шатромъ одѣяло, легъ на него и уснулъ. У меня пропало всякое желаніе ѣсть и спать; я раздумывалъ о томъ, что завѣтныя мечты моего дѣтства, наконецъ, осуществились.

Я всегда мечталъ о томъ, какъ-бы увидѣть когда-нибудь въ жизни тѣ безлюдные края, гдѣ могучая сила природы, не обузданная еще человѣческой рукою, проявляется, какъ хочетъ, творитъ, что хочетъ, и царитъ абсолютно. Очутиться лицомъ къ лицу съ первобытною природой, ворваться въ глубину дѣвственныхъ лѣсовъ и степей, описанныхъ Купе-ромъ,—это былъ идеалъ счастья, къ которому я стремился съ давнихъ поръ. Теперь все это было передъ моими глазами. Первобытная природа окружала меня: она охватила меня всего, поглотила мои чувства и помыслы. Я могъ затеряться въ ней, какъ ничтожная капля дождя въ океанѣ.

Теперь мнѣ кажется, что мое путешествіе началось только съ той минуты, какъ я прибылъ въ эти горы; развѣ можно назвать путешествіемъ проѣздъ по морямъ въ роскошныхъ пароходахъ или по степямъ въ удобныхъ вагонахъ Пульмана? Наконецъ, остановку въ отеляхъ, посѣщеніе городовъ? и т. п. Какую-же роль играетъ такой изслѣдователь-путешественникъ въ цивилизованныхъ странахъ? Его везутъ, какъ какой-нибудь сундукъ — вотъ и все. Единственная дѣятельная роль, остающаяся на его долю,—это расходованіе денегъ. Въ этихъ-же пустынныхъ горахъ, лежащихъ за предѣлами цивилизаціи, роль путешественника совершенно иная и безусловно дѣятельная. Единственнымъ паспортомъ и билетомъ для проѣзда служитъ его собственный карабинъ, а единственнымъ способомъ передвиженія—его собственныя ноги или полудикій мустангъ, котораго каждый разъ нужно полузадушить петлею лассо, прежде чѣмъ сѣсть на него, который не пропуститъ случая лягнуть или схватить зубами и вращать блуждающими, налитыми кровью глазами, какъ только приближаешься къ нему.

Здѣсь единственный проводникъ — собственный инстинктъ; спишь подъ открытымъ небомъ, въ расщелинѣ скалы, которую прежде всего нужно очистить собственными руками отъ скорпіоновъ и змѣй; согрѣешься лишь тогда, когда самъ разведешь огонь; съѣшь-то, что самъ убьешь; однимъ глазомъ спишь, а другой устремляешь во мракъ, изслѣдуя его опасную глубину; вскакиваешь при малѣйшемъ шорохѣ, хватаешься за ружье, какъ только заворчитъ собака и ощетинитъ шерсть.

Однимъ словомъ, путешествуешь, какъ настоящій мужчина; всѣ зачатки мужества, еще незагубленные городской жизнью, вступаютъ въ борьбу съ опасностью. Все, что пріобрѣтаешь, — пріобрѣтаешь лично самъ, благодаря своему мужеству, энергіи и предусмотрительности. Пассивная роль здѣсь немыслима ни на минуту. Здѣсь не только присматриваешься къ окружающему, но и самъ дѣлаешь открытія. Согласитесь, что только такое путешествіе можно назвать настоящимъ, дѣятельнымъ и творческимъ.

Теперь меня впереди ожидали цѣлые дни и мѣсяцы такихъ путевыхъ условій, такъ какъ горы Тамискаль, Санта-Анна и Санъ-Бернардино, куда я пробрался послѣ долгихъ усилій, лежатъ за предѣлами

цивилизованнаго калифорнійскаго пояса. Поясъ этотъ тянется съ сѣвера на югъ, вдоль морского берега, отъ Орегона до самаго города Санъ-Діего, расположеннаго на границѣ между Калифорніей и такъ называемою Lower California (Счастливой Калифорніей), полуостровомъ принадлежащимъ къ Мексикѣ. На сѣверѣ, въ особенности около Санъ-Франциско, эта цивилизованная полоса обнимаетъ весь край отъ Тихаго океана вплоть до горнаго хребта Сіерра-Невады, составляющаго границу золотоносной, но пустынной и мрачной Невады. Страна въ этомъ мѣстѣ заселена не меньше Царства Польскаго. Прелестныя долины, лежащія между цѣпями среднихъ горъ, такъ-же, какъ и самыя горы, пестрѣютъ человѣческими жилищами. Когда я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ смотрѣлъ при восходѣ солнца съ вершины Монъ-Дьябло на окрестность, лежащую у моихъ ногъ, съ одной стороны изъ розовой утренней мглы выдвигалась изумрудная поверхность съ множествомъ мачтъ, парусовъ, разноцвѣтныхъ флаговъ; съ другой — цѣлый край, пробуждающійся отъ сна, но такой очаровательный, что, вѣроятно, и сатана не искушалъ Христа болѣе прекраснымъ видомъ. Въ зеленыхъ долинахъ сверкали золотыя и серебряныя ленты извивающихся ручьевъ, въ долинахъ—города, пестрѣющіе башнями, шпицы и купола которыхъ цѣловалъ первый лучъ восходящаго солнца; огромный Санъ-Франциско, меньшіе: Уклэндъ, Хью-Уордсъ, Беника, калифорнійскій Нью-Іоркъ, Бруклинъ, Санъ-Леандро, Санъ-Матео, Валлейо, Мартинецъ, Санъ-Пабло, а съ другой—Сакраменто, облитый красными волнами рѣки того-же названія.

Изъ этой многочисленности поименованныхъ городовъ, расположенныхъ въ такомъ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, вы можете заключить о населенности этой страны. Если-бы дивное лазурное небо надъ головою и слишкомъ теплое дыханіе утренняго вѣтерка, если-бы колибри и большія золотистыя бабочки, кружащіяся надъ головою, если-бы, наконецъ, фебъ, слишкомъ палящій и лучезарный,—не изобличали полутропическаго края, то я-бы могъ подумать, что смотрю съ башни св. Гудулы на окрестности Брюсселя, до того страна была воздѣлана, такъ похожа на одинъ огромный садъ и такъ густо заселена. Между городами бѣлѣли фермы, мелькали водяныя мельницы, вѣтряные колодцы, и все это пріютилось въ зелени миртовъ, кипарисовъ и камедныхъ деревьевъ; все это заткано сѣтью плюща, ліанъ, дикаго винограда или украшено пальмами, распростирающими свои широкіе листья надъ человѣческими жилищами.

Но по мѣрѣ приближенія къ югу, къ Санъ-Діего, эта цивилизованная полоса постепенно суживается. Причиною этого является, однако, не меньшее плодородіе почвы; напротивъ, обитаемый морской берегъ менѣе плодотворенъ, чѣмъ пустынные горные каньоны; здѣшнее населеніе ищетъ прежде всего близости городовъ, въ особенности портовыхъ, гдѣ-бы оно могло найти сбытъ произведеніямъ своего труда, вотъ почему оно скопляется, главнымъ образомъ, вблизи береговъ. По главную причину составляетъ малочисленность населенія Калифорніи. На шесть тысячъ квадратныхъ миль приходится только семьдесятъ тысячъ жителей, поэтому очень естественно, что болѣе отдаленныя мѣстности, несмотря на необыкновенное плодородіе и богатство, еще не заняты.

Когда, подвигаясь отъ Анагейма къ востоку, по направленію горъ, вы на лошади переправитесь черезъ широкое песчаное русло рѣки Санта-Анна, значитъ—вы выѣхали изъ цивилизованной страны, гдѣ земля раздѣлена и составляетъ частную собственность, гдѣ общество управляется законами Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ отношенія урегулированы, а поземельная собственность обозначена. По правую сторону этой рѣки начинаются казенныя земли, изрѣдка заселенныя сквэтерами или индѣйцами, но большей частью не занятыя. Единственнымъ закономъ, впрочемъ, благодаря честности и просвѣщенію сквэтеровъ, никогда не примѣняемымъ, является право «Линча», не выражающееся въ словахъ око за око и зубъ-за-зубъ, но за всякое покушеніе, какъ противъ личности, такъ и противъ собственности, сулящее одно наказаніе: петлю.

Земля раздѣлена на такъ называемые клемы или квадратные участки, состоящіе изъ 160 акровъ каждый. Однако, это раздѣленіе еще не есть межевая мѣра, такъ какъ въ отдаленныхъ горныхъ мѣстностяхъ еще не была нога инженера, но скорѣе—право, дозволяющее каждому американцу или кандидату въ обыватели Соединенныхъ Штатовъ пользоваться упомянутымъ количествомъ земли, съ условіемъ уплачивать казнѣ въ продолженіе десяти лѣтъ по полтора доллара за акръ. По истеченіи этого срока участокъ земли или такъ называемый *usus* превращается въ безусловную собственность, которую можно продать, подарить, сдать въ аренду, однимъ словомъ, дѣлать съ нею, что угодно. Впрочемъ, обязательность уплаты въ казну существуетъ только на бумагѣ. на самомъ-же дѣлѣ сквэтера, который занялъ, обработалъ и застроилъ свободную землю, хотя-бы онъ за нее не внесъ ни гроша, не можетъ вытѣснить никакое право.

При такихъ выгодныхъ условіяхъ, при такой легкости пріобрѣтенія земли безъ всякихъ судебныхъ хлопотъ, наконецъ, при баснословномъ плодородіи этихъ долинъ, покрытыхъ вѣковыми дубами, платанами и лаврами, казалось-бы, что сквэтерское населеніе должно плодиться и множиться, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. О главной причинѣ я уже упомянулъ: нѣтъ людей! Конечно, сюда-бы сбѣжался многочисленный и полунагой эмигрантскій сбродъ, если-бы не неизмѣримая отдаленность Калифорніи отъ Соединенныхъ Штатовъ; кромѣ того, дорога къ Тихому океану, уже не изъ Европы, но отъ Нью-Іорка, Филадельфіи, Вашингтона или Бостона стоитъ дороже, чѣмъ два клема, за которые плата взимается въ теченіе десяти лѣтъ.

Что касается американцевъ, живущихъ въ городахъ, то они всѣ безъ исключенія businessmen'ы, то-есть люди, занимающіеся промысломъ или торговлей, которые въ этомъ переселеніи въ горы и пустыни не видятъ для себя никакой матеріальной выгоды; поэтическія-же особенности, какъ-то: живописность мѣстности, уединеніе, ничѣмъ ненарушаемый покой и жизнь на лонѣ природы,—это такія вещи, за которыя настоящій янки не далъ-бы и десяти центовъ. Къ тому-же въ эти прелестныя долины нѣтъ дорогъ. Испанское названіе cañon въ буквальномъ смыслѣ значитъ оврагъ. Если такой оврагъ расширяется вдругъ или постепенно такимъ образомъ, что образуетъ обширную котловину, окаймленную со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ горъ, то тамъ представляется достаточно мѣста

для скотоводства, пчеловодства и даже для хлѣбопашества. Но чаще всего такія поляны находятся въ глубинѣ горъ, единственный входъ въ которыя составляетъ русло потока. Это просто-на-просто огромная щель, или, какъ называютъ на украйнѣ, «яръ», на днѣ котораго по камнямъ шумитъ вода, а бока состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ, вышиною иногда въ двѣсти и триста футовъ. Нѣтъ ничего мрачнѣе подобныхъ ущелій. На днѣ царитъ вѣчный мракъ, такъ какъ вершины скалъ, покрытыя плодоноснымъ слоемъ земли, поростаютъ деревьями, вѣтви которыхъ, сплетаясь, свѣшиваются надъ потокомъ и заслоняютъ отъ глазъ путешественника небо. Мѣстами дикій виноградъ, хмѣль и ліаны перекидываются съ берега на берегъ, сплетаются, перевиваются, душатъ другъ друга въ объятіяхъ, образуя такіе непроницаемые фестоны, что дневной свѣтъ едва проникаетъ въ глубину.

Путешественнику часто кажется, что онъ пробирается по какому-то подземному корридору. Иногда сквозь щель вверху виднѣется небесная лазурь, но этотъ отрадный видъ нарушается хлопаньемъ крыльевъ ястребовъ, воронова, орловъ и мрачными ихъ криками, наводящими тоску.

Изъ такихъ-то расщелинъ доносятся ночью тѣ зловѣщіе крики и рычаніе, которыхъ не выносятъ непривычные нервы. Какъ только солнечные лучи погаснутъ на вершинахъ, вся горная дичь спускается къ потоку на водопой: прежде всего собираются олени, антилопы, далѣе дикія козы съ серпообразными рогами и маленькія, неизмѣримыя бѣлыми крапинками горныя козочки. За ними тянутся хищники: тихо крадутся во мракѣ серебристые и красные кугуары; изъ разсѣлины скалы поднимаетъ голову дальнозоркая рысь и поводитъ огненными глазами. По деревьямъ карабкаются сѣроватыя дикія кошки, порою издали долетаетъ звукъ падающихъ со скалистыхъ вершинъ каменьевъ:— это угрюмый деспотъ этихъ горъ, сѣрый медвѣдь, идетъ тяжелыми шагами выкупать въ потокѣ истомленное дневнымъ зноемъ тѣло.

Мѣстами русло такъ завалено камнями, что не только въ повозкѣ, но и верхомъ невозможно проѣхать, тѣмъ болѣе, что эти камни вѣчно покрыты сѣрымъ, скользкимъ мхомъ.

Зимою, въ дождливую пору, и весною, во время половодья, ручьи эти превращаются въ бурные потоки, и тогда жители каньоновъ бываютъ совершенно отрѣзаны отъ остальной части свѣта. Вслѣдствіе этого, въ каньонахъ объ удобствахъ цивилизованныхъ странъ и мечтать нельзя.

Правда, долины эти прелестны и плодородны, ихъ легко пріобрѣсти, легко отыскать уголокъ, гдѣ, можетъ быть, еще никогда не была человѣческая душа, и сказать себѣ: «Это мое!» Этой собственности, какъ на необитаемомъ островѣ, никто не станетъ оспаривать: легко завладѣть землею, но не легко на ней жить. Сквэтеръ обыкновенно человѣкъ бѣдный, лишенный жены и дѣтей, слѣдовательно, одинокій. Такой человѣкъ приходитъ въ горы, выбираетъ каньонъ и говоритъ себѣ: «Здѣсь я поселюсь. Но чтобы поселиться, нужно выстроить домъ; сквэтеръ, кромѣ пилы, топора и бурава, обыкновенно не имѣетъ другого орудія. Въ матеріалѣ, правда, недостатка нѣтъ, но какъ тутъ приняться за дѣло, когда весь каньонъ шумитъ столѣтними деревьями, со стволами въ нѣсколько футовъ въ поперечникѣ и вершинами, теряющимися гдѣ-то

въ облакахъ. Черный громадный дубъ возвышается рядомъ съ бѣлымъ платаномъ; далѣе сѣрый дубъ или гикоро, съ слоями настолько твердыми, что топоръ отскакиваетъ отъ нихъ, какъ отъ камня; далѣе лавръ, и все это такъ перевито сѣтью ліанъ, такъ перепутано между собою, что пуща кажется одною сплошною массою, въ которую можно ударить топоромъ, какъ въ стѣну. Можно себѣ представить, какихъ трудовъ стоитъ поселенцу очистить подобное мѣсто для хижины и двора, срубить огромныя деревья и очистить участокъ отъ валежника. Потомъ, какія гигантскія силы нужны, чтобы безъ посторонней помощи втаскивать балку за балкою, стропило за стропиломъ, а за болѣе тонкимъ деревомъ нужно идти двѣ или три мили и тащить его по каменистому дну ручья, неся за плечами тяжелое ружье, безъ котораго нельзя ступить шагу: во-первыхъ, оно необходимо для защиты, а во-вторыхъ, для того, чтобы добыть себѣ пропитаніе. Изъ этого мы можемъ заключить, что одна только постройка хижины превосходитъ человѣческія силы; поэтому нечего удивляться, что сквэтеровъ такъ мало, и что съ такой жизнью могутъ мириться только бродячіе чужеземцы, не знающіе языка, не имѣющіе средствъ, не нашедшіе никакого другого дѣла, или люди, преслѣдуемые закономъ, или несчастливцы, ищущіе одиночества, или, наконецъ, исключительныя, безпокойныя натуры, искатели приключеній, которые эту дикую независимость цѣнятъ выше всѣхъ сокровищъ въ мірѣ.

Но какъ пастухъ бракуетъ овецъ и удаляетъ болѣе слабыхъ изъ стада, такъ и жизнь при такихъ-же условіяхъ бракуетъ сквэтеровъ. Слабѣйшіе падаютъ въ неравной борьбѣ: въ большинствѣ случаевъ сквэтеры обладаютъ необыкновенной силою и твердостью духа. Можно по справедливости сказать, что цивилизація высылаетъ своихъ атлетовъ, чтобы они провели дорогу въ пустыню. Однако, поименованныя достоинства сквэтеровъ, необходимыя въ территоріяхъ, заселенныхъ дикими индѣйцами, теряются въ массѣ недостатковъ, которые дѣлаютъ этихъ проводниковъ прогресса людьми высшей степени опасными. Кровавыя столкновенія съ краснокожими и необходимость ежеминутно употреблять въ дѣло ножъ или револьверъ развиваютъ въ нихъ дикіе инстинкты и жестокость, а неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ порождаетъ легкомысліе и безпечность. Собственно говоря, сквэтеръ Нью-Мексики, Аризоны и Индіанъ-Территоріи — не осѣдлый житель, но истребитель лѣсовъ. Собираясь по нѣсколько десятковъ человѣкъ, эти сквэтеры отыскиваютъ нетронутыя топоромъ пущи и, не обращая вниманія, принадлежатъ-ли онѣ казнѣ или частному лицу, рубятъ, сплавляютъ въ видѣ плотовъ или галеръ по водамъ Редъ-Ривера, Ріо-Колорадо, Ріо-Гранде въ ближайшіе города. Послѣ продажи лѣса сквэтеръ до тѣхъ поръ пьянствуетъ и бездѣльничаетъ, пока не истратитъ послѣдняго цента, и тогда опять отправляется въ пустыню.

Считаю излишнимъ добавлять, что такая жизнь полна кровавыхъ приключеній.

Пустыня вовсе не такъ безлюдна, какъ кажется на первый взглядъ. Кромѣ сквэтеровъ, по ней блуждаютъ треперы, т. е. люди, избравшіе своимъ ремесломъ охоту и приключенія; вакеросы, т. е. караульные,

стерегущіе стада или купеческіе караваны; простые бродяги, иногда рудокопы, наконецъ, въ періодъ странствованія буйволовъ, большія или меньшія шайки индѣйцевъ, охотящихся за этими животными, а если удастся, то и за скальпами.

Сквэтеры постоянно сталкиваются съ этими людьми. Иногда дружатся съ ними и пьютъ въ ьентахъ, находящихся по дорогамъ; иногда же при сангвиническомъ темпераментѣ и склонности къ дракѣ обѣихъ сторонъ дѣло доходитъ до формальной битвы, гдѣ чисто индѣйская хитрость соединяется со средневѣковой ожесточенностью. Притомъ, вообще, сквэтеръ, чувствуя себя сильнымъ, свободнымъ, какъ птица, однимъ словомъ, царемъ пустыни, относится съ пренебреженіемъ къ остальнымъ людямъ, а въ столкновеніяхъ съ ними является такимъ забіякой и грубіяномъ, что невозможно съ нимъ не подраться. Онъ вызываетъ всѣхъ, не боится никого и ничего и дрожитъ только передъ одною вещью,— передъ такъ называемымъ дядюшкой Линчемъ, какъ зовутъ въ пустынѣ этотъ страшный законъ.

Самое названіе «дядюшка» доказываетъ, что сквэтеры внесли въ это понятіе много юмора, но почти такого же, съ какимъ индусы относятся къ разрушающей силѣ въ образѣ Шивы. Сквэтеръ, хотя бы самый отчаянный, чувствуетъ, что Линчъ, какъ нѣкій богъ, безусловно сильнѣе его. Этотъ «дядюшка», самый страшный изъ всѣхъ дядюшекъ—неумолимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивъ. Онъ позволяетъ сквэтеру убить всякаго индѣйца на «полѣ битвы», позволяетъ безнаказанно убить каждаго въ дракѣ, позволяетъ убивать изъ мести за брата, сына, товарища и т. п.; позволяетъ лѣсъ считать даромъ Божьимъ, которымъ каждый имѣетъ право пользоваться; разрѣшаетъ, наконецъ, личное своеволіе, но за всякое измѣнническое покушеніе какъ на личность, такъ и на собственность съ корыстной цѣлью, караетъ смертью, иногда даже черезчуръ жестокою.

Однако, какъ бы ни былъ дикъ этотъ законъ, онъ вытекаетъ изъ чувства солидарности между бѣлыми и потребности — двухъ основныхъ условій, въ силу которыхъ всякое общество переходитъ изъ дикаго состоянія къ цивилизаціи. Я уже упоминалъ, что если пустая земля заселяется, и болѣе разумныя отношенія вызываютъ болѣе разумные законы какъ уголовные, такъ и гражданскіе, то Линчъ тотчасъ же уступаетъ мѣсто общему кодексу Соединенныхъ Штатовъ. Но врожденная способность къ самопомощи у американцевъ такъ велика, что даже въ благоустроенныхъ государствахъ правительство и полиція съ трудомъ удерживаютъ народъ отъ самосуда. Каждый гражданинъ здѣсь до такой степени проникнутъ заботой объ общественномъ благѣ, что считаетъ себя его стражемъ, судьею, полицейскимъ, исполнителемъ правосудія. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести множество. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мексиканецъ, разбойникъ Іоахимъ, во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, бродилъ по всей Калифорніи, то не полиція, которая въ то время была немногочисленна и не особенно энергична, но все населеніе, сѣвъ на лошадей, съ такимъ упорствомъ преслѣдовало его по степямъ и недоступнымъ пущамъ, по дикимъ горнымъ ущельямъ, что, несмотря на эти природныя убѣжища, которыя могли бы пріютить тысячи людей, Іоахимъ

былъ схваченъ и повѣшенъ, а его товарищи—затравлены въ лѣсу, какъ волки. Часто намъ случается читать о войнахъ съ индѣйскими отрядами, продолжающихся цѣлые годы, но войны эти ведутъ и затягиваютъ на продолжительный срокъ генералы изъ корыстныхъ цѣлей; когда населеніе само берется за оружіе, то горе краснымъ гайдамакамъ: убѣжища ихъ открыты, вигвамы разрушены, населеніе вырѣзано, и дня въ два война окончена.

Я слышалъ о весьма недавнихъ событіяхъ, въ которыхъ мѣстное населеніе обошлось безъ помощи правительства. Два года тому назадъ, въ самомъ Анагеймѣ, двое индѣйцевъ забрались въ виноградникъ и убили молодую жену одного изъ обывателей. На слѣдующее утро весь городъ былъ на коняхъ въ полѣ. Традиція Линча проснулась, какъ дремлющій левъ, и зашумѣла надъ головами индѣйцевъ, какъ буря. Правда, было убито нѣсколько человѣкъ невиновныхъ, но на остальныхъ это нагнало такой страхъ, что они сами отыскали преступниковъ и отдали ихъ въ руки поголовнаго ополченія. Но къ чему искать такіе примѣры, когда изъ-за малѣйшаго воровства, изъ-за какой-нибудь коровы, овцы или лошади, украденной у фермера мексиканцемъ, всѣ сосѣди бросаютъ самую спѣшную работу, самыя неотложныя дѣла и, несмотря на потерю времени и денегъ, до тѣхъ поръ не выпускаютъ изъ рукъ револьвера, пока украденная вещь не будетъ розыскана и возвращена.

Благодаря такой энергіи американцевъ, при занятіи, напримѣръ, новыхъ территорій, прежде населенныхъ буйнымъ мексиканско-индѣйскимъ населеніемъ, неурядица продолжается года два, т. е., до тѣхъ поръ, пока это населеніе разъ, другой не обожжется на своихъ разбойничьихъ предпріятіяхъ. Затѣмъ наступаетъ такое спокойствіе, котораго напрасно пришлось бы искать гдѣ-нибудь въ Европѣ, и въ это время можно путешествовать всюду, не только безъ револьвера, но съ мѣшкомъ денегъ за плечами. Это не исключаетъ, однако, ссоръ, которыя порождаются здѣсь врожденной энергіей и вспыльчивостью чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но это другое дѣло. Если два обывателя найдутъ нужнымъ подбить другъ другу глаза кулаками или, вызвавъ другъ друга на поединокъ, поохотиться другъ на друга, то никто въ это не вмѣшивается, говоря, что это ихъ business. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ штатахъ вызываетъ недоразумѣнія дикость религіозныхъ сектъ; въ другихъ же, которые въ теченіе долгаго времени были собственностью то бѣлыхъ, то краснокожихъ, привыкшее къ крови населеніе не легко отрекается отъ «Линча» и подчиняется закону; наконецъ, политическія страсти проявляются здѣсь рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо, но это только переходное состояніе: та же энергія, которая ихъ вызываетъ, впослѣдствіи ихъ же усмиряетъ и вводитъ вышедшій изъ береговъ потокъ въ естественное русло.

Во всякомъ случаѣ, какъ только я вспомню, какъ, напримѣръ, французская провинція, водимая на помочахъ мэрами, потеряла голову, когда во время войны была отрѣзана отъ Парижа, какъ только, обратившись къ нашему быту, вспомню, что тамъ процвѣтаютъ правильно организованныя шайки конокрадовъ, а наше безпомощное, неспособное ни къ какой инициативѣ населеніе ничего не предпринимаетъ и ждетъ только милости Божьей, — мною овладѣваетъ грусть, и я предпочитаю

эту республиканскую энергію янки, даже со всѣми ея злоупотребленіями.

Что касается нашей безпомощности, то меня столько занимаетъ самый фактъ и вредъ, наносимый имъ, сколько заключеніе, которое можно вывести отсюда, а именно, — что энергія и самодѣятельность въ старой Европѣ замерли, и что тамъ шага нельзя ступить безъ помочей. Въ Америкѣ, наоборотъ, — самодѣятельность и энергія расцвѣтаютъ и крѣпнутъ съ каждымъ днемъ. Нельзя при этомъ утверждать, что причина этого явленія заключается въ независимости и децентрализаціи, на которыхъ основанъ общественный строй Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ и независимость и децентрализація если и содѣйствуютъ развитію вышеупомянутыхъ качествъ, то, въ свою очередь, возможны только при ихъ существованіи. Тотъ же самый строй въ другомъ мѣстѣ принесъ бы, можетъ быть, совсѣмъ другіе плоды. Главная причина заключается въ томъ, что, занимая необитаемыя территоріи или мѣстности, заселенныя дикими племенами, населеніе не приходитъ туда съ готовыми общественными учрежденіями, но должно быть само для себя и правительствомъ, и судомъ и полиціей,—должно само для себя быть всѣмъ и, кромѣ того, бороться съ силами природы, съ кровожадными племенами: въ этой-то геркулесовской борьбѣ болѣе всего вырабатывается способность къ самоуправленію, независимости и децентрализаціи.

Этотъ страшный «unelc lynch» — не только фантастически-разбойничье изобрѣтеніе; я о немъ упоминаю не для того, чтобы мои болѣе или менѣе пожилыя читательницы могли вскрикивать, сидя на диванѣ: «Ахъ», выказывая при этомъ деликатность своихъ нервовъ и чувствительность сердца: предметъ этотъ интересенъ, не только какъ мотивъ для повѣсти, но и какъ фактъ, достойный вниманія философа и историка. Это—Драконъ, идущій впереди Солона; это—диктаторъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ принужденъ будетъ сложить свою власть, а вмѣстѣ съ нею пучки розогъ и сѣкиру и дать тяжкій отчетъ въ своемъ правленіи; наконецъ, это—школа, изъ которой молодой народъ выходитъ необыкновенно закаленнымъ, чувствующимъ въ себѣ львиную силу и способность къ тѣмъ мужественнымъ и великимъ дѣяніямъ, предъ которыми придется намъ склонить головы.

Но возвращаюсь къ сквэтерамъ. Итакъ, сквэтеры Нью-Мексики, Аризоны, Индіанъ, Территоріи такъ же, какъ и «линчъ», — люди твердые, закаленные, горячіе, но сдерживающіе слово, солидарные и гнушающіеся всякаго предательства... Калифорнійскій сквэтеръ обладаетъ ихъ хорошими качествами, не имѣя ихъ недостатковъ. Тѣ — истребители лѣсовъ и кочевники, онъ—осѣдлый житель; тѣ постоянно живутъ какъ бы на военномъ положеніи, въ Калифорніи царствуетъ спокойствіе. Все это накладываетъ на него извѣстный отпечатокъ, по которому его легко отличить не только отъ сквэтера, живущаго по ту сторону Сіерра-Невады, но вообще отъ каждаго американца. Это обыкновенно—джентльменъ громаднаго роста, широкоплечій, мрачный, грозный, молчаливый, но спокойный, склонный къ размышленію и, большей частью, религіозный. Одиночество, гигантскія скалы, могучая дикая природа невольно вселяютъ въ него понятіе о могуществѣ и величіи Божьемъ. Притомъ человѣческое

сердце должно непремѣнно что-нибудь любить, поэтому скваттеръ, не видя по цѣлымъ мѣсяцамъ человѣческаго лица, любитъ покорно и глубоко ту невидимую и благую силу, которая утромъ зажигаетъ на небѣ румяную зарю, велитъ восходить и заходить солнцу, весною разливаетъ море цвѣтовъ по склонамъ горъ, а дубамъ и цѣлой пущѣ велитъ пѣть: «Святый Боже, Святый крѣпкій...»

Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми скваттеръ холоденъ, но въ высшей степени правдивъ, какъ человѣкъ, никогда не нуждающійся въ посторонней помощи и разсчитывающій всегда только на собственныя силы. Люди бываютъ дурными по необходимости, скваттеръ не имѣетъ надобности лгать, обманывать, подлаживаться; если его не удовлетворяетъ лѣсная жизнь, онъ можетъ ее бросить, вернуться въ городъ и завести business: если же онъ любитъ природу, то всѣ земныя блага, въ погонѣ за которыми люди часто уклоняются отъ честнаго пути, не имѣютъ для него никакой цѣнности. Наконецъ, невыразимо тяжелый трудъ съ топоромъ въ пущѣ заглушаетъ въ немъ страсти, которыя въ городской жизни ведутъ людей на ложный путь.

Все это общія черты, свойственныя цѣлому типу. Въ отдѣльныхъ индивидуумахъ онѣ бываютъ выражены слабѣе или сильнѣе, часто уравновѣшиваются недостатками, а иногда совсѣмъ заглушаются ими. Напримѣръ, мексиканскіе скваттеры, обитающіе въ глухихъ горныхъ уголкахъ, занимающіеся разведеніемъ свиней, промысломъ, не требующимъ почти никакого труда, сами принимаютъ многое изъ природныхъ наклонностей этихъ животныхъ; скваттеры-ирландцы—забіяки, кутилы и пьяницы; они умышленно выискиваютъ по пустырямъ сосѣдей, чтобы заводить съ ними тяжбы; однако, между природными американцами я встрѣчалъ такихъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовыхъ людей, что они казались типами, выхваченными изъ романа.

Но въ общемъ такихъ очень мало. Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ горы я встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ мексиканцами и индѣйцами нѣсколько десятковъ, но они были разсѣяны на такомъ пространствѣ, на которомъ съ удобствомъ могла бы помѣститься половина населенія Варшавской губерніи. Не имѣя въ виду ничего лучшаго и обладая мустангомъ, который, будучи воспитанъ въ горахъ, ходилъ по нимъ какъ коза, я странствовалъ отъ селенія къ селенію; часто мнѣ случалось ночевать у костра подъ открытымъ небомъ, такъ какъ въ одинъ день невозможно бывало совершить весь путь. Индѣйцы и мексиканцы занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ, а американцы — пчеловодствомъ. Пчелъ держатъ не въ такихъ ульяхъ, какъ у насъ на Литвѣ, но въ устроенныхъ по новѣйшей системѣ. Занятіе пчеловодствомъ, если бы не затруднительность перевоза, приносило бы значительныя выгоды, какія оно и приноситъ въ мѣстахъ, болѣе заселенныхъ, гдѣ дороги лучше, и которыя прежде были скваттерскими селеніями, а теперь превратились въ фермы, построенныя на подобіе другихъ фермъ въ Америкѣ.

Изъ болѣе отдаленныхъ скваттерскихъ селеній медъ доставляютъ на лошадяхъ или мулахъ, а изъ нѣкоторыхъ приходится нести его на рукахъ. Одни только восточные склоны горъ Санта-Анна, а главнымъ образомъ, Каньоны, Санъ-Яго, Санъ-Іоахимъ, Трабуко и Мадера, хотя боль-

шею частью необитаемыя, доставляютъ ежегодно сотни тысячъ фунтовъ меда и воска. Нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы пчеловодство процвѣтало и развивалось такъ, какъ въ этихъ горахъ. Самые Каньоны, обширные и окруженные со всѣхъ сторонъ скалами, представляютъ изъ себя какъ бы природные питомники, откуда труженицы-пчелы не могутъ разлетаться по свѣту и гибнуть. Посреди долины обыкновенно струится потокъ или, какъ здѣсь называютъ, «creek», защищенный отъ солнца, холодный, прозрачный и не глубокій. Кромѣ главнаго потока, въ меньшихъ, входящихъ въ Каньонъ оврагахъ и ущельяхъ извивается множество ручейковъ, журчащихъ серебристыми струйками по кампиямъ и скаламъ и образующихъ въ болѣе широкихъ мѣстахъ то крохотныя озера, то каскады, своими миніатюрными размѣрами и изяществомъ напоминающіе водяныя игрушки, сдѣланныя въ Версали рукою артиста. Легкій вѣтерокъ развѣваетъ эти струи, охлаждая точно дождемъ полуденный зной. Въ іюнѣ, когда жара доходитъ до ста двадцати градусовъ по Фаренгейту, вода въ ручьяхъ такъ холодна, какъ будто она течетъ изъ ледяныхъ пещеръ, а происходитъ это отъ того, что русло его обыкновенно защищено зеленымъ куполомъ, сотканнымъ изъ хмѣля, ліанъ и павилики такъ густо, что лучъ солнца туда почти не проникаетъ.

Есть тамъ тоже такія очаровательныя зеленыя пещеры, что нерѣдко, когда я укрывался въ нихъ отъ дневного зноя, мнѣ казалось, что еще минута,—и я увижу хороводъ нагихъ нимфъ и дріадъ, такъ какъ я не могъ помириться съ мыслью, чтобы такія чудныя мѣста могли быть необитаемыми и безмолвными.

Впрочемъ, они были не совсѣмъ безмолвны, такъ какъ пчелиный оркестръ безпрерывно игралъ у меня надъ ушами. Я видѣлъ, какъ маленькія желтоватыя и немного покрупнѣе, такъ называемыя, итальянскія, полосатыя пчелы садились на цвѣты павилики или плюща, сметали лапками медовую пыль и нагруженными улетали въ ульи. Иногда прилетали колибри, размѣрами и движеніями напоминающія насѣкомыхъ и, повиснувъ на крылышкахъ, погружали свой иглообразный клювъ въ склоненныя цвѣточныя чашечки. За пчелами появлялись пчелоѣды, большія и злыя птицы съ сѣрой спиною и зеленоватой грудью; на вѣтвяхъ ліанъ колыхались пересмѣшники, подражая голосамъ птицъ и животныхъ; наконецъ, чудные голубые фазаны и тысячи горныхъ куропатокъ приходили пить воду къ ручью, задирая вверхъ головы, подобно любителямъ, смакующимъ напитокъ.

Кромѣ воды, пчелы находятъ здѣсь вездѣ достаточно корма, такъ какъ склоны горъ покрыты въ теченіе цѣлаго года множествомъ роскошнѣйшихъ цвѣтовъ. Отъ зноя защищаютъ ихъ сквэтеры, ставя ульи подъ тѣнью черныхъ дубовъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ рои размножаются съ необыкновенной быстротою. Купивъ пять или шесть ульевъ, черезъ нѣсколько лѣтъ можно сдѣлаться обладателемъ огромной насѣки. Главный источникъ сквэтерскихъ доходовъ составляетъ не продажа меда и воска, но продажа самыхъ ульевъ. Ихъ покупаютъ фермеры, обитающіе на всемъ протяженіи между горами и океаномъ. Правда, эти ульи приходится иногда переносить по одному на спинѣ, но сквэтеръ не боится никакого труда.

Вообще у сквэтеровъ, живущихъ въ недоступныхъ каньонахъ, гораздо больше меда, чѣмъ денегъ, т. е. часто въ десять разъ болѣе того, что они могутъ сбыть; но, съ другой стороны, потребности сквэтера такъ ограничены и такъ мало разнятся отъ потребностей человѣка, живущаго въ дикомъ состояніи, что деньги ему нужны почти исключительно для покупки пороха и свинца.

Теперь возвращаюсь къ повѣствованію о моихъ личныхъ приключеніяхъ.

Итакъ, я сидѣлъ въ первую ночь своего пріѣзда у шатра, очарованный необъятною природой, какъ вдругъ меня вывелъ изъ задумчивости голосъ хозяина, выходящій изъ глубины оврага. Мы съ Неблунгомъ встали и спустились внизъ. Въ оврагѣ пылалъ костеръ изъ лавровыхъ деревьевъ. Робинзонъ выгребалъ изъ золы оленью ляжку, изжаренную спеціально для насъ, аппетитный ароматъ которой распространился въ воздухѣ. Остальная часть оленя, или, вѣрнѣе, цѣлый олень, лишенный только одной ляжки, висѣлъ поодаль на деревѣ, и пламя костра отражалось въ его стеклянныхъ открытыхъ глазахъ. Кромѣ того, на угольяхъ кипѣла вода для японскаго чая, какой обыкновенно употребляютъ болѣе бѣдные люди въ Калифорніи. Когда жаркое было вынуто изъ золы, изъ-подъ вскрытой ножомъ опаленной поверхности выглянуло розовое дымящееся мясо; мы усѣлись за трапезу. Это былъ истинно гомерическій пиръ: мы брали просто руками окровавленные куски мяса, разрѣзая ихъ съ помощью охотничьихъ ножей или такъ называемыхъ bourè knifes (boi naif), изъ-за которыхъ индѣйцы прозвали бѣлыхъ «длинные ножи». Притомъ и вся окружающая обстановка напоминала гомеровскихъ временъ овраги Пинда и Аэта. Тутъ-же у нашихъ ногъ журчалъ потокъ; со всѣхъ сторонъ насъ окружали каменныя глыбы, а посерединѣ костеръ бросалъ кровавый свѣтъ на дубы, растущіе въ разсѣлинахъ скалъ, а далѣе зловѣщая, мрачная глубина пущи.

Сквэтеръ отъ времени до времени подбрасывалъ въ костеръ сухихъ лавровыхъ вѣтвей, и тогда костеръ съ трескомъ вспыхивалъ, а искры сыпались золотымъ дождемъ и гасли во мракѣ; пламя вырывалось кверху и освѣщало наши лица, ружья и собакъ, окидывающихъ завистливымъ взглядомъ каждый кусокъ мяса, который мы подносили ко рту.

По временамъ мнѣ казалось, что я присутствую на представленіи какой-то романтической оперы, въ которой я самъ пою баритоновую партію альпійскаго разбойника. Для меня начиналась совершенно новая жизнь, которую я полюбилъ до такой степени, что когда мнѣ придется ее измѣнить, то я сдѣлаю это съ грустью и сожалѣніемъ.

Луна такъ ярко свѣтила надъ нашими головами, какъ будто ея сіяющія очи хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ; лучи ея смѣшивались на верхушкахъ деревьевъ съ отблескомъ костра; вдали шумѣла пуща, ручьи журчали по каменьямъ, изъ мрака доносились голоса звѣрей,— все это было такъ прекрасно, романтично и живописно, что я невольно чувствовалъ крылья за плечами, и жаль мнѣ стало молодыхъ лѣтъ, безполезно потраченныхъ въ городской сутолокѣ, въ сферѣ ничтожныхъ занятій и дѣлъ, а часто и среди мелкихъ людишекъ.

Сначала мы сидѣли въ молчаніи: Сквэтеръ отъ природы былъ не-

разговорчивъ, я-же не могъ придти въ себя отъ переживаемыхъ впечатлѣній, а болтливыя уста Неблунга были наполнены олениной, такъ что нетерпѣливыя слова не имѣли выхода.

Я замѣтилъ, однако, что сквэтеръ посматривалъ на насъ съ нескрываемой радостью. Мнѣ стало это ясно, когда онъ, покончивъ съ ѣдою, сказалъ:

— Вотъ уже два мѣсяца, какъ я не видѣлъ человѣческаго лица.

— Я тебѣ говорилъ, Джэкъ, — отвѣтилъ, указывая на меня Неблунгъ, — что джентльменъ желаетъ остаться здѣсь недѣли на двѣ. Джентльменъ—путешественникъ: ѣздитъ по свѣту, а что увидитъ, сейчасъ-же описываетъ въ польской газетѣ. Джэкъ! слышишь? Я уже описанъ, и меня это радуетъ. Смотри за джентльменомъ, чтобы онъ не погибъ въ этихъ горахъ, тогда и тебя онъ опишетъ. Джэкъ! о насъ будутъ знать на другомъ полушаріи.

Сквэтеръ, казалось, былъ не такъ чувствителенъ ко всемірной славѣ, но онъ протянулъ мнѣ руку, въ которой, къ слову сказать, моя рука скрылась, какъ мышь въ мышеловкѣ, и началъ благодарить, что я выбралъ его жилище среднимъ пунктомъ своихъ странствованій. Я отвѣтилъ на это черезчуръ по-европейски, что и я также очень радъ познакомиться съ такимъ достойнымъ джентльменомъ, только боюсь, какъ-бы своимъ пребываніемъ не доставить ему хлопоть и не сдѣлаться ему обузой.

— Хлопоты! обуза!—смѣясь воскликнулъ Неблунгъ.—Джэкъ! Слышишь? Хлопоты, обуза! Мы уже говорили объ этомъ съ джентльменомъ въ Лэндингѣ... Я сказалъ джентльмену ясно, что знаю Джэка; Джэку даже нельзя предложить за это платы, такъ какъ онъ ваше пребываніе считаетъ скорѣе благодѣяніемъ.

— Я ни отъ кого не взялъ бы платы; что же касается вашего посѣщенія, то я смотрю на него, какъ на счастливое для меня событіе. Сейчасъ я скажу—почему. Мнѣ, видите ли, наскучило уже въ шатрѣ зимою, во время дождей здѣсь не очень удобно, поэтому я рѣшилъ выстроить себѣ домъ. Я уже вывелъ стѣны почти подъ крышу, но это не легкая работа. Надъ каждою доской приходится мнѣ работать два дня. Притомъ поблизости тутъ нѣтъ деревьевъ тоньше двухъ футовъ въ поперечникѣ, поэтому мнѣ приходится довольно далеко отыскивать болѣе тонкіе пни. Я работаю болѣе десяти часовъ въ сутки, кромѣ того, долженъ разводить огонь, готовить пищу для себя и собаки, заботиться о своихъ козахъ и лошади и—что хуже всего—ходить на охоту. Главнымъ образомъ, у меня для этого нѣтъ времени, а если я не пойду на охоту, то нечего будетъ и ѣсть. Правда, можно, не выходя изъ шатра, стрѣлять куропатокъ, но онѣ скоро пріѣдаются. У меня, впрочемъ, есть запасы вяленой оленины, но и это не лучше. Поэтому, если вы, сэръ, захотите, какъ это дѣлаютъ всѣ путешественники, охотиться, то не только сбережете мнѣ время, но и будете меня кормить свѣжимъ мясомъ.

— Кромѣ того, большая разница гостить въ городѣ,—прервалъ Неблунгъ,—или въ каньонахъ. Въ городѣ я даю гостю комнату, за которую могъ получить деньги, даю ему завтракъ и обѣдъ; все это чего-нибудь стоитъ. А здѣсь?.. Гость—это значитъ двѣ лишнихъ руки и одинъ

карабинъ, притомъ общество тоже что-нибудь да значитъ. Джэкъ, я взбѣсился бы здѣсь, живя въ такомъ одиночествѣ. Удивительно, какъ ты еще до сихъ поръ не взбѣсился.

— Я уже привыкъ,—отвѣтилъ сквэтеръ,—но все-таки иногда бываетъ тяжело, въ особенности, когда наступитъ время дождей и нечего дѣлать. А вы, сэръ, пробудете въ горахъ до дождей?—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ, что, навѣрно, этого не знаю, какъ не зналъ два мѣсяца тому назадъ, гдѣ я буду. Черезъ годъ, можетъ быть, буду въ Варшавѣ, а, можетъ быть, въ Сапъ-Пабло! Манія къ путешествіямъ есть такая же страсть, какъ и другія. Только первый шагъ труденъ, а потомъ толкаетъ тебя какая-то непобѣдимая сила все дальше и дальше, какъ «Вѣчнаго жида».

На этомъ нашъ договоръ со сквэтеромъ и покончился. Мы закрѣпили его еще неоднократнымъ пожатіемъ руки, причемъ каждый разъ я невольно вскрикивалъ; затѣмъ принялись за питье чая, конечно, съ медомъ, а не съ сахаромъ. Я вспомнилъ, что у меня въ вьюкѣ имѣются два небольшихъ боченка,—одинъ съ brandy, а другой съ виномъ. Я принесъ ихъ къ костру и угостилъ обоихъ товарищей. Мы завернулись въ плащи, закурили трубки и, потягивая дымокъ изъ чубуковъ и попивая чай съ brandy, стали бесѣдовать все оживленнѣе и оживленнѣе. Наконецъ, сквэтеръ сказалъ:

— Завтра съ разсвѣтомъ я поведу васъ на оленей.

— All right!—отвѣчали мы оба.

Затѣмъ онъ сталъ насъ учить, какъ надо держать себя на охотѣ. Хотя людей въ каньонахъ чрезвычайно мало, и звѣрей пугаютъ рѣдко, но олени, антилопы и тому подобная рогатая дичь очень осторожны. Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ людей, на нихъ охотятся кугуары, рыси и др. хищники. Охота эта обыкновенно происходитъ около воды, тѣмъ болѣе, что олень, разъ выбравъ себѣ дорогу къ источнику, всегда уже ходитъ по ней. Тропинку эту легко узнать, такъ какъ кустарники, въ особенности чапараль и чамизаль, на всемъ протяженіи бываютъ разрыты, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не растутъ, ее ясно обозначаютъ осыпавшійся песокъ и обвалившіеся камни. Отправившись на охоту, нужно прежде всего отыскать такую тропинку, затѣмъ на разсвѣтѣ спрятаться въ кустахъ по другую сторону ручья и ждать, пока звѣрь не подойдетъ на разстояніе выстрѣла. Подобная охота бываетъ не безопасна, такъ какъ двуногій охотникъ можетъ наткнуться на четвероногаго, ревниво оберегающаго свои права.

Сквэтеръ разсказалъ намъ о нѣсколькихъ такихъ опасныхъ встрѣчахъ, когда онъ не зналъ, самъ ли онъ охотится, или на него охотятся. Трудно было усомниться въ правдивости этихъ разсказовъ, тѣмъ болѣе, что различные голоса, доносившіеся изъ лѣса, давали имъ неоспоримыя подтвержденія; разъ даже раздалось такое зловѣщее рычаніе, что умолкъ весь лѣсъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мы.

— Проклятіе на твою спину и голову!—произнесъ онъ черезъ мгновеніе.

— Близко?—спросилъ я его, съ трудомъ скрывая впечатлѣніе и невольно хватаясь за ружье.

— Нѣтъ! за двѣ или три тысячи ярдовъ,—но голосъ разносится ночью по скаламъ, и поэтому кажется, что это близко. О, знаю я тебя, адское отродье!

— Что это за звѣрь рычитъ?

— Это Silwer lion (пума). Бѣдный мой Ренъ!

Я въ третій разъ подлилъ «brandy» въ чай Джэку и Неблунгу, а потомъ сталъ просить разсказать мнѣ исторію пумы и Рена.

— Do you see, Jack? (Видишь, Джэкъ?)—прервалъ Неблунгъ,—какъ эти путешественники любопытны. Все это будетъ описано. Твой Ренъ тоже будетъ описанъ въ польской газетѣ.

— You are a mocking bird (ты пересмѣшникъ), Максъ,—отвѣтилъ сквэтеръ, намекая этимъ на болтливость Неблунга.—Я говорю: бѣдный мой Ренъ и не утѣшусь, хотя бы «Герольдъ» написалъ о немъ статью. Собака эта, сэръ,—обратился онъ ко мнѣ,—пришла со мною изъ Луизіаны, откуда я родомъ. Это былъ превосходный песъ, смѣлый и сильный. Двѣ недѣли тому назадъ эта проклятая тварь, которая сейчасъ рычала, подошла ночью къ «коралю», гдѣ я держу козъ. Этотъ олухъ,—сказалъ онъ, указывая на огромнаго волкодава,—почуявъ ее, спрятался въ мохъ, подъ шатромъ, а Ренъ, хотя и меньше его, бросился на нее, какъ бѣшеный. Я тотчасъ схватилъ свой карабинъ, но прежде чѣмъ успѣлъ выбѣжать изъ шатра, услышалъ рычаніе пумы и жалобное завываніе Рена. Я выстрѣлилъ для острастки и побѣжалъ къ нему на помощь съ револьверомъ и охотничьимъ ножомъ, но уже было поздно: пума скрылась, Ренъ же лежалъ съ растерзанными внутренностями и повременамъ вздрагивалъ.

Не знаю, чай ли съ водкой обострилъ скорбь сквэтера по Ренѣ, или онъ на самомъ дѣлѣ такъ любилъ покойника, только онъ внезапно прервалъ разсказъ, сжалъ кулаки и началъ быстро повторять, точно въ припадкѣ бѣшенства:

— Goddam yow! goddam yow! goddam!..

— Успокойся, Джэкъ!—произнесъ Неблунгъ.

Джэкъ дѣйствительно скоро успокоился; но этотъ обыкновенно молчаливый человѣкъ, потому ли, что лишнее выпилъ, или потому, что передъ тѣмъ провелъ цѣлые мѣсяцы въ молчаніи,—разболтался до такой степени, что удивилъ дажо Макса обиліемъ словъ. Онъ разсказывалъ, что полюбилъ свою сквэтерскую жизнь и что не оставилъ бы ея ни за что на свѣтѣ, несмотря на всѣ неудобства. Больше всего хлопотъ ему причиняли дикіе звѣри. Часто ночью въ его ульи забирались красные медвѣди, но настоящее опустошеніе производили маленькіе звѣрьки, которыхъ онъ называлъ raons, что, кажется, по нашему значитъ—еноты; кромѣ того, онъ хотѣлъ завести куръ, но онѣ въ первую же ночь пали жертвой скунсовъ изъ породы нашихъ хорьковъ; завелъ пару свиней, но ихъ задушили рыси; наконецъ, кугуары и шакалы заходили по ночамъ въ кораль, гдѣ онъ держалъ ангорскихъ козъ. «Днемъ,—говорилъ онъ,—все это такъ спрячется, что кажется, будто и слѣда ихъ нѣтъ въ горахъ, а ночью каждый изъ нихъ начинаетъ свой «business». Иногда раза два - три въ ночь приходится браться за ружье, поэтому я днемъ сплю часа два».

Отдел книгохранения

Я спросилъ его, часто ли подвергается опасности его собственная жизнь.

— Пума и сѣрый медвѣдь почти никогда не нападаютъ на человѣка, развѣ подстрѣленные или застигнутые врасплохъ; кугуаръ бросается только со страха. Но на охотахъ съ засадой, на которыхъ нужно дѣйствовать очень осторожно, часто случается неожиданно встрѣтиться съ какой-нибудь изъ этихъ тварей; тогда присутствіе духа, сильная рука и хорошій ножъ являются единственнымъ спасеніемъ.

— А ружье?—спросилъ я.

— Часто нѣтъ времени стрѣлять.

— Однако, я думаю, что съ однимъ ножомъ выходить опасно.

— Опасно,—отвѣтилъ онъ коротко и, засучивъ рукавъ рубашки, показалъ мнѣ множество бѣлыхъ пятенъ и шрамовъ. Видно было, что въ свое время мускулы были въ этихъ мѣстахъ страшнѣйшимъ образомъ изуродованы.

— Это уже здѣсь, въ Калифорніи?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — это еще въ Техасѣ; это ягуаръ, — звѣрь, который опаснѣе пумы и краснаго медвѣдя.

Техасъ воскресилъ въ немъ воспоминанія объ отдаленномъ прошломъ.

Онъ родился въ Луизіанѣ и въ свое время былъ зажиточнымъ хозяиномъ, но когда вспыхнула война, онъ оставилъ хозяйство и вмѣстѣ со своимъ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ примкнулъ къ южной арміи. Затѣмъ, разъ за разомъ стали его преслѣдовать несчастья: сынъ былъ убитъ, а онъ попался въ плѣнъ къ сѣверянамъ. Освободившись, онъ вернулся домой, а въ это время жена обанкротилась и принуждена была оставить ферму и переселиться въ маленькій городокъ Бервикъ, на берегу озера Честеръ-Макъ, въ южной Луизіанѣ. Бервикъ расположенъ въ болотистой мѣстности, вслѣдствіе чего климатъ въ немъ еще болѣе нездоровый, чѣмъ въ Нью-Орлеанѣ; вскорѣ жена и онъ заболѣли желтой лихорадкой. Тогда-то на оставшіяся деньги онъ купилъ нѣсколько телѣгъ и нѣсколько головъ скота и отправился въ Техасъ, но по дорогѣ жена умерла, а на караванъ напали мексиканцы и забрали все, онъ же остался въ степи въ самомъ безвыходномъ положеніи.

Не имѣя въ виду ничего лучшаго, онъ присоединился къ сквэтерамъ, истребляющимъ лѣса по Бразосу, Колорадо и Редъ-Риверу. Такимъ образомъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, но современемъ, скопивъ немного денегъ, рѣшилъ оставить эту жизнь и уѣхалъ въ Калифорнію. Онъ прибылъ туда почти безъ гроша, такъ какъ по дорогѣ израсходовалъ всѣ деньги; но, къ счастью, въ Лэндингѣ, или, вѣрнѣе, въ Анагеймѣ, встрѣтился съ Неблунгомъ, который одолжилъ ему денегъ и помогъ обзавестись хозяйствомъ въ горахъ.

— Съ тѣхъ поръ я живу здѣсь, — закончилъ онъ, — и долженъ отдать справедливость, что ни Техасъ, ни Луизіана не могутъ сравниться съ Калифорніей.

Такимъ образомъ и этотъ человѣкъ претерпѣлъ не мало бурь въ жизни. Вѣтеръ носилъ его, какъ листъ, пока не забросилъ въ это лѣсное затишье, гдѣ трудно рѣшить: чего больше, труда или спокойствія. Иногда этотъ отшельникъ мѣсяца по два не видывалъ человѣческаго лица, такъ

же, впрочемъ, какъ и другіе сквэтеры. Въ чтеніи онъ не искалъ развлеченія, хотя и былъ образованъ по примѣру всѣхъ американцевъ, но какъ то не привыкъ къ книгамъ. Это, пожалуй, было и къ лучшему, такъ какъ развитіе внутренней жизни, а съ нимъ вмѣстѣ и способность углубляться въ загадки бытія привели бы его, безъ сомнѣнія, къ банкротству еще болѣе ощутительному, чѣмъ первое. Философъ на его мѣстѣ непремѣнно бы сказалъ: вотъ я покончилъ разсчеты съ жизнью; послѣ бури я присталъ къ гавани и теперь спокоенъ. И повторялъ бы это до тѣхъ поръ, пока эта мысль не опротивѣла бы ему и не привела къ апатіи и тому убѣжденію, что все на свѣтѣ глупо и ничтожно.

А тогда ужъ о трудѣ не могло бы быть и рѣчи. Но этотъ простой человѣкъ не задавался философскими вопросами: онъ съ утра бралъ топоръ и отправлялся въ пущу, потомъ готовилъ себѣ пищу, занимался хозяйствомъ и, можетъ быть, самъ не сознавалъ своего спокойствія, но эти ежедневныя занятія казались ему настолько важными, что стоило для нихъ жить. Такимъ образомъ у него проходили дни за днями.

Это былъ человѣкъ трезвый, какъ всѣ американцы, наконецъ, какъ всѣ люди, не принадлежащіе къ вырождающимся расамъ. Онъ не нуждался въ рефлексіяхъ: его вполнѣ удовлетворяла сама жизнь. Онъ даже не самъ выбралъ эту отшельническую жизнь, но бросился въ нее по необходимости, а послѣ полюбилъ ее. Въ одномъ только отношеніи уединеніе наложило на него философскій отпечатокъ: онъ не придавалъ большой цѣны деньгамъ.

Но это общая черта всѣхъ сквэтеровъ. Дѣйствительно, въ горахъ, степяхъ и вообще въ пустынѣ, когда опустишь руку въ карманъ и вынешь изъ него нѣсколько бѣлыхъ и желтыхъ кружковъ, то не можешь удержаться отъ усмѣшки и чувства презрѣнія къ той вещи, которую невольно уважаешь въ городахъ, и которая здѣсь, въ пустынѣ, часто не стоитъ порохового заряда или куска вяленаго мяса.

Другой особенностью сквэтера, общей всѣмъ отшельникамъ, была его религіозность. Когда костеръ сталъ гаснуть, и сонъ свинцомъ палъ на наши вѣки, онъ пошелъ молиться, а затѣмъ мы рѣшили лечь спать. Сквэтеръ хотѣлъ непремѣнно уступить мнѣ свой шатеръ, который состоялъ изъ куска полотна, развѣшаннаго на вѣтвяхъ, подъ которымъ есть только одно мѣсто; но я предпочелъ почевать вмѣстѣ съ Неблупгомъ въ начатомъ домѣ. Хозяинъ принесъ намъ нѣсколько вязокъ мха, я зажегъ фонарикъ, и мы пошли стлать себѣ постели. На полу домика была масса стружекъ и различныхъ кусковъ дерева. Я попросилъ Макса сгрести все это въ сторону и, оставивъ фонарь, пошелъ къ вьюкамъ за одѣяломъ, такъ какъ здѣсь ночью, въ особенности подъ утро, бываетъ холодно. Я забралъ изъ вьюковъ всѣ запасы, чтобы ихъ ночью не съѣли шакалы или еноты; затѣмъ посмотрѣлъ на лошадей, чтобы онѣ не запутались въ лассо, позвалъ собаку и вернулся въ домикъ.

Придя туда, я засталъ Макса убивающимъ прикладомъ ружья скорпіона. Въ стружкахъ онъ нашелъ ихъ нѣсколько и выбросилъ за двери, но послѣдній разсердилъ его своей величиною. Вскорѣ къ намъ зашелъ сквэтеръ и, посмотрѣвъ на это, спокойно сказалъ:

— О, у меня подъ шатромъ ихъ тоже много.

У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— А можетъ быть, и въ этомъ мху есть нѣсколько штукъ? — спросилъ я, указывая на вязки.

— А можетъ быть,—отвѣтилъ сквэтеръ.

— А если онъ укуситъ?

— Э, пѣтъ, не укуситъ!

Не знаю, менѣе-ли злы эти животныя здѣсь, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, или менѣе ядовиты, но на нихъ не обращаютъ почти никакого вниманія.

Я, однако, выбросилъ остальныя стружки и тщательно пересмотрѣлъ весь мохъ.

— Сюда заползаютъ и гремучія змѣи,—сказалъ сквэтеръ намъ на прощаніе,—поэтому посовѣтовалъ бы вамъ положить вокругъ дома лассо, но такъ какъ у васъ есть барсукъ, то безпокоиться нечего.

Сквэтеры, когда имъ приходится ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣ много змѣй, разстилаютъ вокругъ этого мѣста волосяное лассо, черезъ которое гремучая змѣя не можетъ переползти. Но присутствіе нашего барсука устраняло опасность, такъ какъ укушеніе змѣи не причиняетъ никакого вреда этимъ животнымъ. Наконецъ, эти несчастныя пресмыкающіяся преслѣдуются съ неслыханной ненавистью всѣмъ живущимъ здѣсь населеніемъ.

Наконецъ, сквэтеръ ушелъ, и мы легли спать. Максъ уснулъ сейчасъ, а я не могъ. Лежа на спинѣ, я смотрѣлъ на звѣзды, такъ какъ крыши на домѣ не было, и со страхомъ прислушивался къ голосамъ изъ пущи. Я не трусливѣе всякаго другого жителя съ береговъ Вислы или Нѣмана, но эта ночь, дикая мѣстность и рычаніе, доносившееся изъ лѣса, разстроили мнѣ нервы. Кто иронически улыбается, услыхавъ это искреннее признаніе, пусть пріѣдетъ сюда. Впрочемъ, я не боялся большихъ звѣрей, но мнѣ каждую минуту казалось, будто мохъ подо мною поднимается: вѣроятно, это скорпіонъ; то чудилось, что въ стружкахъ слышенъ какой-то подозрительный шорохъ: навѣрно, это гремучая змѣя. Постоянно что-нибудь въ этомъ родѣ. Притомъ ночью и въ такой тишинѣ кажется, что этотъ вой и рычаніе раздаются не далѣе, какъ въ двадцати шагахъ; иногда слышишь ихъ тутъ же, за стѣною, или почти надъ самымъ ухомъ, и тогда невольно хватаешься за ружье. Наконецъ, нервы мои расходились до послѣдней степени.

«Развѣ,—задавалъ я себѣ вопросъ, глядя на черный уголъ стѣны,— не можетъ сейчасъ показаться на этомъ срубѣ пара свѣтящихся глазъ, принадлежащихъ, напримѣръ, пумѣ? Быть можетъ, это не случится и черезъ тысячу ночей, а можетъ случиться и въ одну. Кто мнѣ поручится, что эта ночь не одна изъ такихъ ночей».

Потомъ я вспомнилъ, что пума никогда первая не нападаетъ. «Ну, такъ и я не буду ее трогать,—пусть себѣ живетъ!» Размышляя такимъ образомъ, я чувствовалъ себя миролюбиво настроеннымъ ко всему роду пумъ, и по временамъ мнѣ даже казалось, что я ихъ искренній приверженецъ.

Меня успокаивало то обстоятельство, что Максъ спитъ вмѣстѣ со мною, и что у какого бы то ни было животнаго нѣтъ никакого осно-

ванія съѣсть именно меня. Этотъ недостатокъ эгоизма уносилъ меня такъ далеко, что я уже заранѣе представлялъ себѣ, какъ мнѣ будетъ жаль того, кто будетъ съѣденъ.

Однако, кромѣ шутокъ, я самъ не знаю почему, но меня больше всего раздражали эти неизвѣстно кому принадлежащіе голоса. Одинъ изъ нихъ безпрестанно выкрикивалъ на ближайшихъ скалахъ: «А га-га!» Я былъ почти увѣренъ, что это птица,—слѣдовательно, ничего нѣтъ опаснаго, но почему-то онъ мнѣ надоѣдалъ больше всего. На слѣдующее утро я узналъ, что такъ кричатъ горныя куропатки, прозванныя сквэтерами mountain quels.

Наконецъ, кто не слышалъ никогда завыванія шакаловъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какіе гробовые звуки и какая мрачная скорбь и уныніе слышатся въ этихъ голосахъ. Даже сквэтеры, привыкшіе ко всякимъ впечатлѣніямъ пустыни, не могутъ удержаться отъ проклятій, услыхавъ эти замогильные стоны и вопли. Я тоже отчасти былъ знакомъ съ ними, такъ какъ слышалъ ихъ не разъ въ Лэндингѣ, однако, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

По временамъ этотъ концертъ, какъ бы по мановенію дирижерской палочки, моментально умолкалъ, даже собаки переставали лаять, только храпѣніе Макса нарушало ночную тишину. Въ эти антракты я пробовалъ заснуть. Утомленіе незамѣтно стало превозмогать всѣ другія чувства. Звѣзды надъ головою начинали смѣшиваться, дрожать и какъ будто подпрыгивать, слухъ постепенно притупился, мысли и образы слились между собою въ хаотическомъ безпорядкѣ, и, наконецъ, я уснулъ.

Вѣроятно, я уснулъ около полуночи, а часовъ въ пять меня разбудилъ отчаянный лай собаки. Небо уже блѣднѣло, звѣзды гасли. Боясь, какъ-бы какой-нибудь опасный звѣрь не подошелъ къ лошадямъ, я взялъ ружье и пошелъ посмотрѣть, что случилось. Утромъ нервы обыкновенно бываютъ спокойнѣе, кромѣ того, я спалъ, хотя и недолго, но какъ убитый, поэтому выспался отлично и бодро пошелъ къ лошадямъ. Собаки не унимались, но лошади лежали спокойно подъ деревьями; я хотѣлъ уже вернуться въ домъ, какъ вдругъ услыхалъ чей-то голосъ:

— Good day, sir!

Это былъ мой сквэтеръ, тоже вышедшій посмотрѣть на лошадей и пасѣку.

— Доброе утро!—отвѣтилъ я, направляясь къ дверямъ.

— Сэръ, если хотите идти на оленей, то уже пора.

— All right! Разбудить Макса?

— Пускай спитъ. Онъ не можетъ спокойно усидѣть въ засадѣ.

Я бы еще съ наслажденіемъ поспалъ, но мнѣ совѣстно было отказываться отъ охоты ради сна, и потому я осмотрѣлъ ружье, взялъ сумку съ зарядами, затѣмъ мы выпили водки, съѣли по куску вчерашняго жаркого и пустились въ путь.

Въ этой странѣ промежутокъ между разсвѣтомъ и восходомъ солнца гораздо короче, чѣмъ у насъ; поэтому нужно было торопиться, чтобы до разсвѣта быть уже на мѣстѣ. Мы шли вверхъ по теченію ручья по отвратительной дорогѣ, заваленной большими камнями и почти впотьмахъ, такъ какъ лианы, растущія на вершинахъ скалъ, не пропускали свѣта.

Я долженъ былъ употреблять всѣ силы, чтобы не упасть. Нерѣдко ручей заливалъ все пространство между скалами, и тогда мы принуждены были идти по водѣ. Въ первой прогалинѣ, черезъ которую въ нашъ ручей впадалъ другой, меньшій, передъ нами мелькнула сѣроватая тѣнь, вѣроятно, дикой кошки. Желая выказать свое проворство, я прицѣлился, но прежде, чѣмъ я успѣлъ выстрѣлить, сквэтеръ отвелъ дуло въ сторону. Послѣ онъ мнѣ объяснилъ, что выстрѣлъ, произведенный на такомъ близкомъ разстояніи отъ засады, могъ-бы испортить всю охоту.

Дорогой онъ научилъ меня, какъ я долженъ держать себя на охотѣ; въ особенности-же совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ, терпѣливымъ и не торопиться съ выстрѣломъ, хотя-бы мнѣ казалось, что звѣрь уже замѣтилъ меня и убѣгаетъ. Все это я старался запомнить, а тѣмъ временемъ мы вышли на болѣе открытое мѣсто. Вмѣсто скалистыхъ стѣнъ съ одной стороны возвышалась довольно крутая гора, а съ другой шла небольшая равнина, вся заросшая лаврами. Мы засѣли за двумя густыми кустарниками, по эту сторону ручья, напротивъ горы. Нужно было почти затаить дыханіе. Становилось все свѣтлѣе. Наконецъ, первые лучи утренней зари подернули розовой дымкой вершины горъ, поросшія чапаралемъ. Тогда только я замѣтилъ тропинку, которая ясно обозначалась обвалившимися камнями и осыпавшимся пескомъ на всемъ протяженіи горы отъ верхнихъ кустарниковъ до самаго ручья. Я не могъ понять, какъ животное могло сойти съ такого крутого ската, не упавъ внизъ головою. Вскорѣ, однако, я убѣдился, что это возможно, неожиданно увидавъ высунувшуюся изъ чапараля оленью голову. Сердце сильно забилось во мнѣ, и я осторожно приложилъ прикладъ ружья къ щекѣ. Но стрѣлять еще было рано, притомъ я хотѣлъ доказать, что обладаю самымъ драгоцѣннымъ качествомъ охотника—терпѣніемъ. Меня отдѣляло отъ этой головы разстояніе не менѣе трехсотъ ярдовъ, но воздухъ до того былъ прозраченъ, что я ее видѣлъ, какъ на ладони. Тогда-то въ первый разъ я составилъ себѣ понятіе о той неслыханной осторожности, съ какой олени и антилопы приближаются къ источнику. Глаза животнаго были открыты, ноздри сильно раздувались, вдыхая утреннее благоуханіе.

Я думалъ, что онъ никогда не выйдетъ изъ кустовъ. Прошло около десяти минутъ, а олень все еще стоялъ, поворачивая во всѣ стороны голову и прислушиваясь. Но вотъ за головою показалась шея, потомъ грудь, а затѣмъ олень снова остановился. Наконецъ, я увидѣлъ это прелестное животное во всей его красѣ.

Это былъ самецъ, вышиною около четырехъ футовъ, съ большою головой, выпуклыми глазами и вѣтвистыми рогами, которые онъ закидывалъ на спину, когда поднималъ голову. Шкура на немъ была желтовато-сѣраго цвѣта, только на животѣ покрыта бѣлою шерстью; ноги тонкія и высокія, причемъ заднія выше переднихъ. Выйдя изъ кустовъ, онъ съ минуту прислушивался, обнюхивалъ воздухъ, наконецъ, маленькіе каменья начали съ шумомъ скатываться. Онъ спускался съ горы.

Кто изъ опытныхъ охотниковъ помнитъ, какое ощущеніе онъ испытывалъ при видѣ крупнаго звѣря, выходящаго на выстрѣлъ, тотъ пойметъ, что испытывалъ я, тогда еще новичокъ въ охотничьемъ дѣлѣ. Я охотился на водяныхъ птицъ въ Севастополѣ, надъ Козумпесъ, на ку-

ропатокъ и зайцевъ въ Анагеймѣ, на барсуковъ около Орэндуса, на шакаловъ и морскихъ птицъ въ Лэндингѣ, по такую крупную дичь, почти вдвое больше нашей серны, я видѣлъ въ первый разъ въ жизни. А между тѣмъ песокъ и камни съ необыкновенно монотоннымъ однообразіемъ падали и падали внизъ. Животное каждую минуту останавливалось, прислушиваясь и осматриваясь вокругъ. Прошло съ полчаса, а оно еще не прошло и половины дороги; вдругъ оно обернулось и прыгнуло назадъ, словно внезапно испуганное.

Я удержался. Сквэтеръ не напрасно предупреждалъ меня, что олени употребляютъ этотъ маневръ, чтобы вызвать изъ засады хищниковъ. Черезъ минуту олень снова началъ спускаться къ ручью, но все это совершалось такъ же медленно, какъ и раньше. Давно уже мое терпѣніе не подвергалось такому испытанію. Рука моя онѣмѣла, сердце учащенно билось... Ярдовъ пятьдесятъ... Пора!—шепчетъ нетерпѣніе. Ярдовъ сорокъ... тридцать; самъ сквэтеръ, вѣроятно, удивляется, что я не стрѣляю. Ярдовъ двадцать пять!.. Не могу больше: спускаю курокъ! Звукъ пронесся по скаламъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла. Пораженный конической пулей, олень, какъ камень, скатился на дно ручья.

— All right!—произнесъ сквэтеръ.

IV.

Изъ пущи.

Теперь въ горномъ каньонѣ началась для меня лѣсная жизнь, на видъ однообразная, но не лишенная впечатлѣній. Я вставалъ ежедневно на разсвѣтѣ и спускался въ оврагъ, гдѣ уже пылалъ костеръ, а сквэтеръ готовилъ завтракъ. Предметомъ нашего разговора за завтракомъ были большей частью приключенія прошедшей ночи. Иногда еноты дѣлали набѣги на пасѣку; иногда мы находили поблизости слѣды большихъ животныхъ, тогда рѣшали сдѣлать на нихъ облаву; то говорили о приближавшемся дождливомъ времени и необходимости заготовить запасы, которые можно было пріобрѣсти только въ городѣ, до наступленія дождей, такъ какъ во время половодья сообщеніе между каньонами и городомъ прекращается.

Послѣ завтрака, кончавшагося обыкновенно до восхода солнца, сквэтеръ бралъ топоръ и принимался за постройку, а я съ ружьемъ отправлялся къ оленьимъ тропинкамъ. Бывали дни, когда я возвращался съ пустыми руками, но это случалось тогда, когда я не соблюдалъ надлежащей осторожности; чаще же всего я приносилъ то антилопу, то дикую козу. Мясо этихъ животныхъ мы разрѣзали на тонкіе куски и коптили или сушили на солнцѣ. Въ десять часовъ мы ложились на мху около потока и отдыхали до двѣнадцати. Въ эту пору такъ жарко, что даже зимою невозможно ни работать, ни ходить по горамъ. Послѣ двѣнадцати часовъ, когда вѣтеръ, ежедневно дующій со стороны Тихаго океана, освѣжитъ воздухъ, я бралъ двухстволку для мелкой дичи и шелъ стрѣлять птицъ.

Я билъ фазановъ, скрывающихся въ кактусахъ и убѣгающихъ при приближеніи охотника, а также большихъ горныхъ куропатокъ, которыхъ милліоны водятся на скатахъ горъ и у ручьевъ. Во время этихъ прогулокъ я часто встрѣчалъ гремучихъ змѣй. Эти пресмыкающіяся любятъ выползать на ярко освѣщенные камни и грѣться на солнцѣ. Обыкновенно они скрывались, увидѣвъ меня издалека, но иногда приходилось съ ними бороться. Однажды, выйдя на разсвѣтѣ, я замѣтилъ на дорогѣ змѣю. Я думалъ, что она сейчасъ-же уйдетъ, какъ это всегда бывало; но она выпрямилась до половины туловища и, закинувъ назадъ голову, начала шипѣть. Я могъ тогда къ ней хорошо присмотрѣться. Конецъ хвоста, поднятый кверху, такъ быстро двигался то направо, то налѣво, что звонъ дрожавшихъ колецъ сливался въ одинъ довольно высокій звукъ. Змѣя, очевидно, была чѣмъ-то раздражена или сыта до такой степени, что ей лѣнь было сдвинуться съ мѣста. Однако, когда я къ ней подходилъ сбоку, она выпрямлялась все болѣе и поворачивала голову соотвѣтственно моимъ движеніямъ. Продолжалось это довольно долго, но я не видѣлъ въ этомъ ничего для себя опаснаго, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ могъ убѣжать.

Наконецъ, съ помощью охотничьяго ножа я срѣзалъ длинный лавровый прутъ и, очистивъ его отъ листьевъ, подошелъ ближе. Змѣя тотчасъ-же выпрямилась, какъ свѣча, и хотѣла уже броситься на меня, но была убита ударомъ прута.

Отрѣзавъ ей хвостъ, я насчиталъ семнадцать погремушекъ, что означало ея семнадцатилѣтній возрастъ; слѣдовательно, она была стара и опасна. Съ тѣхъ поръ я собралъ уже большую коллекцію этихъ хвостовъ, такъ какъ, не считая добытыхъ мною самимъ, я пріобрѣлъ болѣе двадцати штукъ отъ сквэтеровъ и индѣйцевъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣютъ до одиннадцати погремушекъ, хотя часто попадаются и гораздо старше. Въ Сапъ-Франциско, напримѣръ, я видѣлъ змѣю, на хвостѣ которой было сорокъ погремушекъ.

Возвращаюсь къ своей охотѣ на птицъ. Добыча почти всегда была въ высшей степени обильна. Стрѣляя по цѣлымъ днямъ, а иногда и при лунѣ, я пріобрѣталъ все болѣе и болѣе навыка. Къ тому же этимъ успѣхамъ въ охотничьемъ искусствѣ способствовало необыкновенно быстрое совершенствованіе слуха и зрѣнія. Правда, что [этому способствовали очень благопріятныя гигіеническія условія. Въ Варшавѣ я иногда писалъ до трехъ-четырехъ часовъ ночи; здѣсь же ложился съ закатомъ и вставалъ на разсвѣтѣ. Но главная причина этого изощренія чувствъ заключалась въ самой жизни, дикой и лѣсной. Необходимость зорко всматриваться въ темную лѣсную чащу и расщелины скалъ, напряженное вниманіе, съ какимъ это дѣлается,—вотъ настоящая гимнастика, съ помощью которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ чувство это укрѣпляется и заостряется, какъ бритва.

Все это касается зрѣнія. То же самое можно сказать о слухѣ. Насколько ночью въ горахъ бываетъ шумно, настолько днемъ, въ особенности въ часы зноя, въ пущѣ бываетъ тихо. Слухъ, привыкшій къ этой тишинѣ, не нарушаемой ни шумомъ, ни людскимъ говоромъ, ни голосами животныхъ, становится въ концѣ концовъ такимъ чуткимъ и впечатли-

тельнымъ, какъ слухъ узника, живущаго въ заточеніи. Внимательное вслушиваніе на охотѣ и уединеніе развиваютъ его еще болѣе. Наконецъ, доходишь до того, что, по словамъ Мицкевича, слышишь: «какъ мотылекъ колышется на травкѣ, какъ змѣя скользкою грудью прикасается къ растеніямъ». Часто, когда я сидѣлъ и писалъ въ недостроенномъ домѣ, а Джэкъ работалъ за нѣсколько сотъ ярдовъ въ оврагѣ, я такъ отчетливо слышалъ, какъ онъ обращался къ собакѣ, что могъ повторить каждое слово. Конечно, этому способствовала и природная акустика скалъ, благодаря которой ружейный выстрѣлъ, передаваемый отъ скалы къ другой, грохочетъ, какъ громъ, и повторяется многократнымъ эхомъ, прежде чѣмъ вырвется изъ овраговъ и заглохнетъ въ чащѣ лѣсовъ.

Стрѣльба занимала у меня большую часть дня, а въ остальное время я писалъ. Какая-то непреодолимая сила заставляла меня дѣлиться съ читателями этой горной идилліей, до того оригинальной, что мнѣ самому она казалась мечтой или какимъ-то сномъ, рѣдко выпадающимъ на долю людямъ моего поприща, притомъ такой здоровой и успокоивающей, точно представляла начало второй молодости.

Однако, легче было желать, чѣмъ привести это желаніе въ исполненіе. Не говоря уже о томъ, что мои одеревенѣлые и часто искалѣченные о скалы пальцы не хотѣли держать перо,—были еще другія затрудненія. Письменныя принадлежности я всегда вожу съ собою, но у Джэка нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ, ни тому подобныхъ вещей, которыя намъ кажутся *такими необходимыми, но* на которыя сквэтеры смотрятъ, какъ на ненужную, излишнюю роскошь городской жизни. Джэкъ сидѣлъ въ оврагѣ на камнѣ, обѣдалъ на камнѣ, а ночью ложился на мху подъ шатромъ. По всей вѣроятности, если-бы у него даже и были стулья, то онъ бы не пользовался ими. Правда, онъ говорилъ, что, окончивъ постройку дома, постарается устроиться иначе, но играютъ-ли въ его намѣреніяхъ столы и стулья какую-нибудь роль, это мнѣ неизвѣстно.

Итакъ, мнѣ нужно было подумать объ устройствѣ болѣе удобнаго кабинета, такъ какъ иначе я не могъ сосредоточиться и предаться исключительно своему занятію. Изъ свободнаго шкафообразнаго улья я устроилъ себѣ съ помощью только одного топора превосходный столъ, въ которомъ былъ даже ящикъ для храненія бумаги; что-же касается кресла, то я воспользовался примѣромъ мексиканцевъ. Живя еще въ Анагеймѣ, я посѣщалъ такъ называемыя estanzia, т. е. пастушескія селенія. Такія селенія бываютъ обыкновенно въ степи и состоятъ изъ шалаша, кое-какъ сколоченнаго изъ досокъ, и изъ скотнаго двора или коралля, въ которомъ можетъ помѣститься нѣсколько сотъ штукъ скота, пасущагося днемъ въ степи. Мексиканцы и метисы, обитающіе въ этихъ селеніяхъ, ведутъ почти первобытную жизнь. Днемъ они разъѣзжаютъ по степи, наблюдая за скотомъ, а вечеромъ сидятъ въ шалашахъ вокругъ костра изъ кукурузныхъ стеблей и играютъ въ карты, причемъ пьютъ, ссорятся и дерутся. Столовъ и стульевъ у нихъ тоже нѣтъ, а всю обстановку составляютъ воловьи черепа, поставленные вокругъ стѣнъ. Вечеромъ вакеросы ставятъ ихъ около костра и садятся между рогами. Такъ сдѣлалъ и я. Отыскавъ въ оврагѣ нѣсколько бычачьихъ скелетовъ, я выбралъ самый большой черепъ, принесъ его домой и, привязавъ между роговъ связку

мха, устроилъ себѣ великолѣпный стулъ, въ которомъ могъ сидѣть съ такимъ-же удобствомъ, съ какимъ Вольтеръ сидѣлъ въ своемъ креслѣ.

Съ тѣхъ поръ я сталъ писать почти каждый день и, прежде чѣмъ одинъ случай, о которомъ я разскажу позднѣе, не оторвалъ меня отъ работы, я окончилъ все то, что послалъ вамъ. Въ это время у меня явилось еще одно занятіе. Джэкъ Гаррисонъ, или мой Робинзонъ, строилъ домъ уже мѣсяца два, и было весьма вѣроятно, что прежде, чѣмъ онъ окончитъ крышу и покроетъ ею стѣны, пройдетъ еще не мало времени.

Это меня бы не очень безпокоило, если-бы не то обстоятельство, что, по мѣрѣ приближенія осени, ночи становились все холоднѣе, а къ утру падала такая обильная роса, что мое верхнее толстое одѣяло промокало насквозь. Это стало дурно отзываться на моемъ здоровьи, тѣмъ болѣе, что днемъ жара доходила до ста слишкомъ градусовъ по Фаренгейту. Джэкъ предлагалъ мнѣ свой шатеръ, но я не воспользовался имъ, во-первыхъ, потому, что не хотѣлъ занимать его мѣсто, а во-вторыхъ, потому, что шатеръ этотъ не давалъ никакой защиты, такъ какъ состоялъ изъ куска дыряваго полотна, развѣшаннаго на палкахъ. Я рѣшилъ, что лучше всего помочь Джэку въ постройкѣ; съ этого времени эхо ежедневно повторяло удары двухъ топоровъ. Работа начала подвигаться несравненно быстрѣе. Правда, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о плотничьемъ искусствѣ, но двѣ руки, хотя-бы и неумѣлыя, могутъ оказать въ этомъ случаѣ неоцѣненную услугу. Прежде, напримѣръ, Джэкъ долженъ былъ ходить за нѣсколько англійскихъ миль за бревнами и могъ съ трудомъ притащить одно тонкое бревно,—теперь мы приносили по два, а иногда и по три, связавъ ихъ веревками. Мнѣ пришло на мысль употребить въ дѣло моего мустанга, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ единственною дорогою въ глубину чащи было дно потока, мѣстами заваленное камнями, а мѣстами такое глубокое, что не только лошади, но и человѣку ежеминутно угрожала опасность свалиться. Я купилъ эту лошадь у Неблунга за восемь долларовъ, что составляло довольно высокую цѣну, такъ какъ у индѣйцевъ и метисовъ можно купить такую же за пять долларовъ, въ особенности прибавивъ еще стаканъ водки. Но Максъ взялъ ее съ собою въ горы вовсе не для продажи, а только изъ любезности ко мнѣ и для того, чтобы на обратномъ пути можно было забрать купленные въ Лэндингѣ товары. Между тѣмъ въ день отъѣзда Макса у меня явилось желаніе непремѣнно купить этого мустанга. Максъ сначала не соглашался, но потомъ рѣшилъ, что подъ товаръ онъ можетъ въ Анагеймѣ нанять другую лошадь, и дѣло состоялось.

Впослѣдствіи оказалось, что я не сдѣлалъ очень выгодной покупки. Это былъ, дѣйствительно, молодой трехлѣтній конь, чалой масти, довольно рослый и сильный, но, какъ большая часть мустанговъ, дикій и злой. При мексиканскихъ сѣдлахъ, употребляемыхъ въ Калифорніи и чуть-ли не во всей Америкѣ, огромныя деревянныя стремена покрываются кожей, предохраняющей ноги ѣздока отъ лошадиныхъ зубовъ. Какъ только ѣздокъ забудется хоть на минуту и опуститъ поводья, степной конь тотчасъ-же поворачиваетъ голову и старается укусить за что попало. Кромѣ упомянутыхъ недостатковъ, мой конь имѣлъ еще и тотъ, что не

позволялъ подступится къ себѣ. Когда я, желая осѣдлать его, подходилъ къ нему, онъ поводилъ налитыми кровью глазами, кусалъ и рылъ копытами землю, такъ что я принужденъ былъ затягивать изо всей силы вокругъ его шеи лассо и тогда могъ съ нимъ дѣлать, что угодно. Впрочемъ, только въ первые мѣсяцы трудно съ нимъ поладить. Впослѣдствіи животное привыкаетъ къ существу, которое его кормитъ, поитъ и ходитъ за нимъ. Постепенно отношенія становятся довольно дружескими. Что касается моего мустанга, то напрасно я въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль старался его умиротворить, напрасно каждый день въ извѣстное время кормилъ ячменемъ, кукурузой и клеверомъ: онъ выросъ, похорошѣлъ, но не переставалъ дичиться. По временамъ я сомнѣвался, чтобы наши отношенія могли когда-нибудь измѣниться къ лучшему.

Джэкъ посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я попробовалъ подѣйствовать на него голодомъ. Я послѣдовалъ его совѣту и для этого нарочно привязалъ къ дереву покороче лассо, чтобы лошадь не могла достать сочной травы, обыкновенно растущей подъ дубами, а самъ ушелъ. Въ полдень я напоилъ его, но ѣсть не далъ. Вечеромъ принесъ въ жестянкѣ немного кукурузы, отпустилъ лассо и, ставъ поодаль, крикнулъ: «Поди сюда!» Мустангъ по обыкновенію прижалъ уши, дернулъ нѣсколько разъ за веревку, но не подходилъ. Я опять затянулъ веревку и ушелъ. На слѣдующій день повторилось то же самое. Между тѣмъ трава на томъ маленькомъ пространствѣ, гдѣ онъ могъ ее захватить, была уже выщипана. Голодъ сталъ его одолѣвать все сильнѣе. Въ полдень онъ уже подошелъ къ жестянкѣ и съ жадностью сталъ ѣсть кукурузу. Я бралъ его за уши, чего онъ больше всего боялся, гладилъ его, но онъ стоялъ смирно. Съ этихъ поръ, принося ему пищу, я становился все дальше. Онъ всегда подходилъ ко мнѣ, и, наконецъ, дошло до того, что какъ только я показывался, онъ подбѣгалъ ко мнѣ съ ржаніемъ такъ близко, насколько позволяла веревка, становился на-дыбы, скакалъ, но уже отъ радости, какъ собака, привязанная къ цѣпи. Въ то время, когда онъ ѣлъ, я осыпалъ его ласками, а потомъ онъ уже самъ ласкался.

Тогда только я убѣдился, что можно сдѣлать съ лошадью старательнымъ и заботливымъ уходомъ. У моего мустанга, какъ и у остальныхъ, была длинная мохнатая шерсть и взъерошенная грива. Послѣ мѣсячнаго тщательнаго ухода, во время котораго я его на ночь покрывалъ одѣяломъ, ежедневно чистилъ и досыта кормилъ, шея его изогнулась въ прекрасную дугу, въ глазахъ засвѣтились умъ и спокойствіе, грива стала тонкой и нѣжной, а шерсть—блестящей,—однимъ словомъ, изъ него вышелъ совершенно породистый конь, на котораго впослѣдствіи мексиканцы и индѣйцы смотрѣли съ нескрываемой завистью.

Но какъ мексиканцы, такъ и индѣйцы совсѣмъ не занимаются своими лошадьми. Возвращаясь съ дороги, мексиканецъ снимаетъ сѣдло, а лошадь выгоняетъ въ степь, какъ у насъ на Украйнѣ дѣлаютъ казаки, а затѣмъ и знать о ней не хочетъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы мексиканецъ чистилъ коня или давалъ ему кормъ. Лошадь у нихъ живетъ тѣмъ, что сама найдетъ. Правда, зимою и весною сама природа о нихъ заботится, но въ іюлѣ и августѣ, когда солнце сжигаетъ траву въ порошокъ, а прерія напоминаетъ растрескавшееся гумно,—ло-

пади мрутъ съ голоду и поддерживаютъ свою жизнь, обгрызая листы вербъ, растущихъ у высохшихъ ручьевъ. Легко понять, что при такихъ условіяхъ онѣ поневолѣ дѣлаются злыми и дикими. Живя большую часть года въ стадѣ, онѣ не видятъ человѣческаго лица, а если иногда и появится какой-нибудь человѣкъ, то единственно для того, чтобы набросить на испуганное стадо длинное лассо, поймать лошадь, полузадушить ее, потомъ осѣдлать и вонзать ей въ бока такія шпоры, какія во время оно въ Европѣ носили средневѣковые рыцари.

Если бы не это варварское степное воспитаніе или, вѣрнѣе, отсутствіе всякаго воспитанія, то мустанги, въ жилахъ которыхъ течетъ кровь старинныхъ испанскихъ лошадей, прибывшихъ вмѣстѣ съ арабами въ Испанію съ востока еще въ 711 году, могли бы превратиться въ прекрасную породу, особенно для верховой ѣзды. Доказательствомъ этого служатъ мустанги южнаго Техаса, дрессируемые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и на скачкахъ одерживающіе верхъ надъ чистокровными канадскими; цѣна ихъ доходитъ до баснословныхъ цифръ. Вообще же мустанги не отличаются красотою. У нихъ обыкновенно большая голова, выпуклый лобъ, мохнатая шерсть и обросшія ноги, но при этомъ они очень выносливы. Мексиканцы никогда иначе не ѣздятъ, какъ галопомъ. Лишь только лошадь почувствуетъ на себѣ ѣздока, какъ тотчасъ выбрасываетъ переднія ноги и пускается въ галопъ, не измѣняя хода, хотя бы ей пришлось бѣжать безъ остановки двадцать, тридцать англійскихъ миль. Ѣздокъ въ это время качается на сѣдлѣ, какъ въ гамакѣ, крутитъ «cigarittas», распѣваетъ: «O dolce amiga!» и отъ времени до времени поправляетъ на головѣ свое огромное «sombrero», когда вѣтеръ слишкомъ сдвинетъ его на затылокъ.

Если лошадь не ходитъ въ стадо, но постоянно служитъ одному и тому же человѣку, то со временемъ становится понятливой и исправной, что особенно замѣтно при набрасываніи лассо. Когда ѣздокъ забрасываетъ петлю, опытный мустангъ моментально поднимается на дыбы, а затѣмъ изо всѣхъ силъ бѣжитъ въ противоположную сторону, затягивая такимъ образомъ въ петлю схваченную добычу. Я видѣлъ у нѣкоторыхъ вакеросовъ до того выдрессированныхъ лошадей, что на звукъ свистка онѣ во весь опоръ прибѣгали изъ степи. Такія, однако, встрѣчаются очень рѣдко и высоко цѣнятся.

Мустанги, проданные въ города, скоро привыкаютъ къ упряжи, по вслѣдствіе того, что ихъ запрягаютъ слишкомъ молодыми, они выглядятъ заморенными и похожи на нашихъ крестьянскихъ лошадей. Но больше всего они пригодны для вьюковъ, что чаще всего практикуется въ степяхъ при перевозкѣ небольшихъ тяжестей.

Мой мустангъ, какъ вьючная лошадь, прекрасно исполнялъ свою обязанность. Ко всякому мексиканскому сѣдлу, кромѣ высокой луки впереди, прикрѣплено отъ шести до восьми паръ ремней. Къ этимъ-то ремнямъ я, во время болѣе продолжительныхъ поѣздокъ, привязывалъ мѣшки съ кукурузой и мукой, небольшіе боченки съ виномъ и водкой, кромѣ того, одѣяла и ружье, причемъ все это, вмѣстѣ взятое, составляло не менѣе ста фунтовъ, не считая меня. Съ такою-то тяжестью лошадь галопировала по нѣскольку англійскихъ миль, а я сходилъ съ нея только въ

такихъ мѣстахъ, гдѣ *боялся сломать себѣ шею*. Однако, когда мы съ Джэкомъ, устроивъ изъ пострмковъ шлею, попробовали заставить его возить бревна, онъ началъ метаться какъ бѣшеный, и я тотчасъ же отпрягъ его, боясь, какъ бы онъ не искалѣчился. Съ этихъ поръ мы переносили балки и бревна для стропилъ на собственныхъ плечахъ.

Больше всего времени у насъ *отнимали доски*, такъ какъ, за неимѣніемъ большой пилы, ихъ приходилось тесать топоромъ, къ тому же изъ цѣлаго дерева у насъ выходила только одна доска, такая тяжелая и грубая, что она скорѣе была похожа на плохо обтесанную балку, чѣмъ на доску. Соорудивъ, наконецъ, остовъ крыши, мы прибили эти доски длинными гвоздями къ стропиламъ. Въ двѣ недѣли мы вытесали десять досокъ, кромѣ того у Джэка было заготовлено вдвое больше этого, такъ что черезъ недѣлю домъ былъ готовъ. Мы съ гордостью и удовольствіемъ *смотрѣли на дѣло своихъ рукъ, хотя, если бы посмотрѣть на него* менѣе благосклоннымъ окомъ, можно было бы желать многаго. Домъ состоялъ изъ одной комнаты, вмѣщающей двѣ постели изъ мха, нѣсколько бычачьихъ череповъ и мой письменный столъ. Дверь мы устроили довольно правильно, изъ трехъ короткихъ досокъ, и прикрѣпили ее на петляхъ, купленныхъ Джэкомъ вмѣстѣ съ другимъ старымъ желѣзомъ въ Анагеймѣ, но окопъ со стеклами не было, да Джэкъ и не заботился объ этомъ, такъ какъ въ здѣшнемъ климатѣ безъ нихъ можно было свободно обойтись.

Днемъ отверстія въ задней стѣнѣ пропускали свѣта болѣе, чѣмъ нужно, а на ночь, ради теплоты, мы закрывали ихъ шторами изъ толстаго полотна. Основательная, нѣсколько неуклюжая и достаточно покатая крыша предохраняла насъ отъ дождя, слѣдовательно, все обстояло благополучно, или «all right». Окончивъ домъ, мы окопали его ровъ во избѣжаніе заползанія змѣй; затѣмъ не оставалось ничего больше, какъ обсадить его фиговыми, померанцевыми, абрикосовыми деревьями и миндальными кустами.

Но все это нужно было отложить, потому что прежде всего мы должны были заняться заготовленіемъ запасовъ на дождливое время. Но въ это время здоровье начало мнѣ измѣнять. Тяжелый, усиленный трудъ на жарѣ, доходящей до ста градусовъ по Фаренгейту, вызвалъ у меня сильныя головныя боли, а сидѣніе въ холодныя ночи у костра — такой насморкъ, какой могъ быть только въ допотопное время. Кромѣ того ночью, когда собаки поднимали тревогу, а какія-нибудь опасныя животныя завывали вблизи, приходилось вылѣзать изъ теплой постели, брать ружье и обходить вокругъ дома и насѣки, а иногда стрѣлять на воздухъ, но больше всего мерзнуть. Однажды ночью, мой мустангъ, очевидно, испуганный шакаломъ, началъ такъ сильно рвать лассо и такъ въ него запутался, стараясь вырваться, что мнѣ пришлось около часу распутывать затянутые имъ узлы. Это было въ четыре часа утра, т. е. въ самую холодную пору.

Я положительно окоченѣлъ и весь слѣдующій день долженъ былъ пролежать во мху.

Если бы это случилось не въ такомъ здоровомъ климатѣ, то я, навѣрно, схватилъ бы лихорадку или воспаленіе легкихъ. Но о лихорад-

кахъ здѣсь и понятія не имѣютъ, что же касается моихъ легкихъ, то они, въ противоположность сердцу, не легко воспаляются. Почтенный Джэкъ весь этотъ день поилъ меня японскимъ чаемъ, а вечеромъ принесъ отваръ какихъ-то травъ, какъ оказалось, весьма полезныхъ. На другой день я чувствовалъ себя такъ хорошо, что могъ съ разсвѣтомъ пойти на охоту.

Расположеніе и заботливость, выказываемыя въ отношеніи меня Джэкомъ, расположили къ нему мое сердце. Джэкъ былъ хотя и не ученый, но человѣкъ элементарно-образованный, какъ и всякій американецъ, притомъ обладалъ достоинствами, рѣдкими даже въ людяхъ высоко образованныхъ. Онъ былъ только нѣсколько угрюмъ и неразговорчивъ; хотя вечеромъ, у костра, подолгу бесѣдовалъ со мною, но за работой мы не обмѣнивались ни единымъ словомъ. Такая неразговорчивость въ свѣтскомъ человѣкѣ означала бы дурное расположеніе духа или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но у Гаррисона это была только привычка человѣка, живущаго въ одиночествѣ. Напротивъ, я думаю, что людей съ такимъ ровнымъ характеромъ, какъ сквэтеры, а въ особенности Джэкъ, трудно встрѣтить. Измѣнчивость настроенія бываетъ слѣдствіемъ возбужденныхъ нервовъ, сквэтеры же не знаютъ, что такое нервы, притомъ здоровы, какъ дубы. Кромѣ того, врожденная твердость характера у американцевъ и отсутствіе мелочности не допускаютъ раздраженія изъ-за пустяковъ.

Я уже упомянулъ, что отсутствіе мелочности составляетъ общую черту всѣхъ американцевъ, и повторяю еще разъ, что нѣтъ въ мірѣ народа, соединяющаго въ себѣ столько недостатковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинствъ чисто мужского характера. Американецъ не обладаетъ французской живостью, не способенъ къ такимъ нѣжнымъ чувствамъ и тонкимъ душевнымъ ощущеніямъ, какъ французъ или полякъ. Янки смотритъ на жизнь просто: мелочи и пустяки не существуютъ для него. Онъ во всемъ твердъ и постоянепъ, умѣетъ любить, но не сантиментальничать; умѣетъ ненавидѣть, но не кусать исподтишка. Онъ гнушается сплетнями, женской болтливостью и легкомысленнымъ вышиваніемъ скандалезныхъ рисунковъ на канвѣ людской чести. Когда онъ ненавидитъ, то возмущается и дѣйствуетъ открыто, но не подкапывается; когда работаетъ—щепки летятъ; когда тратитъ деньги — бросаетъ сотни долларовъ, какъ сухіе листья. Онъ не понимаетъ искусства сбереженія центовъ. Если богатѣетъ, то создаетъ милліоны,—банкротится—тоже на милліоны. Женщину онъ почитаетъ, какъ высшій даръ Божій, и часто позволяетъ ей водить себя за носъ именно потому, что не мелоченъ и смотритъ на нее, какъ влюбленный левъ. Наконецъ, онъ любитъ свои United States, гордится ими, и если республикѣ угрожаетъ опасность, онъ не раздумываетъ, не озирается, но снимаетъ съ гвоздя свой Kentucky rifle, рычитъ, какъ буйволъ, и все общество встаетъ, какъ одинъ человѣкъ

Кому такая характеристика покажется преувеличенной или слишкомъ общей, тому я замѣчу, что ея представителей я не искалъ и не находилъ въ большихъ городахъ, гдѣ всѣ выкроены по одной мѣркѣ, но тамъ, гдѣ настоящая Америка, гдѣ ея мощь, ея будущность, т. е. въ маленькихъ селеніяхъ, многочисленныхъ фермахъ, на границахъ, на по-

бережьяхъ, въ горахъ, среди менѣе богатаго населенія. Я не могу передать, какой это молодой, полный орлиной мощи и кипучихъ силъ народъ, и какъ бы я хотѣлъ, чтобы сюда пріѣхало полечиться одно знакомое мнѣ общество, гдѣ общественное благо уподобляется мелкой монетѣ, вышедшей изъ обращенія, гдѣ все измельчало, а энергія и трудъ существуютъ только на словахъ, гдѣ мужчины страдаютъ нервами и малокровіемъ, но зато неутомимо треплютъ языки и разносятъ своимъ дамамъ свѣже испеченныя сплетни.

Что же касается сквэтеровъ, то они представляютъ хотя, быть можетъ, и исключительные, но превосходные типы, обобщающіе характеръ цѣлаго народа. Въ особенности осѣдлые сквэтеры, несмотря на внѣшнюю грубость, по большей части люди честные и кроткіе, такъ какъ, живя въ уединеніи, они не испытываютъ разочарованій и сомнѣній, обыкновенно портящихъ характеръ. Такою кротостью обладалъ и Джэкъ. Темпераментъ у него былъ холодный, а трудъ поглощалъ энергію. Кромѣ того, хотя по природѣ онъ не особенно былъ склоненъ къ размышленіямъ, но жизнь, достойная Робинзона, выработала въ немъ привычку къ сосредоточенію и самосозерцанію. Разъ, во время одной изъ нашихъ интимныхъ бесѣдъ у костра, онъ сказалъ, что ему иногда кажется, будто существуютъ два Джэка: одинъ, строящій домъ, рубящій дрова, готовящій пищу въ оврагѣ; другой, ничего не дѣлающій и только присматривающій за первымъ. Онъ сказалъ это совершенно просто, пересыпая свою рѣчь обычными восклицаніями: «by God! by God!» да, впрочемъ, эта мысль и явилась у него благодаря мнѣ, но и этого было достаточно для выработки въ этомъ характерѣ истинно философской кротости. Положимъ, внѣшній Джэкъ разсердился на какого-нибудь шакала или енота и готовъ былъ убить его, — внутренній Джэкъ смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, а можетъ быть, и говорилъ: «Стыдись!» Подъ вліяніемъ этихъ словъ всякое стремленіе переступить границы обыкновеннаго образа дѣйствій гасло, какъ пламя свѣчи отъ дуновенія вѣтра.

Случается, однако, что человѣкъ, живущій въ уединеніи, размышляетъ не только за себя, но и за окружающую его природу. Я пробовалъ узнать, не задавалъ ли себѣ Джэкъ вопроса, существуетъ ли какая-нибудь мысль въ этихъ огромныхъ скалахъ, перерѣзывающихъ небосклонъ, въ этихъ ручьяхъ, покрывающихъ серебряной сѣтью скаты горъ; въ деревьяхъ и зарослякъ, въ мірѣ животныхъ и, наконецъ, въ солнцѣ и звѣздахъ? Я хотѣлъ убѣдиться, существовало ли въ его сознаніи представленіе о духѣ природы, или хотя бы слабый намекъ на сознаніе всебытія? Мнѣ часто случалось читать о такихъ простакахъ философахъ. Таковъ, наприм., былъ Жильятъ въ «Труженикахъ моря», населявшій мысленно воздухъ невидимымъ животнымъ міромъ и до того слившійся съ природою, что она полюбила его и открыла ему свои тайны. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что ничего подобнаго не нашелъ въ Джэкѣ. Какъ всякій лѣсной житель, такъ и онъ зналъ все окружающее, зналъ, когда нѣкоторыя деревья сбрасываютъ старые листья, чтобы одѣться въ новые; зналъ цѣлебныя свойства травъ и деревьевъ; понималъ языкъ горъ, когда онѣ, окутавшись туманомъ, предвѣщали на слѣдующій день дождь; словомъ, читалъ предвѣщанія въ мірѣ природы,

какъ по книгѣ, но никакія «зачѣмъ и почему?» не приходили ему, какъ Гейневскому дураку, въ голову. Когда я заговорилъ съ нимъ объ этомъ, онъ отвѣтилъ мнѣ словами библіи: «Богъ создалъ міръ для того, чтобы человѣку было гдѣ жить и чѣмъ питаться».

Такой взглядъ на вещи объяснялъ все, поэтому я нашелъ излишнимъ говорить еще что-нибудь по этому поводу. Джэкъ былъ попросту религіозный человѣкъ, такъ же, какъ и почти всѣ осѣдлые скваттеры. Въ этомъ заключалась поэтическая сторона его натуры. Вечеромъ, когда костеръ въ оврагѣ погасалъ, онъ уходилъ на холмикъ между каменьями и, обнаживъ голову, возносилъ очи къ небу и творилъ молитву. Въ это время онъ казался мнѣ олицетвореніемъ величественной поэтической силы, преклоняющейся передъ силой высшей. Лунное сіяніе обливало серебристымъ свѣтомъ его энергичное лицо съ чертами, точно высѣченными изъ камня. По временамъ мнѣ казалось, что я живу въ первые вѣка христіанства и вижу предъ собою какого-то варвара-кимвра, полагающаго свою твердую душу къ Божьимъ стопамъ. Чуждыя для моего слуха слова молитвы еще болѣе усиливали иллюзію: «Our Fatger, who are in heaven, halloved be thy name» (Отче нашъ и т. д.) возглашалъ Джэкъ, глядя на звѣзды. Потомъ онъ понижалъ голосъ, какъ монахъ, читающій молитвенникъ; затѣмъ слова до слуха моего долетали отрывочныя торжественныя слова: «Give us this day our daily bread». Молитва обыкновенно продолжалась недолго, но если въ небесной вышинѣ чьи нибудь уши слышатъ голоса, несущіеся съ земли, то они должны были услышать этотъ голосъ изъ пустыни.

Послѣ нѣкотораго времени нашей совмѣстной жизни Джэкъ предложилъ мнѣ остаться съ нимъ навсегда.

— Въ городахъ у людей гораздо больше заботъ,—говорилъ онъ мнѣ,— а здѣсь спокойно. Разведемъ пчелъ, сколько захотимъ, вырубимъ вдвое больше лѣса, посѣемъ кукурузу, ячмень, табакъ, посадимъ вокругъ дома фиговыя, померанцовыя деревья и бѣлаго миндаля. Со временемъ здѣсь поселятся люди, земля значительно поднимется въ цѣнѣ, а тогда, если меня не станетъ, вы сдѣлаетесь собственникомъ моего и своего клема, что вмѣстѣ составитъ такую ферму, какой, «by God! by God!», нѣтъ отъ оксана вплоть до Сухого озера! Въ лѣсу живется спокойнѣе,— останьтесь.

Была минута, когда это искушеніе улыбнулось мнѣ и очаровало, какъ лѣсная волшебница. Конечно, меня прельщало не наслѣдіе Джэка. Онъ мнѣ ничего не давалъ. Край тамъ пустой, земля никѣмъ не занята,— значитъ—я, какъ и всякій другой, могъ взять ее болѣе, чѣмъ въ состояніи былъ обработать. Но я находилъ особенное очарованіе въ этой идилліи и въ жизни на лонѣ природы, въ этой столь тихой гавани, что никакая буря не проносится надъ нею. Однако, съ каждымъ днемъ первоначальное очарованіе стало терять свою силу. Неизвѣстныя еще мнѣ моря, страны и народы, славное поприще путешественника, его борьба, побѣды, пораженія, наконецъ, будущая минута возвращенія подъ родной кровъ, когда можно будетъ у отчаго порога отряхнуть чуждый прахъ отъ ногъ своихъ,— все это заговорило во мнѣ съ непреодолимой силою, и я сказалъ Джэку, что, какъ птицей прилетѣлъ я въ эти горы, такъ птицей и улечу отсюда.

II.

Это было во второй половинѣ октября. Часу въ двѣнадцатомъ дня кругомъ воцарилась такая тишина, что горы, скалы и лѣса, казалось, были объяты волшебнымъ сномъ. Ни одинъ листъ не шелохнулся на деревьяхъ. Сидя за письмомъ въ домѣ, я слышалъ, какъ спѣлые желуди, шелестя по листьямъ, ударялись о землю. Жара была невыносимая, въ комнатѣ стало до того душно, что я былъ не въ состояніи писать и бросилъ перо. Сердце и пульсъ ускоренно бились. Я не понималъ, что это значитъ: боленъ-ли я, или въ природѣ совершается что-то необыкновенное. Я хотѣлъ спросить объ этомъ у Джэка, но онъ часъ тому назадъ ушелъ купаться и не возвращался еще домой. Въ ожиданіи его я легъ на мху и сталъ отирать потъ, обильно выступавшій у меня на лбу.

Между тѣмъ становилось все душнѣе. Я уже не сомнѣвался, что у меня начинается какая-то болѣзнь, какъ вдругъ услыхалъ издалека тяжелые шаги Гаррисона. Черезъ минуту онъ вошелъ въ комнату; щеки его раскраснѣлись, но глаза были мутны, а лобъ такъ же, какъ и у меня, былъ весь покрытъ крупными каплями пота.

— Что съ вами, Джэкъ?—спросилъ я его.

— Санта-Анна-виндъ!—отвѣтилъ онъ.

Я уже зналъ, что это значитъ. Читатель, посмотрѣвъ на подробную карту Калифорніи, легко замѣтитъ двѣ почти параллельныя цѣпи горъ: Санта-Анна и Санъ-Бернардино. Меньшая и болѣе низкая цѣпь Санта-Анна тянется ближе къ океану, а солидная Санъ-Бернардино возвышается въ глубинѣ страны, образуя какъ-бы хребетъ ея южной части.

За этими горами Калифорнія тянется еще далеко на востокъ, вплоть до рѣки Колорадо, составляющей границу Аризоны. Вся эта часть представляетъ изъ себя одну ровную песчаную пустыню, кое-гдѣ прерываемую сыпучими холмами и безыменными озерами, въ которыхъ въ теченіе большей части года не бываетъ воды. Самое большое изъ этихъ озеръ носитъ названіе Dry-Lake, что значитъ Сухое озеро. Послѣ зимнихъ дождей пустыня на короткое время превращается въ чудную, зеленѣющую прерію, но это лишь мгновенная улыбка природы на этомъ огромномъ кладбищѣ песчаныхъ кургановъ. Рѣка Колорадо, служащая границей между Аризоной и Калифорніей, не составляетъ вовсе границы пустыни. Правда, берега рѣки, плодородные и покрытые растительностью, тянутся, точно зеленая лента, вплоть до залива Трехъ Королей, но за рѣкою опять начинается пустыня и, обнимая большую часть Аризоны, простирается на востокъ, до самыхъ горныхъ отроговъ, загромождающихъ средину этого штата, а на югъ—вплоть до мексиканской Соноры.

Около рѣки Джила, впадающей въ Колорадо, пустыня становится еще глуше. Эта часть даже носитъ названіе Gila-Desort. Ея сыпучіе *пески никогда не покрываются растительностью;* тамъ нѣтъ никакихъ жилищъ, ни бѣлыхъ людей, ни индѣйцевъ. Весной въ той части калифорнійской пустыни (между Санъ-Бернардино и Колорадо), въ которой озера наполняются водою, а трава покрываетъ впадины почвы,—тишина замѣняется шумной жизнью. Иногда стадо буйволовъ пронесется по степи, а за нимъ вдогонку скачутъ согнувшись индѣйскіе охотники; иногда

метисы гонятъ стада мустанговъ, или купцы, торгующіе быками, направляются въ восточныя пастушескія селенія; то зайдетъ траперъ изъ Прескота или Тускона; такъ бываетъ въ за-бернардинской части пустыни, но Джила всегда пуста, тиха, мертва и зловѣща.

Лѣтомъ же вся пустыня уподобляется Джилѣ. Я не напрасно назвалъ ее зловѣщей, такъ какъ все, исходящее оттуда, какъ-бы пресыщено дыханіемъ смерти. Въ этихъ-то горячихъ пескахъ саранча откладываетъ на зиму яйца, а весною цѣлыми тучами направляется на чудныя долины Калифорніи, оставляя послѣ себя лишенныя листьевъ деревья и обнаженную землю; отсюда же, изъ Джила и сухихъ озеръ, дуетъ вѣтеръ, называемый въ Анагеймской долинѣ Санта-Анна-виндъ.

Правильнѣе было-бы его назвать Дезеръ-виндъ или Джила-виндъ. Это—теченіе раскаленнаго воздуха, утратившаго въ пустынѣ всю свѣжесть и влагу и взамѣнъ этого пропитаннаго электричествомъ. Иногда вѣтеръ этотъ дуетъ и съ юга, со стороны «Счастливой Калифорніи», т. е. съ мексиканской стороны, отъ полуострова Калифорніи, представляющаго тоже пустыню. Но чаще всего онъ дуетъ съ востока, изъ Джилы. Для Калифорніи онъ является тѣмъ-же, чѣмъ является для Сициліи сирокко, для Испаніи—солано, а для Аравіи—самумъ. Онъ, вѣроятно, менѣе опасенъ, чѣмъ тѣ, и дуетъ только зимою и осенью, но все-таки разстраиваетъ нервы, сушитъ мускулы, свертываетъ листья на деревьяхъ и приводитъ въ страхъ животныхъ. Когда Джэкъ объявилъ мнѣ о близкомъ его наступленіи, я вышелъ изъ дому. Во всей природѣ, несмотря на тишину, чувствовалось какое-то напряженное состояніе, да и самая тишина казалась мнѣ мертвенной. Воздухъ потерялъ свою прозрачность. Атмосфера наполнилась не то пылью, не то дымомъ. Солнце, пробиваясь сквозь этотъ туманъ, утратило свой яркій, золотистый блескъ и свѣтило какъ-то болѣзненно, ржаво, тускло. Самый солнечный дискъ, лишенный лучей, подернутый мглою и красноватый, давалъ возможность безнаказанно смотрѣть на него, какъ въ закопченное стекло. Я думалъ, что это дымъ распространился откуда-нибудь въ воздухѣ.

— Джэкъ,—спросилъ я,—должно быть, это индѣйцы подожгли лѣсъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Джэкъ, — мнѣ кажется, что это пыль съ пустыни.

Но Джэкъ ошибался, такъ какъ пыль не могла подняться раньше вѣтра. Однако, на мой вопросъ, всегда-ли такъ бываетъ, онъ отвѣчалъ, что всегда. Въ это время задрожали дубы, зашелестѣли листьями и посыпали дождемъ желудей. Затѣмъ Джэкъ посовѣтовалъ мнѣ распустить узлы лассо, за которое былъ привязанъ мустангъ, который, безпокоясь во время урагана, могъ-бы задушить себя. Подойдя къ нему, я замѣтилъ, что шерсть на немъ была взъерошена, голова опущена, а ноздри касались земли. Я пустилъ лассо какъ можно свободнѣе. Возвращаясь, я увидѣлъ стаи разныхъ птицъ, летѣвшихъ изъ враговъ къ горнымъ склонамъ и пущѣ: розовыхъ египетскихъ голубей, обыкновенныхъ и горныхъ куропатокъ, голубыхъ фазановъ, пересмѣшниковъ, черныхъ дятловъ съ желтой грудью и красной головою. Сѣрые фазаны такъ близко бѣжали мимо нашего дома, что ихъ можно было стрѣлять изъ оконъ. Надъ лѣсомъ кружились орлы и вороны, но ежеминутно скрывались въ

и, однако, меня вмѣстѣ со всѣмъ этимъ выкинули за дверь; если же сегодня я выигралъ бы какихъ-нибудь пятьсотъ тысячъ, то завтра же они, навѣрно, съ радостью отдали бы мнѣ свою дочь. Завтра пришелъ бы сюда ея отецъ и тотчасъ раскрылъ бы мнѣ свои объятія.

Кто хочетъ быть купцомъ, пусть умѣетъ, по крайней мѣрѣ, считать, но вы, люди какъ будто трезвые, благоразумные, даже и этого не умѣете. Эта ваша пресловутая трезвость, это ваше благоразуміе ведутъ васъ только къ иллюзіямъ. Вы не умѣете считать, — слышите! Я говорю это не въ горячечномъ состояніи, не въ бреду, и это съ моей стороны вовсе не какія-нибудь чудачества. Любовь существуетъ, и, слѣдовательно, надо признать ее, какъ дѣйствительную цѣнность. Если бы явился какой-нибудь геніальный математикъ и реализировалъ бы вамъ ее на деньги,—вы тогда схватились бы за головы, увидѣвъ, что это за богатство. Она столь же позитивная вещь, столь же реальная, точно такъ же необходимая въ жизни, какъ деньги. Разсчетъ довольно простой: жизнь стоитъ столько, сколько въ ней есть счастья, а вѣдь, это громадный, колоссальный капиталъ, неисчерпаемый источникъ счастья. Это равняется здоровью и молодости. А у васъ такія простыя вещи не помѣщаются въ головѣ. Еще разъ повторяю: вы не умѣете считать! Милліонъ стоитъ милліонъ и ни гроша больше, вамъ же кажется, что, кромѣ того, онъ еще стоитъ столько, сколько всякое иное благо. Вслѣдствіе этой ошибки вы блуждаете въ совершенно искусственномъ мірѣ, видите вещи не въ ихъ дѣйствительной пропорціи и ошибаетесь въ цѣнахъ. Вы романтики, только вашъ романтизмъ плоскій, пошлый, потому что денежный и, кромѣ того, вредный, потому что ломаетъ и портитъ жизнь не только посторонникъ для васъ людямъ, но вашимъ собственнымъ дѣтямъ.

Толѣ было бы хорошо со мной, она была бы счастлива! Но если такъ, то чего же большаго вы хотите? Не говорите мнѣ, что и она сама отказалась бы отъ меня. Если бы воспитаніемъ вы не убили бы въ ней всякой самостоятельности, воли, искренности и смѣлости, я не сидѣлъ бы теперь одинокій, страдающій, угнетенный. Никто такъ не любилъ бы Толю, какъ я,—и никто не знаетъ лучше меня, что она чувствовала бы и какою была бы, если бы вы не отравили ея души.

А теперь я потерялъ и ее и вмѣстѣ съ нею многое другое изъ того, чѣмъ человѣкъ живетъ, какъ хлѣбомъ, и безъ чего умираетъ. Охъ, вы, мои предполагаемые родители, и ты, моя потерянная жена! Минутами я предполагаю, что вы, вѣроятно, не отдаете себѣ отчета въ томъ, что вы сдѣлали со мной, такъ какъ въ противномъ случаѣ вы вернули бы меня къ себѣ. Невозможно, чтобы вамъ не было жаль меня . . . . .

. . . . . .

Что толку въ укорахъ! Правота на моей сторонѣ. Все то, что мною написано,—сущая правда но, эта правда не вернетъ мнѣ Толи.

И въ этомъ заключается пропасть, бездна! — такъ какъ я положительно не могу понять, какимъ образомъ справедливость и правда могутъ ни къ чему не пригодиться. Вѣдь, міръ такъ же организованъ, какъ человѣческій умъ,—а потому откуда такое противорѣчіе, такая дисгармонія? Нѣтъ, я не въ состояніи писать долѣе.

Прошло уже не мало времени, и я опять берусь за перо. Пусть

устья расширяется, а каньонъ, состоящій изъ покрытыхъ лѣсомъ долинъ, становится все обширнѣе. Я хотѣлъ осмотрѣть также лѣсъ, окружавшій намъ домъ, но Джэкъ убѣдилъ меня, что такое большое животное, какъ лошадь, не могло пробраться сквозь чашу, переплетенную ліанами. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Вообще, было сомнительно, стоило-ли искать лошадь. Ночью ее могли съѣсть хищные звѣри, кугуары или рыси. Могли ее также украсть мексиканцы. Поиски были сопряжены съ большими затрудненіями и даже опасностью. Но я такъ привязался къ своему скакуну, что рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать его слѣды.

Наконецъ, по окончаніи постройки у насъ съ Джэкомъ работы было не много, а потому тотчасъ же послѣ завтрака мы занялись приготовленіями къ экспедиціи. Неизвѣстно было, сколько времени она протянется, въ виду этого каждый изъ насъ взялъ по небольшому мѣшечку сухарей и сушенаго мяса и, кромѣ того, вооружился, точно на войну, ружьемъ, револьверомъ и охотничьимъ ножемъ, не считая лассо, необходимаго въ случаѣ находки лошади.

Вооружившись такимъ образомъ, мы, прежде всего, пошли къ дереву, чтобы отыскать хоть какіе-нибудь слѣды. На травѣ было ихъ много: они образовали какъ будто тропинку, но это была та, по которой я обыкновенно водилъ лошадь на водопой. Изъ нея я не могъ вывести никакого заключенія; Джэкъ, однако, прилегъ на траву и, внимательно разсмотрѣвъ ее, воскликнулъ, по индѣйскому обычаю:

— Hugh!

Онъ нашелъ или, по крайней мѣрѣ, воображалъ, что нашелъ, свѣжій слѣдъ, хотя я не могъ отличить свѣжихъ слѣдовъ отъ старыхъ. Лошадь шла, какъ мы и предполагали, къ ручью. Это доказывали дальнѣйшіе слѣды, уклонявшіеся отъ дорожки. Лошадь могла пойти вверхъ по теченію ручья или внизъ, къ Анагейму. Мнѣ нужно было разстаться съ Джэкомъ.

Я выбралъ направленіе къ Анагейму, такъ какъ по этой дорогѣ ѣхалъ съ Неблунгомъ, хотя и ночью, но нѣсколько запомнилъ ее. Я позвалъ собаку и, закуривъ трубку, пошелъ. Утро послѣ бури было чудное. Вѣтерокъ со стороны океана приносилъ влагу и прохладу. Птички наперерывъ распѣвали по обѣимъ сторонамъ оврага. Въ мѣстахъ болѣе широкихъ, гдѣ ущелья замѣнялись долинами, берега ручья кипѣли жизнью. Черныя земляныя бѣлки сидѣли на заднихъ лапкахъ и грызли лавровые орѣшки, шевеля усиками. Собака моя радостно лаяла, а эхо громкимъ отголоскомъ далеко разносило этотъ лай. Это была минута той радости и пробужденія природы, когда и деревья, и цвѣты, и птицы и все живущее какъ будто восклицаетъ: «Эвоэ! Возрадуемся и возлюбимъ другъ друга!» Въ такую минуту даже у старца огонь жизни согрѣваетъ его иззябшіе члены, а у молодого кипитъ кровь, и будто крылья выростаютъ за плечами.

Приблизительно въ такомъ настроеніи былъ и я. Передо мною мелькали все новыя долины, новыя очертанія скалъ, новыя деревья. Вся дорога, по которой я проѣзжалъ раньше ночью, показалась мнѣ незнакомой. Въ особенности одна мѣстность осталась у меня въ памяти. До-

лина эта, простирающаяся приблизительно на двѣ квадратныхъ англійскихъ мили, не была такъ густо покрыта растительностью, какъ другія. Это былъ настоящій Версальскій паркъ въ пустынѣ, украшенный чудными группами деревьевъ и кустовъ, будто насажденныхъ руками садовника-художника. Прекрасныя темныя дубравы и живописно разбросанныя, прелестныя платановыя рощицы покрывали большую часть пространства; лавры красовались правильными клумбами; отдѣльныя деревья образовали какъ бы аллеи, конца которыхъ я не могъ видѣть. Трудно было повѣрить, чтобы сама природа расположила все такъ правильно и артистически. Середина долины, нѣсколько углубленная, была покрыта ярко-зеленой травою, свидѣтельствующей о влажности почвы. Высокіе кусты совершенно скрывались подъ навѣсомъ дикаго винограда, доходящаго до исполинскихъ размѣровъ. Иллюзія, что это, дѣйствительно, искусственныя бесѣдки, была такъ сильна и продолжалась до тѣхъ поръ, пока я, приблизившись къ одной изъ нихъ, не увидѣлъ выскочившей изъ-подъ листьевъ сѣрой съ черными крапинками дикой кошки.

Ни въ однѣхъ европейскихъ горахъ нѣтъ ничего подобнаго. Природа здѣсь какъ бы употребила всѣ усилія, чтобы создать роскошный паркъ съ изысканнымъ подборомъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, съ мастерской группировкой деталей, съ соотвѣтственной перспективой, до того обольстительной, что я смотрѣлъ и искалъ, не блеснетъ-ли издали, среди темной зелени деревьевъ, какой-нибудь мраморный дворецъ съ зеркальными стеклами, нарядными дамами на балконѣ, озеромъ у подножія и лебедями на его голубой поверхности *).

Но окрестность была пустынна и безмолвна, а тишина нарушалась только жужжаніемъ большихъ золотистыхъ мухъ, преслѣдуемыхъ птичками. Очарованный, я шелъ очень тихо и ежеминутно останавливался. Между тѣмъ солнце поднялось высоко и стало припекать. Отыскавъ покрытый мхомъ пригорокъ, я прилегъ подъ тѣнью дуба, съѣлъ кусокъ сухаря съ сушенымъ мясомъ и, поручивъ собакѣ сторожить меня, уснулъ.

Я спалъ такъ хорошо, что проснулся только около четырехъ часовъ. Солнце уже совершило большую часть обычнаго пути и склонялось къ западу. Я сообразилъ, что до ночи не успѣю добраться ни до пастушескихъ жилищъ, ни вернуться въ домъ Джэка. Однако, я предпочиталъ ночевать поближе къ жилью, а потому пошелъ впередъ. Паркъ скоро кончился, а амфитеатръ красныхъ скалъ снова съузился въ тѣсное темное ущелье. У самаго входа я встрѣтилъ всадника, какого-то стараго мексиканца, съ черными, на подобіе конской гривы, волосами и разбойничьимъ лицомъ. Мы вступили, по мексиканскому обычаю, въ чрезвычайно любезный разговоръ, титулуя другъ друга какъ можно чаще «ustedи caballero». Я спросилъ его о лошади, на что caballero, имѣвшій,

---

*) Потомъ я узналъ, что эта прелестная мѣстность, хотя еще безлюдная, имѣетъ уже свое названіе „Pic-nic-Place“, такъ какъ жители Анагейма, Орендже и Санта-Анна, а также окрестные фермеры съѣзжаются сюда разъ въ годъ и устраиваютъ грандіозный пикникъ. Земля эта принадлежитъ не правительству, но одной изъ многочисленныхъ „Land campany“ въ Калифорніи, обладающей огромными, но еще совершенно безлюдными пространствами. Отъ „Pic-nic-Place“ начинается еще незаселенная правительственная территорія.

замѣчу въ скобкахъ, видъ настоящаго мошенника, отвѣчалъ мнѣ, что лошади не видалъ, но видѣлъ слѣдъ сѣраго медвѣдя, чему, впрочемъ, я ни на минуту не повѣрилъ. Затѣмъ, съ истинно мексиканскою любезностью, извиняясь за свою нескромность «da hacer questiou», онъ сталъ разспрашивать, что я дѣлаю въ горахъ, имѣю-ли здѣсь знакомыхъ и гдѣ живу. Можетъ быть, онъ хотѣлъ узнать, можно-ли ему безнаказанно набросить на меня лассо въ ту минуту, когда я повернусь къ нему спиною, и завладѣть моимъ оружіемъ. Но я хорошо зналъ мексиканцевъ и, несмотря на всѣ usted, державъ палецъ на куркѣ, готовый раздробить черепъ этому мошеннику, если только замѣчу, что онъ отвязываетъ веревку. Я его вовсе не боялся и разговаривалъ съ нимъ насмѣшливымъ тономъ, что, видимо, его смущало, но все-таки рѣшилъ не трогаться съ мѣста, пока этотъ рыцарь не удалится отъ меня на разстояніе нѣсколькихъ взмаховъ лассо. Но лишь только я сказалъ, что живу у Гариссона, осторожность стала излишней. Caballero пришелъ въ неописанный восторгъ; онъ сказалъ, что знаетъ Джэка, что это знаменитый (considerable) и даже великій (grand) человѣкъ, а его друзья должны быть такими же, а затѣмъ ускакалъ впередъ. Очевидно, Джэкъ пользовался въ горахъ всеобщимъ уваженіемъ. Но, вообще, мексиканцы, склонные къ грабежу, чрезвычайно боятся сквэтеровъ, благодаря ихъ солидарности. За одного убитаго сквэтера, остальные, какъ бы далеко они ни жили, тотчасъ же собираются вмѣстѣ и до тѣхъ поръ бьютъ безъ пощады всѣхъ встрѣчныхъ индѣйцевъ и мексиканцевъ, пока эти послѣдніе сами не выдадутъ виновнаго.

Объ этой, во многихъ отношеніяхъ странной націи, я впослѣдствіи поговорю подробнѣе, теперь же замѣчу только, что виновнику не легко избѣжать Линча, такъ какъ разбойники, убивъ и ограбивъ человѣка, не скрываются тотчасъ же въ пущу, но пьянствуютъ въ ближайшихъ вентахъ, гдѣ ихъ обыкновенно и отыскиваетъ страшный «uncle Lynch».

Такого рода убійства случаются очень рѣдко, хотя казалось бы, что большія разстоянія между жилищами сквэторовъ должны были бы гарантировать преступникамъ безнаказанность. Но такъ какъ осторожность—лучшій проводникъ и стражъ путниковъ, то я пустился въ дальнѣйшій путь только тогда, когда любезный caballero удалился на добрый ружейный выстрѣлъ. Потомъ до меня доносилась только его пѣсенка и аккомпаниментъ къ ней, состоящій изъ ударовъ пожа о луку сѣдла. Я прошелъ еще четыре англійскихъ мили, но, наконецъ, солнце зашло; а такъ какъ въ этомъ климатѣ сумерки короче нашихъ, то и ночь наступаетъ раньше. Печальные предвѣстники мрака — шакалы уже нѣсколько разъ отзывались изъ покрытыхъ лѣсомъ долинъ, собака начинала безпокоиться, нужно было подумать о ночлегѣ. Пользуясь послѣдними лучами свѣта, я нарѣзалъ охапки четыре сухихъ вѣтвей отъ кустовъ, извѣстныхъ подъ именемъ чапараля и чамизаля, набралъ поломанныхъ Санта-Анна-видомъ сучьевъ, завалившихъ все русло ручья, и, выбравъ подходящее мѣсто между каменьями, развелъ костеръ.

Всю эту ночь я спалъ плохо, такъ какъ долженъ былъ поддерживать огонь. До меня доносились голоса различныхъ животныхъ, но я ничуть не безпокоился, имѣя возлѣ себя чуткую собаку, доброе ружье

и яркое пламя. Притомъ, единственно опасные здѣсь звѣри, кугуаръ и медвѣдь, встрѣчаются рѣдко и никогда сами не нападаютъ. Собака, въ свою очередь, поминутно отбѣгала отъ костра и, исчезая во мракѣ, громко лаяла. Съ разсвѣтомъ пущa утихла. Тогда-то я заснулъ мертвымъ сномъ и только въ девять часовъ отправился дальше. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ своего ночлега я наткнулся на маленькую гремучую змѣю, ползшую отъ одного камня къ другому. Хвостъ ея состоялъ изъ пяти колецъ.

Подвигаясь далѣе, я дошелъ до мѣста, гдѣ по обѣимъ сторонамъ ручья тянулась полоса мелкаго песку, смѣшаннаго съ желтой слюдою. Разъ уже эта слюда обманула меня надъ рѣкою Буземнесомъ (Macosine) въ окрестностяхъ Сакраменто, гдѣ я нашелъ цѣлыя розсыпи ея и вообразилъ, что въ моихъ рукахъ такія богатства, о какихъ не снилось и Ротшильдамъ, и что теперь имъ не остается ничего болѣе, какъ поступить ко мнѣ въ бухгалтеры. Помню,—смотрѣлъ я тогда и не вѣрилъ своимъ глазамъ: весь берегъ сверкалъ разноцвѣтными переливами; солнечные лучи преломлялись въ большихъ пластахъ; повсюду было золото и золото—хоть возами вози. Я началъ щипать себя, чтобы убѣдиться, что не сплю, и, набравъ полные карманы этихъ драгоцѣнностей, побѣжалъ къ моему земляку, капитану В., чтобы подѣлиться съ нимъ, какъ съ опытнымъ рудокопомъ, этой вѣстью, войти съ нимъ въ компанію и создать, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нѣсколько десятковъ скромныхъ милліардовъ. Большаго я не желалъ.

Читатель легко можетъ себѣ представить, какъ вытянулась у меня физіономія, когда старый рудокопъ разсмѣялся и, потряхивая на ладони моимъ богатствомъ, сказалъ коротко, но ясно: «Слюда». Въ свою очередь, я замѣчу, что какимъ бы философомъ не былъ путешественникъ, но, проходя по степямъ и горамъ Калифорніи, мысль, что во всякомъ углубленіи, во всякой грудѣ камней можно найти сокровища, ни на минуту не покидаетъ его. Какъ-то невольно поглядываешь, не сверкнетъ-ли изъ русла прозрачнаго источника богатая допотопная жила золотоносной руды, тѣмъ болѣе, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. На вопросъ, гдѣ въ Калифорніи золото, всякій безъ колебанія отвѣтитъ: вездѣ! Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его такъ мало, что обработка его превысила бы вдвое или втрое стоимость самаго металла, но въ то же время, если взять нѣсколько возовъ земли и всыпать ее въ промывательницу, то окажется, что золото и серебро составляетъ извѣстную часть ея атомовъ.

Я недавно имѣлъ передъ глазами любопытный примѣръ золотого кошмара, душащаго здѣсь всѣхъ. Однажды я, мой соотечественникъ—часовой мастеръ, поселившійся недавно въ Орендже, и одинъ сквэтеръ поѣхали въ селеніе, расположенное на берегу небольшого ручья. Послѣ ночи, проведенной въ телѣгѣ, соотечественникъ мой пошелъ умыться къ ручью. Не прошло и минуты, какъ онъ вернулся: лицо его было взволновано, а самъ онъ былъ безъ шляпы.

— Что съ вами?—спрашиваю я, полагая, что онъ встрѣтилъ какого-нибудь опаснаго звѣря.

— Тише!—отвѣчаетъ онъ, задыхаясь.

— Что же такое?

— Золото!

— Гдѣ?

— Подите, посмотрите.

Я пошелъ, хотя нисколько этому не повѣрилъ, такъ какъ мѣстные жители давно бы его замѣтили, если бы тамъ, дѣйствительно, было золото. Подойдя къ берегу, товарищъ указалъ мнѣ на небольшой круглый камень, на поверхности котораго сверкала металлическая полоса. Тогда повѣрилъ и я, и мы стали совѣтоваться, посвятить-ли въ эту тайну третье лицо. Наконецъ, мы рѣшили посвятить, такъ какъ это былъ порядочный и дѣльный человѣкъ. Онъ пришелъ и объяснилъ намъ, что эта металлическая черточка представляетъ ни что иное, какъ слѣдъ подбитыхъ мѣдными гвоздями башмаковъ, какіе обыкновенно носятъ фермеры.

Подобныя разочарованія, въ особенности со слюдою, случаются здѣсь ежедневно, тѣмъ болѣе, что ея вездѣ множество. Я видѣлъ ее на берегу океана въ Анагеймъ-Лэндингѣ, въ Вильмингтонѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Горные ручьи не особенно изобилуютъ ею, но гдѣ берегъ песчаный, тамъ осаждается и слюда.

Та, которую я нашелъ на берегу ручья, болѣе всего осаждалась въ ямкахъ, выдавленныхъ ногами звѣрей. Между этими слѣдами я искалъ слѣдовъ отъ копытъ моей лошади, но нашелъ только полуизгладившіеся оттиски оленьихъ копытъ и менѣе глубокіе, но широкіе и круглые слѣды рыси. Я начиналъ уже сомнѣваться, чтобы моя лошадь могла быть здѣсь, и хотѣлъ уже вернуться обратно, но чтобы удостовѣриться, рѣшилъ спросить о ней въ пастушеской сторожкѣ, находящейся у подошвы горы, и поэтому пошелъ дальше, какъ вдругъ случилось одно неожиданное обстоятельство. Ручей, теченія котораго я держался, наткнувшись на отвѣсную скалу, раздѣлился на два рукава, образуя, вмѣстѣ съ главнымъ русломъ, настоящую букву У. Я не зналъ, который изъ нихъ ведетъ къ подножію горъ и къ Анагейму. Мнѣ казалось, что лѣвый, поэтому я и избралъ его; но когда я прошелъ мили три, то лѣвый снова раздѣлился на два рукава. Очевидно, это была сѣть ручьевъ, которые обнимали значительное пространство горъ, а затѣмъ, по выходѣ изъ нихъ, протекали черезъ всю Анагеймскую долину и дальнѣйшія степи къ океану. Я понялъ, что заблудился. Я попалъ въ такіе пустынные и глухіе каньоны, что, казалось, человѣческая нога никогда еще не была здѣсь.

Берега ручья въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не загромождали скалы, были покрыты густымъ лѣсомъ. Вьющіяся растенія свѣшивались до самой воды и, перекидываясь съ одного берега на другой, загораживали дорогу, такъ что я принужденъ былъ расчищать ее ножомъ. Вся природа имѣла здѣсь первобытный характеръ. Мнѣ казалось даже, что и птицы тутъ менѣе боятся человѣка, нежели въ другихъ каньонахъ. Здѣсь царило какое-то невыразимое спокойствіе, какая-то мощь и величіе еще нетронутой природы. Дѣйствительно, всѣ эти каньоны еще не заселены, а во многихъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, никто еще не былъ.

Между тѣмъ я все шелъ впередъ, не особенно заботясь о томъ,

что заблудился. Я зналъ, что каждый ручей приведетъ меня въ концѣ концовъ къ подножію горъ, а затѣмъ въ долину, гдѣ расположены Анагеймъ, Санта-Анна, Оренджъ и проч. И дѣйствительно, въ полдень я началъ выходить изъ лабиринта горъ. Вершины скалъ по обѣимъ сторонамъ ручья становились все ниже, скалистый коридоръ превращался въ обширную долину, кругозоръ становился все шире. Наконецъ, я остановился и осмотрѣлся кругомъ.

Горы окончились. Я стоялъ на исполинской, футовъ въ двѣсти вышиною, террасѣ. Ручей падалъ съ нея внизъ по такому отвѣсному склону, что образовалъ почти водопадъ. У подножія террасы, среди зелени камедныхъ деревьевъ, бѣлѣлъ фермерскій домикъ; тамъ начиналась Анагеймская долина, широкая, необъятная, открытая, доходящая до самаго океана.

Опершись о ружье, я съ полчаса смотрѣлъ на эту чудную долину. На краю небосклона виднѣлась не то сѣрая мгла, не то туча, окрашенная пурпуромъ заката. Это былъ «Pacyfik», отецъ океановъ и всѣхъ морей. Въ холмахъ, выплывавшихъ изъ-за тумана, я узналъ острова Санта-Каталина и Каталина-Гарборъ, видѣнные мною еще во время пребыванія въ Лэндингѣ. Былъ закатъ солнца, а на небесномъ сводѣ надъ океаномъ разливался еще другой океанъ пурпура и золота. На долинѣ, сіявшей волшебными оттѣнками, я прежде всего увидѣлъ сухое, песчаное и широкое русло протекающей параллельно горамъ рѣки Санта-Анна. Далѣе темныя группы деревьевъ обозначали Анагеймъ и Оренджъ, а меньшія группы—фермы, разбросанныя по всей степи. Все это лежало у моихъ ногъ. Я смотрѣлъ на деревни и города, какъ птица съ подъоблачной высоты. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что все это громадное пространство было видно, какъ на ладони. Повсюду царила невозмутимая тишина. Прелестный, не омраченный ни одною тучкой закатъ, казалось, дышалъ невыразимой нѣгою и сладостнымъ спокойствіемъ. Надъ всей окрестностью какъ будто носилось благословеніе и миръ... Сердце у меня сжалось до боли, а съ устъ невольно сорвалась грустная пѣсенка:

„У насъ же иначе! иначе! иначе!“

Солнце уже зашло, когда я постучалъ въ дворъ дома, расположеннаго у подножія террасы. Оказалось, что въ немъ жилъ Михель, владѣлецъ большихъ стадъ рогатаго скота и мой хорошій знакомый еще съ Анагейма. Михель принялъ меня очень радушно и далъ превосходную постель, которая послѣ ночи, проведенной на голыхъ камняхъ, показалась мнѣ несравненной.

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, я отправился обратно въ горы.

IV.

Джэкъ, услыхавъ мои шаги, вышелъ радостно ко мнѣ навстрѣчу. Лошадь уже отыскалась. Джэкъ нашелъ ее миль за десять въ сторону отъ нашего ручья, въ сосѣднемъ каньонѣ, гдѣ было сквоттерское жилище нѣкоего Плезанта, тоже луизіанца. Джэкъ, говоря о немъ, назвалъ его истиннымъ королемъ горъ, такъ какъ онъ пользуется громад-

нымъ вліяніемъ среди всѣхъ окрестныхъ мексиканцевъ. Вліяніе это онъ пріобрѣлъ благодаря своему богатству, а главнымъ образомъ, благодаря женѣ, по происхожденію мексиканкѣ, женщинѣ въ высшей степени умной, каждое слово которой—законъ какъ для мужа, такъ и для всѣхъ ея черноволосыхъ родственниковъ. Джэкъ предложилъ мнѣ отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ, на что я охотно согласился и, считая разговоръ оконченнымъ, хотѣлъ было пойти къ лошади. Но Джэкъ, очевидно, хотѣлъ еще что-то сказать, потому что удержалъ меня, а затѣмъ сталъ пускать большіе клубы дыма изъ трубки и шутливо подмигивать.

— Ну, что еще новаго, Джэкъ?—спросилъ я.

— Гм... гм!..—пробормоталъ онъ.

— Вы хотите что-то сказать?

— Да. Вы очень утомлены?

— Немножко. А что!

— Да потому что къ Плезенту нужно бы идти сегодня на ночь.

— By God!

— Видите ли, сэръ, въ чемъ дѣло. У Плезента теперь въ гостяхъ человѣкъ пятнадцать его родственниковъ, мексиканцевъ, и всѣ они на коняхъ, вооруженные и съ лассо. Я долженъ вамъ сказать, что все это большіе плуты, но не въ этомъ дѣло, а знаете ли вы, зачѣмъ они съѣхались? Плезентъ нашелъ на пескѣ около своего ручья слѣды сѣраго медвѣдя; прослѣдивъ за нимъ два дня, онъ убѣдился, что «uncle grizzly» выбралъ себѣ логовище не далѣе, какъ въ двухъ миляхъ вверхъ по ручью.

— All right, Джэкъ,—быстро прервалъ я его.

— Плезентъ тотчасъ же послалъ за мексиканцами стараго Рамона, чтобы они съѣхались на охоту, что тѣ и сдѣлали. Привезли съ собою вина, которое и пьютъ все время, кромѣ того, играютъ въ карты и хвастаются другъ передъ другомъ своей храбростью, хотя—by God!—когда дойдетъ до дѣла, то, безъ сомнѣнія, будутъ трусить. Старый Рамонъ заходилъ и ко мнѣ, но я въ это время искалъ вашу лошадь. Кромѣ насъ, Плезентъ ожидаетъ еще двухъ братьевъ Шюрсбери. Завтра на разсвѣтѣ начнется охота. Согласны ли вы идти со мною?

Разумѣется, я не только согласился, но отъ радости чуть не обнялъ Джэка; затѣмъ мы вычистили оружіе, осмотрѣли все, какъ слѣдуетъ, и черезъ два часа отправились въ путь.

X.

Изъ пущи.

Уже поздно ночью пріѣхали мы съ Джэкомъ къ сквэтеру Плезенту. На слѣдующее утро должна была начаться охота на сѣраго медвѣдя.

Мѣстность, занятая Плезентомъ, представляетъ обширную долину, покрытую вѣковыми дубами; съ одной ея стороны тянется огромнымъ полукругомъ продолговатый рядъ горъ, поднимающихся отвѣсно, какъ стѣна; другая же, болѣе отлогая часть этой долины образуетъ потокъ. За по-

токомъ простирается другая долина, которая значительно ниже и замкнута высокими горами.

Вся окрестность, когда я на нее первый разъ взглянулъ при лунномъ свѣтѣ, показалась мнѣ въ высшей степени поэтической, какъ и большая часть сквэтерскихъ поселковъ, расположенныхъ въ каньонахъ. Одна долина болѣе возвышенная, другая болѣе низкая, затѣмъ, подобно амфитеатру, расположенныя полукругомъ горы образовывали какъ бы исполинскій римскій циркъ или родъ ступеней. У подножія ихъ въ скалистомъ корридорѣ шумѣлъ потокъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогою къ поселку. Ночь была уже поздняя, но свѣтлая. Луна освѣщала весь амфитеатръ горъ и арену долины. Вокругъ царила полнѣйшая тишина. Казалось, что представленіе только что окончилось; Цезарь покинулъ свое мѣсто, народъ разсѣялся по улицамъ города, а на аренѣ, на окровавленномъ пескѣ, покоятся вѣчнымъ сномъ тѣла гладіаторовъ. Издали нагроможденныя въ видѣ пирамидъ скалы напоминали при лунномъ освѣщеніи мрачную массу домовъ большого города. Такой оптическій обманъ производитъ иногда роскошная театральная декорація; поэтому-то мнѣ по временамъ казалось, что передо мною одна изъ самыхъ прелестныхъ декорацій, какія когда-либо мнѣ случалось видѣть.

Лай собакъ оповѣстилъ жителей долины о нашемъ прибытіи. Вскорѣ изъ-за дубовыхъ вѣтвей я увидѣлъ пылавшій костеръ и освѣщенныя багровымъ свѣтомъ стѣны бѣлаго домика. Вокругъ костра мелькали человѣческія фигуры или сидѣли кучками по индѣйскому обычаю. Взобравшись на высокій берегъ ручья, мы очутились во дворѣ. Въ это время вышедшій къ намъ навстрѣчу хозяинъ привѣтствовалъ моего товарища обычнымъ «Гало», а затѣмъ познакомился со мною.

Когда мы подошли къ костру, онъ представилъ меня своей женѣ, донѣ Рефуджіо, которая съ истинно испанской вѣжливостью оставила приготовленія къ ужину и вступила со мною въ разговоръ. Это была женщина лѣтъ сорока съ чрезвычайно правильными, но увядшими и какъ бы мертвенными чертами лица. Я въ жизни своей не встрѣчалъ такого печальнаго лица. На вопросъ мой о причинѣ этой печали мнѣ отвѣтили, что у донны Рефуджіо умерла молодая и любимая сестра отъ укушенія гремучей змѣи. Донна Рефуджіо, будучи бездѣтной, любила ее всѣми силами своей души, поэтому-то съ момента этой утраты никто не видѣлъ улыбки на устахъ осиротѣвшей.

Какъ гости, такъ и мужъ, очевидно, съ глубокимъ уваженіемъ относились къ ея скорби, такъ какъ всѣ выказывали въ отношеніи ея особенную заботливость, стараясь не только исполнять ея малѣйшія желанія, но почти угадывать ея мысли. Такое уваженіе удивляло меня тѣмъ болѣе, что въ донѣ была ясно замѣтна примѣсь индѣйской крови, что легко было узнать по чернымъ жесткимъ волосамъ и смуглому цвѣту лица. Но эти высшія существа, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всегда умѣютъ завоевать себѣ должный почетъ; донна же Рефуджіо, какъ я потомъ убѣдился, была необыкновенно умная и образованная женщина; она была какъ бы оракуломъ въ своей полудикой средѣ. Къ ней пріѣзжали за совѣтомъ и помощью со всей окрестности: изъ Анагейма, Ориенджа и даже изъ Лосъ-Ніетосъ, откуда она была родомъ, и гдѣ родители ея обладали

громаднымъ пространствомъ степи. Будучи по мужской линіи высокаго происхожденія, что въ глазахъ мексиканцевъ играетъ не малую роль, она по отцу была въ родствѣ со всѣми мексиканцами, а по матери—со всѣми метисами. Довольно значительное состояніе придавало еще болѣе силы и блеска ея уму и достоинствамъ.

Мужъ ея такъ же, какъ и мой товарищъ Джэкъ, былъ уроженцемъ Луизіаны и переселился въ Калифорнію послѣ междуусобной войны. Это былъ высокаго роста джэнтльменъ, года на два моложе жены, съ добродушными голубыми глазами и привѣтливымъ, хотя и энергичнымъ, лицомъ. Кромѣ того, я познакомился еще съ двумя сквэтерами изъ каньона Мадейра, братьями Шюрсбери, старшимъ—Сэмомъ, и младшимъ—Люціемъ. Сэмъ или Самуилъ былъ чистѣйшій типъ американца-піонера,—около шести футовъ ростомъ, съ лицомъ, напоминающимъ стараго волка, съ умнымъ, но хитрымъ взглядомъ, огромными костлявыми руками, такими же ногами, сухощавымъ, но сильнымъ тѣлосложеніемъ. По временамъ его лицо и фигура напоминали мнѣ Линкольна, который тоже представлялъ превосходный типъ янки. Во время разговора Сэмъ вытягивалъ впередъ свои исполинскія ноги и голову и, поглаживая свой обросшій подбородокъ, всегда начиналъ съ протяжнаго «wel». Кромѣ того, онъ постоянно жевалъ табакъ и ежеминутно сплевывалъ отвратительный красный сокъ. Въ этомъ выражалось проявленіе своего рода важности. Онъ былъ несравненнымъ охотникомъ, архитекторомъ, столяромъ, плотникомъ, кузнецомъ, печникомъ, словомъ, — всѣмъ. Такими всезнайками и мастерами на всѣ руки являются почти всѣ сквэтеры. Ремесламъ этимъ ихъ учатъ одиночество и необходимость всегда и вездѣ разсчитывать только на свои собственныя силы. Эти же условія развиваютъ въ нихъ также различныя нравственныя качества, какъ-то: увѣренность въ себѣ, высокую независимость характера, республиканскій образъ мысли, несокрушимую энергію, соединенную страннымъ образомъ съ нѣкоторой медлительностью и флегматичностью. Эти двѣ послѣднія черты легко могутъ ввести въ заблужденіе того, кто хотѣлъ бы видѣть въ этомъ признаки слабости и безпомощности. Напротивъ, онѣ вытекаютъ изъ хладнокровія, свойственнаго англо-саксонской расѣ, и привычки серьезно обдумывать всякое намѣреніе.

Сквэтеръ не спѣша обдумываетъ, соображаетъ, взвѣшиваетъ, но, предпринявъ что-нибудь, приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе, хотя бы это было сопряжено съ самыми невозможными затрудненіями.

Сэмъ соединялъ въ себѣ всѣ упомянутыя черты піонерскаго типа, поэтому я описалъ его нѣсколько пространнѣе. Люцій, который былъ болѣе чѣмъ на десять лѣтъ моложе, всю жизнь проводилъ въ скитаніяхъ по лѣсамъ. У него были свои пчелы, но за ними ходилъ старшій братъ, любившій его, какъ сына. Они жили вмѣстѣ, такъ какъ Люцію не хотѣлось строить домъ. Иногда онъ пропадалъ по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. За то возвращаясь, приносилъ въ изобиліи пумьи, медвѣжьи, рысьи и оленьи шкуры. Онъ слылъ превосходнымъ стрѣлкомъ. Во время своихъ экскурсій забирался въ пустыни по ту сторону Санъ-Бенардино, до самой Аризоны. Это былъ веселый парень, полагавшійся на свое ружье и мускулы, не заботящійся о завтрашнемъ днѣ и любящій приключенія.

Гости эти вмѣстѣ съ нѣсколькими мексиканцами сидѣли не въ домѣ, такъ какъ онъ состоялъ всего изъ одной комнаты, половину которой занимало супружеское ложе Плезентовъ, но возлѣ дома, около костра. Вслѣдствіе теплаго климата, жители горъ только спятъ подъ крышей, а остальное время проводятъ подъ открытымъ небомъ. Москитовъ, этой кары Божьей теплыхъ странъ, выпившихъ у меня столько крови у береговъ Тихаго океана въ Анагеймъ-Лэндингѣ, здѣсь вовсе нѣтъ, — слѣдовательно, ничто не препятствуетъ этой жизни на свѣжемъ воздухѣ. Впрочемъ, у Плезентовъ, какъ и вездѣ, недалеко отъ дома вызвышалась веранда, состоящая изъ четырехъ необтесанныхъ платановыхъ стволовъ, поддерживающихъ крышу, сплетенную изъ листьевъ и сухихъ лавровыхъ вѣтвей. Подъ сѣнью этого незатѣйливаго зданія хозяева проводили обыкновенно большую часть дня; теперь тамъ стоялъ столъ или, вѣрнѣе, доски, на которыхъ госпожа Рефуджіо приготовляла ужинъ. Огонь, поддерживаемый мексиканцами, ярко пылалъ, выбрасывая языки пламени почти до самой крыши веранды и покрывая закопченный котелъ, въ которомъ варилось мясо антилопы съ красной фасолью.

Рядомъ съ нимъ на сковородѣ клокотали, жарясь, корчась и шипя, какъ души грѣшниковъ, куски сала, любимаго мексиканскаго блюда. Японскій чай съ медомъ служилъ дополненіемъ къ ужину. Костеръ и окружавшіе его люди, когда я на минуту отошелъ въ сторону и взглянулъ на нихъ изъ темноты, представляли въ высшей степени оригинальную картину. Представьте себѣ, читатель, кровавые снопы пламени, сыплющіе дождемъ искръ, среди залитой лунным свѣтомъ атмосферы; деревья, казавшіяся мрачными отъ ночи, серебряными отъ луны и розовыми отъ блеска пламени. Представьте себѣ, что вы слышите потокъ, шумящій въ каменномъ ущельи, а вдали темный, величественный амфитеатръ горъ и скалъ, черными силуэтами рисующійся на серебристомъ фонѣ неба. Сидящія вокругъ костра фигуры усиливали еще романтическое очарованіе всей картины. Такъ и казалось, что видишь передъ собою разбойничью шайку изъ Калабріи или клефтовъ Пинды. Мексиканцы имѣли еще болѣе дикій видъ, чѣмъ Плезентъ, Сэмъ, Люцій и Джэкъ. Сидя, по индѣйскому обычаю, кучками у костра, они хранили на лицахъ выраженіе индѣйской серьезности, соединенной съ испанской гордостью, странно гармонировавшихъ съ изодранной одеждой, плохо прикрывающей нагія колѣни и локти. Мнѣ вспомнились видѣнные въ дѣтствѣ цыганскіе таборы. Тѣ же лица съ растрепанными волосами, тѣ же черныя, какъ воронова крыло, бороды, только ни съ чѣмъ несравнимая гордость и сознаніе собственнаго достоинства рѣзко отличали ихъ отъ цыганъ.

Всѣ эти кабаллеро были родственниками хозяйки и въ близкомъ родствѣ между собою. Знакомя меня съ ними, хозяева только перечислили имена, напримѣръ, Доротео, Франциско, Антоніо, Іисусъ и т. д., а фамилія у нихъ была общая: Сальвадоресъ и Гверра. Это были потомки нѣкогда богатаго рода, обладавшаго большими имѣніями, но, по мѣрѣ заселенія страны американцами, потерявшаго все и ушедшаго въ горы на кочевую жизнь.

Это, впрочемъ, судьба значительнаго большинства прежнихъ поземельныхъ собственниковъ испанскаго происхожденія. Болѣе ловкіе, тру-

долюбивые и предпріимчивые сѣверные американцы, мало-по-малу завладѣли ихъ землями, богатствомъ и значеніемъ, а гордые кабаллеро превратились въ мѣстный пролетаріатъ, живущій въ еще незаселенныхъ горахъ или пасущій стада въ степяхъ или, наконецъ, живущій въ работникахъ у фермеровъ.

Вслѣдъ за упадкомъ состоянія и значенія наступилъ упадокъ и нравственный. Мексиканцы—*превосходные и неутомимые работники*, но пьютъ еще болѣе, чѣмъ ирландцы; мексиканцы—конюха и скотники по цѣлымъ днямъ предаются карточной игрѣ и пьянству въ шалашахъ и вентахъ, а мексиканцы—сквэтеры, по большей части, праздные люди, живущіе Богъ знаетъ какъ и чѣмъ. Нѣкоторые занимаются извозомъ, торгуютъ лѣсомъ, вырубаемымъ въ пустынныхъ каньонахъ, несмотря на запрещеніе правительства; всѣ же чрезвычайно склонны къ дракѣ, воровству и грабежу.

Англо-саксонскій элементъ вытѣснилъ ихъ изъ сферы земледѣлія, торговли и промышленности не какими-нибудь насильственными мѣрами, предпринимаемыми правительствомъ, не запрещеніемъ принимать въ чемъ бы то ни было участіе наравнѣ съ другими, но просто превосходствомъ энергіи, предусмотрительностью и способностью къ организаціи.

Правда, есть еще въ Калифорніи нѣсколько мексиканскихъ семействъ, удержавшихъ за собою прежнюю зажиточность и значеніе, но и тѣ или растворятся въ новомъ элементѣ или подчинятся судьбѣ своихъ собратьевъ. *Излишество играетъ немаловажную и хорошо намъ извѣстную роль въ судьбѣ этихъ «moriturі»*. Богатый, хотя-бы очень богатый янки—все-таки труженикъ, работникъ; если онъ купецъ, то сидитъ въ лавкѣ, если земледѣлецъ, то самъ сѣетъ, пашетъ, боронитъ: словомъ, дѣлаетъ все вмѣстѣ съ рабочими, вмѣстѣ съ которыми садится и за столъ. Только что прибывшему европейцу не хочется вѣрить въ возможность такихъ отношеній, но это фактъ. Безпримѣрное уваженіе и любовь къ труду—*вотъ несокрушимая мощь*, на которой основана блестящая будущность янки. Повторяю, что янки—работникъ, иногда милліонеръ, иногда бѣднякъ, *но все-таки работникъ*. Мексиканецъ же,—*это противоположный полюсъ*, это антитеза янки.

Богатый мексиканецъ—это баринъ, въ европейскомъ значеніи этого слова. Въ Лосъ-Анджело я встрѣчалъ иногда джентльменовъ съ аристократической внѣшностью, въ черныхъ новомодныхъ сюртукахъ и въ безукоризненномъ бѣльѣ, рѣзко отличающемся отъ ихъ смуглой кожи, въ экипажахъ или верхомъ, часто съ пѣшей или конной прислугой. Аристократическія манеры и надменность, выражающаяся на ихъ лицахъ, обратили мое вниманіе. Я замѣтилъ, напримѣръ, что, желая что-нибудь купить, они не входили въ магазинъ, но останавливались на улицѣ, а купецъ поспѣшно выходилъ и спрашивалъ, что имъ угодно. На мой вопросъ—кто это, мнѣ отвѣчали, что это мексиканцы, господа Іорба, землевладѣльцы, которымъ еще недавно принадлежали цѣлые каньоны въ южной Калифорніи. У нѣкоторыхъ еще есть большія имѣнія, но большею частью *недостигающія и десятой части того*, что у нихъ было прежде. Капиталъ самаго богатаго изъ Іорбовъ мой знакомый, купецъ Гобсонъ, опредѣлилъ въ сорокъ — пятьдесятъ тысячъ долларовъ, причемъ съ не-

скрываемымъ удовольствіемъ прибавилъ: «Но скоро и этого не будетъ».

— А что же они потомъ будутъ дѣлать?—спросилъ я.

— Потомъ? Потомъ будутъ пасти нашихъ овецъ. Это, кажется, очень понятно. Если Іорба, обладающій 40.000 долларовъ, имѣетъ четырехъ сыновей, то каждый изъ нихъ получитъ только по 10.000 долларовъ. Не правда-ли?

— «Certainly», т. е. правда.

— И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что каждый изъ нихъ станетъ жить такъ же, какъ жилъ его отецъ, хотя будетъ обладателемъ только четвертой части. При такихъ условіяхъ разореніе неизбѣжно.

«О, милый Гобсонъ,—подумалъ я,—сколько такихъ Іорбовъ я знаю за океаномъ! Ты правъ! Разореніе неизбѣжно; но не знаю, попущеніе ли это Божье, или что-нибудь другое? Довольно того, что у Іорбовъ не можетъ помѣститься въ головѣ эта простая логика. Если-бы Гобсонъ зналъ по-латыни, то онъ бы охарактеризовалъ Іорба однимъ словомъ: «mogiturgi». Впослѣдствіи я познакомился съ ними лично. Это джентльмены въ полномъ значеніи этого слова: гостепріимные, гордые, храбрые, однимъ словомъ, рыцари, обладающіе даже и аристократическою чертою—не платить лавочныхъ долговъ. Но, узнавъ ихъ ближе, я убѣдился, что, несмотря на вышеупомянутыя достоинства, это люди въ высшей степени воспитанные, но непросвѣщенные. Ихъ внѣшній, почти врожденный лоскъ скрываетъ внутренній обскурантизмъ, массу предразсудковъ и недостатокъ самыхъ элементарныхъ познаній. Первый попавшійся купецъ и американскій рабочій, жующій табакъ, не носящій никогда галстуха, закидывающій ноги на стулъ, однимъ словомъ, первый попавшійся по нашимъ понятіямъ мужикъ знакомъ съ математикой, исторіей, географіей, естественными и политико-экономическими науками гораздо болѣе, чѣмъ элегантный г. Іорба. Но зато господинъ Іорба, въ большинствѣ случаевъ, знаетъ по-французски. Господинъ Іорба живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а тамъ существуютъ двѣ партіи: республиканская и демократическая. Вы, читатель, пріѣхавъ изъ Польши, не имѣете яснаго понятія объ этихъ партіяхъ и спрашиваете о нихъ господина Іорбу, при чемъ оказывается, что онъ имѣетъ о нихъ еще болѣе слабое представленіе, чѣмъ вы, но если вы очень будете настаивать, то онъ, наконецъ, скажетъ: «vous savez... какіе-то канальи препираются тамъ о чемъ-то между собою, но мы въ это не вмѣшиваемся».

Дѣйствительно, бываютъ и исключенія. Есть богатыя мексиканскія семейства между купечествомъ или, какъ говорятъ, купцы «между солидными домами», а нѣкоторые мексиканцы занимаютъ въ Калифорніи важныя государственныя должности, но что эта нація гибнетъ подъ натискомъ брата Іонафана, то доказательствомъ этого служитъ обѣднѣніе крупныхъ землевладѣльцевъ испанскаго происхожденія. Огромныя пространства земли около Сакраменто и Санъ-Франциско, нѣкогда принадлежавшія разнымъ «домамъ», теперь усѣяны фермами, находящимися въ рукахъ сѣверо-американскихъ колонистовъ. Обратите только вниманіе на названія мѣстностей во всей Калифорніи. Начиная отъ Санъ-Франциско и Сакраменто по направленію къ югу, вы встрѣтите исключительно испан-

скія названія, напримѣръ, Морседъ, Санъ-Луи, Обиспо, Санта-Барбара, Санта-Моника, Лосъ-Анджелосъ, Санъ-Діего. Я перечисляю только болѣе извѣстныя мѣстности, но даже названія маленькихъ мѣстечекъ, рѣкъ, горъ и большихъ фермъ—всѣ испанскія. Уже это одно доказываетъ, что страна нѣкогда была заселена по преимуществу испанцами; кромѣ того, намъ извѣстно, что Калифорнія еще не особенно давно отдѣлена отъ Мексики; въ настоящее время въ этихъ испанскихъ городахъ, мѣстечкахъ, фермахъ и горахъ живутъ почти исключительно американцы, а прежнее населеніе на сѣверѣ исчезло почти совершенно, на югѣ же оно составляетъ лишь низшій рабочій классъ.

Ни правительству, ни обществу Соединенныхъ Штатовъ никогда не приходило въ голову американизировать кого бы то ни было и что бы то ни было. Въ Калифорніи не перемѣнили ни одного названія на англійское. Нѣмцы основываютъ колонію, называютъ ее Берлиномъ, французы—Парижемъ, поляки—Варшавой, русскіе—Петербургомъ и all right! Пусть себѣ городъ называется хоть Шанхаемъ,—для каждаго американца это безразлично. Кромѣ того, въ Америкѣ нѣтъ ни одного большого города, гдѣ бы разныя народности не имѣли обществъ, основанныхъ съ открытой цѣлью поддержанія національности, языка и патріотизма. Правительство не только не препятствуетъ основанію такихъ обществъ, но само обезпечиваетъ за ними права и привилегіи, какими пользуются и другія общества.

Мимоходомъ замѣчу, что нигдѣ различныя народности такъ скоро не ассимилируются, какъ здѣсь. Дѣти пріѣзжихъ нѣмцевъ, французовъ, русскихъ, поляковъ, если еще и знаютъ свой родной языкъ, то все-таки предпочитаютъ говорить по-англійски даже между собою. Исключеніе составляютъ китайцы, о которыхъ со временемъ сообщу въ отдѣльномъ письмѣ.

Теперь возвращаюсь къ мексиканцамъ. Никто ихъ не изгонялъ, не преслѣдовалъ и не угнеталъ; напротивъ, тѣ, которые еще остались, помнятъ хорошо прежнее время и откровенно признаются, что правительство Соединенныхъ Штатовъ гораздо лучше прежняго мексиканскаго, и вовсе не имѣютъ никакого желанія присоединиться къ метрополіи. Испанцы пользовались равноправіемъ и покровительствомъ наравнѣ съ другими національностями, но, несмотря на это, потеряли почву подъ ногами.

У мексиканцевъ есть еще одна отличительная черта: они чрезвычайно гордятся своимъ происхожденіемъ и съ пренебреженіемъ относятся къ другимъ національностямъ, а въ особенности къ несимпатичной имъ англо-саксонской.

Повѣрите-ли, что первый попавшійся кабаллеро, у котораго голыя колѣни виднѣются изъ брюкъ, и все имущество составляютъ: попона, одна рубаха, пара сильно пострадавшихъ невыразимыхъ, худая, какъ Россинантъ, лошадь, лассо и пачка «sigarillos»,—такой кабаллеро потому только, что въ немъ течетъ испанская кровь, считаетъ себя чѣмъ-то высшимъ въ сравненіи съ янки, у которыхъ, между тѣмъ, ему приходится служить. Извѣстное сравненіе: «гордъ, какъ испанскій нищій», справедливо можетъ быть примѣнено къ нимъ. Гордость эта, впрочемъ, часто бываетъ напуск-

ной и скрываетъ подъ дырявымъ плащемъ характеръ низкій, лживый и жадный къ подачкамъ. Вообще нравственность низшихъ слоевъ мексиканскаго общества стоитъ такъ же низко, какъ и просвѣщеніе. Я уже упоминалъ, что только энергія англо-саксонскаго элемента удерживаетъ мексиканское простонародіе отъ грабежей, разбоевъ и постоянныхъ волненій, столь обыкновенныхъ въ Мексикѣ. Но изъ этой дѣйствительной или искусственной гордости, изъ этого кажущагося или врожденнаго сознанія собственнаго достоинства выработалась еще одна особенная черта, отличающая этотъ простой классъ отъ всякаго другого,—это необыкновенная учтивость, доходящая до смѣшной церемонности. Въ обыкновенномъ разговорѣ мексиканецъ никогда не назоветъ иначе другого, какъ «caballero» (рыцарь); если же спорятъ другъ съ другомъ, то дѣлаютъ это со всевозможными предосторожностями, отдавая обыкновенно справедливость глубокому уму противника и вѣрному взгляду на вещи. Какіе-нибудь два оборванца, входя, напримѣръ, въ венту, или, по-нашему, въ кабакъ, на порогѣ начинаютъ всякія церемоніи и споры о томъ, кому первому войти; словомъ, насколько въ сѣверо-американцахъ путешественника, привыкшаго къ европейскому лоску, поражаетъ несоблюденіе всякихъ требованій приличія, настолько въ мексиканцахъ онъ ихъ найдетъ съ избыткомъ.

Когда Плезентъ знакомилъ меня съ Сальвадорами, каждый изъ этихъ рыцарей поочередно вставалъ, снималъ шляпу, въ которой было столько же дыръ, сколько въ крышѣ еврейской корчмы, затѣмъ, церемонно кланяясь, протягивалъ руку съ такой изысканностью, граціей и сознаніемъ собственнаго достоинства, какія сдѣлали-бы честь каждому галицкому графу. Кромѣ того, я замѣтилъ, что всѣ эти джентльмены, несмотря на-то, что были между собою въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ, обращаясь другъ къ другу, никогда не забывали прибавлять «usted» или «caballero». Полагая, что я не понимаю по-испански, они не имѣли надобности представляться болѣе вѣжливыми, нежели были на самомъ дѣлѣ,—слѣдовательно, это было обычное явленіе. Но всѣ они держались какъ-то въ сторонѣ отъ братьевъ Шюребери, Джэка и даже Плезента, сохраняя, впрочемъ, въ отношеніи ихъ свою обычную вѣжливость. Это было даже нѣсколько смѣшно, такъ какъ грубые американцы не могли оцѣнить должнымъ образомъ ни этой политики, ни изысканности, напротивъ, какъ люди болѣе богатые, они считали себя выше ихъ и обращались съ черноволосыми рыцарями до нѣкоторой степени покровительственно.

Впрочемъ, между обѣими сторонами царила полная гармонія, тѣмъ болѣе, что, не считая госпожи Рефуджіо, ни одинъ изъ мексиканцевъ не зналъ по-англійски, сѣверные же сквэтеры очень мало понимали по-испански.

Наконецъ, ужинъ былъ готовъ. Мы усѣлись на верандѣ, причемъ сидѣньемъ служили намъ старые ульи, имѣющіе форму ящиковъ. Во время ужина Люцій разсказывалъ намъ о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ.

— By God!—разсказывалъ онъ,—годъ тому назадъ я былъ уже

подъ медвѣдемъ, и если бы не Сэмъ, то, клянусь вотъ правою рукою, не сидѣлъ бы теперь за этимъ столомъ.

— Well!—отвѣчалъ на это флегматически Сэмъ, поглаживая свою бороду,—разскажи джентльмену про свои экскурсіи въ Аризону.

Пошли разсказы про Аризону. Люцій, по его словамъ, зналъ въ ней каждый уголокъ, такъ какъ исходилъ ее всю со старымъ авантюристомъ, по имени Рубъ. Я сталъ разспрашивать его о тамошнихъ индѣйцахъ, апачахъ и команчахъ, о дикости и мужествѣ которыхъ много слышалъ. Но Люцій не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ находилъ, что апачи въ Аризонѣ вовсе не такъ дики, какъ о нихъ думаютъ. Часто они заходятъ въ ближайшіе города Прескотъ и Тусконъ за покупкою или обмѣномъ различныхъ товаровъ. Прежде было не то: нападенія, грабежи и убійства случались почти ежедневно. Даже относительно заселенныя мѣстности подвергались опасности. Люцій хорошо помнилъ эти времена. Онъ разсказывалъ мнѣ, напримѣръ, что, зайдя разъ съ Рубомъ къ двумъ рудокопамъ - французамъ, нашелъ ихъ обоихъ убитыми и скальпированными. Люцій неоднократно принималъ участіе въ битвахъ съ краснокожими. Объ ихъ мужествѣ отзывался презрительно и съ пренебреженіемъ. Онъ утверждалъ, что въ открытой битвѣ они уступаютъ бѣлымъ, и что всѣ свои нападенія дѣлаютъ ночью, неожиданно, изъ засады. Впрочемъ, теперешнія поколѣнія, живущія вблизи селеній, уже успокоились, принужденныя къ этому кровавымъ опытомъ.

Года два тому назадъ въ горахъ, пересѣкающихъ по всѣмъ направленіямъ этотъ край, открыли богатыя залежи серебра; вслѣдъ за этимъ началось переселеніе рудокоповъ изъ Калифорніи, а по мѣрѣ увеличенія населенія и жить стало безопаснѣе. Только у племенъ, обитающихъ въ степяхъ, горахъ, въ особенности ближе къ востоку и югу, преобладаютъ дикіе и хищническіе инстинкты. Больше всего этимъ отличается племя моавъ, живущее на границѣ Соноры. Я разспрашивалъ обо всемъ этомъ очень подробно, такъ какъ мнѣ хотѣлось отправиться въ Аризону съ первымъ караваномъ рудокоповъ или переселенцевъ, намѣревающихся заняться хлѣбопашествомъ. Теперь это легко привести въ исполненіе, такъ какъ во всей южной Калифорніи царитъ сильное эмиграціонное движеніе въ этотъ край. Но, несмотря на это движеніе, приращеніе народонаселенія въ Аризонѣ не можетъ быть значительно, такъ какъ въ самой Калифорніи на болѣе, чѣмъ шесть тысячъ квадратныхъ миль, не приходится и милліона жителей, а средняя и восточная ея части почти совсѣмъ не заселены. Въ настоящее время можно безъ преувеличенія сказать, что этотъ огромный штатъ почти безлюденъ. Главные его города: Прескотъ и Тусконъ—собственно селенія, едва насчитывающія по нѣсколько соть жителей; въ горахъ кое-гдѣ попадаются маленькіе поселки рудокоповъ; въ немногочисленныхъ долинахъ, изобилующихъ лѣсомъ и водою, изрѣдка встрѣчается ферма или пастушеская «estancia», а затѣмъ горы и степи на тысячи миль пусты, безмолвны и безлюдны. Большая часть поселенцевъ до сихъ поръ еще ведетъ піонерскую жизнь, т. е. вѣчно на-сторожѣ. Рудокопы и немногочисленные пастухи на прибрежьяхъ рѣкъ Джили и Колорадо живутъ въ шатрахъ.

Страна еще не производитъ столько продуктовъ, чтобы быть въ со-

століи прокормить себя; рудники, въ особенности серебряные, встрѣчаются въ изобиліи, жизненные же припасы приходится провозить по невообразимо неудобной дорогѣ, черезъ пустыни или черезъ океанъ вокругъ Ловеръ-Калифорніи и по Рубиновому заливу черезъ Колорадо,—поэтому дороговизна баснословная: фунтъ муки стоитъ долларъ, фунтъ картофеля четыре биты, т. е. болѣе семидесяти пяти копѣекъ. Рудокопы, имѣющіе мало денегъ, но много необработаннаго серебра или же золотого песку, въ большинствѣ случаевъ платятъ за все не деньгами, но сырымъ матеріаломъ. Купцы, вслѣдствіе этого, получаютъ большую прибыль. Вообще же Люцій не совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ этотъ край.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—что это за мрачная мѣстность. Я видѣлъ различныя пустыни. Ловеръ-Калифорнія тоже пустыня, но тамъ, по крайней мѣрѣ, растутъ кактусы и пальмы. Въ нашей Калифорніи, по дорогѣ отъ Лосъ-Анджелосъ до Санъ-Франциско, простирается огромная безводная степь, но и та покрыта лѣсомъ пальмъ, между тѣмъ какъ въ Аризонѣ ничего подобнаго нѣтъ.

— Что же есть въ Аризонѣ?—спросилъ я.

— Что?—отвѣтилъ онъ.—Скажу коротко: горы, скалы, груды сѣрыхъ камней и степь; ни воды, ни травы, ни деревьевъ, ничего, кромѣ камня, голыхъ скалъ и горъ. Правда, серебро тамъ лежитъ вездѣ, но *пусть будетъ проклятъ мой языкъ, если его тамъ стоитъ собирать.*

Я спросилъ о Джилѣ и Колорадо. Люцій подтвердилъ, что берега ихъ, дѣйствительно, плодородны и покрыты растительностью, но за этою зеленою полосой опять начинается безплодная пустыня.

— Вѣдь, это родина извѣстнаго «Санта-Анна-Винда», терзающаго насъ отъ времени до времени. Наконецъ, я хорошо знаю многіе изъ горныхъ каньоновъ,—продолжалъ Люцій.—Лѣсовъ тамъ нѣтъ такихъ, какъ у насъ; ручьи меньше и притомъ большинство изъ нихъ недоступны; а если гдѣ и попадается лѣсъ, то тамъ стоятъ вигвамы апачей. Не только одному, но даже и нѣсколькимъ человѣкамъ тамъ опасно ходить.

— Будь она проклята, эта Аризона!—заключилъ Люцій.—Я готовъ держать пари, что люди тамъ никогда не поселятся.

Я не имѣлъ никакого основанія не вѣрить его разсказамъ, тѣмъ болѣе, что самъ видѣлъ края, похожіе на этотъ. Я напрасно старался бы описать читателю, какое ужасное, какое угнетающее впечатлѣніе производитъ Уойоминъ, Утаха и Невада, черезъ которые мнѣ приходилось *проѣзжать* по желѣзной дорогѣ. Взоръ тамъ ничего не встрѣтитъ, кромѣ необъятныхъ степей или обломковъ скалъ, обрывовъ, напоминающихъ Дантовъ адъ, самыя названія которыхъ, всегда соединенныя съ именемъ дьявола, приводятъ въ содроганіе; наконецъ, тамъ много соляныхъ озеръ, отражающихъ сѣрое, мрачное небо. На пространствахъ, равныхъ европейскимъ государствамъ, я не видѣлъ ни одного дерева. Стада сѣрыхъ антилопъ или большихъ оленей мелькали иногда по скаламъ, но чѣмъ питаются и что пьютъ эти животныя—для меня до сихъ поръ остается загадкою.

Наконецъ, даже въ самой Калифорніи, хотя и расположенной въ роскошномъ климатѣ, урожайной и взлелѣянной людьми и природой, есть, однако, огромныя мѣстности, почти совершенно безводныя, безлюд-

ныя, степныя. Недавно, напримѣръ, я былъ въ одной громадной пустынѣ, которую попробую описать въ слѣдующихъ письмахъ, пока могу сказать о ней, что былъ въ странѣ Данта, въ странѣ смерти. Я видѣлъ лѣсъ пальмъ, растущихъ въ видѣ мрачныхъ колоннъ на песчаномъ безбрежномъ пространствѣ. Ихъ мрачные, причудливые гигантскіе листья подобны рукамъ, воздѣтымъ къ небу съ отчаянною мольбой о помощи. Ни одно живое существо не нарушаетъ безмолвія въ этомъ заколдованномъ лѣсу,—тишина невозмутимая! Даже вѣтеръ не шелохнетъ этихъ, какъ-бы плѣсенью и пылью покрытыхъ, печальныхъ деревьевъ; капли воды не найдете на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ миль; тѣни эти ряды колоннъ не даютъ; цѣлые десятки миль проѣдешь между ними, а поразительное однообразіе ни на волосъ не измѣнится: тотъ же песокъ подъ ногами, тѣ же одинаковые, точно выведенные по линейкѣ косматые стволы, тѣ же поднятые вверхъ гигантскіе листья.

Подобныя крайности встрѣчаются въ Калифорніи очень часто. За долиной Уозомита, этимъ художественнымъ Божьимъ вдохновеніемъ, гдѣ лучезарныя струи каскадовъ переплетаются радужными лентами, гдѣ зеркала озеръ, кажется, поглотили всю небесную лазурь, гдѣ деревья достигаютъ четырехсотъ футовъ высоты, а земля залита моремъ цвѣтовъ,—за скалистой стѣною начинаются безводныя и безплодныя степи. Объ Аризонѣ я послѣ слышалъ разсказы, обрисовывающіе ее менѣе мрачными красками, но Люцію вѣрю болѣе, такъ какъ онъ былъ тамъ почти вездѣ и видѣлъ все собственными глазами.

Кончивъ объ Аризонѣ, онъ продолжалъ свои разсказы объ охотничьихъ приключеніяхъ, затѣмъ разговоръ зашелъ о медвѣдѣ, съ которымъ намъ предстояло имѣть дѣло на слѣдующее утро. Старый индѣецъ Рамонъ, живущій у Плезентовъ, заявилъ, что это очень большой звѣрь. Я въ то же время узналъ, что собственно охотничій кружокъ составляютъ братья Шюрсбери, Джэкъ, Плезентъ и я. Такъ какъ все оружіе прибывшихъ мексиканцевъ состояло лишь изъ лассо и ножей, то имъ поручили стеречь звѣря у обоихъ выходовъ, а въ случаѣ, если бы звѣрь вздумалъ бѣжать, накинуть на него лассо и задержать. Старые калифорнійцы часто выходятъ на медвѣдя только съ лассо, но это несравненное оружіе примѣнимо только тогда, когда сидишь на лошади, и затѣмъ не въ обрывахъ и кустарникахъ.

Тѣмъ временемъ ужинъ кончился, и мы снова усѣлись около костра. Старый Рамонъ приложилъ къ губамъ инструментъ, называемый «coyotte», и, устремивъ взоръ въ небо, какъ позирующій концертантъ, началъ на немъ пангрывать. Издали доносилось фыркапье мексиканскихъ мустанговъ, привязанныхъ къ деревьямъ, и звукъ колокольчика ангорскихъ козъ, запертыхъ въ коралѣ, расположенномъ на склонѣ горы. Я слышалъ потомъ эти колокольчики цѣлую ночь, такъ какъ ихъ привязываютъ лошадямъ и козамъ для устрашенія дикихъ звѣрей. Ихъ пѣсный, подобный отголоску эха, звукъ производитъ грустное, но пріятное впечатлѣніе и располагаетъ къ мечтамъ.

Нѣкоторое время мы всѣ сидѣли въ молчаніи, прерываемомъ только трескомъ горѣвшихъ сучьевъ да тихими звуками «coyotte.» Вскорѣ, однако, это молчаніе было прервано однимъ изъ ежедневныхъ приключеній въ

этихъ горахъ. Около коралл начала лаять собака, остальныя тотчасъ бросились туда, и черезъ минуту весь оврагъ огласился неистовымъ лаемъ. Плезентъ зажегъ длинную смоляную лучину, взялъ ружье и пошелъ посмотрѣть, что случилось. За нимъ пошелъ я и старый Рамонъ. Бѣлые козлята пронзительно блеяли, собаки же, собравшись подъ однимъ большимъ деревомъ, подняли вверхъ головы и выли. Рамонъ, собравъ нѣсколько камней, сталъ ими швырять въ деревья, громко свистя при этомъ. Не прошло и минуты, какъ мы увидѣли какое-то животное, величиною со среднюю собаку, такъ быстро перескочившее на сосѣднее дерево, что Плезентъ не успѣлъ даже выстрѣлить по немъ.

— Что это за звѣрь?—спросилъ я.

— «Lynx!» провалъ его возьми!—отвѣтилъ Плезентъ.—Я всегда привязываю въ коралѣ хорошую собаку, но и это не помогаетъ. Въ прошломъ году «серебряный левъ» похитилъ у меня двѣнадцать козлятъ и стараго козла, за котораго въ Лосъ-Анджелосъ я заплатилъ семьдесятъ пять долларовъ наличными.

Съ минуту мы шли молча, причемъ я немножко уклонился въ сторону, выбирая по моему мнѣнію кратчайшую дорогу, какъ вдругъ сквэтеръ крикнулъ:

— Не туда, не туда! Осторожнѣе, а то попадете въ капканъ!

Дѣйствительно, его слова чуть было не оправдались. Два сосѣдніе коралл, одинъ съ козами, другой съ козлятами, представляли родъ маленькихъ крѣпостей, въ которыя не легко было пробраться врагамъ. Однако, ничто такъ не привлекало всякаго рода хищниковъ, какъ эта лакомая добыча. Вся жизнь Плезента была сплошною съ ними борьбою. Онъ первый изъ сквэтеровъ сталъ разводить ангорскихъ козъ въ горахъ Санта-Анна и получалъ отъ нихъ значительную прибыль, такъ какъ шерсть ихъ гораздо дороже овечьей. Правда, Калифорнія выкармливаетъ сотни тысячъ, а, можетъ быть, и милліоны овецъ, но это сопряжено съ однимъ, до сихъ поръ непреоборимымъ неудобствомъ. Всѣ калифорнійскія степи и горы покрыты растеніемъ изъ породы репейника, маленькія, почти микроскопическія шишки котораго запутываются въ шерсти и тѣмъ затрудняютъ ея выдѣлку. До сихъ поръ, несмотря на многочисленныя попытки, не нашли противъ этого никакого средства, вслѣдствіе чего и шерсть не имѣетъ той цѣны, какую могла бы имѣть. Шерсть ангорскихъ козъ, болѣе гладкая и длинная, захватываетъ меньше шишекъ и легче отъ нихъ очищается. Поэтому, я полагаю, что хотя разведеніе ангорскихъ козъ возможно только въ горахъ, но въ будущемъ оно разовьется и создастъ со временемъ новый источникъ дохода.

Разведеніе ихъ, насколько я успѣлъ присмотрѣться, не представляетъ никакихъ затрудненій. На разсвѣтѣ отпираютъ коралл,—козы выходятъ въ горы, а на ночь возвращаются. Днемъ онѣ не подвергаются нападеніямъ хищныхъ звѣрей. Несмотря на непріятный запахъ, издаваемый этими животными, я иногда по цѣлымъ часамъ къ нимъ присматривался. Ихъ большіе, кроткіе глаза, шелковистая, бѣлая или блѣдно-золотистая шерсть придаютъ имъ необыкновенную миловидность. У козловъ шерсть такъ длинна, что изъ-подъ нея видны только ладыжки; но красивѣе всего маленькіе козлята съ короткою, молочнаго цвѣта шерстью и

движеніями газели. Они съ необыкновенной ловкостью прыгаютъ по скаламъ, обрывамъ и надъ пропастями. Бородатый козелъ, имѣющій видъ стараго развратника,—вождь и деспотическій хозяинъ стада. Онъ первый выходитъ утромъ изъ кораля; онъ ведетъ все стадо, побрякивая колокольчикомъ и важно кивая головой; онъ выбираетъ мѣсто для пастбища, не позволяетъ своимъ женамъ уходить слишкомъ далеко и послушныхъ награждаетъ ласками, а непослушныхъ наказываетъ легкими ударами роговъ. Вообще онъ выказываетъ развязность, соединенную съ солидностью и увѣренностью въ себѣ. По причинѣ огромной головы, еще большихъ роговъ и обильной шерсти онъ производитъ впечатлѣніе большого животнаго, но на самомъ дѣлѣ малъ, а когда его остригутъ, то выглядитъ совсѣмъ оборванцемъ. Собакъ онъ вовсе не боится. Если увидитъ чужую, идетъ прямо на нее, вытаращивъ глуповатые глаза, кивая бородою и громко фыркая, какъ бы съ отвращеніемъ. Если собака не уступаетъ или, что чаще всего случается, останавливается, обнюхиваетъ и сама присматривается къ уроду, тогда и козелъ, приблизившись на нѣсколько шаговъ, останавливается, съ минуту смотритъ, грозно чихаетъ, наконецъ, наклонивъ рога, бросается на врага, какъ стрѣла.

Моя собака была постояннымъ предметомъ подобныхъ нападеній. Случается, что воинственный козелъ бросается на своего хозяина въ то время, когда онъ отпираетъ коралъ, но хозяинъ тотчасъ же хватаетъ его одною рукою за шерсть, а другою около хвоста и безъ дальнѣйшихъ церемоній перебрасываетъ черезъ заборъ.

Оскорбленный такимъ обращеніемъ, султанъ выражаетъ свое негодованіе громкимъ плевкомъ и удаляется.

Старый индѣецъ Рамонъ, спеціально занимающійся этими козами, любилъ ихъ, какъ своихъ дѣтей. Возвращаясь домой послѣ острастки рыси, я ближе познакомился съ этимъ кабаллеро. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, совершенно сѣдой, но добрый и здоровый. Лицо его имѣло цвѣтъ бронзы. Говорили, что онъ не настоящій индѣецъ, но если и была въ немъ примѣсь крови бѣлыхъ, то весьма незначительная. Нѣсколько глотковъ водки, которую я ему предложилъ изъ своей манерки, расположили ко мнѣ его сердце. Мы сѣли рядомъ у костра и стали разговаривать. Я спросилъ его, гдѣ онъ живетъ.

— Въ горахъ!—отвѣчалъ онъ.—«А гдѣ la casa de usted? (домъ вашъ?)». А онъ на это: —А у Рамона нѣтъ никакого дома. Онъ живетъ иногда у Плезентовъ, иногда у Шюрсбери, иногда въ шатрахъ Сальвадоровъ, но чаще всего у Плезентовъ, такъ какъ это очень, очень добрые люди. Прежде, но это было очень давно, Рамонъ имѣлъ и жену, и дѣтей, и шалаши и стада собственныя. Потомъ... эта злополучная огненная вода... Да, что тутъ говорить: теперь Рамонъ «solo»... ахъ, «solito»!—Съ этими словами онъ взялъ свой «cyotte» и началъ на немъ наигрывать, устремивъ глаза въ темное звѣздное небо.

Я съ любопытствомъ присматривался къ этому инструменту, незамысловатѣе котораго, вѣроятно, нѣтъ въ мірѣ. Почти всѣ склоны горъ покрыты здѣсь растеніемъ, называемымъ по-испански «cyotte»,—англійскаго названія его я не могъ доискаться. «Cyotte»—это кустъ, состоящій изъ однихъ листьевъ, похожихъ на листья нашихъ лилій, только

болѣе жесткихъ и по краямъ покрытыхъ шипами. Изъ середины этихъ листьевъ поднимается бѣлый стебель, достигающій отъ пяти до восьми футовъ вышины, внизу болѣе толстый, а вверху тонкій. Верхушка этого ствола весною покрывается кистями роскошныхъ пунцовыхъ цвѣтовъ. Это чрезвычайно полезное растеніе. Сердцевина ствола, какъ у бузины, легкая, и наполняющая его во всю длину жидкость доставляетъ индѣйцамъ и мексиканцамъ вкусную пищу. Ѣдятъ также и корень. Я не разъ пробовалъ его во время своихъ охотничьихъ экскурсій въ горахъ. У него вкусъ свѣжаго грецкаго орѣха. Во время цвѣтенія около пурпурныхъ кистей вьются стаи колибри, большихъ бабочекъ, пчелъ и другихъ насѣкомыхъ. Осенью, когда цвѣты опадутъ, а стволъ достаточно высохнетъ, изъ него дѣлаютъ инструменты. Обрѣзавъ сверху и снизу, привязываютъ къ нему струну, которую поднираютъ съ одной стороны колышкомъ, и инструментъ готовъ. Такимъ образомъ получается родъ одноструннои арфы, но играютъ на ней такъ же, какъ и на обыкновенной. Старый Рамонъ бралъ тонкій конецъ въ ротъ и пальцами одной руки нажималъ въ различныхъ мѣстахъ струну, а другой игралъ на ней. Несмотря на скудность звуковъ, Рамонъ наигрывалъ разныя мексиканскія мелодіи, большей частью меланхолическія и заунывныя. Одинъ изъ Сальвадоровъ вторилъ ему отъ времени до времени глубокимъ и звучнымъ баритономъ, которому позавидовалъ бы не одинъ оперный пѣвецъ. Содержаніе пѣсенъ было большею частью любовное. «Когда я спалъ подъ тѣнью магноліи,— пѣлъ Франциско Сальвадоръ,—то видѣлъ тебя во снѣ; проснувшись и не увидѣвъ тебя, я началъ такъ плакать, что опять уснулъ!..» За этимъ короткимъ припѣвомъ слѣдовала пауза; съ минуту были слышны только колокольчики козъ и звуки «coyotte», а потомъ пѣвецъ оканчивалъ голосомъ, выражающимъ глубочайшую тоску: «О, Юлія! Юлія!»

Но еще большее впечатлѣніе производила пѣсенка, выражающая скорбь возлюбленнаго объ утратѣ невѣсты. «Дождь освѣжалъ для тебя воздухъ, москиты улетали отъ тебя, фиговое дерево склоняло передъ тобою вѣтви съ плодами; гдѣ ты ступала, тамъ выростали цвѣты,—я любилъ тебя, любилъ такъ сильно, а ты покинула меня». По окончаніи этой пѣсенки наступило продолжительное молчаніе. Донна Рефуджіо вспомнила свою покойную сестру, и на глазахъ ея показались слезы; желая ихъ скрыть, она встала и начала убирать посуду; Люцій сталъ мраченъ, какъ ночь, а Плезентъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не знали сестры моей жены? Ее звали Моника. Мы оба любили ее, какъ дочь. Ахъ, вы не можете себѣ представить, какая она была добрая, молодая и красивая, вѣсила болѣе ста сорока фунтовъ! И вотъ умерла отъ укушенія змѣи.

Я уже готовъ былъ прибавить свои слезы въ общую урну надъ судьбою прекрасной Моники, если бы не это чисто американское замѣчаніе о вѣсѣ въ сто сорокъ фунтовъ, подѣйствовавшее на меня такъ, что я прикусилъ губы, чтобы не расхохотаться. Желая что-нибудь сказать, я спросилъ, была ли Моника невѣстой. Плезентъ при этихъ словахъ посмотрѣлъ на Люція, мрачно опустившаго голову, и ничего не отвѣтилъ. Послѣ я узналъ, что она еще не была невѣстой, но Люцій и она любили другъ друга. Какая трагическая развязка идилліи! Какое

повтореніе печальной судьбы Павла и Виргиніи! Люцій собственными руками сдѣлалъ гробъ для своей возлюбленной. На могилу ея онъ наносилъ огромныхъ камней, чтобы шакалы не тревожили сна усопшей, а между камнями насадилъ дикихъ розъ. Я послѣ видѣлъ это мѣсто. Розы черезъ годъ роскошно разрослись... и когда я подошелъ ближе, онѣ цѣплялись шипами за мое платье, какъ будто покойница хотѣла остановить прохожаго, чтобы онъ помолился за упокой ея души.

Между тѣмъ, въ этихъ разговорахъ, пѣніи и размышленіяхъ прошло довольно много времени. Была полночь. Пѣтухъ уже пропѣлъ подъ навѣсомъ, гдѣ стояла телѣга и разные хозяйственные снаряды Плезента. Старшій Шюрсбери вытянулъ ноги, погладилъ бороду и, обратившись къ хозяину, произнесъ:

— «Well!» завтра встанемъ на разсвѣтѣ.

Мы разошлись спать. Мексиканцы отправились въ сарай, гдѣ была набросана солома отъ ячменя, и стоялъ отдѣленный отъ стада старый козелъ, отравлявшій воздухъ. Шюрсбери же, я и Джэкъ улеглись около костра. Несмотря на сильную усталость, а можетъ быть, и вслѣдствіе этого, я не могъ уснуть. Люцій, Моника, старый Рамонъ, завтрашній сѣрый медвѣдь—все это въ безпорядкѣ кружилось въ моей головѣ. Кромѣ того, въ ушахъ у меня постоянно раздавались монотонные звуки колокольчиковъ; иногда ржали лошади, то на вершинахъ дальнихъ горъ завывали звѣри, то вдругъ собаки срывались съ пѣстовымъ лаемъ и исчезали въ темнотѣ; только около двухъ часовъ, когда костеръ покрылся пепломъ и почти совсѣмъ погасъ, сонъ сомкнулъ мои вѣки.

Меня разбудилъ звукъ желѣзнаго шомпола въ ружейномъ стволѣ. Открывъ глаза, я увидѣлъ въ полумракѣ огромную фигуру Люція, наклонившуюся надъ длиннымъ ружьемъ. Сэмъ тоже не спалъ. Въ сараѣ шевелились мексиканцы, а въ окнѣ у Плезентовъ мерцалъ огонекъ. На небѣ уже брезжилъ разсвѣтъ. Для меня всегда скрывается необыкновенное очарованіе въ томъ моментѣ, когда Ормуздъ окончиваетъ побѣдоносную борьбу съ Ариманомъ. Есть что-то мистическое въ природѣ, когда ночная мгла начинаетъ мало-по-малу таять подъ блѣдными лучами утренняго свѣта: изъ мрака постепенно выступаютъ все новые и новые предметы, то скалы, то деревья; свѣтъ очерчиваетъ ихъ контуры, освѣщаетъ слегка линіи, обрисовываетъ постепенно формы, сначала слабо, туманно, а потомъ все яснѣе и рельефнѣе; кажется, что мракъ, смѣшивая съ собою предметы, старается уничтожить, расплавить ихъ въ себѣ, а разсвѣтъ призываетъ ихъ къ жизни. Міръ еще въ объятіяхъ сна, но покровъ ночи уже поднимается, и дѣйствительность со всѣми своими впечатлѣніями начинаетъ замѣнять фантастическіе образы сна. Это—полусуществованіе, полунебытіе, полудѣйствительность, полумечта; это, наконецъ, граница между пантеистическимъ безличнымъ міромъ тьмы и проявленіемъ индивидуальной жизни.

Это въ высшей степени таинственная и поэтическая минута для того, кто умѣетъ ее прочувствовать и понять. Душѣ моей, заблудившейся въ этихъ пустыняхъ, подъ знойнымъ небомъ Калифорніи, тоскующей и взволнованной, она казалась еще болѣе полной таинственныхъ чаръ и прелести. Между тѣмъ ночь все блѣднѣла, отдаленныя пространства

съ рядами деревьевъ выдѣлялись все яснѣе; ранняя птичка — дятелъ задолбилъ дерево, какъ бы говоря: «Стукъ, стукъ! Вставайте!» Наконецъ, вдали, въ промежуткѣ между двумя горами блеснули первые лучи утренней зари.

На востокѣ показалась легкая, прозрачная голубовато-зеленая полоска. Все небо было еще темное, мрачное, холодное, а полоска все росла и расширялась. Верхній край ея принималъ мало-по-малу блѣдно-золотистый оттѣнокъ. Взоръ не могъ уловить измѣненія тоновъ, такъ незамѣтно одинъ цвѣтъ переходилъ въ другой. Голубой, золотистый и блѣдно-зеленый цвѣта съ минуту перемѣшивались между собою, пока, наконецъ, ихъ не заслонила легкая розовая дымка. Вставала заря, «розоперстая заря», какъ ее называетъ Гомеръ, прекрасная, румяная, заливающая горы и долины радостнымъ свѣтомъ и обращающая въ бриллианты капли росы, висящія на листьяхъ дубовъ. Чувствовалась какая-то неподдѣльная радость въ этомъ дѣвственномъ, молодомъ свѣтѣ, пробуждающемся къ жизни съ любовью и вѣрою въ нее. Запѣли птицы, заблеяли овцы, весело запрыгали собаки. На всѣхъ склонахъ горъ отозвалось обычное: «Ого, го!» куропатокъ-самцовъ, сзывающихъ самокъ. Мы всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа. Даже серьезный и молчаливый Сэмъ запѣлъ извѣстную американскую пѣсенку, гдѣ послѣ каждаго куплета повторяется: «Гей, го, Миссисипи, Миссисипи риверъ!» Наконецъ, осмотрѣвъ оружіе, мы отправились на охоту.

Войдя въ каменное ущелье, мы пошли вверхъ по теченію ручья. Плезентъ и старый Рамонъ, какъ лучше всѣхъ знакомые съ мѣстностью, пошли впередъ, другую пару составляли я и Люцій, Сэмъ же и Джэкъ замыкали шествіе. Мексиканцы отправились гораздо раньше насъ: одни на западъ или вверхъ по теченію ручья, а другіе на востокъ или внизъ по теченію. Эти послѣдніе могли только часть дороги ѣхать русломъ, далѣе же, какъ это доказывали слѣды, взобрались на берегъ и, проѣхавъ горы, огибаемыя ручьемъ, сократили себѣ значительно путь. Цѣлью ихъ было проникнуть какъ можно глубже въ горы, чтобы загородить звѣрю дорогу, если-бы онъ вздумалъ уйти вверхъ. Планъ этой облавы, составленный Рамономъ и Люціемъ, заключался въ томъ, чтобы кавалерія, заднявъ два выхода долины, напала звѣря на пѣхоту, находящуюся въ серединѣ. Медвѣдь, конечно, могъ тоже уйти боковыми путями, но такъ какъ обѣ стороны долины состояли изъ довольно отлогихъ склоновъ горъ, изрѣдка поросшихъ дубами, то мы навѣрно увидѣли бы его. Кромѣ того, Рамонъ, какъ опытный траперъ, утверждалъ, что медвѣдь, по всей вѣроятности, находится на одномъ изъ холмовъ, образующемъ изгибъ ручья и выступающемъ круто надъ водою. Мили за три отъ границы плезентовскаго клена Рамонъ сталъ внимательно присматриваться къ узкой полосѣ песку, смѣшаннаго со слюдою. Съ минуту это изслѣдованіе казалось безполезнымъ, но вдругъ старый индѣецъ нагнулся и, прошептавъ «hugh!», указалъ намъ глубокій и ясный слѣдъ. Онъ былъ тѣмъ замѣтнѣе, что углубленія его были покрыты слюдою, отчего слѣдъ казался точно позолоченнымъ. Ихъ было три, и два изъ нихъ видѣлись ясно; потомъ они снова исчезали въ камняхъ. Рамонъ замѣчалъ слѣды даже тамъ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ ихъ. Странный видъ представлялъ

этотъ старикъ съ бронзовымъ лицомъ и бѣлыми волосами, выслѣживающій, какъ гончая собака, ежеминутно наклоняющійся и вскрикивающій гортанно: «hugh». Вчера ночью, когда онъ вмѣстѣ съ другими сидѣлъ у костра, опершись локтями на колѣни и склонивъ сѣдую голову на руки, онъ показался мнѣ дряхлымъ, какъ грибъ; сегодня ноздри его были расширены и быстро двигались, какъ бы вдыхая воздухъ, а блестящіе глаза бѣгали съ истинно индѣйской живостью, изслѣдуя каждый изломъ скалы, каждый кустъ на склонахъ горъ и, наконецъ, почву подъ ногами. Приближаясь къ холму, на которомъ звѣрь, по нашему мнѣнію, долженъ былъ найти себѣ пристанище, мы пошли медленнѣе и притомъ такъ тихо и осторожно, что ясно слышали журчаніе воды по каменьямъ, стукъ дятловъ на деревьяхъ и перекликаніе горныхъ куропатокъ. Утро было прелестное, солнце уже взошло, воздухъ, пропитанный медовымъ запахомъ *шалфея*, могъ бы доставить истинное наслажденіе легкимъ, если бы его мѣстами не отравляли отвратительныя испаренія скунсовъ, маленькихъ, черныхъ звѣрьковъ, очень многочисленныхъ въ этихъ горахъ. Противный запахъ, издаваемый ими, есть не что иное, какъ избытокъ мускуса,—вещества, въ маломъ количествѣ очень пріятнаго для обонянія, но въ большомъ—просто невыносимаго, удушливаго. Домъ, подъ которымъ поселится скунсъ, становится невозможнымъ для жилья; запахъ этотъ входитъ въ носъ, въ горло, переполняетъ легкія и вызываетъ кашель и рвоту. Его не выносятъ даже собаки; куры же, услыхавъ его, впадаютъ въ полное оцѣпенѣніе.

Во время нашей экспедиціи мы раза три или четыре попадали на такія мѣста, и мнѣ стоило большихъ усилій удержаться отъ кашля. Наконецъ, мы дошли до холма, поднимавшагося въ видѣ треугольника надъ окружающимъ его ручьемъ. Надежда найти на немъ звѣря перешла почти въ увѣренность, когда Рамонъ указалъ намъ на большой камень, лежащій тутъ же у его ногъ, поросшій тонкимъ слоемъ скользкаго мха. Звѣрь, очевидно, взбирался по немъ на холмъ и притомъ недавно, такъ какъ слѣды на сыромъ мху были свѣжіе, а въ углубленіяхъ, образовавшихся отъ скользившихъ по нимъ страшныхъ когтей, сверкала ночная роса. Рамонъ, показавъ намъ эти слѣды, прошепталъ: «oso», и мы тотчасъ же раздѣлились на двѣ партіи. Люцій, Сэмъ и Плезентъ окружили выступъ, чтобы взобраться съ другой стороны на холмъ, мы же пошли прямо подъ гору. Кусты въ этомъ мѣстѣ были такъ густы, что подвигаться впередъ приходилось чрезвычайно медленно. Мы втроемъ, т. е., Рамонъ, Джэкъ и я, раздѣлились такимъ образомъ, что или шаговъ на сорокъ другъ отъ друга. Теперь началась настоящая облава. На всемъ холмѣ было тихо, какъ въ могилѣ; самый зоркій глазъ не могъ бы примѣтить насъ, такъ какъ мы ползли, даже невидя другъ друга.

Отъ времени до времени только каждый изъ насъ поднималъ голову, чтобы по дрожанію кустовъ узнать, гдѣ его товарищи. Такимъ образомъ я одинъ разъ увидѣлъ свѣтлую бороду Джэка, а въ другой—сверкающіе глаза Рамона. Прошло десять минутъ, четверть часа, а мы проползли всего нѣсколько десятковъ шаговъ. Я попалъ на такое мѣсто, гдѣ почва была покрыта крупнымъ пескомъ и камешками; камешки начали скаты-

ваться и производить шумъ, поэтому я принужденъ былъ притаиться и ждать. Черезъ нѣсколько минутъ я сталъ подвигаться дальше еще съ большею осторожностью. Прошло, наконецъ, съ полчаса. Тишина! Поднявъ голову, я замѣтилъ направо легкое колебаніе кустарника,—слѣдовательно, товарищи мои шли впередъ. Мнѣ пришло въ голову, что если бы мы закричали, то звѣрь, если онъ, дѣйствительно, находится въ кустахъ, показался бы скорѣе. Это было вѣрно, но если онъ находился близко къ вершинѣ горы, отъ которой мы были на разстояніи, по крайней мѣрѣ, шестисотъ ярдовъ, то пробрался бы черезъ нее и скрылся бы изъ нашихъ глазъ прежде, чѣмъ мы успѣли бы дойти до половины дороги. Впрочемъ, недолго пришлось испытывать намъ свое терпѣніе. Прошло еще минутъ десять, какъ вдругъ по другую сторону выступа грянулъ выстрѣлъ, затѣмъ раздалось страшное рычаніе и, наконецъ, громкій окрикъ: «take care! take care!» за этимъ послѣдовалъ другой и третій выстрѣлы. Мы всѣ вскочили и бросились къ выступу. Рамонъ, бывшій ближе всѣхъ къ нему, добѣжалъ первый. Я видѣлъ издали, какъ онъ, добѣжавъ, приложилъ ружье къ щекѣ. Потомъ еще два-три выстрѣла и опять рычаніе, уже не прерываемое, и возгласы: «take care или come here». Наконецъ я и дальше всѣхъ находившійся отъ выступа Джэкъ прибѣжали къ повороту. Теперь мнѣ превосходно былъ виденъ весь склонъ другой стороны холма. Повыше стояли братья Шюрсбери и торопливо заряжали ружья, нѣсколько далѣе—Плезентъ, спокойно прицѣливавшійся. Сначала я не могъ отыскать глазами звѣря, но черезъ минуту увидѣлъ у самой вершины холма огромную сѣрую массу, похожую на гигантскій шаръ, взбирающуюся быстро на гору. Я совершенно не понималъ, что произошло. Я разсчитывалъ увидѣть охотниковъ внизу, а медвѣдя наверху; между тѣмъ вышло наоборотъ. Впрочемъ, размышлять было некогда, такъ какъ все описываемое мною совершалось не въ минуты, а въ секунды. Плезентъ выстрѣлилъ, сѣрая масса испустила новый отчаянный ревъ, но продолжала карабкаться вверхъ. Тогда прицѣлились и мы съ Джэкомъ. Медвѣдь на минуту скрылся въ кустахъ, но тотчасъ же показался снова. Джэкъ выстрѣлилъ. Звѣрь вскочилъ, но тотчасъ же упалъ навзничь и скатился до самаго ручья. У всѣхъ насъ вырвалось единогласное:—ура! Я думалъ, что это уже конецъ, но чудовище опять вскочило и, цѣпляясь мордой и когтями за кусты, побѣжало за Шюрсбери. Братья выстрѣлили еще по разу, мы же съ Джэкомъ, имѣя ружья въ четырнадцать зарядовъ, называемыя «Henri-rifle, пускали пулю за пулей. Въ эту минуту раздался топотъ мексиканскихъ наѣздниковъ, галопировавшихъ по противоположному берегу ручья и вывшихъ, какъ дикіе звѣри. Двое изъ нихъ, достигнувъ берега, отдѣленные отъ звѣря только ручьемъ и небольшимъ пространствомъ косогора, замахали надъ головами страшными лассо, но прежде, чѣмъ петли были заброшены, драма была окончена. Звѣрь скатился еще разъ къ ручью, но уже не поднялся больше. Однако, когда я хотѣлъ бѣжать къ нему, Джэкъ остановилъ меня громовымъ: «stop!» Мы стали всѣ вмѣстѣ потихоньку спускаться и остановились только въ десяти шагахъ отъ него, готовые къ выстрѣлу. Животное лежало на животѣ съ вытянутыми лапами и отъ времени до времени вздрагивало. Изъ пасти текла большая струя крови и слышалось

предсмертное хрипѣніе. Песокъ и трава, гдѣ медвѣдь лежалъ, были изрыты страшными когтями, окровавленныя же губы и носъ вымачканы въ пескѣ, за который онъ въ бѣшенствѣ хватался зубами.

Люцій выстрѣлилъ еще разъ, приложивъ дуло ружья почти къ самой головѣ животнаго, послѣ чего вздрагиванія прекратились, и тѣло неподвижно вытянулось. «Enough!» (довольно) произнесъ флегматично Сэмъ. Затѣмъ мы стали осматривать покойника.

Онъ былъ продырявленъ, какъ рѣшето. Одна пуля попала въ голову, около самаго уха, другая подъ глазъ, не считая послѣдней, пущенной Люціемъ, и тѣхъ, которыя были у него въ туловищѣ. Это былъ не такой исполинскій звѣрь, какого я видѣлъ въ Чейэнѣ, но тоже изъ крупныхъ. Подложивъ обѣ руки подъ его нижнюю челюсть, я съ трудомъ могъ приподнять его огромную голову. Я открылъ пасть, чтобы присмотрѣться къ его зубамъ. Они были покрыты цѣлыми струями полузапекшейся крови; передніе лапы были вооружены такими когтями, въ сравненіи съ которыми когти нашихъ литовскихъ медвѣдей не заслуживаютъ своего названія.

Сѣрый американскій медвѣдь, на мѣстномъ нарѣчіи «grizly», по-латыни же «ursus ferox», самый опасный звѣрь изъ всей породы. Превосходя величиной и силой крупнѣйшія европейскія породы, онъ превосходитъ ихъ также дикостью, смѣлостью и лютостью. На людей онъ очень рѣдко нападаетъ первымъ, но не боится ихъ, и случается, что, терзаемый голодомъ, врывается въ избы и сквотерскіе шалаши. Встрѣтивъ человѣка, онъ начинаетъ гнѣвно сопѣть, маленькіе его глаза свирѣпо сверкаютъ; затронутый, онъ тотчасъ же бросается и преслѣдуетъ свою жертву съ необыкновенной настойчивостью; вслѣдствіе своей громадности и тяжеловѣсности, не можетъ взбираться на деревья, подобно европейскимъ медвѣдямъ. Онъ такъ живучъ, что, пораженный пулями въ голову, можетъ еще бѣжать очень долго.

Однимъ словомъ, это прямой потомокъ допотопнаго медвѣдя. Склонные къ хвастовству американцы кичатся имъ, разсказывая страшныя охотничьи приключенія и утверждая, что съ нимъ не могутъ сравниться ни африканскіе львы, ни индѣйскіе тигры. Я тоже полагаю, что сѣрый медвѣдь превосходитъ силою этихъ исполинскихъ кошекъ тропическихъ странъ, и что, дѣйствительно, охота на него опаснѣе.

Послѣ тщательнаго осмотра убитаго чудовища Рамонъ остался съ мексиканцами, чтобы содрать съ него шкуру и отрѣзать лапы, причемъ я просилъ сохранить для меня зубы и когти, и затѣмъ мы вернулись въ избу. Донна Рефуджіо ожидала уже насъ съ завтракомъ. Я замѣтилъ, что лицо ея ни на минуту не оживилось во время нашихъ разсказовъ. Изъ разсказовъ этихъ выяснилось непонятное для меня обстоятельство, почему, добѣжавъ до вершины холма, я увидѣлъ медвѣдя внизу, а стрѣлковъ наверху, а не наоборотъ. Дѣло было такъ: Люцій, первый увидавшій звѣря, былъ внизу, выстрѣлилъ въ него и тяжело ранилъ. Тогда медвѣдь бросился на него, какъ вихрь, и мы въ это время услышали пронзительные возгласы Сэма: «take care!». Люцію удалось отскочить въ сторону, медвѣдь же не могъ удержаться и скатился къ подошвѣ горы. На охотѣ это часто случается. Заднія ноги у этого животнаго

нѣсколько длиннѣе переднихъ, вслѣдствіе чего ему очень трудно спускаться съ горы. Чаще всего случается, что онъ не сходитъ, а скатывается внизъ головою. Зато въ гору даже лошадь не въ состояніи отъ него убѣжать. Тоже самое случилось и на этотъ разъ.

Спустя часъ, возвратились и мексиканцы съ Рамономъ. Съ ихъ появленіемъ начался настоящій концертъ лая и вытья; собаки, почуявъ шкуру, подняли такой содомъ, какъ будто опасность угрожала ихъ собственной шкурѣ. Въ этотъ же день, который по причинѣ одержанной побѣды мы считали торжественнымъ, Сальвадоры устроили намъ родъ турнира или скачекъ. Послѣ полудня мы всѣ отправились на долину, только кое-гдѣ поросшую дубами. Мексиканцы всѣ были на лошадяхъ, а въ рукахъ держали свернутыя лассо или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «riello». Когда начались скачки, я не зналъ, чему больше удивляться: ловкости ли лошадей или наѣздниковъ. Одинъ изъ рыцарей представлялъ бѣглеца и такъ прижимался къ лошади, что его голова, руки и ноги составляли съ нею одно цѣлое, за которое лассо не могло зацѣпиться; другой, размахивая надъ головой страшною петлею, съ воемъ преслѣдовалъ *противника, стараясь его схватить. Улучивъ удобную минуту*, онъ забрасывалъ лассо, причемъ лошадь, мчавшаяся во весь карьеръ, быстро поворачивалась и начинала галопировать въ противоположную сторону. Если лассо соскальзывало, не задѣвъ убѣгающаго, тогда этотъ послѣдній преслѣдовалъ противника и старался его поймать такимъ же образомъ. Но чаще всего случалось, что веревка обматывалась вокругъ шеи убѣгающаго. Единственное средство, чтобы не быть сдернутымъ съ лошади и задушеннымъ,—это быстро повернуть лошадь и галопировать вслѣдъ за тѣмъ, кто держитъ лассо въ рукахъ, догнать его и вступить съ нимъ въ рукопашную борьбу. Это требуетъ чрезвычайной ловкости и умѣнья управлять лошадью, такъ какъ наѣздникъ, держащій веревку, умышленно дѣлаетъ *неожиданные повороты, чтобы сбросить* пойманнаго съ лошади.

Самымъ ловкимъ и сильнымъ изъ Сальвадоровъ оказался Іисусъ, *тридцатилѣтній* плечистый мексиканецъ, съ черною бородой и истинно орлинымъ взглядомъ. Бросая свое «riello», онъ никогда не промахивался; пойманный же догонялъ противника и сбрасывалъ его съ лошади. Кромѣ того, онъ выказалъ необыкновенную силу, когда, догнавъ своего брата Доротео, схватилъ его одной рукою, какъ кусочекъ дерева, стащилъ съ сѣдла и, пересадивъ на свое, опустилъ его на землю уже у нашихъ ногъ. Это доказательство силы возбудило зависть въ Люціи, и онъ, желая отличиться передо мною, вызвалъ Іисуса. Тотъ сначала отказывался, но, наконецъ, согласился, и они выступили. Черезъ нѣсколько секундъ молодой янки поднялъ мексиканскаго атлета вверхъ и бросилъ на землю, причемъ повредилъ ему руку. За этимъ послѣдовали скачки съ пѣтухомъ. Выпрошенную для этой цѣли у донны Рефуджіо несчастную птицу закопали слегка со связанными ногами въ землю, такъ что видны были только голова и шея. Потомъ каждый изъ кабаллеро отъѣзжалъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, пускалъ лошадь и, мчась во всю прыть, старался поймать его за голову и вытащить изъ земли. Послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ пѣтухъ издохъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ

голова его осталась въ рукахъ у одного изъ Сальвадоровъ. Позже я узналъ, что состязаніе съ пѣтухомъ принадлежитъ къ числу любимѣйшихъ мексиканскихъ игръ, и что въ Лосъ-Анджелосѣ такія скачки устраиваются ежегодно съ большой торжественностью. На нихъ съѣзжается все мексиканское населеніе и множество янки изъ города и окрестныхъ фермъ.

Вечеромъ того же дня къ Плезенту пришли три индѣйца изъ совсѣмъ еще дикаго племени Кахилла, обитающаго по другую сторону Санта-Анна. Лица ихъ, темно-краснаго цвѣта, были похожи на цыганскія. На головахъ у нихъ не было ни перьевъ, ни косъ, но волосы густыми прядями спадали по обѣимъ сторонамъ лица. Одѣты они были въ мокассины изъ оленьихъ шкуръ и родъ рубахъ, не закрывающихъ груди. Вообще, они скорѣе были похожи на нищихъ, нежели на воиновъ, и ничѣмъ не напоминали мнѣ сіуксовъ, видѣнныхъ мною на трансатлантической желѣзной дорогѣ. Не было въ нихъ ни того спокойствія, ни той энергіи, ни гордости. Кромѣ того отъ нихъ несло какимъ то непріятнымъ запахомъ, который больше всего раздражалъ обоняніе нашихъ собакъ. Ни у одного изъ нихъ не было ружья; всѣ они были вооружены луками, стрѣлами и топорами съ рукоятками изъ дерева «писого». Я разговаривалъ съ ними съ помощью стараго Рамона, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ *не зналъ ни по-англійски, ни по-испански*. Эти бѣдняги разсказывали, что у нихъ въ вигвамахъ свирѣпствуетъ голодъ, и что они идутъ просить бѣлыхъ дать имъ чего-нибудь съѣстного.

— Развѣ красные воины не могутъ убивать оленей и бизоновъ?— спросилъ я черезъ Рамона.

На это «Увака», повидимому, старшій изъ нихъ, отвѣчалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ начались дожди, олени не сходятъ пить къ источнику, а красные не могутъ за ними охотиться на вершинахъ.

— А развѣ у нихъ нѣтъ коровъ и овецъ?

— Имѣли, *но всѣхъ съѣли*; притомъ много *овецъ пало отъ недо*статка воды.

— Неужели же разбрелось все племя?

— Нѣтъ, остались женщины, старики и дѣти, молодые же пошли искать работы у бѣлыхъ.

Я далъ имъ немного водки и табаку; купилъ также лукъ и стрѣлы, или вѣрнѣе, выменялъ ихъ на ножъ. Увака показалъ мнѣ, какъ нужно стрѣлять изъ лука и, удалившись со мною на минуту въ дубовую чащу, убилъ нѣсколькихъ дятловъ и синицъ. Пробовалъ потомъ и я, но хотя мнѣ казалось, что я могу натянуть лукъ сильнѣе проголодавшагося индѣйца, однако, стрѣлы, пускаемыя мною, отклонялись на нѣсколько футовъ отъ цѣли, между тѣмъ какъ онъ не далъ почти ни одного промаха. Имѣя намѣреніе пожить нѣкоторое время въ индѣйскихъ вигвамахъ, я спросилъ, когда воины вернутся обратно. Они отвѣчали мнѣ, что черезъ мѣсяцъ.

— А примутъ меня?

— Примутъ и будутъ рады. Бѣлый братъ будетъ охотиться вмѣстѣ съ красными въ оврагахъ, когда захочетъ—пріѣдетъ, когда захочетъ—уѣдетъ; будетъ сидѣть съ красными у костра, курить съ ними, и никто

изъ племени Кахилла не подниметь на него руки. Люцій, слушавшій издали нашъ разговоръ, подошелъ къ намъ и спросилъ:

— Никакъ вы собираетесь поселиться въ ихъ камышевыхъ шалашахъ?

— Да.

— И не боитесь?

— А развѣ они бросятся на меня?

— Нѣтъ, но если-бы который-нибудь изъ этихъ красныхъ чертей посмѣлъ это сдѣлать, то разможжите ему голову въ его же собственномъ вигвамѣ.

— Да, я это и сдѣлаю.

— All right! Но вы не спасетесь отъ другой опасности—вшей. Я,—продолжалъ Люцій,—знаю ихъ хорошо, и, by God! если-бы у меня въ карманѣ было столько долларовъ, сколько у каждой изъ этихъ обезьянъ вшей въ головѣ, то я основалъ бы банкъ въ Фриско (Санъ-Франциско).

Сознаюсь, что слова Люція охладили мое страстное желаніе пожить съ краснокожими и даже уменьшили симпатію къ нимъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти бѣдняги достойны сострадания. Племена, населяющія сѣверныя прерии штатовъ, и племена южныя, какъ-то: Апачи и Команчи, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, защищаться, обладаютъ еще силою сопротивленія; но калифорнійскіе индѣйцы махнули уже на все рукой. Никто объ нихъ не знаетъ, рѣдко кто объ нихъ слышалъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что когда я отправился въ горы, то калифорнійцы увѣряли меня, будто дикихъ индѣйцевъ въ Калифорніи уже вовсе нѣтъ. Скрытые въ недоступныхъ степяхъ, потомки нѣкогда могучихъ племенъ ведутъ жизнь кочевую, отчасти пастушескую, чаще охотничью, а больше всего бродяжническую. Никто ихъ здѣсь не преслѣдуетъ, потому что они никому не мѣшаютъ. Полуцивилизованные нанимаются осенью на сборъ винограда, затѣмъ на заработанныя деньги накупаютъ яркихъ тряпокъ или пропиваютъ заработокъ въ городѣ; нецивилизованные часто умираютъ съ голода, вообще же живутъ со дня на день, Богъ знаетъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что по ту сторону Санъ-Бернардино нѣтъ буйволовъ, составляющихъ главную пищу нѣкоторыхъ племенъ.

Донна Рефуджіо наградила этихъ бѣдняковъ саломъ и фасолью, но такъ какъ было уже поздно, то они ушли подъ деревья и легли спать. На слѣдующее утро ихъ уже не было.

Мы пробыли еще одинъ день у гостепріимныхъ Плезентовъ. Хозяинъ показывалъ намъ свою пасѣку, приносившую ему большой доходъ. На полянкѣ, кое-гдѣ поросшей дубами, стояло на деревянныхъ подставкахъ болѣе двухсоть ульевъ, въ видѣ ящиковъ, выкрашенныхъ бѣлой краской. Въ этихъ ящикахъ помѣщаются рамки, которыя пчелы задѣлываютъ воскомъ и медомъ. Сдѣланнаго воска не вынимаютъ никогда, вслѣдствіе чего пчелы, не тратя времени на выдѣлку воска, даютъ вдвое больше меда. Любопытенъ также способъ добыванія меда. Это совершается съ помощью нарочно для этого изобрѣтенной машины. Рамка вмѣстѣ съ воскомъ и медомъ вставляется въ цилиндръ и подвергается быстрому верченію, вслѣдствіе чего медъ, подъ вліяніемъ центробѣжной

силы, вытекаетъ до послѣдней капли. При этомъ не мнется ни одна восковая клѣточка. По извлеченіи меда, рамку вмѣстѣ съ воскомъ вставляютъ обратно въ улей, а пчелы тотчасъ же начинаютъ ее наполнять. Количество добываемаго здѣсь меда поистинѣ изумительно: въ самые плохіе года оно превышаетъ въ пять разъ количество, добываемое у насъ. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, пчелы въ тепломъ климатѣ гораздо дѣятельнѣе, а во-вторыхъ, что зима держитъ ихъ у насъ взаперти болѣе пяти мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ здѣсь онѣ работаютъ почти круглый годъ, такъ какъ и зимою и лѣтомъ склоны горъ покрыты цвѣтами. Здѣшній медъ превосходитъ качествомъ, запахомъ и прозрачностью даже литовскій липецъ.

Вообще, пчеловодство ведется здѣсь не примитивнымъ способомъ, но согласно со всѣми новѣйшими усовершенствованіями. До сихъ поръ затруднительность его сбыта по причинѣ плохихъ путей сообщенія не давала возможности развиваться этой отрасли мѣстнаго хозяйства, но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ сквэтеры-пасѣчники основали «Общество калифорнійскихъ пчеловодовъ» и рѣшили свой товаръ отправлять прямо въ Ливерпуль, безъ посредничества третьихъ лицъ, цѣны на медъ тотчасъ же поднялись, и ожидаютъ, что въ будущемъ это будетъ одна изъ самыхъ прибыльныхъ отраслей хозяйства.

XI.

Американскіе эскизы.

Не помню, описывалъ-ли я первую свою поѣздку изъ Санъ-Франциско до Лосъ-Анджелло; съ тѣхъ поръ прошло шесть мѣсяцевъ. Желѣзная дорога тогда еще не была окончена, поэтому я ѣхалъ по Тихому океану. Пароходъ «Могонго», старый ветеранъ, дѣлавшій когда-то рейсы между Китаемъ и Калифорніей, исполняетъ въ настоящее время эту же самую обязанность между Санъ-Франциско и Санъ-Діего. Выйдя изъ огромнаго Санъ-Франциканскаго залива черезъ такъ называемыя Золотыя Ворота (Golgengate) въ океанъ и проплывъ около скалъ Клэнфъ-Гоузъ, служащихъ мѣстомъ отдыха морскихъ львовъ, мы вдоль береговъ плыли на югъ. Погода была прелестная. Тихій океанъ никогда еще не казался мнѣ столь заслуживающимъ своего названія. Голубая и гладкая, какъ зеркало, его поверхность сливалась вдали съ небеснымъ сводомъ. По временамъ только на лазури небесъ и моря чернѣла, подобно тучкѣ, сѣрая полоска дыма; это шелъ какой-нибудь пассажирскій пароходъ, везущій людей и товары съ Сандвичевыхъ острововъ въ Калифорнію; онъ какъ-будто выросталъ изъ морской глубины на краю горизонта; иногда бѣлѣлъ парусъ рыбачьей лодки. Черныя прибрежныя скалы издали казались сплошь покрытыми какими-то громадными червями, двигающимися и ползающими, подобно гусеницамъ, блестящими отъ утренней сырости. Это были морскіе львы. Нѣкоторые изъ нихъ, при приближеніи парохода, бросались въ воду, причемъ подъ тяжестью ихъ волны брызгали тысячами струй; другіе, въ особенности старые самцы, привѣтствовали насъ обычнымъ ревомъ; на половину меньшія самки лаяли, какъ собаки.

Стаи сѣрыхъ и бѣлыхъ чаекъ носились надъ этими движущимися скалами, а еще выше свѣтило горячее тропическое солнце. Видный издалека высокій берегъ почти весь состоялъ изъ высокихъ обрывовъ, изъ-за вершинъ которыхъ виднѣлись верхушки зеленыхъ деревьевъ. Кое-гдѣ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ футовъ спадалъ ручей бѣлымъ, какъ молоко, каскадомъ. Иногда мелькала маленькая рыбачья хижина, пріютившаяся у скалы, какъ жучокъ или улитка. Однимъ словомъ, это былъ очаровательный морской пейзажъ, полный простоты, солнца, воздуха и воды. Имъ восхищалось все наше общество: въ каютахъ не было никого. Всѣ сидѣли на палубѣ. На всѣхъ лицахъ отражалось удовольствіе. Погода прекрасная, видъ живописенъ, морская болѣзнь отсутствуетъ; старый «Могонго» сильно дрожитъ, какъ-бы желая вытрясти изъ себя машину. Пусть себѣ дрожитъ, это насъ не тревожитъ, и мы плывемъ далѣе. Такое настроеніе царитъ на каждомъ суднѣ во время хорошей погоды. Больные чувствуютъ себя лучше, печальные—веселѣе. Мы ѣдемъ впередъ, за нами слѣдуетъ широкая полоса взбитой колесами парохода пѣны, а надъ нами вьются чайки. Мы забавляемся, бросая имъ объѣдки яблокъ. За каждымъ кусочкомъ съ десятокъ птицъ бросается въ воду, поднимается крикъ, шумъ, суматоха: одна схватываетъ кусокъ и кричитъ отъ радости, другія отъ злости, иныя, должно быть, бранятся; въ эту минуту новая подачка описываетъ въ воздухѣ дугу, и опять начинается та же возня; а мы смѣемся этому, точно самой остроумной шуткѣ. Таковы-то развлеченія путешественниковъ. Черезъ минуту другая новость: «что такое? что такое?» спрашиваютъ всѣ. Оказывается, что въ колесо попала морская черепаха; судно убавляетъ ходъ, матросы вытаскиваютъ несчастную черепаху, а пароходный лакей заявляетъ, что намъ ее подадутъ за ужиномъ въ супѣ. Раздается громогласное: «ура!» У нѣкоторыхъ является желаніе выкупаться; иные, въ томъ числѣ и я, слушаютъ повѣствованіе путешественника-лгуна. Такого субъекта можно встрѣтить на каждомъ кораблѣ. У него бумажный воротничокъ, шляпа съ истрепенными полями, а руки заложены въ карманы. Онъ увѣряетъ насъ, что мы скоро увидимъ летучихъ рыбъ. Призвавъ на помощь свои зоологическія познанія, я робко прерываю его и говорю, что, кажется, летучія рыбы водятся въ водахъ болѣе близкихъ къ экватору.

— Развѣ?—спрашиваетъ онъ, ничуть не смущаясь и прищуривая одинъ глазъ.—А видѣли вы когда-нибудь морскую змѣю?

— Нѣтъ.

Всѣ хохочутъ, а разсказчикъ одерживаетъ надо мною побѣду, такъ какъ рѣчь идетъ уже не о летучихъ рыбахъ, но о морской змѣѣ.

Я въ жизни своей не встрѣчалъ такого веселаго общества. Изъ-за малѣйшихъ пустяковъ мы всѣ смѣемся, какъ дѣти. Вотъ, напримѣръ, изъ-подъ палубы высовывается косоглазая физіономія китайца, глуповато оглядывается вокругъ и кричитъ въ носъ: «Ieh-hang! Ieh-hang!» На палубѣ нѣтъ никакого Ieh-hang'а, но всѣ тотчасъ-же начинаютъ кричать: «Ieh-hang!» По всему кораблю раздается «Ieh-hang!» На всѣ вопросы услышишь одинъ отвѣтъ: «Ieh-hang!» Общее веселье. Мнѣ кажется, что я нахожусь между школьниками, но я и самъ не лучше другихъ.

Сходимся къ обѣду. Намъ подаютъ черепаховый супъ съ перцемъ,

жаркое съ перцемъ, однимъ словомъ, все перецъ и перецъ, такъ что даже американцы и тѣ находятъ, что его черезчуръ много. Одни смѣются, другіе бранятъ повара, третьи иронически замѣчаютъ прислугѣ, что слишкомъ мало перцу. Между тѣмъ негръ зажегъ въ залѣ лампы, обѣдъ кончается, и мы опять выходимъ на палубу.

На палубѣ перемѣна декораціи: солнце заходитъ. Прозрачный дневной свѣтъ впитываетъ въ себя постепенно золото и багрянецъ; воздухъ свѣжъ, немного солоноватъ и насквозь пропитанъ запахомъ морской раны. Зеркальная поверхность океана стала еще глаже, какъ будто море уснуло. Вдругъ на немъ начинаютъ появляться какія-то дугообразныя линіи, которыя то выступаютъ, то исчезаютъ; наконецъ, причина этого явленія объясняется: надъ поверхностью воды я замѣчаю треугольный плавникъ, потомъ другой и третій. Путешественники указываютъ на нихъ пальцами другъ другу. Это кружатся около парохода акулы.

Ихъ появляется все больше и больше. Не знаю, обыкновенная-ли это игра или любовныя заигрыванія? Иногда до половины высунется изъ воды вмѣстѣ съ плавникомъ и уродливый хребетъ. Онъ ясно виденъ въ багряныхъ лучахъ заката, а капли воды, спадающія съ жабръ чудовища, кажутся каплями крови. Движенія этихъ рыбъ, быстрыя и плавныя, не волнуютъ воду; плавники, разрѣзая гладкую поверхность, оставляютъ черту, которая тотчасъ-же сглаживается, и все успокаивается.

Одна изъ нихъ, не далѣе, какъ шагахъ въ тридцати отъ нашего парохода, быстро поворачивается на бокъ. Я ясно вижу сквозь прозрачную воду ея верхнюю челюсть, значительно выступающую впередъ, и нижнюю, составляющую какъ-бы одно цѣлое съ шеей. На кораблѣ кричатъ: «Замѣтила что-то и бросается», но чудовище спокойно исчезаетъ подъ водою, а за нимъ скрываются и другія.

И опять видна только спокойная, гладкая поверхность. Акулы, однако, не удалялись, а только уплыли на золотую, блестящую полосу, образовавшуюся на водѣ вслѣдствіе отраженія заходящаго солнца. На этой полосѣ мы ихъ не можемъ видѣть, такъ какъ глаза наши не выносятъ чрезмѣрнаго блеска. Но солнце скоро зайдетъ. Лучезарный его дискъ уже только до половины виденъ изъ воды. Черезъ минуту только золотистыя косы сверкаютъ на волнахъ, а голова погрузилась въ глубину. Еще минута, и солнце зашло.

Что за чудная минута! Широкая лента воды, по направленію къ солнцу, еще свѣтится, сверкаетъ, блеститъ, играя и измѣняя цвѣта, точно освѣщена снизу. Эта золотистая дорога теряется въ морѣ пурпура на краю небосклона. Нѣтъ, я не въ силахъ описать все это. Невольно спрашиваешь себя, не ведетъ-ли эта дорога къ какой-нибудь неземной странѣ, гдѣ все прекрасно, безсмертно, гдѣ царитъ вѣчная любовь, поэтическая тишина и упоенье?! Въ эту минуту не стыдишься своихъ грезъ и поэтическихъ увлеченій. Вдругъ въ этомъ сіяніи мелькаютъ какіе-то островки.

— Что это за островки?—спрашиваю я у матроса.—Эндженъ Айландъ—ангельскій островъ. И, дѣйствительно, не только островъ, но и все тамъ было ангельское.

Какое богатство красокъ! Все небо залито краснымъ заревомъ заката, другое отражается въ океанѣ. Черныя прибрежныя скалы, сверкающія влагою, какъ будто облиты кровью. Въ этомъ багряномъ сіяніи рѣютъ чайки. Вся эта картина полна величественной простоты. Вверху небо, внизу море, край скалистаго берега, а на необозримомъ пространствѣ одинъ корабль, одна маленькая черная скорлупка, и больше ничего. Да, вѣдь, и нѣтъ ничего проще величія.

Мы минуемъ Эпджель Айландъ. Заря погасаетъ. На пурпурномъ еще, но уже темнѣющемъ фонѣ, одна за другою, вспыхиваютъ звѣзды. На передней мачтѣ, въ сѣти канатовъ обрисовывается черная фигура матроса. Зажигаютъ голубой фонарь; машина свиститъ; въѣзжаемъ въ какой-то портъ. Корабль уменьшаетъ ходъ и все сильнѣе поворачиваетъ къ берегу. Между тѣмъ наступаетъ ночь. Раздается еще одинъ свистокъ. Вдругъ прибрежныя скалы разступаются и образуютъ широкую, слегка наклоненную къ морю долину, на которой виднѣются кущи деревьевъ, на подобіе нашихъ дубравъ; далѣе бѣлые домики, свѣтъ въ окнахъ, остроконечная башенка, обрисовывающаяся на темномъ фонѣ неба, ближе верфь, построенная изъ бревенъ, а на ней люди съ фонарями въ рукахъ. Матросы кричатъ свое заунывное: ого-го! тащи канатъ. Чувствуется сотрясеніе. Это пароходъ коснулся свай. Съ верфи ловятъ брошенный канатъ и заматываютъ его вокругъ столба. Еще одинъ слабый толчокъ, и мы останавливаемся.

— Что это за городъ?—спрашиваю я.

— Монтерей.

Вагоны, ожидающіе на верфи, забираютъ пассажировъ и товары. Корабль выгрузилъ все, что было нужно, и мы отдыхаемъ еще часъ. Верфь мало-по-малу пустѣетъ; наша палуба — тоже. Путешественники, ѣдущіе дальше, отправляются въ каюты спать. На палубѣ остаются только двое: мексиканскій священникъ и я. Священникъ ходитъ тихимъ шагомъ и, глядя на звѣзды, читаетъ молитвы; я сижу на скамейкѣ и смотрю на мелькающіе издали огоньки въ окнахъ домовъ.

Окончивъ молитву, священникъ подходитъ ко мнѣ.

— Bon ta noche (прекрасная ночь),—тихо замѣчаетъ онъ, какъ-бы боясь нарушить ея очарованіе.

Я утвердительно наклоняю голову, но не выказываю желанія поддерживать разговоръ, и священникъ возвращается къ молитвѣ.

— Ave stella...

Вѣтеръ доноситъ съ берега запахъ цвѣтущихъ померанцевъ и геліотроповъ, и ароматъ ихъ смѣшивается съ запахомъ моря. Мало-по-малу свѣтъ въ окнахъ гаснетъ, священникъ отправляется спать. На палубѣ остаются: рулевой, двое матросовъ и я. Черезъ часъ мы продолжаемъ свой путь и минуемъ цѣпь горъ, возвышающуюся тутъ-же, около берега. Далѣе прибрежье становится плоскимъ и состоитъ изъ песчаныхъ насыпей вплоть до Санта-Инезъ. Въ этой части стень преобладаетъ надъ горами. Насколько я могъ разсмотрѣть ночью, страна пустынна, и не видно ни деревьевъ, ни человѣческихъ жилищъ. Я сижу на палубѣ, потому что не хочется спать, и меня отсюда не гонятъ ни вѣтеръ, ни холодъ. Ночь тиха, тепла и ясна. Луна бросаетъ одинъ снопъ вѣта, а

яркая Венера—другой. Становится все теплѣе. Невольно вспоминается родной край. У насъ теперь зима. Деревни засыпаны снѣгомъ: крыши бѣлыя, синеватый дымъ изъ трубъ поднимается кверху; вѣтви деревьевъ, покрытыя инеемъ, висятъ неподвижно и молчаливо; передъ избами скрипятъ обмерзшіе колодезные журавли; стаи воронъ будятъ спящихъ еще жителей хлопаньемъ крыльевъ и обычнымъ: «кра! кра!» Картина, хорошо намъ знакомая.

Я просидѣлъ на палубѣ всю ночь. Черезъ сутки мы, наконецъ, прибыли въ Санта-Моника, откуда идетъ желѣзная дорога до ближайшаго Лосъ-Анджело.

Собственно говоря, я не имѣлъ намѣренія описывать эту первую поѣздку, но перо мое закусило удила. Главною моей цѣлью было описаніе обратной дороги, т. е. отъ Лосъ-Анджело до Санъ-Франциско или, вѣрнѣе, до средней калифорнійской пустыни Могаве.

Желѣзная дорога, соединяющая Лосъ-Анджело съ Санъ-Франциско, окончена во время моего перваго пребыванія на югѣ. По американскому обычаю первый поѣздъ былъ безплатный. Я воспользовался этимъ, чтобы по дорогѣ осмотрѣть всю долину Калифорніи, а въ особенности вышеупомянутую пустыню. Параллельно Лосъ-Анджело тянутся тѣ же горы Санта-Анна, видимыя изъ Анагейма и уже ранѣе описанныя мною. Желѣзная дорога проходитъ очень близко отъ нихъ. Послѣ десяти миль пути по степи, покрытой травою, дикими подсолнечниками, а иногда на значительныхъ пространствахъ кактусами, безлѣсная мѣстность кончается, и начинаются горы. Пройдя длинный темный тоннель, поѣздъ входитъ въ каньоны, поросшіе дубами, платанами, лаврами и другими растеніями горныхъ странъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе обилія воды, растительность такъ роскошна, что въ разстояніи двухъ шаговъ глазъ не можетъ проникнуть въ ея глубину. Изъ окна вагона я видѣлъ множество цѣнной дичи, какъ-то: фазановъ, куропатокъ, земляныхъ бѣлокъ и зайцевъ. Окрестности кругомъ пустынны. Исключая немногочисленныхъ желѣзнодорожныхъ станцій,—нигдѣ ни домика, ни шатра. Каньоны, какъ мнѣ говорили, на половину только заселены полудикими мексиканскими сквэтерами, занимающимися скотоводствомъ; при этомъ на цѣлый каньонъ приходится по одному сквэтеру, а этотъ каньонъ простирается иногда болѣе, чѣмъ на десять миль въ глубину горъ. Самые лѣсистые и безлѣсные каньоны совершенно необитаемы и служатъ пристанищемъ для оленей, медвѣдей и кугуаровъ. Мѣстами попадались очаровательные пейзажи. Вотъ, напримѣръ, дорогу пересѣкаетъ рѣка; оба ея берега покрыты тысячами цвѣтущихъ деревьевъ; верхушки ихъ соединяются между собою; лозы дикаго винограда, ліаны, дикій плющъ перекидываются съ одного берега на другой и образуютъ надъ водою зеленую галлерею. Въ другомъ мѣстѣ ручей, падая съ высоты десяти—двѣнадцати футовъ, образуетъ каскадъ. У подножія каскада лугъ, поросшій секвами *), здѣсь не особенно высокими, но дальше на сѣверъ, въ

*) Дерево—извѣстное подъ именемъ Thater of the forress достигаетъ 450 ф. вышины и 112 ф. въ окружности. Другое The grizzled giant 30 ф. въ поперечникѣ.

мѣстности, называемой Большое дерево (Big-Trees), они достигаютъ до четырехсотъ футовъ вышины и тридцати въ поперечникѣ и являются самыми гигантскими представителями растительнаго царства. Эти луга съ ихъ вѣчно зеленой травою, деревьями и прозрачною водой какъ будто созданы для земледѣльческихъ или пастушескихъ фермъ или даже виллъ, могущихъ красотою своего мѣстоположенія соперничать съ итальянскими. Мѣстность мало-по-малу начинаетъ принимать болѣе первобытный характеръ. Растительность постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто скаламъ. Недостатокъ воды препятствуетъ развитію какой-бы то ни было органической жизни. Поѣздъ проходитъ среди амфитеатра горъ, возвышающихся полукружьемъ вдоль дороги и какъ будто безконечныхъ. Видны только скалы и небо. Посмотришь направо или налѣво и видишь только каменную пустынную галлерею; передъ тобою каменная галлерея, за тобою—тоже. Поѣздъ мчится точно среди вымершихъ городовъ. Порывистое дыханіе локомотива, шумъ колесъ, удваиваемый эхомъ,—единственные голоса среди царствующей здѣсь тишины.

Тутъ никогда не будетъ людей, нѣтъ и другихъ живыхъ существъ: пустынно и глухо.

— Это Могавъ?—спрашиваю я ѣдущаго со мною сквэтера.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—Могавъ—это пустыня.

— А это развѣ не пустыня?

Между тѣмъ проходитъ часъ, два, а дорога все не измѣняется: тотъ же скалистый амфитеатръ, тѣ же полукружія скалъ, похожихъ одна на другую: камень и камень... Я отхожу отъ окна, тѣмъ болѣе, что становится темно.

На слѣдующее утро поѣздъ остановился у маленькой станціи, на границѣ Могавы. Станція эта состояла изъ двухъ одинокихъ домовъ, стоящихъ на голой степи: одного, выкрашеннаго въ коричневый цвѣтъ желѣзнодорожнаго домика, обыкновенной будочки изъ красныхъ досокъ съ надписью: «Bakery!» и другого такого же, съ надписью: «Saloon», что попросту значитъ кабачокъ. Узнавъ, что съ этой станціи можно попасть въ пустыню, простирающуюся вдоль всей желѣзнодорожной линіи, я высадился съ намѣреніемъ остаться здѣсь нѣсколько дней. Правда, я не зналъ, гдѣ буду ночевать, но въ этомъ климатѣ можно спать и подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, я уже столько ночей провелъ подобнымъ образомъ, что одна лишняя не составитъ никакой разницы. Зато надписи: «Bakery» и «Saloon» удостовѣрили меня, что въ худшемъ случаѣ я могу получить здѣсь сухари и пиво. Такъ оно и было. Когда поѣздъ ушелъ, я познакомился съ начальникомъ станціи, Броуномъ, предложившимъ мнѣ ночлегъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что до настоящей пустыни, т. е. до пальмоваго лѣса, еще цѣлый день пути. На станціи лошадей не было, но въ двухъ миляхъ отсюда жилъ индѣецъ, бывшій когда-то проводникомъ купеческихъ обозовъ, который имѣлъ нѣсколькихъ мустанговъ и отдавалъ ихъ въ наемъ. Мнѣ объяснили, какъ найти его жилье, и, за неимѣніемъ ничего лучшаго, я отправился къ нему тотчасъ же. Послѣ часовой ходьбы по истрескавшейся голой степи я увидѣлъ небольшую долину, посерединѣ которой стояла остроконечная индѣйская избушка съ коралемъ, въ которомъ паслись лошади. Въ этой долинѣ было немного зелени, такъ

какъ вода, выступающая изъ земли въ видѣ лужъ, позволяла расти травѣ и небольшимъ кустарникамъ, какіе растутъ на нашихъ болотахъ, но дерева не было ни одного. Около избы торчали стебли кукурузы. Въ треугольномъ отверстіи вигвама сидѣлъ старый индѣецъ и сдиралъ шкуру съ убитыхъ земляныхъ бѣлокъ, нѣсколько штукъ которыхъ уже сушилось на солнцѣ.

Не легко съ нимъ было объясниться, такъ какъ онъ говорилъ языкомъ, состоявшимъ изъ смѣси исковерканныхъ англійскихъ, испанскихъ и индѣйскихъ выраженій. Къ счастью, на всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ одной только испанской фразой: «dos pesos!» (два доллара). Я спросилъ—далеко ли до лѣса? «Dos pesos»,—отвѣчалъ онъ. Спросилъ, поѣдетъ ли онъ вмѣстѣ со мною или дастъ мнѣ только лошадь; онъ опять повторилъ то же самое. При этомъ показывалъ мнѣ два пальца, вѣроятно, для лучшаго поясненія. Наконецъ, я согласился на «dos pesos», но съ условіемъ сейчасъ же ѣхать. Индѣецъ долго отговаривался подъ разными предлогами. Ему хотѣлось то ѣсть, то пить, но когда онъ убѣдился, что отъ меня не такъ-то легко отдѣлаться, то пошелъ сѣдлать лошадей, бормоча что-то,—должно быть, проклятія по адресу упрямаго «блѣднолицаго». Впрочемъ, приготовленія къ дорогѣ продолжались недолго. Мой новый проводникъ привязалъ къ сѣдлу порядочный мѣшокъ съ кукурузой, а другой для воды. Онъ даже налилъ ее въ мѣшокъ, но она оказалась мутной и теплой, поэтому я приказалъ ее вылить, тѣмъ болѣе, что мы могли на станціи получить свѣжую изъ колодца. Изъ-за этого у насъ начался споръ. Перо (собака),—такъ звали индѣйца—увѣрялъ, что намъ нѣтъ надобности ѣхать на станцію, что это не по дорогѣ и т. д., но мнѣ было необходимо, такъ какъ я не желалъ ѣсть его противныхъ бѣлокъ и хотѣлъ купить сухарей и еще чего-нибудь съѣстного.

Мы долго спорили, не желая уступить другъ другу; но такъ какъ лошади были осѣданы, то я вскочилъ на одну изъ нихъ и, повернувъ къ станціи, объявилъ Перо, что онъ можетъ поступать, какъ ему угодно. Теперь онъ поневолѣ долженъ былъ ѣхать со мною. По дорогѣ, когда мы галопировали рядомъ, онъ впалъ въ еще худшее настроеніе и объявилъ, что я ему долженъ дать «mucho» (очень много) водки и табаку, я же отвѣтилъ, что я вовсе не долженъ, а если онъ не будетъ исполнять того, что я потребую, то ничего ему не дамъ. Я принужденъ былъ такъ поступить, чтобы не дать ему возможности взять верхъ надъ собою. Перо, очевидно, жалѣлъ, что спросилъ съ меня только два доллара, но было уже поздно.

Наконецъ, мы пріѣхали на станцію. Броунъ, увидѣвъ Перо, обозвалъ его воромъ и сказалъ, что никто, кромѣ него, не могъ украсть сала, пропавшаго два дня тому назадъ. Теперь я понялъ, почему Перо хотѣлъ миновать станцію. Но я просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что не было явныхъ противъ него уликъ; самъ же онъ увѣрялъ, что хотя сало и съѣла, безъ сомнѣнія, «perro» (собака), но не «big» (большая), а маленькая, четвероногая. Чтобы покончить съ этимъ, я послалъ его за водой, самъ же отправился въ «Bakery», гдѣ получилъ не только сухари, но еще тертую ветчину и цѣлую связку банановъ. Послѣ полудня мы тронулись. Я посмотрѣлъ на горы, мимо которыхъ

проѣзжалъ вчера: онѣ едва видѣлись на горизонтѣ въ видѣ голубоватыхъ полосокъ мглы и облаковъ. Передъ нами раскидывалась безбрежная сѣрая степь, *нѣсколько склонявшаяся на западъ, къ океану.* На всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ не было видно ни одного дерева. Голая, сѣрая, истрескавшаяся крутыми извилинами почва была похожа на высохшее русло, сожженное солнечными лучами. Низменность этихъ равнинъ позволяла предполагать, что онѣ были когда-то дномъ какихъ-нибудь водъ. Степь мѣстами была совершенно ровная, мѣстами изгибалась обширными, но едва замѣтными для глаза возвышеніями и впадинами. Въ этихъ впадинахъ росли сѣрые, хрупкіе, сожженные солнцемъ стебли какихъ-то растеній, пробуждающихся къ жизни, вѣроятно, только во время весеннихъ дождей. Казалось, что вся эта мѣстность должна быть мертвой, однако, то здѣсь, то тамъ я замѣтилъ слѣды животной жизни. Между стеблей шелестѣли небольшія стаи птицъ съ темно-синимъ опереніемъ и ярко-красными пятнами на крыльяхъ. Бока этихъ впадинъ и возвышенія были покрыты норками земляныхъ собачекъ; черныя бѣлки скрывались при видѣ лошадей въ свои ямки. Очевидно, эти маленькіе звѣрьки питаются зернами растущихъ тамъ высокихъ стеблей, а воду имъ замѣняетъ ночная роса.

Прозрачность воздуха или игра солнечныхъ лучей, отражаемыхъ почвою, производятъ здѣсь миражи (fata morgana), такъ что многіе мелкіе предметы, видимые издалека, принимаютъ здѣсь исполинскіе размѣры. Бѣлокъ, сидящихъ на заднихъ лапкахъ, я иногда принималъ за шакаловъ или другихъ какихъ-нибудь большихъ животныхъ. Проѣзжая мимо норъ земляныхъ собачекъ, мы видѣли гремучихъ змѣй, грѣющихся на солнцѣ, *потому что эти животныя и змѣи неразлучны. Лошади* хотя и прядутъ ушами, проходя мимо змѣй, но не боятся ихъ. Напротивъ, если всадникъ убьетъ змѣю, то пораженный мустангъ останавливается послѣ этого передъ каждой вновь встрѣченной.

Мы ѣхали уже два часа, а окрестность ничуть не измѣнялась. Передъ нами разстилалась огромная сѣрая, однообразная степь, и взоръ, блуждая по ней, терялся въ безконечной дали. Было четыре часа пополудни. Солнце жгло невыносимо. Раскаленная почва отражала солнечный зной, лошади покрылись пóтомъ. Степь начинала утомлять меня и надоѣдать. Это не наша украинская степь со своими курганами и поэтическими преданіями. Тамъ степь доноситъ какъ будто отголоски съ того міра: «Алла» и «Іисусъ Марія», ружейные выстрѣлы и ржаніе коней,— словомъ, тамъ степь имѣетъ живую душу; здѣсь же—тишина, мертвенность, бездушность. Та вся говоритъ и поетъ, а этой и сказать-то нечего; та колышется, двигается, живетъ, тамъ всадники по плечи скрываются въ травѣ, а здѣсь земля открываетъ свое нагое, истрескавшееся лоно. Ничего для глазъ, ничего для уха и воображенія: одно великое *ничто*... Не нахожу другого опредѣленія.

Становилось все жарче. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ солнечнаго заката, который долженъ былъ принести съ собою ночную *прохладу и* еще болѣе прохладный вѣтерокъ съ океана. Солнце мало-по-малу спускалось съ высоты небеснаго свода къ горизонту. Пальмоваго лѣса, къ

которому мы направлялись, совсѣмъ еще не было видно, а Перо утверждалъ, что до ночи мы къ нему не доѣдемъ.

— Что «блѣднолицый» хочетъ дѣлать въ Могавѣ? — спросилъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— Хочу ее видѣть,—отвѣтилъ я.

— Въ Могавѣ плохо,—тамъ ничего нѣтъ.

— Да, вѣдь, и здѣсь нѣтъ ничего.

— Здѣсь есть бѣлки. «Блѣднолицый» можетъ ихъ убить и съѣсть. Въ Могавѣ можно умереть съ голоду.

— А Перо много разъ уже тамъ былъ?

— Перо бывалъ проводникомъ бѣлыхъ въ той сторонѣ, гдѣ проходитъ дорога между двумя большими городами, но въ странѣ, откуда восходитъ солнце, Перо не былъ никогда, потому что у той пустыни нѣтъ конца.

— Почему же Перо знаетъ, что пустыня на востокѣ не имѣетъ конца, если онъ тамъ никогда не былъ?

— Перо слышалъ объ этомъ отъ очень старыхъ людей. Они разсказывали ему, что за мертвымъ лѣсомъ, въ сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, есть большія горы. Перо даже былъ въ нихъ, только въ другомъ мѣстѣ. Это очень плохія горы, потому что тамъ нѣтъ ни травы, ни животныхъ. За горами точно такая же пустыня и большая вода, а за водою опять пустыня, которой уже нѣтъ конца.

— Какъ «блѣднолицые» называютъ большую воду?

— Туларе.

Разсказы моего проводника впослѣдствіи отчасти оправдались и, если принять во вниманіе, что онъ былъ индѣецъ, то его познанія по географіи были вполнѣ удовлетворительны. Пустыня, дѣйствительно, занимаетъ всю середину Калифорніи. Степи, смежныя съ океаномъ, по мѣрѣ приближенія къ востоку, постепенно преображаются въ безплодную песчаную равнину. Цѣпь горъ «Coast-Range» или «Maurit-Diablo», составляя хребетъ прибрежной мѣстности, отдѣляетъ часть пустыни, болѣе близкой къ океану, куда мы собственно и стремились, отъ болѣе отдаленной, простирающейся до Сіерра-Невады. Большое озеро Туларе находится въ той части, которая, сворачивая на югъ, минуетъ оконечности Сіерра-Невады, перерѣзываетъ вышепоименованныя цѣпи горъ, разбросанныя на востокѣ, обнимаетъ часть штата Невада, Аризону, Нью-Мексику, западную часть Техаса, сѣверныя части трехъ провинцій: Соноры, Чикуагуа, Кохагуа и кончается уже у подошвы Скалистыхъ горъ.

Подобно тому, какъ пустыни аравійская, персидская и даже Гоби составляютъ продолженіе Сахары, такъ и Могава, Джила, Колорадо и т. д. представляютъ изъ себя одну систему пустынь, одно громадное плоскогорье, иногда пересѣкаемое рѣками или горами, но всегда имѣющее пустынный характеръ. Песчаныя равнины, груды камней, отроги горъ, мѣстами степь, лѣтомъ голая и потрескавшаяся,—вотъ общій характеръ этихъ огромныхъ пространствъ, почти совсѣмъ еще безлюдныхъ и большею частью препятствующихъ развитію органической жизни. Весною, однако, послѣ дождей наступаетъ минута жизни въ этомъ мертвомъ мірѣ. Песчаныя пространства покрываются мелкой травкой, рас-

щелины скалъ зеленѣютъ; обыкновенно голая степь украшается тысячами цвѣтовъ. Невозможно описать всю прелесть этой радужной минуты воскресенія этихъ степей. Въ мартѣ и апрѣлѣ я видѣлъ пространства, миль на десять покрытыя желтыми цвѣтами вродѣ нашихъ тюльпановъ. Здѣсь почти всегда бываетъ такъ, что извѣстное растеніе, найдя для себя подходящія условія, заглушаетъ другія еще въ самомъ зародышѣ, уничтожаетъ ихъ и царствуетъ неограниченно. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, за царствомъ тюльпановъ начинается царство голубыхъ колокольчиковъ, далѣе—пунцовой гвоздики, затѣмъ желтыхъ, бѣлыхъ, розовыхъ, пестрыхъ и, Богъ знаетъ, еще какихъ цвѣтовъ. Здѣсь каждый оттѣнокъ занимаетъ извѣстное пространство. Это—настоящее море цвѣтовъ. Но волненіе этихъ морей, колеблемыхъ вѣтромъ, непродолжительно. Въ концѣ мая степь мѣняетъ свою разноцвѣтную парядную одежду на однообразную желтую или, вѣрнѣе, вяло-желтую. Въ іюнѣ земля трескается. Цвѣты должны въ промежуткѣ съ марта до іюня вырости, расцвѣсти, полюбить, размножиться и вотъ... приходитъ пора... завянуть... Что завяло—падаетъ на землю, сѣмена скрываются въ трещины, гдѣ темнота оберегаетъ ихъ отъ зноя, все же, что остается на поверхности, превращается въ пепелъ, который вѣтеръ разноситъ на всѣ четыре стороны, и степь становится совершенно голой.

Но есть мѣста, гдѣ ничего не выростаетъ, даже и весною, послѣ дождей. Песокъ покрывается травою только тамъ, гдѣ сейчасъ же подъ нимъ лежитъ плодородный слой; но, напримѣръ, на Джилѣ, песокъ мелокъ, сыпучъ, чрезвычайно глубокъ и поэтому совершенно безплоденъ. Мѣста, покрытыя мелкимъ щебнемъ, тоже остаются всегда голыми, какъ и мѣста скалистыя или покрытыя стеклообразнымъ веществомъ, образовавшимся изъ пережженнаго солнечными лучами песку. Такая почва преобладаетъ въ Могавѣ или, вѣрнѣе, въ той ея части, что прилегаетъ къ океану. Однако, на пескахъ этихъ растутъ, такъ называемыя, пальметты, которыя Перо назвалъ вымершимъ лѣсомъ, и которыя мы завтра на разсвѣтѣ должны были увидѣть.

Между тѣмъ мы остановились на ночлегъ. Перо привязалъ лошадей къ заостренному колу, воткнутому въ трещину почвы, потомъ напоилъ ихъ и далъ корму, а когда онѣ начали жевать твердыя кукурузныя зерна, мы принялись за свои запасы. Выпивъ воды съ водкой, Перо сталъ подкрѣпляться своими отвратительно высушенными на солнцѣ бѣлками, я же предпочелъ бананы. Подкрѣпивъ свои силы, мы подложили подъ головы сѣдла и легли спать. Въ это время на небѣ заблестѣли звѣзды, большая красная луна медленно выплывала изъ-за небосклона и, постепенно блѣднѣя, поднималась все выше и выше. Стало такъ свѣтло, что на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ я могъ разсмотрѣть черную сѣть расщелинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была такъ тверда и гладка, что лучи мѣсяца отражались на ней, какъ на полированной поверхности. Впрочемъ, здѣсь не на чемъ было остановить ни взора, ни вниманія. Вдали та же степь. Мѣстами чуть замѣтныя впадины, освѣщенныя блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, и, наконецъ, группы сухихъ стеблей, въ которыхъ уныло шелестѣлъ вѣтеръ.

Но и въ этой пустынности и безпредметности есть какое-то свое-

образное, безсодержательное очарованіе. Здѣсь, выражаясь поэтически, печальная Діана, или попросту луна, блуждаетъ по небу, какъ бы отыскивая въ этой пустынѣ затерянный предметъ, для котораго стоило бы свѣтить. Иногда ко мнѣ возвращалась мысль, что вся эта степь есть не что иное, какъ морское дно, надъ которымъ еще недавно вздымались волны, но воды высохли и оставили послѣ себя пустоту. То мнѣ представлялось, что это еще не пробужденный къ жизни край, вышедшій изъ бездны послѣ потопа и ожидающій пробужденія. Такой видъ должна была имѣть нѣкогда земля, прежде чѣмъ на ней появились допотопные папоротники и грибы. Воображеніе перенесло меня за тысячи лѣтъ въ тотъ моментъ мистическаго сна земли, послѣ котораго проснулись ея дремлющія силы.

Но черезъ нѣсколько минутъ я былъ выведенъ изъ своихъ грезъ голосами пустыни. Погребальныя плакальщицы степей—шакалы—завыли и застонали въ ближней чащѣ сухихъ стеблей. «А, значитъ вы водитесь и въ этой пустынѣ?»—подумалъ я съ удивленіемъ. Но шакалы водятся вездѣ. Въ степяхъ они питаются бѣлками, а бѣлки—сѣменами этихъ сухихъ растеній. Въ степи, какъ и вездѣ, жизнь состоитъ въ томъ, что болѣе сильный уничтожаетъ болѣе слабаго, и такъ до безконечности; притомъ шакалы воруютъ, что могутъ, у пастуховъ и путешественниковъ. Встрѣтивъ какого-нибудь большого звѣря, напримѣръ, медвѣдя или кугуара, шакалы ходятъ за нимъ вслѣдъ, разсчитывая на остатки его трапезы. Это степные дармоѣды. Они плетутся за свѣтлѣйшихъ и живутъ его милостью. Зато, когда охотникъ подстрѣлитъ ихъ кормильца, и тотъ издохнетъ гдѣ-нибудь въ скалахъ, шакалы тотчасъ-же съѣдаютъ его, что на ихъ условномъ языкѣ, вѣроятно, называется предохраненіемъ смертныхъ останковъ отъ поруганія. Если случится утомленному путешественнику уснуть, не разводя огня, то хищники эти подходятъ къ нему, старательно обнюхиваютъ и хотя по своей трусливости не рѣшаются броситься на спящаго, но крадутъ запасы даже изъ-подъ головы. Что касается меня, то я хотѣлъ только уснуть спокойно. Я уже настолько освоился съ этимъ гробовымъ воемъ, что не испытывалъ, какъ прежде, чувства суевѣрнаго страха, но они нагоняли на меня такую тоску, такъ дѣйствовали на мои нервы, что я тысячу разъ предпочиталъ ревъ кугуаровъ; я пробовалъ уснуть, но не могъ и, выйдя изъ терпѣнія, выстрѣлилъ на воздухъ. Лошади рванулись, шакалы смолкли на минуту, но больше всѣхъ испугался, до того сладко спавшій, Перо.

— Что «блѣднолицый» дѣлаетъ?—спросилъ онъ со страхомъ.

— Не могу уснуть,—отвѣчалъ я,—и, если Перо не прогонитъ шакаловъ, буду стрѣлять всю ночь.

Перо, успокоившись, подумалъ съ минуту.

— Есть у «блѣднолицаго» огниво?

— Есть.

— У Перо тоже есть; пусть «блѣднолицый» зажжетъ ближайшіе кусты, а Перо зажжетъ дальніе.

Мысль эта показалась мнѣ очень остроумной, и мы тотчасъ же приступили къ ея исполненію. Когда я подошелъ къ кустамъ, изъ нихъ выскочили два шакала и, что есть духу, помчались въ степь. Я легко

добылъ огня, но стебли не загорались. Наломавъ самыхъ тонкихъ, я сталъ раздувать.

Искры тотчасъ же зажигали сухіе листки, но они мгновенно гасли. Между тѣмъ болѣе опытный въ этомъ отношеніи Перо опередилъ меня. Въ то время, когда я еще безуспѣшно надрывалъ грудь, со стороны Перо уже блеснулъ свѣтъ, и вскорѣ кровавое зарево озарило темноту. Оглянувшись кругомъ, я прежде всего увидѣлъ черныя фигуры нашихъ лошадей, а вдали—освѣщенную краснымъ пламенемъ сѣть трещинъ, горящіе кусты и индѣйца, похожаго на дьявола, танцующаго около огня.

Разбуженные скворцы съ крикомъ и шумомъ слетались со всѣхъ сторонъ на свѣтъ; высокіе стебли ярко вспыхивали, а тонкія вѣточки, затрепетавъ на мгновеніе въ объятіяхъ пламени, тотчасъ же исчезали въ немъ. Всю эту картину освѣщалъ блѣдный свѣтъ луны, смѣшиваясь по краямъ освѣщеннаго пространства съ розовымъ отблескомъ огня. Перо, вырвавъ нѣсколько горящихъ стеблей и наклонивъ ихъ по направленію вѣтра, бѣжалъ зажигать слѣдующіе кусты, а за нимъ бѣжала и гасла во мракѣ красная полоса искръ. Наконецъ, зажегъ и я свой кустикъ, а потомъ и два сосѣдніе, а когда ихъ заплыло съ десятокъ, мы вернулись къ лошадямъ. Кусты скоро погасли, но мы гарантировали себѣ, по крайней мѣрѣ, часа два отдыха, такъ какъ шакалы убѣжали далеко за предѣлы дерева. Мы, дѣйствительно, тотчасъ же заснули, но на слѣдующее утро Перо разбудилъ меня еще до разсвѣта. Полусонный, я влѣзъ на сѣдло, а когда лошадь побѣжала обычнымъ, мѣрнымъ мексиканскимъ галопомъ, я опять уснулъ такъ хорошо, какъ въ постели. Не знаю, долго ли я спалъ, но когда проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Лошади бѣжали хотя и галопомъ, но такъ медленно, что ихъ можно было догонять пѣшкомъ. Я осмотрѣлся вокругъ: твердая степь съ сѣтью трещинъ и кустами сухихъ стеблей совершенно исчезла. Почва, по которой мы ѣхали, была покрыта чрезвычайно мелкимъ, сыпучимъ, подобно пеплу, пескомъ. Исчезли также возвышенности и впадины! Передъ нами разстилалась сѣрая и гладкая, какъ столъ, равнина. Небесный сводъ, принимая по краямъ горизонта сѣрый оттѣнокъ, незамѣтно сливался съ нею. Кругомъ не было видно ни стебелька какого-нибудь растенія, ничего и ничего, только вверху небо, а внизу сѣрая песчаная равнина. Перо привсталъ на сѣдлѣ, очертилъ рукою дугу въ воздухѣ и произнесъ:

— Могаве.

Мы ѣхали еще съ полчаса, не встрѣчая вокругъ ни одного предмета. Безпредметность какъ будто основала здѣсь свое царство. Отсутствіе здѣсь жизни угнетаетъ не только чувство, но и умъ. Въ странѣ предметовъ мысль, вылетѣвъ изъ головы, привыкла возвращаться, какъ пчела, нагруженная медомъ впечатлѣній; здѣсь она возвращается утомленная, разочарованная, неудовлетворенная. Умъ здѣсь долженъ дать все самъ,—извнѣ онъ не получаетъ ничего. Слово «пустыня» шумитъ въ головѣ, но не облекается ни въ какой образъ, ни въ какую опредѣленную форму. Какъ заблудившійся странникъ, умирая отъ жажды, кричитъ: «воды!», такъ изнемогающее воображеніе молитъ здѣсь: «предметовъ»

Наконецъ, что-то показалось на сѣверѣ: не то темная полоса, не

то спустившаяся мгла или туча, не то опушка лѣса. Это «что-то» обрисовывается на голубомъ фонѣ горизонта все яснѣе и яснѣе, выдвигается изъ мутной дали, приближается, принимаетъ опредѣленную форму. Перо опять протягиваетъ бронзовую руку и говоритъ:

— Вымершій лѣсъ.

— Слава Богу! Мертвый или живой,—привѣтъ ему! Я вонзаю въ бока мустанга длинныя, въ четверть аршина, мексиканскія шпоры, и мохнатый его лобъ начинаетъ покачиваться быстрѣе. Мы мчимся, какъ военные гонцы; передъ нами выростаетъ лѣсъ, а черезъ полчаса мы уже на его опушкѣ.

Что такое пальметты, и что говорится о нихъ въ ботаникѣ—не знаю. Но если я назову ихъ попросту трагическими деревьями, то это опредѣленіе будетъ настолько же далеко отъ ботаники, насколько близко отъ Виктора Гюго. Но при всемъ этомъ я не нахожу болѣе подходящаго опредѣленія. Перо, простой индѣецъ, незнакомый съ художественнымъ слогомъ, назвалъ этотъ лѣсъ вымершимъ. Тишина, неподвижность и смерть: вотъ первыя впечатлѣнія, производимыя этимъ лѣсомъ. Пальметты совершенно не похожи на другія деревья. У всякаго дерева есть стволъ, сучья, толстыя и тонкія вѣтви, листья, цѣлое разнообразіе линій и оттѣнковъ. У пальметтъ нѣтъ ничего подобнаго. Пальметта это—однообразный, сѣраго цвѣта стволъ, раздѣляющійся вверху на двѣ, рѣдко на три тупоусѣченныя вѣтви. Дерево это похоже на человѣка, простирающаго съ отчаяніемъ руки къ небу. Стволъ только въ самомъ низу, а вѣтви сплошь покрыты точно щетиной, не отдѣляющейся отъ коры и облекающей все дерево, какъ чехломъ. Всѣ формы грубы, неподвижны, какъ будто неуклюже вытесаны изъ камня. Цѣлый лѣсъ кажется окаменѣлымъ или какъ-будто лѣсомъ исполинскихъ коралловъ, покоящихся гдѣ-то на днѣ морскомъ. На сѣромъ пескѣ, на которомъ растутъ пальметты, не растетъ больше ничего,—нѣтъ нигдѣ ни травки, ни цвѣтка, ни слѣда воды. Тутъ не услышишь птичьяго щебетанія; ни одно насѣкомое не точитъ этихъ неподвижныхъ стволовъ. Насколько возможно окинуть взглядомъ, возвышается стволъ за стволомъ, какъ мрачная колонна за колонною, и ряды ихъ мертвы, безмолвны, бездушны. Настоящій мертвый лѣсъ. У всякаго другого дерева жизнь выражается то трепетаніемъ вѣтвей, то зеленью, то цвѣтами, то запахомъ: видно, что дерево живетъ, дышитъ, изливаетъ живительный бальзамъ, расцвѣтаетъ, производитъ плодъ; между пальметтами же я бродилъ, какъ посреди надгробныхъ памятниковъ на какомъ-нибудь огромномъ кладбищѣ. Я блуждалъ, какъ духъ, лошади остались у опушки, а индѣецъ, какъ другой духъ, слѣдовалъ за мною сумрачный и молчаливый. Вѣтра не было; песокъ безшумно ссыпался подъ нашими ногами; солнце поднялось высоко надъ горизонтомъ и невыносимо жгло. Повсюду царила могильная тишина. Отъ деревьевъ ложились на песокъ короткія тѣни, испещряя черными пятнами его сѣрую поверхность. Мы шли все дальше и дальше, и мнѣ невольно вспомнились слова Словацкаго:

Въ такой же тишинѣ и такъ же безмятежно
Мы войдемъ когда-то въ Елисейскіе лѣса.

Вдругъ это торжественное шествіе было прервано голосомъ индѣйца, сказавшаго:

— «Блѣднолицому» не пройти весь вымершій лѣсъ.

— А далеко онъ тянется на востокъ?

— Солнце три раза прошло-бы отъ горъ до великой воды, прежде чѣмъ «блѣднолицый» могъ бы проѣхать весь лѣсъ на самомъ быстромъ конѣ.

— У меня вовсе нѣтъ такого намѣренія, но пусть Перо мнѣ скажетъ, доходилъ-ли кто-нибудь до горъ?

— Прежде? Нѣтъ. Краснокожіе здѣсь никогда не жили, такъ какъ въ Могавѣ нѣтъ ни воды, ни животныхъ. И лошадь, и всадникъ должны тутъ умирать. Краснокожіе жили ниже (тутъ онъ показалъ рукою по направленію къ Лосъ-Анджело) въ горахъ, гдѣ растутъ деревья, и каждую весну ѣздили въ другую сторону охотиться на буйволовъ. Тамъ степь покрыта травою.

— А теперь уже не ѣздятъ?

— Теперь ихъ нѣтъ.

Наступила минута молчанія.

— Это были братья Перо?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Какъ-же ихъ звали?

— Магаве.

— А братья Перо?

— Кагуйа.

— Эти еще есть?

— Вигвамы ихъ разсѣяны въ горахъ на югѣ, но ихъ уже не много. Прежде они жили до самой границы Могаве. Тамъ, гдѣ теперь стоятъ каменные вигвамы блѣднолицыхъ (Лосъ-Анджело), былъ ихъ большой лагерь. Но теперь уже ихъ тамъ нѣтъ.

— Гдѣ же они теперь?

Бронзовая рука въ третій разъ протянулась по направленію къ горамъ, а торжественный голосъ отвѣчалъ:

— Тамъ, съ душами отцовъ.

Разсказъ былъ правдивъ. Упомянутыя племена жили по сосѣдству, но, по обыкновенію, постоянно воевали изъ за охотничьихъ территорій. Могавы погибли въ этой постоянной борьбѣ, а Кагуйя хотя еще и существуетъ, но рано или поздно тоже исчезнутъ съ лица земли. Я былъ въ ихъ вигвамахъ въ южныхъ оконечностяхъ Тамискаля и Санта-Анны. Они не живутъ уже большими таборами, но разсѣяны по различнымъ мѣстностямъ. Въ вигвамахъ, гдѣ я провелъ два дня, было всего двадцать семь человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей. Живутъ они впроголодь, и хотя въ тѣхъ мѣстахъ очень много всякой дичи, но у нихъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія, а если и есть, то никуда негодное. Они довольно мѣтко стрѣляютъ изъ луковъ, сдѣланныхъ изъ упругаго дерева, но стрѣлы эти почти никогда сразу не убиваютъ большого звѣря, на птицъ же подобная охота очень затруднительна и неудобна. Въ то время, когда охотникъ, вооруженный ружьемъ, стрѣляя по куропаткамъ, сидящимъ

на землѣ *), убиваетъ ихъ сразу штукъ по десяти, изъ лука можно убить только одну. Ѣдятъ эти индѣйцы все: бѣлокъ, земляныхъ собачекъ, шакаловъ, дикихъ кошекъ,—однимъ словомъ, все, что попало. Если имъ случится убить медвѣдя или большого оленя, то это—великое торжество для всего табора. Болѣе смѣлые охотятся и на буйволовъ. Для этой цѣли они отправляются иногда даже за Санъ-Бернардино, откуда привозятъ запасы сушенаго мяса, но чаще всего гибнутъ отъ руки дикихъ и воинственныхъ апачей и команчей. Вообще, состояніе индѣйцевъ въ Калифорніи, не приспособившихся къ обработкѣ земли, весьма бѣдственно. Во время сбора винограда почти всѣ взрослые мужчины отправляются къ морскому берегу, въ населенныя мѣстности, и нанимаются на работу, но на заработанныя деньги покупаютъ всякіе пустяки, а главнымъ образомъ—водку. Законъ строго воспрещаетъ продавать индѣйцамъ водку, но онъ часто бываетъ безсиленъ. Многіе фермеры, тайно отъ акцизнаго надзора, гонятъ изъ вина водку и продаютъ ее индѣйцамъ. Я самъ разъ былъ свидѣтелемъ, какъ, по окончаніи работъ у зажиточнаго фермера, работавшимъ индѣйцамъ не только ничего не слѣдовало, такъ какъ они все забрали впередъ напитками, но не было ни одного, который не остался бы долженъ хозяину. То же повторяется почти вездѣ. Время винограднаго сбора—нѣчто вродѣ карнавала для индѣйцевъ, за которымъ наступаетъ пость вплоть до будущаго лѣта. Притомъ кредитомъ они не пользуются нигдѣ, такъ какъ не отличаются особенною честностью. Всѣ прибавки въ видѣ водки, или денегъ каждый фермеръ считаетъ разъ на всегда потерянными,—поэтому всѣ стараются при самомъ началѣ сдѣлки скинуть ихъ съ заработной платы.

Проживъ съ этими индѣйцами нѣсколько дней, я ознакомился съ ихъ бытомъ и отчасти узналъ ихъ характеръ. Къ несчастью, я не нашелъ въ нихъ ни одного изъ тѣхъ благородныхъ качествъ, какими отличаются герои Купера. Самая ихъ жизнь посреди невообразимой грязи и насѣкомыхъ, заставившихъ меня сбѣжать, можетъ возбудить только отвращеніе; затѣмъ, во всемъ у нихъ сказывается деморализація, отмѣчающая вымирающія расы. Они лѣнивы, вѣроломны, лживы и, наконецъ, трусливы. Если не воруютъ и не разбойничаютъ, то только потому, что трепещутъ передъ страшнымъ «Линчемъ», съ которымъ они познакомились черезъ сквэтеровъ.

Часто случается, что сквэтеръ, отыскивая что-нибудь пропавшее, одинъ пріѣзжаетъ въ таборъ и одинъ среди всѣхъ мужчинъ производитъ розыски и расправляется по-своему. Притомъ эти несчастные полудикари очень лакомы до всего, что не составляетъ ихъ собственности. Мой охотничій ножъ, револьверъ, ружье, однимъ словомъ, все, не исключая топора, мѣшковъ и собаки, было постояннымъ предметомъ ихъ зависти. Каждый изъ нихъ старался что-нибудь выманить у меня. Иногда они поддѣлывались ко мнѣ разными льстивыми названіями, иногда же, болѣе нахальные, заявляли, что «блѣднолицый» долженъ имъ подарить ту или другую вещь, но одинъ строгій взглядъ тотчасъ же смирялъ трусливаго нахала. Не менѣе отвратительно ихъ обращеніе съ женщинами. Мужчина только

*) Въ Калифорніи стрѣляютъ въ куропатокъ сидящихъ, а не на-лету.

охотится, а остальное время лежитъ передъ вигвамомъ въ кучѣ сора, ничего не дѣлая; женщина же, часто съ ребенкомъ на спинѣ, запертомъ по самую шею въ лубочной корзинкѣ, исполняетъ самую тяжелую работу, получая взамѣнъ ругань и пинки. Мужъ жену, отецъ дочь отдаетъ первому встрѣчному за что-бы то ни было: за кусокъ проволоки, перочинный ножикъ или старую жилетку. А дѣвушки эти съ мѣднымъ цвѣтомъ лица и черными, большими, привѣтливыми глазами иногда бываютъ прелестны. Случается, что одинокіе бѣлые сквэтеры женятся на нихъ и живутъ счастливо. Иныя изъ нихъ пріобрѣтаютъ современемъ кое-какія познанія и нѣкоторый лоскъ. Въ предшествующемъ письмѣ я упоминалъ про полуиндіанку донну Рефуджіо, которая была настолько образована, что могла бы соперничать со многими американками средняго класса. Послѣ я встрѣчалъ и настоящихъ индіанокъ, умѣющихъ читать, писать и вообще обладавшихъ гораздо бо́льшими познаніями, чѣмъ ихъ бѣлые мужья. Кромѣ того, онѣ всѣ превосходныя матери.

Судьба вышедшихъ замужъ за бѣлыхъ, въ сравненіи съ судьбою индѣйскихъ женщинъ, поистинѣ, достойна зависти. Сначала такіе браки совершаются, въ большинствѣ случаевъ, неоффиціальнымъ образомъ, но современемъ они становятся таковыми, въ силу закона, гласящаго, что мужчина, проживши три года съ свободной женщиной, долженъ смотрѣть на нее какъ на законную жену и не можетъ жениться на другой, а въ случаѣ, если онъ ее оставитъ, то долженъ заботиться о ея содержаніи и т. д. Вообще въ Америкѣ церковные уставы не имѣютъ никакого значенія, а правительственные—менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Здѣсь не нужно вмѣшательства закона, чтобы мужчина, живя съ женщиной, считалъ ее своей женой. Нужно побывать здѣсь самому, чтобы составить себѣ ясное понятіе, какіе идеальные мужья природные американцы. Каждый изъ нихъ въ лицѣ своей жены чтитъ свой «home», т. е. свой домашній очагъ, свое положеніе гражданина, отца своихъ дѣтей, свое собственное достоинство, словомъ, всего себя, не обращая вниманія на то, женился ли онъ на ней при посредствѣ священника, чиновника или безъ нихъ посредства, бѣлая-ли она, желтая или мѣднаго цвѣта. Подобное уваженіе къ женщинамъ, повидимому, коренится въ крови этой расы и передается даже нѣмецкимъ и ирландскимъ эмигрантамъ, привыкшимъ смотрѣть на эти отношенія иначе.

Возвращаюсь къ Когуйямъ. Мое пребываніе у нихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, несмотря на многіе ихъ недостатки, возбудило во мнѣ чувство состраданія къ этимъ бѣднякамъ. Я сочувствую имъ уже по той причинѣ, что они несчастны. Въ Калифорніи теперь уже нѣтъ войны съ краснокожими, да, по правдѣ сказать, истребительной войны никогда не было, такъ какъ здѣшнія племена не отличались никогда ни такимъ мужествомъ, ни такою настойчивостью, какъ племена степныхъ территорій. Бѣлые не дѣлаютъ никакихъ насилій надъ ними, какъ, напримѣръ, на сѣверѣ, гдѣ въ то время, когда я пишу, происходитъ упорная борьба, не только между сіуксами и бѣлыми, но въ Идаго, между страшнымъ племенемъ «проколотыхъ носовъ» и врывающимися въ ихъ владѣнія піонерами. Тамъ вожди «Сидящій быкъ» (Sitting bull) и «Бѣлая птица» (White bird) уже по рукоять окрасили свои воинскія сѣкиры кровью муж-

чинъ, женщинъ и дѣтей; тамъ между скальпами, содранными съ головъ бѣлыхъ, развѣвается у пояса «Сидящаго Быка» длинноволосый скальпъ генерала Кустера и всѣхъ его солдатъ; тутъ же о скальпахъ никто не слышалъ, повсюду тишина и спокойствіе, и, несмотря на это, неумолимый перстъ цивилизаціи стираетъ съ лица земли и эти мирныя племена. Можетъ быть, это неизбѣжно, можетъ быть, необходимо, но въ глубинѣ человѣческой природы таится чувство болѣе глубокой справедливости, оскорбляемой такимъ образомъ, и во имя этого чувства невольно хочется иногда сказать «goddam...» той цивилизаціи, что для слабыхъ и темныхъ является такимъ проводникомъ и наставникомъ, какимъ былъ волкъ для овецъ.

Возвращаюсь къ вымершему лѣсу. Когда тѣни отъ пальметтъ пропали почти совсѣмъ, означая полдень, Перо пошелъ поить и кормить лошадей, а я остался одинъ и снова взоръ мой блуждалъ по рядамъ мертвыхъ стволовъ. Я присматривался къ слою песку, желая отыскать слѣды какихъ-нибудь животныхъ или птицъ, но сѣрая сыпучая поверхность была такъ гладка, какъ будто по ней еще вчера катились воды. Я шелъ все вглубь тѣмъ смѣлѣе, что слѣды мои были какъ бы нитью Аріадны, могущей каждую минуту вывести меня изъ этого лабиринта. Видъ нисколько не измѣнялся; тѣ же ряды стволовъ, тѣ же неуклюжіе каменные контуры и та же могильная тишина. Это странная, особенная пустыня, гдѣ выраженіемъ смерти служитъ, именно, то, что должно бы вдохнуть въ нее жизнь: т. е. деревья. Но это только призраки деревьевъ. Я сомнѣваюсь, чтобы даже африканская Сахара или аравійскія степи возбуждали такое чувство тоски и поражали такою мертвенностью и оцѣпенѣніемъ, какъ Могава. Тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть изрѣдка зазеленѣетъ оазисъ, или иногда на песчаныхъ холмахъ мелькнетъ на фонѣ вечерней зари библейская картина верблюдовъ и всадниковъ, созерцающихъ небо; здѣсь возвышаются одинъ пальметты, бездушныя, страшныя, безмолвныя.

Однако, теперь и въ Могавѣ слышатся иногда голоса, нарушающіе вѣчную тишину. Я вышелъ уже на край лѣса къ Перо и лошадямъ, когда услышалъ этотъ отголосокъ изъ пустынной дали. Сначала это былъ какъ будто тихій шелестъ, затѣмъ онъ приближался, переходилъ постепенно въ грохотъ, потомъ послышался звонъ колокольчика, потомъ свистъ или точнѣе шипѣніе пара. Перо всмотрѣлся въ даль печальныхъ колоннъ и сказалъ:

— Большіе фургоны бѣлыхъ.

Вскорѣ шумъ усилился, сталъ явственнѣе, и вдругъ мы увидѣли выбѣгающій изъ лѣса желѣзнодорожный поѣздъ. Это необыкновенное зрѣлище въ этой пустыни. Поршни машины, видимые издалека, быстро двигались, какъ ноги какого-нибудь чудовища; пасть его испускала клубы дыма. Во всемъ этомъ была какая-то непонятная сила, какое-то неистовство; поѣздъ казался гигантскимъ животнымъ, преслѣдующимъ свою добычу. Онъ не бѣжалъ, но рвался впередъ, какъ вихрь или ураганъ. Пронесся подобно адскому хороводу, пыхтя, звеня и гудя; ворвался въ степную равнину и летѣлъ дальше, пока не скрылся въ степяхъ по направленію къ Лосъ-Анджело.

— Бѣлые не боятся Могавы,—отозвался Перо.

И онъ былъ правъ. Кто знаетъ, что станется черезъ нѣсколько лѣтъ съ этой пустыней и съ этимъ мертвымъ лѣсомъ? Кто знаетъ, не вырубятъ ли бѣлые эти деревья и не поселятся ли тутъ, гдѣ до сихъ поръ не осмѣлилось жить ни одно существо? Можетъ быть, своею исполинскою силою они раздвинутъ восточныя горы и добывъ, какъ Моисей изъ глубины скалъ воду, проведутъ на разстояніи сотенъ миль ея живительныя струи въ эти песчаныя необъятныя пространства. А тогда въ сегодняшней пустынѣ будутъ колебаться волны различныхъ нивъ, пальметты уступятъ мѣсто лѣсамъ настоящихъ пальмъ, померанцамъ, фигъ, людской говоръ нарушитъ царствующую въ настоящее время тишину. Что удержитъ эту необузданную расу «блѣднолицыхъ» въ ея стремленіи впередъ черезъ пустыни, степи и дѣвственные лѣса? Уже теперь Могава во всю свою длину и ширину переставъ быть заколдованнымъ краемъ, о которомъ индѣйцы разсказывали другъ другу небылицы. Южная Тихо-океанская дорога (Southerns Pacific Railrod) до Лосъ-Анджело давно уже окончена. Отъ Лосъ-Анджело одна линія идетъ черезъ Анагеймъ на югъ до Санъ-Діего, другая, поворачивая на востокъ, проходитъ весь Могавъ, горы Санъ-Габріэль и снѣжныя Санъ-Бернардино; за горами и за Агуа-Кальенте опять входитъ въ пустыню и кончается уже въ фортѣ Юма, на границѣ Калифорніи, Аризоны и Мексики, недалеко отъ устья Колорадо.

Калифорнія не даромъ гордится постройкой этихъ линій, сравнивая труды и побѣжденныя препятствія съ трудами и препятствіями, какіе должны были преодолѣть инженеры, строившіе большую Трансатлантическую дорогу. И справедливо. Быть можетъ, легче было проводить дорогу черезъ холодныя плоскогорья Айовы, Небраски, Уойоминга и Утаха, нежели черезъ эти безводныя пустыни, гдѣ жара доходитъ до ста слишкомъ градусовъ (по Фаренгейту), и въ продолженіе десяти мѣсяцевъ не бываетъ дождя. Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ предполагались станціи, нельзя было докопаться до воды. Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ больше увеличивались и препятствія. Мелкій, какъ зола, песокъ не держался подъ шпалами, а вѣтеръ разносилъ насыпи. За пустыней слѣдовали уходящія въ небо вершины Санъ-Бернардино, далѣе сухія озера и опять еще болѣе безплодная пустыня. Тысячи бѣлыхъ и китайцевъ работали здѣсь съ утра и до вечера съ обычною американскою горячечною поспѣшностью, не любящей растягивать на годы самыхъ большихъ предпріятій. Наконецъ, работы окончены. Фортъ Юма соединенъ съ Санъ-Франциско—и новый край открытъ, какъ для горнаго дѣла, такъ и для колонизаціи.

Все это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что дорога эта — дѣло не Соединенныхъ Штатовъ, но одной только Калифорніи. Впрочемъ, всѣ дороги здѣсь въ рукахъ частныхъ компаній, но въ то время какъ на линію «Двухъ океановъ» акціонеры собирались со всѣхъ штатовъ, акціи южной дороги расходились исключительно въ Калифорніи, насчитывающей шестьсотъ тысячъ жителей.

Но здѣсь все быстро подвигается. Мнѣ могутъ замѣтить, что всякое частное предпріятіе, пользуясь полною свободою дѣйствій, находитъ и

поприще шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Этого факта я оспаривать не стану, но замѣчу только, что здѣсь, въ Америкѣ, та же энергія, которая не терпитъ никакихъ ограниченій, сумѣла бы изыскать средства, чтобы удалить все стоящее у нея на дорогѣ.

Оплачивается ли такая дорога, проведенная черезъ пустыни до какого-нибудь пункта цивилизаціи, какъ, наприм., фортъ Юма, это другой вопросъ, но и на него нельзя иначе отвѣтить, какъ утвердительно. Прежде всего эти предпріятія разсчитаны на многіе годы, на будущее. Аризона, напримѣръ, въ настоящее время почти еще не заселена, но предприниматели разсчитываютъ, что она не будетъ пустынной, когда желѣзная дорога предоставитъ удобное съ нею сообщеніе. Они хорошо знаютъ, что неисчерпаемыя серебряныя копи этого края привлекутъ сюда множество рудокоповъ; что за рудокопами послѣдуютъ коммерсанты, а за ними, въ свою очередь,—земледѣльцы; что построятся города, разовьется промышленность, и, въ концѣ концовъ, ихъ трудъ и издержки принесутъ обильный плодъ.

Однимъ словомъ, желѣзныя дороги въ Америкѣ открываютъ новыя страны. При этомъ играетъ роль еще одно обстоятельство. Правительство штатовъ, въ виду поощренія такихъ полезныхъ предпріятій, даетъ дорогамъ огромныя пространства земли, прилегающей къ нимъ. Пріѣзжающіе сюда изъ Европы колонисты предпочитаютъ пріобрѣтать земли отъ дорогъ, прежде всего потому, что ихъ можно дешево купить, а во-вторыхъ, что земли эти, пролегая вдоль линіи, обезпечиваютъ сообщеніе съ большими торговыми центрами, слѣдовательно, сбезпечиваютъ и сбытъ ихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, желѣзнодорожныя управленія продаютъ ежегодно сотни тысячъ акровъ колоніямъ нѣмецкимъ, ирландскимъ, датскимъ, шведскимъ, норвежскимъ и даже польскимъ. Колонисты, поселяясь по нѣсколько десятковъ и болѣе семействъ, смѣло пускаются въ невѣдомыя страны, не боясь ни индѣйцевъ, ни разстоянія, лишь бы найти плодородную землю и достаточно воды и лѣса. Современемъ они становятся зажиточными и живутъ спокойно. Такимъ образомъ въ пустыняхъ великаго запада возникаютъ города, которые по своей отдаленности представляютъ изъ себя какъ бы зародыши новыхъ государствъ; такимъ же точно образомъ въ пустынныя страны стекается населеніе, а территорія постепенно превращается въ штатъ.

Такое положеніе вещей существуетъ и до сихъ поръ. Читатели, вѣроятно, слышали о многочисленной и страшной для Галиціи и Познани эмиграціи крестьянъ въ Америку. Эти крестьяне, по пріѣздѣ въ Америку, часто подвергаются въ городахъ величайшей нуждѣ, поэтому среди нихъ преобладаетъ стремленіе къ осѣдлости въ колоніяхъ. Въ послѣднее время стремленіе это проявилось съ особенной силой. Въ настоящее время ведутся переговоры о пріобрѣтеніи отъ дороги нѣсколькихъ десятковъ тысячъ акровъ въ Арканзасѣ, между рѣками Аркапзасъ и Миссисипи, въ лѣсистой, удобной для различныхъ посѣвовъ и почти еще пустынной странѣ. Другая же партія, вѣрнѣе, стоящее въ ея главѣ духовенство хочетъ поселить свою паству на степныхъ, безлѣсныхъ пастбищахъ Небраски; обѣ эти партіи ведутъ по этому поводу чрезвычайно

упорную полемику, причемъ и та, и другая стороны не разборчивы ни въ средствахъ, ни въ выраженіяхъ.

Я потому такъ распространился въ концѣ настоящаго письма о желѣзныхъ дорогахъ, что неустрашимость и предпріимчивость, съ какими онѣ строятся, составляютъ самую выдающуюся черту американскаго характера. Посмотрѣвъ на карту Соединенныхъ Штатовъ, мы увидимъ рядомъ съ *линіями, уже существующими, множество другихъ, только что начатыхъ*, но черезъ нѣсколько лѣтъ и онѣ будутъ окончены. Линіи эти бѣгутъ, *скрещиваются, расходятся во всѣ стороны, покрывая своею* густою сѣтью горы, пустыни, лѣса и почти еще совершенно безлюдныя степи. Онѣ проходятъ черезъ Орегону, Вашингтонъ-Территори, Монтанъ, Идаго, Дакоту, Небраску, Колорадо, Аризону, Новую Мексику, Техасъ, Индіанъ-Территори—однимъ словомъ, черезъ мѣстности, гдѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ не было никого, кромѣ безчисленныхъ стадъ буйволовъ и охотившихся на нихъ краснокожихъ всадниковъ, украшенныхъ перьями. Но этого не довольно: въ головахъ янки гнѣздятся, повидимому, еще болѣе смѣлые планы. Имъ уже мало Соединенныхъ Штатовъ,— они хотѣли бы оковать желѣзною сѣтью всю эту часть свѣта, не только въ ширину, но и въ длину. Приведутъ ли они это намѣреніе въ исполненіе? Сомнѣваться въ этомъ невозможно, такъ какъ энергія этого свободнаго народа не признаетъ опасностей, а единственный его лозунгъ: «Go ahead!»

Письмо изъ Рима.

Римъ, собственно говоря, состоитъ изъ трехъ городовъ: Новаго, папскаго и древняго Рима. Топографически они не отдѣлены другъ отъ друга. Часто дома, построенные сегодня или вчера, стоятъ на фундаментахъ стараго Рима; между обыкновенными каменными постройками возвышается то здѣсь, то тамъ романская башня; церковныя крыши и купола поддерживаются древними колоннами; однимъ словомъ, средневѣковая жизнь выростала, какъ плѣсень, на развалинахъ языческаго міра; потомъ, въ свою очередь, и сама превращалась въ развалины, изъ которыхъ лѣпилъ себѣ гнѣздо современный человѣкъ. Римъ—это безпорядочная смѣсь трехъ міровъ и, вслѣдствіе этого, самый оригинальный городъ въ мірѣ. Линейка и циркуль еще не коснулись его улицъ; дома то выше, то ниже громоздятся группами одни надъ другими; улицы изгибаются странными, нигдѣ не встрѣчаемыми извилинами; между домами виднѣются террасы, башни, дворцы, церкви, развалины, фонтаны, кресты, обелиски и опять узенькія, на подобіе корридоровъ, улицы, а на углахъ ихъ Мадонны, освѣщаемыя ночью лампадами.

На каждомъ шагу видны слѣды древняго Рима, но только слѣды. Вообще, онъ скрылся подъ землею; вѣка похоронили его, какъ умершаго человѣка, засыпавъ толстымъ слоемъ песку, а на этой гигантской могилѣ зазеленѣла новая жизнь. Но современное любопытство любитъ откапывать старыя могилы: такимъ образомъ откопали форумъ. Отъ Капитолія до Колизея тянется исключительно древній Римъ. Часть эта составляетъ отдѣльный кварталъ, расположенный на концѣ нынѣшняго города. Видъ на эту часть открывается почти неожиданно, и трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе испытываетъ путешественникъ, когда, выбравшись изъ узенькихъ улицъ, увидитъ рядомъ съ Капитоліемъ этотъ городъ развалинъ. Форумъ,—это въ настоящее время огромный прямоугольникъ, осѣвшій на восемь метровъ въ землю и прилегающій съ одной стороны къ Капитолію, а съ другой къ Колизею. По правую ея сторону находится Тарпейская скала и развалины Цезарева дворца, а по лѣвую—Мамертинская тюрьма, храмы Антонія и Фаустины и, наконецъ, колоссальныя развалины храма Константина. Здѣсь были очагъ и сердце древняго Рима, а въ данное время—окраина нынѣшняго. Черезъ отверстія въ сводахъ и окна вѣковыхъ развалинъ виднѣются сады, незастроенныя площади, а вдали опять развалины и груды мусора, за которыми разстилается большая равнина римской Кампаньи.

Здѣсь почти нѣтъ обычнаго городского движенія; не слышно также грохота возовъ и экипажей. Высокія колонны, портики, художественныя линіи, пересѣкающія во всѣ стороны небесную лазурь, обрисовываются съ необыкновенною ясностью и спокойствіемъ; колоссальные своды, точно

возведенные не человѣческими руками, свѣшиваются, не поддерживаемою вѣками массою, готовые каждую минуту обрушиться отъ собственной тяжести, а отъ всего этого вѣетъ какимъ-то неописаннымъ величіемъ воспоминаній, тишины и смерти. Вокругъ живетъ только одна природа; сквозь обломки стѣнъ Цезаревыхъ дворцовъ чернѣютъ римскія ссосны, кое-гдѣ возвышается пальма, оканчивающаяся на подобіе стройной колонны капителью изъ листьевъ; длинныя, вьющіяся травы, павилика и мохъ цѣпляются за всѣ трещины, зазубрины и изломы; надъ развалинами рѣютъ стаи птицъ, и солнце льетъ потоки свѣта; но все созданное человѣческими руками разрушено и мертво. Это попросту мертвый городъ. Часто, въ особенности лѣтомъ и въ началѣ осени, пока еще не съѣдутся иностранцы, ни одна живая душа не нарушаетъ здѣсь тишины. Когда я въ полдень блуждалъ среди этихъ колоннъ, то до меня едва доносился неясный городской шумъ, похожій на журчаніе далекихъ водъ; только по временамъ слышалось щебетаніе птицъ и стрекотаніе кузнечиковъ, притаившихся въ расщелинахъ камней. Все это навело на меня грустныя думы, и подъ ихъ впечатлѣніемъ я сошелъ въ эти гробницы, которыя показались мнѣ послѣднею, обращенною въ камень и мраморъ, страницею великой эпохи. Странныя мысли приходятъ въ голову путешественника, когда онъ очутится здѣсь и станетъ лицомъ къ лицу съ далекимъ прошлымъ. Всѣ воспоминанія, все, что онъ зналъ и читалъ о Римѣ, и что, несмотря на способность дополнять воображеніемъ, казалось обыкновенною историческою теоріей, тутъ принимаетъ ощутительныя формы и выступаетъ, какъ дѣйствительность. Можно на это смотрѣть и прикасаться руками. Это не превращеніе сомнѣній въ увѣренность, но провѣрка словъ фактами, потому что въ этомъ никто и не сомнѣвался. Въ сознаніи, что я здѣсь, и что я все это вижу, заключается невыразимое наслажденіе, черпающее свой источникъ въ выразительности, съ какою говорятъ факты, и любопытствѣ, какое возбуждаетъ этотъ совершенно чуждый намъ мертвый міръ.

Между тѣмъ, взглядъ скользитъ по окружающимъ предметамъ, какъ будто испуганный величіемъ этой руины. Все это разрушено. Желѣзная рука Роберта Гвискарда уничтожила въ концѣ все, что пережило нападеніе готтовъ и вандаловъ, и весь форумъ напоминаетъ огромное разоренное кладбище, на которомъ хаосъ памятниковъ дополняетъ то, что не успѣла сдѣлать смерть. Колонны, одни поломанныя въ верхней части, другія—у основанія, обозначаютъ еще границы храмовъ, но туловища большинства лежатъ уже безпорядочно на землѣ; кое-гдѣ торчатъ только цоколи, человѣческая нога топчетъ коринѳскія или іоническія капители, наполовину вросшія въ землю и покрытыя въ углубленіяхъ мхомъ. Въ щеляхъ каменныхъ плитъ, которыми нѣкогда былъ вымощенъ весь форумъ, растетъ трава. Множество пьедесталовъ безъ изваяній то стоитъ, то клонится къ паденію, то лежитъ безпорядочными грудами. Глаза еще отличаютъ едва видимыя надписи, между которыми слово «Divo» повторяется на каждомъ шагу. Всѣ эти памятники были воздвигнуты во время цезаризма богамъ и обожествленнымъ людямъ, а теперь мраморные члены этихъ божковъ часто валяются въ грудахъ разнаго мусора и пыли, почернѣвшіе, покрытые плѣсенью, забытые. Все пространство устлано об-

ломками этихъ изваяній. Тутъ лежитъ голое туловище женщины безъ головы, рукъ и ногъ, еще красивое по своимъ мягкимъ, округленнымъ формамъ; далѣе—мужскія руки съ узловатыми мускулами, могучія бедра разныхъ героевъ, головы безъ носовъ, ноги, бюсты то гигантскіе, то обыкновенныхъ размѣровъ. Всѣ эти печальные обломки лежатъ другъ подлѣ друга, а среди нихъ сверчки стрекочутъ конецъ печальной рапсодіи.

По временамъ кажется, что находишься въ какой-нибудь студіи скульптора. Невольно является мысль, какимъ жизненнымъ искусствомъ было ваяніе для древняго міра и нельзя не согласиться съ Тэномъ, что время ея уже миновало. Въ прежнія времена оно было насущною потребностью, теперь — искусственное растеніе, воспитываемое въ угоду изящному вкусу. Художникъ-язычникъ создавалъ, нынѣшній только пересоздаетъ; тотъ черпалъ искусство изъ всего окружающаго: изъ современныхъ ему вкусовъ, представленій и понятій, религіозныхъ или поэтическихъ, однимъ словомъ, былъ искренень; нынѣшній—не обращается къ своему міру, не заимствуетъ у него, а ищетъ содержанія въ исторіи прошедшихъ, мертвыхъ, всѣмъ чуждыхъ временъ. Новѣйшія времена создали свою собственную поэзію, живопись, музыку и архитектуру; въ скульптурѣ мы не вышли изъ круга боговъ, фавновъ, нимфъ и греческихъ героевъ. А это самое безжизненное изъ современныхъ искусствъ было когда-то самымъ жизненнымъ. Среди муравейника обыденной жизни древняго классическаго города, храмы, а въ нихъ ряды изваяній, были истиннымъ «ковчегомъ завѣта» между древними и новѣйшими временами, и можно слово въ слово повторить за поэтомъ Мицкевичемъ, что въ него «народъ вкладывалъ оружіе своихъ рыцарей, нить своихъ мыслей и цвѣты своихъ чувствъ», свою религію, свою увѣренность въ могущество и покровительство боговъ. Оно служило какъ бы очагомъ, связывающимъ прошедшее съ будущимъ, дѣйствительность съ идеаломъ, человѣка съ божествомъ. Форумъ былъ нѣкогда населенъ изваяніями. Варвары разрушали ихъ, сырость покрывала плѣсенью, время засыпало землею, музей грабили, а все-таки и въ настоящее время все пространство «Via Sacra» и вся площадь форума вымощены ихъ обломками.

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся между колоннами къ Капитолію, нами невольно овладѣваютъ историческія воспоминанія, а буквы: S. P. Q. R., высѣченныя на поперечникѣ, пропосятъ передъ нашимъ мысленными очами рядъ живыхъ образовъ. Здѣсь «sub tutela inviolati templi» среди этого лѣса колоннъ и изваяній собиралась комиссія. Выше, на холмѣ, засѣдалъ сенатъ съ трибунами у порога, приговоры которыхъ пронизывали дрожью и гнѣвомъ «patres conscriptos». Здѣсь такіе Мирабо прежнихъ временъ, какъ Канулій, а позже Лициній Столо, среди крика и нахмуренныхъ бровей аристократіи, повторяли свое громкое по послѣдствіямъ: ut alterum ex plebe consulem fieri liceret», а потомъ «aedilem, censorem». Здѣсь, по Via Сакра, двигались колесницы тріумфаторовъ, а за ними въ кандалахъ шли короли варваровъ, мечтающіе о родныхъ лѣсахъ, печальные, громадные; вокругъ нихъ ликторы съ пучками розогъ и сѣкирами, далѣе—легіоны, трофеи, военная добыча, орлы и радостный народъ. Въ минуты несчастья здѣсь гибли сенаторы отъ рукъ

галловъ Бренна, а потомъ Гракхи отъ рукъ римлянъ. На Капитоліѣ сенатъ блѣдиѣлъ, а Сулла смѣялся, слушая стоны страдальцевъ, заключенныхъ въ ближайшей Мамертинской тюрьмѣ. Въ этой же тюрьмѣ, среди ночной тишины, цезарь съ фонаремъ въ рукѣ осматривалъ трупы сообщниковъ Катилины и повторялъ, какъ пыиѣшній мѣщанинъ, дрожащій передъ революціей, свое памятное: «jam non vivunt!» («Уже не живутъ»). На стѣнахъ Капитолія развѣвалась мрачная, обрызганная кровью тога цезаря, а внизу выдъ народъ, взывая о мести.

Все это жило, дѣйствовало и прошло. Цѣлыя поколѣнія умирали, и только народъ, изваянный изъ мрамора, увеличивался на форумѣ. Отъ Капитолія остались только стѣны, на которыхъ Микель Анджело построилъ дворецъ въ стилѣ возрожденія; на форумѣ со временъ республики не осталось почти ничего, такъ что желѣзный Гвискардъ разорялъ только памятники цезаризма. Но теперь и этихъ уже немного. Одна только арка Септима Севера пережила другія. Вандалы и норманы пообгрызали ее у основанія, какъ волки—кости мамонта, но совсѣмъ разрушить были не въ состояніи. Капители колоннъ обвалились отъ времени, мраморъ пожелтѣлъ, мелкая рѣзьба стерлась и покрылась пятнами, постройка осѣла на два этажа въ землю, но все-таки еще держится. Впрочемъ, не считая двухъ арокъ, Тита и Константина, это единственный памятникъ чисто римскаго зодчества на форумѣ. Всѣ остальныя—это дѣти Эллады.

Сохранилась еще колонна Фоки, восемь колоннъ храма Юпитера, три—Кастора и Поллукса и нѣсколько меньшихъ—Сатурна. На карнизахъ, соединяющихъ эти колонны, видны еще слѣды надписей. Во всѣхъ преобладаетъ коринѳскій стиль, т. е. большинство колоннъ оканчивается высокою, украшенной листьями и цвѣтами капителью; іоническихъ, съ завитушками на углахъ, я видѣлъ немного; часто встрѣчаются смѣшанныя, іонически-коринѳскія; гладкихъ дорическихъ, заканчивающихся кольцомъ и простымъ безъ всякихъ украшеній четыреугольникомъ, совсѣмъ нѣтъ. Когда я смотрѣлъ на тѣ, что стоятъ на форумѣ, то историческія воспоминанія мало по малу уступали мѣсто впечатлѣнію красоты. Характеръ этой архитектуры дѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ. Подобное впечатлѣніе я испытывалъ при видѣ Веперы Милосской въ Луврѣ и Аполлона Бельведерскаго въ Ватиканѣ. Туристъ не вздрагиваетъ въ греческо-римскихъ храмахъ, какъ въ мрачныхъ и темныхъ готическихъ сводахъ; его мысли не угнетаетъ разнузданная фантазія хотя бы индійской нагоды; не разсѣиваетъ вниманія избытокъ украшеній новѣйшей архитектуры. Очарованіе, заключающееся въ словѣ стиль, дѣйствуетъ иначе: онъ состоитъ въ полномъ равновѣсіи всѣхъ свойствъ души и впечатлѣній, въ чувствѣ извѣстнаго внутренняго міра, по отношенію къ совершенству размѣровъ и соединенію и изящества, и простоты. Пріятныя впечатлѣнія порождаютъ и пріятное состояніе души, человѣкъ чувствуетъ, что ему дѣйствительно хорошо и пріятно. Въ классическомъ зодчествѣ, какъ и въ древнихъ изваяніяхъ, нѣтъ той, если можно такъ выразиться, литературной мысли, которая упорядочивала бы другія и старалась заговорить самостоятельно; есть только общая мысль по отношенію къ человѣку и природѣ.

Повторяю: и къ природѣ, потому что эти колонны, карнизы и капители сливаются въ одно цѣлое съ мѣстной картиной, небомъ и солнцемъ. Зеленая подстилка равнины возвышаетъ и легкость, и высоту; голубой фонъ неба рельефнѣе выдѣляетъ ихъ бѣлизну и какъ бы расплавляетъ линіи въ нѣжныя очертанія; наконецъ, солнце освѣщаетъ, оживляетъ, оттѣняетъ и дополняетъ рѣзьбу. Этимъ іоническимъ и коринѳскимъ колоннамъ необходима греческая или итальянская лазурь, греческое или итальянское солнце. Архитекторъ, вѣроятно, и разсчитывалъ на это. Перенесенные на сѣверъ, подъ хмурое небо, эти нѣжные цвѣты съежились бы, измельчали и завяли.

Въ этихъ классическихъ постройкахъ видна сильная вѣра древнихъ людей въ современную жизнь, ея значеніе, ея счастье. Мы легко поймемъ Ахиллеса, который сказалъ полупечально: «Послушай, божественный Одиссей! Я предпочитаю быть работникомъ и жить на землѣ, чѣмъ блуждать, какъ тѣнь, по елисейскимъ полямъ». Очевидно, и боги искали счастья, наслажденій и цѣли на землѣ, какъ и обыкновенные смертные. Отсюда вытекаетъ стремленіе къ жизни, къ дополненію ея поэзіей, живописью, ваяніемъ, музыкой и архитектурой. Изящныя искусства для насъ составляютъ забвеніе жизни, а для нихъ они были ея букетомъ. Средневѣковый монахъ, смотрѣвшій на жизнь, какъ на необходимое зло, не могъ воздвигать такихъ храмовъ. Его церковь рвалась къ небу стрѣльчатыми башнями, какъ рвалась и душа... Средніе вѣка потеряли вѣру въ современную жизнь, а новѣйшіе теряютъ ее въ будущую... Невольно является желаніе спросить, для чего и чѣмъ мы будемъ жить?

Но это забота будущаго. Другія, еще менѣе горькія мысли пробуждаетъ видъ классическихъ храмовъ. Отвернувшись отъ мрачной арки Септима Севера, постепенно забываешь, что находишься въ Римѣ, и кажется, что тебя окружаетъ Грецiя. Эти іоническія и коринѳскія колонны, эти капители, карнизы и изваянія это—цвѣты греческаго духа, его родныя дѣти, его идеалы. Здѣсь, въ завоевательномъ Римѣ, побѣжденная Грецiя воздвигла себѣ безсмертный памятникъ. Римъ только поднималъ и поддерживалъ великую государственную идею, жертвовалъ ради нея единицей, создалъ могущественнѣйшее въ свѣтѣ правительство, завоевалъ почти весь земной шаръ, овладѣлъ имъ, выжалъ изъ него все и основалъ новое римское государство. Грецiя позволяла развиваться единицѣ, не сумѣла создать великій синтезъ государства, но за то другими своими дѣяніями способствовала индивидуальному развитію, и Римъ рухнулъ подъ собственною тяжестью, а Грецiя не только возродилась въ византійскомъ государствѣ, но и въ самомъ Римѣ пережила Римъ. Современный аѳинянинъ! Потоскуй и подумай надъ монументомъ славы. Главное—подумай! Что за странная судьба. Думы эти не должны быть очень горьки.

Черезъ арку Тита, рядомъ съ развалинами цезаревыхъ дворцовъ можно пройти въ Колизей. Арка эта—это одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ чисто римскаго зодчества, какъ по строенію, такъ и по изящной рѣзьбѣ, отличающей ее отъ ближайшей арки Константина, находящейся по пути къ банѣ Кажакалли. На внѣшней вогнутой ея сторонѣ рѣзьба изображаетъ торжественное шествіе легіоновъ Тита, обре-

меченныхъ добычею разореннаго Іерусалима. Между другими предметами выдѣляется знаменитый шандалъ изъ храма Соломона. Здѣшніе евреи изъ Гетто далеко обходятъ эти ворота тяжелыхъ для нихъ воспоминаній. Сейчасъ за этими воротами начинается Колизей. Здѣсь все говоритъ о цезарствѣ, а на мысль прежде всего приходятъ слова Тацита: «Ruerunt in servitutem patres, senatores equites, plebs. Но на цезарство можно также смотрѣть, какъ на реакцію человѣческаго, противъ всепоглощающей идеи государства. Міръ уже былъ завоеванъ, а обыватели избалованные тріумфами, тяготились постоянною необходимостью жертвовать всѣми силами души и тѣла для государства. Кромѣ того, человѣкъ пожелалъ жить, какъ единица, не гибнуть безслѣдно въ государственной пирваѣ, посвятить себя поэзіи и искусствамъ; поэтому, весь гигантскій трудъ правленія передали въ руки одного цезаря, а сами отдыхали, веселились и развлекались. Дѣйствительно «ruerunt in servitutem», за это цезарь Веспасіанъ воздвигъ имъ такой Колизей, а Титъ повелѣлъ мучиться въ немъ тысячамъ людей и животныхъ. И народъ былъ доволенъ. Цезари купали его въ баняхъ, раздавали хлѣбъ на рынкахъ, баловали. Народъ любилъ даже и Нерона, который былъ для нихъ и правителемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ шутомъ. Только высокія головы обрѣзали до общаго уровня, и такимъ равенствомъ платили оподлившейся черни за свободу. Но больше всего за это платили зрѣлища. Здѣсь въ Колизеѣ по ночамъ раздавалось протяжное рычанье львовъ. Въ настоящее время эта гигантская руина свѣтитъ пустыми окнами, но въ старину, среди рычанія звѣрей и стоновъ умирающихъ, девяносто тысячъ голосовъ кричали: «macte!» Хлопали въ ладоши, пальцы то поднимались вверхъ, то опускались, гладіаторы выкрикивали: «Ave, Caesar! Morituri te salutant»; по аренѣ проходили германы, галлы, бастарны, гигантскіе даки, такіе же рѣдкостные люди, какъ и тѣ животныя, которыхъ посылала Африка. Здѣсь также безмолвно умирали христіане. Потомъ этотъ адскій хоръ криковъ и стоновъ, отчаянныхъ и покорныхъ умолкъ навсегда, и на пропитанной кровью аренѣ крестъ распростеръ безмолвно свои руки.

Теперь нѣтъ креста. Правительство приказало его убрать. Кромѣ того, онъ возвышался уже среди развалинъ. Колоссальное зданіе само начало разрушаться; Гвискардъ разрушилъ его только отчасти, остальное разрушило время и человѣческая жадность. «Quod non fecerunt barbari, fecere Barberini! Дворцы Барберіновъ и фарнезовъ построены изъ кирпича, награбленнаго въ Колизеѣ; а затѣмъ обкрадывалъ ихъ, кто хотѣлъ. Только во времена Наполеона начали отстраивать зданіе и возобновили нѣсколько сводовъ, но это, въ сравненіи со всѣмъ зданіемъ, капля въ морѣ. Все остальное изломано, уродливо, мертво и почти не похоже на дѣло рукъ человѣческихъ. Я видѣлъ его и при солнечномъ и при лунномъ освѣщеніи. Ночью оно кажется почти страшнымъ своею величиною руиною и пустотою. Теперь тамъ только живутъ скорпіоны и летучія мыши.

Подъ сводами арки Константина проходитъ дорога къ банѣ Каракалли. Это чудная дорога; она идетъ среди садовъ и овраговъ, по краямъ которыхъ растутъ зонтообразныя сосны, а на днѣ—виноградъ и высокая кукуруза. Направо и налѣво, надъ всей этой массой зелени, возвыша-

ются какія-то развалины. Видъ чисто итальянскій, полный нѣги, свѣта, лазури, а взглядъ летитъ далеко въ прозрачную даль. Тишину только нарушаетъ чирикапье воробьевъ, такъ какъ въ этой мѣстности очень мало движенья. По дорогѣ я встрѣтилъ только нагруженную телѣгу, запряженную муллами, обвѣшанными бубенчиками, и больше ни живой души. Дорога, окруженная стѣнами, съуживаетъ и заворачиваетъ такъ, что путникъ почти неожиданно останавливается у бани, заплативъ франкъ у входа, и, войдя внутрь, я началъ оглядываться кругомъ и невольно спросилъ себя, куда я попалъ. Колизей, въ сравненіи съ этими развалинами, положительно малъ. Ни одно современное зданіе не можетъ дать представленія о величинѣ этой бани. Двери этихъ громадныхъ комнатъ открываются одна за другою. Изъ сѣней входишь въ фригидаріумъ, затѣмъ тепидаріумъ, каллидаріумъ и т. д.

Я поднялъ глаза къ небу, огромный кругъ котораго былъ видѣнъ изъ каждой комнаты; потомъ на разрушенныя кирпичныя стѣны, покрытыя вѣками слоемъ стекла, высокія, выщербленныя, поросшія пучками зелени и безмолвныя, и онѣ мнѣ напомнили скалы, окружающія какую-нибудь горную долину. Стаи грачей, съ крикомъ перелетающихъ съ одной стѣны на другую, дополняли иллюзію. Остатки сводовъ, перекинутыхъ отъ стѣны до стѣны, или повисшихъ въ воздухѣ, огромныя глыбы камней, разбросанныхъ въ безпорядкѣ,—напоминаютъ фантазію природы. По временамъ мнѣ казалось, что я въ горахъ, въ какомъ-нибудь американскомъ каньонѣ. Здѣсь точно такъ же пусто, какъ и въ горахъ, только иногда кричатъ грачи, но шумъ города сюда не доносится. Однако же, это дѣло рукъ человѣческихъ, это бани Каракалли. Въ углахъ стѣнъ еще лежатъ головы, ноги и туловища изваяній, а тамъ гдѣ трава и другія растенія не покрываютъ почву, видѣются роскошные мозаиковые полы, выложенные въ видѣ цвѣтовъ, людей и животныхъ. Я обошелъ всѣ комнаты; по какимъ-то обломкамъ лѣстницы взобрался на верхъ наружной стѣны, откуда могъ обозрѣть всю величину этого зданія. Его размѣры положительно превышаютъ всякое понятіе о человѣческихъ постройкахъ; такъ и кажется, что это дѣло исключительно природы, кругомъ только скалы и скалы. Но обломки кирпичей начали падать изъ подъ моихъ ногъ; нужно былъ сойти, тѣмъ болѣе, что и солнце уже близилось къ закату. Послѣдніе его лучи освѣщали эти развалины; стаи грачей ушли спать; небо краснѣло все болѣе и болѣе, и, наконецъ, голосъ сторожа позвалъ меня.

Дойдя до поворота, я еще разъ взглянулъ на нихъ. При свѣтѣ вечерней зари онѣ были красны, какъ кровь; наконецъ, я вышелъ на дорогу, ведущую къ аркѣ Константина. Днемъ она была пуста, теперь толпы парней и дѣвушекъ возвращались съ работъ, вѣроятно, съ виноградниковъ и кукурузныхъ полей, и пѣли хоровыя пѣсни. Ихъ свѣжіе и стройные голоса поэтично раздавались среди вечерней тишины. Между тѣмъ темнѣло все болѣе и болѣе, а затѣмъ настала ночь, но ночь итальянская, теплая и звѣздная. Луна уже распростерла свои блѣдные волшебные лучи на Колизей и Форумъ. Поющія толпы долго еще шли вмѣстѣ со мною, наконецъ, скрылись въ лабиринтѣ узенькихъ улицъ, окружающихъ Капитолій. . . . .

Письмо изъ Венеціи.

«Быть можетъ, неблагоразумно описывать первыя впечатлѣнія, но почему же ихъ не описать, если они испытываются?» Эти слова Тэна я беру какъ исходную точку и безъ дальнѣйшихъ разсужденій посылаю вамъ письмо изъ Венеціи. Принимая во вниманіе жизнь итальянцевъ въ этнографическомъ отношеніи, я хочу сказать, что Италія собственно начинается отъ Трієста. Поѣздъ, пробѣжавъ въ теченіе дня по змѣеобразной линіи иллирійскихъ и далматскихъ горъ, покрытыхъ виноградниками и сѣрымъ камнемъ, приходитъ въ Трієстъ въ девять часовъ вечера. Кто хочетъ ѣхать дальше, тотъ долженъ поспѣшить въ портъ. Можно ѣхать дальше и по желѣзной дорогѣ, но послѣ нѣсколько-дневной тряски въ душныхъ вагонахъ гораздо пріятнѣе покачаться на волнахъ Адріатическаго моря.

Проѣзжая черезъ городъ, видишь его мимолетно, но достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться, что жизнь здѣсь не похожа на сѣверную. Городъ большой, съ широкими, вымощенными не булыжникомъ, но каменными плитами улицами; высокіе дома блестятъ при свѣтѣ лампъ, точно мраморные; открытыя кофейни заливаютъ улицы свѣтомъ; передъ кофейнями олеандры и мраморные столики, около которыхъ толпится народъ. Все это уже имѣетъ характеръ юга. Жители очевидно выходятъ только по вечерамъ, послѣ дневного зноя. Тогда все оживаетъ, веселится, встрѣчается, разговариваетъ. Въ толпѣ видны стройные мужчины и женщины съ черными глазами, при блескѣ которыхъ меркнутъ лампы. Улицы, со своими мраморными и каменными плитами со множествомъ огней, олеандрами и нарядной публикой, производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ улицы сѣверныхъ городовъ: это скорѣе портикъ для свиданій. Если мы къ этому прибавимъ чудный вечеръ, милліоны звѣздъ на небѣ, звуки ласкающаго ухо языка въ устахъ женщинъ, тогда поймемъ, почему Трієстъ служитъ какъ бы предвкушеніемъ Италіи.

Но все это я видѣлъ мелькомъ, потому что нужно было торопиться въ портъ. Мѣстные часы бьютъ на разные лады одиннадцать. Свѣжее вѣяніе моря указываетъ дорогу. Проѣхавъ еще нѣсколько сотъ шаговъ, уже не чувствуется камня; мы ѣдемъ по доскамъ портоваго помоста. Ряды огней, мелькающихъ въ различныхъ направленіяхъ, не освѣщаютъ темноты, на фонѣ которой обрисовываются еще болѣе темные силуэты трубъ и мачтъ. Иногда изъ такого силуэта вырвется снопъ искръ и разсыплется золотымъ дождемъ; то вдругъ царящую здѣсь тишину нарушитъ свистъ парохода, такъ какъ вслѣдствіе поздняго времени тутъ

въ сравненіи съ городомъ пусто и глухо. Некого даже спросить, какъ пройти къ пароходу. Только освѣщенныя будки указываютъ черезъ каждые нѣсколько сотъ шаговъ путь къ пристани; въ одной изъ нихъ продаются билеты въ Венецію.

Черныя очертанія судна обрисовываются мрачными линіями позади будки.

Голубой фонарь, висящій на передней мачтѣ, качается въ воздухѣ и тускло освѣщаетъ флагъ «Ллойда». На помосткѣ видны люди съ фонарями. Еще остается полчаса до отхода судна; пассажиры мало-по-малу собираются къ пристани. Въ теплую ночь гораздо лучше ѣхать на палубѣ, да кромѣ того и дешевле, такъ какъ проѣздъ стоитъ всего три гульдена. Положивъ свои вещи на возвышающемся надъ палубой помостѣ, покрытомъ парусным полотномъ, я свободно вытянулъ усталыя отъ продолжительной ѣзды на желѣзной дорогѣ ноги. Царящій здѣсь мракъ слабо освѣщаютъ только входы въ каюты и окно, черезъ которое видны гигантскіе, полированные члены машины, медленно сгибающіеся въ своихъ мѣдныхъ суставахъ. Пассажировъ прибываетъ все больше и больше; бѣготня усиливается, винтъ начинаетъ бурлить воду, и, наконецъ, мы трогаемся. Съ моря доносится прохладный вѣтерокъ. Тріестъ съ рядами домовъ и огней постепенно удаляется, опускается въ воду и, наконецъ, исчезаетъ въ морской глубинѣ. Ночь роскошная, тихая, теплая звѣздная; судно почти не качается, а поверхность моря выглядитъ, какъ зеркало, въ которомъ отражается судно. Вмѣстѣ съ мыслью, что я на классическомъ морѣ, передъ моими глазами проносятся различныя картины: то гордый венеціанскій флотъ, то лодки uskoki, нѣкогда качающіяся на этихъ волнахъ. Потомки ихъ, далматскіе рыбаки, лежатъ теперь вмѣстѣ со мною на палубѣ. Въ темнотѣ я едва могу различить ихъ фигуры, но слышу ихъ разговоръ и почти все понимаю, такъ какъ въ немъ встрѣчается множество выраженій, совершенно схожихъ съ польскими. Этотъ близкій нашему языкъ, слышанный ночью на волнахъ Адріатическаго моря, производитъ необыкновенное впечатлѣніе и возбуждаетъ необыкновенныя мысли. Какія необъятныя пространства между Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ моремъ занимаютъ люди одного племени! Невольно чувствуется въ этомъ какая-то будущность, еще безъ опредѣленныхъ очертаній, но такая великая, что подъ ея дыханіемъ мысль свертываетъ свои крылья.

Я спросилъ моихъ товарищей-далматовъ, зачѣмъ они ѣдутъ въ Млечинъ. И оказалось, что они ѣдутъ на заработки. Бѣдный народъ! Должно быть, эти покрытыя сѣрымъ камнемъ горы не особенно плодородны. Вѣроятно, они не знали, что въ Венеціи еще труднѣе заработать, чѣмъ въ Тріестѣ. Въ разговорѣ съ ними незамѣтно прошла ночь. Разсвѣтъ освѣтилъ ихъ рослыя, плечистыя фигуры съ римскими лицами и красными фригійскими шапками, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекъ мое вниманіе на другіе предметы. Я столько разъ уже видѣлъ, какъ встаетъ утренняя заря на различныхъ моряхъ, что, казалось бы, подобное явленіе не должно было производить на меня особенное впечатлѣніе, но разсвѣтъ на Адріатическомъ морѣ, дѣйствительно, необыкновенный. Онъ начинается отъ воды. Гладкая ея поверхность начинаетъ покрываться

мелкой рябью, точно чешуей, которая серебрится и блѣднѣетъ. Вода постепенно дѣлается свѣтлѣе, чѣмъ небо; темная ея глубина впитываетъ все болѣе и болѣе блеска съ блѣдною чистотою линій, очерчиваемыхъ серебристыми рефлексами. Верхній слой становится все свѣтлѣе и отражаетъ человѣческія лица. Морская даль постепенно открывается, точно невидимая рука снимаетъ съ нея завѣсу. То тамъ, то здѣсь виднѣются треугольные паруса латинскихъ лодокъ. Легкій вѣтерокъ, дующій съ моря, какъ будто приноситъ съ собою лазурь и блескъ. Свѣтаетъ. Разсвѣтъ выглядитъ, какъ блѣдная и грустная, но ласковая и дѣвственная улыбка. Потомъ со стороны Тріеста на небѣ появляется розовый, золотистый и другіе оттѣнки, затѣмъ начинается чудная игра всѣхъ утреннихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ свѣтъ какъ будто рвется наружу, разливается, охватываетъ весь горизонтъ, а съ противоположной стороны изъ воды выливаетъ во всемъ блескѣ и величіи: «la bella Wenecia».

Необыкновенный городъ! Уже четвертая недѣля, какъ я странствую между площадями Св. Марка, Каналь-Гранде, Гвидекой и Рива деи Чіавони и все еще нахожу въ нихъ что-то новое. Но не безпокойтесь, я не стану конкуррировать съ Бедекеромъ и описывать здѣшнихъ достопримѣчательностей: колоссальныхъ храмовъ, древнихъ дворцовъ, музеевъ, галлерей: все это уже извѣстно,—слѣдовательно, и говорить объ этомъ не стоитъ, чтобы не уподобиться рыжему туристу-англичанину съ поднятой вверхъ головой и красной книжкой въ рукахъ, или итальянскому чичероне, который, водя путешественника по заламъ дворца дожей, залпомъ перечисляетъ имена всѣхъ венеціанскихъ художниковъ, начиная отъ Беллини, Тиціана, Веронеза и кончая Каналетти. По моему мнѣнію, чтобы описывать произведенія искусства, нужно быть знатокомъ, а иначе лучше и не браться за это. Я предпочитаю говорить объ общемъ впечатлѣніи, какое производитъ Венеція, и о жизни, какъ она представляется путешественнику. Скольнихъ я встрѣчалъ разочарованныхъ въ Венеціи! Кому въ дѣтствѣ разсказывали о венеціанскихъ дворцахъ, и кто разсчитывалъ здѣсь увидѣть, въ крайнемъ случаѣ, такіе дома, какъ на лучшихъ улицахъ Варшавы, чистые, выкрашенные, выбѣленные, съ большими окнами,—тому, конечно, придется разочароваться. Здѣсь тихія воды Каналь-Гранде омываютъ стѣны дворцовъ, почернѣвшія, потрескавшіяся, осѣвшія; мѣстами сырость испещрила ихъ пятнами, напоминающими спину ящерицы, и полосами черной плѣсени. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода заливаетъ фундаментъ, осѣли зеленыя волокна скользкаго мха и разныхъ водяныхъ растеній; мѣстами отвалилась штукатурка; каменныя кружева надъ остроконечными мавританскими окнами выцвѣли отъ дождя, а въ изгибахъ почернѣли отъ дыма. Прохожу мимо домовъ Дездемоны, Barbe-rini, Фоскари, Цезари, Калерги, Тіеполи, Корнари и, наконецъ, мимо громадной арки Ріальто,—вездѣ то же. Отъ всѣхъ этихъ дворцовъ вѣетъ традиціей въ свое время могущественныхъ, а теперь вымершихъ или обѣднѣвшихъ родовъ. Окна ихъ закрыты наглухо ставнями; въ воротахъ рѣдко увидишь привратника. Всѣ эти зданія производятъ впечатлѣніе гордыхъ и важныхъ, но мрачныхъ и какъ бы заглядѣвшихся въ прошлое. Зато какъ они характерны и какъ разнятся отъ тѣхъ построекъ, какія можно видѣть въ другихъ городахъ. Исключая нѣсколькихъ зданій въ стилѣ

возрожденія, въ большинствѣ случаевъ венеціанская архитектура смѣшана съ готической и мавританской. Высокія, узкія, оканчивающіяся остроконечной аркой окна, вырѣзанныя въ видѣ листа клевера, стоятъ другъ возлѣ друга, раздѣленныя только колоннами. Но эти колонны не похожи на готическія, изображающія пучки стрѣлъ, расходящіяся непосредственно въ своды,—это скорѣе византійскія колонны съ черезчуръ расцвѣченною капителью. Нижнюю часть оконъ занимаютъ маленькіе балконы. Отъ главной входной двери широкая лѣстница ведетъ прямо въ воду; тутъ же около лѣстницы торчатъ наклонныя сваи, къ которымъ привязываютъ гондолы.

Все это кажется спящимъ. На углахъ только у устья боковыхъ каналовъ нѣсколько больше оживленія. Въ изломахъ стѣнъ то здѣсь, то тамъ виднѣются террасы, покрытыя растеніями. Дикій виноградъ, павилика и классическій плющъ свѣшиваются фестонами и покрываютъ острыя очертанія стѣнъ и ихъ трещины; иногда изъ-за каменной стѣны выглядываетъ фиговое дерево, иногда оттуда доносятся человѣческіе голоса или звуки какого-нибудь инструмента. Но, вообще, на Каналъ-Грандъ, въ сравненіи съ другими частями города, очень мало движенія. Двигающіяся здѣсь гондолы не нарушаютъ тишины и только на короткое время волнуютъ гладкую поверхность, которая у береговъ ясно отражаетъ ряды уснувшихъ дворцовъ, всѣ колонны, изгибы, рѣзьбу, а посерединѣ небесную лазурь.

Черезъ каждый изъ боковыхъ каналовъ можно попасть изъ этой сонной исторической части Венеціи въ болѣе людную. Это цѣлая сѣть улицъ, изъ которыхъ одинъ состоятъ изъ каналовъ, а другія проведены на твердой почвѣ, но и здѣсь нельзя встрѣтить домовъ архитектуры филистеровъ XIX вѣка. Богъ знаетъ, когда построены эти зданія, теперь ободранныя, потрескавшіяся, производящія впечатлѣніе руинъ. Но въ этомъ заключается ихъ художественный характеръ. Улицы большею частью до того узки, что между рядами домовъ нельзя распростереть руки. Жители домовъ, стоящихъ другъ противъ друга, могутъ не только разговаривать между собою, но даже шептать на ухо. Какое широкое поле для романтическихъ похожденій и любовныхъ вздоховъ, къ которымъ, впрочемъ, все здѣсь располагаетъ. Молоденькое личико въ старинной, потрескавшейся рамѣ окна представляетъ художественную картину; мракъ, царящій на улицѣ, бросаетъ на него таинственный полусвѣтъ и тѣни, почернѣвшія стѣны увеличиваютъ его бѣлизну.

Должно быть, и не мало любовныхъ сценъ разыгрывается между этими горшками цвѣтовъ, на третьемъ и четвертомъ этажахъ въ погожіе лѣтніе вечера. Днемъ въ лабиринтѣ этихъ коридоровъ замѣтно движеніе. Въ открытыхъ лавкахъ продаются южные фрукты, рыбы, крабы, устрицы, морскіе пауки и вообще все, что называется: «frutti di mare». Рыбаки съ коричневыми лицами и корзинами на головахъ громко кричатъ, предлагая свой товаръ; на треножникахъ дымится полента; крики «aqua fresia или langurie! langurie!» смѣшиваются съ выкрикиваніемъ рыбаковъ. Полуголые ребятишки, грязные и черные, какъ цыганята, грызутъ хлѣбъ св. Іоанна, играютъ въ «тога» или попрошайничаютъ, а на цоколяхъ мостковъ спятъ рабочіе, протянувъ живописно свои мускулистыя

листые члены. Здѣсь все дѣлается на улицѣ. Тутъ готовятъ въ желѣзной печкѣ обѣдъ, тамъ стираютъ бѣлье; на порогахъ домовъ сидятъ съ обнаженною грудью женщины и кормятъ дѣтей; на площадкахъ у колодцевъ болтаютъ и смѣются молодыя дѣвушки,—все это разговариваетъ громко, жестикулируетъ съ свойственною итальянцамъ живостью и невольно просится на полотно.

Пройдя сотни мостовъ и улицъ, во всю длину города, я очутился на самомъ концѣ Рива деи Чіавони. Съ одной стороны городъ оканчивается узкимъ мысомъ, на которомъ разведенъ народный садъ, съ другой виденъ входъ въ Каналь-Грандъ. Рива деи Чіавони—это порогъ Венеціи къ заливу. Рядъ расположенныхъ полукругомъ домовъ и большая каменная терраса, соединенная въ промежуткахъ мостами, занимаютъ весь берегъ. Путешественникъ, въѣзжая на пароходѣ въ Венецію, можетъ охватить взглядомъ большую часть города, отъ королевскаго града Піацетти и палаццо Дукале вплоть до общественнаго сада. Эксъ-королева морей видна съ этой стороны во всемъ своемъ величіи. Голубыя волны залива омываютъ ея подножье и колышутъ гондолы, стоящія около террасы. Большая часть иностранцевъ помѣщается въ отеляхъ, расположенныхъ на Ривѣ; изъ окопъ ихъ видны зданія арсенала, всѣ корабли, стоящіе въ порту, флаги различныхъ народовъ, рыбачьи лодки и далекія туманныя башни Лидо, точно выходящія прямо изъ воды и исчезающія въ лазури неба и моря. Вечеромъ, при закатѣ солнца, заливъ переливается всѣми существующими въ мірѣ цвѣтами. Золото, пурпуръ, опалъ, рубины и сапфиры играютъ на волнахъ и мелькаютъ тысячами отблесковъ. Когда стемнѣетъ, картина измѣняется: луна обливаетъ своимъ серебристымъ свѣтомъ храмъ Santa Maria della Salute, княжескій дворецъ и разстилается серебристою лентою на водѣ. Пароходы вывѣшиваютъ на мачтахъ разноцвѣтные фонарики, тысячи огоньковъ на гондолахъ мелькаютъ по заливу; тогда матросы собираются послѣ дневного труда на террасѣ и поютъ хоромъ до поздней ночи.

Толпы, безсознательно возбужденныя очарованіемъ ночи и города, кружатся отъ сада до Піацетти, служащей преддверіемъ площади св. Марка. Съ одной ея стороны возвышается поддерживаемая колоннами и арками стѣна дворца дожей, съ другой новая прокураторія; у входа стоятъ два громадные столба, высѣченные изъ цѣльнаго гранита; стоящій на право поддерживаетъ крылатаго венеціанскаго льва, налѣво—св. Теодора. Повторяю, что Піацетти преддверіе самаго большого въ свѣтѣ зала, какой представляетъ изъ себя площадь св. Марка. Три его стѣны составляетъ прокураторія, четвертая—роскошнѣйшее, въ византійскомъ стилѣ, зданіе состоящее изъ мрамора и мозаики, называющееся церковью св. Марка. Высокая пятнадцатиэтажная колокольня, или такъ называемая «Campanilla», возвышается на углу, ближе къ Піацетти.

Трудно найти другую площадь въ Европѣ, которая могла-бы сравниться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ площадью св. Марка. Благородная простота прокураторіи уравновѣшиваетъ декоративную постройку церкви, а глазъ, утомленный прямыми линіями, охотно отдыхаетъ на изогнутыхъ аркахъ, золоченыхъ углубленіяхъ и выпуклыхъ башняхъ храма, богатство котораго, при другой обстановкѣ, бросалось-бы въ

глаза. Точно также замѣчателенъ характеръ самой площади. Здѣсь нѣтъ городской пыли, экипажей, дрожекъ, лошадей, грохота, большая часть пространства прилегающаго къ аркамъ, заставлена столиками, около которыхъ публика сидитъ, какъ въ салонѣ. Вечеромъ площадь эта служитъ мѣстомъ свиданій для мѣстной интеллигенціи. Кто не хочетъ сидѣть дома, тотъ обязательно долженъ быть здѣсь. Здѣсь слушаютъ музыку, пьютъ прохладительные напитки, гуляютъ встрѣчаются съ кѣмъ нужно или желательно, знакомятся,—однимъ словомъ, совсѣмъ, какъ на балу. Звуки музыки, шелестъ вѣеровъ, пламенные взгляды итальянскихъ глазъ, множество свѣта, прислуга во-фракахъ, парядныя женщины, которыя вмѣсто шляпъ покрываютъ голову кружевомъ, дополняютъ иллюзію; только когда взглянешь на небо и на темномъ фонѣ неба увидишь милліоны сверкающихъ звѣздъ, приходишь въ себя и припоминаешь, что находишься не въ салонѣ, а на улицѣ.

Днемъ здѣсь меньше оживленія. Видны только стаи голубей, такихъ ручныхъ, что безъ всякаго опасенія садятся на плечи какъ кормящихъ ихъ мѣстныхъ жителей, такъ и иностранцевъ, осматривающихъ храмъ и дворецъ дожей. Это зданіе въ мавританскомъ стилѣ составляетъ каменную хронику Венеціи. Чичероне вводитъ туриста въ громадный дворъ и указываетъ мѣсто, гдѣ когда-то была львиная пасть для бросанія доносовъ, ведетъ по лѣстницѣ гигантовъ въ сѣни, наконецъ, показываетъ цѣлый рядъ колоссальныхъ залъ, украшенныхъ портретами и картинами венеціанскихъ художниковъ, по преимуществу Веронеза и Тинторета. Каждый изъ этихъ залъ—образецъ искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій памятникъ. Здѣсь засѣдалъ сенатъ, тамъ принимали пословъ, тутъ собирался страшный совѣтъ десяти, а тамъ еще страшнѣйшій совѣтъ трехъ. Изъ залы тріумвирата, черезъ потайную дверь, коридоры и зловѣщій мостъ вздоховъ чичероне вводитъ въ тюрьму.

Проводникъ зажигаетъ факелъ и спускается по узкой лѣстницѣ къ черными, какъ ночь, сводамъ, отъ которыхъ вѣетъ сыростью и затхлостью. Какая то тяжесть давитъ грудь, когда видишь передъ собою эти каменныя норы съ низенькими входными отверстіями, безъ оконъ, свѣта и воздуха. Время и прогрессъ освободили ихъ отъ жертвъ, но не стерли слѣдовъ звѣрства и насилія. Свѣтъ факела какъ будто освѣщаетъ оставшіяся на черныхъ стѣнахъ кровяныя пятна, а глухой голосъ проводника будитъ историческое эхо. Здѣсь былъ заключенъ Фоскарини, тамъ—Марино Фаліери; здѣсь его казнили, тамъ исповѣдали жертвъ, а далѣе, по углубленію, сдѣланному съ этой цѣлью—въ камнѣ стекала кровь въ воды канала. Туристу по временамъ кажется, что все это сонъ или какая-нибудь сенсаціонная декорація изъ драмы Виктора Гюго, но на самомъ дѣлѣ это дѣйствительность, въ которую приходишь изъ золоченныхъ палатъ дворца. Все это возбуждаетъ такое невыразимо тяжелое чувство, что невольно говоришь въ душѣ: «да благословенъ будетъ прогрессъ, закрывшій разъ на всегда эту кровавую страницу топоровъ, палачей, крови и царства купеческой олигархіи». Исторія не знаетъ болѣе страшныхъ властелиновъ, какъ купцы-олигархи. Варварства греческихъ тирановъ или средневѣковыхъ князей были злоупотребленіемъ, а варварства купеческихъ архонтовъ — системой. Исторія Карѳагена и его младшей

сестры Венеціи,—одинаковы. Невольно приходитъ на мысль сравненіе и сходство между этими двумя республиками, которыя когда-то дошли до такого могущества, но не оставили послѣ себя ни одной благословенной идеи.

Глядя на залъ дворца дожей, на ряды колоннъ, позолоту, мозаику и мраморъ, на произведенія Веронеза и Тинторета, на портреты дожей, одѣтыхъ въ бархатъ и страусовыя перья, невольно спрашиваешь себя: къ чему все это служило и чѣмъ было для человѣчества? какая высшая идея руководила этими купцами? И не находишь отвѣта. Изъ мрака прошедшихъ временъ появляется мраморное лицо этой республики, гордое, могущественное, съ львиными морщинами на лбу, но мрачное, злое, окровавленное, бездушное и безъ ореола идеи надъ головой. Съ какимъ утѣшеніемъ мысль летитъ далеко, къ темнымъ сосновымъ лѣсамъ и сѣрымъ полямъ; съ какимъ облегченіемъ вспоминаешь дѣйствія другихъ, правда, безтолковыхъ и шумныхъ, но истинно человѣческихъ. Спросите кого-нибудь, гдѣ бы онъ хотѣлъ жить, если-бы родился въ средніе вѣка. Тамъ, гдѣ не было ни львиныхъ пастей, ни совѣта десяти, ни совѣта трехъ, ни моста вздоховъ, ни черныхъ поръ надъ каналами! Правда, тамъ было меньше колоннъ, мозаики и страусовыхъ перьевъ, но была идея, которая гнала крылатыя войска на нѣмцевъ въ защиту славянъ и на турокъ въ защиту нѣмцевъ.

Въ настоящее время люди иначе смотрятъ на эти дѣйствія. Теперь мраморнымъ фигурамъ, спящимъ цѣлые вѣка въ сладкомъ величіи, бросаютъ упреки съ каоедры, что онѣ не умѣли быть Людовиками XI; но я, путешественникъ, раздумывая о прошедшихъ временахъ въ роскошномъ дворцѣ дожей и дѣлая сравненія, невольно поднялъ съ гордостью голову.

Письмо изъ Парижа.

Рядомъ съ тѣмъ Парижемъ, который веселится, сверкаетъ, какъ разноцвѣтный змѣй, шумитъ и ищетъ наслажденій, есть еще другой, который трудится и мыслитъ. Замирающее въ лѣтнюю жару движеніе мысли оживаетъ съ наступленіемъ холодовъ и осенней погоды. Академіи открываютъ свои засѣданія, выставки магазиновъ наполняются новыми книгами, коллегіи собираютъ своихъ слушателей. Трудолюбивые муравьи сносятъ со всѣхъ странъ сѣмена науки и складываютъ ихъ въ общій муравейникъ; начинаются научные споры и разсужденія, и, такимъ образомъ, этою внутреннею жизнью духа и идеи дополняется жизнь внѣшняя, гоняющаяся за богатствомъ, наслажденіями и роскошью,—однимъ словомъ, исключительно за хлѣбомъ и зрѣлищемъ.

Во время этого зимняго сезона царства музъ вниманіе публики настраивается болѣе серьезно и занимается не только политикой, не только дѣлами биржи или анекдотами о людяхъ, занимающихъ высокое общественное положеніе, но и тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ научныхъ кружковъ, что тамъ говорятъ, гдѣ и какъ извѣстный профессоръ читаетъ лекціи. Можетъ быть, это отличительная черта Франціи и Парижа, гдѣ ученые никогда не составляли замкнутыхъ братствъ. Правда, священнодѣйствуютъ у жертвенниковъ науки только жрецы, но при этомъ священнодѣйствіи присутствуетъ публика, которая въ большинствѣ случаевъ не сознаетъ ни принциповъ, ни причинъ, какъ и большинство гуляющихъ по «Avenue de l'Opera», не понимаетъ, почему электрическія лампы горятъ и распространяютъ такой сильный свѣтъ. Но это имъ не мѣшаетъ пользоваться этимъ свѣтомъ. Такое распространеніе науки и такой свободный доступъ съ помощью Сорбоны, Collège de France и другихъ учрежденій къ участію въ научномъ движеніи приводитъ къ заключенію, что наука и исходящія изъ нея идеи не что-то пергаментное, завядшее, пожелтѣвшее, заарендованное исключительно профессорами, но нѣчто живое, моментально входящее въ кровь и плоть общественнаго организма.

Можетъ быть, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что здѣшній народъ состоитъ изъ въ высшей степени живыхъ и умственно развитыхъ единицъ, стоящихъ во главѣ цивилизаціи и дающихъ начало всѣмъ новымъ идеямъ. Я не утверждаю, что это единственная причина, но, вѣроятно, одна изъ многихъ. Новыя идеи создаются учеными или общественными условіями,

но проникается ими и осуществляетъ ихъ народъ, и чѣмъ шире къ нимъ путь, тѣмъ быстрѣе и осуществленіе.

Въ настоящее время болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе мыслящаго общества открытіе въ «Collège de France» лекцій современной французской литературы. Открылъ ихъ профессоръ Павелъ Альбертъ въ присутствіи огромнаго наплыва заинтересованной этимъ предметомъ публики. При чтеніи этихъ лекцій профессору придется, безъ сомнѣнія, коснуться и новѣйшаго времени, и современныхъ людей, а также борьбы и путей, по какимъ идетъ французское творчество. Отсюда вытекаютъ тотъ живой интересъ и лихорадочное любопытство публики, которая приходитъ сюда для провѣрки собственныхъ убѣжденій и подтвержденія своихъ умозаключеній и эстетическихъ инстинктовъ. Существуетъ-ли, а если существуетъ, то здраво-ли данное направленіе? Куда мы идемъ? Гдѣ и каковъ синтезъ проявленія современнаго творчества, такого различнаго и противорѣчиваго, что невооруженный глазъ видитъ въ немъ только хаосъ и разнузданность? Что мы услышимъ, и что намъ скажутъ? Позволятъ-ли чтить до сихъ поръ чтимыя божества или произнесутъ приговоръ, какой нѣкогда услышалъ Клодвигъ: «Сигамбръ, жги то, что ты чтилъ, а чти то, что ты жегъ»,—вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ каждый и на которые ждетъ отвѣта отъ новопризваннаго на каоедру профессора.

Каоедра литературы считалась всегда очень важной, такъ какъ была посредникомъ между спеціальнымъ литературнымъ кружкомъ и обществомъ,—слѣдовательно, была какъ-бы руководителемъ общественнаго мнѣнія. Эту роль она стала играть въ особенности съ 1820 г., во время борьбы классиковъ съ романтиками, когда Парижъ раздѣлился на два лагеря.

Нигдѣ, можетъ быть, не велась такая ожесточенная война за идею, никого непосредственно не касающуюся. Постепенный ходъ этой борьбы и положеніе въ отношеніи ея каоедры очертилъ Альбертъ въ первую свою лекцію. Между этими двумя воюющими церквами колебалась масса, то жаждущая новинокъ, то пораженная наглостью апостоловъ. Тогда тысячи глазъ обращались къ каоедрѣ и тысячи голосовъ, казалось, спрашивали: «Куда намъ идти, учитель?» Но современный учитель, Андріе, не давалъ прямого отвѣта, несмотря на то, что душой и тѣломъ принадлежалъ къ «парикамъ». Самъ поэтъ, слѣдовательно, заинтересованный въ этой борьбѣ, по натурѣ миролюбивый и цѣнящій спокойную, изящную форму, онъ боялся этой новой романтической бури, поэтому не хотѣлъ и не могъ быть романтикомъ. Тѣ же причины дѣлали его неспособнымъ и къ борьбѣ. Правда, онъ велъ войну съ новой школой, но это была ничтожная война въ видѣ осторожныхъ эпиграммъ, которыми восхищались даже нѣкоторые слушатели-классики, но не удовлетворялось большинство. Всѣ требовали рѣшительнаго суда и окончательнаго приговора.

Во время такого переворота, когда дѣло идетъ о той или другой воюющей сторонѣ, т. е. о жизни или смерти, такая осторожная война оловянной саблей не можетъ никого удовлетворить. Тогда нужно противника прижать къ стѣнѣ и пустить ему пулю въ лобъ, иначе онъ самъ это сдѣлаетъ. Андріе не былъ способенъ на это, и кончилось тѣмъ, что

публика обманулась въ немъ, а противникъ, беря штурмомъ крѣпость за крѣпостью, отвѣчалъ ученымъ и ихъ сторонникамъ кровавыми словами:

„Vieillard, va t'en donner mesure au fossoyeur...
Vieillard stupide!..“ (Hernani).

Наконецъ, противникъ, въ лицѣ г. Амперъ, взявшій и каѳедру, былъ положительнымъ романтикомъ. Это случилось во время самой горячей борьбы, зависти и нетерпимости, дошедшей до высшей степени. Въ Германіи, Англіи, Италіи и Польшѣ стѣны эти были уже разбиты, препятствія уничтожены, новые шедевры, какъ новыя солнца, появлялись ежедневно; новое вѣяніе охватывало умы съ одного конца Европы до другого, одна только Франція ничего не хотѣла знать о своихъ сосѣдяхъ, не знакома была съ ихъ трудами, освистывала Шекспира и ни за что не хотѣла выйти изъ своего семнадцатаго вѣка, отказываясь отъ прежнихъ своихъ традицій и окружая себя, какъ стѣною, китайскою обособленностью. Амперъ пробиваетъ эту стѣну. Средневѣковыя традиціи, которыя создали романтизмъ, соединяли Францію съ Германіей, Италіей и Испаніей; Амперъ поэтому направляется туда, изслѣдуетъ направленіе на всѣхъ извѣстныхъ поприщахъ, ищетъ отгадки вездѣ, хотя-бы этого пришлось ему искать въ Скандинавіи или Мексикѣ, и, наконецъ, прикладываетъ печать науки подъ новымъ исповѣданіемъ поэтической вѣры, первый говоритъ съ каѳедры всѣмъ тѣмъ, которые вѣрили, но робко: можете вѣрить открыто, такъ какъ на вашей сторонѣ—умъ и наука.

Послѣ Лемоана, знаменитаго критика, и кратковременныхъ лекцій Фежера, посвященныхъ исключительно XVII вѣку, Павелъ Альбертъ—четвертый профессоръ, который будетъ говорить о романтизмѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, хотя борьба съ классицизмомъ во Франціи, какъ и вездѣ, была разъ навсегда окончена, и о возвратѣ къ псевдоклассическимъ временамъ не можетъ даже быть и рѣчи, но самый вопросъ о романтизмѣ остался неразрѣшеннымъ,—слѣдовательно, и до сихъ поръ интереснымъ.

У насъ романтизмъ, кромѣ средне-вѣковыхъ традицій, воспользовавшись творчествомъ народной фантазіи, водрузился на широкомъ пьедесталѣ, а благодаря своему повороту къ массѣ, измѣнилъ совершенно свой характеръ, слился съ жизнью, сталъ дѣйствительностью и истинной поэзіей народа. Правда, и у насъ онъ имѣлъ много дурныхъ сторонъ. Онъ освободился отъ художественной формы и ввелъ нѣкоторую шаловливость языка, удовлетворяющуюся болѣе количествомъ словъ, чѣмъ ихъ содержаніемъ. Кромѣ того, онъ заставлялъ воспламеняться по отношенію къ какимъ-то небывалымъ существомъ и героямъ, богамъ, прежнимъ литовскимъ и поморскимъ божкамъ, въ чемъ, конечно, не могло быть искренности, такъ какъ другое дѣло, если поэтъ говоритъ все это отъ народа или во имя народа, или старается показать, что вѣритъ въ это самъ и заставляетъ вѣрить читателей. Это вошло въ моду, лишенную всякаго здраваго смысла и искренности. Съ другой стороны, даже самый благопріятный его поворотъ, тотъ, который связалъ его съ жизнью и искренностью чувствъ массы, новое направленіе, которое, какъ Gustavus obiit и какъ Conradus nabis est, перешло въ мистицизмъ, настроило

болѣзненно чувства, сняло съ общества всякую отвѣтственность и закрыло глаза передъ необходимостью считаться съ обстоятельствами и возродиться; все это можно было поставить ему въ упрекъ, но съ точки зрѣнія общественной, на которой я останавливаться не стану. Но поворотъ уже совершился: отъ Густава родился Конрадъ, а благодаря ему— еще одна жизненная, разумная мысль.

Ничего подобнаго не произошло во Франціи. Здѣсь были совершенно другія условія. Французскій романтизмъ не могъ быть и не былъ чѣмъ-то исходящимъ изъ народа и не былъ патріотическимъ. Онъ не могъ пользоваться плодами народной фантазіи, такъ какъ она отсутствовала у французскаго народа. Фантазія славянскихъ народовъ—это прозрачная поверхность озера, въ которой отражается все: земля, поля, лѣса, степи, солнце и звѣзды. Изъ соединенія этихъ разнообразныхъ элементовъ природы и врожденной склонности этихъ народовъ къ мистицизму рождается тысяча новыхъ существъ, какъ-то: русалокъ, упырей и проч.,—въ виду всего вышесказаннаго сравненіе народной фантазіи съ озеромъ не совсѣмъ удовлетворительно. Это скорѣе волшебное зеркало, въ которомъ отражается не только окружающая природа, но и ея душа, воплощенная въ тысячи образовъ, не только воскрешающихъ прошедшее, но и рисующихъ въ неясныхъ очертаніяхъ будущее.

Возьмемъ, напримѣръ, наши польскія сказки и народныя повѣрья, русскія былины, эпическія сербскія пѣсни или, недавно отысканныя, болгарскія! Развѣ онѣ не проносятъ передъ нашими глазами картины края, исторіи, полковъ, вооруженныхъ крылатыхъ рыцарей, казаковъ, утопающихъ по плечи въ травѣ, сербскихъ юнаковъ, турокъ, татаръ, какихъ-то царственныхъ особъ, наполовину расплывающихся въ сказкѣ о прошедшемъ и поддерживаемыхъ высшею силою! Это просто цѣлый воскрешенный міръ, отгаданный или приснившійся. А кто и когда сочинилъ эти пѣсни? Гдѣ ихъ авторы? Невольно напрашивается сравненіе, что какъ на песчаныхъ дорогахъ во время лѣтней жары и тихой погоды неожиданно поднимается столбъ пыли, такъ и надъ славянской равниной человѣческихъ головъ вдругъ вырывается и несется вверхъ народная пѣснь, этотъ «ковчегъ завѣта между прошедшими и повѣйшими временами».

Безъ всякаго пристрастія можно сказать, что ни одинъ изъ народовъ не обладаетъ такой способностью къ поэтическому творчеству, а въ особенности французскій. Одни только бретонцы еще кое-что создаютъ, но у нихъ и языкъ, и традиція и характеръ совершенно разные. Прованссія, эта «французская Русь», какъ ее называютъ, имѣетъ свою богатую первобытную литературу, которая могла бы послужить опроверженіемъ всему вышесказанному, если бы не то, что послѣ болѣе тщательнаго обзора легко придти къ заключенію, что литература эта никогда не была народной. Всѣ ея произведенія чисто литературныя, что доказываетъ и самая ихъ форма, и искусственный подборъ риомъ. Эти пѣсни пѣли трубадуры, странствуя отъ замка къ замку, выбирая предметомъ своихъ чувствъ красивыхъ каттелянокъ, а предметомъ пѣсенъ— чувства. Народной жизни, его доли, простоты, вѣрованій въ нихъ нѣтъ совершенно. Я спрашивалъ о характерѣ этой литературы у людей, исклю-

чительно посвятившихъ себя ей, и убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ не признавалъ въ ней народнаго характера. Объ остальной Франціи можно сказать еще меньше. У насъ фантазія и народная поэзія пополняютъ книжную, здѣсь, наоборотъ, книжная пополняетъ народную. Въ доказательство я могъ бы привести пѣсни, слышанныя мною въ Нормандіи, большая часть которыхъ—чисто литературнаго происхожденія. Въ праздники и другіе торжественные дни дѣвушки, водящія хороводы, поютъ сочиненія Поисарда, часто не понимая ихъ значенія.

Французскому романтизму недоставало этой другой жизненной основы, какою онъ обладаетъ у насъ. Обрядныя пѣсни, соединяющія непосредственно поэзію съ жизнью, народныя поэтическія преданія не украсили здѣсь реальной жизни этими элементами. Правда, у насъ злоупотребляли всѣмъ этимъ, но все-таки она не перестала быть очагомъ, соединяющимъ народъ съ поэзіей, слѣдовательно, и жизненной отличительной чертой этой послѣдней. Во Франціи новое направленіе не обратилось въ сторону народа. Что-же ему осталось? Только средне-вѣковая традиція, ея замки, монастыри, рыцари, полнѣйшій индивидуализмъ, облеченный въ чисто романтическій образъ до одичалости, а затѣмъ созданіе по этимъ образцамъ повѣйшихъ образовъ, такихъ же дикихъ и не соотвѣтствующихъ массѣ, какъ будто стоящихъ несравненно выше ея, но на самомъ дѣлѣ больныхъ чудовищнымъ ростомъ собственнаго «я», грандіозныхъ, если смотрѣть на нихъ снисходительно, и смѣшныхъ, когда на нихъ повѣетъ скептицизмомъ.

Если мы придемъ къ тому заключенію, что истинная поэзія должна приложить ухо къ народной груди, подслушать біеніе сердца народа, понять его чувства, его тоску за тѣмъ, что въ этомъ сѣромъ, будничномъ мірѣ есть лучшаго; если ея задача состоитъ въ томъ, чтобы понять то, что недопѣто и разсѣяно въ грезахъ и мысли всего народа и создать изъ всего этого роскошную ткань поэзіи, то трудно не согласиться, что французскій романтизмъ не исполнилъ своей задачи. Что онъ шелъ впередъ—это несомнѣнно, такъ какъ добился свободы духа, снялъ съ поэзіи кандалы предписаній, и эта средневѣковая традиція осталась, все-таки, французской, а не греческой или римской. Но, съ другой стороны, революція выкопала пропасть между тѣми временами и настоящимъ вѣкомъ. Измѣнились понятія, измѣнился народный духъ до такой степени, что тѣ монахи и рыцари, ихъ побужденія и чувства стали для насъ совершенно непонятными. Средневѣковый рыцарь со своей наивной вѣрой въ святыхъ и волшебниковъ, со своимъ слѣпымъ стремленіемъ къ жизни, со своими понятіями о чести, любви, мести и ненависти для насъ такъ-же чуждъ, какъ и всякій классическій герой.

Эрнани—это анахронизмъ, и въ настоящее, время чтобы понять ихъ, нужно искусственно себя къ нимъ настраивать. Опыты понять нынѣшнія чувства и поэтическія стремленія съ помощью средневѣковыхъ традицій совершенно не удались. Одновременно съ этимъ развитое, до высшей степени, себялюбіе, такъ называемыхъ, дикихъ душъ и ненормальныхъ героевъ, которыхъ романтизмъ наплодилъ тысячами на фонѣ повѣйшей жизни, не могло существовать при общемъ скептицизмѣ. Все это вмѣстѣ взятое было причиной, что французскій романтизмъ не удовлетворилъ

поэтическихъ потребностей вѣка и народа. Онъ былъ и остался только направленіемъ и пѣснью, почерпаемою изъ двухъ источниковъ: сердца и правды, искусствомъ, имѣющимъ свои правила и ограниченія. Доказательствомъ этому можетъ послужить хотя-бы и то, что въ то время, когда нашъ романтизмъ, стоящій на болѣе прочныхъ основаніяхъ и болѣе слившійся съ жизнью и народомъ, предпочиталъ лирическую форму, какъ самую популярную, французскій—бралъ штурмомъ театръ. Послѣ ожесточенной борьбы онъ побѣдилъ, но не воцарился, и въ настоящее время возбуждаетъ полную реакцію.

Это—не что иное, какъ реализмъ, или поворотъ къ обыденной, будничной жизни, заурядными характерамъ и естественнымъ отношеніямъ. Замѣчено, что жизнь сама по себѣ, если только взглянуть на нее глубже, имѣетъ много загадочнаго и своего «быть или не быть!» надъ чѣмъ стоитъ подумать. Предполагали, что если искусство пойдетъ по тому-же направленію, то не потеряетъ ни одной изъ своихъ эффектныхъ сторонъ, напротивъ, пріобрѣтетъ новую, т. е. неотъемлемую правду. Образовалась новая школа, которая въ литературѣ оказалась тѣмъ, чѣмъ была фламандская школа въ живописи. Фантазія очутилась въ ней не только подъ покровительствомъ подобія и правды, но просто дѣйствительности. Авторы старались, главнымъ образомъ, передавать вѣрно, ловить жизнь на мѣстѣ преступленія, и задача эта казалась имъ до такой степени важной, что мысль, т. е. сопоставленіе фактовъ и лицъ, или, такъ называемая, басня, со своею моралью, должна была уступить мѣсто исполненію. Положимъ, это не было обязательнымъ, но вышло само собою. Направленіе это рѣзче всего выказалось въ беллетристикѣ, въ которой, начиная съ Бальзака и Стендаля и кончая Золя и Доде, насчитываетъ массу представителей. Но трудно сказать, отыскали-ли съ его помощью ключъ къ Сезаму и болѣе широкое поприще для литературы? Такъ же, какъ трудно было бы утверждать, что за обыденною жизнью нѣтъ уже правды.

Реализмъ былъ въ принципѣ необходимымъ, а можетъ быть, и единственнымъ шагомъ впередъ; но самое содержаніе, пригодное для одной формы, не пригодно для другой. Что подходитъ къ повѣсти, то не подходитъ къ поэзіи. Нельзя не согласиться, что между содержаніемъ реальной жизни и формой поэзіи существуетъ нѣкоторый диссонансъ, объясняющійся тѣмъ, что самая форма поэзіи, размѣръ, рѣчь въ сравненіи съ дѣйствительною жизнью неестественны, экзальтированы. Люди, при обыкновенныхъ условіяхъ, не говорятъ рѣчами, и требованіе, чтобы они, оставаясь естественны, говорили стихами, такая же несообразность, такое же противорѣчіе формы съ содержаніемъ, какія мы встрѣчаемъ въ операхъ, гдѣ заговорщики, вмѣсто того, чтобы шептаться,—поютъ. Для поэзіи это новое направленіе должно было послужить лучшимъ указаніемъ, подкрѣпленіемъ, но отнюдь не возрожденіемъ и вступленіемъ на новый путь. «Ты, лебедь, летай по поднебесью»,—сказалъ нѣкогда Горацій Пиндару и о Пиндарѣ. Притомъ у людей очень часто является желаніе оторваться отъ дѣйствительности и забыть о ней. Пессимисты и безъ того обезобразили этотъ міръ, а дѣйствительность еще на каждомъ шагу помогаетъ ихъ философіи. Этотъ страшный разладъ между жаждой

счастья и испытываемыми страданіями, между стремленіемъ къ жизни и неизбѣжною смертью, порождаетъ настроеніе, въ которомъ человѣкъ, утомленный жизнью, радъ хоть на минуту забыть о ней и хотя въ поэзіи найти успокоеніе и минутное забытье; этихъ-то воззваній измученныхъ людей, этихъ врожденныхъ, слѣдовательно, и естественныхъ потребностей литературный реализмъ не можетъ удовлетворить.

Разъ ставъ на почву дѣйствительности, можно легко скатиться, какъ по наклонной поверхности, къ тому мѣсту, гдѣ дѣйствительность становится уже плоскою, начинаетъ стыдиться всякаго возвышеннаго чувства, всякаго порыва. Молодость, ея экзальтированныя рѣчи, ея румянецъ увлеченія и блескъ въ глазахъ кажутся преувеличеніемъ. Доведенная до крайнихъ предѣловъ, она становится отвратительнѣе самой жизни. Тогда постепенно теряется способность отличать красивую правду отъ некрасивой, и общій уровень литературы падаетъ все ниже.

Такъ случилось и во Франціи. Романтизмъ ея былъ односторонникъ, а реализмъ, за который въ настоящее время «Фигаро» нападаетъ на Золя, перешелъ за предѣлы эстетики, съузилъ добровольно свои рамки и понизилъ собственное значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, современный французскій романъ. Какое отсутствіе истинно великихъ идей возвышенныхъ мыслей, широкихъ стремленій, однимъ словомъ, всего, изъ чего состоитъ разумная жизнь! Война, мечъ, огонь угрожаютъ странѣ, а въ романѣ другъ соблазняетъ жену; государство превращается въ развалины, а другъ соблазняетъ жену; настаетъ республика, начинается борьба партій, народный корабль, разбиваемый бурей, гнется, скрипитъ, а другъ соблазняетъ жену. Вѣчно та же тема, та же дюжинная жизнь, тѣ же герои, изъ которыхъ каждый стоитъ въ десять разъ меньше самого автора. Насколько хорошъ стиль, настолько бросается въ глаза убожество мысли. Любовь,—это предвѣчный законъ, жизненная сила, добродѣтельный геній всего земного шара: согласенъ! Благодаря ей, хаосъ преобразился въ порядокъ, цвѣтутъ цвѣты, зеленѣютъ деревья, развивается человѣчество, процвѣтаютъ искусства, поддерживается жизнь: ни слова! Эта самая могущественная сила можетъ уничтожить всѣ другія, всѣ искусственные узы и преграды. Противъ нея можно возражать, но отрицать ея нельзя; она оправдываетъ все, но только истинная, великая, догробная и неизмѣнная любовь. Такую только любовь можетъ уважать и освящать искусство и литература. Но во французской литературѣ ея нѣтъ. Тамъ существуетъ только романъ. Романическому герою даже и въ голову не приходитъ мысль сказать обольщенной имъ женщинѣ: «если любишь меня, то будь моей навсегда, порви отношенія съ мужемъ и остальными и слѣдуй за мною!» Если выпадетъ на чью-нибудь долю счастье полюбить женщину, и, къ несчастью, она окажется чужою женою, то гораздо благороднѣе придти къ мужу и сказать: «я люблю вашу жену, а поэтому не могу быть вашимъ пріятелемъ!» Тогда любовь цѣпится наравнѣ съ жизнью, слѣдовательно, становится чувствомъ дорогимъ и сильнымъ, какъ буря, а слѣдовательно, и все оправдывающимъ. Дѣло не въ томъ, чѣмъ кончится эта драма, но все таки она остается драмой. Но такъ какъ въ жизни этого не дѣлается, потому что удобнѣе любить по секрету, а потомъ, надоѣвъ другъ другу, разойтись въ разныя стороны безъ бурныхъ

сценъ съ мужемъ, что чаще всего и случается, а болѣе честный поступокъ считался бы экзальтаціей,—потому французская реальная беллетристика описываетъ и прославляетъ только романъ.

Но какъ мало исключеній изъ этого правила, какъ мало встрѣчается авторовъ, вышедшихъ изъ этого пошлаго круга интимныхъ отношеній, въ которыхъ главную роль играетъ вѣроломство.

Находятъ, что говоря постоянно о вѣроломствѣ и его пошлой подкладкѣ, умышленно растравляютъ общественную рану. Неправда! Это излюбленная тема. Развѣ нѣтъ болѣе интереснаго предмета? Есть гораздо болѣе наболѣвшихъ мѣстъ, о которыхъ и не упоминаютъ, а объ этомъ говорится въ каждой повѣсти, потому что это благодарная почва для описаній, бросающихся въ глаза своимъ реализмомъ, для удачныхъ схватываній характеровъ и темпераментовъ. Возродившееся, въ настоящее время, республиканское сторонничество могло бы дать болѣе обширную тему для литературы, такъ какъ въ немъ, кромѣ обольщенныхъ и похищенныхъ, а также намѣченныхъ къ похищенію, есть еще и другія женщины, а главное, другія идеи. Существуетъ глубокое убѣжденіе, что поэзія и повѣсть должны измѣниться: первая должна превратиться въ народную пѣснь, вторая—выйти, разъ на всегда, изъ подъ супружескаго ложа; наконецъ, инстинктивное чувство потребности должно измѣнить, какъ изящную, такъ и творческую литературу. Она должна отбросить устарѣлыя формы вмѣстѣ съ романомъ и проникнуться новыми, высшими идеями, достойными возродившагося народа. Столько новыхъ политическихъ, общественныхъ и философскихъ вопросовъ носится въ воздухѣ! Ихъ схватываетъ умъ, и отсюда создается наука; ихъ воспринимаетъ сердце, и изъ этихъ чувствъ можетъ расцвѣсти новая обновленная литература. Какъ это случится и когда?—трудно сказать. Но общество чувствуетъ, что существующее направленіе ихъ не удовлетворяетъ. Одни предполагаютъ, что эту спасительную реформу проведетъ направленный на болѣе благородный путь реализмъ, и въ Золя, который больше другихъ понялъ современныя требованія, видятъ если не искупителя, то, по крайней мѣрѣ, человѣка, открывающаго новый путь. Другіе ничего не видятъ, но всѣ ожидаютъ чего-то, а пока бѣгутъ туда, гдѣ можно услышать новое слово, окружаютъ философскую каѳедру Каро и литературную—Альберта; интересуются литературными вопросами, возбуждаютъ литературные споры и требуютъ свѣта.

Среди этого хаоса неопредѣлившихся еще понятій, вопросовъ: куда идти? и погони за идеаломъ, сѣдовласый отецъ романтизма, престарѣлый баръ изъ Гернесса кладетъ отъ времени до времени оцѣпенѣвшіе пальцы на арфу. Его слушаютъ. Быть можетъ и пальцы и арфа слишкомъ стары, но онъ одинъ никогда не боялся великихъ идей.

Комедія изъ-за ошибокъ.

Очеркъ изъ американской жизни.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Происшествіе, послужившее мнѣ темой для этого очерка, случилось дѣйствительно въ одномъ изъ американскихъ городковъ. Произошло ли оно на востокѣ или на западѣ, я не могъ узнать, но, впрочемъ, это и не составляетъ особенной важности. Можетъ быть, даже какой-нибудь писатель и воспользовался имъ раньше, но это, по моему мнѣнію, должно такъ же мало интересовать читателей, какъ и вопросъ о мѣстности.

Пользуясь авторскими правами, я переношу дѣйствіе въ Калифорнію; причемъ постараюсь въ своемъ эскизѣ передать характерныя черты мѣстной жизни.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ въ графствѣ Маріпоза открылись источники нефти. Огромныя выгоды, приносимыя подобными копями въ Невадѣ и другихъ штатахъ, побудили предпринимателей къ организаціи товарищества, съ цѣлью эксплоатировать ново-открытые источники. Были выписаны различныя машины, насосы, двигатели, лѣстницы, бочки, боченки, буравы и котлы; построены дома для рабочихъ; мѣстности дано названіе: «Struck Oil», и вскорѣ въ пустынной мѣстности, гдѣ годъ тому назадъ жили только шакалы, появился поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ и обитаемый нѣсколькими сотнями рабочихъ.

Спустя два года, «Struck Oil» сталъ уже именоваться «Struck Oil city». И это былъ дѣйствительно «city», въ полномъ значеніи этого слова. Прошу обратить вниманіе, что здѣсь уже жили: сапожникъ, портной, плотникъ, кузнецъ, мясникъ и докторъ французъ, который въ свое время брилъ бороды во Франціи, но, впрочемъ, былъ человѣкъ «ученый», а главное—безвредный, что въ американскомъ докторѣ уже много значитъ.

Докторъ, какъ это часто бываетъ въ маленькихъ городкахъ, держалъ въ то же время аптеку и почту, слѣдовательно, имѣлъ тройную практику. Онъ былъ такимъ же безвреднымъ аптекаремъ, какъ и докторомъ, потому что въ его аптекѣ можно было получить только два лекарства: сахарный сиропъ и лероа. Этотъ привѣтливый старичекъ обыкновенно говорилъ своимъ паціентамъ:

— Не бойтесь никогда моихъ лекарствъ. Я принялъ за правило, прежде чѣмъ дать больному лѣкарство, выпить самому такую же дозу, и если оно не повредитъ мнѣ, здоровому, то не повредитъ и больному. Не правда-ли?

— Правда,—отвѣчали успокоенные обыватели, которымъ даже не приходила въ голову мысль, что обязанность доктора состоитъ не только въ томъ, чтобы не повредить больному, но и помочь.

Дансовиль,—такъ звали доктора,—больше всего вѣрилъ въ чудодѣйственную силу лероа. Часто на митингахъ онъ снималъ шляпу и обращался къ публикѣ со слѣдующей рѣчью:

— Милостивые государи и государыни! убѣдитесь, что такое лероа! Мнѣ семьдесятъ лѣтъ; уже сорокъ лѣтъ, какъ я употребляю лероа ежедневно и, посмотрите, у меня нѣтъ ни одного сѣдого волоска на головѣ.

Государи и государыни могли, дѣйствительно, замѣтить, что у доктора не только не было ни одного сѣдого волоса, но не было и никакого, потому что онъ былъ совершенно лысъ. Но такъ какъ подобныя замѣчанія не способствовали росту «Struck Oil city», то ихъ и не дѣлали.

Между тѣмъ «Struck Oil city» росло и росло. По истеченіи двухъ лѣтъ къ нему провели вѣтвь желѣзной дороги. Городъ уже имѣлъ выборныхъ чиновниковъ. Докторъ, какъ общій любимецъ и представитель интеллигенціи, былъ выбранъ судьей, польскій еврей, мистеръ Девисъ (Давидъ), шерифомъ, то есть начальникомъ полиціи, состоящей изъ одного только шерифа; построили школу, бразды правленія которой приняла на себя, нарочно выписанная, «School Malam», престарѣлая дѣва, съ вѣчнымъ флюсомъ; наконецъ, появилась первая гостинница подъ названіемъ: «United States Hotel».

Торговля тоже оживилась. Вывозъ нефти приносилъ большіе барыши. Увидѣли, что мистеръ Девисъ выстроилъ передъ своей лавкой стеклянную выставку, какими украшаютъ магазины обуви въ Сапъ-Франциско. На слѣдующемъ же митингѣ обыватели принесли мистеру Девисъ публичную благодарность за новое украшеніе города, на что онъ, со скромностью почтеннаго гражданина отвѣтилъ: «Thank you! hank you! Oj wey!»

Гдѣ есть судья и шерифъ, тамъ бываютъ и дѣла. Все это сопряжено съ перепиской, а слѣдовательно, нужна и бумага—и вотъ на углу «Cojotesstreet» открылось «Stationery», т. е. складъ бумаги, въ которомъ продавались также газеты и каррикатуры, изображающія Гранта въ видѣ мальчика, доящаго корову, которая въ свою очередь изображала Соединенные Штаты. Въ обязанность шерифа не входило запрещеніе продажи подобныхъ картинъ, потому что это полиціи не касается.

Но это еще не все. Американскій городъ не можетъ быть безъ газеты; потому черезъ два года появился журналъ подъ названіемъ: «Saturdau Weekly Reviev» (Субботнее-еженедѣльное обозрѣніе), имѣющее столько же подписчиковъ, сколько было жителей въ «Struck Oil city». Редакторъ этаго журнала былъ въ одно и то же время издателемъ, типографщикомъ, администраторомъ и разнощикомъ. Эта послѣдняя обязанность не была для него особенно затруднительна, такъ какъ онъ, кромѣ

того, держалъ коровъ и долженъ былъ каждое утро разносить молоко по домамъ. Это, однако, не мѣшало ему начинать передовыя статьи словами: «Если бы нашъ подлый президентъ Соединенныхъ Штатовъ послѣдовалъ совѣту, данному нами въ прошедшемъ номерѣ», и т. д.

Однимъ словомъ, не было ни въ чемъ недостатка въ благословенномъ «Struck-Oil city». Кромѣ того, рудокопы, занимающіеся добываніемъ нефти, не отличаются ни такими грубыми нравами, ни страстью къ скандаламъ, какъ золотоискатели, поэтому въ городѣ было спокойно. Никто ни съ кѣмъ не дрался, о Линчѣ не было и слуху; жизнь текла мирно, одинъ день былъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды. Утромъ каждый занимался «business'омъ», вечеромъ обыватели жгли соръ на улицахъ и, если не было митинга, шли спать, зная что завтра будутъ тоже вечеромъ жечь соръ.

Единственной непріятностью шерифа было то, что онъ не могъ отучить обывателей отъ стрѣльбы изъ ружей по дикимъ гусямъ, пролетавшимъ вечеромъ надъ городомъ. Городской уставъ запрещалъ стрѣлять на улицахъ. «Если бы это былъ какой-нибудь дряпной городишко,—говорилъ шерифъ,—ну, такъ еще куда ни шло, но въ такомъ большомъ городѣ—пифъ! пафъ! пифъ! пафъ!—это очень не хорошо».

Обыватели слушали, кивали головами, отвѣчали: «o yes!», но когда вечеромъ на небѣ появлялись бѣлыя и сѣрыя вереницы, тянувшіяся съ горъ къ океану, всѣ забывали о своемъ обѣщаніи,—и стрѣльба начиналась на славу.

Конечно, мистеръ Девисъ могъ каждаго виновнаго препроводить къ судьѣ, а судья оштрафовать его, но не слѣдовало забывать, что виновные были въ случаѣ болѣзни и паціентами доктора, а въ случаѣ необходимости въ покупкѣ обуви и гостями шерифа; а такъ какъ рука руку моетъ, то и не должны другъ другу причинять непріятностей.

Поэтому въ «Struck Oil citu» было спокойно, какъ въ небѣ, но неожиданныя обстоятельства вдругъ нарушили это спокойствіе.

Содержатель и содержательница «grocery» воспылали ненавистью другъ къ другу.

Но необходимо прежде всего объяснить что такое «grocery». Grocery—это лавка, въ которой продается все. Тамъ можно получить муку, шляпы, сигары, метлы, пуговицы, рисъ, сардинки, рубашки, сало, сѣмена, блузы, брюки, ламповыя стекла, топоры, сухари, тарелки, бумажные воротнички, сушеную рыбу, однимъ словомъ, все, что угодно. Сначала была только одна такая лавка въ Struck Oil citu. Содержалъ ее нѣмецъ, по имени Гансъ Каше. Это былъ флегматичный пруссакъ, лѣтъ тридцати пяти, съ выпученными глазами, не толстый, но довольно полный; онъ ходилъ всегда безъ сюртука и никогда не выпускалъ трубки изо рта. По англійски онъ зналъ столько, сколько это нужно было для его торговли, а больше ни въ зубъ. Но дѣла его, однако, шли хорошо, такъ что черезъ годъ уже говорили въ Struck Oil city, «что онъ стоитъ нѣсколько тысячъ долларовъ».

Вдругъ появилась вторая такая же лавка. И удивительное стеченіе обстоятельствъ. Первую содержалъ нѣмецъ, а вторую открыла тоже нѣмка. «Kunegunde und Eduard, Eduard und Kunegunde»! Между обѣими

сторонами тотчасъ же возгорѣлась война, начавшаяся съ того, что миссъ Нейманъ, или какъ она сама себя называла «Ньюменъ», угостила на привѣтственномъ завтракѣ лепешками изъ муки, смѣшанной съ содой и квасцами. Конечно, этимъ она повредила бы больше всего себѣ во мнѣніи обывателей, если бы не то, что она утверждала и выставляла свидѣтелей, будто, не успѣвъ распаковать своей муки, она купила эту у Ганса Каше. Такимъ образомъ оказалось, что Гансъ Каше завистникъ и негодяй, желающій на первыхъ же порахъ уронить свою соперницу въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ, можно было предвидѣть, что двѣ «grocery» будутъ соперничать между собою, но никто не предполагалъ, что это можетъ перейти въ обоюдную ненависть. Вскорѣ она дошла до такой степени, что Гансъ жегъ соръ только тогда, когда вѣтеръ относилъ дымъ къ лавкѣ его противницы; противница же не называла Ганса иначе какъ «Doczmen» (нѣмецъ), что тотъ считалъ величайшимъ оскорбленіемъ. Сначала жители смѣялись надъ ними, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ по-англійски; но постепенно, вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній съ лавочниками, образовались двѣ партіи: Ганситовъ и Нейманитовъ, которыя стали косо посматривать другъ на друга, что могло нарушить счастье и спокойствіе республики «Struck Oil city» и привести въ будущемъ къ болѣе непріятнымъ послѣдствіямъ. Глубокій политикъ, мистеръ Девисъ, желая пресѣчь зло у самаго корня, старался помирить нѣмку съ нѣмцемъ. Бывало, станетъ по серединѣ улицы и заговоритъ на родномъ ихъ языкѣ:

— Ну, чего вы ссоритесь? Развѣ вы не у одного сапожника покупаете башмаки? У меня теперь есть такіе, какихъ вы и во всемъ Санъ-Франциско не найдете.

— Напрасно расхваливать башмаки передъ тѣмъ, кто скоро будетъ ходить безъ сапогъ,—прерывала кисло миссъ Нейманъ.

— Я не пріобрѣтаю себѣ кредита ногами, отвѣчалъ флегматично Гансъ.

Нужно замѣтить, что у миссъ Нейманъ была дѣйствительно прекрасная ножка; поэтому такія остроты наполняли ея сердце сильнѣйшимъ гнѣвомъ.

Вскорѣ обѣ партіи начали уже и на митингахъ затрогивать вопросы, касающіеся недоразумѣнія Ганса и Нейманъ; но такъ какъ въ Америкѣ никто не найдетъ справедливости въ дѣлѣ съ женщиной, то и большинство склонялось на сторону миссъ Нейманъ.

Наконецъ, Гансъ замѣтилъ, что его лавка едва окупается.

Но и миссъ Нейманъ дѣла шли не блестяще, такъ какъ весь женскій полъ былъ на сторонѣ Ганса; онѣ замѣтили, что ихъ мужья слишкомъ часто ходятъ за покупками къ красивой нѣмкѣ и при этомъ слишкомъ долго засиживаются у нея.

Но когда не было покупателей ни въ одной изъ лавокъ, Гансъ и миссъ Нейманъ становились въ дверяхъ и бросали другъ на друга полные ненависти взгляды. Въ это время миссъ Нейманъ напѣвала на мотивъ: «mein lieber Augustin:

— «Doczmen, Doczmen, Do—Doczmen, Do—Doczmen—men!»

Мистеръ Гансъ смотрѣлъ сначала на ея ноги, потомъ на фигуру,

потомъ на лицо съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на убитаго имъ мѣсяцъ тому назадъ шакала; потомъ, разразившись адскимъ смѣхомъ, воскликалъ:

— By god!

Ненависть въ этомъ флегматичномъ человѣкѣ дошла до того, что когда онъ утромъ, подойдя къ дверямъ, не видѣлъ миссъ Неймань, то вертѣлся, какъ будто ему чего-нибудь недоставало.

Давно уже у нихъ дѣло дошло бы до суда, если бы Гансъ не былъ увѣренъ, что онъ проиграетъ, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Неймань былъ редакторъ «Saturday Weekly Review». Гансъ убѣдился въ этомъ, когда распустилъ слухъ, что миссъ Неймань носитъ искуственный бюстъ. Это было даже весьма вѣроятно, такъ какъ въ Америкѣ этотъ обычай весьма распространенъ. На слѣдующей же недѣлѣ въ еженедѣльномъ обозрѣніи появилась громовая статья, въ которой редакторъ, говоря объ оскорбительныхъ дѣйствіяхъ «doczmen'овъ» вообще, заканчивалъ торжественнымъ увѣреніемъ, какъ «вполнѣ убѣдившійся», что бюстъ извѣстной оклеветанной лэди настоящій.

Съ этихъ поръ Гансъ пилъ ежедневно черный кофе, потому что не хотѣлъ брать молока у редактора, за то миссъ Неймань брала неизмѣнно двѣ порціи. Кромѣ того, она приказала сшить портному платье, фасонъ лифа котораго убѣдилъ окончательно всѣхъ, что Гансъ былъ клеветникомъ.

Противъ этой женской хитрости Гансъ почувствовалъ себя беззащитнымъ; а между тѣмъ нѣмка, стоя каждое утро передъ своей лавкой, напѣвала все громче и громче:

— «Doczmen, Doczmen, Do-Doczmen, Do-Doczmen-men».

— Что мнѣ съ нею дѣлать?—думалъ Гансъ. — Развѣ угостить ея куръ отравленной пшеницей, которую я приготовилъ для крысъ? Нѣтъ, это не годится, вѣдь, мнѣ же придется за это поплатиться. Но я знаю, что сдѣлать.

И вечеромъ миссъ Неймань, къ великому своему удивленію, увидѣла, что Гансъ носитъ охапки дикихъ подсолнечниковъ и раскладываетъ дорожкой передъ рѣшетчатымъ окномъ погреба. «Любопытно знать, что это будетъ»—думала она.—«Вѣроятно, онъ замышляетъ что-нибудь противъ меня». Между тѣмъ стемнѣло. Гансъ уложилъ подсолнечники въ двѣ линіи, оставивъ свободнымъ только проходъ къ погребу; потомъ вынесъ какой-то предметъ, покрытый полотномъ, повернулся спиной къ миссъ Неймань, снялъ полотно съ таинственнаго предмета, покрылъ его листьями подсолнечниковъ, затѣмъ подошелъ къ стѣнѣ и началъ на ней что-то писать.

Миссъ Неймань сгорала отъ любопытства.

«Безъ сомнѣнія, что-нибудь противъ меня,—думала она;—но пусть только всѣ уснутъ, я тогда непремѣнно пойду посмотрю, хотя бы мнѣ пришлось умереть».

Гансъ, окончивъ работу, пошелъ наверхъ и вскорѣ потушилъ огонь. Тогда миссъ Неймань накинула наскоро капотъ, надѣла туфли на босую ногу и выбѣжала на улицу. Дойдя до подсолнечниковъ, она пошла по дорожкѣ къ окну, желая прочесть надпись на стѣнѣ. Вдругъ

глаза ея выскочили изъ орбитъ, верхняя часть туловища откинулась назадъ, а изъ устъ вырвалось болѣзненное: «ай, ай!» потомъ отчаянный крикъ: «Спасите! спасите»!

Окно наверху поднялось вверхъ.

— Was ist das? — раздался спокойный голосъ Ганса. — Was ist das?

— Проклятый Дочменъ!—орала миссъ,—зарѣзалъ меня, убилъ! Завтра же тебя повѣсятъ. Спасите, спасите!

— Сейчасъ приду,—отвѣтилъ Гансъ.

И, дѣйствительно, черезъ минуту онъ появился со свѣчей въ рукѣ, посмотрѣлъ на миссъ Нейманъ, которая стояла, какъ пригвожденная, потомъ взялся за бока и началъ хохотать.

— А это вы, миссъ Нейманъ? Ха-ха-ха! Добрый вечеръ, миссъ! Ха-ха-ха! Я поставилъ капканъ на скупсовъ, а поймалъ васъ. Зачѣмъ вы пришли заглядывать въ мой погребъ? Я нарочно написалъ на стѣнѣ предостереженіе, чтобы никто не подходилъ близко. Теперь кричите; пусть люди сбѣгутся; пусть всѣ знаютъ, что вы ночью заглядываете въ погребъ дочмена. O mein Gott! кричите, но стойте до утра. Покойной ночи, миссъ.

Положеніе миссъ Нейманъ было ужасно. Кричать?—люди сбѣгутся; не кричать, значитъ стоять всю ночь въ капканѣ, а на утро сдѣлаться посмѣшищемъ... А между тѣмъ нога начинаетъ болѣть все сильнѣе и сильнѣе... Голова начинаетъ кружиться, звѣзды, луна и зловѣщее лицо Ганса перемѣшиваются между собою, и она лишается чувствъ.

— Herr je!—восклицаетъ Гансъ,—если она умретъ, то завтра же меня безъ всякаго суда повѣсятъ.

И у него волосы встали дыбомъ отъ страха.

Нечего было дѣлать. Гансъ отыскалъ скорѣй ключъ, чтобы открыть капканъ, но это не такъ легко было сдѣлать, потому что ему мѣшалъ капотъ миссъ Нейманъ. Нужно было его немного приподнять и. . несмотря на всю ненависть и страхъ, Гансъ не могъ воздержаться, чтобы не взглянуть на прелестныя, точно выточенныя изъ мрамора ножки своего врага.

Теперь къ ненависти его примѣшивалось состраданіе. Онъ быстро открылъ капканъ, но такъ какъ миссъ не двигалась, то взялъ ее на руки и отнесъ въ ея квартиру. По дорогѣ онъ опять почувствовалъ состраданіе. Потомъ вернулся къ себѣ, но всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро миссъ Нейманъ не появилась передъ своей лавкой для обычныхъ вокальныхъ упражненій. Можетъ быть, ей было неловко показаться послѣ вчерашняго происшествія, а можетъ быть, и придумывала месть.

Послѣднее предположеніе оправдалось. Вечеромъ того же дня редакторъ вызвалъ Ганса на кулачки и тотчасъ же подбилъ ему глазъ. Гансъ, доведенный до отчаянія, нанесъ ему столько увѣсистыхъ ударовъ, что тотъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, растянулся и началъ кричать: enough, enough! (довольно, довольно!)

Неизвѣстно, какимъ образомъ, но только не черезъ Ганса, весь го-

родъ узналъ о ночномъ происшествіи миссъ Нейманъ. Послѣ столкновенія съ редакторомъ, состраданіе снова улетучилось изъ сердца Ганса, а осталась одна ненависть.

Онъ предчувствовалъ, что его ожидаетъ внезапный ударъ со стороны противника, и его предчувствіе скоро оправдалось. Собственники «grocery» наклеиваютъ часто на дверяхъ объявленія о продажѣ различныхъ товаровъ, обыкновенно озаглавленныя «Notice». Кромѣ того, нужно знать, что въ лавкахъ этихъ продается для кабаковъ ледъ, безъ котораго ни одинъ американецъ не станетъ пить ни пива, ни виски. Вдругъ Гансъ замѣтилъ, что у него всѣ перестали брать ледъ. Огромныя глыбы, привезенныя имъ по желѣзной дорогѣ, растаяли въ погребѣ; убытку было на нѣсколько десятковъ долларовъ. Почему? Отчего? Гансъ видѣлъ, что даже его сторонники брали ежедневно ледъ у миссъ Нейманъ; онъ рѣшительно не понималъ, что все это значитъ, тѣмъ болѣе, что не былъ въ ссорѣ ни съ однимъ кабатчикомъ.

Онъ рѣшилъ разъяснить это обстоятельство.

— Почему вы у меня не покупаете ледъ?—спросилъ онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ кабатчика Петерса, который въ это время проходилъ мимо его лавки.

— Потому, что у васъ его нѣтъ.

— Какъ это нѣтъ?

— А я почемъ знаю.

— «Aber» у меня есть ледъ.

— А это что значитъ,—спросилъ кабатчикъ, указывая пальцемъ на объявленіе, приклеенное къ дверямъ.

Гансъ взглянулъ и позеленѣлъ отъ злости. Въ его объявленіи кто-то въ словѣ «Hoitce» выцарапалъ букву t, вслѣдствіе чего, вмѣсто «Noitce» получилось «Noice», что по-англійски значитъ: нѣтъ льду.

— Donnerwetter!—воскликнулъ Гансъ и, побагровѣвъ отъ злости, бросился, какъ шальной, въ лавку миссъ Нейманъ.

— Это подлость!—кричалъ онъ съ пѣной у рта.—Какъ вы смѣли выцарапать у меня букву изъ середины!

— Что я у васъ выцарапала изъ средины?—спросила съ притворною наивностью миссъ Нейманъ.

— Говорю вамъ, букву t! Вы выцарапали у меня t! Aber, goddam! Такъ продолжаться не можетъ. Вы должны мнѣ заплатить за ледъ! Goddam, goddam!

И, потерявъ свое обычное хладнокровіе, онъ началъ орать, какъ сумасшедшій; Нейманъ тоже подняла крикъ. Сбѣжался народъ.

— Спасите!—кричала миссъ Нейманъ.—Дочменъ помѣшался: говоритъ, что я ему что-то выцарапала изъ середины, а я у него ничего не выцарапала. Я съ удовольствіемъ выцарапала бы ему глаза, если бы могла, но ничего больше. Я несчастная, одинокая женщина,—онъ меня можетъ убить.

И она залилась слезами. Американцы, хотя и не понимали, въ чемъ дѣло, но такъ какъ они не могутъ видѣть женскихъ слезъ, то, не долго думая, схватили нѣмца за шиворотъ и вытолкали за дверь. Онъ хотѣлъ было сопротивляться, но не тутъ-то было, его такъ отшвырнули, что

онъ вылетѣлъ, какъ стрѣла, и, пролетѣвъ улицу, влетѣлъ въ свою дверь и растянулся.

Спустя недѣлю, надъ его лавкой красовалась огромная вывѣска, на которой была изображена обезьяна, въ полосатомъ платьѣ и бѣломъ фартучкѣ, однимъ словомъ, совершеннѣйшая миссъ Нейманъ. Внизу была сдѣлана большими, желтыми буквами слѣдующая надпись:

— «Grocery подъ обезьяной».

Народъ толпился передъ вывѣской. Хохотъ вызвалъ миссъ Неймапъ на улицу. Она вышла, посмотрѣла и, поблѣднѣвъ, но не потерявъ присутствія духа, замѣтила:

— «Grocery подъ обезьяной». Это, понятно, потому что мистеръ Каше живетъ надъ «grocery».

Однако, ударъ попалъ ей въ самое сердце. Въ полдень она слышала, какъ толпы дѣтей, возвращаясь изъ школы, останавливались передъ вывѣской и кричали:

— O! that's miss Neuman! Good evenig miss Neuman!

Это было черезчуръ. Вечеромъ, когда къ ней пришелъ редакторъ, она сказала ему:

— Эта обезьяна—я. Я въ этомъ увѣрена, но я ему этого не прощу. Онъ долженъ снять вывѣску и слизать эту обезьяну при мнѣ собственнымъ языкомъ.

— Что-же вы хотите дѣлать?

— Сейчасъ пойду къ судьѣ.

— Какъ сейчасъ?

— Завтра.

Утромъ она вышла изъ дома и, подойдя къ Гапсу, сказала:

— Послушайте, мистеръ Дочменъ! я знаю, что обезьяна эта—я, но пожалуйте со мною къ судьѣ. Посмотримъ, что онъ на это скажетъ.

— Скажетъ, что я имѣю право рисовать на своей вывѣскѣ, что мнѣ угодно.

— Это мы еще увидимъ.

Миссъ Нейманъ задыхалась.

— А почему вы знаете, что эта обезьяна—вы!

— Мнѣ говоритъ это совѣсть Идемте же скорѣе къ судьѣ, а не то шерифъ препроводитъ васъ къ нему въ кандалахъ.

— Отлично, пойду,—отвѣтилъ Гапсъ, увѣренный въ успѣшномъ исходѣ дѣла.

Оба позакрывали лавки и отправились, препираясь по дорогѣ. Только у дверей судьи они вспомнили, что ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ по-англійски. Вотъ шерифъ, какъ польскій еврей, знаетъ и по-нѣмецки и по-англійски, и они отправились къ шерифу.

Но шерифъ уже сидѣлъ на телегѣ и собирался уѣзжать.

— Убирайтесь къ черту!—крикнулъ онъ. Вы своими ссорами только тревожите весь городъ. Ходите въ однихъ и тѣхъ же башмакахъ цѣлые года. Я ѣду за «limber». Good bye!

И онъ уѣхалъ.

Гапсъ подбоченился.

— Вы должны ожидать до завтра,—промолвилъ онъ флегматично.

— Я буду ожидать? Скорѣй умру. Развѣ только тогда, если вы снимете обезьяну.

— Я не сниму обезьяны.

— Тогда васъ повѣсятъ. Ой, будете висѣть, Дочменъ. Обойдемся и безъ шерифа. Судья и самъ знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте и безъ шерифа,—отвѣтилъ нѣмецъ.

Но миссъ Нейманъ ошибалась. Одинъ только судья въ цѣломъ городѣ ничего не зналъ о ихъ ссорѣ. Добродушный старичекъ приготовлялъ свое лекарства и думалъ, что онъ спасаетъ весь міръ.

Онъ принялъ ихъ, по обыкновенію, ласково и привѣтливо.

— Покажите ваши языки, дѣти мои,—сказалъ онъ,—я вамъ сейчасъ пропишу лекарство.

Оба замахали руками, показывая этимъ, что они не хотятъ лекарства, а миссъ Нейманъ повторяла:

— Совсѣмъ не то нужно, совсѣмъ не то!

— А что же?

Оба разсказывали, перебивая другъ друга. Гансъ одно слово, а миссъ Нейманъ десять. Наконецъ, нѣмку осѣнила остроумная мысль показать на сердце и тѣмъ дать понять, что Гансъ пронзилъ семью мечами ея сердце.

— Теперь понимаю, понимаю,—сказалъ докторъ.

Затѣмъ онъ открылъ книгу и началъ что-то писать. Потомъ онъ обратился къ Гансу и спросилъ, сколько ему лѣтъ.—Тридцать шесть. Спросилъ миссъ—она не помнила точно, но ей кажется что около двадцати пяти. «All right!» какъ васъ зовутъ?

— Гансъ и Лора. «All right!» Чѣмъ занимаются?—держатъ grocery. «All right!». Потомъ слѣдовали еще какіе-то вопросы, которыхъ они не поняли, но отвѣчали на все «yes». Докторъ кивнулъ головою. Все окончено.

Окончивъ писать, онъ всталъ и, къ величайшему удивленію Лоры, обнялъ ее и поцѣловалъ.

Она приняла это за хорошее предзнаменованіе и, полная розовыхъ надеждъ, отправилась домой.

По дорогѣ она обратилась съ угрозою къ Гансу:

— Я вамъ покажу.

— Показывайте кому-нибудь другому,—отвѣтилъ спокойно нѣмецъ.

На слѣдующее утро къ ихъ лавкамъ подошелъ шерифъ.

Оба стояли въ дверяхъ. Гансъ курилъ трубку, а миссъ Нейманъ напѣвала:

«Doczmen, Doczmen, Do—Doczmen, Do—Doczmenenmen»

— Хотите идти къ судьѣ?—спросилъ шерифъ

— Мы уже были.

— Ну, и что-жъ?

— Милый шерифъ, мистеръ Девисъ!—воскликнула миссъ, подите, узнайте. Мнѣ нужны башмаки. Замолвите за меня словечко. Вы видите, что я бѣдная, одинокая дѣвушка.

Шерифъ пошелъ и черезъ четверть часа вернулся. Но вернулся, почему-то, окруженный толпою людей.

— Ну, что? какъ?—начали допрашивать оба.

— Все отлично, охъ!—отвѣтилъ шерифъ.

— Но что-же судья сдѣлалъ?

— Но, что онъ могъ дурного сдѣлать? Онъ васъ только поженилъ.

— Поженилъ?

— А развѣ люди не женятся?

Если бы неожиданно разразился громъ, то Гансъ и миссъ Нейманъ не были бы такъ поражены. Гансъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, высунулъ языкъ и смотрѣлъ, какъ дуракъ, на миссъ Нейманъ, а миссъ Нейманъ тоже вытаращила глаза, разинула роть, высунула языкъ и смотрѣла, какъ дура, на Ганса. Оба остолбенѣли, а потомъ стали кричать:

— Я должна быть его женою?

— Я долженъ быть ея мужемъ?

— Никогда! ни за что! Сейчасъ разводъ .. Я не хочу.

— Нѣтъ, я не хочу!

— Лучше умереть! Караулъ! Разводъ!

— Мои милые!—обратился къ нимъ шерифъ,—что здѣсь поможетъ крикъ? Развѣ вы какіе-нибудь милліонеры, чтобы брать разводъ? Развѣ вы не знаете, чего это стоитъ? Ай вей! чего тутъ кричать? У меня есть хорошенькіе дѣтскіе башмачки; я вамъ дешево ихъ продамъ. Good bye!

Сказавъ это, онъ ушелъ. Народъ съ хохотомъ тоже сталъ расходиться; новобрачные остались одни.

— Этотъ французъ,—замѣтила новобрачная,—нарочно это сдѣлалъ, потому что мы нѣмцы.

— Richtig,—отвѣтилъ Гансъ.

— Но все-таки намъ нужно развестись.

— Я первый,—вы мнѣ выцарапали букву t изъ середины.

— Нѣтъ, я первая,—вы меня поймали въ капканъ.

— Я вовсе не желаю съ вами жить.

— А я васъ терпѣть не могу.

Они разошлись и заперли лавки. Она сидѣла у себя, погруженная въ размышленіе, онъ у себя. Наступила ночь. Но оба и не думали о снѣ. Легли, но не могли сомкнуть глазъ. Онъ думалъ: «тамъ спитъ моя жена». Она:—«тамъ спитъ мой мужъ». И какое-то странное чувство зарождалось въ ихъ сердцахъ. Это была ненависть и гнѣвъ въ соединеніи съ чувствомъ одиночества. Гансъ, кромѣ того, думалъ о своей обезьянѣ на вывѣскѣ. «Какъ-же теперь ее оставить, когда это карикатура моей жены». И ему показалось, что онъ поступилъ очень дурно, нарисовавъ эту обезьяну. Но все-таки эта Нейманъ... Вѣдь, онъ ее ненавидитъ. Это по ея винѣ ледъ у него растаялъ. Правда, что и онъ ее поймалъ въ капканъ. Тутъ ему вспомнились ея формы, видѣнныя имъ при лунномъ освѣщеніи. «Но, что правда, то правда, она здоровая дѣвушка. Но, вѣдь, она не терпитъ меня, а я ее». Вотъ положеніе. Ахъ, Herr Gott! Женился! и на комъ? на миссъ Нейманъ! А тутъ опять разводъ такъ дорого стоитъ. Всей моей лавки на это не хватитъ.

— Я жена этого Дочмена, — говорила въ свою очередь миссъ Нейманъ. Я уже не дѣвушка... т. е. дѣвушка, но вышла замужъ. И за кого? за Каше, который меня поймалъ въ капканъ. Правда, что онъ

меня поднялъ и отнесъ наверхъ. Какой онъ сильный! Вотъ такъ схватилъ меня поперекъ... Но что это? Какой-то шорохъ!..

Но шороха никакого не было, только вдругъ миссъ Нейманъ стала бояться, чего съ нею никогда не бывало.

— Неужели онъ осмѣлится?.. Боже!..—Но потомъ она прибавила голосомъ, въ которомъ слышалось разочарованіе.—Онъ не осмѣлится. Онъ...

А страхъ все усиливался. «Вотъ такъ всегда одинокой женщинѣ», думала она. Если-бы здѣсь былъ какой-нибудь мужчина, было-бы гораздо безопаснѣе. Я слышала о какихъ-то разбояхъ въ окрестности (положимъ, она ничего подобнаго не слышала). Право, меня когда-нибудь убьютъ. Ахъ, этотъ Каше? связалъ меня по рукамъ. Нужно, однако, поговорить о разводѣ».

Такъ раздумывая, она безпокойно ворочалась на широкой американской постели и чувствовала себя одинокой. Вдругъ она вскочила снова. На этотъ разъ страхъ ея былъ основателенъ. Въ ночной тишинѣ ясно раздавался стукъ молотка.

— О, Господи! — воскликнула миссъ, — должно быть подбираются къ моей лавкѣ.

Сказавъ это, она вскочила съ постели и подбѣжала къ окну, но взглянувъ, тотчасъ успокоилась. Луна освѣщала лѣстницу, а на ней круглыя, бѣлыя формы Ганса, отрывающаго вывѣску съ обезьяной.

Миссъ Нейманъ тихонько открыла окно.

«Однако, онъ снимаетъ обезьяну... это очень честно съ его стороны»,—подумала она и вдругъ почувствовала, какъ будто что растаяло въ ея сердцѣ.

Гансъ въ это время вынималъ гвозди. Желѣзный листъ со звономъ упалъ на землю; тогда онъ слѣзъ, отбилъ раму, свернулъ листъ въ трубку и сталъ отставлять лѣстницу.

Миссъ слѣдила за нимъ глазами... Ночь была тихая, теплая...

— Мистеръ Гансъ,—прошептала вдругъ дѣвица.

— Вы не спите?—такъ-же тихо отвѣтилъ Гансъ.

— Нѣтъ, добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

— Что вы дѣлаете?

— Снимаю обезьяну.

— Благодарю васъ, мистеръ Гансъ.

Минута молчанія.

— Мистеръ Гансъ!—снова послышался шепотъ дѣвушки.

— Что, миссъ Лора?

— Мы должны говорить о разводѣ.

— Да, миссъ Лора.

— Завтра?

— Да, завтра.

Опять молчаніе. Мѣсяцъ смѣется, собаки не лаютъ.

— Мистеръ Гансъ!

— Что, миссъ Лора?

— Мнѣ необходимо какъ можно скорѣе, получить этотъ разводъ.

— И мнѣ тоже, миссъ Лора.

Голосъ Гапса былъ грустенъ.

— Потому что, видите-ли, не слѣдуетъ этого откладывать.

— Конечно, это лучше всего.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Тѣмъ лучше, миссъ Лора.

— Значитъ, мы должны объ этомъ потолковать.

— Если позволите...

— Такъ идите ко мнѣ.

— Сейчасъ, только одѣнусь.

— Не нужно церемоній.

Дверь внизу открылась, и Гапсъ исчезъ въ темнотѣ, а черезъ мгновеніе очутился въ тихой, теплой и уютной дѣвичьей комнаткѣ. Миссъ Лора въ бѣломъ капотѣ была очаровательна.

— Я слушаю васъ,—проговорилъ Гапсъ взволнованнымъ голосомъ.

— Видите-ли, я-бы очень хотѣла развестись, но... боюсь, чтобы насъ кто-нибудь не увидѣлъ съ улицы.

— Вѣдь, въ комнатѣ темно...—отвѣтилъ Гапсъ.

— Ахъ, правда!—согласилась миссъ.

Тогда-то началась бесѣда о разводѣ, но она не подлежитъ описанію. Спокойствіе возвратилось въ Struck oil city.

ПРИГОВОРЪ ЗЕВЕСА.

Однажды вечеромъ Аполлонъ и Гермесъ встрѣтились на скалахъ Пникса и, ставъ на краю уступа, смотрѣли на Аѳины.

Вечеръ былъ чудный; солнце уже спустилось къ Іоническому морю и медленно погружало свой лучезарный дискъ въ изумрудную блестящую зыбь. Вершины Гимета и Пентеликона еще свѣтились, какъ бы облитыя расплавленнымъ золотомъ; на небѣ сіяла вечерняя заря. Въ блескѣ ея утопалъ весь Акрополь. Бѣлыя мраморныя колонны Пропилеевъ, Парѳенона и Эрехѳіона казались розовыми и столь легкими, какъ сонныя видѣнія.

— Остріе копья гигантской Аѳины-Промакосъ слилось съ лучами зари и блестѣло, словно зажженный надъ Аттикой факелъ.

Въ вышинѣ, на темно-синемъ фонѣ неба видѣлось нѣсколько ястребовъ, которые летѣли на ночлегъ въ скрытыя въ скалахъ гнѣзда.

Люди толпами возвращались съ полевыхъ работъ въ городъ. По дорогѣ въ Пирей двигались мулы и ослы, таща корзины, наполненныя оливками и золотистымъ виноградомъ; за ними, въ розоватыхъ облакахъ пыли, тянулись стада круторогихъ козъ,—предъ каждымъ стадомъ важно выступалъ бѣлобородый козелъ, по бокамъ бѣжали бдительныя собаки, а сзади слѣдовалъ пастухъ, игравшій то на свирѣли, то на тонкомъ овсяномъ стебелькѣ.

Между стадами медленно двигались возы съ божественнымъ ячменемъ, влекомые лѣнивыми волами, кой-гдѣ маршировали отряды гоплитовъ, одѣтыхъ въ мѣдные доспѣхи, направлявшихся на ночную стражу въ Пирей и въ Аѳины.

Внизу, въ самомъ городѣ, еще кипѣла жизнь. У большого фонтана, расположеннаго вблизи Пойкиле, молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлые хитоны, черпали воду, распѣвая, громко смѣясь или защищаясь отъ юношей, которые закидывали на нихъ путы, сплетенные изъ плюща или виноградныхъ листьевъ. Иныя изъ дѣвушекъ, наполнивъ амфоры водой и придерживая ихъ на плечѣ рукой, направлялись въ свои жилища, легкія, граціозныя, подобныя безсмертнымъ нимфамъ.

Мягкій вѣтерокъ доносилъ съ равнинъ Аттики до слуха обоихъ боговъ отголоски пѣнія, смѣха и поцѣлуевъ.

Божественный Аполлонъ, для взоровъ котораго подъ небомъ ничего не было милѣе женщины, обратился къ Гермесу и сказалъ:

— О, сынъ Майи, какъ прекрасны аѳинянки!

— И добродѣтельны, о Лучезарный,—отвѣтилъ Гермесъ,—ибо онѣ состоятъ подъ покровительствомъ Паллады.

Богъ умолкъ и смотрѣлъ и слушалъ далѣе. Тѣмъ временемъ заря медленно угасала, движеніе постепенно прекращалось, скиоскіе невольники закрыли ворота, и черезъ нѣсколько мгновеній наступила тишина. Ночь накинула темное, заткапное звѣздами покрывало на Акрополь, на городъ и окрестности.

Но мракъ продолжался недолго. Вскорѣ изъ Архипелага выпырнула блѣдная Селена (луна) и, точно серебряная ладья, поплыла по небесному пространству. И опять засіяли мраморныя колонны Акрополя, только теперь онѣ сіяли свѣтлозеленымъ свѣтомъ и еще сильнѣе напоминали сонныя видѣнія.

— Надо признать,—проговорилъ «Лучезарный»,—что Аонна избрала для себя чудное жилище.

— Еще бы! Она полна мудрости. Кто же лучше ея могъ бы выбрать?—отвѣтилъ Гермесъ. — Притомъ Зевесъ чувствуетъ къ ней удивительную слабость. Лишь только она о чемъ-нибудь попроситъ, лишь только приласкается къ нему, какъ онъ тотчасъ назоветъ ее своей Тритонегейей, любимой дочерью, и по одному ея мановенію сдѣлаетъ все, чего она пожелаетъ.

— Тритонегейя иногда наводитъ на меня тоску!—тихо промолвилъ сынъ Латоны.

— И я замѣтилъ, что она бываетъ подчасъ скучна! — сказалъ Гермесъ.

— Какъ старый перипатетикъ. Да, кромѣ того, она несносно добродѣтельна, ну, совершенно такъ же, какъ моя сестра Артемида.

— Или какъ ея собственныя слуги, аоннянки.

— Ты точно нарочно вспоминаешь о добродѣтельности аоннянокъ. Неужели онѣ на самомъ дѣлѣ отличаются такою твердостью?

— Баснословной, о сынъ Латоны!

— Вотъ какъ!—сказалъ Аполлонъ.—Но неужели ты думаешь, что въ этомъ городѣ найдется хотя одна женщина, которая могла бы противиться мнѣ?

— Думаю, что да!

— Мнѣ, Аполлону?

— Тебѣ, мой Лучезарный!

— Мнѣ, который можетъ увлечь ее поэзіей, очаровать пѣснью и музыкой?

— Тебѣ, мой Лучезарный!

— Если бы ты былъ честнымъ богомъ, то я готовъ былъ бы биться съ тобой объ закладъ. Но ты, Гермесъ, въ случаѣ, если проиграешь, тотчасъ испаришься вмѣстѣ съ сандаліями и посохомъ.

— Нѣтъ. Я положу одну руку на землю, другую на море и поклянусь Аидомъ. Такую клятву сдерживаю не только я, но даже члены народнаго собранія въ Аоннахъ!

— Это уже слишкомъ. Но такъ и быть: если ты проиграешь, то долженъ доставить мнѣ на Тринакію стадо длиннорогихъ воловъ, которыхъ ты, навѣрно, украдешь, у кого тебѣ будетъ угодно, какъ ты нѣкогда, будучи еще мальчикомъ, укралъ мои стада на Піеріи.

— Согласенъ. А что я получу, если выиграю?

— Выбирай, что желаешь.

— Выслушай меня, Лучезарный, я буду съ тобой откровенъ, что, какъ тебѣ извѣстно, со мной не часто случается. Однажды, посланный Зевесомъ, не помню ужъ по какому дѣлу, я какъ разъ пролеталъ надъ твоей Трипакіей и увидѣлъ Лампецію, которая вмѣстѣ съ Феатузой оберегаетъ тамъ стада твои. Съ той минуты я не имѣю покоя. Лампеція вѣчно стоитъ предъ моими глазами, я люблю ее и вздыхаю по ней днемъ и ночью. Такъ вотъ, если я выиграю, если въ Аонахъ найдется женщина столь добродѣтельная, что въ состояніи будетъ тебѣ противиться, то ты дашь мнѣ Лампецію. Ничего болѣе я отъ тебя не потребую.

— Не странно ли, что любовь можетъ возникнуть даже въ сердцѣ патрона купцовъ. Хорошо, я охотно соглашаюсь. Дамъ тебѣ Лампецію, тѣмъ болѣе, что она теперь не можетъ поладить съ Феатузой. Говоря мимоходомъ, объ онѣ влюблены въ меня и оттого ссорятся.

Глаза Гермеса засвѣтились радостью.

— Итакъ, значитъ, рѣшено,—сказалъ онъ.—Но вотъ одно условіе: женщину, на которой ты желаешь испытать свою божественную силу, я тебѣ самъ выберу.

— Лишь бы только она была красива!

— Она будетъ достойна тебя.

— Признайся, ты уже навѣрно какую-нибудь намѣтилъ.

— Признаюсь.

— Дѣвушка ли она, замужняя, или вдова?

— Разумѣется, замужняя. На дѣвушку или вдову ты могъ бы подѣйствовать обѣщаніемъ жениться.

— Какъ ея имя?

— Эрифила. Это жена булочника.

— Булочника?—спросилъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ Лучезарный.—Это мнѣ менѣе нравится.

— Что подѣлаешь! Я чаще всего вращаюсь въ тѣхъ сферахъ. Мужа Эрифилы въ настоящее время нѣтъ дома; онъ уѣхалъ въ Мегару. Эта булочница—красивѣйшая женщина, какая только когда-нибудь существовала на землѣ.

— Это любопытно.

— Еще одно условіе, о мой Лучезарный. Дай мнѣ обѣщаніе, что ты для того, чтобы овладѣть этой женщиной, употребишь только способы, достойные тебя, но ни въ какомъ случаѣ не поступишь такъ, какъ поступилъ бы, напримѣръ, такой невѣжа, какъ Арей, или даже, между нами говоря, какъ поступаетъ нашъ общій отецъ—великій Тучесобиратель.

— За кого ты меня принимаешь...—промолвилъ Аполлонъ.

— Итакъ, все условлено, и теперь я могу показать тебѣ Эрифилу.

Дуновеніе вѣтерка тотчасъ снесло обоихъ боговъ съ Пникса, и черезъ минуту оба они повисли надъ однимъ изъ домовъ недалеко отъ Стои. Гермесъ могучей длапью поднялъ верхъ дома такъ же легко, какъ хозяйка, стряпающая обѣдъ, подымаетъ крышку горшка, и, указывая на сидящую женщину, сказалъ:

— Смотри.

Аполлонъ взглянулъ и остолбенѣлъ.

Никогда еще Аттика, никогда вся греческая земля не рождала

цвѣтка болѣе прекраснаго, чѣмъ эта женщина. При блескѣ тройного свѣтильника она сидѣла, склонившись надъ столомъ, и что-то усердно записывала на мраморныхъ дощечкахъ. Ея длинныя опущенныя рѣсницы бросали тѣнь на щеки; однако, порою она поднимала голову и глаза вверхъ, какъ бы раздумывая и припоминая, что бы еще записать, и тогда видны были ея чудные глаза, столь голубые, что въ сравненіи съ ними изумрудная поверхность Архипелага показалась бы блѣдной и поблекшей. Это было положительно лицо Киприды, бѣлое, какъ морская пѣна, розоватое, какъ заря, съ пурпуровыми, какъ сирійскій пурпуръ, устами и золотистаго цвѣта волосами,—словомъ, это было прекраснѣйшее въ мірѣ лицо,—прекрасное, какъ цвѣтокъ, какъ свѣтъ, какъ пѣснь!

Когда молодая женщина опускала глаза, то казалась тихой и нѣжной, когда же въ задумчивости подымала ихъ—вдохновенной.

Лучезарный задрожалъ и, внезапно склонивъ голову на плечо Гермеса, прошепталъ:

— Гермесъ, я ее люблю. Она или никто.

Гермесъ лукаво улыбался и навѣрно отъ радости потеръ бы руки, если бы не находившійся въ его правой рукѣ посохъ.

Тѣмъ временемъ златокудрая взяла новую табличку и стала на ней писать. При этомъ раскрылись ея божественныя уста и тихо зазвучалъ ея голосъ, подобный голосу форминги:

— Членъ Ареопага Меланоклъ за хлѣбъ за два мѣсяца: сорокъ пять драхмъ и четыре обола... Запишемъ для круглаго счета сорокъ шесть драхмъ... Впрочемъ, нѣтъ, клянусь Аѳиной: запишемъ пятьдесятъ—мужъ мой будетъ доволенъ. Ахъ, этотъ Меланоклъ!.. Если бы ты не могъ придраться къ намъ изъ-за фальшивыхъ вѣсовъ, я открыла бы тебѣ кредитъ... Все же съ этой саранчей надо ладить...

Аполлонъ не вслушивался въ ея слова,—онъ только упивался звуками ея голоса, красотой фигуры и шепталъ:

— Она или никакая!

Златокудрая продолжала записывать и говорила:

— Алкивіадъ изъ Гимена за прѣсныя медовыя лепешки для гетеры Хризалисъ: три мины. Этотъ никогда не провѣряетъ счетовъ, притомъ однажды на Стоѣ онъ похлопалъ меня по лопаткѣ... а потому запишемъ четыре мины. Коли глупъ, пусть платитъ. Ну, ужъ и эта Хризалисъ... Она, вѣроятно, въ своемъ прудѣ кормитъ лепешками карповъ, или, можетъ быть, Алкивіадъ нарочно ее откармливаетъ, чтобы потомъ продать ее финикійскимъ купцамъ за кольца изъ слоновой кости для своей упряжи.

Аполлонъ не обращалъ вниманія на слова—онъ только наслаждался звуками ея голоса и шепталъ своему спутнику:

— Она или никакая!

Но сынъ Майи внезапно накрылъ домъ, и чудное видѣніе исчезло, а Лучезарному показалось, что вмѣстѣ съ нимъ исчезли звѣзды, почернѣла луна, и весь міръ погрузился во мракъ подземныхъ странъ.

— Когда же мы приступимъ къ дѣлу?—спросилъ Гермесъ.

— Сегодня, сейчасъ!

— Она въ отсутствіи мужа спитъ въ булочной. Ты можешь стать на улицѣ передъ этой мѣдной рѣшеткой. Если она откроетъ ее, я проигралъ.

— Ты проигралъ! — воскликнулъ Лучезарный.

Молнія не столь быстро скользитъ ночью по небу между востокомъ и западомъ, какъ онъ понесся на соленыя волны Архипелага. Тамъ, выпросивъ у Амфитриды раковину улитки, Аполлонъ натянулъ на нея солнечные лучи и съ готовой формингой вернулся въ Аѳины.

Въ городѣ царила уже тишина, свѣтъ погасъ, только дома и храмы сіяли въ блескѣ луны, которая высоко выплыла на небо.

Булочная находилась на углу двухъ улицъ, а въ ней за рѣшеткой спала прелестная Эрифила. Лучезарный, ставъ противъ рѣшетки, тронулъ струны формингы. Желая незамѣтно разбудить свою возлюбленную, онъ сначала заигралъ такъ тихо, какъ въ весенній вечеръ жужжатъ рои комаровъ надъ Иллисомъ. Но пѣснь постепенно усиливалась, какъ горный потокъ послѣ дождя, и становилась все могучѣе, сладостнѣе, упоительнѣе, и вскорѣ весь воздухъ наполнился страстнымъ томленіемъ. Таинственная птица Аѳины прилетѣла со стороны Акрополя и неподвижно усѣлась на ближайшей колоннѣ.

Внезапно голая рука, достойная рѣзца Фидія или Праксителя, болѣе пентеликонскаго мрамора, открыла завѣсу... Въ Лучезарномъ сердце замерло отъ волненія.

Но вотъ раздался голосъ Эрифилы:

— Что тамъ за шелопай шляется по ночамъ и бренчитъ! Мало того, что человѣкъ днемъ наработается, такъ еще ночью спать не даютъ!

— Эрифила! Эрифила!—воскликнулъ Аполлонъ.

И онъ запѣлъ:

Съ Парнасскихъ высотъ, гдѣ въ блескѣ и лазури
Вдохновенныя музы поютъ мнѣ чудныя пѣсни,
Я, богъ, прилетѣлъ къ тебѣ ..
Раскрой же свои объятія, Эрифила;
Въ нихъ вѣчность покажется мнѣ минутой...

— Клянусь священной жертвенной мукой!—воскликнула жена булочника:—этотъ проказникъ поетъ мнѣ пѣсни и хочетъ меня увлечь! Ступай домой!

Лучезарный, желая ее убѣдить, что онъ не простой смертный, внезапно засіялъ такъ, что отъ его блеска засвѣтилась земля и воздухъ, но Эрифила, видя это, крикнула:

— Бездѣльникъ запасся фонаремъ и хочетъ выдать себя за какого-то бога. О дочь могущественнаго Діоса! съ насъ умѣютъ выжимать подати, а между тѣмъ въ городѣ не видать даже скиоской стражи *), чтобы посадить въ тюрьму такихъ шелапаевъ.

Аполлонъ, однако, не счелъ дѣло проигранным и продолжалъ пѣть:

— Ахъ, раскрой мнѣ свои объятія,
И я увѣковѣчу тебя...
Ты прославишься болѣе,
Чѣмъ всѣ царящія въ небѣ богини...
Я дамъ тебѣ безсмертье, Эрифила;
По моему божественному слову

*) Въ Аѳинахъ для наблюденія за порядкомъ и безопасностью употреблялись скиоскіе невольники.

Ты станешь столь прекрасной,
Что люди будутъ прославлять тебя
Болѣе, чѣмъ всѣхъ царицъ Греціи...
Ахъ, раскрой, раскрой объятія!..
Я похищу у моря лазурь,
Пурпуръ и золото у зари,
Искры съ звѣздъ, съ цвѣтовъ росу
И изъ этой лучезарной ткани
Сотку для тебя радужныя ризы ..

И голосъ бога поэзіи такъ прекрасно звучалъ, что совершилось чудо. Внезапно задрожало золотистое копье въ рукѣ стоящей на Акрополѣ Аѳины, и мраморная голова гигантской статуи нѣсколько повернулась въ сторону къ Катанолису, чтобы лучше вслушиваться въ слова пѣсни.... Ее слушали небо и земля; море перестало шумѣть и тихо легло у береговъ; даже блѣдная Селена прервала свое ночное странствованіе по небу и неподвижно стала надъ Аѳинами.

А когда Аполлонъ кончилъ, налетѣлъ легкій вѣтерокъ и понесъ пѣсню по всей Греціи, и гдѣ только ребенокъ въ колыбели услышалъ хотя одинъ звукъ этой пѣсни, тамъ изъ него нарождался новый поэтъ.

Но прежде, чѣмъ сынъ Латоны кончилъ, сердитая Эрифила стала громко кричать:

— Вотъ плутецъ! хочетъ здѣсь торговать росой и звѣздами! Неужели ты думаешь, что если мужа нѣтъ дома, такъ тебѣ можно здѣсь безобразничать? Эхъ, жаль, что нѣтъ подмастерьевъ, а то я научила бы тебя уму-разуму! Впрочемъ, я и сама отучу тебя таскаться по ночамъ съ балалайкой.

Сказавъ это, она схватила горшокъ съ разведенными дрождями и, хлеснувъ черезъ рѣшетку, облила Лучезарному его лучезарное лицо, лучезарную шею и форминту.

Аполлонъ застоналъ и, прикрывъ вдохновенную голову полой мокраго хитона, ушелъ пристыженный и злой.

А ожидающій его на Пойкилѣ Гермесъ отъ хохота хватался за бока, отъ радости то вертѣлъ своимъ посохомъ, то кувыркался и становился даже на головѣ.

Однако, когда огорченный сынъ Латоны приблизился къ нему, хитрый покровитель торговцевъ съ притворнымъ сочувствіемъ сказалъ:

— Мнѣ очень непріятно, что ты проигралъ, Лучезарный.

— Пошелъ прочь!—сердито отвѣтилъ Аполлонъ.

— Пойду, только сначала отдай мнѣ Лампецію.

— Да искусаетъ тебя Церберъ! Не дамъ тебѣ Лампеціи и повторяю: ступай прочь, такъ какъ въ противномъ случаѣ я изломаю твой посохъ на твоей собственной головѣ.

Гермесъ зналъ, что когда Аполлонъ золъ, то съ нимъ шутить не безопасно, а потому онъ предусмотрительно отошелъ въ сторону и проговорилъ:

— Если ты намѣренъ меня обмануть, то будь впредь Гермесомъ, а я буду Аполлономъ. Я знаю, что ты могущественнѣе меня и можешь меня обидѣть, но, къ счастью, есть еще кто-то могущественнѣе тебя, и этотъ насъ разсудитъ. Я призываю тебя, Лучезарный, на судъ Кронида... Пойдемъ со мной.

Аполлонъ встревожился при имени Кронида и не посмѣлъ отказаться. Боги пошли. Тѣмъ временемъ начался разсвѣтъ, и Аттика выступила изъ мрака. Со стороны Архипелага на небо взошла розоперстая Аврора.

Зевесъ провелъ ночь на вершинѣ Иды,—но спалъ ли онъ, или не спалъ и что тамъ дѣлалъ, про то никому не было извѣстно, такъ какъ Тучесобиратель прикрылся такой густой мглой, что сквозь нее ничего не могла замѣтить даже сама Гера. Покровитель купцовъ немного дрожалъ, приближаясь къ отцу боговъ и людей.

— Справедливость на моей сторонѣ, — думалъ онъ, — но вдругъ, къ моему несчастью, Зевесъ проснулся въ дурномъ расположеніи духа, а ну какъ прежде чѣмъ выслушать, онъ схватитъ каждаго изъ насъ за ногу завертитъ надъ головой и отброситъ на разстояніе трехсотъ аонскихъ стадій. Еще къ Аполлону онъ отчасти снисходителенъ, но со мною, хотя я его сынъ, навѣрно не будетъ церемониться.

Но опасеніе сына Майи было напрасно. Кронидъ сидѣлъ на землѣ въ веселомъ настроеніи, такъ какъ ночь прошла для него очень пріятно, и радостно глядѣлъ сіяющими взорами на весь земной шаръ. Земля въ это время рождала майскую травку и молодые гіацинты, и Тучесобиратель, перебирая пальцами кудрявые лепестки цвѣтовъ, своимъ всзвышеннымъ сердцемъ радовался возрожденію природы.

— Видя это, сынъ Майи ободрился и, почтительно поклонившись родителю, сталъ смѣло обвинять Лучезарнаго, и не такъ часто сыплются снѣжныя хлопья во время вьюги, какъ сыпались его краснорѣчивыя слова.

Когда онъ кончилъ, Зевесъ съ минуту молчалъ, а затѣмъ обратился къ Аполлону.

— Правда-ли все это, Лучезарный?

— Правда, отецъ Кронидъ,—отвѣтилъ Аполлонъ, но если, послѣ испытаннаго моего позора, ты еще прикажешь уплатить мнѣ закладъ, то я предпочту спуститься въ Аидъ и тамъ озарять своимъ свѣтомъ печальныя тѣни.

Зевесъ въ молчаніи размышлялъ.

— Итакъ, эта женщина,—спросилъ онъ наконецъ,—осталась глуха къ твоей пѣснѣ,—къ твоей музыкѣ и оттолкнула тебя съ презрѣніемъ?

— О Громовержецъ, мало того, что Эрифила оттолкнула меня съ презрѣніемъ, она еще хлеснула на меня разведенными дрождями!

Зевесъ нахмурилъ брови, отъ чего тотчасъ задрожала вся гора. Обломки скалъ съ грохотомъ начали скатываться въ море, а деревья въ лѣсахъ наклонились къ землѣ, какъ колосья отъ дуновенія вѣтра!

Оба бога ужаснулись и съ бьющимися сердцами ждали приговора.

— Гермесъ,—промолвилъ Громовержецъ, обманывай, сколько угодно, людей, потому что люди хотятъ быть обманутыми, но боговъ оставь въ покоѣ, ибо если я воспылаю гнѣвомъ и брошу тебя въ воздухъ, то, упавъ, ты такъ глубоко погрузишься въ бездны океана, что даже братъ мой Посейдонъ не вытащитъ тебя оттуда своимъ трезубцемъ.

Божественный страхъ охватилъ Гермеса, Зевесъ же продолжалъ все болѣе могучимъ голосомъ.

— Женщина добродѣтельная, особенно, когда любитъ другого, можетъ не поддаться обаянію Аполлона...

...Но навѣрно и всегда ему не поддается женщина глупая...

...Эрифила глупа, но добродѣтельна и оттого не поддалась ему...

...А такъ какъ ты, сынъ Майи, обманулъ Лучезарнаго... то не получишь Лампеціи... Таково мое рѣшеніе... А теперь идите съ миромъ...

Боги удалились. Зевесъ остался одинъ въ своемъ величіи и славѣ. Съ минуту онъ молча смотрѣлъ вослѣдъ удаляющемуся Аполлону и тихо прошепталъ:

— О да! Ему сумѣетъ воспротивиться глупая женщина.

Затѣмъ Громовержецъ, чувствуя сильную усталость послѣ весело проведенной ночи, мановеніемъ руки призвалъ къ себѣ Сопъ, который, сидя на ближайшемъ деревѣ въ образѣ ястреба, ждалъ приказаній отца боговъ и людей.

Изъ впечатлѣній во время путешествія по Италіи.

Въ каждомъ описаніи достопримѣчательностей и странъ, хотя бы наиболѣе извѣстныхъ, можетъ быть что-нибудь такое, чего не было въ предыдущихъ описаніяхъ, а именно: новое и различное отношеніе къ окружающему и личныя душевныя особенности описывающаго.

Каждый, кто бывалъ въ Италіи, неминуемо оставилъ въ ней часть души, и, въ свою очередь, у каждаго есть свое собственное представленіе о ней, есть, такъ сказать, своя личная Италія, и этимъ объясняется явленіе, почему, несмотря на научныя сочиненія, исчерпывающія данный предметъ, несмотря на художественныя описанія геніальныхъ художниковъ слова, постоянно появляются новыя описанія, новые очерки, новыя воспоминанія. Пусть это служитъ объясненіемъ и этихъ моихъ воспоминаній, которыхъ вы потребовали отъ меня, и которыя набрасываются мною въ промежутокъ между одной и двумя главами романа «Семейство Полапецкихъ» отчасти для того, чтобы на время разсѣять мысли, отчасти для отдыха, отчасти же для того, чтобы разсѣять печаль, которую навѣваетъ на меня еловый закопанскій лѣсъ въ длинные сѣрые дождливые дни.

Странно, но мнѣ только одинъ разъ въ жизни пришлось встрѣтиться съ извѣстнымъ чешскимъ поэтомъ Врхлицкимъ. Это было въ позднюю лунную ночь на пражскомъ Пшикопѣ. Мы обмѣнялись какими-нибудь двумя десятками словъ, разошлись и болѣе не встрѣчались. Однако, спустя годъ или два, мнѣ былъ присланъ томъ произведеній Врхлицкаго, среди которыхъ я нашелъ эхо нашей встрѣчи: «Ты, точно облако, — обращается ко мнѣ Врхлицкій, — которое вѣтеръ носитъ по широкому міру, а я, какъ чешская хата, глядящая своими окнами на всегда одинаковый горизонтъ». И дѣйствительно, различна наша судьба: я, въ самомъ дѣлѣ, точно облако, которое вѣтеръ носитъ, иногда до совершеннаго утомленія. Но послѣдній разъ онъ пронесъ меня надъ Италіей,— и вотъ, согласно вашему желанію, я посылаю вамъ то, что можно было увидѣть и запомнить за время этого перелета.

Я видѣлъ моря въ солнечномъ блескѣ или при свѣтѣ утренней зари,

рыбачьи лодки и много солнца и много тѣни въ оливковыхъ садахъ; видѣлъ мавзолеи на разныхъ «campo santo» и пережилъ впечатлѣнія, произведенныя на меня Римомъ,—и больше ничего. Если все это оживить ваши страницы, то тѣмъ лучше для васъ и для меня.

О Нерви у насъ еле кто слыхалъ. Ницца, Санъ-Ремо, Ментона, Монте-Карло и Ницца, расположенные по той сторонѣ Генуи за пограничной Вентимиліей, кишатъ больными, спасающими остатки здоровья, и прожигателями жизни, тратящими остатки своего состоянія. Сюда же пріѣзжаетъ немного лицъ; изъ иностранцевъ болѣе всего нѣмцевъ и незначительное число англичанъ. А между тѣмъ дорога сюда не затруднительна. Едва нѣсколько маленькихъ станцій отдѣляетъ Нерви отъ Генуи. Послѣ получасовой ѣзды въ вагонѣ, вы уже на мѣстѣ, а дорога, хотя *такъ непродолжительна*, тѣмъ *не менѣе* даетъ уже представленіе объ этой Ривьерѣ «di Levante», которая въ общемъ смѣло можетъ соперничать съ Ривьерой «di Ponente».

Но еще лучше ѣхать изъ Генуи въ экипажѣ, такъ какъ можно увидѣть больше, а разница во времени незначительна. Правда, вначалѣ приходится испытать нѣкоторое разочарованіе. Хочется поскорѣе выѣхать изъ черты города, увидѣть болѣе широкія пространства и море, а тутъ, *какъ на зло, тянется и тянется самая обыкновенная генуэзская улица*; высокіе дома, преграждая видъ на море, кажутся безконечно длинными. Магазины, какъ это всегда бываетъ на окраинахъ города, жалкіе, бѣдные; населеніе сѣрое, портовое, не типичное. Мѣстами виднѣются бѣлье и цвѣтныя тряпки, развѣшанныя на веревкахъ въ промежуткахъ улицъ; пустыя, пыльныя площади; здѣсь лѣсъ вновь строющихся каменныхъ зданій, тамъ какія-то деревянныя строенія, похожія на сараи, и опять *ряды домовъ съ узкой полосой неба вверху*,—вотъ что приходится видѣть при выѣздѣ. Но постепенно уличная мостовая переходитъ въ полную пыли дорогу, по которой гуськомъ запряженные мулы тянутъ при звукахъ колокольчиковъ и хлопанья кнутовъ тяжелые двухколесные возы; дома прерываются, рѣдѣютъ, — горизонтъ расширяется. По сторонамъ вмѣсто домовъ виднѣются старыя стѣны, окруженныя живой изгородью изъ кактусовъ, плюща, винограда и мезанбріантемъ, трехгранные листья которыхъ, *свѣшивающіеся снаружи пучками, кажутся большими гроздьями*, унизанными желтыми или лиловыми цвѣтками.

Вскорѣ горизонтъ еще болѣе расширяется. Всюду старинныя стѣны и террасы. На склонахъ холмовъ, среди кипарисовъ, средя пальмъ, напоминающихъ страусовыя перья, или среди пиній бѣлѣются виллы; на газонахъ предъ ними бьютъ фонтаны. Далѣе за ними, еще выше, дома и дома, точно гнѣзда чаекъ или ласточекъ, то по одному, то по нѣсколько вмѣстѣ. Кой-гдѣ мелькаетъ *маленькая деревенская хижина, выкрашенная* въ красный или розовый цвѣтъ, съ неразлучными бѣльемъ и платками на веревкахъ, которые медленно раскачиваетъ вѣтеръ. И опять стѣны, опять виноградъ, лимонныя, померанцовыя и оливковыя рощи, то сѣрыя, то серебристыя пиніи, пріютившіяся на вершинахъ ущелій, яблони, покрытыя бѣлоснѣжными цвѣтами, розовыя, миндальныя, персиковыя деревья, и всюду обиліе лавровъ.

Поперекъ дороги высохшія русла потоковъ, засыпанныя щебнемъ,

овраги, черезъ которые вѣтеръ доноситъ запахъ моря, мосты, насыпи, черныя отверстія тоннелей, изъ которыхъ со свистомъ и тучей дыма вылетаютъ поѣзда. Край оживленный, шумный и производящій впечатлѣніе переполненной разными предметами избы, — и вслѣдствіе этого тѣсный, а потому глаза, привыкшіе къ однообразнымъ равнинамъ и однообразнымъ краскамъ пейзажа и къ простору воздуха, невольно тоскуютъ по чемъ-то, на чемъ могли бы долѣе остановиться и отдохнуть. Кажется, будто здѣсь нѣтъ какой-то общей мелодіи, въ которой сливались бы всѣ эти разнообразные звуки, что здѣсь нѣтъ того величаваго покоя, въ который иногда въ полуденную пору погружается сосновый боръ,—и, наконецъ, что этотъ край не обладаетъ вдумчивой, сосредоточенной думой. Но это лишь первое впечатлѣніе. Спустя немного мы проѣзжаемъ черезъ Бизанью и рядъ мысовъ, образующихъ по правой сторонѣ дороги какъ бы вздымающіяся каменныя волны, которыя закрываютъ видъ на окрестности,—и вотъ Стурла. Опять колеса экипажа гремятъ по каменнымъ плитамъ, и мы ѣдемъ по узкой улицѣ среди высокихъ домовъ. Но это продолжается недолго... Стурла внезапно кончается, и предъ нашими взорами открывается великолѣпный видъ на море.

Дорога тянется по склонамъ горъ, у подножья которыхъ пѣнятся волны. Теперь уже дышишь свободнѣе, легче, и кажется, будто кто-то пробилъ гигантское окно съ видомъ на широкое пространство, на воздухъ. Предъ глазами разстилается ровная голубая зеркальная поверхность, всюду царитъ сладостная тишина. До этого взоръ, подавленный массою предметовъ и тѣснотой горизонта, былъ точно птица, запертая въ клѣткѣ,— теперь же онъ можетъ летѣть подобно чайкѣ, между водой и небомъ, пока хватитъ силъ. Притомъ море величаво и задумчиво. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ казалось, что край этотъ никогда не сможетъ заснуть, а теперь, когда вѣтеръ утихаетъ, море спитъ у подножья холмовъ, тихое, однообразное, громадное, покрытое блескомъ, который, ярко переливаясь на поверхности моря, кажется его сновидѣніемъ.

Отъ Стурлы море скрывается изъ глазъ только минутами, лишь въ то время, когда его закроютъ или ущелья Кварто, пальмы и пиніи Квинто или же дома Нерви. Тянутся эти дома, какъ и въ другихъ прибрежныхъ городахъ, въ два ряда, образуя одну длинную, въ нѣсколько километровъ, улицу. Но Нерви больше и красивѣе Стурлы или слѣдующаго затѣмъ Рейко. Городъ этотъ закрытъ лучше, чѣмъ другія мѣстности, склонами горы Гіуго и сталъ климатическимъ курортомъ. Пріѣзжающіе сюда иностранцы оживили торговлю, заработки мѣстныхъ жителей возросли, и населеніе увеличилось. Очевидно, мягкій, здоровый климатъ Нерви давно уже обратилъ на себя вниманіе, коль скоро богатыя генуэзскія семьи построили здѣсь свои виллы и дачи. Всѣ эти виллы расположены вблизи моря и спускаются къ нему, окруженныя тѣнистыми и разноцвѣтными рощами пальмъ, пиній, эвкалиптовъ, кипарисовъ, сирени, розъ, померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Между садами тянутся узенькія улицы, ведущія къ берегу. По сторонамъ бѣлѣются стѣны садовъ, надъ ними какъ съ той, такъ и съ другой стороны выступаютъ вѣтви разныхъ деревьевъ, которыя во многихъ мѣстахъ переплетаются и образуютъ надъ улицами нѣчто вродѣ сводовъ. Солнце почти никогда не освѣщаетъ

этихъ проходовъ, въ которыхъ царятъ вѣчная тѣнь, прохлада и сырость, и изъ которыхъ выходишь на полный свѣта и тепла морской берегъ, точно изъ темнаго монастырскаго корридора.

Нѣкоторыя виллы, какъ Пропалло, Сэрра и Кроцэ съ воротами, на которыя время наложило свою печать, скрытыя среди старыхъ пиній, отличаются изяществомъ и красотой.

Онѣ наводятъ на мысль о патриціанскомъ прошломъ Генуи, объ ея быломъ могуществѣ, художественности и славѣ. Иныя, новыя, какъ, напримѣръ, вилла Понцонэ, въ невыдержанности стиля которой отразились современные безпокойство и эклектизмъ, портятъ общую гармонію и непріятно поражаютъ своими формами, достойными пагоды, эстетическое чувство избранныхъ натуръ. Но и здѣсь природа исправляетъ ошибки человѣка. Роскошные, густые эвкалипты стремятся вверхъ, на подобіе готическихъ башенокъ, закрываютъ безпорядочно расположенныя архитектоническія линіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно закроютъ ихъ. Внизу, около зданія серебрятся оливки, золотятся померанцы, всюду масса камелій, бѣлыхъ, красныхъ, розовыхъ, напоминающихъ рои разноцвѣтныхъ мотыльковъ или цвѣтныхъ звѣздъ, брошенныхъ въ темную зелень.

Владѣльцы виллы Понцонэ гостепріимно открываютъ свои ворота жильцамъ расположеннаго напротивъ отеля Эденъ, что облегчаетъ имъ доступъ къ морю. За задними стѣнами садовъ есть здѣсь нѣчто вродѣ маленькой дамбы, на которой устроено мѣсто для прогулки. Внизу, на разстояніи около двадцати метровъ находится море. Вѣтеръ доходитъ сюда съ трудомъ, такъ какъ высокія стѣны защищаютъ доступъ къ дамбѣ; пыли тоже нѣтъ, потому что отъ улицы виллу отдѣляютъ сады. Зато солнце свѣтитъ здѣсь и грѣетъ съ утра до вечера. Мѣсто хотя узкое, но теплое и укромное. Сзади стѣна, спереди море и дикія скалы, кой-гдѣ ступени, высѣченныя въ скалѣ, ведущія къ берегу, таможенный домикъ, башня виллы Гропалло, въ которой нѣкогда находилась стража для защиты жителей отъ морскихъ разбойниковъ; на сѣверъ виднѣются очертанія Ривьеры «di Ponente», часто скрывающіяся то въ синей, то въ розовой мглѣ, съ другой стороны Рекко и, наконецъ, море—вотъ все, что отсюда можно увидѣть. Все это отличается такимъ чисто итальянскимъ, морскимъ, прибрежнымъ характеромъ, такъ полно свѣта и лазури, что трудно оторвать глазъ. Здѣсь же сосредоточивается жизнь Нерви, здѣсь проживаютъ долгіе часы путешественники и больные, здѣсь въ болѣе широкихъ мѣстахъ торговцы ставятъ свои лодки, наполненныя издѣліями изъ оливковаго дерева, кораллами и изящными филигранными вещами изъ серебра, на нихъ продаются шелковыя ткани, большіе ситцевые платки, затѣйливо изукрашенные изображеніемъ цвѣтовъ и деревьевъ. Босоногія дѣвочки съ растрепанными волосами, съ черными глазами, предлагаютъ иностранцамъ букеты сирени, пучки фіалокъ, ландышей или анемоновъ. Снизу рыбаки приглашаютъ гуляющихъ покататься на лодкѣ по морю. Иногда изъ Генуи пріѣзжаютъ послѣ свадьбы молодыя пары и, усѣвшись гдѣ-нибудь подальше отъ людей, склонивъ другъ къ другу головы, устремляютъ свои взоры на безграничныя морскія пространства, запасаясь на предстоящую жизнь свѣтлыми воспоминаніями. А море мягко шумитъ и подплываетъ къ ихъ ногамъ. Море является душой Нерви—и не виллы, не сады, не

пальмы, не рощи цвѣтущихъ лимонныхъ деревьевъ, не радуга изъ розъ и камелій—а только оно составляетъ самую главную ея прелесть. Но не во всѣхъ мѣстностяхъ, особенно не вездѣ на Ривьерѣ «di Ponente», происходитъ то же самое. Въ Ницци, въ Санъ-Ремо, въ Ментонѣ, въ Монте-Карло, въ Ниццѣ и Каннахъ нѣтъ такого исключительнаго сосредоточенія на морѣ. Тамъ человѣка влечетъ также свѣтская жизнь съ ея роскошью и развлеченіями; здѣсь же, когда тебя отдѣляютъ отъ города эти высокія стѣны, согрѣтыя солнцемъ, когда очутишься на этомъ узкомъ скалистомъ проходѣ, — остается для созерцанія только море и больше ничего. Испытываешь такое чувство, точно находишься гдѣ-то далеко, далеко отъ этого міра. Вотъ почему, когда кто-нибудь придетъ сюда, онъ тотчасъ братается съ моремъ, привыкаетъ отдаваться ему всѣмъ своимъ существомъ, потомъ любитъ его и впослѣдствіи уже не можетъ забыть связанныхъ съ нимъ впечатлѣній. Ибо море примиряетъ въ себѣ двѣ особенности, съ виду противоположныя. Оно вѣчно одинаково и вѣчно различно, слѣдовательно, и успокаиваетъ насъ и вмѣсто того, чтобы утомлять, оживляетъ. Кто знаетъ, не является ли для болѣе глубокой человѣческой души спокойствіе въ разнообразіи и чѣмъ-то близкимъ къ счастью. Въ Нерви я просиживалъ на берегу моря по цѣлымъ днямъ, причемъ ясно чувствовалъ, что всѣ виды, которые были предъ моими глазами, утренніе ли, полуденные или вечерніе, обладаютъ какой-то одной общей душой, и, однако, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы хотя два вида, или даже момента, были совершенно похожи другъ на друга.

По утрамъ вода свѣжа, прозрачна, кристальна и болѣе, чѣмъ въ иную пору дня, подвижна, точно она отдохнула послѣ сна. Въ маленькихъ заливчикахъ рыбаки нагружаютъ лодки, чтобы отправиться на нихъ въ открытое море, надъ ними царятъ стаи чаекъ. Солнце, подымаясь изъ-за Гіуго, кидаетъ все большія массы свѣта вдаль, между тѣмъ какъ ближе къ берегу, куда косые лучи солнца не сразу доходятъ, море все испещрено поясами, каймами, какъ-будто мракъ моря, подобный растянутымъ по водѣ вуалямъ, прежде чѣмъ солнце окончательно его сорветъ, цѣпляется еще за волны. По этимъ каймамъ движутся къ свѣту лодки съ бѣлыми парусами. Вода у береговъ подвижна, вдали же такъ гладка и спокойна, что въ ней отражаются не только паруса, но и цвѣтные борта лодки.

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ солнце подымается, болѣе темныя полосы разсѣиваются, исчезаютъ, и море до самаго горизонта принимаетъ однообразный голубой цвѣтъ, надъ которымъ возвышается болѣе блѣдная лазурь неба. Въ отдаленіи виднѣются большіе пароходы, направляющіеся изъ Генуи куда-то на югъ, въ сторону къ Африкѣ. Рыбачьи паруса изъ Нерви и Рекко кажутся теперь свѣтлыми пятнами, которыя по мѣрѣ отдаленія становятся голубыми и вскорѣ сливаются съ горизонтомъ.

Въ полдень, если вѣтеръ нагонитъ тучи изъ Гіуго, по морю скользятъ тѣни, точно злыя или печальныя мысли. Когда погода установится хорошая, а солнце начнетъ припекать, волна дѣлается тяжелой, сонной и вмѣстѣ съ тѣмъ мигающей. Тогда-то наступаетъ минута полусна, полузадумчивости, о чемъ я уже говорилъ раньше. Мѣсто прогулокъ пустѣетъ, море совершенно затихаетъ, и на всемъ прибрежьи воцаряется молчаніе.

Но ничто не можетъ сравниться съ закатами солнца въ ясные, погожіе дни. Подобной игры зорь мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ—тѣмъ болѣе подъ экваторомъ, такъ какъ ночь тамъ наступаетъ внезапно. Однажды, въ такой день, я отправился въ маленькій костелъ въ Санъ-Иларіо, расположенный на половинѣ пути къ вершинѣ горы Гіуго. Хотя море находится отъ этой мѣстности въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ, но съ возвышенности кажется очень близкимъ. Ставъ около костела, на небольшой террасѣ, я обнималъ глазами горизонтъ отъ приморскихъ Альпъ Ривьеры «di Ponente» вплоть до Портофрино въ противоположную сторону. Не было никакого вѣтра; тонкія вѣтви оливковыхъ деревьевъ свѣшивались неподвижно, всюду была тишина, только на костёльной колокольнѣ звонили къ вечернѣ, и сквозь открытыя двери доносились голоса дѣтей, поющихъ *Ave Maria*. Голоса эти и звонъ колокола звучали радостно и сильно, и казалось, точно они летѣли на крыльяхъ съ этой горы къ мѣстечку и морю. Но спустя нѣкоторое время, дѣти, кончивъ пѣніе, съ шумомъ высыпали на террасу, а затѣмъ исчезли. Солнце все болѣе опускалось и, наконецъ, погрузилось въ пламенѣющую воду. И съ той минуты, когда оно совершенно закатилось, тотчасъ начались какіе-то чары. На небѣ и на морѣ образовались золотыя, розовыя и золотисто-зеленыя полосы, ленты, какія-то дороги, по которымъ скользили фантастическіе огненные корабли къ волшебнымъ дворцамъ, построеннымъ изъ радуги, опаловъ, изумрудовъ и хризолита. Фіолетовый, розовый, пурпурный, золотистый, — словомъ, всевозможные цвѣта съ самыми разнообразными оттѣнками играли на небѣ и водѣ. Потомъ одинъ пурпуровый тонъ сталъ преобладать надъ остальными, охватывалъ ихъ, закрывалъ, топилъ. Наконецъ, и самъ сталъ блѣднѣть, замирать и постепенно превращаться все въ болѣе лиловый тонъ, все въ болѣе неуловимый, мистическій, совершенный, почти какой-то неземной.

Я стоялъ и смотрѣлъ. Теперь уже не видно было ни моря, ни неба, ни той грани, гдѣ вода сливается съ горизонтомъ—ничего не было видно, кромѣ одной лиловой Нирваны, ласковой, нѣжной, дарующей какое-то неземное успокоеніе.

А затѣмъ настала ночь!

Но ночь не усыпляетъ воспоминаній, и кто хотя однажды видѣлъ такую лиловую симфонію, тотъ не разъ вспомнитъ ее, душа того не разъ серчется къ ней.

У ИСТОЧНИКА.

Я еще очень недавно кончилъ университетъ, и мой дипломъ доктора философіи не успѣлъ еще обсохнуть—это правда. У меня нѣтъ еще ни виднаго общественнаго положенія, ни богатства. Все мое состояніе заключается въ очень небольшой, даже, пожалуй, жалкой усадебкѣ съ садомъ, приносящей дохода всего-на-всего нѣсколько сотъ рублей въ годъ,—и я, конечно, понимаю, почему мнѣ отказали въ рукѣ Толи—но они притомъ издѣвались надо мной, унизили меня.

И почему? Что я сдѣлалъ такого предосудительнаго, дурного? Я предложилъ свое честное, благородное сердце и сказалъ такъ: «Дайте мнѣ вашу дочь, и я буду для васъ самымъ лучшимъ сыномъ, до смерти буду считать себя вашимъ должникомъ,—ее же буду носить на рукахъ, любить, лелѣять и беречь, какъ зѣницу ока.

Правда, высказалъ я все это глупо, не своимъ голосомъ, запинаясь и въ сильномъ смущеніи. Вы, однако, видѣли, что говорю я отъ глубины души, что моими устами говоритъ такое чувство, какое на свѣтѣ не часто встрѣчается,—и если вы даже рѣшили категорически отказать, то почему не отказали, какъ люди добрые, или хотя бы до нѣкоторой степени сострадательные? Нѣтъ, вы отказали грубо и еще издѣвались надо мной.

Вы, якобы христіане, якобы идеалисты, откуда вы могли знать, что я сдѣлаю, на что рѣшусь, выйдя отъ васъ послѣ такого отказа? Кто вамъ сказалъ, что я тотчасъ не застрѣлюсь, во-первыхъ, потому, что не въ состояніи жить безъ нея, а во-вторыхъ, что такое противорѣчіе между принципами и поступками, такое фарисейство и такая ложь для меня положительно непостижимы. Отчего въ васъ хотя бы на секунду не проснулось состраданіе ко мнѣ? Вѣдь, и меня нельзя топтать безъ причины, вѣдь, и меня жаль. Если бы не вы, быть можетъ, и я совершилъ бы что-нибудь полезное, хорошее?

Правда, я молодъ, только что съ университетской скамьи, не обладаю еще ни состояніемъ, ни общественнымъ положеніемъ, но все-же у меня есть будущее—и ей Богу—положительно не понимаю, почему вы съ такимъ пренебреженіемъ отнеслись къ нему?

Это холодное, сухое выраженіе лицъ! это возмущеніе... Дня два тому назадъ мнѣ даже въ голову не пришло бы предположеніе, что эти люди могутъ быть такими. «Мы считали васъ честнымъ человѣкомъ, а вы обманули насъ, поступили съ нами коварно, вы злоупотребили нашимъ довѣріемъ»—вотъ слова, которыми они, какъ шпицрутеномъ, стегали меня по лицу. За минуту передъ тѣмъ они такъ сердечно поздравляли меня съ полученіемъ диплома, какъ будто бы я былъ ихъ роднымъ сыномъ, и только, когда, блѣднѣя отъ волненія, я сказалъ имъ, что для меня было наибольшимъ стимуломъ къ труду, сердечность ихъ и улыбки исчезли, угасли, лица ихъ измѣнились: приняли сухое, надменное выраженіе, отъ нихъ повѣяло леденящимъ холодомъ, и по ихъ словамъ оказалось, что «*я злоупотребилъ* ихъ довѣріемъ»...

И такъ эти люди меня унизили, ошеломили, что въ первую минуту даже мнѣ самому показалось, что я совершилъ что-то гадкое, постыдное и что, дѣйствительно, ихъ обманулъ.

Но какимъ образомъ? Что это такое? Кто тутъ кого обманулъ, и кто играетъ роль негодяя? Или я совершенно обезумѣлъ, или въ томъ, что кто-то честно, искренно любитъ и хочетъ отдать душу, кровь и трудъ, нѣтъ ничего подлаго. Если ваше возмущеніе было не фальшивое, а искреннее—то кто тутъ глупецъ?

Ахъ, я и въ тебѣ обманулся, я, который такъ разсчитывалъ на тебя! Они мнѣ сказали: «Мы увѣрены, что дочь наша не дала вамъ никакого повода для такого шага». Я, разумѣется, ничего не возразилъ. И вотъ пришла потомъ та «дочь» и съ невозмѣримой пассивностью хорошо воспитанной барышни, опустивъ глаза, пролепетала, что она даже не понимаетъ, откуда мнѣ пришла въ голову подобная мысль.

Не понимаешь? Выслушай меня, Толя, ты не сказала мнѣ, что меня любишь—правда?.. У меня, конечно, нѣтъ векселя съ твоей подписью, а если бы даже онъ и былъ, то я бы его не показалъ. Но скажу тебѣ только слѣдующее: существуетъ же какая-нибудь справедливость, существуетъ какой-нибудь судъ,—все равно, гдѣ бы онъ ни существовалъ, гдѣ-нибудь за тучами или въ человѣческой совѣсти, — предъ лицомъ котораго ты должна будешь сознаться: этого человѣка я обманула, отъ этого человѣка откреклась, этого человѣка предала на униженіе и несчастье.

Не хватило у тебя смѣлости или любви—не знаю, но во всякомъ случаѣ ты меня ужасно обманула. Я еще люблю тебя, не хочу тебя проклинать, но, видишь-ли, когда дѣло идетъ о гибели или спасеніи человѣка, то надо быть смѣлой, надо, чтобы правдивость и любовь были сильнѣе страха, такъ какъ иначе можно оказаться причиной того, что кому-нибудь на голову могутъ обрушиться балки имъ же самимъ воздвигаемаго зданія. Вотъ это случилось и со мной. Все свое будущее я основывалъ на слѣпой вѣрѣ въ твою любовь, а между тѣмъ оказалось, что я строилъ зданіе на пескѣ, такъ какъ въ рѣшительную минуту у тебя не хватило смѣлости, потому что тебѣ предстоялъ выборъ между

дурнымъ расположеніемъ духа твоихъ родителей и моимъ несчастьемъ, и ты выбрала послѣднее...

Если бы при этомъ крушеніи ты осталась такою, какою я тебя считалъ, мнѣ было бы теперь легче, у меня было бы утѣшеніе и надежда. Знаешь-ли ты, что все, что я дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, все я дѣлалъ для тебя? Я трудился, положительно какъ волъ, не досыпалъ ночей, получалъ какія-то медали и дипломы, тобою жилъ, тобою дышалъ, о тебѣ думалъ. И вотъ теперь предо мною пустота, въ которой стонетъ печаль. Мнѣ уже ничего не осталось...

Любопытно знать, придетъ-ли это тебѣ хотя одинъ разъ въ голову? Но навѣрно благоразумные родители объяснятъ тебѣ, что я студентъ и что все это—моя глупая экзальтація. Что касается названія студента, то если бы я на самомъ дѣлѣ былъ еще таковымъ, на это я могъ бы отвѣтить словами шекспировскаго Шейлока: «развѣ мы не такіе же люди, какъ и вы? Если вы насъ заколете, то развѣ изъ насъ не течетъ кровь, а если вы насъ обидете, то развѣ не струятся изъ нашихъ очей слезы?» Это рѣшительно все равно. Кѣмъ бы ни былъ кто-нибудь, его нельзя обижать. Моя экзальтація—глупая она, или не глупая, также не даетъ никому права издѣваться надо мной; это хорошо, что нашъ нынѣшній міръ, столь громадное, безумное зданіе, составленное изъ глупости, лжи и фарисейства, уже распадается такъ какъ въ немъ долѣе невозможно жить. У меня теперь есть достаточно времени; я сталъ докторомъ философіи, и вотъ какъ философъ, размышляю надъ разными людскими отношеніями, которыя такъ недавно и такъ основательно дали мнѣ себя почувствовать. Вы, такъ называемые разсудительные, благоразумные люди, довольствуетесь тѣмъ, что найдете какое-нибудь пустое слово, названіе для какого-либо явленія, а что тамъ кто-нибудь, благодаря этому явленію, свернетъ себѣ шею — это не важно. Экзальтація! Какое мнѣ утѣшеніе въ названіи, когда это переворачиваетъ мои внутренности? Развѣ вы мнѣ поможете вашимъ словаремъ, вашей терминологіей? Притомъ вы отказываете въ правѣ существованія всему, чего не могутъ прочувствовать и воспринять ваши притупившіеся нервы Когда у васъ подъ старость выпадутъ зубы, вы перестанете вѣрить въ зубную боль, по вашему мнѣнію, ревматизмъ есть, дѣйствительно, что-то серьезное, и, въ самомъ дѣлѣ, ревматизмъ причиняетъ сильныя страданія, но любовь есть только экзальтація. Когда я объ этомъ думаю, то каждый разъ во мнѣ находятся точно два человѣка: одинъ вчерашній студентъ, который во имя современныхъ идей хочетъ бить обухомъ людскую глупость, другой—человѣкъ глубоко обиженный, которому хочется проклинать и рыдать. Такъ невозможно жить. Достаточно у насъ идеализма въ словахъ и утилитаризма въ поступкахъ. Теперь наступаетъ такое время, когда надо или согласовать свои поступки съ принципами, или имѣть смѣлость провозглашать принципы одинаково цинничные, какъ и поступки. Одному Богу извѣстно, сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ родителей Толи, что богатство не составляетъ счастья, что хорошій, энергичный, честный характеръ дороже богатства, что чистая, незапятнанная совѣсть есть высшее благо. Да? А вотъ у меня есть и немного характера, и много работы, и спокойная, чистая совѣсть, и молодость и любовь —

дѣйствительность говоритъ сама за себя, — я только попросту разскажу все, что случилось. Это выяснилось лишь послѣ цѣлаго ряда фактовъ, а потому описываю ихъ такъ, какъ они происходили, прежде чѣмъ я самъ могъ понять ихъ причины.

Утромъ, на слѣдующій день послѣ постигшаго меня удара, ко мнѣ пришелъ отецъ Толи. Увидѣвъ его, я замеръ. Была минута, когда всѣ мысли вылетѣли у меня изъ головы, какъ стая птицъ съ дерева. Мнѣ кажется, что нѣчто похожее человѣкъ чувствуетъ въ предсмертной агоніи. Но выраженіе лица его было спокойное, даже добродушное, когда, протягивая ко мнѣ руки, онъ сталъ говорить.

— Ну что, мы дурно провели ночь,—не правда ли? Я это вполнѣ понимаю, потому что и самъ нѣкогда былъ молодъ.

Я не отвѣтилъ, такъ какъ ничего не понималъ и не вѣрилъ, что вижу его предъ собою. Между тѣмъ, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, заставилъ меня сѣсть и, самъ сѣвъ напротивъ, продолжалъ.

— Придите въ себя, успокойтесь и поговоримте, какъ добрые, порядочные люди. Дорогой мой другъ, неужели вы думаете, что вы только не спали? Мы тоже не спали. Когда послѣ вашего ухода мы немного опомнились, намъ стало въ высшей степени непріятно и тяжело. Да, это всегда такъ бываетъ! Когда человѣка что-нибудь захватитъ врасплохъ, у него голова идетъ кругомъ, а лишь только онъ потеряетъ голову, то мѣры не знаетъ. Намъ было очень непріятно, тяжело и, правду сказать, даже стыдно. Дочь наша убѣжала въ свою комнату, а мы, старики, какъ обыкновенно старики, давай обвинять другъ друга. Я говорю: «Ты виновата»! а жена говоритъ: «Ты виновать»! Что дѣлать, такова ужъ человѣческая натура. Но потомъ мы поразмыслили, и намъ стало жаль: вы молоды, честны, обладаете способностями и, кажется, всѣмъ сердцемъ любите нашу дочь—такъ на кой чортъ мы стали на-дыбы? Одно насъ оправдываетъ, а именно: забота о судьбѣ нашего дорогого дѣтища. Если вы когда-нибудь будете отцомъ, то поймете, что въ глазахъ родителей для ребенка ничто не кажется достойнымъ его. Однако, мы подумали, что то, что для насъ мало,—для Толи можетъ быть достаточно,—и потому рѣшили узнать, что дѣлается въ сердечкѣ дѣвушки,—и пригласили ее на совѣтъ. Нечего сказать,—хорошъ оказался третій совѣтникъ. Какъ начала она насъ обнимать, цѣловать, ласкаться, ну и, конечно... сердце родительское... не выдержало...

Тутъ онъ самъ взволновался, и съ минуту мы сидѣли въ молчаніи. Все, что я слышалъ, казалось мнѣ сномъ, сказкой, чудомъ. Мое мученіе исчезло, взамѣнъ его явилась надежда, отецъ же Толи, овладѣвъ собой, сказалъ:

— Вы, навѣрно, бранили насъ, а между тѣмъ мы люди добрые, хотя вспыльчивые, и въ доказательство этого скажу вамъ, что если хотите имѣть Толю своей женой—то идите ко мнѣ...

И онъ раскрылъ мнѣ свои объятія, въ которыя я бросился радостный, счастливый, въ полубезсознательномъ состояніи. Горло мое спазматически сжалось, и въ эту минуту я могъ бы только разразиться рыданіями. Мнѣ непремѣнно хотѣлось что-нибудь сказать, но я не могъ. Въ душѣ моей были счастье, изумленіе, благодарность. Все это сразу обрушилось на

меня, какъ ударъ грома; ни голова, ни сердце не въ состояніи были этого обнять, и отъ избытка чувствъ и мыслей я испытывалъ какъ бы нѣчто вродѣ боли. Отецъ Толи нѣжно поцѣловалъ меня въ лобъ и проговорилъ:

— Ну, хорошо, хорошо. Я этого ожидалъ отъ тебя, видя твою глубокую привязанность къ ней. Забудь же о томъ, что было, и успокойся.

Замѣтивъ, однако, что я не могу еще придти въ себя, онъ добродушно сталъ меня журить:

— Будь же мужчиной, возьми себя въ руки! Ты дрожишь, точно въ лихорадкѣ. Ну, однако, эта шалунья глубоко проникла тебѣ въ сердце.

— Ой, глубоко,—прошепталъ я съ усиліемъ.

Отецъ усмѣхнулся.

— Не угодно-ли, а вѣдь, съ виду кажется такой тихоней.

И, очевидно, моя безграничная любовь къ Толѣ льстила его родительской гордости, потому что онъ былъ радъ и, улыбаясь, все повторялъ:

— Вотъ впилась! вотъ впилась!

Внезапно я почувствовалъ, что если мы еще съ четверть часа останемся въ комнатѣ, то у меня въ головѣ что-нибудь испортится. При обыкновенныхъ условіяхъ я въ достаточной степени умѣю владѣть собой, но въ данномъ случаѣ переходъ былъ слишкомъ рѣзкій, неожиданный. Мнѣ необходимо было подышать свѣжимъ воздухомъ, увидѣть уличное движеніе, но прежде всего необходимо было увидѣть Толю, чтобы убѣдиться, что она, дѣйствительно, существуетъ на свѣтѣ, что все это не сонъ, и что мнѣ на самомъ дѣлѣ отдаютъ ее.

Я сталъ просить отца тотчасъ отправиться къ нимъ, на что тотъ охотно согласился.

— Я хотѣлъ самъ предложить тебѣ это,—проговорилъ онъ,—такъ какъ у насъ тамъ одна особа навѣрно не отходитъ отъ окна, ожидая кого-то... Теперь ты не въ состояніи говорить о дѣлахъ, а потому мы поговоримъ о нихъ впослѣдствіи.

Спустя нѣсколько минутъ, мы уже были на улицѣ. Сначала я смотрѣлъ на дома, на людей, на экипажи, какъ человѣкъ, который послѣ продолжительной болѣзни въ первый разъ вышелъ въ городъ, и у котораго отъ обычнаго на улицахъ шума и движенія начинаетъ кружиться голова. Постепенно, однако, движеніе и свѣжій воздухъ привели меня въ себя. Надъ всѣми мыслями доминировала одна: «Толя тебя любитъ, и черезъ минуту ты ее увидишь». Въ вискахъ у меня стучало точно молотомъ—и, дѣйствительно, надо было имѣть хорошіе обручи на головѣ, чтобы все это выдержать. Вѣдь, еще часъ тому назадъ я думалъ, что никогда уже въ жизни не увижу Толи, а если даже увижу, то когда-нибудь и гдѣ-нибудь, какъ жену другого. А теперь я шелъ къ моей возлюбленной, чтобы сказать ей, что она будетъ моей,—шелъ оттого, что она первая протянула мнѣ руку. Вчера я называлъ ее безсмысленной куклой, а она тѣмъ временемъ стояла на колѣняхъ предъ своими родителями, прося за насъ обоихъ. Сердце мое было переполнено жалостью, раскаяніемъ, умиленіемъ, сознаніемъ того, что я не стою Толи; я давалъ себѣ клятву, что вознагражу ее за это, что за каждую вчерашнюю ея слезу я отплачу нѣжностью, привязанностью и безграничной любовью.

Иные дѣлаются въ любви слѣпыми, мнѣ же не приходилось

ослѣпляться, такъ какъ за Толю слишкомъ краснорѣчиво говорили ея поступки. Она совершила это чудо. Обижала не она—*а я*. Я обижалъ какъ ее, такъ и ея родителей. Если бы они на самомъ дѣлѣ были такими, какими я ихъ считалъ, то не дали бы себя умолить, и у нихъ не нашлось-бы столько не человѣческой, но ангельской простоты, съ какой отецъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Мы были не правы—возьми ее». Его не удержали отъ этого ни свѣтскія условности, ни матеріальный разсчетъ, ни самолюбіе.

Мнѣ припомнились слова: «Ты, навѣрно, сильно бранилъ насъ, а мы люди, хотя вспыльчивые, но добрые». Теперь эта простота угнетала меня тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вчера ихъ бранилъ. Ни одного слова болѣе, никакой высокопарной фразы—шутливая, добродушная улыбка,—вотъ и все. Когда теперь все это вспомнилось мнѣ, я уже не могъ выдержать долѣе и, порывисто схвативъ руку отца, съ благоговѣніемъ прижалъ ее къ губамъ.

А онъ опять улыбнулся своей доброй, ясной улыбкой и промолвилъ:

— Мы съ женой давно уже сказали, что зять долженъ насъ любить.

И случилось такъ, какъ желали, потому что прежде, чѣмъ я сталъ ихъ зятемъ, я уже любилъ ихъ, какъ родной сынъ.

Такъ какъ я шелъ очень быстро, то отецъ сталъ подшучивать надо мной, сопѣлъ, притворялся усталымъ, говорилъ, что не можетъ поспѣть за мной, и жаловался, что ему жарко. Дѣйствительно, вчера произошелъ переломъ зимы къ веснѣ. Въ большомъ городскомъ саду теплый вѣтеръ рябилъ воду, и въ воздухѣ чувствовалась какая-то весенняя сила, какое-то возрожденіе. Наконецъ, мы остановились передъ квартирой родителей Толи. Въ окнѣ что-то мелькнуло и моментально спряталось въ глубину комнаты, но я не былъ увѣренъ, Толя ли это. На лѣстницѣ у меня опять забилось сердце. *Я боялся матери.* Пройдя черезъ столовую, мы застали ее въ залѣ. Когда я вошелъ, она быстро приблизилась и протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ съ благоговѣніемъ и благодарностью и въ смущеніи пробормоталъ:

— Чѣмъ я заслужилъ...

— Простите намъ нашъ вчерашній отказъ,—сказала она.— Мы не подумали о томъ, что болѣе глубокой привязанности Толя не могла бы найти во всемъ свѣтѣ.

— Это правда! это правда!—воскликнулъ я съ жаромъ.

— А такъ какъ для насъ важнѣе всего счастье нашей дочери, мы согласны выдать ее за васъ замужъ... и я могу только сказать: да пошлетъ вамъ Богъ счастья!

Сказавъ это, она поцѣловала меня въ лобъ и затѣмъ, повернувшись къ дверямъ, воскликнула:

— Толя!..

И вотъ вошла моя любовь, блѣдная, съ покраснѣвшими глазами, съ прядями растрепавшихся на лбу волосъ, смущенная, взволнованная такъ же, какъ и я. Какимъ образомъ ничто въ ней не ускользнуло отъ моего вниманія,—не знаю. Знаю лишь то, что я видѣлъ и слезы, наверн-

лувшіяся на глаза, и дрожащія уста, и радость, пробивающуюся сквозь слезы, и нѣжную, добрую улыбку.

Одинъ моментъ она стояла съ руками, опущенными вдоль платья, какъ бы не зная, что дѣлать и съ чего начать, но отецъ, который, очевидно, всегда былъ въ болѣе или менѣе весломъ расположеніи духа, проговорилъ, пожимая плечами:

— Дѣло плохо—закусила удила и не хочетъ тебя.

Тогда Толя внезапно взглянула на меня, затѣмъ бросилась къ отцу на шею и съ волненіемъ воскликнула:

— Не вѣрю, папочка, не вѣрю!

Если бы я поддался первому порыву сердца, то, навѣрно, палъ бы къ ея ногамъ, но меня удержала отъ этого робость и необыкновенное волненіе. У меня осталось лишь столько присутствія духа, что я въ душѣ повторялъ: «Оселъ, не разревись!» Добрый отецъ опять пришелъ къ намъ на помощь, такъ какъ, освободившись изъ объятій Толи, онъ сказалъ, какъ будто сердясь на нее:

— Если ты мнѣ не вѣришь, то ступай себѣ къ нему.

И онъ слегка толкнулъ ее ко мнѣ. Въ эту минуту предо мной открылось небо. Схвативъ ея руки, я съ восторгомъ прижалъ ихъ къ своимъ губамъ и ужъ самъ не знаю, какъ долго длились эти поцѣлуи. Прежде не разъ въ своемъ воображеніи я представлялъ, что цѣлую ея руки, но не воображенію мѣряться съ подобной дѣйствительностью. До сихъ поръ любовь моя была точно скрытое въ погребѣ растеніе. Внезапно его вынесли на свѣжій воздухъ, на солнце, на тепло; мѣра моего счастья переполнилась этимъ сознаніемъ. Я открыто пилъ изъ источника добра и радости. Любить и скрывать въ своей душѣ любовь, любить и сознавать, что входишь въ свои права, любить и обладать это—двѣ совершенно различныя вещи. Я не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть объ этомъ понятіе.

Родители, благословивъ насъ, вышли, нарочно оставивъ насъ однихъ, чтобы дать намъ возможность высказать все, что мы чувствовали. Но сначала вмѣсто того, чтобы разговаривать, я только въ восхищеніи смотрѣлъ на нее, и ея лицо измѣнялось подъ моимъ взглядомъ. Румянецъ покрылъ ея щеки, на губахъ мелькала робкая, стыдливая улыбка, глаза стали влажными; она минутами опускала ихъ и, казалось, ждала того, что я скажу. Наконецъ, мы сѣли другъ подлѣ друга у окна, держась за руки. До сихъ поръ она была для меня чѣмъ то какъ бы безтѣлеснымъ, отвлеченнымъ, была болѣе духомъ, дорогимъ именемъ, чѣмъ живымъ существомъ; теперь же, когда плечо ея касалось моего, когда на меня вѣяло теплом отъ ея лица, мной невольно овладѣло нѣкоторое изумленіе, что она такъ реальна. Это хотя и знаешь, но не чувствуешь до тѣхъ поръ, пока не находишься возлѣ любимой женщины. Въ эту минуту я смотрѣлъ съ такимъ удивленіемъ на ея лицо, уста, глаза, на ея свѣтлые волосы и еще болѣе свѣтлыя рѣсницы, какъ будто бы никогда до сихъ поръ не видѣлъ ея. И я упивался ею. Никогда ни одно женское лицо до такой степени не воплощало всѣхъ моихъ мечтаній о женской красотѣ, ни одна женщина въ мірѣ меня не влекла къ себѣ такъ сильно, такъ неудержимо. А когда я подумалъ, что всѣ эти сокровища будутъ

мои, что уже принадлежатъ мнѣ и составляютъ мое высшее благо—весь свѣтъ закружился предъ моими глазами.

Наконецъ, я заговорилъ. Я лихорадочно сталъ ей разсказывать, какъ полюбилъ ее чуть ли не съ перваго взгляда, — полтора года тому назадъ въ Величкѣ,—гдѣ случайно встрѣтился съ нею въ многочисленномъ, но незнакомомъ мнѣ обществѣ,—гдѣ ей сдѣлалось дурно на днѣ шахты, а я побѣжалъ за водой на озеро. На слѣдующій день я былъ съ визитомъ у ея родителей, послѣ котораго вышелъ окончательно влюбленный. Все это, какъ предполагаю, было ей самой отлично извѣстно, но тѣмъ не менѣе она слушала мой разсказъ съ величайшимъ удовольствіемъ, улыбаясь, краснѣя, а время отъ времени даже тихонько задавая мнѣ разные вопросы. Я говорилъ еще долго и подъ конецъ даже менѣе глупо, чѣмъ ожидалъ, говорилъ о томъ, какъ она стала для меня единственной цѣлью, единственной поддержкой, какъ еще вчера я былъ глубоко и страшно несчастливъ, когда сказалъ самому себѣ, что все пропало, и когда утратилъ вѣру даже въ нее.

— Я также была несчастлива...—отвѣтила Толя.—Правда, что въ первую минуту я не сумѣла произнести ни одного слова, но зато потомъ постаралась все исправить.

Съ минуту мы хранили молчаніе. Во мнѣ опять происходила борьба между робостью и желаніемъ поцѣловать ея ноги, наконецъ, чудовищно неловкимъ образомъ, достойнымъ послѣдняго идіота, я спросилъ ее, любитъ ли она меня хотя немного.

Толя въ теченіе нѣкотораго времени была въ сильномъ смущеніи, затѣмъ встала и вышла въ другую комнату.

Черезъ минуту, вернувшись съ альбомомъ въ рукѣ, она опять сѣла подлѣ меня и показала мнѣ рисунокъ, представлявшій мой собственный портретъ.

— Это я рисовала на память,—сказала она.

— Вы?

— Но тамъ еще есть что-то,—продолжала Толя, кладя палецъ на одну страницу.

Теперь только я замѣтилъ, что сбоку, на самомъ краю, мелкимъ почеркомъ написаны буквы: J. v. a.

— Это надо читать по-французски,—прошептала она.

— По-французски?

И въ своей безграничной наивности я еще не могъ догадаться, что это значитъ, пока, наконецъ, она сама не начала:

— Je vous...

И тотчасъ, закрывъ лицо руками, она наклонилась такъ низко, что я увидѣлъ только ея шею. Только теперь я догадался, въ чемъ дѣло, и съ бьющимся отъ радости сердцемъ сталъ повторять:

— Теперь уже можно, можно!

Толя открыла свое раскраснѣвшееся и улыбающееся лицо.

— И должно,—добавила она съ многозначительнымъ взглядомъ, какъ бы отдавая приказаніе на будущее.

Въ эту минуту насъ позвали завтракать. Я былъ въ такомъ состояніи, что могъ бы, кажется, съѣсть ножи и вилки, самъ того не замѣчая.

Ни съ чѣмъ человѣкъ такъ скоро не осваивается, какъ съ счастьемъ. Все то, что произошло, было положительно рядомъ чудесъ, а спустя два дня мнѣ казалось уже вполнѣ естественнымъ, что Толя моя невѣста, мнѣ казалось, что такъ оно и должно быть, что мнѣ это принадлежитъ по праву—именно потому, что никто такъ ея не любилъ, какъ я.

Вскорѣ въ городѣ узнали, что я женихъ, и многіе изъ моихъ товарищей поздравили меня. Мы ѣздили съ Толей и ея родителями за городъ, причемъ знакомые всюду насъ видѣли вмѣстѣ. Я прекрасно помню одну изъ такихъ поѣздокъ. Толя въ пальто «loutré» и въ такой же шляпѣ выглядѣла, точно видѣніе, такъ какъ ея прозрачное лицо казалось еще болѣе нѣжнымъ при темно-коричневомъ цвѣтѣ шубки. Всѣ оглядывались на насъ; ея красота вызывала такое восхищеніе, что нѣкоторые мои знакомые останавливались, какъ вкопанные.

За заставой, миновавъ длинный рядъ небольшихъ домовъ, мы, наконецъ, выѣхали на почтовую дорогу. На поляхъ между грядами виднѣлась вода, въ которой длинными полосами блестѣлъ свѣтъ. Луга были совершенно залиты, и хотя на деревьяхъ не было еще листьевъ, однако, уже чувствовалось наступленіе весны.

Въ сумерки, когда все въ природѣ успокаивается, нами тоже овладѣло спокойствіе. Послѣ потрясающихъ впечатлѣній предыдущихъ дней я отдыхалъ душою. Передо мной было дорогое лицо моей любимой Толи, порозовѣвшее отъ вѣтра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сосредоточенное и успокоенное этой вечерней тишиной. Мы оба умолкли и только нѣжно глядѣли другъ на друга, время отъ времени улыбаясь. Впервые въ жизни я понялъ, что такое совершенно невозмутимое счастье. Будучи очень молодымъ и переживъ мало, я, должно быть, не имѣлъ на своей совѣсти тяжкихъ грѣховъ, но, какъ каждый человѣкъ, носилъ свое бремя недостатковъ. Но вотъ въ ту минуту бремя это упало съ моихъ плечъ. Я не чувствовалъ въ себѣ никакой горечи, никакого нерасположенія къ людямъ, готовъ былъ бы каждому простить, каждому помочь, словомъ, чувствовалъ себя совершенно возрожденнымъ, какъ будто любовь, взявъ у меня всю душу, взамѣнъ этого преобразила меня въ ангела.

И все это было оттого, что мнѣ позволили любить и обѣщали отдать это дорогое существо, которое теперь сидѣло напротивъ меня.

Но мало того, благодаря той же причинѣ, здѣсь, въ этомъ экипажѣ, находилось четверо людей, не только въ полномъ смыслѣ слова счастливыхъ, но и лучшихъ, чѣмъ они были прежде. Всѣ мелочи этого міра, жалкое самолюбіе и вообще все то, что принижаетъ, грязнитъ жизнь, что дѣлаетъ ее пошлой, фальшивой, все это мы отряхнули съ себя вмѣстѣ съ прежними огорченіями. Лишь только родители Толи открыли свой домъ этому благословенному гостю, какъ тотчасъ мы начали жить шире и осмысленнѣе, чѣмъ прежде.

И вотъ теперь я раздумывалъ и положительно не могъ понять, почему люди такъ часто отталкиваютъ отъ себя это единственное, величайшее благо жизни.

Но еще чаще они портятъ его. Я говорилъ себѣ такъ: мнѣ извѣстны эти избитыя истины, курсирующія между людьми, какъ фальшивая монета, что любовь старѣетъ, увядаетъ, проходитъ, исчезаетъ, и что потомъ только

привычка является связующимъ звеномъ между мужчиной и женщиной. Такъ вотъ я докажу, что законъ можно примѣнить исключительно только къ людямъ глупымъ или ничтожнымъ. Есть души избранныя, которыя умѣютъ не подчиняться ему; мнѣ самому случалось видѣть ихъ на свѣтѣ, и я хочу и буду принадлежать къ ихъ числу. Если это священное пламя дѣлаетъ меня сегодня такимъ счастливымъ, то, слѣдовательно, первымъ моимъ долгомъ, даже самымъ простымъ вопросомъ эгоизма будетъ стараніе, чтобы оно не погасло и даже не ослабѣло въ будущемъ. Я вызываю на бой это будущее! У него есть время, у меня же моя великая любовь и свободная воля. Жить съ Толей и перестать ее любить—ну, ужъ это мы посмотримъ! Внезапно мной овладѣло непреодолимое желаніе начать эту жизнь какъ можно скорѣе. Мнѣ было извѣстно, что согласно существующимъ свѣтскимъ обычаямъ не принято, чтобы обрученные вѣнчались до истеченія извѣстнаго времени, но я подумалъ, что имѣю дѣло съ исключительными людьми и былъ убѣжденъ, что Толя будетъ моей союзницей и охотно поможетъ мнѣ. И вотъ, когда по возвращеніи домой насъ оставили однихъ, я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, высказалъ ей мое желаніе. Она слушала меня съ величайшей радостью. Я замѣтилъ, что не только самый проектъ, но даже совѣщаніе о немъ, какъ заговоръ влюбленныхъ, приводили ее въ восхищеніе. Минутами у нея было такое выраженіе лица, какъ у ребенка, которому въ скоромъ времени обѣщаютъ какое-нибудь необыкновенное развлеченіе, и она не могла удержаться отъ того, чтобы не потанцовать по комнатѣ. Однако, въ тотъ вечеръ мы ничего не говорили родителямъ о нашемъ планѣ. За вечернимъ часомъ я разсказывалъ о моихъ надеждахъ на будущее и о тѣхъ путяхъ, которые предо мной открываются. Родители слушали меня такъ, какъ будто эти надежды уже осуществлены. Если бы я могъ допустить, что эти люди голубиной простоты ведутъ со мной нѣчто вродѣ политики, то долженъ былъ бы признать, что это самая лучшая политика, такъ какъ, видя ихъ довѣріе, я сказалъ себѣ: я не обману вашихъ ожиданій, хотя бы мнѣ для этого пришлось голову сложить.

Вышелъ я отъ нихъ довольно поздно. Толя выбѣжала за мной и еще въ передней повторяла вполголоса:

— Хорошо! Хорошо! Зачѣмъ медлить? Я не люблю проволочекъ. Отлично! спокойной ночи... Боюсь только мамы, потому что ей хочется сдѣлать приданое получше. Это для нея важный вопросъ.

Въ сущности я не очень-то понималъ, для чего дѣлается приданое, коль скоро барышни, уже въ качествѣ барышни, имѣютъ извѣстный запасъ платьевъ, по своимъ чередомъ всѣ такого рода фразы, являющіяся до нѣкоторой степени подтвержденіемъ того, что это мнѣ не снится, дѣлали меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Возвращаясь домой, я невольно повторялъ: «Приданое! Приданое!» Не предвижу, чтобы изъ-за него могли возникнуть какія-нибудь серьезныя затрудненія. Однако, я уже видѣлъ глазами души множество платьицъ, свѣтлыхъ, пестрыхъ, темныхъ и влюблялся въ нихъ по-очереди. Мнѣ пришло тогда въ голову устроить домъ для пріема Толи. Я находилъ новое наслажденіе въ этой мысли. Правда, у меня ощущался нѣкоторый недостатокъ въ деньгахъ, но, несмотря на это, я рѣшилъ все устроить какъ можно скорѣе. Ночью

мнѣ не удалось уснуть, такъ какъ въ моей головѣ безпрестанно мелькали платья, шкафы, столики, кресла, этажерки и т. д. Прежде я не спалъ отъ огорченія, теперь отъ счастья.

На слѣдующій день я былъ у столяра. Онъ съ одного слова понялъ, что для меня нужно. Почтенный мастеръ показывалъ мнѣ разную мебель, при видѣ которой я еще осязательнѣе представилъ себѣ мою будущую жизнь съ Толей. Все это также было мнѣ какъ будто извѣстно, но тѣмъ не менѣе у меня началось сердцебіеніе. Столяръ совѣтовалъ мнѣ выкрасить стѣны, такъ какъ бумажные обои долго сохнутъ. Этотъ услужливый человѣкъ обѣщалъ самъ заняться этимъ дѣломъ, разумѣется, за соотвѣтственное вознагражденіе.

Отъ него я отправился къ двумъ своимъ товарищамъ, съ которыми меня связывали узы тѣсной дружбы, и просилъ ихъ быть моими шаферами, такъ какъ родныхъ у меня не было. Ихъ сердечныя пожеланія и объятія смѣшались у меня съ иными впечатлѣніями и создали настоящій хаосъ.

Толю я засталъ въ залѣ. Еле успѣлъ я расцѣловать ея руки, какъ она поднялась на пальчики къ моему уху и шепнула мнѣ одно лишь слово:

— Позволили!

Послѣдняя тѣнь на моемъ счастьѣ исчезла. Толя, въ свою очередь, сіяла радостью. Мы стали подъ руку ходить по комнатѣ и бесѣдовали. Она разсказывала мнѣ, какъ все произошло.

— Сначала мама категорически заявила, что это положительно невозможно, а потомъ начала говорить такъ: «Ты даже не понимаешь, до чего это неприлично, чтобы барышня спѣшила со свадьбой»... Тогда я отвѣтила, что намъ обоимъ спѣшно. Мама стала подымать глаза къ потолку и пожимать плечами, а отецъ, смѣясь, обнялъ меня, поцѣловалъ въ голову и даже въ руку, мама же сказала: «Ты всегда ее слишкомъ баловалъ—а вѣдь, надо же немного обращать вниманіе и на общество». Папа тотчасъ отвѣтилъ: «Общество! Общество!.. Общество имъ не дастъ счастья. Теперь поетъ—но послѣ праздниковъ они могутъ обвѣнчаться, а приданое можно докончить потомъ». Мама уступила, такъ какъ отецъ всегда поставитъ на своемъ... (Навѣрно, и вы такой будете). Я такъ крѣпко обнимала маму, что не дала ей сказать слова. Только уже потомъ она повторяла: «Все у насъ, какъ у сумасшедшихъ»! Словомъ, въ концѣ концовъ все вышло по-моему. Вы довольны?

Я былъ до того влюбленъ или до того робокъ, что никогда не рѣшался схватить ее въ объятія. Теперь же впервые мнѣ непремѣнно хотѣлось ее обнять, но она мягко отстранила меня и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мы только будемъ ходить подъ-руку... это такъ пріятно...

И мы продолжали ходить. Я сказалъ ей, что уже подумалъ о квартирѣ и что велѣлъ выкрасить стѣны, только не масляной краской, такъ какъ это обошлось бы очень дорого, но какой-то другой краской, впрочемъ, совершенно похожей на масляную, которая скоро сохнетъ. Толя машинально повторила: «Скоро засохнетъ»... и неизвѣстно отчего мы оба стали смѣяться,—по всей вѣроятности, отъ избытка общей радости и счастья. Затѣмъ мы уговорились, что гостиная у насъ будетъ красная, такъ какъ хотя это довольно ординарно, но на красномъ фонѣ отчетливѣе

и живѣе выдѣляются лица. Столовая должна быть свѣтло-зеленая, объ остальныхъ комнатахъ мы не успѣли переговорить, потому что у Толи развязался башмакъ, и она пошла въ другую комнату, чтобы завязать его.

Черезъ минуту Толя вернулась съ отцомъ, который назвалъ меня ловеласомъ и татариномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ, что свадьба наша состоится во вторникъ послѣ праздниковъ.

Въ первые дни любовь наша была сплошнымъ волненіемъ, но потомъ весело расцвѣла, какъ весенней порой расцвѣтаетъ цвѣтокъ. Мы теперь смѣялись и шутили по цѣлымъ днямъ.

Праздники въ этомъ году были поздніе, и еще до наступленія ихъ весна окончательно вступила въ свои права. Деревья покрылись почками, всюду стала пробиваться молоденькая травка. Предъ Страстной недѣлей мы съ Толей и родителями сдѣлали визиты близкимъ знакомымъ. Вездѣ на меня посматривали съ любопытствомъ, такъ что меня это иногда очень стѣсняло. Нѣкоторыя дамы постарше даже лорнировали меня. Но это надо было терпѣть. Толя, радостная и веселая, какъ птичка, сторицей вознаграждала меня за эти хлопотливые визиты.

Я самъ наблюдалъ за крашеньемъ комнатъ. Погода стояла великолѣпная, и потому все сохло въ высшей степени скоро. Спальню я велѣлъ выкрасить въ розовый цвѣтъ.

Любовь моя къ Толѣ съ каждымъ днемъ возростала. Теперь я былъ увѣренъ, что если бы она измѣнилась лицомъ, если бы даже окончательно подурнѣла, я ни въ какомъ случаѣ не пересталъ бы ее любить. Человѣкъ въ подобномъ состояніи до такой степени отдается любимой женщинѣ, что не знаетъ, гдѣ кончается его *я*.

Мы часто забавлялись, какъ дѣти. Такъ, напримѣръ, когда придя утромъ я заставалъ ее одну, то начиналъ оглядываться во всѣ стороны, притворяясь, будто ея не вижу,—искать и спрашивать: «Нѣтъ ли здѣсь влюбленной?»—а Толя, осматривая углы комнаты и отрицательно кивая своей бѣлокурой головкой, съ болѣе или менѣе серьезнымъ видомъ отвѣчала: «Нѣтъ! вѣроятно, нѣтъ!»... «А эта барышня?» «Та, пожалуй, немного!» Черезъ минуту шопотомъ же добавляла: «А можетъ быть, и очень!»

Я любилъ Толю до самозабвенія, постоянно былъ съ нею и могъ проводить цѣлые часы въ разговорѣ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Иногда, впрочемъ, мы вели серьезную бесѣду о нашемъ будущемъ, хотя вообще я избѣгалъ всякихъ теорій на тему, какова должна быть супружеская жизнь, такъ какъ, по моему мнѣнію, совершенно незачѣмъ заключать въ зарапѣе готовыя формулы то, что должно само собой вытекать изъ любви! Цвѣтамъ нѣтъ надобности излагать теоріи о томъ, какъ они цвѣтутъ.

Великая Пятница прошла тихо, пасмурно. На дворѣ стоялъ сильный туманъ и моросилъ мелкій дождикъ. Мы съ Толей и родителями ходили по церквямъ прикладываться къ плащаницѣ. Толя была одѣта въ черное платье и казалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Минутами въ сумракѣ храма или при блескѣ свѣчъ лицо ея казалось положительно ангельскимъ. Въ этотъ день она немного простудилась, и я

бѣгалъ, какъ угорѣлый, по всѣмъ магазинамъ за старой малагой, которую кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ ей пить.

Праздники я провелъ у родителей Толи. Не имѣя никого изъ родныхъ, я въ первый разъ понялъ, что значитъ имѣть своихъ близкихъ и быть для кого-нибудь дорогимъ. На второй день праздниковъ совершенно установилась весна.

Еще передъ праздниками домъ мой былъ приведенъ въ кой-какой порядокъ. Садикъ зазеленѣлъ, старыя черешни расцвѣли.

Также передъ праздниками вышелъ въ печать мой трактатъ «О неоплатоникахъ». Толя сейчасъ же взялась читать его. Бѣдняжка моргала глазками, вертѣла головкой, но все же читала, считая это своимъ долгомъ.

Мнѣ тѣснятся въ голову воспоминанія или, вѣрнѣе, отдѣльныя картины нашей свадьбы—спутанныя, безпорядочныя, переполненныя отрывочными впечатлѣніями и отчасти лихорадочныя. Вижу всюду массу цвѣтовъ: на лѣстницѣ и въ комнатахъ. Въ домѣ бѣготня, пріѣздъ гостей, множество посторонникъ и мало знакомыхъ лицъ. Въ залѣ моя Толя, одѣтая въ бѣлое платье съ длинной вуалью—прелестная, какъ видѣніе, но какая-то иная, чѣмъ обыкновенно, болѣе торжественная и какъ будто менѣе для меня близкая. У меня осталось впечатлѣніе какой-то поспѣшности и безпокойства. Все, что послѣдовало по выѣздѣ изъ костела, представляется мнѣ чѣмъ то смутнымъ: костелъ, алтарь, свѣчи на алтарѣ, по бокамъ изысканные, великолѣпные туалеты женщинъ, любопытные взгляды, сдержанный шопотъ. Ставъ съ Толей на колѣни предъ алтаремъ, мы подали другъ другу руки, какъ бы для привѣтствія, и черезъ минуту раздались наши голоса, показавшіеся намъ какъ бы чужими: «Я беру тебя»... и т. д. До сихъ поръ мнѣ слышатся звуки органа и необыкновенно громкое пѣніе на хорахъ: «Veni Creator»... Выхода изъ костела я совершенно не помню, но отъ свадьбы у меня сохранились въ памяти: благословеніе родителей и ужинъ. Толя сидѣла подлѣ меня, и я припоминаю, что она ежеминутно прикладывала руки къ щекамъ, которыя у нея сильно горѣли. Сквозь букеты, стоявшіе на нашемъ столѣ, я видѣлъ разныя лица, которыхъ въ данный моментъ, навѣрно, не узналъ бы. Было много тостовъ, звенѣли бокалы, слышался оживленный говоръ. Около полуночи я увезъ жену домой.

Я помню еще, какъ, сидя въ каретѣ, она прислонила свою голову къ моему плечу, и какъ отъ ея бѣлой вуали на меня пахнуло фіалками.

На слѣдующій день утромъ я ждалъ ее въ столовой къ чаю; она, тѣмъ временемъ одѣвшись, вышла чрезъ другія двери въ садъ, такъ какъ изъ окна я увидѣлъ ее возлѣ цвѣтущихъ черешенъ. Я тотчасъ побѣжалъ за нею, но она, отвернувшись, прислонила голову къ дереву, какъ бы желая спрятаться отъ меня.

Мнѣ показалось, что это просто съ ея стороны шутка, поэтому, тихо подойдя, я обнялъ ее и сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ. А кто это прячется отъ мужа? Что ты тутъ дѣлаешь?

Толя покраснѣла и, избѣгая моего взгляда, на самомъ дѣлѣ отворачивалась отъ меня.

— Что съ тобою, Толя?—спросилъ я ее.

— Я смотрю,—отвѣтила она въ смущеніи,—какъ вѣтеръ отряхиваетъ цвѣты съ вишенъ...

— А пусть онъ ихъ даже унесетъ!—отвѣтилъ я,—лишь бы ты у меня осталась.

И я прижалъ ея лицо къ моему, а она стала шептать, закрывъ глаза:

— Не смотри на меня, не смотри, иди отсюда...

Но одновременно уста почти страстно протянулись ко мнѣ, и я съ волненіемъ впился въ нихъ.

Въ эту минуту вѣтеръ, дѣйствительно, сталъ осыпать насъ бѣлыми лепестками черешней.

Проснувшись, я увидѣлъ голыя стѣны своей квартиры. У меня былъ тифъ—и въ очень тяжелой формѣ. Недѣли двѣ я пролежалъ въ горячкѣ безъ сознанія.

Придя въ себя и немного поправившись, я узналъ, что родители Антонины уѣхали вмѣстѣ съ нею въ Венецію...

Я же, одинокій, какъ прежде, кончаю, быть можетъ, страннымъ признаніемъ. Я былъ такъ безгранично счастливъ въ своихъ видѣніяхъ, что, сразу начавъ свои записки, для того только, чтобы у меня сохранилась въ памяти пропія жизни, заканчиваю теперь свои воспоминанія безъ сожалѣнія и съ прежней вѣрой, что изъ всѣхъ источниковъ счастья самый чистый и истинный есть тотъ, изъ котораго я пилъ, находясь въ горячечномъ состояніи.

Жизнь, которую любовь не навѣститъ даже, какъ сонъ—еще хуже.

ПИСЬМА о ЗОЛЯ.

Ты хочешь, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о романѣ Золя «Докторъ Паскаль» и вообще о всемъ циклѣ Ругонъ-Маккаровъ.

Быть можетъ, оттого, что я происхожу изъ народа, въ которомъ даромъ пропадаетъ масса силъ, во мнѣ всегда возбуждаетъ чувство уваженія всякое намѣченное и доведенное до конца произведеніе и имѣетъ для меня какую-то странную, исключительную прелесть. Когда мнѣ приходится подъ какой-нибудь своей работой подписывать слово «Конецъ», то каждый разъ я испытываю какъ бы чувство радости не только вслѣдствіе окончанія труда, не только въ виду возможнаго въ будущемъ успѣха книги, но также вслѣдствіе сознанія завершеннаго дѣла. Ибо каждая книга есть дѣло—дурное или хорошее, но во всякомъ случаѣ исполненное—а весь ихъ рядъ, въ особенности исполненный во имя одной руководящей мысли,—есть завершенная задача жизни, это торжество окончанія жатвы.

Конечно, заслуга зависитъ отъ того, каковы плоды этой жатвы. Въ литературной профессіи есть свои шипы, о которыхъ читателямъ, быть можетъ, и не снилось. Крестьянинъ, когда свозитъ снопы въ амбаръ, вполнѣ увѣренъ что свозитъ пшеницу, рожь, ячмень или гречиху, которые принесутъ пользу людямъ.

Писатель же, даже если онъ пишетъ съ самыми лучшими намѣреніями, нерѣдко терзается сомнѣніями, «не является-ли его произведеніе одной великой ошибкой или великой виной», послужитъ-ли оно людямъ къ добру, и не лучше ли было бы для нихъ и для него самого, если бы это произведеніе не вышло бы въ свѣтъ?

Сомнѣнія являются врагомъ спокойствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и фильтромъ, который не пропускаетъ мутнаго осадка. Худо, если этихъ сомнѣній слишкомъ много, и худо, когда слишкомъ мало: въ первомъ случаѣ пропадаетъ способность къ дѣлу, во второмъ случаѣ—совѣсть.

Отсюда вѣчная потребность регулятора извнѣ.

Надо, однако, признать, что французскіе писатели всегда отличались отъ другихъ несравненно большей безотносительностью, и тотъ регуляторъ, которымъ въ другихъ странахъ являлась религія, для нихъ давно уже пересталъ существовать. Разумѣется, бывали и исключенія. Такъ, напримѣръ, Бальзакъ утверждалъ, что задачей его было служить религіи и монархіи. Но даже произведенія тѣхъ, которые провозглашали подобные принципы, не согласовались съ ними. Можно сказать, что такъ именно смотрѣли на свою литературную дѣятельность писатели, тогда какъ ихъ читатели большей частью могли ее понимать и часто понимали, какъ отрицаніе общественныхъ, религіозныхъ и этическихъ принциповъ. Однако,

въ послѣднее время подобное недоразумѣніе стало невозможнымъ, такъ какъ писатели начали откровенно выступать или во имя собственныхъ личныхъ убѣжденій, не считающихся ни съ чѣмъ и прямо противоположныхъ общественнымъ основамъ, или съ объективнымъ анализомъ, при которомъ въ жизни отмѣчалось зло и добро, какъ проявленія, одинаково необходимыя и одинаково оправдываемыя. Франція, да и другія страны Европы стали наводняться массами книгъ, написанныхъ такъ безотносительно и дерзко, до такой степени не считавшихся ни съ какой отвѣтственностью предъ людьми, что даже тѣми, которые принимали ихъ безъ всякой щепетильности, начало овладѣвать удивленіе. Казалось, каждый изъ такихъ писателей изо всѣхъ силъ старается о томъ, чтобы пойти еще дальше, чѣмъ этого отъ него ожидали. Вотъ такимъ образомъ они достигали названія смѣлаго мыслителя и оригинальнаго художника. Дерзость въ разсматриваніи разныхъ явленій жизни и въ способѣ ихъ изображенія казались самыми цѣнными достоинствами писателя. Это можно объяснить дурными инстинктами или безсознательнымъ обманываніемъ себя и другихъ.—Анализъ! Они анализировали во имя правды, ради которой будто бы должно изображать все, но преимущественно зло, грязь житейскую гниль и всякія гадости. Люди не замѣчали, что этотъ псевдо-анализъ перестаетъ быть объективнымъ разборомъ и становится болѣзненной страстью ко всякой гнили по двумъ причинамъ: прежде всего вслѣдствіе испорченности вкуса, а во вторыхъ, вслѣдствіе большей легкости создать яркіе эффекты. Они воспользовались физіологической особенностью чувствъ, въ силу которой впечатлѣнія, вызывающія отвращеніе, кажутся намъ болѣе сильными и реальными, чѣмъ пріятныя,—и безмѣрно злоупотребили этой особенностью. Образовался въ нѣкоторомъ родѣ комми-вояжъ въ гнили, такъ какъ, вслѣдствіе быстраго использованія сюжетовъ, важно было найти что-нибудь новое, экстравагантное, такое, которое было бы по нервамъ. Сама правда, во имя которой это происходило, отошла на задній планъ. Тебѣ извѣстно содержаніе романа Золя «La Terre»? Въ этомъ произведеніи должна заключаться картина французской деревни. Припомни себѣ какую-нибудь французскую или иную деревню. Что это такое?—это собраніе хатъ, деревьевъ, пахатныхъ полей, полосъ хлѣба, полевыхъ цвѣтовъ, людей, стадъ, свѣта, лазури, пѣсенъ, маленькихъ дѣлъ и труда. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ навозъ играетъ не маловажную роль, но внѣ его и возлѣ него есть еще кой-что. Между тѣмъ, при чтеніи романа Золя кажется, будто деревня состоитъ исключительно изъ гноя и преступленія. И картина эта, конечно, невѣрная и не согласна съ истиной, такъ какъ въ дѣйствительности мы видимъ иное. Если бы кто-нибудь вздумалъ собрать всѣ письма женщинъ, выступающихъ во французскихъ романахъ, то онъ убѣдился бы, что изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, девяносто пять процентовъ—падшія.

На самомъ же дѣлѣ—въ обществѣ этого нѣтъ и быть не можетъ. Вѣроятно, этого не было даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣкогда поклонялись Астартѣ. И, однако, писатели хотятъ насъ убѣдить, что они даютъ намъ истинное изображеніе общества, и что ихъ анализъ безусловно объективенъ. Ложь, преувеличеніе, любованіе всякой гнилью—вотъ обстоятельная картина беллетристики послѣдняго времени. Не знаю, что выиграла

отъ этого литература, по знаю лишь то, что чортъ ничего не потерялъ, такъ какъ по этому руслу текла цѣлая рѣка грязи и яда, а моральное чувство до того притупилось, что въ концѣ концовъ общество стало легко переносить такія книги, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ привели бы ихъ авторовъ на скамью подсудимыхъ. Въ настоящее время какъ-то даже не вѣрится, что нѣкогда романъ «Madame Bovary» навлекъ на его автора двукратный процессъ. Если бы эта книга была написана двадцать лѣтъ спустя, то ее признали бы слишкомъ скромной.

Но человѣческій духъ, который не засыпаетъ, и организмъ, который хочетъ жить, не переносятъ излишняго количества ядовъ. Наконецъ, настало время, когда общество почувствовало отвращеніе къ подобнаго рода произведеніямъ. Теперь уже все чаще и чаще раздаются голоса, просящіе иной умственной пищи, чувство инстинктивно подсказываетъ, что такъ идти далѣе нельзя, что надо подняться, отряхнуть съ себя грязь, очиститься, измѣниться. Люди требуютъ свѣжей струи. Большинство еще не умѣетъ высказать, чего именно оно желаетъ, но знаетъ, чего не желаетъ, знаетъ, что оно до сихъ поръ дышало миазмами, и что ему душно. Тревога постепенно охватываетъ умы. Теперь въ этой самой Франціи чего-то ищутъ, чего-то желаютъ. Начинается глухой протестъ противъ господствующаго положенія вещей. Многіе изъ писателей чувствуютъ эту тревогу. На нихъ находятъ такія минуты сомнѣнія, о какихъ я уже говорилъ выше, минуты горечи и боязни, усиленной неизвѣстностью новыхъ путей. Просмотри послѣднія книги Бурже, Рода, Барреса, Дежардена, поэзію Рембо, Вэрлена, Эредіа, Малярмэ и хотя бы Метерлинка и его школы. Что въ нихъ заключается? Исканіе новыхъ сюжетовъ, новыхъ формъ, лихорадочное исканіе какого то выхода, неувѣренность въ томъ, куда обратиться и гдѣ искать спасенія—въ мистицизмѣ или въ вѣрѣ, въ патріотизмѣ или космополитизмѣ? Однако, прежде всего въ нихъ замѣчается необыкновенная тревога. Выхода они не находятъ, такъ какъ для этого необходимы два условія: великая идея и великій талантъ, а у нихъ нѣтъ ни идеи, ни могучаго таланта. Вслѣдствіе этого тревога еще болѣе возрастаетъ и тѣ, которые выступаютъ противъ грубаго пессимизма натуралистическаго направленія, сами впадаютъ въ пессимизмъ, благодаря чему ослабляется значеніе и задача, какія могла бы имѣть реформа. Ибо что же остается?. Странность формы. И въ этой странности, безразлично, называется ли она символизмомъ или импрессіонизмомъ, все болѣе и болѣе утрачивается художественное равновѣсіе, здравый умъ и спокойствіе души. Все это часто переходитъ въ прежнюю гниль въ отношеніи содержанія и почти всегда въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ чувствуется потребность дать міру что-нибудь новое, но въ чемъ заключается это новое, для нихъ пока остается неизвѣстнымъ.

Таково положеніе вещей въ настоящее время.

Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что каждый воръ общественныхъ или частныхъ денегъ или каждый преступникъ могутъ оправдывать себя наслѣдственностью, унаслѣдованной отъ бабушки. Зло заключается не въ конкретныхъ случаяхъ, но въ томъ, что въ человѣческія души внѣдряется страшный пессимизмъ и угнетеніе, что въ нихъ исчезаетъ любовь жизни,

надежда, энергія, охота къ жизни, а слѣдовательно—охота ко всякимъ усиліямъ въ смыслѣ стремленія къ добру. А quoi bon? Вотъ вопросъ, который является самъ собою. Вѣдь, книга — это также одинъ изъ факторовъ, созидающихъ человѣческую душу. Если бы читатель, по крайней мѣрѣ, нашелъ въ книгахъ Золя дурныя и хорошія стороны жизни въ уравновѣшивающей пропорціи или, по крайней мѣрѣ, въ такой, въ какой они находятся въ дѣйствительной жизни. Тщетная надежда! Надо высоко взбираться, чтобы достать цвѣта у зари или радуги, тогда какъ слюна есть у каждаго въ устахъ, и ею легче писать. Такого рода натуралисты любятъ болѣе другихъ дешевые эффекты. Они предпочитаютъ удушливый спертый воздухъ аромату, гниль живой крови, навозъ цвѣтамъ, la bête humaine, l'âme humaine!

Если бы мы могли привести сюда какого-нибудь обитателя Марса или Венеры и велѣть ему сдѣлать выводъ о жизни на землѣ по романамъ Золя, онъ, безъ сомнѣнія, сказалъ бы: «Жизнь бываетъ иногда чистой, какъ «le rêve», но въ общемъ видѣ очень не пахучая, часто грязная, но чаще всего страшная». И если бы даже тѣ теоріи, на которыя опирается Золя, были признанными истинами, то все же какъ безсердечно такъ изображать жизнь людямъ, которымъ приходится жить! Неужели это дѣлается съ той цѣлью, чтобы возбудить въ нихъ отвращеніе къ жизни, загрязнить ее, отравить всякую дѣятельность, парализовать всякую энергію, отбить охоту къ мышленію? Въ самомъ дѣлѣ, если это такъ, то можно поставить ему во зло даже талантъ. Было бы лучше для Золя и для Франціи, если бы этого таланта у него не было. И подчасъ просто удивляешься, что его не охватываетъ боязнь, между тѣмъ какъ тревога овладѣваетъ теперь даже тѣми, которые не были во главѣ процесса разложенія. Онъ одинъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ кончаетъ своихъ Ругонъ-Маккаровъ, какъ будто онъ этимъ усиливаетъ жизнеспособность французовъ, а не парализуетъ ее. Какимъ образомъ ему не приходитъ въ голову, что люди, которые питались этимъ испорченнымъ хлѣбомъ и этой гнилой водой, не только не въ состояніи будутъ выдержать какую-нибудь великую бурю, но даже не будутъ имѣть охоты противостоять ей?

Мюссэ въ свое время сказалъ въ извѣстной пѣснѣ «Мы уже обладали вашимъ нѣмецкимъ Рейномъ»: Золя такъ воспитываетъ свое общество, что если бы все, что онъ прививаетъ ему, на самомъ дѣлѣ привилось, то второй стихъ пѣсни Мюссэ могъ бы звучать такъ: «Но нынче мы отдадимъ вамъ даже Сену».

А вѣдь, въ дѣйствительности положеніе не такъ уже дурно!

«La Débacle», несмотря на свои недостатки, отличное произведеніе, но солдаты, которые будутъ его читать, отступятъ предъ тѣми, которые по ночамъ поютъ псалмъ: «Христосъ воскресъ!»

Если бы я былъ французомъ, то считалъ бы талантъ Золя несчастнымъ для народа и радовался бы, что время его проходитъ, что даже самые вѣрные ученики оставляютъ своего учителя, и что онъ все болѣе остается одинокъ.

Сохранится ли онъ въ памяти людей, въ литературѣ, и не исчезнетъ-ли скоро его слава—это предсказывать трудно, но сомнѣваться въ его долговѣчности можно. Въ серіи романовъ «Ругонъ-Маккары», дѣйствительно,

есть произведенія крупныя, какъ, напримѣръ, «Germinal» или «La Débacle». Но вообще то, что врожденный талантъ Золя сдѣлалъ для его безсмертія, то испортило его любованье грязнымъ реализмомъ, и его языкъ, прямо таки *пошлый, мерзкій. Литература не можетъ пользоваться такими фразами*, какія стыдятся произносить между собой даже простолюдины. Реальной правды, насколько это касается изображенія людей преступныхъ, падшихъ, можно достигнуть инымъ способомъ, а именно—путемъ болѣе или менѣе истиннаго изображенія состоянія ихъ души, мыслей, поступковъ, наконецъ, передачи ихъ рѣчи, но не дословнымъ цитированіемъ ихъ проклятій и самыхъ циничныхъ, отвратительныхъ словъ. Какъ въ выборѣ картинъ, такъ и въ выборѣ словъ, существуетъ извѣстная мѣра, указываемая разсудкомъ и хорошимъ вкусомъ. Золя перешолъ эту мѣру въ романѣ «La Terre» до такой степени, какъ никто изъ существующихъ романистовъ. Чудовищные плоды, именно оттого, что они чудовищны, обречены смерти. Книга, возбуждающая отвращеніе, бросается. Это въ природѣ вещей.

Изъ древнихъ произведеній всеобщей литературы пережили забвеніе и нѣкоторыя грубыя вещи, предназначенныя для возбужденія смѣха, какъ, напримѣръ, сочиненія Аристофана, или вещи игривыя, но изысканно написанныя, какъ, напримѣръ, творенія Боккачіо, но не пережила забвенія ни одна книга, разсчитанная на возбужденіе тошноты. Золя, ради бо́льшей извѣстности, какой нѣкогда пользовались его сочиненія, убивалъ свое будущее. Между прочимъ, надо отмѣтить довольно странное явленіе. Такъ, онъ, человѣкъ, пишущій согласно составленному плану, холодный, владѣющій, какъ рѣдко кто, даннымъ предметомъ, создавалъ самыя лучшія произведенія лишь тогда, когда ему представлялась наименьшая возможность проводить свои планы, доктрины, словомъ, тогда, когда онъ менѣе всего господствовалъ надъ предметомъ, и когда предметъ господствовалъ надъ нимъ.

Такъ случилось въ романахъ «Germinal» и «La Débacle». Громадное значеніе соціализма и войны положительно смяли Золя со всѣмъ его умственнымъ аппаратомъ. Его доктрины совершенно умалились, и ихъ еле слышно въ шумѣ воды, заливающей шахту, и въ грохотѣ прусскихъ орудій. Остался только талантъ. Вотъ почему, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ произведеніи есть настоящія дантовскія страницы. Съ романомъ «Докторъ Паскаль» случилось нѣчто совершенно противоположное. Какъ послѣдній томъ цикла, романъ этотъ долженъ былъ оказаться окончательнымъ выводомъ всего сочиненія «Ругонъ Маккары, синтезомъ доктрины, увѣнчивающимъ все зданіе. Вслѣдствіе этого, въ немъ говорится о доктринѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ предыдущихъ томовъ, а такъ какъ доктрина жалкая, фальшивая, ничтожная, то и «Docteur Pascal» есть самое жалкое и скучнѣйшее произведеніе изъ всей серіи Ругонъ-Маккаровъ. Рядъ пустыхъ, безплодныхъ страницъ, на которыхъ скука идетъ рука объ руку съ отсутствіемъ моральнаго чувства, блѣдныя, фальшивыя картины:—вотъ весь «Le docteur Pascal». Золя хочетъ, чтобы онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ. Это исключеніе изъ Ругонъ-Маккаровъ. Въ наслѣдственности бываютъ такія счастливыя исключенія — докторъ знаетъ объ этомъ, самъ считаетъ себя такимъ счастливымъ исклю

ченіемъ, и это является для него источникомъ безпрестаннаго внутренняго утѣшенія. Онъ любитъ людей, старается быть имъ полезнымъ и дѣлаетъ имъ прививку какой-то придуманной имъ жидкости, которая отлично предохраняетъ отъ всякихъ болѣзней. Это—кроткій мудрецъ, который занимается изслѣдованіемъ жизни и потому собираетъ «человѣческіе документы», усердно составляетъ генеалогическое древо семейства Ругонъ-Маккаровъ, которыхъ самъ онъ является потомкомъ, и на основаніи своихъ наблюденій приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, какъ и Золя. Спрашивается, къ какимъ? На это трудно отвѣтить, но, кажется, болѣе или менѣе къ такимъ, что когда кто-нибудь нездоровъ, то обыкновенно бываетъ боленъ, и что существуетъ наслѣдственность, но что матери или отцы, происходящіе изъ другихъ семействъ, могутъ передать дѣтямъ новые элементы, благодаря чему наслѣдственность можетъ быть измѣнена до такой степени, что вліяніе, строго говоря, почти исчезаетъ.

Притомъ, докторъ Паскаль — позитивистъ. Онъ не хочетъ ничего предсказывать, но утверждаетъ, что нынѣшнее состояніе науки не позволяетъ выводить другихъ дальнѣйшихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыя, въ силу наблюденій и извѣстныхъ фактовъ, возможно вывести, а слѣдовательно, только ихъ надо придерживаться, а отъ остальныхъ отказаться. Въ этомъ отношеніи его сужденія ничего не говорятъ намъ болѣе новаго, чѣмъ газетныя статьи, написанныя молодыми позитивистами. Для людей, ищущихъ отвѣта на духовные запросы, столь же сильные, какъ голодъ и жажда, запросы, въ силу которыхъ человѣчество прочувствовало такія понятія, какъ Богъ, вѣра, безсмертіе, у доктора находится только улыбка состраданія. И ему можно было бы отчасти удивляться. Его можно было бы скорѣе понять, если бы онъ не признавалъ возможнымъ разрѣшить разные отвлеченные вопросы, но онъ утверждаетъ, что и такой потребности нѣтъ, и, слѣдовательно, грѣшитъ противъ дѣйствительности, потому что такая потребность существуетъ и не далѣе, какъ подъ его собственной кровлей, въ лицѣ его племянницы. Эта молодая особа, воспитанная въ его принципахъ, внезапно теряетъ почву подъ ногами. Въ душѣ ея рождается много вопросовъ, на которые докторъ не можетъ отвѣтить. И съ этой минуты для нихъ обоихъ начинается драма.

— Я не могу этимъ ограничиться! — восклицаетъ племянница.—Я задыхаюсь, я должна что-нибудь знать, въ чемъ нибудь быть увѣренной, а если твоя наука не можетъ удовлетворить моей непреодолимой потребности, въ такомъ случаѣ я иду туда, гдѣ меня не только успокоятъ, не только все объяснятъ, но и сдѣлаютъ счастливой—я иду въ церковь.

И она идетъ. Дороги учителя и ученицы все болѣе расходятся. Ученица приходитъ къ убѣжденію, что эта наука, которая является только петлей на человѣческой шеѣ, прямо таки дурна, и что заслугой передъ Богомъ было бы сжечь всѣ записываемыя докторомъ наблюденія.

И драма все усиливается, такъ какъ, несмотря на то, что доктору шестьдесятъ лѣтъ, а Клотильдѣ двадцать съ небольшимъ, эти два человѣка не только любятъ другъ друга такъ, какъ любятъ родственники, но и какъ мужчина и женщина. Эта любовь придаетъ борьбѣ горечь и ускоряетъ катастрофу.

Среди этихъ ищущихъ, ощупью блуждающихъ людей одинъ остается спокойнымъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ собственной доктринѣ, невозмутимымъ въ своемъ пессимизмѣ—это Эмиль Золя. Великій талантъ, спокойная сила, объективизмъ, если рѣчь идетъ о чувствѣ, объективизмъ удивительный, такъ какъ доходитъ почти до полнаго равнодушія, даръ прозрѣвать собирательную человѣческую душу, даръ исключительный, приближающій этого натуралистическаго писателя къ мистикамъ—дѣлаютъ изъ него личность не заурядную и очень оригинальную. Не всегда лицо человѣка отражаетъ его духовную сущность. У Золя связь эта выступаетъ очень рельефно. Лицо квадратное, лобъ низкій, покрытый морщинами, черты крупныя, плечи высокія и короткая шея, придаютъ его фигурѣ что-то грубое. Но лицу и по морщинамъ около глазъ можно угадать, что это человѣкъ, который много выдержитъ, много сумѣетъ вынести, упорный не только въ своихъ намѣреніяхъ и въ ихъ осуществленіи, но и, что главное, въ молчаніи. Въ немъ нѣтъ быстроты. На первый взглядъ видно, что это замкнутый въ себѣ доктринеръ, который, какъ доктринеръ, не охватываетъ широкихъ горизонтовъ, все видитъ подъ извѣстнымъ угломъ, хотя узкимъ, но видитъ ясно. Умъ его, какъ слѣпой фонарь, бросаетъ неширокую полосу свѣта въ одномъ только направленіи, и онъ идетъ по этому направленію съ непоколебимой увѣренностью. И вотъ этимъ объясняется исторія цѣлой серіи романовъ, которые извѣстны подъ общимъ названіемъ «Les Rougon-Macquarts». Золя рѣшилъ написать исторію одного рода временъ имперіи на фонѣ созданныхъ ею условій, пріурочивая къ нему законъ наслѣдственности. Здѣсь дѣло шло даже болѣе чѣмъ о пріурочиваніи, такъ какъ эта наслѣдственность должна была составлять физіологическую основу всего произведенія.

Здѣсь существуетъ нѣкоторое противорѣчіе въ самомъ основаніи. Если смотрѣть на дѣло съ исторической точки зрѣнія, то Ругонъ-Маккары должны были явиться картиной французскаго общества послѣдняго времени и нормальныхъ проявленій его жизни и, слѣдовательно, сами должны были быть семьей болѣе или менѣе нормальной. Но въ такомъ случаѣ, что дѣлать съ наслѣдственностью? Очевидно, что нормальныя семьи въ свою очередь являются именно таковыми въ силу законовъ наслѣдственности. Такимъ образомъ представить вліяніе ея при подобныхъ условіяхъ невозможно. Сдѣлать это возможно развѣ только на уклоненіяхъ отъ нормальнаго типа. И вотъ, Ругоны, дѣйствительно, представляютъ больную семью. Это дѣти невроза. Болѣзни этой подвержена была первая прародительница этого рода, а затѣмъ болѣзнь ея передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ хочетъ авторъ, и съ этимъ надо примириться. Однако, какимъ образомъ исторія семьи, исключительно подверженной умственнымъ и нравственнымъ уклоненіямъ отъ нормальнаго типа, можетъ быть одновременно картиной французскаго общества, этого авторъ намъ не объясняетъ. Если бы онъ отвѣтилъ, что во времена Имперіи все общество было больное, тогда это съ его стороны было бы фальшью. Общество можетъ иногда идти пагубнымъ политическимъ путемъ, какъ это было съ нашимъ обществомъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, и быть, какъ общество, больнымъ, но состоять изъ отдѣльныхъ личностей и семействъ здоровыхъ. Это двѣ вещи разныя.

Итакъ, одно изъ двухъ: или Ругоны больны, но тогда вся серія романовъ о нихъ не можетъ быть картиной Франціи временъ Имперіи, а только психологическимъ изслѣдованіемъ, или все физіологическое основаніе, вся та наслѣдственность, на которой основанъ циклъ, — словомъ, вся доктрина Золя является безсмыслицей. Не знаю, обращалъ ли кто нибудь вниманіе Золя на это: aut, aut! (или, или). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ самъ никогда не обращалъ на это вниманія. Притомъ это, по всей вѣроятности, не оказало бы на него никакого вліянія, такъ же, какъ не оказали на него вліянія критики его теоріи наслѣдственности. И беллетристы и физіологи не разъ выступали противъ нея съ цѣлымъ запасомъ неопровержимыхъ доказательствъ. Ничто не помогло. Тщетно утверждали, что теорія наслѣдственности въ точной наукѣ еще не изслѣдована, не доказана и, что всего важнѣе, до сихъ поръ не поддается наблюденію на пути фактовъ; тщетно доказывали, что физіологія не можетъ быть фантастической, а ея законы не могутъ находиться въ зависимости отъ произвольныхъ авторскихъ гипотезъ. Золя слушалъ, продолжалъ писать и въ послѣднемъ томѣ своего громаднаго сочиненія добавилъ генеалогическое древо семьи Ругонъ-Маккаровъ, и до того спокойно, какъ будто никто никогда не сомнѣвался въ его теоріи.

Въ концѣ-концовъ это древо обладаетъ одной хорошей стороной Оно такъ претенціозно, что возбуждаетъ смѣхъ и лишаетъ остатка того значенія, какое оно могло бы имѣть для менѣе самостоятельныхъ умовъ. Мы узнаемъ изъ него, что отъ нервно-больной и притомъ склонной къ связямъ прабабушки происходитъ больной родъ. Но ошибся бы тотъ, кто предполагалъ бы, что ея неврозъ отражается на потомкахъ въ какой-нибудь преимущественной къ чему-нибудь склонности или страсти. Напротивъ, чудесное древо раждаетъ самые разнородные плоды. На немъ есть и розовыя яблоки, груши, сливы, финики, словомъ—все, что угодно. И все вслѣдствіе бабушкинаго невроза. Бываетъ ли такъ въ дѣйствительности? Не знаемъ. У самого Золя нѣтъ на это иныхъ данныхъ, кромѣ, будто бы, вырѣзокъ изъ газетъ съ описаніями разныхъ преступленій, каковыя описанія онъ старательно сохраняетъ, какъ «человѣческіе документы», и которыми маневрируетъ согласно собственной фантазіи. И противъ этого, конечно, никто ему ничего не возразитъ, пусть только онъ не преподноситъ намъ своей фантазіи, въ качествѣ вѣчнаго и неизмѣннаго закона природы. Бабушка страдала неврозомъ, ея ближайшіе друзья имѣли обыкновеніе искать лекарства отъ заботъ не въ аптекѣ, а потому мужскіе и женскіе потомки бабушки являются тѣмъ, чѣмъ должны быть, а именно преступниками, ворами, публичными женщинами, порядочными людьми, святыми, политиками, добрыми матерями, своднями, банкирами, земледѣльцами, убійцами, священниками, солдатами, министрами,—словомъ всѣмъ, чѣмъ по своему уму, здоровью, состоянію, общественному положенію, профессіи могутъ быть и бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины на всемъ свѣтѣ. И тутъ-то невольно приходится остолбенѣть. Значитъ, что же? Значитъ, все это вслѣдствіе бабушкинаго невроза? Да!—отвѣчаетъ авторъ.—Но если бы у Аделанды Фуке не было невроза, то, вѣдь, потомство ея также должно было бы быть дурнымъ или добрымъ и заниматься тѣмъ, чѣмъ, обыкновенно, занимаются на свѣтѣ

мужчины или женщины? Навѣрно,—отвѣчаетъ Золя,—но Аделаида Фуке страдала неврозомъ. И дальнѣйшій разборъ становится положительно немыслимымъ, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, который собственную произвольную фантазію считаетъ закономъ природы, и умъ котораго не можетъ быть открытъ обыкновеннымъ ключомъ, какой намъ даетъ логика. Онъ создалъ себѣ генеалогическое древо, это древо могло быть инымъ,—но если бы было инымъ, онъ утверждалъ бы, что оно можетъ быть единственно такимъ, какъ есть—и Золя легче было бы убить, чѣмъ убѣдить, что его теорія ничего не стоитъ.

Впрочемъ, его теорія такого рода, что, въ сущности говоря, не изъ-за чего ссориться. Давно уже сказано: у Золя есть одна вещь хорошая—его талантъ и одна дурная—его доктрина. Если вслѣдствіе унаслѣдованнаго послѣ одного и того же предка невроза можно быть съ одинаковымъ удобствомъ негодяемъ, какъ и порядочнымъ человѣкомъ, какъ Нана, такъ и сестрой милосердія, какъ звѣремъ, такъ и мудрецомъ, какъ Батракомъ, такъ и Ахиллесомъ—тогда, значитъ, есть тамъ такой мостикъ, котораго нѣтъ—есть такая наслѣдственность, которой, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Человѣкъ можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ самъ захочетъ быть. Поприще для доброй воли и отвѣтственности вполнѣ открыто каждому, и всѣ тѣ моральныя основы, на которыя опирается человѣческая жизнь, выходятъ безъ всякаго ущерба изъ передряги. Автору въ такомъ случаѣ можно было бы сказать, что это «to much ado about nothing» и покончить съ нимъ, какъ съ доктринеромъ, и только считаться, какъ съ талантомъ. Но для него важно нѣчто иное. Какъ ни шатка его доктрина, которая, въ сущности, даже вовсе не доктрина, но онъ, тѣмъ не менѣе, выводитъ изъ нея иныя заключенія. Весь циклъ его романовъ ясно и недвусмысленно говоритъ: «чѣмъ бы ты ни былъ, святымъ или преступникомъ, ты таковъ въ силу закона наслѣдственности—ты таковъ, какимъ быть долженъ, и ни въ какомъ случаѣ въ этомъ нѣтъ ни твоей вины, ни заслуги». Такъ вотъ онъ вопросъ объ отвѣтственности. Въ данной статьѣ не время и не мѣсто его касаться. Философія не нашла доказательства того, что человѣкъ существуетъ, а такъ какъ картезіанское: «cogito—ergo sum» (я мыслю — слѣдовательно, существую) оказалось недостаточнымъ—вопросъ до сихъ поръ открытъ. То же самое съ вопросомъ объ отвѣтственности. Пусть бы цѣлые вѣка философіи утверждали такъ или иначе, человѣкъ всегда внутренно чувствуетъ, что существуетъ, и также не менѣе сильно чувствуетъ, что онъ отвѣтственъ, и что вся его жизнь, помимо его теоріи, опирается на этомъ чувствѣ. Впрочемъ, и точная наука не разрѣшила еще вопроса о волѣ и отвѣтственности. Противъ мнѣній авторитетовъ можно привести мнѣнія другихъ авторитетовъ, противъ выводовъ—другіе выводы. Однако, для Золя этотъ вопросъ разрѣшенъ. По его мнѣнію, отвѣтственности нѣтъ, есть только какая-то бабушка Аделаида или дѣдушка Jacques, отъ которыхъ все зависитъ. И вотъ, съ этого момента начинается, по моему мнѣнію, пагубное вліяніе этого писателя, такъ какъ онъ не только берется разрѣшать неразрѣшенные вопросы, но не популяризируетъ своихъ доводовъ, прививаетъ ихъ обществу и способствуетъ его разложенію.

Однажды, почью, докторъ ловитъ племянницу на мѣстѣ преступле-

нія. Она добралась до его шкафа, вытащила рукописи и уже собирается сбщенхъ сжечь.

И вотъ они начинаютъ драться. Нечего сказать, хорошенькая картина. Паскаль въ нижнемъ бѣльѣ, Клотильда въ ночномъ костюмѣ,—они таскаютъ другъ друга за волосы, царапаются. Докторъ оказался крѣпче, а она, хотя онъ ее поколотилъ и окровавилъ, испытываетъ нѣкоторое удовольствіе, ощущая на собственномъ дѣвственномъ тѣлѣ силу мужчины. И въ этомъ виденъ весь Золя. Но послушаемъ дальше, такъ какъ приближается рѣшительный моментъ. Самъ докторъ, немного передохнувъ послѣ потасовки, торжественно объ этомъ заявляетъ. Читателя охватываетъ дрожь. Онъ трепетно ждетъ, сорветъ-ли докторъ силой своего генія завѣсу съ ночного неба и покажетъ своей племянницѣ тамъ пустоту, или силой краснорѣчія низвергнетъ во прахъ ея храмъ, ея вѣрованія, порывы и надежды. Невольно вспоминаются стихи изъ одной поэмы Мицкевича:

Всюду мракъ и глухо всюду,
Что-то будетъ, что-то будетъ?

Въ тишинѣ раздается низкій голосъ доктора.

— Я не хотѣлъ тебѣ этого показывать, но жить такъ долѣе невозможно, а потому настало время объясненія. Подай мнѣ генеалогическое древо семьи Ругонъ-Маккаровъ.

Что? что?

Да! Генеалогическое древо семьи Ругонъ-Маккаровъ. Въ тишинѣ начинается чтеніе. Жила-была Аделаида Фуке, у которой былъ мужъ Ругонъ, а другъ Маккаръ. Отъ Ругона родился Евгеній Ругонъ, да еще Паскаль Ругонъ, да еще Аристидъ, да еще Сидонія, да еще Марта. А отъ Аристида родился Максимъ, да еще Клотильда, да еще Викторъ, а отъ Максима родился Карлъ, и этимъ кончается; но у Сидоніи была дочь Апелія, Марта же вышла замужъ за Мурэ, происходившаго изъ Маккаровъ, и у нея было трое дѣтей и т. д.

Проходитъ ночь, блѣднѣетъ, а чтеніе все продолжается. Послѣ Ругоновъ выступаютъ Маккары, а потомъ потомство обоихъ соединенныхъ родовъ. Имя слѣдуетъ за именемъ, фамилія за фамиліей. Тутъ фигурируютъ дурные люди, фигурируютъ хорошіе, фигурируютъ безцвѣтные, равнодушные люди, фигурируютъ всякіе классы общества, начиная отъ министровъ, банкировъ, богачей-купцовъ и кончая простыми солдатами или шелопаями безъ опредѣленныхъ занятій. Наконецъ, докторъ перестаетъ читать и, взглянувъ глазами мудреца на племянницу, спрашиваетъ ее:

— Ну и что же ты скажешь теперь?

А красивая Клотильда бросается въ его объятія и восклицаетъ:

— Vicisti! vicisti! (Ты побѣдилъ! побѣдилъ!).

И ея Богъ, ея вѣра, ея храмъ, ея порывы къ идеаламъ, потребности ея духа разсыпаются въ прахъ.

Почему? Въ силу какого окончательнаго вывода? Ради какого резоннаго основанія? Что ее могло убѣдить въ этомъ древѣ, что могло вызвать какое-нибудь иное впечатлѣніе, кромѣ впечатлѣнія скуки? По-

чему изъ ея устъ не вырвался вопросъ, который непреодолимо возникаетъ въ умѣ читателя: «Что же изъ этого слѣдуетъ?» — Неизвѣстно. Мнѣ никогда еще не случалось замѣтить, чтобы какой-нибудь писатель изъ причины столь пустой выводилъ столь великія и непосредственныя слѣдствія.

Это до такой степени изумительное явленіе, какъ если бы Золя велѣлъ разсыпаться въ прахъ вѣрѣ и принципамъ Клотильды вслѣдствіе прочтенія ей докторомъ календаря, путеводителя по желѣзнымъ дорогамъ, меню или каталога какого-нибудь музея. Произвольность здѣсь выходитъ изъ границъ и становится прямо-таки непонятной. Читатель спрашиваетъ, обманываетъ-ли авторъ самого себя, или же хочетъ втереть очки публикѣ. И этотъ кульминаціонный пунктъ романа есть вмѣстѣ съ тѣмъ крахъ всей его доктрины. Клотильда въ отвѣтъ должна была бы сказать слѣдующее:

«Твоя теорія не находится ни въ какой связи съ моей вѣрой въ Бога и церковь. Твоя наслѣдственность до того шатка, и, придерживаясь ея, можно до такой степени быть *всѣмъ*, что она сама становится *ничѣмъ*—а слѣдовательно, и всѣ дальнѣйшія заключенія, которыя ты выводишь изъ нея, также опираются на *ничто*. Папа, по твоему мнѣнію, кокетка, развратница, а Анеля—святая, патеръ Мурэ—аскетъ, jaqus Lantier—убійца, словомъ, всѣ такіе или иные благодаря бабушкѣ Аделаидѣ. А я тебѣ скажу съ большимъ реальнымъ вѣроятіемъ, что люди хорошіе потому хороши, что они обладаютъ моей вѣрой, что вѣрятъ въ отвѣтственность и безсмертіе души, а дурные люди оттого дурны, что ни во что не вѣрятъ. Чѣмъ ты мнѣ докажешь, что причиной зла и добра является Аделаида Фуке? Развѣ дашь честное слово, развѣ повторишь, что такъ оно есть, потому что есть; я же могу тебѣ сказать, что вѣра и сознаніе отвѣтственности съ незапамятныхъ временъ болѣе или менѣе удерживали людей отъ зла, и противъ этого ты ничего не сумѣешь возразить, если, какъ позитивистъ, хотя немного считаешься съ дѣйствительностью. Однимъ словомъ, у меня есть доводы объективные, тогда какъ у тебя есть только свое личное «мнѣ кажется»,—если же это такъ, то оставь мнѣ мою вѣру, а ты свое фантастическое древо сама своими руками брось въ печку».

Но Клотильда въ отвѣтъ ничего подобнаго не говоритъ. Наоборотъ, она сразу съѣдаетъ яблоко съ этого жалкаго дерева—и душой и тѣломъ переходитъ въ лагерь доктора. Клотильда дѣлаетъ это единственно и исключительно потому, что такъ нравится Золя. Иной причины нѣтъ и быть не могло.

Если бы она перешла на сторону доктора изъ-за любви къ нему, если бы эта причина, которая въ женщинѣ можетъ сыграть такую большую роль, дѣйствительно оказала бы на нее вліяніе, тогда это было бы еще понятно. Но нѣтъ, этого не случилось, ибо въ такомъ случаѣ, что сталось бы со всей доктриной Золя? На Клотильду вліяетъ лишь доктрина, которую авторъ хочетъ сдѣлать неопровержимой. И происходитъ такъ, какъ онъ желаетъ, но уже прямо-таки цѣною логики и здраваго смысла. Съ этой минутой все становится возможнымъ; возможно будетъ увѣрять читателя, что мужчина, не будучи ранѣе любимымъ, влюбилъ въ

себя женщину съ помощью ознакомленія ея съ прейскурантомъ масла или стеариновыхъ свѣчей. Вотъ до чего доктринерство иногда доводитъ истинный великій талантъ. Оно также доводитъ до полной атрофіи моральнаго чувства. Эта наслѣдственность есть стѣна, въ которой можно пробить столько оконъ, сколько угодно. Докторъ является такого рода окномъ. Онъ считаетъ себя исключеніемъ изъ фамильнаго невроза, то-есть человѣкомъ нормальнымъ и, какъ таковой, желалъ бы передать свое здоровье потомству. Клотильда согласна съ его мнѣніемъ, а такъ какъ они любятъ другъ друга, то соединяются, но соединяются такъ, какъ это бывало въ пещерную эпоху. Золя считаетъ это вполнѣ натуральнымъ, докторъ Паскаль тоже, Клотильда же, какъ перешедшая въ его лагерь, нисколько не протестуетъ. Это уже кажется болѣе удивительнымъ. Вѣдь, Клотильда такъ еще недавно была вѣрующей, религіозной. Поведеніе ея не объясняется ни молодостью, ни неопытностью.

Даже у восьмилѣтнихъ дѣвочекъ есть инстинктивное чувство стыда. Дѣвушка въ двадцать лѣтъ почти всегда слишкомъ хорошо знаетъ, что дѣлаетъ, и жертвой быть не можетъ, если же заглушаетъ стыдъ, то или вслѣдствіе темперамента, или вслѣдствіе любви, которая облагораживаетъ увлеченія, такъ какъ является актомъ принадлежности и обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ сама желаетъ быть обязанностью узаконенной. Если даже женщина не религіозна и отказывается освятить любовь религіей, то все же она можетъ требовать, чтобы ея чувство было узаконено предъ людьми. Или священникъ, или «monsieur le maire». Клотильда же, которая любитъ доктора Паскаля, ничего не требуетъ.

Бракъ, заключенный у мэра, кажется ей чѣмъ-то неважнымъ, второстепеннымъ. И здѣсь тоже ея положительно нельзя понять, такъ какъ при истинной любви важно укрѣпить и упрочить связь. Иначе происходитъ дѣло въ романѣ Золя. Здѣсь первая разлука является концомъ связи. Если бы они заключили бракъ, хотя бы у мэра, то и въ разлукѣ остались бы мужемъ и женой и не перестали бы принадлежать другъ другу—но такъ какъ бракъ не былъ заключенъ, то съ момента ея отъѣзда онъ остается неженатымъ, какъ прежде, докторомъ Паскалемъ, она же соблазненной барышней Клотильдой. Еще во время ихъ совмѣстной жизни изъ внѣбрачнаго положенія возникаютъ для нихъ тысячи непріятностей и душу раздирающихъ минутъ. Напримѣръ, однажды Клотильда вбѣгаетъ въ комнату, вся раскраснѣвшаяся и въ слезахъ, а когда докторъ въ испугѣ спрашиваетъ, что съ ней случилось, она отвѣчаетъ:

— Ахъ, эти женщины! Я шла по улицѣ и, войдя въ тѣнь, закрыла зонтикъ, причемъ на свое несчастье нечаянно толкнула какого-то ребенка. Увидѣвъ это, всѣ стоявшія у воротъ женщины напали на меня и стали говорить такія вещи!.. о, какія... Что у меня никогда не будетъ дѣтей, что это не для такихъ, какъ я... и еще многое другое, чего я повторить не могу, не хочу, и чего я даже не понимала...

Грудь ея подымалась отъ рыданій, онъ же, поблѣднѣвъ, схватилъ ее въ объятія, сталъ покрывать ея лицо поцѣлуями, причемъ говорилъ:

— Въ этомъ я виноватъ,—ты изъ-за меня страдаешь! Слушай, мы поѣдемъ куда-нибудь далеко, гдѣ никто не будетъ тебя знать, гдѣ каж-

дый съ уваженіемъ будетъ привѣтствовать тебя, и гдѣ ты будешь счастлива.

Одно только не приходитъ имъ обоимъ въ голову, а именно: обвѣнчаться. Когда мать Паскаля говоритъ имъ объ этомъ, они точно ничего не слышатъ. Клотильдѣ не подсказываетъ этого женская стыдливость, ему — забота о ней и желаніе оградить ее отъ оскорбленій. Почему? Вслѣдствіе неоправдываемой причины. Должно быть, единственно изъ-за того, что Золя такъ нравится.

Но, быть можетъ, въ данномъ случаѣ ему хочется показать, какія трагическія послѣдствія влекутъ за собою неузаконенныя связи? Ничуть! Онъ всецѣло на сторонѣ доктора и Клотильды. Если бы они заключили бракъ у мэра, *не было бы драмы, но автору хочется драмы.* Вотъ и причина! Впослѣдствіи наступаетъ банкротство доктора. Приходится разстаться. Эта разлука становится несчастьемъ ихъ жизни; докторъ долженъ умереть отъ этого удара. Оба чувствуютъ, что это будетъ концъ, оба его не желаютъ—и оба даже не подумаютъ объ единственномъ способѣ, который разъ навсегда утвердилъ бы ихъ взаимную принадлежность другъ другу, благодаря чему разлука была бы временной, не превратилась бы въ разрывъ. Тѣмъ не менѣе они не вѣнчаются.

Они были людьми не вѣрующими, не религіозными и потому не хотѣли священника,—это понятно. Но почему не хотѣли заключить брака у мэра? Этотъ вопросъ остается безъ отвѣта.

Здѣсь уже наряду съ отсутствіемъ моральнаго чувства есть нѣчто большее,—здѣсь просто отсутствіе здраваго смысла. Романъ не только не нравствененъ, но еще является чѣмъ-то вродѣ жалкой будки, наскоро сбитой изъ непригнанныхъ другъ къ дружкѣ досокъ. Романъ не выдерживаетъ самаго легкаго, снисходительнаго соприкосновенія съ логикой и здравымъ разсудкомъ. Въ этой тряснѣ нелѣпостей утонулъ даже талантъ.

Одно остается: ядъ по-старому плыветъ въ душу читателей, умы осваиваются со зломъ и перестаютъ имъ возмущаться. Ядъ сочится, разлагаетъ простоту души, моральную впечатлительность и то чувство совѣсти, которое дастъ возможность людямъ отличать добро отъ зла.

Докторъ съ горя по Клотильдѣ заболѣваетъ склерозомъ и умираетъ. Она возвращается подъ старую кровлю и занимается воспитаніемъ ребенка. Ничто изъ того, что привилъ ея душѣ докторъ, не исчезло и не увяло. Наоборотъ, все это разрослось, расцвѣло. Онъ любилъ жизнь, Клотильда теперь тоже ее любитъ, совершенно съ ней примиряется не въ силу покорности судьбѣ, но оттого, что признаетъ ее,—*и чѣмъ болѣе* надъ ней размышляетъ, укачивая на колѣняхъ ребенка безъ имени, тѣмъ болѣе ее признаетъ. Этимъ кончается циклъ Ругонъ-Маккаровъ.

Но этотъ конецъ является новой неожиданностью. Вотъ предъ нами лежатъ девятнадцать томовъ, а въ нихъ, какъ говоритъ самъ Золя, «Tant de boue, tant de larmes... C'était a se demander si d' un coup de foudre, il n'aurait par mieux valu balayer cette fourmilière gâtée et misérable...» И правда! Кто прочитаетъ тѣ томы, тотъ не можетъ придти къ иному заключенію, какъ только къ тому, что жизнь есть отчаянный и слѣпой механическій процессъ, въ которомъ, къ большему несчастью

людей, приходится принимать участіе, такъ какъ избѣгнуть его невозможно. Тамъ гораздо болѣе болота, чѣмъ зеленой муравы, болѣе гнили, чѣмъ свѣжести, трупнаго зловонія, чѣмъ аромата цвѣтовъ, болѣе болѣзни, безумія и преступленія, чѣмъ здоровья и добродѣтели. Это геена не только страшная, но и отвратительная, и потому невольно является вопросъ: не лучше-ли было-бы, если бы молнія уничтожила бы «cette fourmilière gâtée et misérable?»

Иного заключенія быть не можетъ, иное было бы положительно безуміемъ, низверженіемъ законовъ разсудка и логики. А теперь, знаете-ли вы, какъ кончается циклъ этихъ романовъ? Кончается ни болѣе, ни менѣе, какъ гимномъ въ честь жизни.

Здѣсь уже опускаются руки. Напрасный трудъ выказывать опять, что авторъ доходитъ до чего-то прямо противоположнаго тому, что должно вытекать изъ его произведенія. Богъ съ нимъ! Пусть онъ, однако, не удивляется, что его оставляютъ даже ученики. Люди должны думать согласно законамъ логики, а такъ какъ они, кромѣ того, должны жить, то жаждутъ чего-нибудь бодрящаго, сильнаго. Учители, вродѣ Золя, даютъ имъ только разложеніе, хаосъ, отвращеніе къ жизни и отчаяніе. Ихъ раціонализмъ не можетъ представить ничего иного, онъ всегда представлялъ это въ до того сгущенныхъ краскахъ, что перешелъ мѣру. Въ настоящее время люди, жившіе въ этомъ чаду, нуждаются въ свѣжемъ воздухѣ, сомнѣвающіеся въ надеждѣ, терзаемые тревогой—хоть въ относительномъ спокойствіи, а потому они вполнѣ основательно поступаютъ, обращаясь туда, откуда истекаютъ надежда и спокойствіе, туда, гдѣ ихъ благословляютъ крестомъ и гдѣ имъ говорятъ, какъ Лазарю: «Tolle grabatum tuum et ambula.»

И этимъ объясняется послѣдняя эволюція, которой волны начинаютъ расходиться во всѣ стороны свѣта.

По моему мнѣнію, эта эволюція должна произойти въ поэзіи и романѣ. Такъ идти далѣе положительно невозможно! На безплодномъ полѣ выростаютъ только жалкія, негодныя растенія. Романъ долженъ укрѣплять жизнь, а не подрывать ея основъ, облагораживать ее, а не загрязнять, нести доброе «новое» слово, а не дурное. Для меня не важно, нравится-ли то, что я говорю, кому-нибудь, или не нравится, такъ какъ полагаю, что въ данномъ случаѣ сознаю и чувствую великую и настоятельную потребность души человѣческой, которая жаждетъ перемѣны.

Генрикъ Сенкевичъ

ПИСЬМА

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО АМЕРИКѢ

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Е. Л. Карловой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«С.-Петербургская Электропечатня», Вознесенскій пр., 53.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Мая 1902 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ жизни литераторовъ случается много вещей, такихъ же неожиданныхъ, какъ сама смерть, отъ которой мы просимъ Бога въ нашихъ молитвахъ избавить насъ или страхуемся въ страховыхъ обществахъ. Что касается меня, то, какъ истинное дитя вѣка, я не привыкъ удивляться чему бы то ни было, и если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что нѣкто:

«Былъ молодъ—и никогда не увлекался;

Былъ старъ,—не брюзжалъ и не ругался»,

то я только кивнулъ бы головою и попросилъ бы продолжать эту хорошую басню.

Но если бы этотъ «кто-нибудь» пришелъ ко мнѣ въ февралѣ и сказалъ, что въ концѣ марта я проѣду черезъ Германію, Францію и Англію, что весною переплыву бурный Атлантическій океанъ, а затѣмъ, какъ птица, пролечу неизмѣримыя пространства по желѣзной дорогѣ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и отряхну прахъ отъ ногъ своихъ у береговъ Тихаго океана, то я отвѣтилъ бы ему безъ колебанія:

— Другъ мой!— пиши лучше полемическія статьи для Соблоновской хроники,—я вижу, что твой умъ не отъ міра сего.

Дѣйствительно, я скорѣе повѣрилъ бы, что для меня устроятъ по подпискѣ обѣдъ, на которомъ l'abbé Вылизальскій скажетъ рѣчь въ мою честь; скорѣе повѣрилъ бы, что родился антихристъ, въ чемъ меня увѣряла одна изъ моихъ кузинъ на Волыни; наконецъ, повѣрилъ бы скорѣе, чему угодно, только не тому, что совершу путешествіе въ Америку.

Однако... Вотъ какъ это случилось.

Въ одно прекрасное утро я пришелъ въ редакцію и, взявъ одно изъ нашихъ изданій, началъ его читать. Это было въ то время, когда очеркъ мой о матеряхъ-христіанкахъ спискалъ мнѣ такую симпатію въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества, что меня произвели въ фельдмаршалы всѣхъ адскихъ силъ. Отовсюду мнѣ грозила опасность. Chevalier Зеленогловскій, который уже не разъ взывалъ «къ шпагѣ отцовъ своихъ» съ цѣлью наказать меня, чуть-чуть не убилъ меня на дуэли, но и то только потому, что не вызвалъ; графиня Пипи издавала всегда un petit cri, точно раненый голубь, какъ только ей приходилось встрѣчать мою фамилію въ какомъ-нибудь изъ варшавскихъ журналовъ; въ довершеніе всего каждое утро до меня доносился плачъ благочестивой Соблоновской хроники.

Ахъ! не собачка это «Милютекъ» пропала у хроники, не бусинка отъ четокъ; ни одинъ изъ ея дѣтей не заблудился въ лѣсу грѣховъ

«Еженедѣльнаго Обозрѣнія», а она все плакала, какъ нѣкая дѣвица, которая

„Слушать вовсе не желала,
Лишь отчаянно рыдала:
Мой зеленый жбанъ,
Вы разбили, панъ."

Не могу скрыть, что причиной этихъ слезъ былъ я, или, вѣрнѣе, мой злополучный очеркъ о матеряхъ-христіанкахъ. Это я разбилъ этотъ жбанъ, наполненный сладкимъ напиткомъ взаимнаго обожанія. Я не зналъ, что если матери-христіанки дѣлаютъ что-нибудь, то единственно ради спасенія души. Каюсь въ этомъ даже здѣсь, въ Америкѣ.

Поэтому неудивительно, что при такомъ положеніи вещей и въ томъ изданіи, которое я началъ читать въ упомянутое утро,—мнѣ попалась статья, которая была по отношенію ко мнѣ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ пресловутая коза по отношенію къ лозѣ. Авторъ самой большой (по числу страницъ) повѣсти польской взглянулъ съ птичьяго полета на общество и горько заплакалъ, потомъ сѣлъ въ свою пастырскую ладью и поплылъ по волнамъ собственныхъ слезъ къ общественному мнѣнію и, косясь однимъ глазомъ на Пруса, а другимъ на меня, восклицалъ, что конецъ міра уже близокъ, что апокалипсическія чудовища не только появились на свѣтъ, но и пишутъ различные очерки, и что онъ первый это предсказываетъ въ своемъ журналѣ, подписка на который въ Варшавѣ стоитъ столько-то, съ пересылкой въ провинцію столько-то, и такъ далѣе.

Я еще не настолько испорченъ, чтобы не сокрушаться о грѣхахъ своихъ; я проникся раскаяніемъ и началъ въ умѣ перечислять грѣхи свои и моего коллеги Пруса.

Перечень грѣховъ нашихъ былъ длиненъ, какъ «Баккалавры» Адама Плуга. Мы подстрекали людей устраивать пожарныя команды, школы, пріюты, музеи, ремесленныя кассы, зоологическіе сады, банки, канализацію, ассенизацію, хлѣбныя биржи; мы ни кому не давали покоя, разъѣзжали по различнымъ комитетамъ, требовали шоссейныхъ дорогъ, нападали на невинныя пограничныя спекуляціи съ водкой, какъ будто система свободной торговли не лучше таможенной; мы не давали ни минуты покоя членамъ различныхъ обществъ, точно не понимая, что не слѣдуетъ тратить тяжкимъ трудомъ нажитыя деньги на какія-то пустыя предпріятія. Однимъ словомъ, мы вывели изъ терпѣнія самыхъ миролюбивыхъ обывателей нашего края, обывателей, которые служатъ какъ бы тормазомъ, не дающимъ общественному возу свалиться въ пропасть,—и этотъ тормазъ настолько силенъ, что общественный возъ не только не разбился въ дребезги на неизвѣданныхъ путяхъ, но стоитъ на мѣстѣ, какъ будто въ честь и славу шоссейнаго комитета увязъ въ грязи на шоссѣ подъ Варшавой.

Я очень долго размышлялъ объ этомъ, и раскаяніе все болѣе и болѣе наполняло мое сердце, какъ вдругъ я услышалъ свою фамилію, произнесенную въ прихожей редакціи. Кто-то спрашивалъ у разсыльнаго, нельзя ли видѣться со мною.

«Господь Всемогущій!—подумалъ я,—навѣрно, это chevalier Зеле-

ногловскій «со шпагой отцовъ своихъ»—и меня объялъ страхъ передъ «шпагой отцовъ» кавалера Зеленогловскаго. «Что-то будетъ, что-то будетъ?» спрашивалъ я себя.

Въ это время дверь отворилась, и въ редакцію вошелъ какой-то джентльменъ, ростомъ около шести футовъ, съ великолѣпной, свѣтлой бородой.

— *Не съ господиномъ ли Литвосомъ имѣю честь говорить?*—спросилъ онъ меня густымъ басомъ, напоминающимъ львиное рычаніе.

— Чѣмъ могу вамъ служить?—спросилъ я съ привѣтливой поспѣшностью, дѣлая за спиной отчаянныя движенія руками, чтобы взять стоящую въ углу палку, которая, какъ на зло, упала на полъ.

— Это вы пишете «нынѣшнее время»?

«Свершилось!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

— То есть... собственно... Иногда, видите ли... репортеры доставляютъ мнѣ ложныя свѣдѣнія... Но съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я—Х. изъ Познани.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ, такъ какъ ничего не писалъ о Познани.

— Такъ вы изъ Познани?

— Да.

— Несказанно радъ этому.

— Вы, какъ я вижу, не очень то любите варшавянъ.

— Напротивъ, я ихъ люблю, но не пользуюсь взаимностью.

— Я пришелъ спросить, не поддерживаете ли вы сношеній съ Америкой?

— Не могу скрыть,—отвѣтилъ я, опустивъ глаза,—что наша газета насчитываетъ тамъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ...

— Даже столько?

— О, да! между прочими и президентъ Грантъ слѣдитъ за нашей политикой.

— Я не нуждаюсь въ такихъ высокихъ связяхъ. Послѣ завтра я уѣзжаю въ Соединенные Штаты и хотѣлъ бы получить рекомендательное письмо къ г. Орэну. Вы его знаете?

— О, превосходно! Уже три года.

Говоря по совѣсти, я читалъ всѣ письма Орэна, но самого его никогда въ жизни не видѣлъ.

— Такъ вы ужъ три года его знаете? Но, мнѣ кажется, что онъ уже года четыре живетъ въ Америкѣ?

— Я ошибся: я знаю его шесть лѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я просилъ бы васъ дать мнѣ къ нему письмо. Моя жена больна, и для ея здоровья необходимъ теплый климатъ, а тамъ, я слышалъ, тепло.

— Какъ гдѣ. Но, вѣдь, и въ Италіи тепло.

— Тепло, но дорого: между тѣмъ я слышалъ, что тамъ землю даютъ даромъ, только нужно остерегаться, чтобы не надули, потому что это хитрый народъ. Орэнъ, какъ мѣстный житель, поможетъ мнѣ и скажетъ, кому можно повѣрить, а кому—нѣтъ. Кромѣ того, мнѣ съ нимъ легче будетъ объясниться, такъ какъ по англійски... я не того...

— Хорошо. Мы дадимъ вамъ письмо къ Орэну.

— А вы сами на выставку не собирастесь?

— Я?—Погодите... я еще объ этомъ не подумалъ. Сейчасъ. Поѣду, не поѣду, поѣду, не поѣду... поѣду. Да, ѣду!

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ; вдвоемъ все-таки лучше.

— А который теперь часъ?

— Ровно двѣнадцать.

— Въ два часа я обѣдаю, слѣдовательно, у меня остается два часа на размышленіе. Приходите ко мнѣ обѣдать, тогда я вамъ дамъ положительный отвѣтъ.

— Хорошо. До свиданія.

— Честь имѣю кланяться. Супругѣ вашей мое почтеніе!

Я остался одинъ.

Уже пробилъ часъ на нашихъ охриплыхъ часахъ, а я сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и раздумывалъ—ѣхать, или не ѣхать, какъ Гамлетъ надъ своимъ: «Быть иль не быть». Но если не поѣду, что же я буду дѣлать? Буду писать по почамъ. Но, вѣдь, и въ Америкѣ я могу дѣлать то же самое. Тѣмъ болѣе, что докторъ мнѣ запретилъ заниматься ночью: но въ то время, когда у насъ ночь, въ Америкѣ бываетъ день; слѣдовательно, писать въ Америкѣ ночью, это все равно, что писать въ Европѣ днемъ,—значитъ, ѣхать въ Америку—все равно, что исполнить предписанія своего доктора. Далѣе, если я поѣду, то не буду корректировать собственныя произведенія или не буду ихъ читать, а это что-нибудь да значитъ.

Наконецъ, что мнѣ дѣлать въ Варшавѣ? Жениться? Ахъ!—я уже получилъ письмо, что «она» выходитъ замужъ. Притомъ тотъ «un petit cri» графини Пипи отнялъ у меня всякую надежду. Я, несчастный человѣкъ, уже достаточно долго добивался высокаго назначенія и званія супруга, и что же вышло? Мнѣ иногда подавали маленькую надежду, но дальше этого дѣло не шло. Нѣтъ, это не для меня, въ особенности послѣ этого проклятаго очерка, при одномъ воспоминаніи о которомъ всѣ благочестивыя матери-христіанки приходятъ въ такое негодованіе, какъ при воспоминаніи о змѣѣ, соблазнившемъ Еву сорвать яблоко и дать своему мужу.

Но, Боже мой! развѣ я когда-нибудь въ жизни училъ хоть одну Еву сорвать яблоко, а въ особенности давать его мужу? Однако, свершилось: «Свершившагося и Богъ не измѣнитъ»,—говоритъ Достыма. Свершилось. Не женюсь никогда.

Ergo,—что же мнѣ больше остается?

Состояніе?—но я его не наживу никогда. Долги?—я уже ихъ надѣлалъ. Это послѣднее воспоминаніе рѣшило мою участь. Будь, что будетъ! Ѣду въ Америку.

Во всякомъ случаѣ, я, вѣдь, не на вѣкъ уѣзжаю. Увижу моря, степи, города, новыхъ людей, краснокожихъ индѣйцевъ, стада дикихъ буйволовъ, медвѣдей, ягуаровъ, американскіе humbug, притомъ, можетъ быть, какая-нибудь свѣтлокудрая миссъ... Вопреки всеобщему мнѣнію, я всегда считалъ себя красивымъ.

Въ два часа я пошелъ обѣдать. Мой новый знакомый ждалъ уже меня.

— Ну, какъ же вы рѣшили?

— Я рѣшилъ пообѣдать.

— А потомъ?

— Потомъ отправиться къ домовладѣльцу за полученіемъ свидѣтельства, что препятствій къ моему отъѣзду не имѣется; затѣмъ выхлопотать паспортъ, представивъ удостовѣреніе, что всю жизнь я былъ самымъ миролюбивымъ разгильдяемъ, который платилъ бы регулярнѣйшимъ образомъ повинности, если бы обладалъ какою-нибудь недвижимостью, и который, кромѣ довольно таки шумныхъ стычекъ съ хозяиномъ, не имѣлъ стычекъ ни съ кѣмъ другимъ, хотя бы потому, что не женатъ.

— И вы надѣетесь скоро получить паспортъ?

— Сомнѣваюсь. Въ такомъ случаѣ подождите меня.

— Хорошо, только въ Бременѣ.

Послѣ этого разговора и въ тотъ же самый день я началъ хлопотать о паспортѣ. Человѣкъ, уѣзжающій въ Америку, считается у насъ рѣдкостью. Я заранѣе представлялъ себѣ, какъ, даже по возвращеніи моемъ, въ Луковскомъ уѣздѣ, съ которымъ меня соединяютъ личныя дѣла, будутъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи мѣсяца, считать меня какимъ-то уѣзднымъ Фердинандомъ Кортецъ. Мой покойный дѣдъ, упокой Господи его душу, одинъ только разъ былъ въ Пулавахъ и разъ въ Кенигсбергѣ, и это событіе служило ему матеріаломъ для разсказовъ на всю жизнь. Теперь прошли эти прекрасные дни въ Аранжуэцѣ; но Америка еще имѣетъ свою прелесть, поэтому въ различныхъ учрежденіяхъ смотрѣли на меня, какъ на интересный зоологическій экземпляръ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ задавали мнѣ вопросы, свидѣтельствующіе о томъ, что географія принадлежитъ у насъ къ самымъ распространеннымъ наукамъ.

— Скажите, пожалуйста, въ Америку нужно моремъ ѣхать?

— Кажется, моремъ; знаю, что желѣзная дорога еще не окончена.

Благодаря Америкѣ и особенному интересу, который эта страна возбуждаетъ въ нашихъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, я получилъ паспортъ довольно скоро. Оставалось визировать его у консула.

— Не нужно!—сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей.

Но я не оставилъ своего намѣренія. Неужели же я лишу консульство удовольствія визировать мой первый, а, можетъ быть, и послѣдній паспортъ? Неужели стану препятствовать выполненію единственнаго акта его канцелярской дѣятельности? Я зналъ, что за визу мнѣ придется платить, но зналъ тоже, что если бы я и отказался это сдѣлать, то консульство готово было бы мнѣ доплатить за рѣдкую практику, которую я ему предоставилъ.

Я отправился къ консулу, котораго, къ счастью, засталъ въ конторѣ.

— Моего секретаря нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—потрудитесь придти послѣ трехъ.

Я спряталъ паспортъ въ карманъ.

— Не могу,—отвѣтилъ я.—Я уѣзжаю въ два; придется обойтись безъ визированія.

Мой консулъ побѣлѣлъ.

Первая виза для консула все равно, что первое длинное платье для подростка, первый пушокъ на губахъ юноши, первая печатная статья для литературнаго эмбріона, первые эполеты для прапорщика, первый поцѣлуй и первое «люблю тебя!» для пансіонерки.

А тутъ возможность этой первой визировки была и вдругъ могла исчезнуть, можетъ быть, навсегда!

— Хорошо,—сказалъ мнѣ консулъ,—я не стану ждать секретаря,— чортъ съ нимъ! — дайте вашъ паспортъ, я самъ завизирую, лишь бы скорѣй.

Я далъ паспортъ.

Консулъ вытащилъ изъ конторки громадный ящикъ, съ такимъ количествомъ печатей, штемпелей, оплатокъ, сургучей, что всего этого хватило бы на визированіе паспортовъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

Но каждый дебютъ имѣетъ свои хорошія стороны, и наоборотъ. Когда два мальчика играютъ въ лошадки, то случается, что лошади приходится учить неопытнаго кучера. Послѣ нѣкотораго молчанія, консулъ почесалъ затылокъ и спросилъ:

— Вамъ нужна простая визировка?

— Да, лишь бы хорошаго качества.

— Гм!.. Черти!.. надавали столько печатей...

— Да налѣпите первую попавшуюся.

— Но, гдѣ? Вѣроятно, на концѣ паспорта?

— Лучше всего придерживаться середины. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть только двѣ партіи: демократическая и республиканская, а третьей нѣтъ, потому и плохо.

— Да, да!

— А вы къ какой партіи принадлежите?—спросилъ я внезапно.

— Я?.. То есть... какъ она называется?.. у меня гдѣ-то записано, но на память...

— А что, виза окончена?

— Сейчасъ, сейчасъ. Дьяв... надавали столько этихъ печатей. А, знаете, что? Приложимъ самую большую, это не помѣшаетъ.

— Приложите.

Консулъ вытащилъ изъ ящика что-то въ родѣ тарана, которыми забиваютъ сваи на Вислѣ.

— Да, вѣдь, этимъ можно было бы и простыню завизировать,— сказалъ я.

— Это ничего... О, Боже, какая она тяжелая!

— Можетъ быть, вамъ помочь? Разъ, два, три... гопъ, трахъ!

Раздался глухой трескъ стола подъ тяжестью печати. Казалось, точно мой паспортъ воскликнулъ: «О, Господи!» Я положилъ его въ карманъ и вышелъ.

Было двѣнадцать часовъ, а въ половинѣ третьяго мнѣ нужно было уѣзжать, но передъ тѣмъ я долженъ былъ идти на прощальный обѣдъ, который на вдовьи гроши давала мнѣ литературная братія. Сознаюсь, я боялся этого обѣда, боялся, какъ бы добрыя товарищескія сердца не вздумали канонизировать меня въ великаго человѣка и произносить рѣ-

чи, въ родѣ той, которую я разъ слышалъ на обѣдѣ въ честь одного литератора, прибывшаго изъ Познани, начало которой привожу:

— Господа! не подумайте, чтобы я здѣсь въ кругу своихъ товарищей сталъ говорить о Платонѣ или Гераклитѣ. Я не упомяну также и о Навуходоносорѣ, но... Что я такое хотѣлъ сказать? (браво!) но съ тѣхъ поръ, какъ вѣка покрылись плѣсенью вѣковъ... (голосъ съ правой стороны: «Ужъ вы говорили о вѣкахъ!») ораторъ: я вамъ не мѣшаю, когда вы говорите! О чемъ же я говорилъ? Да, о плѣсени вѣковъ!.. Когда ужъ Платонъ сказалъ... что... именно... то, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, что поднимаю бокалъ за здоровье Платона, нѣтъ, я хотѣлъ сказать, нашего коллеги Теодора, который... господа! который... господа! Я собственно хотѣлъ выразить... (браво, браво!).

Ясно, что если бы я былъ Теодоромъ, мой умъ, испуганный собственнымъ величіемъ, не въ состояніи былъ бы отвѣтить такой же блестящей рѣчью, чѣмъ я доказалъ бы своимъ коллегамъ, что я болѣе плохой ораторъ, чѣмъ литераторъ. Къ счастію, на упомянутомъ обѣдѣ было больше винъ, чѣмъ рѣчей, вслѣдствіе чего, когда я ѣхалъ послѣ обѣда на вокзалъ, весь міръ показался мнѣ чуднымъ явленіемъ, Варшава—самымъ опрятнымъ городомъ въ свѣтѣ, женщины—созданіями неописанной красоты, мостовыя—удивительно покойными, и, если бы не маленькое приключеніе съ моей дорожной сумкою, висящею черезъ плечо, то я эти минуты счелъ бы пріятнѣйшими въ моей жизни.

Но приключеніе съ моей сумкою нѣсколько испортило мое радужное расположеніе духа. Я зналъ, что она виситъ на мнѣ, и что я ея не потерялъ; но когда я хотѣлъ достать изъ нея деньги и наклонился въ лѣвую сторону, моя сумка ушла въ правую,—когда я—въ правую, она—въ лѣвую. Гоняться за кѣмъ-нибудь на собственныхъ плечахъ—физически невозможно, въ виду этого я опустилъ руки и подумалъ:

«Свершилось! не поѣду въ Америку». Къ счастію, добрые люди помогли мнѣ выйти изъ этого затруднительнаго положенія.

Наконецъ, я сѣлъ въ вагонъ; локомотивъ свистнулъ, и вскорѣ сквозь мглу и дымъ я видѣлъ только дорогія лица, слѣдящія за мною взглядомъ, и руки, помахивающія платками.

Погода была прекрасная; хотя стоялъ еще февраль, но въ воздухѣ уже чувствовалось дыханіе весны. Скоро въ вагонахъ сдѣлалось такъ жарко, что невозможно было сидѣть.

Наши вагоны, какъ извѣстно, отапливаются снизу, подъ сидѣньями, вслѣдствіе чего я иногда казался себѣ чайникомъ, стоящимъ на самоварѣ.

— Что, тепло?—спросилъ меня кругленькій старичекъ, единственный мой товарищъ по вагону, который не былъ въ состояніи выносить такую высокую температуру, а потому постоянно подпрыгивалъ на диванѣ.

— Ахъ, тепло!

— Вѣрно у меня разболится голова.

— Голова? Это ужъ развѣ par osprit de contradiction, — отвѣтилъ я.

Въ Александровѣ насъ застала ночь, которая вскорѣ стала такъ

темна, какъ учрежденіе г. Лойко въ Варшавѣ, или какъ стиль одного изъ моихъ пріятелей, котораго имени я не назову, потому что не люблю никого хвалить въ глаза. Товарищъ мой заснулъ и храпѣлъ, какъ надутая гуттаперчевая подушка, когда изъ нея выпускаютъ воздухъ. Я уснулъ тоже, мечтая о Варшавѣ и о тѣхъ, которыхъ я въ ней оставилъ, и уснулъ такъ хорошо, что проснулся только въ Торнѣ, гдѣ ревизуютъ вещи.

— У васъ пара новыхъ сапогъ, — сказалъ мнѣ прусскій таможенный чиновникъ.

— Что-жъ, вы хотѣли бы, чтобы у насъ всѣ ходили въ дырявыхъ?— отвѣтилъ я.

Нѣмецъ призадумался. Можетъ быть, онъ подумалъ, что «придетъ когда-нибудь и такое время», и заперъ мой чемоданъ.

Я вернулся въ вагонъ и, уснувъ, спалъ до утра, то есть до прибытія въ Берлинъ.

Только что разсвѣтало. На улицахъ было пусто. Кое-гдѣ виднѣлись телѣжки, везомыя собаками, которыя, несмотря на то, что на каждомъ шагу спотыкались, не пропускали случая погрызться между собою. Знакомый уже мнѣ, громадный, еще не проснувшійся городъ мелькалъ передъ моими глазами въ разнообразномъ освѣщеніи утренней зари. Я проѣхалъ съ восточнаго вокзала на Lehrter Bahn. Оставалось почти два часа до отхода поѣзда; я вышелъ на станціонный дворъ и началъ оглядываться на всѣ стороны. Издали виднѣлись проходящіе кое-гдѣ небольшіе отряды солдатъ въ каскахъ съ золочеными остріями, спокойныхъ и суровыхъ, какъ древніе римскіе легіонеры; когда глядишь на ихъ мѣрные, однообразные шаги, на механическія движенія рукъ и ногъ, ихъ можно принять за безсмысленныя машины, заведенныя однимъ ключемъ. И дѣйствительно, это машины, для которыхъ единственнымъ ключемъ служитъ высшая воля, неразгаданная, грозная, мрачная, скрывающая въ складкахъ своей тоги войну и разрушеніе.

Направо блестѣла въ лучахъ восходящаго солнца статуя «Побѣды», тяжелая, неуклюжая, тривіальная, похожая на ворону, случайно сѣвшую на столбъ въ Берлинѣ и готовящуюся къ отлету.

Улетитъ ли она и куда?

Два часа прошли незамѣтно. Я опять сѣлъ въ вагонъ. Мой путь лежалъ не въ Бременъ, а въ Кельнъ. Я осмотрѣлся въ вагонѣ: ни одной красивой женщины,—сидѣло только нѣсколько нѣмцевъ съ лицами болѣе или менѣе глупыми, раздутыми отъ пива, и еще какой-то иностранецъ.

Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, не доѣзжаетъ до самаго Кельна, но останавливается въ Дейцѣ, по правую сторону Рейна. Мы пріѣхали въ десять часовъ вечера. Я чувствовалъ себя нѣсколько утомленнымъ, а потому отправился въ гостиницу «Бельвю» и попросилъ отвести мнѣ номеръ. Кельнеръ повелъ меня во второй этажъ и указалъ мнѣ комнату, въ которой я долженъ былъ провести ночь. Пока онъ собирался зажечь свѣчу, я подошелъ къ окну и поднялъ штору, чтобы посмотрѣть на Кельнъ, лежащій на противоположномъ берегу.

Взглянувъ, я приказалъ кельнеру не зажигать свѣчи и оставить меня одного.

Чудный видъ! Ночь была тихая, прекрасная. Луна свѣтила такъ ярко, что при ея яркомъ серебристомъ свѣтѣ можно было читать. У моихъ ногъ струился Рейнъ. Лунный свѣтъ отражался въ его прозрачной глубинѣ на противоположномъ берегу. Ближе маленькій пароходъ сыпалъ цѣлый дождь золотыхъ искръ. Весь Кельнъ былъ виденъ, какъ на ладони: освѣщенныя группы домовъ, темные силуэты трубъ, а надъ всѣмъ этимъ величественный каѳедральный соборъ, возвышающійся надъ цѣлымъ городомъ не только своими башнями, но и сводами, высокій, спокойный, торжественный и молчаливый.

Самыя большія зданія казались въ сравненіи съ нимъ мазанками, прячущимися подъ крылья могущественной матери. Луна освѣщала изящную вязь этой истинно готической архитектуры; тѣни смѣшивались со свѣтомъ на выступахъ и башенкахъ. Во всемъ этомъ было что-то мистическое, что пронизываетъ душу таинственной дрожью и окрыляетъ воображеніе. Какъ бы ни было заглушено въ насъ религіозное чувство, всосанное съ молокомъ матери, шумной погоней за жизнью, душа человѣка, при видѣ этой громады, облитой лунным свѣтомъ, снова отыскиваетъ его въ глубинѣ своей, какъ растерянный жемчугъ. Это—не то тихое и нѣжное трепетаніе сердца, подобно ангельскимъ голосамъ пробуждающее воспоминанія дѣтства, какое испытывается въ нашихъ деревенскихъ костелахъ во время вечерни, когда сѣдой ксендзъ читаетъ молитвы, крестьяне отвѣчаютъ ему хоромъ, ласточки чирикаютъ подъ деревянными сводами, а кладбищенская береза, колеблемая вѣтромъ, шелеститъ у окна... Въ этомъ величественномъ зданіи съ нагроможденными сводами чувствуешь себя не измученнымъ блуднымъ сыномъ, вернувшимся къ отцу, но ничтожествомъ, исчезающимъ передъ божественнымъ величіемъ. Невольно приходитъ на умъ, что здѣсь не мѣсто другой молитвѣ, кромѣ пѣсни: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный»... Костелъ стоитъ пѣсни, а пѣснь костела. Средніе вѣка съ ихъ мрачною вѣрою, ряды рыцарей, закованныхъ въ сталь, этихъ грозныхъ хищниковъ съ надрейнскихъ горъ, невольно возстаютъ передъ глазами. Слышится, какъ епископъ во всемъ своемъ величіи провозглашаетъ gloriam Dei, а гордыя желѣзныя головы тѣхъ самыхъ Арнсбергов, которые теперь спятъ каменнымъ сномъ подъ костельными плитами, преклоняются передъ единымъ словомъ, какъ пива предъ вѣтромъ. Теперь все это мипуло, но погруженный въ думы путникъ, глядя на молчаливые памятники тѣхъ временъ, невольно спрашиваетъ себя: «Неужели все то, что взростило цѣлые народы, создало всю цивилизацію, что было источникомъ и осью всей жизни,—неужели это, въ дѣйствительности, ничто иное, какъ только преданіе, вторая грустная стадія иллюзіи, какъ говоритъ Гартманъ, стадія, которая миновала для того, чтобы уступить мѣсто третьей.

Не знаю, не подъ вліяніемъ ли такихъ же мыслей кто-то сказалъ, что если бы въ дѣйствительности Бога не существовало, то нужно было бы Его выдумать для пользы человѣчества.

Прошелъ часъ въ подобныхъ размышленіяхъ. Вечеръ становился все болѣе поэтическимъ. Пароходъ причалилъ къ берегу подъ окнами моей гостиницы. Въ маленькомъ Дейцѣ было тихо, такъ какъ городъ

уже спалъ. Только рулевой, сидящій на носу парохода, пѣлъ довольно пріятнымъ голосомъ: «Wacht am Rhein», а со стороны Кельна раздавался свистъ локомотива. По временамъ легкій вѣтерокъ доносилъ слабые отголоски городского шума. Мнѣ не хотѣлось отрываться отъ окна; вдругъ дверь отворилась, и кто-то вошелъ въ мою комнату.

Это былъ мой спутникъ.

— Добрый вечеръ!

— И добрый, и прекрасный!

— Я зашелъ спросить, не хотите ли вы прогуляться по городу?

— Нѣтъ, благодарю. Я ожидаю одного субъекта, съ которымъ, можетъ быть, еще сегодня поѣду далѣе. Наконецъ, мнѣ здѣсь такъ хорошо у окна.

— А, вы смотрите на соборъ!

Съ этими словами товарищъ мой подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ сторону города. Мнѣ казалось, что я читаю его мысли; вдругъ онъ покачалъ головою и сказалъ:

— Знаете, что?

— Что?—спросилъ я, желая узнать его впечатлѣнія.

— Не выпить ли намъ коньяку? Вечеръ холодный.

Мнѣ невольно вспомнились слова нашего учителя латинскаго языка по поводу того, что мы, не смотря на всѣ его наставленія, предпочитали лучше угощать другъ друга щелчками, чѣмъ восторгаться красотами Горація:

«Для чего нужна музыка осламъ на конюшнѣ»...

Въ свою очередь, такой трезвый, хотя и имѣющій связь съ коньякомъ взглядъ обуздалъ мою разыгравшуюся фантазію.

— Благодарю за коньякъ,—отвѣтилъ я,—и нахожу, что вы здраво смотрите на вещи, съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— А что же это?—отвѣтилъ онъ, указывая на облитый лунньмъ свѣтомъ соборъ.—Мертвый капиталъ и больше ничего

— Имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать вамъ покойной ночи!

Я опять остался одинъ, но черезъ минуту вошелъ тотъ джентльменъ со свѣтлою бородою, съ которымъ я долженъ былъ съѣхаться въ Бременѣ.

Признаюсь, я былъ немного утомленъ, проѣхавъ безъ отдыха отъ Варшавы до Кельна, и имѣлъ сильное желаніе переночевать въ Дейцѣ. Я уже собирался было заявить объ этомъ моему джентльмену, но онъ, видимо, догадался, въ чемъ дѣло, и иронически замѣтилъ:

— Вы, кажется, ни рукой, ни ногой не въ состояніи пошевельнуть. Вотъ каково нынѣшнее поколѣніе! А я готовъ ѣхать дальше.

Во мнѣ заговорило задѣтое самолюбіе.

— А до какого города вы хотѣли бы доѣхать?

— Ну, хотя бы до Брюсселя.

— А я ѣду прямо въ Лондонъ.

Признаюсь, что, говоря это, я въ душѣ надѣялся, что мой джентльменъ не согласится на мое предложеніе. Я думалъ, что поражу его, что

онъ начнетъ мнѣ толковать, что это слишкомъ далеко и будетъ очень утомительно; но ужасный человѣкъ только улыбнулся и сказалъ:

— Отлично. Итакъ, ѣдемъ въ Лондонъ.

Нечего было дѣлать. Я приказалъ собрать свои сундуки, и мы отправились на центральный вокзалъ въ Кельнъ. Была уже полночь; мнѣ страшно хотѣлось спать, но движеніе, царящее на вокзалѣ, отрезвило меня. Люблю это движеніе и шумъ большихъ вокзаловъ. Залы сіяли огнями, столы были накрыты. Съ дебаркадера доносился свистъ локомотива, смѣшанный съ отголоскомъ звонковъ и криками кондукторовъ. Люди бѣгали во всѣ стороны, таща сундуки, чемоданы, узелки. Путешественники звали гарсоновъ на всѣхъ языкахъ. Сидящій рядомъ съ нами какой-то англичанинъ, съ вытянутымъ лицомъ и вытянутыми ногами, тщательно изслѣдовалъ пальцами внутренность своего носа, причемъ смотрѣлъ на людей такъ, какъ будто они всѣ собрались здѣсь исключительно для того, чтобы дать ему возможность наблюдать за ними.

Мы приказали подать себѣ ужинъ. Я замѣтилъ тогда въ первый разъ, что наши лакированные сапоги, мѣховыя пальто и бараньи шапки начинаютъ доставлять намъ популярность. Маленькія группы людей поглядывали на насъ съ любопытствомъ. Насъ, очевидно, принимали за герцеговинскихъ пословъ, высланныхъ на помощь противъ турокъ. Вѣроятно, вслѣдствіе сочувствія къ несчастнымъ турецкимъ мученикамъ, насъ заставили заплатить за все вдвое больше, чѣмъ слѣдовало.

Наконецъ, мы сѣли въ вагонъ. Вскорѣ какой-то французъ, ѣдущій съ нами до Брюсселя, началъ разспрашивать о нашей національности.

— Мы—*поляки*,—отвѣтилъ я.

Здѣсь извѣстное всѣмъ французское знаніе географіи проявилось во всемъ своемъ блескѣ.

— Ахъ, вы, значитъ, живете близко отъ театра войны!—сказалъ онъ.

— Какой войны?

— Какъ это называется?.. Герцеговины и Турціи.

— О, да, очень близко, какъ разъ за стѣною. Когда у нихъ дерутся, то у насъ слышны выстрѣлы.

— Tiens!

Потомъ мы погрузились въ океанъ великой политики и ушли такъ далеко, что уже никоимъ образомъ не могли добраться до берега, а черезъ полчаса совершенно измѣнили карту Европы. Нашъ французъ до того разграничилъ Пруссію, что мы принуждены были вступиться за бѣдныхъ нѣмцевъ, чтобы онъ имъ хоть Берлинъ оставилъ.

— Non, messieurs, non! — отвѣчалъ онъ, не уступая нашимъ просьбамъ.

Завоевавъ Берлинъ, взявъ въ плѣнъ Бисмарка и приговоривъ его къ пожизненному заключенію на островѣ Олеронъ, утомленный столькими военными подвигами, французъ свернулся въ клубокъ или, какъ говоритъ Прусъ, сложился, какъ перочинный ножикъ о двухъ остріяхъ, и уснулъ, а мы послѣдовали его примѣру.

Мой товарищъ, очевидно, открылъ новый способъ снисканія популярности, т.-е. онъ началъ храпѣть по мазовецки, такъ что всѣ проснулись и съ испугомъ спрашивали другъ друга: что случилось?

— Mon Dieu! qu'est-ce que ça veut dire?—спрашивалъ французъ, вытаращивъ глаза.

— Это ничего,—отвѣчалъ я спокойно.—On dort chez nous comme cela.

Между тѣмъ мой товарищъ, съ открытымъ ртомъ и головой, лежащей ниже ногъ, свистѣлъ, рычалъ, сопѣлъ, ржалъ,—однимъ словомъ, издавалъ такіе нечеловѣческіе, такіе неестественные, фантастическіе звуки, что даже меня, не разъ уже слышавшаго, какъ храпитъ наша шляхта, начало разбирать удивленіе.

Вскорѣ я замѣтилъ, что нашъ вагонъ все пустѣетъ и пустѣетъ. На каждой станціи кто нибудь забиралъ свои пожитки и уходилъ въ другое отдѣленіе. На бельгійской границѣ насъ осталось только двое. Поѣздъ остановился. Въ вагонъ вошелъ уже не ворчливый прусскій кондукторъ, но бельгіецъ въ черномъ кепи и попросилъ насъ, на французскомъ языкѣ, отправиться для ревизіи вещей.

— Что такое?—спросилъ, проснувшись, мой товарищъ, поводя во всѣ стороны глазами.

— Бельгійская граница, таможня.

— Кажется, я немножко вздремнулъ.

— Чуть-чуть!

— Гдѣ же остальные пассажиры?

Я положилъ ему руку на плечо.

— Galileo, vicisti! ни одинъ не устоялъ,—всѣ бѣжали.

Ревизія заняла у насъ немного времени. Мы поужинали, выпили по полбутылки вина и двинулись дальше. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы приближались къ Брюсселю. Прекрасный городъ, послѣ Парижа лучшій изъ всѣхъ, какіе я когда либо видѣлъ, окруженный возвышенностями, покрытыми лѣсомъ и прерываемыми кое-гдѣ чудными долинами. Онъ стряхивалъ съ себя бѣлесоватый ночной туманъ и выглядывалъ изъ мглы, купаясь въ розовомъ свѣтѣ и точно улыбаясь послѣ спокойной ночи и хорошаго сна. Наконецъ, поѣздъ остановился. У насъ опять было три часа времени. Я вышелъ въ городъ, чтобы возобновить воспоминанія. Прошло два года послѣ того, какъ я послѣдній разъ былъ въ Остендѣ.

На улицахъ уже началось движеніе. Фламандки, сидящія на маленькихъ телѣжкахъ, везли въ городъ молочные продукты, и ихъ спокойныя симпатичныя лица, казалось, улыбались мнѣ. Въ домахъ, однако, было еще тихо, шторы на окнахъ были спущены, золоченные карнизы нѣжно блестѣли въ утреннемъ освѣщеніи. Все было тихо, опрятно, гармонично, спокойно, счастливо и поэтично. Отъ каждой стѣны, отъ каждаго угла вѣяло какой-то торжественной традиціею старины. Кажется, что это какой-то зловѣщій сонъ, который чародѣйской силой нѣкогда былъ заключенъ въ эти камни и смотритъ теперь на тебя сѣрыми стѣнами Св. Гудылы, каменными глазами памятника Эгмонта и башнями временъ папскаго владычества. И это, дѣйствительно, только сонъ. Времена Альбы прошли и никогда не возвратятся. Топоръ никогда уже не ударится глухо о плаху, никогда не услышишь, какъ шипитъ пламя костровъ, или гремятъ военные возгласы; только слышатся отголоски труда и спокойствія, ибо эта благословенная пора наступила здѣсь уже давно.

Иногда въ ясный, лѣтній вечеръ въ спокойныхъ фламандскихъ де-

ревушкахъ бываетъ такая тишина, что ни одинъ листъ не шелохнется на деревѣ; тогда старики обнажаютъ свои посѣдѣвшія головы и говорятъ: «это Христосъ ходитъ по деревнѣ». И во всей Бельгіи такъ тихо, спокойно и счастливо, что можно было бы сказать: «Христосъ ходитъ по всему краю». Безъ преувеличенія, — это самая счастливая страна на свѣтѣ.

По крайней мѣрѣ, до настоящаго времени; но кто можетъ поручиться, что такъ будетъ долго? Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ сюда придутъ съ береговъ Рейна войны въ остроконечныхъ каскахъ, и до сихъ поръ никѣмъ не безпокоемые жители услышатъ ржаніе коней Аттиллы; грохотъ пушекъ по ночамъ изгонитъ соловьевъ изъ деревень; кончатся прогулки Христа, и вмѣсто нынѣшней пѣсни, сопровождающей работу, загремитъ иная, которая возмутила спокойствіе такого же счастливаго Эльзаса: «Was ist des Deutschen Vaterland?»

Три часа пролетѣли въ подобныхъ размышленіяхъ, говоря словами Скарги, «какъ стрѣла, или какъ птица въ воздухѣ». Пора уже было возвратиться на поѣздъ, но я не могъ воспротивиться желанію отыскать то мѣсто подъ стѣнами собора, гдѣ, какъ говоритъ Уйдъ въ своей прелестной повѣсти «Два башмачка», маленькая Бебе продавала свои махровыя розы; послѣ чего въ немного грустномъ и мечтательномъ настроеніи вернулся на вокзалъ. Товарищъ мой уже стоялъ на платформѣ и усердно запихивалъ въ ротъ огромный мясной пирогъ, который, благодаря своему размѣру, никоимъ образомъ не хотѣлъ влѣзать.

Мы вошли въ вагонъ; вслѣдъ за нами вскочилъ, минуя ступени, какой-то джентльменъ необыкновенной толщины, представляющей удивительный контрастъ съ его быстрыми движеніями.

— Я очень легокъ, не правда-ли?—обратился онъ ко мнѣ, прищуривая одинъ глазъ, какъ будто мы лѣтъ десять были знакомы.

— Какъ англійская коляска,—отвѣтилъ я.

— Почему же это, какъ коляска?—спросилъ онъ, немного обидѣвшись.

— Вы такъ легки и помѣстительны.

— О, превосходно, превосходно!—отвѣтилъ онъ, поглядывая съ неописанной симпатіей на свое выдающееся брюшко.

— Я—учитель танцевъ, за двѣнадцать уроковъ беру 40 франковъ; самыя красивыя дѣвушки Лилля учатся у меня: уроки совмѣстные. Вы ѣдете въ Лилль? Вотъ моя карточка: M-r Dunois. По четвергамъ и субботамъ, отъ шести до семи. У васъ, вѣроятно, это время не занято?

Товарищъ мой отвѣтилъ, что мы съ удовольствіемъ воспользовались бы его любезностью, если бы не ѣхали въ Америку, но что на обратномъ пути мы нарочно остановимся въ Лиллѣ, чтобы взять у него нѣсколько уроковъ. M-r Дюнуа прибавилъ, что онъ не только учитъ танцовать кадриль, но и вести съ дамами пріятный разговоръ во время этого танца. Въ такомъ пріятномъ обществѣ мы двинулись въ путь.

Ближе къ французской границѣ поѣздъ идетъ по ровной мѣстности, не отличающейся живописными видами, но обработанной, какъ садъ. Уѣзжая съ родины, мы оставили снѣгъ на поляхъ, а здѣсь всюду уже царила весна. На лугахъ зеленѣла трава, а на поляхъ—всякаго рода

хлѣба. Группы деревьевъ, стоящія на равнинахъ, или ряды деревьевъ, тянущіеся вдоль рвовъ, дорогъ и каналовъ, выпускали зеленыя почки. Рѣки были въ полномъ разливѣ, какъ обыкновенно весною; въ оврагахъ съ шумомъ бѣжала вода, воздухъ былъ чистъ, но пропитанъ весенней влагою, солнце черезъ стекла вагоновъ грѣло такъ сильно, что мы принуждены были снять шубы.

Если бы не таможня, не осмотръ вещей и не продолжительная остановка поѣзда, никто бы не догадался, что мы переѣзжаемъ изъ Бельгіи во Францію. Окрестности ни въ чемъ не отличаются. Такъ же обработанныя, какъ садъ, поля, тѣ же крестьянскія избы, крытыя черепицею, гонтомъ, или даже соломою, та же самая Фландрія, тѣ же люди, тѣ же честныя фламандскія лица и голубыя блузы, однимъ словомъ, все то же самое. Когда поѣздъ тронулся, я обернулся, чтобы послать послѣднее прости Бельгіи, этой странѣ, къ которой невозможно не питать симпатію, при воспоминаніи о которой невольно мнѣ приходятъ на умъ слова Скарги: «Посѣвъ былъ печаленъ, но жатва радостна: несчастіе пролетѣло, какъ стрѣла, или птица въ воздухѣ, а радость не исчерпывается, какъ море».

Пикардія, черезъ которую мы пронеслись точно на крыльяхъ вѣтра, страна богатая, урожайная, по преимуществу фабричная. Глядя на порядокъ и благосостояніе, никто бы не подумалъ, что только шесть лѣтъ тому назадъ здѣсь шатались шайки прусскихъ солдатъ и бѣжавшихъ въ Бельгію французскихъ мародеровъ.

Въ Кале мы прибыли около двѣнадцати часовъ утра. Это довольно грязный и бѣдный городъ, какъ и большинство портовыхъ городовъ. Когда то онъ игралъ значительную роль во франко-англійскихъ войнахъ. Если бы вынули мое сердце и вскрыли его,—сказала, умирая, Мурія Тюдоръ,—въ немъ бы нашли написаннымъ слово: «Кале»! Теперь тамъ, кажется, крѣпость. Мы видѣли французскихъ солдатъ въ сѣровато-голубыхъ шинеляхъ, красныхъ шапкахъ и красныхъ (простите за нескромность, чистыя души нашихъ аристократическихъ дамъ) брюкахъ. Глядя на эти маленькія фигурки, напоминающія настоящихъ пигмеевъ, сгорбленныя, грязныя, съ трудомъ двигающія свои шассно, легко было понять, почему онѣ не могли дать отпоръ рослымъ и сильнымъ брандербуржцамъ, и почему познанскіе полки, бросившись въ штыки подъ Гравелотомъ на невзятыя еще французскія позиціи, не застали уже тамъ непріятеля, котораго они хотѣли поголовно уничтожить въ атакѣ. Непріятно смотрѣть на этихъ солдатъ, въ особенности намъ, имѣющимъ такое расположеніе къ этому въ высшей степени симпатичному народу.

Въ Кале вокзалъ кишѣлъ путешественниками, ѣдущими въ Англію. Мы познакомились съ однимъ комми-вояжеромъ, который, по его словамъ, переплылъ каналъ большее количество разъ, нежели всѣ, здѣсь присутствующіе, имѣли волосъ на головѣ. Мы спросили его, надѣется ли онъ на хорошую погоду.

— Каналъ весною выпиваетъ слишкомъ много джину и потому боксируетъ всякаго, ѣдущаго по немъ,—отвѣчалъ этотъ джентльменъ, засунувъ руки въ карманы.

— Но погода все-таки прекрасная,—сказалъ я, желая добиться отъ него болѣе благопріятныхъ свѣдѣній.

— Да, но волны коротки.

— Волны коротки? — спросилъ я такимъ тономъ, точно я былъ отлично знакомъ съ короткими волнами, между тѣмъ какъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

— Да,—отвѣтилъ комми-вояжеръ, разсматривая концы своихъ сапогъ и насвистывая арію изъ «Балъ-маскарада».

«Ахъ! скажи, что меня ждутъ доброжелательныя волны!»

Другой джентльменъ, который, прислушиваясь къ нашему разговору, то всовывалъ, то вынималъ изо рта набалдашникъ своей палки, какъ-бы для того, чтобы убѣдиться, что ротъ его обладаетъ достаточными размѣрами, необходимыми въ морскихъ путешествіяхъ, обратился ко мнѣ и сказалъ догматическимъ тономъ:

— Нужно выпить бутылку портвейну и съѣсть какъ можно больше сушеныхъ сливъ.

— Гарсонъ!—крикнулъ я,—бутылку портвейну и побольше сушеныхъ сливъ!

Но прежде чѣмъ мы успѣли съѣсть и выпить все, что намъ было подано, въ залѣ поднялся страшный шумъ и суматоха. Одни хватали свои чемоданы, другіе выливали изъ чашекъ горячій бульонъ на блюдечки и пили его, вытаращивъ глаза; иные, наконецъ, глотали горячее мясо такими громадными кусками, которые были-бы впору самому жадному волку; одна дама вдругъ поблѣднѣла и, оглядываясь вокругъ глуповатымъ взоромъ, точно ища спасенія, повторяла: «О, Боже, Боже!» Какой-то господинъ, зацѣпившись за свой чемоданъ, растянулся на порогѣ. Наконецъ, мы вышли на свѣжій воздухъ. Пароходъ, который долженъ былъ насъ отвезти въ Дувръ, стоялъ у пристани и пронзительно свистѣлъ, какъ-бы желая нагнать больше страха на путешественниковъ; вѣтеръ дулъ, какъ-бы исполняя свою обязанность; носильщики кричали и проклинали, сами не зная для чего; море рычало, точно ему за это платили; однимъ словомъ,—все это, вмѣстѣ взятое, могло въ концѣ огорошить несчастныхъ пассажировъ, и безъ того непонимающихъ, что съ ними дѣлается, а въ особенности, что съ ними будетъ черезъ полчаса.

Наконецъ, мы взошли по отлогимъ сходнямъ на палубу. Паръ свистѣлъ, колеса начали вращаться и пѣнить воду, но судно не двигалось. Я воспользовался этой минутой, чтобы посмотрѣть на синѣющую даль, гдѣ, насколько глазомъ можно было окинуть, тянулась волнующаяся морская глубина. Черезъ минуту мое вниманіе привлекъ какой-то субъектъ, одѣтый въ гуттаперчевый плащъ. Субъектъ этотъ, засунувъ въ ротъ огромный свертокъ табаку и надѣвъ на голову капюшонъ, влѣзъ по лѣстницѣ на высокій мостикъ съ полотнянымъ навѣсомъ, находящійся на носу парохода.

— Кто это?—спросилъ я комми-вояжера.

— Капитанъ. Вышелъ на верхъ и одѣлся въ свой плащъ. Гм... Дурной признакъ,—будетъ буря.

— Чортъ васъ поб...—я хотѣлъ сказать—благодарю васъ.

Но это еще не былъ единственный дурной признакъ. Вскорѣ я за-

мѣтилъ другой, еще худшій: изъ подъ палубы появился матросъ, неся въ обѣихъ рукахъ фаянсовыя чашки, которыя началъ разставлять по палубѣ.

— О, Нептунъ!—подумалъ я. — Я куплю тебѣ десять обѣдовъ, позволь мнѣ только сохранить мой.

Вдругъ я почувствовалъ, что судно закачалось, берегъ началъ постепенно удаляться, и мы двинулись въ путь.

Что потомъ было, объ этомъ я скажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я видѣлъ на океанѣ такія же сцены, только возведенныя въ квадратъ, а потому рѣчь о нихъ впереди.

I.

Черезъ полтора часа по выѣздѣ изъ Кале кончаются, наконецъ, настоящія муки путешественника. Эти короткія волны, которымъ я желаю никогда больше не появляться со дна морского, перестаютъ встряхивать мозгъ, какъ зерно гороха въ погремушкѣ, и на горизонтѣ начинаетъ обрисовываться Дувръ.

Когда мы въѣзжали въ портъ, было пасмурно, дождливо, мрачно. Портъ былъ сравнительно пустъ, видъ побережья ужасенъ. Бѣлыя, въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною скалы, поднимающіяся прямо изъ моря, выглядятъ на фонѣ черной воды, точно траурная лента на покровѣ. Настоящая картина Дантовскаго ада. Унылая окрестность, шумъ моря, однообразный скрипъ парохода, жалобный стонъ чаекъ, — все это угнетаетъ, поражаетъ и заставляетъ путешественника тосковать по домѣ, каминѣ, письменномъ столѣ, чернилахъ, вечерахъ у знакомыхъ, чаѣ, сплетняхъ, игрѣ въ карты, «Варшавскомъ» или «Ежедневномъ Курьерѣ», по постели, — однимъ словомъ, по самомъ обыденномъ житьѣ, по толченіи воды въ ступѣ, когда онъ вилъ кнутъ изъ песку и вспоминалъ названіе дней, по тому событію, какой былъ поданъ супъ, по имѣлъ собственный халатъ, туфли, зонтъ и репутацію солиднаго человѣка у матерей, которымъ надоѣли ихъ засидѣвшіяся дочки.

Если бы еще не дождь, который точно розгами сѣкъ, можно было-бы, по крайней мѣрѣ, настроиться на ладъ окружающаго зловѣщаго вида, открыть душу трагическимъ впечатлѣніямъ, вообразить себя какой-то исключительной, дикой натурой, какимъ-то оперпымъ героемъ и, принявъ позу Марса, запѣть «Пусть ревутъ пѣнящіяся волны», думая при этомъ: «Желалъ-бы я, чтобы теперь меня видѣлъ кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ». По крайней мѣрѣ, тогда можно было бы быть на высотѣ своего положенія. Но пѣть: «Пусть ревутъ пѣнящіяся волны» въ калошахъ и подъ зонтикомъ,—это ужъ совсѣмъ не годится. Правда, когда у насъ въ «Швейцарской долинѣ» играютъ маршъ зуавовъ, наши конторщики, кандидаты на различныя должности и даже солидные отцы семействъ проникаются имъ въ такой степени, что начинаютъ какъ-то необыкновенно воинственно маршировать, посматривая на перепуганныхъ ихъ храбростью гусынь такъ свирѣпо, какъ будто говоря: «задалъ-бы я вамъ!»—но я съ трудомъ проникаюсь даннымъ положеніемъ. Я никогда не былъ до такой степени впечатлительнымъ.

Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ спуститься въ каюту и

ожидать прибытія въ портъ. Въ каютѣ я уже засталъ своихъ товарищей по путешествію. Одинъ изъ нихъ, помѣщикъ, предался размышленіямъ о своемъ хозяйствѣ: «любопытно, выслалъ-ли сегодня Фискальскій (должно быть, экономъ) людей на пахоту?» Меня же очень мало интересовало, что тамъ дѣлалъ Фискальскій, поэтому я предпочелъ встать къ окну и смотрѣть на волны, по временамъ заливающія его совершенно.

Не далѣе ста шаговъ отъ нашего парохода виднѣлись двѣ мачты разбитаго корабля, колыхаемыя моремъ и торчащія кверху. Надъ этими мачтами носились съ крикомъ стаи птицъ. Обломки досокъ, балокъ и бочекъ ныряли вокругъ, то исчезая подъ водою, то опять появляясь. Я спросилъ, что это за корабль, но такъ какъ никто изъ присутствующихъ не могъ удовлетворить моего любопытства, то я принужденъ былъ подняться на палубу и разспросить у матросовъ.

На палубѣ я засталъ молодого мичмана, закутаннаго въ гуттаперчевый плащъ. Онъ стоялъ и свистѣлъ, стараясь сохранить равновѣсіе, что было довольно трудно, несмотря на близость порта. Молодой мичманъ далъ желаемыя объясненія, причемъ говорилъ втрое больше, нежели сдержанный человѣкъ, и въ безконечное число разъ больше, чѣмъ рулевой, который сердито повертывалъ колесо, двигая безпрестанно челюстями, точно жвачное животное: онъ попросту жевалъ табакъ. Я узналъ, что затопленное судно было англійское, которое среди бѣла дня пробило прусскій пароходъ «Франконія»; что на немъ погибло около тридцати тысячъ человѣкъ, а корабль тотчасъ же пошелъ ко дну, какъ свинцовая пуля. Капитана «Франконіи» отдали подъ судъ.

— Если-бы я былъ на мѣстѣ правосудія, — сказалъ мичманъ,—то приказалъ-бы его повѣсить, хотя-бы потому, что онъ пруссакъ.

— Но, милостивый государь,—отвѣтилъ я французу,—если это преступленіе, то ничѣмъ непоправимое.

— Поэтому-то я и приказалъ-бы его повѣсить, какъ неисправимаго преступника,—отвѣтила мнѣ справедливость устами француза.

Въ это время мы вошли въ портъ. Съ пристани спустили на бортъ парохода мостикъ, послѣ чего тѣ, которые стояли на берегу, начали жестикулировать и пронзительно орать. Поднялся страшный шумъ и сматоха. Матросы ругались, выбрасывая изъ глубины парохода сундуки и тюки; сундуки трещали, путешественники толпились на мостикѣ, пароходъ сопѣлъ и свистѣлъ; издали отвѣчалъ ему локомотивъ, какъ-бы говоря: «какъ поживаешь, другъ мой? Удивляюсь тому, что ты еще не свернулъ себѣ шеи». На пристани мальчишки показывали другъ другу языки и толкались.

При такихъ условіяхъ мы высадились на берегъ. Одинъ изъ дерущихся мальчиковъ прекратилъ тотчасъ-же клонящуюся къ побѣдѣ битву и выразилъ желаніе помочь мнѣ донести мой саквояжъ до вагона, но когда я объявилъ ему, что сдѣлаю это самъ, то онъ, пожелавъ, чтобы Богъ проклялъ мою душу (Goddam your soul!), удалился, грозя кулакомъ. Потомъ мы сѣли въ вагонъ и поѣхали прямо въ Лондонъ. Какъ человѣкъ, проникнутый любовью ко всему своему, я обожаю не только наши желѣзныя дороги, но и всѣ приключенія, случающіяся на нихъ, начиная съ лопающихся варшавско-вѣнскихъ шинъ и кончая романтиз-

момъ, съ какимъ кувыркаются вверхъ ногами или опаздываютъ къ отходу поѣзда петербургской дороги. Но несмотря на мое обожаніе, какъ вышеупомянутыхъ приключеній, такъ и терспольскаго галопа, я долженъ отдать справедливость нашимъ дорогамъ, что по быстротѣ онѣ превосходятъ всѣ дороги въ мірѣ.

Это поистинѣ изумительная быстрота. Правда, я не дѣлалъ такихъ опытовъ, какъ одинъ изъ нашихъ стартеровъ, который, высунувъ палку изъ окна, ясно слышалъ звукъ тррр!.. который издавала палка, ударяясь о телеграфные столбы; тѣмъ не менѣе, я подумалъ, что еслибы нашимъ вагонамъ пришлось такъ галопировать, то на первой станціи они запыхались бы до такой степени, что ихъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы отвести въ конюшню. Впрочемъ, я еще не знаю, лучше ли обычай быстрой ѣзды или хуже.

Если иногда у насъ какой-нибудь начальникъ станціи не пуститъ поѣзда, пока человѣкъ, посланный за вишнями для его невѣсты, не вернется, или другой начальникъ провинціальной станціи кричитъ вслѣдъ отходящему поѣзду: «Стой! господинъ Пегласевичъ подъѣзжаетъ»,—такъ это, вѣдь, удобно для всѣхъ. Подобные обычаи носятъ нѣсколько семейный характеръ, который мы должны сохранить тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нашихъ глубочайшихъ публицистовъ сдѣлалъ удивительное открытіе, будто всѣ учрежденія развились изъ расширеннаго понятія о семьѣ, а изъ этого слѣдуетъ, что «въ аду теплѣе, чѣмъ въ раю».

Между тѣмъ, поѣздъ летѣлъ, какъ на крыльяхъ. Я подошелъ къ окну. Итакъ, я въ Англіи, этой странѣ, такъ рѣзко отличающейся не только отъ нашей, но и отъ всѣхъ странъ материка; въ этой странѣ несообразностей, гдѣ, напримѣръ, аристократія обладаетъ умомъ, а общественный строй—симпатіей; парламентаризмъ не изображаетъ изъ себя согнутаго дерева, на которое всѣ козы скачутъ; общественная польза не газетная фраза, а время не врагъ, котораго слѣдуетъ убивать.

Дѣйствительно, странный край. Женщина здѣсь не имѣетъ никакихъ правъ, а пользуется всѣми; прогрессъ подвигается впередъ съ такой же быстротой, какъ мѣстные локомотивы, но переодѣтый въ средневѣковый костюмъ: habeas corpus не переводится съ латинскаго, а «дураку радость!»

Но это только одна сторона медали, сторона политическая и лучшая. Я далекъ отъ того, чтобы съ раціональной точки зрѣнія считать Англію недосягаемымъ идеаломъ. Въ этомъ отношеніи въ Бельгіи лучше, во Франціи лучше, въ Пруссіи лучше и у насъ лучше. Условія, въ которыя поставленъ аграрный вопросъ, борьба капитала и труда, пролетаріатъ, голодъ и невѣжество, какъ черная туча, нависли надъ будущностью этого государства; все это давно извѣстно, а потому распространяться объ этомъ я нахожу излишнимъ.

Къ счастію, люди здѣсь умны и вмѣсто того, чтобы загораживать путь потоку новыхъ дѣяній, стараются овладѣть имъ и урегулировать его теченіе. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эти волны, которыя могли бы залить всю страну, теперь вращаютъ колеса мельницъ и лѣсопиленъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ давнихъ поръ, и такъ продолжается до сегодняшняго дня.

Но возвращаюсь къ своему путешествію. Я не буду стараться описывать Англію ни съ общественной, ни съ политической, ни съ этнографической точекъ зрѣнія. Цѣлью моей поѣздки была Америка, а моя замѣтки объ Англіи, черезъ которую я только проѣхалъ, имѣютъ значеніе набросковъ, писанныхъ въ вагонѣ. Наконецъ, наши читатели имѣютъ достаточно свѣдѣній объ Англіи. Прекрасныя письма подъ заглавіемъ: «Вечера надъ Темзой» и прекрасныя корреспонденціи Сѣвѣра исчерпываютъ совершенно вопросъ объ обычаяхъ страны, а различныя собственныя корреспонденціи, которыя справедливо такъ называются по тому, что пишутся на мѣстѣ собственными руками, даютъ вѣрную картину политическаго состоянія страны, не говоря уже о томъ, что служатъ интересными образчиками ясновидѣнія.

Наконецъ, Англія во всѣхъ отношеніяхъ не чужда намъ. Надо отдать справедливость извѣстному классу нашего общества въ томъ, что все, что только есть лучшаго и полезнаго въ Англіи, онъ старается привить и на нашей почвѣ. У насъ введены англійскія скачки, англійскіе бакенбарды, англійскій крокетъ, англійскія пальто, англійская скука, англійскіе воротнички и англійскія «natives», съѣвъ нѣсколько дюжинъ которыхъ, извѣстный всѣмъ лордъ говорилъ, что онъ чувствуетъ себя такъ, какъ будто бы сейчасъ только появился на свѣтъ. Впрочемъ, онъ и безъ того похожъ на младенца.

Однако, я опять удалился отъ своего предмета. Сидя у окна вагона, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на окрестности. Города, фермы и парки мелькали передъ моими глазами. Села по виду похожи на бельгійскія, только домики фермеровъ опрятнѣе, а на лугахъ, покрытыхъ яркою зеленью, пасутся многочисленныя стада овецъ. Остальное все точно пригнано по одной мѣркѣ, малоподвижно, но въ высшей степени оригинально. Вездѣ спокойствіе; надъ веселымъ деревенскимъ пейзажемъ распростерто хмурое небо, а на горизонтѣ, надъ живописными группами деревьевъ, сѣрѣетъ мгла.

Солнце уже близилось къ закату, когда мы подъѣзжали къ Лондону. Надъ городомъ поднималось море дыма, подъ нимъ распростерлось другое море крышъ, трубъ и церковныхъ башенъ; все это необозримое пространство сливалось вдали съ синеватыми тучами. Не успѣли мы доѣхать до станціи, какъ уже совсѣмъ стемнѣло. Мы отправились въ отель съ намѣреніемъ не выходить въ этотъ вечеръ никуда, что для ѣдущаго безъ остановки прямо изъ Варшавы являлось почти необходимостью. Отель нашъ назывался «Іоркъ Кроссъ». Это зданіе немного меньше нашихъ уѣздныхъ городовъ, но, безъ сомнѣнія, оживленнѣе. Не зная по англійски, мы знаками спросили себѣ номеръ. Насъ попросили войти, или вѣрнѣе, впихнули вмѣстѣ съ сундуками въ какую-то маленькую комнатку, и мы съ этой комнатой поднялись вверхъ, не знаю ужъ, въ который этажъ; затѣмъ мы очутились въ коридорѣ и, наконецъ,—въ предназначенномъ для насъ номерѣ. Вскорѣ послѣ этого къ намъ вошелъ какой-то рябой джентльменъ и началъ что-то говорить, потирая себѣ колѣно. Я отвѣтилъ ему «All right!»—чему научился у одного варшавскаго литератора, который, по правдѣ говоря, кромѣ этой фразы, не зналъ болѣе ни слова по-англійски, но зато произносилъ ее такъ, что приводилъ въ восторгъ

разнозчиковъ газетъ и весь составъ редакціи. Я подумалъ про себя, что еслибы въ школѣ, вмѣсто множества безполезныхъ вещей, меня учили хоть немного англійскому языку, то мое образованіе было бы значительно полнѣе. Помню, какъ во второмъ или третьемъ классѣ, проходя зоологію, я по цѣлымъ часамъ повторялъ плаксивымъ голосомъ: «одни съ хвостами, другіе безъ хвостовъ, одни съ хвостами, другіе безъ хвостовъ»... Теперь я забылъ, какіе съ хвостами и какіе безъ хвостовъ, и не умѣю сказать кельнеру, чтобы онъ далъ мнѣ воды умыться, хотя послѣ трехдневной ѣзды по желѣзной дорогѣ я черенъ, какъ душа издателя, не повышающаго гонорара своимъ сотрудникамъ.

Изъ всего этого вытекаетъ такое глубокое правоученіе для моихъ согражданъ,—чтобы они, кромѣ роднаго языка, учили своихъ дѣтей и другимъ. Въ настоящее время знать языки—это имѣть вѣрный кусокъ хлѣба въ рукахъ. Правда, можно быть «нашимъ извѣстнымъ и всѣми чтимымъ», не зная ни одного, но въ собственныхъ интересахъ нужно знать возможно большее число языковъ, въ особенности потому, что многимъ изъ моихъ собратій пришлось избрать своимъ мѣстомъ жительства такіе края, о которыхъ они въ дѣтствѣ и въ географіяхъ не читали.

Въ виду этого я рѣшилъ поскорѣе купить учебникъ Оллендорфа и усердно переводить всѣ мудрыя изреченія, наполняющія эту книгу, всѣ глубокомысленные вопросы, вродѣ слѣдующихъ: «Съѣлъ ли иностранецъ сѣно сосѣда, тюфякъ матроса и пуговицы садовника?»,—пройти все это чистилище безсмыслицъ, чтобы выучиться англійскому языку, хотя бы немного лучше нашихъ наѣздниковъ на скачкахъ. Между тѣмъ кельнеръ съ истинно англійской флегмой не переставалъ монотоннымъ голосомъ и протяжнымъ акцентомъ испытывать мое терпѣніе. Я повернулся къ окну, изъ котораго въ полумракѣ виднѣлась вестминстерская башня, и началъ напѣвать:

«Скажи, о Эвридика, будешь ли ты мнѣ вѣрна?»

— Чего этотъ буйволъ хочетъ?—спросилъ мой товарищъ.

— Онъ говоритъ, что не уйдетъ, пока вы ему не посовѣтуете какого-нибудь лѣкарства отъ боли въ колѣняхъ.

Наконецъ, буйволу, видимо, надоѣло говорить, и онъ вышелъ, окинувъ насъ презрительнымъ взглядомъ. Вообще я замѣтилъ, что англичане отличаются гораздо мѣньшей любезностью по отношенію къ иностранцамъ, чѣмъ французы. Когда мы на другой день, уже съ переводчикомъ, покупали гуттаперчевые плащи для путешествія по океану, въ магазинѣ находились два продающихъ джентльмена, и оба были пьяны: одинъ продавалъ намъ плащи, а другой, облокотившись спиною о тюки съ товарами, ругалъ насъ внолголоса, причемъ весьма искусно сплевывалъ во всѣ стороны.

Слѣдующій день я посвятилъ на осмотръ Лондона, насколько возможно осмотрѣть этотъ громадный городъ, не проживши въ немъ и полгода. Я посѣтилъ Вестминстеръ, гдѣ увидѣлъ адвокатовъ и судей въ длинныхъ, бѣлыхъ парикахъ, прохаживающихся по готическимъ корридорамъ и подкрѣпляющихъ джиномъ свои истощенныя служеніемъ правосудію силы; посѣтилъ «Британскій музей», гдѣ увидѣлъ, по крайней мѣрѣ,

половину греческаго акрополиса, перенесеннаго въ карманахъ туристовъ, зоологическій садъ, церковь св. Павла и другія достопримѣчательныя зданія.

Наружный видъ города унылый; его ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнить съ золотымъ Парижемъ. Дома здѣсь узки и не особенно высоки, построены изъ краснаго или сѣраго кирпича, который весь закопченъ дымомъ и обмытъ дождемъ; все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ ему грязный оттѣнокъ. Зато площади обширны и великолѣпны. Всюду множество статуй Нельсона и Веллингтона, львы, стерегущіе памятники, а на углахъ улицъ — полисмэны, спокойные, неподвижные, какъ каменныя статуи. Городъ оживленный, милліоны народу на улицахъ; фіакры, одноконные кэбы, кареты, омнибусы тянутся непрерывной цѣпью по всѣмъ большимъ улицамъ. Около полудня мы отправились въ Гайдъ-Паркъ. Здѣсь тысячи женщинъ и мужчинъ верхомъ и тысячи открытыхъ экипажей. Лица мужчинъ большею частью безобразныя, длинныя, съ выцвѣтшими глазами; рѣдко, гдѣ нормандская голубая кровь проявится въ правильныхъ чертахъ лица, красивыхъ голубыхъ глазахъ и свѣтлорусыхъ волосахъ; женщины, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ красивы, или, вѣрнѣе, всѣ тѣ красивы, которыя теперь гарцуютъ на лошадяхъ по широкимъ и длиннымъ аллеямъ парка. Лица нѣкоторыхъ, — это настоящая мечта поэта: просто ангельскія, ясныя, спокойныя, чистыя. Такія идеальныя лица я видѣлъ только на картинахъ Гроттгера. Я не сумѣю выразить, до какой степени здѣсь доведено, такъ называемое, изящество черть. Можно подумать, что эти избалованныя аристократическія дѣвушки состоятъ не изъ крови и плоти, но изъ смѣси солнечныхъ лучей, мглы, блеска утренней зари и души. Кажется, что онѣ только на мгновеніе спустились на землю, чтобы порѣзвиться среди зелени, а потомъ развернутъ свои крылья и улетятъ, какъ птицы,—какъ чайки за солнцемъ. Никогда обыденная забота, обыденное жизненное горе не омрачили ни одного изъ этихъ ясныхъ лицъ. Трудъ для нихъ имѣетъ значеніе забавы; окружаетъ ихъ роскошь, жизнь изысканная, утонченная, возвышенная, точно вѣчный праздникъ. Эти миссъ, вѣроятно, всѣ добры, но и не должны быть иными: ихъ не коснулось зло, онѣ едва ли слышали о немъ. Это цвѣты рода человѣческаго: цвѣтутъ—вотъ и все. Это ихъ цѣль и заслуга вплоть до замужества. Потомъ онѣ производятъ на свѣтъ потомство, что тоже ихъ заслуга, и вообще, какъ говорятъ люди, хорошо знающіе англійское общество, становятся хорошими женами и матерями, что также ихъ заслуга; и потомъ умираютъ и, дѣйствительно, идутъ въ рай, что уже не заслуга, а награда, и этого имъ не трудно достигнуть, такъ какъ при жизни онѣ почти не знаютъ искушеній.

О нихъ можно было бы сказать, что онѣ родились для того, чтобы при жизни быть счастливыми, а по смерти обрѣсти вѣчное блаженство въ раю. Въ свое время Кальвинъ, не безъ нѣкоторой логики, сказалъ, что людямъ, рождающимся на свѣтъ, заранѣе предопредѣлены вѣчныя муки или блаженство.

Мы видѣли этихъ избранницъ, но и осужденныхъ на казнь не придется далеко искать. Въ этомъ же самомъ Гайдъ-Паркѣ, стоитъ, облокотясь о барьеръ, одинъ изъ свободныхъ гражданъ Соединенныхъ Коро-

левствъ. Присмотритесь къ нему: гражданину этому шестнадцать лѣтъ, у него дыры на локтяхъ, идіотскій лобъ, гнилые зубы и обтрепанныя панталоны; у него есть тоже сюртукъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, но зато нѣтъ рубашки.

— Гдѣ твой отецъ?—спросилъ нашъ проводникъ.

— Въ Ботэни-Бей.

— А мать?

— Мать дѣлаетъ коробки.

— А сестры?

— Ихъ три, онѣ тоже дѣлаютъ коробки; еще два брата по восьми лѣтъ, тоже дѣлаютъ коробки, а еще одинъ лѣтъ трехъ, который помогаетъ ихъ клеить.

Въ Англіи цѣлыя сотни и тысячи людей живутъ или, вѣрнѣе, умираютъ съ голоду отъ этой работы.

Вотъ вамъ и нашъ осужденный! Мать его больна, потому что всѣ, долго занимающіеся этой работой, болѣютъ; отецъ его былъ подметальщикомъ улицъ, но его однажды арестовали и увезли, неизвѣстно куда. Мальчикъ не умѣетъ ни читать ни писать, но зато ругается отлично. Замѣтно, что онъ выпиваетъ, потому что джинъ согрѣваетъ, когда холодно.

— А ты умѣешь молиться?

— Что?—спросилъ онъ, открывъ ротъ отъ удивленія.

Онъ этого не знаетъ, онъ умѣетъ только дѣлать коробки, а это не его ремесло.

— А ѣсть хочешь?

— Да, только не имѣю денегъ, а воровать боюсь.

— Но, если бы ты и не боялся, то тоже не укралъ бы, потому что это дурно.

— Понятно дурно, потому что полиція поймаетъ и сейчасъ посадитъ въ тюрьму.

Вотъ что его удерживаетъ, иначе онъ бы воровалъ.

— А совѣсть, мальчикъ?

— Что это такое? это ѣдятъ, или пьютъ?

Но чего отъ него хотятъ? Онъ стоитъ здѣсь смирно и никому не мѣшаетъ.

Вотъ маленькій образчикъ. Этотъ свободный гражданинъ Соединенныхъ Королевствъ не умѣетъ ни читать ни писать, не знаетъ о существованіи Бога, думаетъ, что совѣсть—это что-то съѣдобное; не слышалъ никогда о добродѣтели; у него нѣтъ ни хлѣба, ни пристанища, и онъ умѣетъ только дѣлать коробки. Между тѣмъ нужда говоритъ ему: «Убей», голодъ: «Укради», холодъ: «Напейся». Вотъ его наставники: другихъ у него нѣтъ. Послушаетъ-ли онъ ихъ? Да, какъ только перестанетъ бояться полиціи.

Впрочемъ, что я говорю! Этотъ свободный гражданинъ Соединенныхъ Королевствъ, вѣдь, обладаетъ различными правами, которыми можетъ пользоваться и которыя изложены въ habeas corpus; онъ имѣетъ право голосованія, его уполномоченный будетъ со временемъ ораторствовать въ палатѣ общинъ. Что я говорю! Этотъ свободный гражданинъ даже бо-

гать. А этотъ Гайдъ-Паркъ, — вѣдь, это общественная собственность, слѣдовательно, и его тоже; а «Британскій музей», хрустальный дворецъ, площади, сады, общественныя зданія? Все это его! Кромѣ того, онъ англичанинъ; ему принадлежатъ Индія, Австралія, Канада; у него есть войско, флотъ, онъ настоящій удѣльный князь. Но почему, ты, князь, такъ дрожишь? Да, вѣдь, онъ не ѣлъ со вчерашняго дня. Вотъ тебѣ шиллингъ, бѣднякъ, купи себѣ чего-нибудь поѣсть...

Мальчикъ таращитъ отъ удивленія глаза. Шиллингъ? Князь оглядываетъ его недовѣрчиво со всѣхъ сторонъ, потомъ издаетъ родъ радостнаго воя, прячетъ монету въ карманъ, изъ котораго ни одинъ воръ ея не вытащитъ, потому что карманъ ему замѣняетъ собственный ротъ, и убѣгаетъ, не поблагодаривъ даже за подачку.

А между тѣмъ, ему принадлежатъ Индія, Канада, Австралія, дворцы, сады! Страшная общественная проблема.

Но часы пробили первый часъ пополудни. Паркъ мало-по-малу пустѣетъ. Пора возвращаться домой. Передъ нами разстояніе въ нѣсколько англійскихъ миль, но это не бѣда, потому что съ помощью подземныхъ дорогъ его можно проѣхать въ нѣсколько минутъ. Въ Лондонѣ подземныя желѣзныя дороги замѣняютъ Парижскіе омнибусы. Онѣ проходятъ подъ всѣмъ городомъ,—подъ домами, улицами, подъ Темзой. Мы подходимъ къ какой-то обширной ямѣ въ каменномъ зданіи; въ глубинѣ виднѣются ступени, ведущія внизъ; покупаемъ билеты и, спустившись на нѣсколько десятковъ футовъ, попадаемъ въ большой вокзалъ. Одинъ поѣздъ отходитъ, а другой, который долженъ насъ забрать, приближается. Билетъ стоитъ меньше нашихъ пяти копѣекъ, но, несмотря на такую ничтожную плату, мы взяли нарочно билеты третьяго или второго класса, чтобы присмотрѣться къ народу. Входимъ въ вагонъ.

Въ вагонѣ, довольно грязномъ и обтрепанномъ, толпа. Рядомъ съ нами молодая, красивая ирландка кормитъ грудью будущаго фенія, который болтаетъ ножками, по временамъ перестаетъ сосать и поглядываетъ на присутствующихъ, потомъ закрываетъ глаза, морщится и, приготовившись такимъ образомъ, начинаетъ орать. Напротивъ насъ какой то старичекъ чиститъ апельсинъ съ помощью одного, но очень дорогого зуба, прекраснаго зеленаго цвѣта, причемъ сопитъ, какъ локомотивъ. Далѣе, рабочіе въ голубыхъ блузахъ, возвращающіеся, очевидно, съ работы, курятъ трубки или для развлеченія кладутъ другъ другу ноги на колѣни. Тусклый свѣтъ лампъ освѣщаетъ всю сцену. Поѣздъ мчится, какъ бѣшеный, локомотивъ глухо гудитъ. Воздухъ удушливый, пропитанный запахомъ угля и сѣры, — нечѣмъ дышать. Мы пролетаемъ, какъ вихрь, отъ одной станціи до другой, одни выходятъ, другіе входятъ. Не знаю, гдѣ мы обрѣтаемся, и гдѣ слѣдуетъ выйти. Черезъ минуту въ окнахъ вагона мелькнулъ дневной свѣтъ, потомъ снова стало темно, воздухъ становится еще удушливѣе; наконецъ, поѣздъ останавливается, мы выходимъ, и я опять дышу полной грудью среди бѣлаго дня, магазиновъ, экипажей, толпы людей и дождя.

На улицѣ мы встрѣчаемъ множество женщинъ, очень часто молодыхъ и красивыхъ. Онѣ ходятъ однѣ, безъ опеки, или, вѣрнѣе, подъ опекой закона и всѣхъ кулаковъ и палокъ Великобританіи. Ни одинъ

Донъ-Жуанъ не подойдетъ къ одиноко идущей дѣвушкѣ и не скажетъ ей, какъ это практикуется въ одномъ, знакомомъ мнѣ городѣ: «какъ это? Вы такъ молоды, такъ хороши и одни? Здравствуйте, мой ангелъ!» Первый встрѣчный джентльменъ, встрѣтивши такого Донъ-Жуана въ активной роли, надвинулъ бы ему шляпу по самую шею, поломалъ бы ребра, подставилъ бы фонарь и, наконецъ, отдалъ бы въ руки полисмена. Впрочемъ, затронутая женщина не нуждается въ другомъ защитникѣ, кромѣ полицейскаго. Этотъ спокойный блюститель порядка тотчасъ дотрагивается до плеча волокиты своей зловѣщей палочкой и именемъ ея королевскаго величества ведетъ его въ полицію, а судъ, за пустякъ, за одинъ комплиментъ, даже самый невинный, приговариваетъ его нерѣдко къ полугодовому заключенію.

Вслѣдствіе этого англичанинъ и вообще великобританецъ никогда не затрогиваетъ женщины. Если же случаются подобные инциденты, то виновникомъ всегда бываетъ какой-нибудь иностранецъ, часто французъ или мой соотечественникъ, въ которыхъ любезность въ отношеніи дамъ стала второй натурой, и они не отступаютъ ни передъ какой опасностью. Тѣмъ болѣе, что проступокъ, который для мѣстнаго Донъ-Жуана не прошелъ бы безнаказанно, часто сходитъ съ рукъ предпріимчивому сыну сѣвера. «Сударыня,—говоритъ одинъ изъ нихъ словами севильскаго цыгана, о которомъ онъ, можетъ быть, читалъ въ «Путешественникѣ»,—ваша красота для меня—смерть, но стоитъ мнѣ увидѣть кончикъ вашей ножки и я возвращаюсь къ жизни»—«Я иностранецъ,—говоритъ другой,—знаю, что такимъ образомъ не знакомятся, но у меня нѣтъ другого способа; скажите только одно слово, я тотчасъ же сдѣлаю революцію и объявлю васъ королевой». Иногда это удается, а иногда изъ-за этого происходитъ цѣлый скандалъ, но уроженецъ присенской или привислянской странъ не боится кулака, а судъ относится снисходительно къ иностранцу.

Здѣшнія женщины составляютъ лучшую сторону мѣстной медали. Душевный миръ и спокойствіе отражаются на ихъ лицахъ. Зато если попадается между ними некрасивая, то ужъ до такой степени, что отъ одного взгляда на нее можно одичать.

Въ то время когда нашъ проводникъ дѣлалъ вышеупомянутыя поясненія, мы подошли къ нашему отелю. Тутъ же у воротъ два джентльмена, одинъ—продавецъ апельсиновъ, другой—извозчикъ, бились на кулачкахъ. Это самое обыкновенное зрѣлище на лондонскихъ улицахъ. Дерущихся окружала толпа народа. Нѣкоторые изъ зрителей держали ихъ за сюртуки и подзадоривали; стоящій за кругомъ зрителей полисмэнъ поднимался на цыпочки, чтобы посмотрѣть, законнымъ ли образомъ разбиваютъ себѣ граждане носы, но ни во что не вмѣшивался. Подобные бои имѣютъ свои установленія, за выполненіемъ которыхъ слѣдятъ всѣ присутствующіе. Каждому борцу разрѣшается ударить кулакомъ въ глазъ противника и подбить его, а затѣмъ подбить и другой. Удары въ носъ и въ зубы также допускаются и цѣнятся. Но если одинъ изъ дерущихся закричитъ: «enough!» (довольно!), то этимъ онъ признаетъ себя побѣжденнымъ; а побѣдитель отвѣчаетъ: «all right!»—и тотчасъ же перестаетъ бить свою жертву. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то всѣ бро-

саются на него и бьютъ, сколько влѣзетъ, а полисмэнъ прикасается своею палочкою къ его плечу.

Обыкновенно, однако, послѣ «enough» слѣдуетъ тотчасъ же «all right», послѣ чего противники расходятся безъ гнѣва, а зрители поздравляютъ какъ того, кто нанесъ хорошій ударъ, такъ и того, кто его получилъ. Если противники обладаютъ одинаковой силою и ловкостью, и борьба продолжается, то среди публики являются охотники держать пари, и вся сцена принимаетъ очень интересный, разумѣется, только для англичанъ, характеръ. Большею частью въ такой борьбѣ побѣдителями бываютъ ирландцы, вымѣщающіе такимъ способомъ политическія несправедливости.

Вернувшись въ отель, мы уложили свои вещи, такъ какъ ночью намъ предстояло путешествіе въ Ливерпуль; потомъ, уплативъ по счету и убѣдившись, что напрасно мы изъ экономіи обѣдали въ городѣ, такъ какъ въ отелѣ съ насъ взяли за все вмѣстѣ, мы опять вышли на улицу. Не помню уже, на которой изъ нихъ, мое вниманіе привлекъ окруженный садомъ желтый домъ съ зелеными жалюзями. Помню только, что это была какая-то отдаленная улица; на тротуарахъ было пусто; въ саду чирикали воробьи, изъ дома доносилось нѣжное женское пѣніе, а надъ домомъ и садомъ царилъ необыкновенный покой.

— Что это за домъ?—спросилъ я.

— Это пріютъ для заблудшихъ дѣвушекъ, жаждущихъ вернуться къ нравственной жизни.

О, это святое учрежденіе,—учрежденіе такого рода, что даже тому, кто усомнился въ человѣколюбіи, приходится вновь въ него увѣровать. Въ дѣвушкахъ, уже павшихъ, пробуждается иногда совѣсть, иногда тоска по жизни чистой, трудовой, исполненной обязанностей, по тѣмъ минутамъ, когда онѣ, чистыя и невинныя, какъ дѣти, мечтали о будущемъ, далекомъ отъ позора. Эта тоска овладѣваетъ дѣвушкой до такой степени, что она жаждетъ порвать связь съ безнравственностью и преступленіемъ. Вотъ свѣтлая лунная ночь. Дѣвушка стоитъ у окна, смотритъ на звѣздное небо: вездѣ покой и тишина; милосердый Богъ какъ будто улыбается ей; въ темной лазури она будто видитъ руку, призывающую ее къ себѣ; она слышитъ голосъ: «Вернись, бѣдное дитя, ко мнѣ, подъ крыло покоя и жизни, полной тишины!» Глаза дѣвушки наполняются слезами, ноги подъ нею дрожатъ; наконецъ, она падаетъ на колѣни и начинаетъ молиться. Она рѣшила исправиться... и вы думаете, что она исправится? Она пойдетъ, точно на крутую гору, по скользкой почвѣ и, карабкаясь, изранитъ себѣ руки и ноги, но, только сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ, земля ускользнетъ изъ-подъ ея ногъ, и дѣвушка упадетъ еще глубже; она пробуетъ опять и падаетъ еще глубже и, наконецъ, съ чувствомъ собственнаго безсилія и отчаянія въ душѣ остается на днѣ.

Иногда случается, что добродѣтельная еще дѣвушка сопротивляется и взываетъ о помощи, чтобы не упасть въ бездну преступленія, но голодъ тянетъ ее за одну руку, холодъ за другую, а общественная развращенность толкаетъ ее сзади. Вы думаете, что дѣвушка въ состояніи устоять передъ этой адской троицей? Что ей дѣлать? Куда дѣваться?

Гдѣ искать защиты и спасенія? Нигдѣ, исключая Англіи. «Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»,—говоритъ псалмопѣвецъ. О! слава человѣцѣмъ благоволеніе: дѣвушка спасена. Вотъ ея спокойное убѣжище, зеленый садъ и «Желтый домъ».

Въ темную, холодную и дождливую ночь исхудалая рука лихорадочно дергаетъ звонокъ у воротъ «Желтаго дома». Оттуда никогда не отвѣчаетъ грозное ворчаніе собаки и сердитое: «Кто тамъ?» ночного сторожа. Дверь тихо отворяется, виденъ темный корридоръ, какая-то теплая, нѣжная рука беретъ иззябшую руку несчастной и ведетъ ее за собою. Никто ее не спрашиваетъ, кто она? откуда пришла? какъ она жила раньше? какой проступокъ она совершила? Черезъ минуту она въ маленькой опрятной комнаткѣ. У стѣны стоитъ чистая, бѣлая постель, на столѣ дымится теплая пища, горитъ лампа, лежитъ Библія, а надъ постелью—ликъ Христа, окруженный сіяніемъ, смотритъ на нее своими кроткими, всепрощающими очами.

Дѣвушка набрасывается на пищу. Ей, прежде всего, хотѣлось ѣсть; потомъ ходитъ безпокойно по комнатѣ. Она не можетъ собраться съ мыслями, не понимаетъ, что съ ней случилось, боится,—не сошла ли она съ ума.

Между тѣмъ дверь тихо отворяется, входитъ старый джентльменъ съ добродушнымъ, внушающимъ довѣріе лицомъ. Старичекъ подходитъ къ ней, какъ къ знакомой, и говоритъ:

— Добрый вечеръ, дитя мое! Я докторъ: не больны ли вы?

Она отвѣчаетъ ему недовѣрчивымъ, безпокойнымъ взглядомъ.

— Погода скверная, не правда ли? Не трудно простудиться. Покажите вашъ пульсъ. Ну, хорошо, превосходно. Если позволите, я зайду завтра навѣстить васъ. О, отвратительная погода! А теперь ложитесь. Покойной ночи, дитя мое.

Говоря это, старичекъ гладитъ дѣвушку по головѣ и уходитъ, но на порогѣ останавливается и спрашиваетъ:

— Васъ, кажется, зовутъ Фанни?

— Джэнни.

— Да, да, Джэнни. Ну, Джэнни, идите спать, но... прежде помолитесь, прочитайте молитву, Джэнни. Покойной ночи!

Съ этими словами онъ затворяетъ дверь. Джэнни остается одна. Еще одна минута оцѣпенѣнія, потомъ дѣвушка разражается рыданіемъ и падаетъ на колѣни передъ образомъ Христа. Но, нѣтъ... Она не можетъ преклонить колѣни передъ этимъ образомъ въ яркомъ платьѣ, съ наведенными бровями, искусственнымъ румянцемъ и всѣми признаками позора. Здѣсь же около постели, на стулѣ, лежитъ скромное платье и весь уборъ. Джэнни сбрасываетъ эти отрепья, которыя ее жгутъ, а потомъ молится долго, долго.

На слѣдующій день она уже не та Джэнни. Въ скромномъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами, она сама не узнаетъ себя. Ее зовутъ къ завтраку; она находитъ подругъ; никто ни о чемъ не спрашиваетъ, но принимаютъ ее, какъ сестру. Кромѣ подругъ, она видитъ тамъ и другихъ женщинъ,—вѣроятно, знатныя дамы, а, можетъ быть, и нѣтъ,

потому что не гордыя, а такія добрыя, ангельскія существа, которыхъ прошлое чисто, какъ снѣгъ. Кто эти дамы?

— Ангелы.

Но и эти крылатыя существа обращаются съ нею, точно она никогда не грѣшила, точно она равна имъ.

— Добрый день, Джэнни!.. Добрый вечеръ, Джэнни!—говорятъ ей ласковые голоса.

Главное то, что эти непорочныя души прислуживаютъ ей, развлекаютъ ее, разговариваютъ и дружатся съ нею, низкою, развращенною и болѣе всѣхъ на свѣтѣ павшею женщиною. Ни одного упрека, ни одного намека на прошлое. Бываютъ минуты, когда ей самой кажется, что она стала лучше, возвращается надежда, покой; по временамъ ей думается, что она такая же, какою была давно, въ дѣтствѣ.

Да она и на самомъ дѣлѣ теперь такая.

Молитва, физическій трудъ, умственныя занятія въ перемежку съ развлеченіями,—вотъ какимъ образомъ проводятъ время жительницы «Желтаго дома». Отъ нихъ не требуютъ раскаянія въ своемъ прошломъ, но заставляютъ забыть о немъ. Ихъ окружаютъ атмосферой труда, спокойствія и невинности, и эта атмосфера проникаетъ въ самыя развращенныя сердца. Потомъ ихъ учатъ различнымъ работамъ, находятъ имъ мѣста и пускаютъ въ свѣтъ.

Лучшія работницы, лучшія служанки выходятъ изъ этого дома. Помоложе—часто выходятъ замужъ и дѣлаются хорошими женами и матерями.

Когда нашъ проводникъ разсказывалъ намъ о «Желтомъ домѣ», я мысленно перенесся въ знакомый намъ городъ и взглянулъ на его филантропическія учрежденія. Я увидѣлъ одно зданіе съ латинской надписью, видѣлъ комитеты, собранія, присутствовалъ на засѣданіяхъ, слышалъ призывы къ порядку, цвѣты краснорѣчія. Риторическія фигуры жужжали въ моихъ ушахъ, какъ мухи; какой-то голосъ говорилъ: «Господь намъ довѣрилъ капиталы «Товарищества», и Ему только дадимъ въ нихъ отчетъ». Другой вѣщалъ: «Что намъ за дѣло до общественнаго мнѣнія, если въ писаніи даже сказано: «Пусть не знаетъ твоя лѣвая десница, что даетъ правая».—«Благотворительность—уже не добродѣтель, если дѣйствуетъ открыто». Однимъ словомъ, я видѣлъ парламентъ, но не могъ прослѣдить, что творится съ благотворительными суммами; я слышалъ шумъ и крики,—рядомъ играли на скрипкѣ, съ другой стороны танцовали съ филантропической цѣлью; далѣе былъ устроенъ базаръ, гдѣ красивыя женщины продавали, а мужчины за ними ухаживали и все это дѣлалось съ тою же благотворительной цѣлью. Растанцовавшійся и вспотѣвшій городъ пѣлъ на мотивъ изъ «Прекрасной Елены»: «Я—градъ филантропическій, градъ филантропическій, градъ филантропическій, я милосердія образецъ!» но эту пѣснь заглушали многочисленные, какъ песокъ морской, голоса. Хриплые голоса кричали: «Добрые и милостивые господа, хоть грошикъ на хлѣбъ, хоть копѣечку на водку!»

Но другое благотворительное учрежденіе поразило мой удивленный взоръ. Его девизъ: «Доставай-ка, братецъ, кошелекъ!» Что за чертов-

щина! Какъ будто какое-то театральное представленіе: всюду газъ, кружева, бархатъ, лорнеты, пудра, французскій языкъ. Кажется, что всѣ добрыя дѣла, какъ для души, такъ и для тѣла, устроили себѣ великолѣпный маскарадъ; я вижу Адама, Еву, змія, теологическую добродѣтель въ трико, или красивыхъ дѣвушекъ въ теологическихъ костюмахъ, цѣнителей той же добродѣтели, чучело кота, остендскіе штаны, семирамиду... Что это такое? Это благотворительное зрѣлище, подъ заглавіемъ: «Много шуму изъ за пустяковъ». Много стука, еще больше гама. Богъ изъ за этого немного потеряетъ, чортъ немного выиграетъ, презрѣваемыя женщины больше всѣхъ, настоящая же нужда, какъ тотъ пѣтушокъ въ баснѣ, что пошелъ за орѣхами:

„Лежитъ себѣ у дороги,
Протянувши обѣ ноги,—
Еле дышитъ“...

Сожалѣю, что продолжительное и не терпящее отлагательствъ путешествіе не давало мнѣ возможности ближе ознакомиться для пользы моихъ соотечественниковъ съ многими другими англійскими учрежденіями, отличающимися очень простой организаціею и блестящими результатами дѣйствій. Вообще, здѣшнія учрежденія, я говорю только о частныхъ, созидаются не вслѣдствіе подражанія, моды или искусственно вызваннаго увлеченія, но вытекаютъ изъ общественныхъ нуждъ и могучаго народнаго духа. Поэтому здѣсь говорятъ меньше, а больше дѣлаютъ. Учрежденія эти здѣсь не приходятъ въ упадокъ, потому что чувство долга заставляетъ гражданъ энергично ихъ поддерживать не только вначалѣ, но и всегда. Странные люди—эти англичане! Представьте себѣ, мои милые соотечественники, что члены многочисленныхъ здѣшнихъ обществъ не запаздываютъ никогда своимъ взносомъ. Слышали вы о чемъ-нибудь подобномъ?

Но довольно объ этомъ. Темнѣетъ. На улицахъ зажигаютъ газовые фонари, которые здѣсь стоятъ не только для того, чтобы воробьямъ было на чемъ сидѣть; витрины магазиновъ запылали по всѣмъ улицамъ, какъ костры; пора отправляться на вокзалъ, чтобы поспѣть къ поѣзду, отходящему въ Ливерпуль.

Изъ отеля должны были туда прислать наши вещи, и, дѣйствительно, мы ихъ уже застали на вокзалѣ. Громадный, красный залъ былъ почти пустъ, слышно было только солидное «Тикъ-такъ» большихъ часовъ, вдѣланныхъ въ боковую стѣну. Чиновникъ, продающій билеты, развлекался повертываніемъ ключа вокругъ пальца, и это занятіе, казалось, поглощало все его вниманіе. У стѣны, покуривая трубки, стояло нѣсколько служителей. Купивъ билеты, мы обратились къ одному изъ нихъ съ просьбой сдать наши вещи.

— Ваши вещи уже въ поѣздѣ,—отвѣтилъ мнѣ джентльменъ.

— А квитанція?

— Какая квитанція?

— Квитанція на вещи.

Мы не могли понять другъ друга. Наконецъ, служитель повелъ насъ на платформу и показалъ наши сундуки, стоящіе преспокойно въ

вагонѣ, но когда мы, не удовлетворившись этимъ, потребовали все-таки квитанцію, онъ пожалъ плечами и, пробормотавъ: «goddam!»,—ушелъ, предоставивъ насъ собственной предпріимчивости.

Нечего было дѣлать. Мы отправились къ кассиру. И опять тотъ же діалогъ.

— Позвольте квитанцію.

— Какую квитанцію?

— Квитанцію на вещи.

Кассиръ пожалъ плечами и началъ съ большимъ вниманіемъ вертѣть ключи, не взглянувъ на насъ больше.

Мы отыскали кондуктора.

— Позвольте квитанцію.

— Какую квитанцію?

— Квитанцію на вещи.

Кондукторъ пожалъ плечами; я старался сохранить хладнокровіе въ постигшемъ меня несчастіи; одинъ изъ моихъ товарищей началъ перечислять несмѣтное количество чертей; другой сухо замѣтилъ, что нога его больше не будетъ въ этой странѣ, чѣмъ несомнѣнно напугалъ бы англичанъ, если бы они могли его понять. Затѣмъ они оба посмотрѣли на меня, я—на нихъ. Мы не знали, какъ намъ поступить.

Между тѣмъ залъ наполнялся, становилось труднѣе добиться чего-нибудь. Къ счастію, невдалекѣ отъ насъ какая-то пара заговорила по-нѣмецки. Мой товарищъ, познанецъ, живо подбѣжалъ къ ней.

— Мнѣ не хотятъ выдать багажной квитанціи.

— Потому, что здѣсь никому не даютъ. На сундукахъ наклеены ярлыки съ надписью, какой багажъ куда идетъ. На каждой станціи оставляютъ его согласно надписямъ. Въ Ливерпулѣ вынутъ изъ вагона ваши вещи, вы придете, получите ихъ и конецъ.

— Ну, а если кто нибудь другой присвоитъ ихъ себѣ.

— Никто не присвоитъ.

Товарищъ вернулся къ намъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

— Это я понимаю! Что это за страна! Что за порядокъ!

Дѣйствительно, при отходѣ поѣзда все происходило въ величайшемъ порядкѣ... Желѣзнодорожные служители не орали, не желали другъ другу паралича, не было и намека на печень. Поѣздъ тронулся, и черезъ минуту Лондонъ со своимъ моремъ огней исчезъ изъ нашихъ глазъ. Только красное зарево, точно отъ отдаленнаго пожара, стояло надъ городомъ.

Ночь была темна, такъ что сквозь стекла вагона я ничего не могъ разсмотрѣть. Иногда только на темномъ фонѣ неба вырисовывались еще болѣе темные силуэты трубъ. По временамъ поѣздъ пролеталъ мимо желѣзоплавильнаго завода. Огромныя печи, яркое пламя, черныя фигуры людей на огненномъ фонѣ, стукъ молотовъ, скрежетъ и лязгъ пилимаго желѣза, клубы дыма,—все это напоминало адъ. Потомъ снова—темнота и чистая, влажная ночная атмосфера; иногда по глухому шуму локомотива можно было догадаться, что мы пролетаемъ черезъ тоннель. Общество въ вагонѣ начинало засыпать, какъ обыкновенно бываетъ ночью.

Дрожащій свѣтъ лампъ освѣщалъ заспанныя и усталыя лица. Отъ времени до времени короткій разговоръ прерывалъ общее молчаніе. Сидящій рядомъ со мною джентльменъ, покачиваясь во снѣ, толкнулъ меня въ плечо и, пробормотавъ: «I beg your pardon!» (извините!)—толкнулъ тотчасъ же во второй разъ. Снятые для удобства башмачки молодой и хорошенькой миссъ высунулись изъ подъ скамейки и, подскакивая вмѣстѣ съ толчками вагона, попали подъ ноги какого-то длиннаго и костляваго субъекта, по всей вѣроятности, пастора или квакера, который на слѣдующее утро, увидѣвъ около себя такую свѣтскую вещь, отодвинулъ ихъ со злостью, съ помощью своей палки, къ спящей собственницѣ, говоря, вѣроятно, въ душѣ: «Vade retro!»

Между тѣмъ начало разсвѣтать. Домики фермеровъ, деревья, иногда церковныя башни выступали все яснѣе и яснѣе изъ утренней мглы. Въ шесть часовъ мы пріѣхали въ Ливерпуль.

Это чисто англійскій городъ. Тѣ же небольшіе дома изъ краснаго или сырого кирпича, прокопченые дымомъ и запятнанные дождемъ, тѣ же зеленыя жалюзи въ окнахъ, только по случаю ранняго времени все тихо и спокойно. Со стороны моря дулъ сильный, острый вѣтеръ; въ концѣ улицы виднѣлся лѣсъ мачтъ. У насъ оставалось еще два часа времени, поэтому мы остановились въ отелѣ, чтобы умыться, вздремнуть и подкрѣпить силы передъ путешествіемъ по морскимъ волнамъ.

Намъ указали отель вдовы Клэйнтонъ, о которой сказали, что она говоритъ, или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ по-французски. Но когда мы пріѣхали, то вдова Клэйнтонъ отдыхала еще въ объятіяхъ Морфея; вмѣсто нея принялъ насъ какой-то ирландецъ, съ красными, торчащими, какъ щетина, волосами, веснусчатымъ лицомъ, заспанными глазами и голосомъ двухлѣтняго ребенка.

— Джентльмены, вѣроятно, ѣдутъ въ Америку?—проговорилъ или, точнѣе, пропищалъ онъ чрезвычайно патетическимъ голосомъ.—А это далеко, да, очень далеко!

Говоря это, онъ поднималъ глаза вверхъ, вздыхалъ и, казалось, имѣлъ намѣреніе благословить насъ на дорогу.

— Что это за торжественная обезьяна?—спросилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

И въ самомъ дѣлѣ, ирландецъ былъ очень торжественъ. Когда мы его попросили принести воды умыться, онъ грустно проговорилъ:

— Умыться?—О, да, умыться.

Потомъ, когда мы умылись, онъ также трогательно пригласилъ насъ къ завтраку, во время котораго прислуживалъ съ молчаливой серьезностью.

Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ вошла вдова Клэйнтонъ со своею молодой, хорошенькой дочерью, и не знаю, что это за странный домъ, но обѣ дамы показались мнѣ еще торжественнѣе. Прежде всего вдова Клэйнтонъ въ короткихъ, но очень прочувствованныхъ словахъ выразила намъ свою благодарность, что мы выбрали ея отель мѣстомъ своего минутнаго отдыха; когда же мы позавтракали, она воскликнула: «пора, господа!» такимъ раздирающимъ душу голосомъ, какъ будто прощалась съ мужемъ или возлюбленнымъ. При получкѣ денегъ по счету,

который, нужно отдать ему справедливость, былъ необыкновенно скроменъ, изволила обратить на меня свое вниманіе.

— Не женитесь въ Америкѣ,—сказала она,—тамъ дурныя женщины, мнѣ жаль васъ!

Тема была до такой степени щекотлива, что дочь Клэйптонъ слегка покраснѣла, а я старался сдѣлать то же самое и отвѣтилъ, что если бы у меня и было раньше такое намѣреніе, то въ настоящую минуту я отказался бы отъ него разъ навсегда. Потомъ мы попрощались, какъ прощаются члены одной семьи, и отправились въ портъ.

Съ порта маленькій, пузатенькій пароходъ долженъ былъ отвезти насъ на корабль, отправляющійся въ океанъ. Противъ ожиданія, пассажировъ набралась масса, такъ что нашъ маленькій пароходъ былъ переполненъ сундуками, женщинами, дѣтьми; все это, кромѣ сундуковъ, прощалось, махало платками, плакало, цѣловалось, курило сигары, ѣло апельсины или смотрѣло на море. День былъ пасмурный, дождливый; поверхность воды была покрыта мелкою зыбью; вѣтеръ поднималъ прибрежный песокъ и сыпалъ имъ въ лицо. Протискавшись сквозь толпу и груды багажа, мы усѣлись въ какомъ-то углу и молчали. Трудно освободиться отъ волненія, имѣя передъ своими глазами безбрежный океанъ. Между тѣмъ маленькій пароходъ пронзительно свистнулъ, точно съ него кожу содрали, снялся съ якоря и отплылъ.

Послѣ получасовой ѣзды, мы, наконецъ, увидѣли «Германика», который долженъ былъ доставить насъ въ Америку. Сознаюсь, что при видѣ этого судна, длиною въ половину нашего желѣзнаго моста, при видѣ его огромныхъ трубъ, мачтъ, громадныхъ бортовъ, свѣтящихся огнями, я вздохнулъ свободнѣе.

— Ну, это чудовище, должно быть, и не пошелохнется на морѣ,— замѣтилъ я своему товарищу, лицо котораго тоже прояснилось.

— Что?! — отвѣтилъ онъ съ энтузіазмомъ и гордостью, точно былъ строителемъ этого судна. — Да онъ, милостивый государь, смѣется надъ волнами! Я просто влюбленъ въ него!

Такое удивленіе было немножко преждевременно, но его не трудно понять, когда дѣло идетъ о собственной шкурѣ.

Между тѣмъ наше чудовище выкинуло красный флагъ съ бѣлой звѣздой и съ надписью «Withe star» (Бѣлая звѣзда), такъ какъ корабль принадлежитъ обществу того-же имени; затѣмъ не свистнулъ, но зарычалъ такимъ внушительнымъ голосомъ, что привезшій насъ пароходикъ со страха чуть не нырнулъ въ воду. Мы приблизились еще болѣе къ его боку, или, вѣрнѣе, къ его ногамъ; загремѣли сходни, поднялась суматоха; я схватилъ за петли свой чемоданъ и черезъ минуту былъ уже на «Германикѣ». Это было въ четвергъ, 23 февраля.

II.

Съ океана.

Вечеромъ 23 числа, какъ я уже писалъ, мы были на «Германикѣ», который долженъ былъ насъ отвезти въ Америку. Въ предыдущемъ письмѣ я упоминалъ, что «Бѣлая звѣзда» одинъ изъ самыхъ большихъ пароходовъ

общества, курсирующихъ между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ. Волны Ирландскаго моря чуть-чуть колыхали это огромное судно, тѣмъ болѣе, что погода была прекрасная. Послѣ трехчасовой ѣзды совершенно стемнѣло. Ирландскій берегъ, вдоль котораго мы плыли на югъ, все болѣе и болѣе заслонялся мглой и тонулъ въ темной дали, наконецъ, совершенно слился съ моремъ, небомъ и ночью и исчезъ. Только по временамъ мелькали красные и зеленые огни фонарей, горящихъ точно въ воздухѣ; наконецъ, и они погрузились въ темноту, а вокругъ только бѣлѣлись пѣнящіеся гребни волнъ, безпрерывно катящихся другъ за другомъ.

На слѣдующее утро мы прибыли въ Куинстонъ, портъ, лежащій на южномъ берегу Ирландіи, откуда, повернувъ на западъ, должны были ѣхать въ Нью-Іоркъ. Куинстонъ—это огромный портъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ меня увѣряли съ гордостью англичане, неприступная крѣпость, хотя, по моему мнѣнію, она, главнымъ образомъ, неприступна потому, что къ ней никто не приступалъ; на этомъ основаніи и нашъ Озерковъ можетъ считаться неприступной твердыней.

Но, подобно тому, какъ каждый изъ нашихъ городовъ славится чѣмъ-нибудь, вслѣдствіе чего ихъ жители говорятъ: «У насъ въ Плоскѣ», «у насъ въ Козеницахъ» или «у насъ въ Пшытыкѣ» находятся то-то и то-то, причемъ говорятъ это съ такой гордостью, какъ будто это все равно, что «chez nous à Paris»,—такъ и Куинтонъ отличается тѣмъ, что составляетъ врата въ океанъ. Здѣсь кончается Ирландское море и начинается Атлантическій океанъ, поэтому почти всѣ суда, идущія изъ Англіи въ Америку и обратно, останавливаются здѣсь на нѣсколько часовъ. Нашъ корабль тоже бросилъ якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и могучимъ свистомъ извѣстилъ городъ о своемъ прибытіи. Маленькій пароходъ привезъ намъ новыхъ пассажировъ, большею частью эмигрантовъ, которые толпились на палубѣ вмѣстѣ со своими женами, дѣтьми, нуждою и надеждою утопить эту нужду въ морѣ во время путешествія. Началась перегрузка товаровъ съ малаго судна на большое, причемъ сундуки и тюки швыряли такъ энергично, что, казалось, они сейчасъ закричатъ караулъ. На маленькомъ пароходѣ пріѣхало также нѣсколько торговцевъ. Какая-то молодая дѣвушка, съ красивыми голубыми глазами и корзиной апельсиновъ въ рукѣ, изо всей силы перечисляла достоинства своего товара, отвѣчая одновременно на остроты, сыпавшіяся вмѣстѣ съ шиллингами съ высоты нашего парохода, который былъ, по крайней мѣрѣ, втрое больше прибывшаго пигмея. Картина была въ высшей степени оживленная; матросы, выгружая товары, кричали и бранились, дѣвушка бросала снизу градомъ апельсиновъ, не спрашивая, хочетъ ли ихъ кто, или нѣтъ, а молодые джентльмены кидали ей деньги, за которыми она бѣгала по всей палубѣ, смѣясь и танцуя. Иногда ей бросали и апельсинныя корки, но и ихъ она подхватывала съ такой-же улыбкою и смѣхомъ.

Наконецъ, маленькій пароходъ высадилъ всѣхъ своихъ пассажировъ и выгрузилъ багажъ, потомъ забралъ письма съ нашего судна, пронзительно засвистѣлъ и отплылъ. Не было путешественника, который не послалъ бы письма на материкъ, такъ какъ всякій, кто весною отправляется въ путешествіе по океану, никогда не можетъ сказать, что онъ еще уви-

дить тѣхъ, съ которыми теперь прощается, то каждый желаетъ послать еще хоть одно: «addio», «помни, пока не забудешь!» или «пиши ко мнѣ въ Варшаву!» У всѣхъ лица были торжественны и серьезны, а кто въ душѣ не чувствовалъ этой торжественности, тотъ старался выказать ее хотя наружно. Люди любятъ положенія, которыя въ обыденной жизни случается видѣть только въ оперѣ. Отправляясь въ путешествіе черезъ океанъ, каждый дуракъ воображаетъ себя какою-то поэтическою натурой или, по меньшей мѣрѣ, Чайльдъ-Гарольдомъ, а затѣмъ:

„Прощай, прощай, мой край родной!“

И дѣйствительно, засвистѣлъ вѣтеръ, зашумѣли волны, закричали морскія птицы. «Германикъ» снялся съ якоря и черезъ минуну уже качался на огромныхъ волнахъ океана. Путешественники начинаютъ бѣгать по всему судну, заглядывать въ каждый уголокъ, разсматривать каждый винтикъ, потомъ увѣряютъ друга, что опасности не предстоитъ. Каждый болѣе или менѣе труситъ, но всюду слышатся слѣдующіе разговоры:

— Ну, и корабль, чортъ его возьми!

— Да, онъ разобьетъ всѣ пароходы общества «Cunar».

— На этой линіи не было ни одного несчастнаго случая.

— Да и теперь нечего опасаться, тѣмъ болѣе, что погода прекрасная.

— Говорятъ, что нашъ капитанъ тоже очень опытный морякъ. Онъ, кажется, возилъ королеву.

Никто ничего не зналъ ни объ опытности нашего капитана, ни о томъ, что онъ возилъ королеву, но задающій эти вопросы находится подъ страхомъ и спрашиваетъ въ надеждѣ, что получитъ утвердительный отвѣтъ. Наконецъ, стоитъ, дѣйствительно, хорошая погода, судно чуть-чуть колышется, всѣ ободряются, нѣкоторые даже громко заявляютъ, что готовы понять все, кромѣ боязни моря.

А корабль все-таки качаетъ, только онъ такъ великъ, что этого не чувствуешь. Однако, стоя на кормѣ, можно отлично замѣтить, какъ передняя его часть то опускается внизъ, то тяжело поднимается вверхъ. За судномъ летятъ чайки, которыя тотчасъ-же бросаются къ водѣ, какъ только изъ кухни выбрасываютъ что-нибудь черезъ окно.

Около часу пополудни въ столовой и по всѣмъ коридорамъ, въ которыхъ находятся каюты, раздаются варварскіе звуки «гонга» или «тамъ-тама», призывающаго пассажировъ къ lunch'у. Мы садимся за столъ. Тутъ опять начинаются мои злоключенія съ англійскимъ языкомъ. Не понимаю меню, не знаю, что заказать къ обѣду. Приходитъ стэвартъ или лакей. Это старая, высохшая мумія, одѣтая во фракъ и бѣлый галстухъ. Мумія становится передо мною, закрываетъ глаза, открываетъ ротъ, показываетъ желтые зубы и начинаетъ что-то говорить или, вѣрнѣе, скрипѣть, какъ жестяной флюгеръ, движимый вѣтромъ. Недолго думая, показываю ей на картѣ какое-то блюдо, англійское названіе котораго понравилось болѣе остальныхъ. Мумія уходитъ, затѣмъ возвращается и приноситъ мнѣ персики. Я хотѣлъ супу, всѣ ѣдятъ супъ, но нечего дѣлать: принимаюсь за персики.

Послѣ персиковъ неумолимая судьба посылаетъ мнѣ сыръ, послѣ

сыра помидоры, а послѣ помидоровъ тертую булку. Съѣдаю все это; на дессертъ узнаю, что сидящій рядомъ со мною подростокъ говоритъ по французски и что могъ-бы служить мнѣ въ качествѣ переводчика. Я заручаюсь его помощью и любезностью на будущее время, lunch кончается, и мы выходимъ на палубу.

Уже вставая изъ-за стола, я почувствовалъ, что вѣтеръ усиливался. Идя вдоль столовъ къ дверямъ этого громаднаго салона, освѣщеннаго, по крайней мѣрѣ, тридцатью круглыми окнами, приходилось по временамъ хвататься за стулья, прикрѣпленные къ полу и вращающіеся. На палубѣ собралась масса пассажировъ; они посматривали другъ на друга и говорили, конечно, ни о чемъ другомъ, какъ о погодѣ. Эта тема на суднѣ не имѣетъ такого банальнаго характера, какъ на сушѣ.

Между тѣмъ пароходъ начинаетъ качаться все сильнѣе и сильнѣе. Спустя полчаса, одна изъ дамъ, которая до сихъ поръ была оживленнѣе всѣхъ, вдругъ вскакиваетъ, смотритъ на всѣхъ безумными глазами и, проговоривъ глухимъ голосомъ «О, Боже, Боже!», быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ въ коридоръ, ведущій въ каюты. Вслѣдъ за нею бѣжитъ другая, третья, а за ними мужчины; палуба постепенно пустѣетъ; наконецъ, на этомъ полѣ брани остается только нѣсколько человѣкъ, болѣе выносливыхъ, къ которымъ причисляюсь я, мой товарищъ, какой-то докторъ съ рыжими баками и молодая пара американцевъ: мужъ, похожій на Отелло, и жена, напоминающая ангела.

Мы знакомимся. Къ счастію, докторъ и молодая парочка говорятъ по-французски. Мы говоримъ исключительно о морѣ и различныхъ морскихъ приключеніяхъ. Наконецъ, Отелло спросилъ меня:

— Вы много путешествовали по морю?

— Ѣду въ первый разъ, но пока чувствую себя превосходно. А вы?

— О, я знакомъ съ моремъ, жена моя также.

— Однако, не на шутку начинаетъ качать.

— Для меня это ничего не значитъ,—отвѣчаетъ Отелло и черезъ минуту прибавляетъ:

— Мнѣ кажется, что я съѣлъ что-то неудобоваримое...

— Дѣйствительно, вы какъ будто поблѣднѣли.

— О, это пройдетъ. Здѣсь на палубѣ лучше всего; я и не думаю идти въ каюту.

— Ночь будетъ прекрасная.

— Да, великолѣпная... Несомнѣнно, я съѣлъ что-то неудобоваримое.

— Свѣжій воздухъ вамъ поможетъ.

— Однако...

Тутъ Отелло приводитъ такія неопровержимыя доказательства своего предположенія, что ему остается только бѣжать внизъ и лечь въ постель. На палубѣ остается насъ трое и жена Отелло. Я начинаю чувствовать легкое головокруженіе, поэтому закуриваю сигару, и это меня облегчаетъ. Докторъ разговариваетъ съ моимъ товарищемъ,—я съ молодой лэди. Замѣчаю, однако, что начинаю глупѣть, вслѣдствіе чего разговоръ не клеится, несмотря на то, что лэди очень красива. Между тѣмъ начинаетъ темнѣть; матросы снимаютъ большой парусъ и, таща канатъ, стонутъ жалобнымъ голосомъ: «О-о-о! хо-хо!»

— Пойдемъ, посмотримъ,—говоритъ мнѣ молодая лэди.

Идемъ смотрѣть; но на половинѣ дороги лэди останавливается и окидываетъ меня такимъ взглядомъ, отъ котораго кровь бросается мнѣ въ голову. Въ ея глазахъ видны нѣжность и томленіе, щеки ея то блѣднѣютъ, то краснѣютъ, она хочетъ что-то сказать и какъ будто не рѣшается, только закатываетъ глаза, какъ героиня на сценѣ. «Боже великій!—что это означаетъ?»—думаю я...—Неужели?.. но нѣтъ, это было-бы черезчуръ скоро, черезчуръ по-американски. Однако...

— Monsieur...—шепчетъ слабѣющимъ голосомъ молодая лэди.

— Madame!—двѣ души, какъ наши...

— О! о!—прерываетъ лэди.

— Двѣ души, какъ наши...

— Сливъ, сливъ, какъ можно скорѣе!

Ведро холодной воды, вылитое на голову, не отрезвило-бы меня такъ скоро, какъ одно это слово: «сливъ!» Еще въ Ливерпулѣ вдова Клейтонъ говорила мнѣ, что сушеныя сливы—это лучшее средство противъ морской болѣзни. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! О, чтобъ океанъ проглотилъ всѣ сушеныя сливы обоихъ полушарій! А я-то думалъ... Но нечего дѣлать. Бѣгу въ буфетъ за сливами и черезъ минуту возвращаюсь съ полной тарелкою, но молодой лэди уже нѣтъ на палубѣ.

Въ это время китайскій «тамъ-тамъ» даетъ знать, что пора обѣдать. Кормятъ насъ превосходно, но, несмотря на это, за обѣдомъ оказывается меньше половины тѣхъ, что были за завтракомъ. Моего подростка тоже нѣтъ. По правую сторону отъ меня сидитъ какой-то морской капитанъ, судно котораго разбилось у береговъ Англіи. Это человѣкъ — вдвое толще обыкновеннаго христіанина; но эта глыба жиру говоритъ самымъ тоненькимъ голосомъ и ѣстъ столько, что половины бы хватило на всю корабельную команду. Его можно сравнить съ сундукомъ, служащимъ для провизіи. Его аппетитъ снискиваетъ ему особенное уваженіе со стороны старой муміи.

Обѣдъ проходитъ въ молчаніи, прерываемомъ только скрипомъ пилястровъ, поддерживающихъ потолокъ «dining-room'а, иногда волна съ шумомъ зальетъ окна то съ правой, то съ лѣвой стороны салона. Всѣ лица грустны и блѣдны. Сидящій напротивъ капитана какой-то джентльменъ стучитъ стаканомъ объ столъ и говоритъ:

— Чертъ-бы побралъ такую погоду!

— Теперь погода отличная,—пищитъ капитанъ,—но ночью или завтра утромъ будетъ буря.

Потомъ онъ засовываетъ въ ротъ половину огромнаго омара, и лицо его принимаетъ выраженіе неописаннаго блаженства.

Я замѣчаю, что внизу, въ салонѣ, голова у меня кружится больше, нежели на палубѣ; замѣчаю тоже, что умъ мой съ каждой минутой тупѣетъ, а потому, тотчасъ же послѣ чернаго кофе, выбѣгаю опять на палубу. Уже совсѣмъ стемнѣло; сильный вѣтеръ рветъ паруса, на кораблѣ раздается жалобное «О-о-о-хо!» матросовъ. Океанъ зловѣще шумитъ. Изъ мрака и дали доносятся какіе-то грустные вздохи и стоны. Волна за волною тяжело ударяются о высокіе борта судна, которое, кажется, тоже стонетъ, но все-таки плыветъ впередъ. Видъ величе-

ственный, но зловѣщій. Въ этомъ мракѣ, въ этомъ необозримомъ водномъ пространствѣ есть что-то мистическое. Умъ подавляется окружающею его громадою; душа воспринимаетъ впечатлѣніе, но не переработываетъ ихъ. По временамъ мнѣ чудится, что изъ темноты меня кто-то зоветъ по имени. Мой взоръ теряется въ пространствѣ, я пробую думать, вспоминать, но это мнѣ не удается; собственныя мыслишки кажутся мнѣ такими мелкими, ничтожными и пустыми, какъ никогда; на дѣла, къ которымъ я такъ серьезно относился въ родномъ городѣ, я невольно смотрю теперь, точно черезъ обратный конецъ подзорной трубки. Наконецъ, наступаютъ забытье и потеря сознанія; я сливаюсь съ окружающимъ и перестаю существовать самостоятельно. Для утомленныхъ жизнью людей въ этомъ заключается такая же привлекательность, какъ въ глубокомъ снѣ или даже въ смерти. Унылые «О-о-о-хо» матросовъ не прекращаются; они снова тянутъ какіе-то канаты, а во мракѣ виднѣются ихъ черные силуэты, то наклоняющіеся, то выпрямляющіеся. Высокія трубы начинаютъ выбрасывать дождь красныхъ и золотистыхъ искръ; на передней мачтѣ висятъ фонари, которые то поднимаются, то опускаются въ тактъ движенію парохода. Внутренность корабля полна свѣта. Въ десять часовъ вечера я спускаюсь внизъ, но по дорогѣ захожу въ smoking-room, то-есть въ помѣщеніе, предназначенное для курящихъ. Нѣсколько джентльменовъ сидятъ вокругъ стѣнъ на диванахъ, съ ногами на столѣ и шляпами на затылкахъ. Нѣкоторые играютъ въ карты, другіе чрезвычайно мѣтко сплевываютъ въ огромныя фаянсовыя плевательницы, стоящія во множествѣ на полу. Воздухъ пропитанъ дымомъ, а комната имѣетъ видъ нѣмецкой пивной, въ которой публика для удобства снимаетъ сапоги. Мнѣ стало жаль тишины и уединенія на палубѣ, но возвращаться было уже поздно; поэтому я вошелъ въ каюту.

Наша каюта—это крошечная комнатка, занимающая не болѣе трехъ квадратныхъ аршинъ; у одной стѣны прикрѣплены одна надъ другой двѣ койки, или, точнѣе, два глубокихъ ящика съ высокими боками, предохраняющими спящаго отъ возможности вывалиться во время качки; у другой—стоитъ красный плюшевый диванчикъ, между диванчикомъ и койкой умывальникъ,—вотъ и все. Помѣщеніе очень красиво и изящно, но въ высшей степени миніатюрно. Дама, которая, какъ говоритъ Диккенсъ, по женской скромности разсчитывала-бы найти только два огромныхъ шкафа для платьевъ, жестоко ошиблась-бы. Здѣсь едва можно повернуться, а раздѣваться приходится не иначе, какъ по очереди. Многіе, въ особенности въ первую ночь на морѣ, вовсе не раздѣваются. Дѣйствительно, ложась спать, испытываешь какое-то странное чувство при мысли, что подъ тобою неизмѣримая морская глубина, а вокругъ необъятное водное пространство; что ты на суднѣ, которое, несмотря на свою величину и силу, ни что иное, какъ мячикъ, подбрасываемый волнами громаднаго океана. Человѣкъ невольно говоритъ себѣ: можно поставить девять противъ десяти, что я завтра не проснусь.

Но что-же дѣлать? Если подплыветъ ледяная гора, если лопнетъ котелъ, если случится пожаръ на суднѣ, то все равно придется погибнуть, одѣтому или раздѣтому. Между тѣмъ сонъ смыкаетъ глаза, голова, въ которой волны встряхивали мозгъ въ теченіе цѣлаго дня, тяжелѣетъ,

поэтому идешь спать и думаешь: «Что будетъ завтра,—не знаю, а что теперь мнѣ спать хочется,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію».

Ночь, однако, прошла спокойно, то-есть безъ особенныхъ приключеній. Несмотря на это, на слѣдующее утро къ brekfest'у явилось вдвое меньше человѣкъ, чѣмъ къ вчерашнему обѣду. Ѣли исключительно сливы и пшенную кашу съ молокомъ. Судно качало сильнѣе, нежели вчера, а мрачное лицо капитана, казалось, говорило, что скорѣе будетъ хуже, чѣмъ лучше.

Я вышелъ на палубу. День былъ вѣтренный, мрачный, сѣрый. Чайки метались въ воздухѣ, волны бушевали. Съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ. Вокругъ судна громоздились такія волны, въ существованіе которыхъ трудно повѣрить. Я всегда считалъ преувеличеніемъ, когда мнѣ раньше разсказывали, что морскія волны достигаютъ высоты домовъ; теперь я убѣдился, что если это и преувеличеніе, то небольшое. Насъ попросту окружали водяныя горы. По временамъ кажется, что весь корабль вмѣстѣ съ нами находится въ глубокой долинѣ, окруженной горами, превышающими, примѣрно въ десять разъ, верхушки мачтъ. Вдругъ долина начинаетъ уменьшаться съ поразительной быстротою, а горы летятъ со всѣхъ сторонъ на судно съ бѣшенымъ рычаніемъ. Невольно закрываешь глаза и говоришь въ душѣ: «Какъ поживаете, рыбы!»,—можно поклясться, что никакая человѣческая сила не вырветъ уже судна изъ этой проклятой воронки, на днѣ которой оно останется навсегда, покрытое слоемъ воды въ нѣсколько десятковъ саженъ. Черезъ минуту, однако, открываешь глаза и... что случилось? Мы опять на вершинѣ горы, подъ нами пропасть, въ которую мы летимъ почти по вертикальной линіи. Такимъ образомъ мы ѣхали весь день.

— Что это буря?—спрашиваю я одного матроса, такъ какъ зналъ эту фразу по-англійски.

— Нѣтъ, это не буря,—отвѣтилъ матросъ, — напротивъ, погода прекрасная.

Проклятіе на твою голову! Если вы это называете прекрасной погодою, то что-же называется бурею? Онъ говоритъ, что погода отличная! Если мы не утонемъ, то развѣ только потому, что ты вмѣстѣ со всею командою будете висѣть, а то, что можетъ быть повѣшеннымъ, не утонетъ. А волны заливаютъ даже верхнюю палубу, такъ что поневолѣ приходится сойти внизъ. У самой лѣстницы встрѣчаю доктора съ рыжими баками, который наклоняется надо мною и кричитъ, стараясь перекричать шумъ моря:

— Comment ça va, monsieur?

Я до такой степени чувствую себя угнетеннымъ, что не только ничего не отвѣчаю на его привѣтствіе, но и не могу попасть на лѣстницу. Я не боленъ, но испытываю такое сильное головокруженіе, мои умственныя способности дошли до состоянія такого отупѣнія, что если-бы это было нормальнымъ состояніемъ моего ума, то я могъ-бы имѣть успѣхъ даже въ ультра-консервативныхъ à tout prix. «Я держался за что-то,—говоритъ въ подобномъ положеніи Диккенсъ:—можетъ быть, это была печь, можетъ быть—матросъ, а можетъ быть и корова». Знаю только одно, что я не могъ попасть на лѣстницу.

— Смотрите,—говоритъ докторъ,—я ни за что не держусь и свободно могу прогуливаться по палубѣ.

— Какъ это?—простоналъ я.—И вы не упадете?

— Je suis trop vieux marin pour cela!—отвѣтилъ онъ, и въ ту же минуту я убѣдился воочію, что онъ не только можетъ прогуливаться, но и кувыркаться.

Настоящая буря разыгралась только къ вечеру, хотя вѣтеръ усилился еще днемъ. Когда наступило время lunch'a, на столы положили рѣшетки,—иначе все бы попадало на полъ. Ничего не можетъ быть комичнѣе, какъ видѣть пассажировъ, идущихъ вдоль столовъ и качающихся точно пьяные. Напримѣръ, входитъ какой-то пресвитеріанскій пасторъ, а можетъ быть, и квакеръ. Едва онъ показался въ дверяхъ и выпустилъ ручку, какъ уже стремглавъ бросился къ камину, точно тамъ увидѣлъ давно намѣченную вещь; затѣмъ отскакиваетъ отъ камина и ударяется объ стулъ, хочетъ схватиться за спинку стула, но его отбрасываетъ, и онъ попадаетъ въ объятія какой-то миссъ, хватаетъ ее за голову, потомъ садится на полъ и начинаетъ пищать умирающимъ голосомъ: «Ой, ой, ой!»

Несмотря на рѣшетки и поручни, lunch все-таки не обходится безъ танцевъ; когда корабль ложится на лѣвый бокъ, всѣ блюда, тарелки, стаканы, графины, ножи, вилки летятъ со звономъ, шумомъ и грохотомъ влѣво, потомъ вправо и т. д. Стэварды, прислуживая намъ, ходятъ такимъ образомъ, что образуютъ съ поломъ острый уголъ; супъ выливается изъ тарелокъ, вода изъ стакановъ, вино изъ рюмокъ; дамы начинаютъ кричать, мужчины ругаться, не обращая вниманія на присутствіе дамъ; однимъ словомъ, поднимается страшная суматоха, и половина присутствующихъ оставляетъ столъ раньше времени.

Обѣдъ проходитъ съ такими же приключеніями, какъ и завтракъ. Хуже всего то, что за обѣдомъ нѣтъ капитана, а это считается дурнымъ признакомъ. И дѣйствительно, за кофе слово: «Storm! storm!» (буря) раздается по всему салону, коридору и каютамъ. Буря въ самомъ дѣлѣ начинается. Несмотря на собственное плачевное состояніе, я хочу ее видѣть и, одѣвшись въ гуттаперчевый плащъ съ капюшономъ, выхожу на палубу или, вѣрнѣе, вылѣзаю на четверенькахъ. Вихрь такъ силенъ, что, держась обѣими руками за перила, я едва могу устоять на ногахъ. По временамъ вода окачиваетъ меня съ ногъ до головы. Кажется, что море перемѣшивается съ тучами, а тучи съ моремъ. Глядя на все это, я не могъ отрѣшиться отъ мысли, что океанъ взбѣсился. Но это глупое и слѣпое бѣшенство возбуждаетъ къ нему презрѣніе. Шумитъ, рычитъ, мечется, плюетъ въ небо пѣною, перемѣшивается съ воздухомъ, однимъ словомъ, ошалѣваетъ. Это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни его размѣрамъ, ни его величію, тѣмъ болѣе, что его злость не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній. Бѣсится, и конецъ,—какъ иногда приходитъ въ бѣшенство слонъ, безъ всякой причины. Эта разнузданность слѣпой силы, это звѣрское насиліе, направленное противъ судна, которое въ сравненіи съ нимъ ни что иное, какъ атомъ, возбуждаетъ жажду сопротивленія и гнѣвъ. Хочется схватить въ руки топоръ и съ искрящимися глазами выжидать этотъ гигантскій сбродъ вѣтра, пѣны, волнъ, бѣшенства, ре-

вущей оргіи и насилія. Поступокъ Ксеркса, который приказалъ высѣчь волны, кажется мнѣ въ это время понятнымъ. Звѣрь требуетъ кнута. Кто только не трусъ, тотъ непремѣнно скажетъ океану: Рычи, вой, бѣснуйся,—я смѣюсь надъ тобою! Во всемъ этомъ есть извѣстная доля наслажденія, потому что въ присутствіи такого чувства даже бѣшенство становится безсильнымъ.

Къ полуночи буря достигла maximum'а. Корабль почти не плылъ впередъ; онъ только кидался съ тучъ въ пропасть и обратно. Ничего не было видно, кромѣ хаотической смѣси неба, воды, воздуха, вихря и мрака. По временамъ вѣтеръ ударялъ точно молотомъ, иногда крутилъ точно буравомъ, однимъ словомъ, издѣвался надъ волнами и судномъ. Тучи водяныхъ капель ударяли отъ времени до времени мнѣ въ лицо и кружились въ воздухѣ, точно облако дыма. Волны ежеминутно заливали палубу или перелетали черезъ нее на другую сторону. Я долженъ былъ держаться изо-всѣхъ силъ, чтобы не быть снесеннымъ моремъ.

Вдругъ я замѣтилъ, что кто-то стоитъ около меня, одѣтый тоже въ въ гуттаперчевый плащъ съ капюшономъ. Это былъ мой товарищъ. Мы пробовали было говорить, но тщетно: вѣтеръ не давалъ намъ возможности даже ротъ открыть. Всѣ путешественники попрятались въ каюты, такъ что на палубѣ были только матросы.

Весь экипажъ, кромѣ кочегаровъ, былъ наверху. Матросы то тащили канаты, то карабкались по лѣстницамъ, то связывали веревками паруса, бѣгая, крича, ругаясь или повторяя свое заунывное: «Оо-хо!» Во мракѣ, среди вихря и шума волнъ, раздавались рѣзкіе звуки мичманскихъ свистковъ, которые для матросовъ означаютъ слова команды. Свистки эти не умолкали ни на минуту. Борьба въ такихъ случаяхъ продолжается до тѣхъ поръ, пока буря не измучится, не обезсилѣетъ, не выпьетъ всей пѣны, не охрипнетъ и не признаетъ себя побѣжденною.

Около часу ночи мы, наконецъ, сошли внизъ, перемѣнили промокшее до нитки, несмотря на гуттаперчевые плащи, платье и бѣлье, затѣмъ легли спать. Но буря продолжалась всю ночь. По временамъ приходилось держаться, чтобы не вылетѣть изъ ящика. Судно качалось такъ, что мы, лежа въ постели, оказывались иногда въ стоячемъ положеніи: хорошо, когда на ногахъ, хуже, когда на головѣ. Шуба, висѣвшая на противоположной моей постели стѣнѣ, вдругъ очутилась надъ моей головою. Наши чемоданы и сапоги летали по всему полу и стѣнамъ, ударяясь о перегородки. Дорожныя сумки, повѣшенныя на крюки, развѣвались въ воздухѣ, точно ихъ вертѣла невидимая рука.

Около двухъ часовъ въ каютахъ, расположенныхъ ближе къ лѣстницѣ, раздался крикъ. Я уже думалъ, что произошло какое нибудь несчастіе, но въ ту же минуту послышался шумъ воды, ворвавшейся въ коридоръ. Всѣ проснулись; крики: «Вода! вода!» раздались по всему кораблю; женщины начали визжать и бѣгать по коридорамъ въ такихъ костюмахъ, простоту которыхъ не въ состояніи было бы передать даже самое простое описаніе. Наконецъ, пришелъ молодой мичманъ, весь мокрый, съ раскраснѣвшимся отъ борьбы лицомъ, и объявилъ дамамъ, что вода попала въ коридоръ по очень простой причинѣ, и что опасности нѣтъ никакой.

На слѣдующее утро море еще волновалось, но вѣтеръ утихъ; около полудня утихло и море. Къ завтраку явилось большинство пассажировъ. Начались шутки и смѣхъ по поводу вчерашняго переполоха; разсказывали множество пикантныхъ исторій о бѣдахъ, причиненныхъ бурею во время вчерашней ночи. Перегородки, раздѣляющія каюты, не доходятъ до самаго пола, поэтому болѣе мелкія вещи попадали изъ одной каюты въ другую. Вообразите себѣ удивленіе и бѣшенство нашего Отелло, когда, вставши утромъ, онъ замѣчаетъ въ каютѣ Дездемоны не свои туфли и... говорить-ли?.. еще другія принадлежности мужского костюма, полосатыя или клѣтчатыя. Отелло начинаетъ рычать, Дездемона клянется своей невинностью и блескомъ серебристой луны, что ни о чемъ не знаетъ,— пасторъ же въ сосѣдней каютѣ не можетъ выйти къ завтраку и приказываетъ принести изъ люка свой сундукъ. Правда, лакей скоро возвращаетъ ему пропавшія вещи, но онъ находитъ ихъ оскверненными и требуетъ свой сундукъ; когда ему заявляютъ, что это невозможно, онъ предсказываетъ черезъ годъ кончину міра и одѣваетъ свое прежнее платье.

По всей вѣроятности, въ этихъ анекдотахъ нѣтъ ни слова правды, но разсказываютъ ихъ всѣ. Хорошая погода и спокойное море удивительно вліяютъ на расположеніе духа путешественниковъ. Я вижу множество лицъ, которыхъ до сихъ поръ не встрѣчалъ. Туалеты дамъ изящнѣе, чѣмъ когда-либо. Послѣ завтрака и чернаго кофе начинается прогулка по палубѣ; знакомства заводятся очень скоро. Маленькія сплетни переходятъ изъ устъ въ уста. Иногда мнѣ кажется, что я на какихъ-то заграничныхъ водахъ; если-бы еще не англійскій языкъ и отсутствіе подраздѣленія общества на аристократію и демократію, я подумалъ-бы, что прогуливаюсь по бульвару въ Щавницѣ или Цѣхоцинскѣ.

Но этого подраздѣленія здѣсь нѣтъ, такъ какъ общество состоитъ по преимуществу изъ американцевъ. Хотя къ этому обществу принадлежатъ и люди, путешествовавшіе по Европѣ, слѣдовательно, обладающіе нѣкоторымъ свѣтскимъ лоскомъ, но лоскъ этотъ не только не можетъ сравниться съ европейскимъ, но даже не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. Многіе изъ мужчинъ садятся за столъ въ шапкахъ; одинъ джентльменъ, сидящій противъ жены французскаго консула изъ Сапъ-Франциско, каждый день къ концу обѣда снималъ сапоги, простодушно заявляя, что ему такъ удобнѣе и совѣтуя другимъ послѣдовать его примѣру. Послѣ обѣда нѣкоторые занимаются чтеніемъ иллюстрированныхъ журналовъ, но не иначе, какъ протянувши ноги на столъ. Вообще американцы производятъ непріятное впечатлѣніе, даже ихъ лица съ грубыми неинтеллигентными чертами выдаютъ недостатокъ полировки и изящества, которыя ласкаютъ глазъ и дѣлаютъ пріятными отношенія даже между незнакомыми людьми.

По-французски говорятъ очень немногіе, да и тѣ не говорятъ, а грызутъ французскія выраженія, какъ твердые орѣхи; о нихъ можно сказать, что они не произносятъ, но выплевываютъ ихъ, какъ нѣчто очень невкусное. Отелло и прекрасная Дездемона возвращаются прямо изъ Парижа, въ которомъ провели медовые мѣсяцы, поэтому оба они благовоспитаннѣе и разговорчивѣе другихъ. Есть еще и много другихъ интересныхъ типовъ. Кромѣ доктора изъ С.-Люи на Миссури, хвастуна

я лгуна чистѣйшей воды, и моего сосѣда по обѣденному столу, капитана, который попрежнему поглощаетъ неимовѣрное количество пищи, мое вниманіе обратила одна квакерская парочка. Оба худые, молчаливые, угрюмые и старые. Его лицо съ ввалившимися щеками и вытаращенными, какъ у больного солитеромъ, глазами—образецъ хитреца и сластолюбца; у нея кислая физіономія ханжи, которая водитъ мужа за носъ и смотритъ на молодость, улыбку, веселье и смѣхъ съ точки зрѣнія неугасимаго огня чистилища.

Къ концу обѣда, когда подаютъ дессертъ, глаза бѣднаго квакера принимаютъ выраженіе неописанной жадности, а на щекахъ выступаетъ румянецъ. Онъ бы и радъ поѣсть компота, да боится попасть въ адъ; однако, онъ колеблется; ложечка въ его рукѣ дрожитъ, и бѣдняга жаднымъ взоромъ провожаетъ каждую сливу, которую осужденный на вѣчныя муки сосѣдъ несетъ въ ротъ; однимъ словомъ,—онъ испытываетъ муки Тантала. Въ это время жена злобно поглядываетъ на него и говоритъ сладкимъ, но не лишеннымъ иронiи голосомъ: «Доставь себѣ это удовольствіе; зачѣмъ себѣ отказывать? Скушай сливу, а объ остальномъ не безпокойся!» Несчастный квакеръ вздыхаетъ и кладетъ ложечку на мѣсто.

Въ подобныхъ наблюденіяхъ надъ смѣшными сторонами характера моихъ сосѣдей проходитъ день за днемъ. Подъ конецъ, однако, путешествіе начинаетъ мнѣ надоѣдать. Одинъ день похожъ на другой, какъ два родные брата: breakfest, прогулка на палубѣ; lunch, прогулка по палубѣ; обѣдъ, прогулка по палубѣ, потомъ въ постель. Наконецъ, постоянно передъ глазами одинъ и тотъ же видъ: огромныя зеленоватыя волны и необозримое, пустое пространство; вѣчно одно и то же количество чаекъ за кораблемъ и жалобное: «О-о о-хо!» матросовъ, то связывающихъ, то распускающихъ паруса. Наступаетъ воскресеніе, еще болѣе скучное, чѣмъ остальные дни. Послѣ завтрака лакеи приносятъ нѣсколько десятковъ экземпляровъ Библіи, американцы садятся и читаютъ, зѣвая и думая совсѣмъ о другомъ. Всѣ серьезны и молчаливы, но во всемъ этомъ болѣе искусственности и рутины, нежели истиннаго благочестія. Послѣ молитвы они кладутъ ноги на столъ и сидятъ молча, какъ китайскія куклы.

Послѣ полудня случилось происшествіе, потрясшее всѣхъ, точно электрическая искра. На горизонтѣ появился корабль. Положимъ, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, но среди скуки и однообразія — это настоящій праздникъ для инстинктовъ ротозѣйства, дремлющихъ въ человѣческой натурѣ. Всѣ толпятся, смотрятъ: кто въ подзорную трубку, кто въ бинокль, а иные невооруженными глазами. Вездѣ слышатся вопросы, отвѣты и споры:

— Это «Алэнъ?»

— Нѣтъ,—это «Сомерія!»

— «Алэнъ!»

— «Сомерія!»

— Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что это «Алэнъ!» Меня удивляетъ, что можно «Алэнъ» принять за «Сомерію!»

— Пари!

— Пари!

Начинаются пари. Я таращу глаза, но кромѣ двухъ столбовъ дыма ничего болѣе не вижу. Нашъ корабль выкидываетъ два флага: одинъ англійскій, другой Withe star, т. е. бѣлую звѣзду на красномъ полѣ. Два столба дыма подвигаются все ближе, наконецъ, я вижу громадный, бѣлый пароходъ, храбро взбирающійся на гребни волнъ и оставляющій позади себя серебристый пѣнящійся слѣдъ. Черезъ минуту судно проходитъ мимо, удаляется, дѣлается все меньше и, наконецъ, расплывается въ синей дали.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ опять была буря, но никто этого не зналъ, такъ какъ всѣ пассажиры преспокойно спали, не догадываясь, что находятся на волоскѣ отъ смерти. Вихрь пригналъ съ сѣвера ледяныя горы, которыя, заключивъ между собою нашъ пароходъ, плыли съ нимъ бокъ-о-бокъ, какъ два адскихъ пса, угрожая каждую минуту смять его въ лепешку. Капитанъ приказалъ спустить паруса, потушить огонь въ машинѣ и предоставилъ судно на волю волнъ и вѣтра. Это и спасло насъ; пароходъ, несомый тѣми же волнами, что и ледяныя горы, болѣе не приближался къ нимъ. Только на разсвѣтѣ, когда море нѣсколько успокоилось, онъ понесся на всѣхъ парахъ, а адскія чудовища остались позади.

— Что это было? Что это было?—спрашивали всѣ на слѣдующее утро.

— Это была смерть,—отвѣчалъ капитанъ Кэннеди, поглаживая похожій на уполовникъ сѣдѣющій подбородокъ.

Нѣкоторыя дамы собирались даже упасть въ обморокъ, желая вознаградить себя за минувшій уже удобный случай. Капитанъ выросъ въ нашихъ глазахъ до размѣровъ настоящаго героя, но этотъ почтенный и преисполненный простоты морякъ не хотѣлъ и не умѣлъ примириться съ такою высокой ролью. Нужно отдать справедливость какъ капитану, такъ и всему экипажу, что все это въ высшей степени люди дѣльные, знающіе свою службу, свои обязанности, притомъ спокойные и очень любезные съ пассажирами.

«Германикъ»—это одинъ изъ самыхъ скорыхъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ. Мы гордимся этимъ; нашъ корабельный патріотизмъ возрастаетъ до такой степени, что насъ можно принять за акціонеровъ этой линіи. Смѣяться надъ обществомъ «Cunar» считается признакомъ хорошаго тона. О всѣхъ другихъ линіяхъ мы говоримъ не иначе, какъ съ сожалѣніемъ. Каждое утро множество лицъ толпится передъ таблицей, на которой одинъ изъ офицеровъ отмѣчаетъ число пройденныхъ наканунѣ миль и обозначаетъ ихъ линіей на морской картѣ. Однако, мы не плывемъ такъ быстро, какъ могъ бы плыть «Германикъ», потому что погода все время дурная, и рѣдко приходится поднимать паруса. Путешествіе становится все скучнѣе, хотя все увеличивающееся количество чаекъ предвѣщало приближеніе къ сушѣ. Дѣйствительно, мы находимся на высотѣ песчаной лавы, окружающей Нью-Фаундлэндъ, но береговъ съ корабля не видно. По цѣлымъ часамъ я всматриваюсь съ вышки въ море; говорятъ, что въ этихъ мѣстахъ случается видѣть китовъ. Море, однако, кажется пустымъ и необитаемымъ. Одинъ только разъ голова какого-то чудовища высунулась на минуту

изъ воды, но скрылась раньше, чѣмъ я успѣлъ разглядѣть, кому она принадлежитъ.

На шестой день на кораблѣ устроили концертъ. Погода превосходная; черезъ толстыя чечевицеобразныя окна каютъ врываются красноватые лучи солнца. Концертъ начинается спичемъ какого-то громаднаго джентльмена, который становится съ невозмутимой важностью около піанино и говоритъ:

— Милостивые государыни и государи! Вы сейчасъ услышите одну изъ знаменитѣйшихъ артистокъ въ мірѣ — миссъ N. Если вы о ней до сихъ поръ не слыхали, то только потому, что ея скромность равняется ея таланту. Америка гордится ею. Европа скрежещетъ зубами отъ зависти. Поэтому совѣтую вамъ превратиться въ слухъ. Миссъ N. исполнитъ этюдъ знаменитаго мистера Шопена. Слушайте! Слушайте!

Миссъ садится за рояль и начинаетъ до такой степени коверкать Шопена, что наши польскія уши буквально вянутъ; затѣмъ слѣдуетъ громъ рукоплесканій, ораторъ опять встаетъ и говоритъ:

— Милостивые государыни и государи! Вамъ извѣстно, какой вредъ причиняютъ нашимъ запасамъ живности и сундукамъ негодныя крысы и мыши. Но насталъ часъ мести: знаменитѣйшій въ свѣтѣ теноръ м-ръ Черли, своимъ несравненнымъ голосомъ тотчасъ же ихъ всѣхъ разгонитъ. Увѣряю васъ, что каждая крыса предпочтетъ лучше броситься въ волны океана, чѣмъ слушать ту мелодію, которой мы будемъ черезъ минуту наслаждаться.

Новый взрывъ рукоплесканій оканчиваетъ рѣчь оратора. Слышатся крики: «Hip! hip!» М-ръ Чэрли становится около аккомпанирующей миссъ и начинаетъ пѣть италіанскій романсъ: «O fanciulla mia!» Если бы какой-нибудь итальянецъ услыхалъ это пѣніе, то, безъ сомнѣнія, сошелъ бы съ ума. Трудно себѣ представить, до какой степени ничтожны музыкальныя способности у англо-саксонской расы. Изъ числа нѣсколькихъ пѣвцовъ и пѣвицъ я не слышалъ ни одного голоса, который можно было бы слушать безъ зубного скрежета. Американцы, однако, были очень довольны собою и своими талантами. Они спрашивали насъ съ нѣкоторой гордостью, слышали-ли мы что-нибудь подобное въ Европѣ. И я искренно отвѣчалъ, что въ самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не слышалъ.

Этотъ шестой день былъ днемъ празднества на кораблѣ. Послѣ концерта слѣдовалъ обѣдъ, сопровождаемый разнообразнѣйшими тостами. Между прочимъ, концертный ораторъ провозгласилъ очень торжественный тостъ въ честь капитана Кэннеди. Ораторъ напомнилъ, что этому джентльмену мы обязаны жизнью, что если бы не онъ, то ледяныя горы непремѣнно погрузили бы насъ въ морскую бездну, потомъ сравнилъ его съ древними героями и, наконецъ, выразилъ надежду, что присутствующіе здѣсь лэди и джентльмэны признаютъ справедливымъ воскликнуть трижды въ честь нашего капитана: «Hip! hip! hourra!» Собравшіеся лэди и джентльмены признали это приличнымъ и необходимымъ, послѣ чего корабль огласился такими неистовыми криками, какъ будто на немъ случился пожаръ.

Этотъ тостъ засталъ почтеннаго капитана совершенно врасплохъ, такъ какъ въ эту минуту онъ засовывалъ въ ротъ громадный кусокъ

бифштекса и прежде, чѣмъ его испуганный разсудокъ успѣлъ понять всѣ эти сравненія съ древними героями и встать на высоту положенія, необходимо было покончить съ бифштексомъ и проглотить его, какою бы то ни было цѣною. Бѣдный герой побагровѣлъ, глаза его вышли изъ орбитъ, бифштексъ застрялъ въ горлѣ; наконецъ, онъ пробормоталъ, еще съ полнымъ ртомъ, что это ему такъ пріятно, какъ будто онъ выпилъ стаканъ грога, что онъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ и извиняется, если бифштексъ былъ твердъ; вѣроятно, «каналья повара перепились» и т. д.

Послѣ этой прекрасной рѣчи былъ пропѣтъ національный англійскій гимнъ: «Боже, храни королеву!», что со стороны американцевъ было доказательствомъ большой любезности; затѣмъ обѣдъ кончился. На слѣдующее утро мы узнали изъ таблицы, что сегодня же мы достигнемъ суши. На всемъ кораблѣ царила неподдѣльная радость. Все предвѣщало близость земли. Матросы надѣли новые кафтаны и вымыли тщательно весь корабль; каждый его винтикъ блестѣлъ на солнцѣ, точно золотой. За мачтою неслись цѣлыя стаи чаекъ, пища и кувыркаясь въ воздухѣ. Навстрѣчу намъ попадаются все чаще и чаще корабли: большіе пароходы, парусныя суда, рыбачьи лодки скользятъ по зеркальной поверхности воды, отражаясь въ ней со всѣми мачтами и парусами. Рѣзкій, холодный вѣтеръ, который все время дулъ на океанѣ, совершенно утихъ, и наши лица ласкаетъ теперь нѣжное и теплое дыханіе весны. Вода серебристая, воздухъ серебристый, покой и нѣга разлиты повсюду. Мы быстро приближаемся. Наконецъ, на западѣ появляется удлиненная синеватая тучка.

— Земля, земля!—кричатъ всѣ.

И дѣйствительно: черезъ нѣсколько минутъ на фонѣ этой тучки начинаютъ обрисовываться зеленые и желтые песчаные берега, лѣса мачтъ, крыши домовъ, остроконечныя башни церквей,—однимъ словомъ, прекрасный городъ, какъ во время оно Венера, выплывалъ изъ пѣны морской все яснѣе и яснѣе. Люди, бывавшіе въ этихъ мѣстахъ, различаютъ уже Нью-Іоркъ и Гобокенъ. Мы входимъ въ портъ. Погода все время прекрасная; я поклялся бы, что мы прибыли въ страну вѣчной весны. На гладкой поверхности воды качаются обозначающія мели красныя бочки, колеблемыя легкимъ вѣтеркомъ. Нашъ пароходъ опять выкидываетъ два флага: англійскій и свой собственный, потомъ уменьшаетъ ходъ и еле движется по волнамъ.

Въ это время отъ маленькаго островка, мимо котораго мы плывемъ, отдѣляется маленькій, напоминающій орѣховую скорлупу пароходикъ, на которомъ ѣдутъ два джентльмена, а третій, лѣтъ восьми, сидитъ на крышѣ, рядомъ съ трубою. Это карантинные врачи. Пароходъ нашъ останавливается. Имъ спускаютъ лѣстницу, по которой они входятъ къ намъ, а малолѣтній джентльменъ показываетъ намъ языкъ и, высунувъ его до самаго подбородка, держитъ его такъ съ полчаса. Затѣмъ переворачивается на спину, хватается руками за концы ногъ и остается въ этой ультра-демократической позѣ во все время ревизіи.

Ревизія, однако, не продолжается долго, потому что на пароходѣ нѣтъ больныхъ. Доктора обмѣниваются нѣсколькими словами съ капита-

помъ и корабельнымъ докторомъ, потомъ выкрикиваютъ: «All right!» и возвращаются обратно, а мы двигаемся далѣе; но черезъ минуту опять «Стой!»—теперь таможня. Подходитъ новый пароходъ, тоже съ двумя джентльменами, одѣтыми въ статское платье, съ серебряными значками на груди. Это таможенные чиновники. У обоихъ лица форменныхъ воришекъ, притомъ одѣты они въ вытертые сюртуки, грязное бѣлье и помятыя шляпы. Младшій, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, курчавыми свѣтло-русыми волосами, сѣрыми глазами, изъ которыхъ одинъ стеклянный и держится на пружинѣ въ углу глазной впадины у носа, выглядитъ такимъ мошенникомъ, что я ему бы не довѣрилъ и десяти центовъ. Эти джентльмены входятъ въ залу и раздаютъ пассажирамъ билетики или печатныя деклараціи, на которыхъ они должны подписаться. Кто подпишется, тотъ этимъ самымъ даетъ присягу, что не везетъ ничего запрещеннаго; потомъ ревизуютъ еще слегка въ порту, но если что-нибудь найдутъ, то наказываютъ очень строго. Когда дошла очередь до насъ, мошенникъ съ пружиною въ глазу подалъ моему товарищу билетикъ и спросилъ его фамилію.

— Моя фамилія такая-то.—отвѣчаетъ мой товарищъ.

— Какъ? какъ? — спрашиваетъ, смѣясь, мошенникъ. — Тшшапишушскій?

— Что это значитъ?

Присутствующіе американцы разражаются грубымъ смѣхомъ, чего никогда бы не случилось ни въ одной цивилизованной странѣ. Насъ обоихъ разбираетъ злость.

— Чего эти дикія животныя скалятъ зубы? — громко спрашиваетъ меня по-французски мой товарищъ.

Нѣкоторые изъ американцевъ, понявшіе его вопросъ, начинаютъ стыдить и бранить своихъ соотечественниковъ, мой товарищъ обращается къ нимъ и спрашиваетъ, указывая пальцемъ на мошенника:

— Какъ зовутъ этого субъекта?

— Your name? — спрашиваютъ его,—your name?

Онъ отвѣчаетъ: «Трислей», или что-то въ этомъ родѣ.

— Хорошо,—говоритъ мой товарищъ,—скажите этому франту, что если бы въ Европѣ я назвалъ такимъ именемъ кошку, то она мяукала бы три дня.

— All right! all right!—кричатъ обрадовавшіеся американцы.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ какой-то почтенный джентльменъ съ сѣдой бородою и оливковымъ цвѣтомъ лица и заявилъ, что если мы желаемъ, то онъ, посредствомъ своихъ связей, постарается, чтобы этого грубаго таможеннаго уволили со службы. Мы этого вовсе не желали, но выразили свое удивленіе, что въ странѣ, претендующей на званіе цивилизованной, люди могутъ такимъ образомъ держать себя.

— Чего же вы хотите? — отвѣчалъ джентльменъ. — Что касается благовоспитанности, то даже нашъ высшій классъ далеко отсталъ отъ Европы. Наконецъ, съ того времени, какъ республиканцы вмѣстѣ съ нашимъ милымъ президентомъ держатъ бразды въ своихъ рукахъ, государственныя должности занимаютъ такіе субъекты, которымъ самое подхо-

дящее мѣсто было бы за рѣшеткою. Мы, однако, надѣемся, что это скоро кончится.

Въ это время показался докъ, въ который нашъ корабль спрятался, какъ въ ножны, и мы вошли въ большое деревянное зданіе, въ которомъ провѣряютъ декларацію, т. е. ревизуютъ вещи. Какой-то новый таможенный чиновникъ подошелъ къ намъ и собирался уже открыть наши сундуки, но мы избавились отъ этого, какъ и всѣ прочіе, съ помощью двухъ долларовъ, сунутыхъ ему въ руку. Свободный американскій гражданинъ не только взялъ взятку, но и помогъ уложить наши вещи въ фіакръ; однимъ словомъ, въ этой странѣ гражданское право и честность оказались на высотѣ долларной подачки. Хотя индюку все равно, подъ какимъ бы соусомъ его не подавали, но когда его спросили объ этомъ, то онъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія быть изжареннымъ. Но я не хочу подражать этому индюку и, чтобы не выходить изъ рамокъ своего письма, скажу только, что вслѣдъ за этимъ насъ ограбилъ извозчикъ, и дальше объ этомъ позаботились въ отелѣ.

Городъ, казавшійся съ моря такимъ красивымъ и величественнымъ, вблизи вовсе не привелъ меня въ восторгъ. Набережная порта грязна, между деревянными постройками нѣтъ мостовыхъ; вездѣ лежатъ кучи мусора, деревянные доки блестятъ отъ сала и грязи; народъ же, какъ обыкновенно въ портовыхъ городахъ, выглядитъ такъ, точно сейчасъ только сорвался съ висѣлицы. Таково было мое первое впечатлѣніе, но едва успѣлъ я осмотрѣться, какъ фіакръ очутился на улицѣ. Мы въѣхали на знаменитый Бродвэй. Окна магазиновъ пылали отъ газоваго освѣщенія, черные и бѣлые пѣшеходы толпились на тротуарахъ, ряды фонарей тонули въ отдаленіи. Наконецъ, фіакръ остановился, мы вышли и очутились въ мраморномъ вестибюлѣ отеля, украшенномъ цвѣтами, коврами и сверкающемъ тысячью огней. Здѣсь мы должны были остановиться на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть и собраться съ силами для новаго путешествія, которое должно было окончиться у береговъ Тихаго океана.

III.

Мраморъ, бронза, ковры, зеркала,—вотъ американскіе отели. Въ Нью-Іоркѣ—это самыя красивыя зданія, не считая банковъ и почтамта. Кромѣ номеровъ, предназначенныхъ для жилья, въ каждомъ отелѣ находится еще множество громадныхъ залъ, гдѣ жильцы могутъ принимать своихъ знакомыхъ, и будуаровъ, отдѣланныхъ съ княжеской роскошью,—для дамъ. Central Hotel, въ которомъ я остановился, по своимъ размѣрамъ, маленькій городокъ. Кромѣ жильцовъ постоянныхъ и случайныхъ, по вечерамъ въ его великолѣпномъ вестибюлѣ собирается масса горожанъ, чтобы почитать газеты, встрѣтиться со знакомыми, покурить или пожевать табакъ, наконецъ, просто покачаться въ креслѣ-качалкѣ, которыхъ здѣсь множество.

Находится Central Hotel на Бродвэѣ, лучшей и оживленнѣйшей улицѣ Нью-Іорка, отличающейся своей длиною. Вечеромъ, въ день пріѣзда, я не могъ, вслѣдствіе поздняго времени, посѣтить городъ, а

принужденъ былъ удовольствоваться осмотромъ отеля, послѣ чего мы отправились въ dining room, т. е. въ столовую.

Это громадный залъ, вмѣщающій нѣсколько сотъ человѣкъ, отдѣланный роскошно, но безвкусно. Колонны, поддерживающія своды, сдѣланы изъ мрамора, но слишкомъ толсты и низки, а входъ такой, точно онъ ведетъ въ скотный дворъ. Громадныя двери створчатыя, съ кругымъ верхомъ.

Три раза въ день сюда сходятся всѣ жители отеля. За пищу въ отеляхъ не платятъ отдѣльно, это включается въ плату за номеръ. Каждый жилецъ имѣетъ право придти сюда пять разъ въ день и ѣсть, что ему заблагоразсудится, безъ особой доплаты; большинство, однако, приходитъ только къ brekfest'у, lunch'у и вечернему обѣду. За столомъ жильцы разговариваютъ, какъ знакомые, но это не влечетъ за собою болѣе близкихъ отношеній. Пообѣдавъ, всѣ расходятся, не благодаря за компанію и не ожидая другъ друга. Масса женщинъ приходитъ сюда безъ сопровожденія мужчинъ, а также масса дѣвушекъ путешествуетъ безъ всякой опеки. Всѣ онѣ наряжаются такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ; всѣ приходятъ безъ шляпъ, поэтому обѣды, но особенно ужины, носятъ характеръ званныхъ обѣдовъ и бываютъ въ высшей степени церемонными. Прислугѣ здѣсь не дается «на чай». Она состоитъ, почти во всѣхъ отеляхъ, исключительно изъ негровъ. Это у нихъ въ модѣ, къ тому же цвѣтная прислуга, вѣроятно, дешевле бѣлой. У каждаго стола стоятъ два или три негра, съ головами, похожими на головы черныхъ барановъ. Они очень вѣжливы, прислуживаютъ проворно и ловко, а во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ выглядятъ если не красиво, то въ высшей степени оригинально. Впрочемъ, прислуживать здѣсь не трудно. По американскимъ обычаямъ здѣсь передъ каждымъ посѣтителемъ ставятъ сразу множество фарфоровыхъ мисочекъ съ различнаго рода кушаньями. Тутъ передъ вами супъ, мясо, рыба, яйца, помидоры, мороженое, земляника, яблоки, миндаль, кофе, однимъ словомъ—неисчислимое количество яствъ въ малыхъ дозахъ. Можете начинать, съ чего угодно, ѣсть, что угодно,—никто здѣсь на васъ не смотритъ. Негръ стоитъ надъ вами, какъ чортъ надъ доброю душою, и безпрестанно добавляетъ въ стаканъ воду со льдомъ. На каждое ваше требованіе отвѣчаетъ неизмѣннымъ: «Yes, sir!» Благодаря такой системѣ, приходится ѣсть все холодное, застывшее, даже въ самыхъ лучшихъ ресторанахъ. Американская кухня—отвратительнѣйшая въ мірѣ. Здѣсь не заботятся о томъ, чтобы было вкусно и полезно для здоровья, но чтобы скорѣе съѣсть и вернуться къ business; поэтому, все это дѣлается кое-какъ, и только вечернie обѣды подаются нѣсколько старательнѣе, такъ какъ ровно въ пять часовъ прекращаются всякія занятія.

Въ первый день пріѣзда, вмѣсто того, чтобы засѣсть въ reading room и приняться за описаніе американскихъ обычаевъ, какъ это сдѣлала корреспондентка одного изъ варшавскихъ изданій, которая по напитію свыше успѣла съ перваго взгляда изучить ихъ нравы и обычаи, я отправился въ городъ, чтобы, хотя мелкомъ, взглянуть на все. Правда, почью я не испыталъ такихъ сильныхъ впечатлѣній, какъ упомянутая корреспондентка, которой револьверные выстрѣлы американцевъ, стрѣляю-

щихъ себѣ въ лобъ, не давали спать не только въ первую ночь, но и во все время ея пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ. Что касается меня, то я спалъ такъ спокойно, что невольно усомнился въ томъ, чтобы эти ночные отголоски, слышанные корреспонденткой, имѣли такое трагическое значеніе; не вдаваясь въ подробности, я вышелъ на Бродвэй.

Отъ Нью-Іорка я не только не пришелъ въ восторгъ, но сильно въ немъ разочаровался. Каждый изъ европейскихъ городовъ имѣетъ свои достопримѣчательности, съ которыми стоитъ познакомиться. Парижъ имѣетъ ихъ тысячи; Лондонъ—столько же. Вѣна имѣетъ своего Стефана, Берлинъ—Каульбаха, Брюссель—Вирца и св. Гудулу, Венеція—каналы, Римъ—Папу и древній Римъ, Кельнъ—грандіозный готическій соборъ, первый въ мірѣ, Краковъ—Матейку, Варшава—добрыя намѣренія, которыми она вся вымощена, великихъ людей на малыя дѣла, длиннѣйшіе въ свѣтѣ языки, Саксонскій садъ и общественное благо, въ формѣ дыряваго орѣха, на которомъ свиститъ, кто хочетъ и какъ хочетъ. Во всемъ видна традиція, отовсюду на тебя смотритъ, если не сорокъ вѣковъ, какъ было сказано на одномъ юбилейномъ обѣдѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько; вездѣ видишь исторію, замурованную въ стѣны, вездѣ національная особенность и великій идеалъ, начало котораго кроется во мракѣ прошедшаго. Въ Нью-Іоркѣ нѣтъ ничего подобнаго. Особенности этого города составляютъ отели и банки; другими словами, здѣсь нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, ничего, возбуждающаго особенный интересъ. Исторію Соединенныхъ Штатовъ нужно искать въ Вашингтонѣ; въ Нью-Іоркѣ есть только купцы. Торговля и торговля, business и business, вотъ все, что можно видѣть съ утра до вечера, о чемъ постоянно пишутъ и говорятъ. На первый взглядъ—это не городъ, населенный извѣстной націей, а собраніе купцовъ, банкировъ, чиновниковъ, космополитическій выскочка, импонирующій величиною, движеніемъ, развитіемъ промышленности, но страдающій односторонностью общественной жизни и не творящій ничего, кромѣ денегъ. Желая описать этотъ городъ, не знаешь, съ чего начать, на чемъ остановить мысль и глазъ; одна улица похожа на другую, вездѣ движеніе, шумъ, толкотня, экипажи и омнибусы; всѣ суетятся, у всѣхъ лихорадочныя движенія и выраженіе лица, точно у помѣшанныхъ. Во всемъ видна торопливость: въ постройкѣ домовъ, улицъ, тротуаровъ. Одно устроено и доведено до совершенства, другое еле начато. Вотъ, напримѣръ, Бродвэй: дома здѣсь похожи на лондонскіе; рядомъ съ мраморнымъ дворцомъ стоятъ красные кирпичные дома, далѣе пустая площадь со слѣдами пожарища; вчера тамъ былъ пожаръ, а сегодня уже строятъ новый домъ. Вотъ церковь, въ которой люди славятъ Бога, мыча, точно телята, въ другой дрожатъ, въ третьемъ молятся по католическому обряду. По церкви эти заперты, потому что сегодня будни и business не позволяетъ молиться. Впрочемъ, церкви не отличаются здѣсь ни величиною, ни древностью: всѣ они построены наскоро. Около церквей небольшія кладбища, далѣе магазины, торгующіе вещами, необходимыми при погребеньи, business въ гробахъ и памятникахъ, далѣе снова улица. Витрины магазиновъ отличаются роскошью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіемъ вкуса. На тротуарахъ лежатъ кучи мусора. Городъ загрязненъ, плохо вымощенъ; мѣстами стоятъ лужи чер-

ной грязи, которая не можетъ стечь въ море по засоренпымъ стокамъ. Масса бумажекъ, клочковъ газетъ, яблочныхъ и апельсинныхъ корокъ валяется какъ на тротуарахъ, такъ и по серединѣ улицы. Среди изящныхъ экипажей и омнибусовъ движутся телѣги, нагруженныя тюками товаровъ, или прогуливаются свиньи, незвѣстно кому принадлежащія, съ обгрызенными ушами. Свиней здѣсь множество. «Вотъ одна изъ нихъ,— говоритъ Диккенсъ въ своемъ описаніи Нью-Іорка,—смотрите, какъ она пробирается между экипажами и пѣшеходами. У нея одно только ухо, другое оторвали собаки въ ожесточенной борьбѣ, гдѣ она выказала необыкновенное мужество. Почтенная свинья эта поступаетъ такъ, какъ приличествуетъ человѣку, живущему такъ называемою трактирной жизнью. Каждое утро она въ извѣстный часъ выходитъ изъ дома, путешествуетъ по городу, ѣстъ, что попало, а вечеромъ аккуратно приходитъ къ воротамъ своего дома. Она беззаботна, лѣнива, высоко цѣнитъ свою независимость, ненавидитъ насиліе и съ другими свиньями обращается, какъ съ равными» и т. д.

Въ настоящее время этихъ животныхъ, вѣроятно, меньше, чѣмъ было во времена Диккенса, но и теперь ихъ здѣсь больше, нежели въ десяти европейскихъ городахъ, въ особенности на нижнихъ улицахъ Нью-Іорка. Короче говоря, я въ жизни своей не видѣлъ болѣе грязнаго города и заранѣе заявляю, что всѣ усилія варшавскаго муниципалитета въ этомъ направленіи не приведутъ къ желаемому результату: за Нью-Іоркомъ всегда останется первенство, хотя бы потому, что онъ портовый городъ.

Однако, ни одинъ изъ европейскихъ городовъ не расходуетъ столько на поддержаніе порядка и на удовлетвореніе нуждъ города, какъ Нью-Іоркъ: другія учрежденія, такъ же, какъ и муниципалитетъ, состоятъ изъ такихъ ловкихъ мошенниковъ, что въ сравненіи съ ихъ злоупотребленіями блѣднѣютъ всѣ европейскія плутни. Если, напримѣръ, въ какомъ-нибудь изъ европейскихъ городовъ изъ оффиціальной думы родится какая-нибудь частная думка, то здѣсь оффиціальная мысль должна родить частную гору, хотя бы сама мысль не вынесла родовъ. Общественный грошъ, общественная собственность здѣсь ни что иное, какъ жиръ, которымъ смазываютъ сапоги, чтобы сухимъ пройти черезъ грязь.

Позже я буду имѣть случай возвратиться къ подобнымъ злоупотребленіямъ и причинамъ, породившимъ ихъ, а теперь возвращаюсь къ описанію города. Мы все еще на Бродвэѣ. Близъ City Hall возвышается великолѣпное зданіе почтамта, устроенное, какъ нигдѣ въ мірѣ. Каждый большой магазинъ, каждая компанія, каждый болѣе состоятельный гражданинъ имѣетъ здѣсь свой отдѣльный ящикъ, обозначенный извѣстнымъ нумеромъ, въ который заглядываютъ каждый день, находя письма, посылки и даже деньги. Такое устройство существуетъ во всѣхъ банкахъ. За извѣстную годовую плату каждый получаетъ здѣсь задѣланный въ гранитъ ящикъ, въ которомъ можетъ, безъ опасенія, хранить всѣ бумаги, золото, драгоцѣнности и т. п. Онъ приходитъ, когда хочетъ, вынимаетъ и прибавляетъ, сколько хочетъ, отрѣзываетъ купоны, когда ему вздумается: однимъ словомъ, держа деньги въ банкѣ, остается полнымъ ихъ господиномъ каждую минуту. Отъ воровъ оберегаютъ здѣсь замки, рѣшетки и стража. Огня эти массивныя, каменныя зданія не боятся.

Недалеко отъ City Hall въ домахъ, расположенныхъ вокругъ сквера, помѣщаются редакціи такихъ большихъ газетъ, какъ: «Herold», «Tribune», «Times» и «Staats-Zeitung». Всѣ эти газеты отпечатываютъ сотни тысячъ экземпляровъ ежедневно съ помощью машинъ, которымъ нѣтъ равныхъ во всей Европѣ. «Herold»—собственность наслѣдниковъ Беннета и до сихъ поръ считается первой американской газетой. Приноситъ она милліоны долларовъ годового дохода и доставляетъ занятія нѣсколькимъ тысячамъ людей. Его редакторы считаются первыми силами въ краѣ, съ которыми приходится считаться какъ правительству, такъ и президенту. Безчисленныя телеграфныя линіи ежедневно приносятъ сюда новости со всего свѣта. Часто случается, что не только «Herold» и «Tribune», но и «Times», который давно уже перещеголялъ англійскую газету того же названія, имѣютъ даже о европейскихъ событіяхъ болѣе раннія и болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ европейскія газеты.

Цѣлыя арміи репортеровъ, оплачиваемыхъ на вѣсъ золота и разбросанныхъ по цѣлому свѣту, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ничто, достойное вниманія, не ускользнуло отъ ихъ свѣдѣнія; зато еженедѣльный расходъ каждой изъ этихъ газетъ превосходитъ годовой бюджетъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, варшавскихъ изданій.

Между репортерами «Herold'а» находятся такія знаменитости, какъ, напримѣръ, Стэнли, который въ настоящее время путешествуетъ на счетъ редакціи по внутренней Африкѣ. Американцы съ гордостью говорятъ, что даже многіе изъ европейскихъ министровъ присылаютъ, въ качествѣ репортеровъ, политическія извѣстія въ ихъ газеты. На самомъ дѣлѣ это сказка, но она доказываетъ, до какой степени здѣсь достигаетъ развитіе политической прессы.

Но что касается литературной отдѣлки, то эти газеты уступаютъ европейскимъ газетамъ. Писательскій талантъ здѣсь не играетъ такой роли, какъ въ Европѣ. Во всей періодической прессѣ преобладаетъ дидактическій характеръ; быстрота и точность сообщеній считается здѣсь важнѣе всего, поэтому здѣшнія газеты скорѣе можно назвать агентствами, нежели очагами литературныхъ силъ. Публицисты здѣсь стушевываются, такъ что писатели имѣютъ скорѣе значеніе коммиссіонеровъ, результаты дѣятельности которыхъ въ общемъ громадны, но имена которыхъ рѣдко дѣлаются извѣстными въ литературномъ мірѣ.

Этотъ перевѣсъ политическаго и диктаторскаго характера надъ литературнымъ и составляетъ главную разницу между американской и европейской прессой. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и инстинктамъ американцевъ, которые ищутъ въ газетѣ полезныхъ, связанныхъ съ политикою и промышленностью извѣстій, а не стилистической красоты, остроумія или писательскаго вдохновенія.

Съ другой стороны, изъ этой односторонности какъ народа, такъ и его органовъ печати, вытекаетъ то, что тогда, какъ у насъ газета удовлетворяетъ, главнымъ образомъ, умственнымъ потребностямъ и считается отчасти роскошью, безъ которой большинство умѣетъ обходиться, въ Америкѣ газета составляетъ такую же насущную потребность, какъ хлѣбъ. Этимъ объясняются милліоны читателей и тысячи газетъ, издаю-

щихся не только въ большихъ городахъ, но часто въ накапунѣ основанныхъ поселеніяхъ.

Отъ редакцій газетъ перейдемъ на Wall Street, улицу небольшую, узкую, но, можетъ быть, болѣе важную, нежели Бродвэй. Это — улица банкировъ. На ней съ самаго утра больше народу, чѣмъ на Бродвэѣ. Здѣсь хранятся сокровища, за которыя можно было бы купить цѣлыя государства. Различные торговые дома совершаютъ здѣсь оборотовъ на семьдесятъ милліардовъ франковъ въ годъ; о значеніи этой суммы мы составимъ себѣ приблизительное понятіе, если вспомнимъ, что Бисмаркъ только пятью милліардами надѣялся разорить навсегда Францію. На видъ ничто не обнаруживаетъ важности этой улицы, развѣ только тысячи людей, раскраснѣвшіяся ихъ лица и торопливость, съ какою они здороваются, говорятъ и прощаются, которая доказываетъ, что здѣсь совершаются очень важныя для нихъ дѣла. Здѣсь помѣщается также Stock-exchange т. е. биржа, или, если угодно,—лѣчебница для умалишенныхъ, страдающихъ febris aurea. Спокойнаго жителя пробираетъ страхъ, когда онъ смотритъ на все то, что здѣсь творится. Видишь раскраснѣвшіяся лица, слышишь хриплые голоса. Люди мечутся отъ одного къ другому и, крича, точно въ параксизмѣ горячки, потрясаютъ кулаками передъ лицомъ собесѣдника. Каждый старается перекричать другого. Кажется, что всей этой толпою овладѣло необъяснимое бѣшенство, подъ вліяніемъ котораго они сейчасъ станутъ убивать другъ друга. Кто бы могъ догадаться, что это только способъ обмѣна мыслей, принятый въ торговыхъ сдѣлкахъ, а крикъ и потрясаніе кулакомъ служатъ для большей убѣдительности. Когда, наконецъ, раздается звонокъ предсѣдателя, биржа закрывается, и эти же самые люди спокойно выходятъ подъ руку другъ съ другомъ. Кромѣ банковъ, биржи, Gold-room (золотой избы), на всей Wall-Street ничего нѣтъ достойнаго вниманія. Теперь мы сходимъ внизъ къ торговымъ улицамъ. Здѣсь движенія меньше, безпорядка больше, грязь часто не даетъ возможности пройти черезъ улицу. Въ толпѣ все чаще попадаются негры: извозчики, рабочіе, носильщики и т. п. Одежда ихъ состоитъ по-преимуществу изъ штановъ и фланелевой рубахи. Курчавыя ихъ головы, не знающія ни гребня, ни ножницъ, выглядятъ точно черное руно. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ, а другіе стоятъ передъ домами, засунувъ руки въ карманы, покуривая коротенькія трубки, пожевывая табакъ и глазѣя на прохожихъ. Всѣ въ высшей степени некрасивы и неряшливы. Женщины еще безобразнѣе и разнятся отъ мужчинъ больше костюмомъ, чѣмъ лицомъ: такіе же приплюснутые носы, курчавые волосы и черная кожа. Эти черныя лэди также грязны, какъ и ихъ джентльмены, и вмѣсто шляпъ носятъ на головѣ различнаго рода тюки, посуду и даже запасы живности. Тамъ, гдѣ бѣлый человѣкъ отдѣлывается плечами и руками, черный употребляетъ голову, которая, по всей вѣроятности, составляетъ самую твердую часть организма. Я видѣлъ негритянку, которая, купивъ апельсины, вмѣсто того, чтобы нести ихъ въ рукѣ, положила ихъ на голову. Апельсины катались во всѣ стороны, но окруженные копной курчавой шерсти не могли упасть. Замѣтивъ, что я смотрю на ея голову, черная миссъ начала подпрыгивать вмѣстѣ съ апельсинами, наконецъ, воскликнувъ: «All right, sir!», —

показала рядъ бѣлыхъ зубовъ и удалилась, довольная своей ловкостью.

Кромѣ негровъ, въ этой части города, въ крохотныхъ и выше всякаго описанія грязныхъ домахъ ютятся несчастные эмигранты, которые, соблазнившись разсказами о легкомъ заработкѣ въ Америкѣ, пріѣхали сюда на послѣдніе гроши. Заработокъ въ Америкѣ, дѣйствительно, очень легокъ, но только въ глубинѣ страны, на далекомъ западѣ; самъ-же Нью-Іоркъ и безъ того слишкомъ заселенъ, поэтому бѣднѣйшіе изъ эмигрантовъ, не имѣя возможности оплатить дальнѣйшую дорогу, мрутъ здѣсь съ голоду и холоду. Эта часть города напомнила мнѣ лондонскіе закоулки, съ той разницею, что здѣсь во сто разъ грязнѣе, а населеніе, составляющее подонки общества всѣхъ народностей, выглядитъ еще хуже лондонскаго. Всѣ эпидемическія и не-эпидемическія болѣзни постоянно опустошаютъ ряды этихъ несчастныхъ, которые, достигнувъ малозаселенныхъ, а мѣстами и совсѣмъ незаселенныхъ западныхъ штатовъ, могли бы образовать рабочее населеніе, полезное какъ для государства, такъ и для цивилизаціи.

Единственнымъ спасеніемъ для этихъ людей является зачисленіе въ ряды войскъ, но этого слишкомъ недостаточно прежде всего потому, что вся армія Соединенныхъ Штатовъ состоитъ лишь изъ двадцати пяти тысячъ солдатъ, а во вторыхъ, туда принимаютъ только людей молодыхъ и необремененныхъ семействомъ. Поэтому большинство пробавляется лишь случайнымъ заработкомъ и съ завистью, а можетъ быть, и съ ненавистью смотритъ на милліонеровъ, которые уже и сами не въ состояніи сосчитать своихъ богатствъ. Такое положеніе вещей вызываетъ среди пролетаріата частыя преступленія, которыя совершаются или съ цѣлью наживы, или, какъ меня увѣряли, изъ разсчета попасть въ тюрьму, гдѣ для каждаго заключеннаго обезпечено хоть мало-мальски сносное существованіе.

Значительное большинство этихъ несчастныхъ составляютъ ирландцы, которыхъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ насчитываютъ до десяти милліоновъ. Ихъ легко узнать, какъ по костюму, вѣрнѣе, по остаткамъ національнаго костюма, такъ и по голубымъ глазамъ, свѣтлорусымъ или темнорусымъ волосамъ, крѣпкому тѣлосложенію, по чисто галльской живости въ рѣчи и движеніяхъ, такъ рѣзко отличающихъ эту расу отъ англо-саксонской. Предаваясь пьянству, игрѣ и всевозможному разврату при врожденной живости и страстности, они совершали бы еще больше преступленій, если бы не ихъ религіозность. Они всѣ—ревностные католики и ради небесныхъ благъ терпѣливо выносятъ всѣ земныя страданія.

Въ дальнихъ западныхъ штатахъ ихъ тоже множество, но они тамъ не терпятъ такой нужды, какъ въ Нью-Іоркѣ. Многіе завоевали независимое положеніе, иные нажили очень значительныя состоянія. Они въ высшей степени солидарны, помогаютъ другъ другу, держатся и подаютъ голоса вмѣстѣ, то-есть такъ, какъ имъ укажетъ патеръ, не забываютъ своей національности, любятъ Ирландію, ненавидятъ Англію и составляютъ элементъ, съ которымъ Америкѣ приходится сильно считаться.

Причина этого явленія кроется въ чрезвычайно быстромъ приростѣ этого народа. Ирландцы плодовиты, какъ кролики, природные же американцы—наоборотъ. Въ американскихъ семьяхъ двое-трое дѣтей составляютъ рѣдкое явленіе, а благочестивыя ирландскія семьи, считающія дѣтей Божьею благодатью, производятъ ихъ на свѣтъ ежегодно, очевидно, придерживаясь пословицы: «что годъ, то пророкъ», а этихъ годовъ у нихъ всегда очень много.

Эта плодовитость до сихъ поръ полезна для Америки, размѣры которой нуждаются въ народонаселеніи. Вообще, ирландцы играютъ уже немаловажную роль въ Соединенныхъ Штатахъ, будучи въ то же время полезны и необходимы, какъ элементъ, внесшій начало идеализма въ это насквозь пропитанное матеріализмомъ общество. Американцы, можетъ быть, этого не сознаютъ, а если и сознаютъ, то не цѣнятъ. Я вижу, какъ въ эту минуту улыбаются мои пріятели-позитивисты, но не возьму своихъ словъ обратно. Чрезмѣрное преобладаніе идеализма вредно для даннаго общества: оно порождаетъ мечтательность, политическое донкихотство, надежду на небесную манну, сожалѣніе зимою о веснѣ, бездѣлье, бѣдность и безсиліе. Все это неопровержимая истина, но нельзя отрицать, что и всякая односторонность также вредна. Если хотите видѣть народъ безъ всякихъ идеальныхъ стремленій,—то вотъ вамъ, напримѣръ, китайцы. Тамъ реализмъ достигъ высшаго развитія и такъ глубоко проникъ въ натуру народа, что остановилъ всякій прогрессъ, всякое творчество въ сферѣ идей, за которое умѣютъ гибнуть, и гибнутъ европейскіе народы. Китайцы, убивъ въ себѣ фантазію, убили вмѣстѣ съ тѣмъ всякую инициативу какъ въ дѣлахъ общественныхъ, такъ и въ открытіяхъ, наукѣ, искусствѣ, однимъ словомъ,—уничтожили въ себѣ способность къ творчеству, матерью котораго считается воображеніе.

Впрочемъ, они, можетъ быть, по натурѣ были болѣе склонны развиваться въ этомъ направленіи; тѣмъ не менѣе, врожденныя наклонности не составляютъ еще всего, и если онѣ могутъ вліять на цивилизацію, то и послѣдняя вліяетъ на нихъ такъ или иначе. По-моему мнѣнію, американское общество, несмотря на свои замѣчательныя достоинства, создаетъ цивилизацію одностороннюю, характеръ же ирландцевъ представляетъ противовѣсъ, полезный и необходимый для блага цѣлаго общества.

И у ирландцевъ есть, однако, свои дурныя стороны. Они лѣнивы, въ особенности въ первомъ поколѣніи, вспыльчивы, склонны къ политическимъ волненіямъ,—слѣдовательно, составляютъ элементъ небезопасный для республики. Находясь въ подчиненіи у духовенства, они могутъ со временемъ образовать сильную клерикальную партію, которая тѣмъ вредна во всякомъ государствѣ, что исключительно преслѣдуетъ свои партійныя цѣли; кромѣ того, въ Соединенныхъ Штатахъ она можетъ со временемъ нарушить ту гармонію, которая тамъ теперь царитъ между людьми различныхъ религіозныхъ вѣрованій.

Но вернемся еще разъ къ Нью-Іорку, хотя этотъ городъ, благодаря отсутствію всякихъ историческихъ памятниковъ, величественныхъ зданій, церквей, музеевъ, галлерей, наконецъ, благодаря своему безпорядку, безвкусію во всемъ, и производитъ несимпатичное впечатлѣніе; но онъ имѣетъ и свои положительныя стороны, изъ которыхъ главную состав-

ляетъ гигантское развитіе промышленной цивилизаціи, предпріимчивость и энергія жителей, доказывающія удивительную жизненность этого молодого государства.

Этотъ необыкновенный ростъ города такъ же, какъ и всемірное его значеніе въ торговлѣ, объясняются не однимъ только его географическимъ положеніемъ. Ріо-Жанейро и Буэносъ-Айресъ расположены одинаково, если не лучше, въ торговомъ отношеніи, но не имѣютъ и десятой доли того значенія только потому, что ихъ населеніе не можетъ сравниться въ энергіи и предпріимчивости съ янки. Уже и теперь Нью-Іоркъ вмѣстѣ съ Бруклиномъ и Джерсей-Сити насчитываетъ болѣе милліона жителей, и если какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства не помѣшаютъ его дальнѣйшему развитію, то лѣтъ чрезъ пятьдесятъ онъ будетъ больше Парижа и Лондона, взятыхъ вмѣстѣ.

Двухдневнаго моего пребыванія не хватило на осмотръ этого гигантскаго города, но я все-таки успѣлъ ознакомиться съ главными его частями, что счелъ достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ очевидцевъ, остальныя части города отличаются отъ первыхъ лишь еще большей неряшливостью, доходящей до того, что на ихъ улицахъ часто можно видѣть трупы дохлыхъ животныхъ, на раздувшихся тѣлахъ которыхъ ничѣмъ не брезгающіе янки наклеиваютъ свои объявленія. Это очень характерно, и хотя я этого не видалъ лично, но слышалъ и читалъ объ этомъ.

Изъ общественныхъ учрежденій заслуживаетъ еще вниманія Central Park, находящійся на Бродвэѣ и служащій для Нью-Іорка тѣмъ, чѣмъ является булонскій лѣсъ для Парижа. Онъ ни хуже, ни лучше всѣхъ мѣстныхъ парковъ, но, по моему мнѣнію, его нельзя сравнить ни съ лондонскимъ Гайдъ-Паркомъ, ни даже съ берлинскимъ Тиргартеномъ; наконецъ, его и посѣщаютъ меньше, чѣмъ эти послѣдніе, такъ какъ въ будни жители заняты дѣлами, а въ воскресенье они, по американскому обычаю, сидятъ дома.

Изъ церквей, не считая Бруклина, который здѣсь называютъ городомъ церквей, нѣтъ ни одной, заслуживающей особеннаго вниманія. Самая извѣстная, «Frinity Churh», построена еще англичанами. Это довольно обширное зданіе съ высокими остроконечными башнями, въ стилѣ, близкомъ къ готическому. Ее окружаетъ маленькое кладбище, на которомъ теперь уже никого не хоронятъ, но гдѣ находится нѣсколько могилъ американскихъ знаменитостей.

Народнаго американскаго театра нѣтъ не только въ Нью-Іоркѣ, но, насколько мнѣ извѣстно, и во всей Америкѣ. Собственно театры есть, и даже роскошно устроенные, но въ нихъ играютъ и поютъ большей частью заграничные артисты, европейскія знаменитости, оплачиваемыя на вѣсъ золота. Драматическія произведенія, которыя ставятся на сценѣ, принадлежатъ тоже перу европейскихъ писателей, а если и попадаются американскія,—то они ниже всякой критики: это просто неумѣлые опыты, которые и въ будущемъ не предвѣщаютъ ничего интереснаго.

Если изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ, что Нью-Іоркъ производитъ скорѣе дурное, чѣмъ хорошее впечатлѣніе, то я долженъ приба-

вить, что жители его представляются еще менѣе симпатичными. Конечно, и они обладаютъ многими достоинствами, но ихъ можно оцѣнить лишь при болѣе близкомъ знакомствѣ; прежде всего бросается въ глаза отсутствіе лоска, грубость и нѣкоторыя дикія привычки, коробящія всякаго европейца. Высшій классъ, люди богатые, путешествовавшіе и даже проживше долгое время въ Европѣ, ничѣмъ не отличаются отъ европейцевъ, но большинство общества въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представляется наблюдателю, отличается такимъ отсутствіемъ благовоспитанности, что даже самые ярые поклонники американцевъ должны согласиться, что въ этомъ отношеніи они стоятъ гораздо ниже европейцевъ. Съ ихъ обычаями и привычками я познакомился не во время своего двухдневнаго пребыванія въ Нью-Іоркѣ, но послѣ продолжительнаго общенія.

Прежде всего иностранецъ, прибывшій въ Америку, напрасно станетъ разсчитывать на любезность, съ какой даются объясненія, наприм., во Франціи. Житель Нью-Іорка вѣчно спѣшитъ и, спрошенный о чемъ бы то ни было, отвѣчаетъ въ большинствѣ случаевъ: «O! i domt know!» (О, я не знаю!)—не потому, что онъ, дѣйствительно, не знаетъ, но ему просто некогда или не хочется отвѣчать. Французская вѣжливость здѣсь совершенно неизвѣстна, а если и случается встрѣтить какую-нибудь любезность, то она такъ рѣзка, такъ полна грубой фамильярности, что невольно припоминаются слова одного радомскаго шляхтича: «Plus de confidence que de znkajomence!» Объ иностранцахъ здѣсь никто не заботится. Причины этого явленія очень понятны. Парижъ и другіе европейскіе города привыкли къ богатымъ путешественникамъ, путешествующимъ ради собственнаго удовольствія и принадлежащимъ къ высшему классу. Въ Америкѣ наоборотъ. Большинство путешественниковъ составляютъ бѣдные эмигранты, часто съ очень темнымъ прошлымъ, сами люди невоспитанные, разспрашивающіе обо всемъ съ цѣлью заглянуть въ американскіе карманы. Поэтому американцы относятся съ недовѣріемъ къ пріѣзжимъ, а съ другой стороны, если пріѣзжій не эмигрантъ, а человѣкъ богатый и въ особенности высокорожденный, то онъ взираетъ на этихъ сугубыхъ демократическихъ дѣтей Америки съ высоты своихъ европейскихъ понятій и своего европейскаго значенія. Все это не можетъ хорошо вліять на обоюдныя отношенія. Если къ этому прибавить врожденную американскую грубость, то не трудно понять, съ какими непріятностями сопряжены первоначальныя сношенія съ ними.

Наконецъ, американцы сами сознаютъ свою грубость, нѣкоторые, въ особенности образованные, стараются отъ нея вылѣчить какъ себя, такъ и своихъ собратій, но большинство считаетъ грубость республиканскою и демократическою народной чертою, которою скорѣе слѣдуетъ гордиться.

Это — въ высшей степени глупое, хотя и часто встрѣчающееся проявленіе самолюбія. Цѣлые народы, какъ и отдѣльныя личности, благодаря самообольщенію, могутъ доходить до глупости, что даже на свои недостатки смотрятъ сквозь розовые очки, какъ на что-то весьма привлекательное, чѣмъ они могутъ гордиться. Проявленіе такой слабости въ отдѣльной личности замѣтить не трудно. Если Янекъ можетъ и рѣшается

выпить сразу гарнецъ вина, то это для людей, одаренныхъ здравымъ разсудкомъ, служитъ только доказательствомъ, что онъ поросенокъ; но Янекъ съ величайшей гордостью говоритъ о своихъ способностяхъ и готовъ пойти въ рукопашную со всякимъ скептикомъ. Это себялюбіе доходитъ до такой степени, что мы часто слышимъ фразы: «Мой параличъ, мой катарръ, мой бѣшеный характеръ», сказанныя уже не съ оттѣнкомъ снисходительности, но скорѣе съ сознаніемъ собственнаго преимущества. То же происходитъ и между народами.

Американцы въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія. Они считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ; между тѣмъ большая часть образованныхъ пришельцевъ утверждаетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ государство, но нѣтъ народа въ полномъ значеніи этого слова. По мнѣнію большинства, это собраніе всѣхъ народностей, торгующихъ, продающихъ, покупающихъ, работающихъ въ сферѣ промышленности или земледѣлія, образующихъ общество, организованное на подобіе государства, но лишенное всѣхъ характерныхъ особенностей, отличающихъ каждый отдѣльный народъ.

До извѣстной степени это правда, но я не стану объ этомъ распространяться, такъ какъ хочу поговорить объ обычаяхъ, которые, надѣюсь, будутъ больше интересовать моихъ читателей. Въ чемъ заключается недостатокъ благовоспитанности? Я могу отвѣтить: во всемъ; впрочемъ,— судите сами. До четырехъ или пяти часовъ пополудни почти каждый житель Нью-Іорка, какъ и вообще всей Америки, работаетъ съ горячечной энергіей надъ завоеваніемъ благосостоянія, которое, по его мнѣнію, составляетъ главнѣйшее достоинство человѣка, что отразилось даже на языкѣ; здѣсь не говорятъ: «Человѣкъ имѣетъ» столько-то, а «человѣкъ стоитъ» столько-то. Вечеромъ всѣ занятія кончаются, наступаетъ время обѣда, а потомъ отдыха. Каждый, принадлежащій къ среднему классу, американецъ (повторяю, я не говорю о высшемъ) вынимаетъ изъ кармана свертокъ табаку, отрѣзаетъ извѣстную часть перочиннымъ ножомъ и начинаетъ съ наслажденіемъ жевать. Одновременно съ этимъ занятіемъ онъ садится на кресло-качалку, кладетъ ноги на столъ или на окно и, не пряча перочиннаго ножа, рѣжетъ имъ все, что попадется на глаза, хотя бы спинку стула или оконную раму; если это въ саду, то рѣшетку веранды или еще что-нибудь. Страсть къ строганію доходитъ до такой степени, что многіе, нарочно съ этою цѣлью, носятъ съ собою куски дерева. Часто такое занятіе помогаетъ прикрыть умственное убожество. Если американецъ случайно попадетъ въ общество иностранцевъ, съ которыми ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать наравнѣ, то тотчасъ же пускаетъ въ ходъ свой ножъ и презрительно молчитъ, какъ бы желая показать, что онъ, какъ истый республиканецъ и демократъ, не придаетъ никакого значенія этому внѣшнему изяществу, которому въ душѣ завидуетъ и стыдится своей неловкости.

Хотя отвратительная привычка жевать табакъ мало-по-малу выходитъ изъ употребленія, въ особенности въ большихъ городахъ, однако— и до сихъ поръ она довольно распространена. Стоитъ посмотрѣть на первое попавшееся общество мужчинъ, и вы увидите, что каждый изъ нихъ систематически двигаетъ челюстями, точно жвачное животное, по-

минутно сплевывая табачный сокъ, причемъ щеки его отъ запиханной жвачки кажутся распухшими. Въ отеляхъ и ресторанахъ, украшенныхъ мраморомъ, расклеены печатныя предостереженія, въ которыхъ просятъ публику плевать только въ плевательницы, а не на мраморъ, скоро портящійся отъ этого. Вообще, плевательницы красуются всюду въ большомъ количествѣ, какъ въ общественныхъ мѣстахъ, такъ и въ частныхъ квартирахъ. Но не въ этомъ одномъ заключается ихъ грубость.

Американцы, вставъ изъ-за стола, никогда не благодарятъ другъ друга за компанію, при встрѣчѣ ограничиваются кивкомъ головы, во время разговора держатъ другъ друга за пуговицы или клапаны сюртука, и это такъ распространено, что практикуется даже между господами и слугами; наконецъ, не снимаютъ шляпъ даже въ частныхъ квартирахъ, а сюртуки сбрасываютъ при дамахъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ врожденная скромность не должна этого допустить.

За недостаткомъ времени я въ Нью-Іоркѣ не побывалъ ни въ одномъ общественномъ учрежденіи, но два мѣсяца спустя мнѣ пришлось быть на засѣданіи суда присяжныхъ въ Сакраменто, столицѣ Калифорніи. И что вы скажете, читатели? Предсѣдатель сидѣлъ на отдѣльной каѳедрѣ и, громко икая и чавкая своими челюстями, потому что ротъ былъ набитъ табакомъ, поводилъ по присутствующимъ осоловѣлыми глазами; присяжные безъ сюртуковъ скорѣе лежали, чѣмъ сидѣли на своихъ креслахъ, протянувъ ноги на пюпитры и тоже жуя табакъ; адвокаты были въ однихъ жилетахъ, а публика въ шляпахъ задирала ноги выше головы; всѣ харкали, плевали, какъ будто получали за это особое жалованье; однимъ словомъ, все это произвело на меня, привыкшаго къ порядку и торжественности, царящимъ въ европейскихъ судахъ, впечатлѣніе грязной нѣмецкой пивной, изъ которой, чѣмъ скорѣе вонъ, тѣмъ лучше.

Меня увѣряли, что въ другихъ городахъ въ этомъ отношеніи еще хуже. Можно было бы, впрочемъ, простить судамъ ихъ республиканскую простоту и неприличіе, если бы одинаково республиканскими были ихъ совѣсть и справедливость въ произнесеніи приговоровъ. Но сами американцы признаютъ, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе мошеннническаго суда, какъ ихъ собственный. «Если хочешь сухимъ выйти изъ воды, то подмажь правосудіе, а оно тебѣ подмажетъ сапоги», говоритъ старый Джонъ. Это неоспоримая истина, которую можно отнести не только къ судопроизводству, но и ко всей административной системѣ Соединенныхъ Штатовъ; нигдѣ общественная совѣсть не дремлетъ такъ, какъ здѣсь. Причины этого понять весьма не трудно. Жалованіе чиновниковъ вообще очень ничтожно, эмеритуръ нѣтъ, а постоянная борьба республиканской и демократической партій, постоянный переходъ власти то на одну, то на другую сторону не даютъ возможности однимъ и тѣмъ-же лицамъ удержаться на своихъ мѣстахъ. Каждая партія, получивъ власть, прогоняетъ прежнихъ чиновниковъ съ занимаемыхъ ими должностей и замѣняетъ своими сторонниками, которые, считая это наградой и зная, что болѣе года или двухъ на мѣстѣ не удержаться, стараются извлечь изъ него возможно больше выгодъ.

Это въ высшей степени вредная система, и всѣ громадныя злоупотребленія, о которыхъ столько пишутъ въ мѣстныхъ и заграничныхъ

изданіяхъ, являются исключительно результатомъ этой системы. Но она до такой степени срослась съ республиканскими учрежденіями Штатовъ, такъ укоренилась, что измѣнить ее почти невозможно, но если-бы она и была отмѣнена, то произошло-бы новое зло.

Въ каждой республикѣ, какова-бы она ни была, необходимо, чтобы чиновники на всѣхъ постахъ дѣйствовали въ направленіи, желательномъ правительству, т. е. правящему большинству; въ противномъ случаѣ образуется положеніе вещей, подобное тому, которое еще недавно существовало, да и до сихъ поръ существуетъ во Франціи, гдѣ правительство проникнуто республиканскими идеями, бюрократія — монархическими, а ошеломленный народъ не знаетъ, какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга и куда идти.

Не въ измѣненіи этой системы и не въ преобразованіи государственныхъ учрежденій состоитъ salus reipublicae, но въ радикальной реформѣ воспитанія будущихъ поколѣній и въ искорененіи распространеннаго здѣсь убѣжденія, что деньги обусловливаютъ собою цѣнность человѣка, а матеріальныя выгоды—единственная цѣль, къ которой стоитъ стремиться. Американцы, надо отдать имъ справедливость, поняли это и передали дѣло воспитанія дѣтей почти исключительно въ руки женщинъ, которыя по натурѣ гораздо идеальнѣе мужчинъ и въ этомъ направленіи вліяютъ на юношество.

Но что хорошо въ Америкѣ, не примѣнимо у насъ, и я нашелъ-бы невозможнымъ довѣрить у насъ женщинѣ воспитаніе юношества, такъ какъ наше общество составляетъ противоположный полюсъ американскому. Перестановка чужихъ учрежденій наобумъ, только потому, что они на мѣстѣ хороши и полезны, можетъ оказаться очень вредной для насъ, и кто-бы это сдѣлалъ, тотъ уподобился-бы одному американскому доктору, который противъ всѣхъ болѣзней прописывалъ алоэ, утверждая, что поправится-ли паціентъ, или умретъ, онъ, какъ докторъ, только помогаетъ натурѣ.

Въ Америкѣ совсѣмъ иное дѣло. Тамъ женское воспитаніе имѣетъ еще и ту хорошую сторону, что сильно вліяетъ на смягченіе мѣстныхъ, въ высшей степени грубыхъ нравовъ. Учитель-мужчина не имѣетъ и не можетъ имѣть такого вліянія, какъ нѣжная, хорошо воспитанная женщина, самое присутствіе которой заставляетъ это полудикое юношество и ихъ отцовъ сдерживать порывы своихъ необузданныхъ страстей. Мы поймемъ это еще легче, когда припомнимъ, какимъ уваженіемъ здѣсь пользуется женщина. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ дѣло учительницы является настоящей миссіей. Я самъ знаю одну такую школу надъ рѣкою Козумнесъ, по-индѣйски Макосинь, въ Калифорніи. Мѣстность эта еще почти дикая; индѣйцы, т. е. прежніе ея обитатели, снуютъ то здѣсь, то тамъ; жители состоятъ изъ бѣднѣйшихъ фермеровъ, пастуховъ овецъ, горцевъ или промывателей золота и, наконецъ, изъ китайцевъ, которыхъ здѣсь множество. Легко понять, до какой степени грубо и полно дикихъ инстинктовъ это общество, едва достигшее осѣдлости и состоящее изъ такихъ разнородныхъ элементовъ.

Представьте себѣ при такихъ условіяхъ школу, куда жители должны посылать своихъ дѣтей, а въ школѣ—учительницу, молодую

миссъ, слабую, миніатюрную, нѣжную, какъ мимоза, привыкшую къ иной жизни и къ иной средѣ. Но нужно видѣть, какъ скромно держитъ себя въ ея присутствіи первый попавшійся мѣстный грубіянъ, какъ мнетъ свою шляпу, не знаетъ, что дѣлать, гдѣ сѣсть и что думать объ этомъ непривычномъ для него явленіи. Въ ея присутствіи никто себѣ не позволитъ ни грубыхъ шутокъ, ни ругательствъ; каждый инстинктивно чувствуетъ неприличіе такого поведенія, а если-бы кто и не чувствовалъ этого, то его скоро-бы научили уму разуму кулаки и револьверы сосѣдей. Изъ этого не трудно заключить, что нравы не только будущихъ поколѣній, но и теперешнихъ, смягчаются подъ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ.

Блуждая съ ружьемъ по берегамъ Козумнеса и окрестнымъ горамъ, сколько разъ я, мучимый любопытствомъ и, по правдѣ сказать, красотою учительницы, навѣщалъ эту одиноко стоящую школу. Это небольшой домъ, состоящій изъ одной залы, въ которой стоятъ скамейки новѣйшей системы; на стѣнахъ висятъ карты Соединенныхъ Штатовъ, Европы и другихъ частей свѣта; между картами находится сплетенная изъ иммортелей самими воспитанницами надпись: «Knowledge is power» (nauledz is pouer) то есть знаніе—сила. Противъ скамеекъ стоитъ каѳедра, почти не занимаемая учительницей, которая чаще всего ходитъ между скамьями и преподаетъ, такъ сказать, перипатетическимъ способомъ. Притомъ дѣти, посѣщающія школу, находятся на различной степени развитія, такъ что почти каждому изъ нихъ приходится объяснять отдѣльно. Чтеніе, письмо и ариѳметика стоятъ на первомъ планѣ, но, кромѣ того, преподается зоологія, ботаника, географія и т. д. Система преподаванія скорѣе практическая, чѣмъ теоретическая, дающая блестящіе результаты.

Географію учительница начинаетъ съ помѣщенія школы, причемъ дѣти узнаютъ много полезныхъ вещей: какъ строятся дома, для чего они нужны и т. д. Познакомившись со школою, они знакомятся съ мѣстностью, въ которой находится школа—городами, рѣками, всей провинціею, затѣмъ Соединенными Штатами; учительница постепенно расширяетъ кругъ ихъ знаній до тѣхъ поръ, пока они не ознакомятся со всей землею. Въ зоологіи и ботаникѣ дѣти прежде всего изучаютъ мѣстную фауну и флору; они видятъ множество растеній по дорогѣ изъ дома въ школу; учительница объясняетъ имъ вредныя и полезныя ихъ свойства, такимъ-же образомъ она знакомитъ своихъ воспитанниковъ съ животными, минералами и т. п.

Это—превосходная система, благодаря которой во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ не найдется человѣка, который-бы не умѣлъ читать, писать, считать и не былъ-бы знакомъ съ политикой,—однимъ словомъ, не былъ-бы болѣе или менѣе подготовленъ къ будущей общественной дѣятельности. Не безосновательна также надежда, что эти школы и учительницы одинаково повліяютъ и на пробужденіе гражданской честности и общественной совѣсти, которыми въ настоящее время забавляются развѣ только котята.

Школъ, подобныхъ вышеупомянутой, множество. Гдѣ только въ пустынѣ появится нѣсколько фермъ, тамъ среди индѣйцевъ, буйволовъ, медвѣдей, ягуаровъ и гремучихъ змѣй появляется тотчасъ-же и школа,

куда дѣти ходятъ часто за нѣсколько миль. Ни одно государство не расходуетъ столько на образованіе, какъ Соединенные Штаты, но зато ни одно и не достигнетъ въ ближайшемъ будущемъ такихъ блестящихъ результатовъ, какъ они.

Воспитаніемъ дѣтей, въ особенности первоначальнымъ, занимаются исключительно женщины. О хорошихъ сторонахъ этой системы я уже говорилъ, теперь скажу о дурной, такъ какъ каждая медаль имѣетъ двѣ стороны. Прежде всего каждая учительница въ большинствѣ случаевъ— «interesting yong lady», въ которой одиночество развиваетъ въ высшей степени романтическую мечтательность, а молодость и избытокъ силъ ищутъ выхода. Вслѣдствіе этого очень часто случается, что какой-нибудь молодой рыцарь, въ видѣ трапера или фермера, преображенный дѣвичьей фантазіею въ героя, проникаетъ въ ея воображеніе, какъ потоки дождя въ землю, потомъ слѣдуютъ «свиданія подъ яворомъ», потомъ тихое: «Я—твой, ты—моя, ты—мой», и прочія притяжательныя мѣстоименія, склоняемыя во всѣхъ падежахъ; потомъ еще: «на вѣкъ, ахъ, на вѣкъ!», а наконецъ, какъ говоритъ Словацкій:

„...вещи неприличныя и дурныя,
О которыхъ говорятъ книги святыя".

Очевидно, благодаря этимъ вещамъ, нравственность и добросовѣстное исполненіе обязанностей учительницы столько-же теряютъ, сколько выигрываетъ дьяволъ. По счастію, въ этой странѣ, въ силу заступничества государства, такія отношенія представляютъ изъ себя лѣстницу, на которой можно себѣ или шею сломить или пойти прямо къ алтарю. Пусть это послужитъ урокомъ моимъ землякамъ, которые въ этомъ отношеніи очень предпріимчивы за границей.

Теперь нѣсколько словъ объ американскихъ женщинахъ. Онѣ во многомъ уступаютъ европейкамъ, и знаменитое римское опредѣленіе — domiseda, bonifica, pia — ни въ какомъ случаѣ не подходитъ къ американкамъ. Здѣсь такое положеніе вещей: мужъ работаетъ, жена властвуетъ и пользуется, во всѣхъ отношеніяхъ, полною свободой! Здѣсь можно было-бы, по примѣру извѣстнаго австрійскаго генерала, который, повѣсивъ на шестѣ шляпу, приказалъ швейцарцамъ кланяться ей, повѣсить на шестѣ туфлю. Приказаніе въ этомъ случаѣ было-бы излишнимъ, потому что каждый мужъ, если-бы онъ только захотѣлъ быть искреннимъ, снялъ-бы передъ нею шляпу по собственному желанію. Американки наряжаются больше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Простоявъ съ полчаса на Бродвеѣ въ Нью Іоркѣ, я видѣлъ больше шелковыхъ, шерстяныхъ, черныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ и красныхъ платьевъ, нежели на парижскихъ бульварахъ. Во всемъ этомъ очень мало вкуса, но много роскоши. Въ отелѣ дамы приходили къ обѣду чуть не въ бальныхъ туалетахъ, въ золотыхъ браслетахъ, серьгахъ, колье и т. д. Притомъ всѣ онѣ смѣлыя, вызывающія и кокетливыя; безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь роли перемѣнились и первенствующая принадлежитъ женщинѣ. Тутъ нѣтъ недостатка и въ синихъ чулкахъ, но вообще разсказы объ образованности американокъ слишкомъ преувеличены. По моему мнѣнію, среднее образованіе женщинъ въ Европѣ стоитъ выше. Здѣшнимъ дѣвушкамъ предоставлена полная свобода, и мало найдется

такихъ, за которыми не было-бы какой-нибудь пикантной исторіи, возникшей вслѣдствіе усиленнаго упражненія во флиртѣ. «Я не заглядываю въ прошлое своего мужа, пусть онъ и въ мое не заглядываетъ!» — вотъ мнѣніе, установившееся среди американокъ. Благодаря такому взгляду на вещи, онѣ зашли-бы очень далеко въ этомъ направленіи, если-бы не холодный темпераментъ и преобладаніе разсудка надъ чувствомъ.

Иностранцы пользуются большимъ успѣхомъ у здѣшнихъ женщинъ по причинѣ своего изящества и внѣшняго лоска, которое отсутствуетъ у американцевъ; часто, однако, принимаютъ фальшивую монету за настоящую. А если и находятъ иногда настоящую, то тѣмъ хуже для нихъ, потому что здѣсь бракъ является послѣдствіемъ не только вины, но часто и неосторожности.

Наконецъ, американки некрасивы. Нѣтъ въ ихъ лицахъ характернаго отпечатка извѣстной расы и изящества, что дѣлаетъ еще болѣе несноснымъ ихъ деспотизмъ, дающій себя знать вездѣ: дома, въ вагонахъ и даже на улицахъ, гдѣ лэди мчатся, какъ сумасшедшія, не думая о томъ, что могутъ кого-нибудь раздавить. Законъ не только не противодѣйствуетъ, но покровительствуетъ этому деспотизму. Въ Калифорніи вышло недавно постановленіе, въ силу котораго всякій мужъ, побившій свою жену, подвергается двадцати одному удару буйволовой плетью. Почему *двадцать одинъ*, а не *двадцать или двадцать пять*, — это уже тайна.

Если-бы здѣсь жестокость мужей, дѣйствительно, выходила изъ границъ, и законъ возсталъ-бы въ защиту нарушенныхъ правъ женщины, то это было-бы понятно; но въ странѣ, гдѣ мужъ работаетъ цѣлый день, какъ ломовая лошадь, а жена тоже цѣлый день качается въ креслѣ, а по возвращеніи мужа встрѣчаетъ его съ какою ей вздумается миною, — это значитъ только подливать масла въ огонь. Умные люди смѣются надъ этимъ неумѣстнымъ проявленіемъ филантропіи, а нѣкоторыя газеты совѣтуютъ каждому мужу, имѣющему желаніе побить свою прекрасную половину, выѣхать на это время изъ Калифорніи въ другой штатъ и возвратиться по совершеніи этой операціи. Онѣ предсказываютъ, что послѣдствіемъ этого будетъ необыкновенное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы желѣзнодорожные чиновники, въ особенности женатые, вѣрили этому пророчеству.

Такое необыкновенное уваженіе къ женщинамъ объясняется тѣмъ, что, говоря торговымъ языкомъ, спросъ на нихъ больше предложенія. Вообще женщинъ въ Америкѣ мало, а въ заселяющихся мѣстностяхъ одна женщина приходится на двадцать или тридцать мужчинъ. Этимъ объясняется то, что даже самые неотесанные мужчины обращаются съ женщиной, какъ съ чѣмъ-то въ высшей степени хрупкимъ.

Однако, американскую вѣжливость нельзя сравнивать съ французскою или вообще съ европейскою. Американецъ снимаетъ въ присутствіи женщины сюртукъ и т. п., словомъ, поступаетъ согласно своимъ обычаямъ, что всякая европейская женщина сочла-бы за неуваженіе къ ея полу. Но въ то время какъ французская любезность служитъ средствомъ для достиженія какихъ-нибудь пикантныхъ цѣлей, здѣсь женщина

вполнѣ отъ этого гарантирована; сто кулаковъ и револьверовъ поднимутся тотчасъ-же на нахала, посмѣвшаго чѣмъ нибудь ее оскорбить. Женщины, конечно, знаютъ объ этомъ и поэтому считаютъ себя какими-то избранными существами, на которыхъ слѣдуетъ чуть-ли не молиться.

Вообще европейцы, во многихъ отношеніяхъ, имѣютъ ложное понятіе объ американцахъ и Америкѣ.

Теперь позвольте мнѣ коснуться религіозной стороны американской жизни. Американцы считаются самыми благочестивыми людьми на свѣтѣ. Атеистовъ здѣсь нѣтъ, религіозныя предписанія исполняются строго, въ воскресенье мертвая тишина царитъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, магазины закрыты, фіакры и омнибусы почти не ѣздятъ; въ театрахъ не играютъ, общественныя мѣста пусты,—однимъ словомъ, праздникъ справляется по всѣмъ правиламъ христіанской религіи. Но во всемъ этомъ проглядываетъ скорѣе подчиненіе обычаю, неподлежащему критикѣ, чѣмъ искренняя, горячая вѣра. Американцы никогда не станутъ ломать голову надъ вещами, не имѣющими никакой связи съ матеріальными выгодами, надъ тѣмъ, что нельзя осязать, измѣрить и т. д. Такіе вопросы, какъ начало всѣхъ началъ, существованіе Творца, безсмертіе души и пр., которые играютъ такую важную роль среди европейской молодежи, въ университетахъ и среди ученыхъ и ведутъ сначала къ философскому банкротству, а потомъ къ сомнѣнію,—здѣсь не имѣютъ никакого значенія. Нѣтъ народа, менѣе способнаго къ философской рефлексіи, чѣмъ американцы. Здѣсь каждый занятъ торговлею, промысломъ и пр., и внутреннее содержаніе религіи его не интересуетъ. Наступаетъ воскресенье, американецъ идетъ въ церковь, потому что этого требуетъ обычай, читаетъ библію, потому что этого требуетъ обычай, сидитъ дома, потому что всѣ сидятъ дома, но, кто знаетъ, не проявляется-ли во всемъ этомъ благочестіи болѣе рутины и безсознательной привычки, нежели истиннаго чувства?

Съ другой стороны — множество сектъ и борьба съ католицизмомъ придаютъ религіознымъ чувствамъ отчасти политическій оттѣнокъ. Послѣдователи извѣстной секты, желая ее поддержать и расширить, должны сами подавать примѣръ. Сторонники одной секты часто связаны между собою какъ общественными, такъ и личными интересами, и вслѣдствіе этой связи они не хотятъ да и не могутъ разъединиться, хотя-бы къ самой сути относились совершенно равнодушно.

Кромѣ того, каждый американецъ смотритъ на свободу вѣроисповѣданія, какъ на перлъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и, желая доказать эту свободу на дѣлѣ, принужденъ исполнять всѣ обряды своей секты.

На этомъ я окончу свой бѣглый обзоръ Америки и американцевъ. Ко многимъ возбужденнымъ мною вопросамъ придется мнѣ еще не разъ возвращаться. Теперь замѣчу только, что, несмотря на указанные выше недостатки американцевъ, за будущее ихъ опасаться нечего. Они обладаютъ слишкомъ могущественными особенностями: они молоды, въ высшей степени энергичны, сознаютъ свои недостатки и стараются ихъ исправить, а благодаря своей настойчивости испробуютъ всѣ средства

Многія изъ этихъ средствъ окажутся непригодными, но они не остановятся передъ неудачею. Прогрессъ здѣсь не ожидаетъ, чтобы въ другихъ странахъ люди ушли на сто миль далѣе, никто здѣсь не кричитъ Франціи, Англіи или Германіи: «Погоди, голубушка, попробую и я!» Здѣсь все пробуютъ раньше другихъ. Слѣпой и истлѣвшій консерватизмъ, который, при видѣ хотя-бы вновь изобрѣтенныхъ г. Иверцикевичемъ блинчиковъ, киваетъ головою и говоритъ: «Господи, ты Боже мой! въ наше время мы не ѣдали блинчиковъ, а все-таки»... и т. д. Такой мелочной консерватизмъ не сидитъ въ видѣ клина въ большинствѣ американскихъ головъ, поэтому эти головы думаютъ и, безъ сомнѣнія, придумаютъ для себя все, что можетъ быть лучшаго.

Въ слѣдующемъ письмѣ я прямо перейду къ описанію впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ путешествія по величайшей желѣзной дорогѣ.

IV.

Съ трансатлантической желѣзной дороги.

При одной мысли, что я первый изъ поляковъ опишу по личному впечатлѣнію великую трансатлантическую дорогу, у меня явилось столько энергіи, что уже на пятый день по прибытіи въ Нью-Іоркъ, я очутился со своимъ товарищемъ на западномъ вокзалѣ, откуда дорога ведетъ въ Чикаго. Устроившись съ вещами и поссорившись съ начальникомъ станціи, который, какъ настоящій янки, хотѣлъ съ насъ содрать за веревку, понадобившуюся къ одному изъ ящиковъ, мы двинулись на Дальній Западъ. Мы выѣхали изъ Нью-Іорка ночью, поэтому берега Гудсонъ-Ривера я видѣлъ только при лунномъ свѣтѣ. Къ счастью ночь была свѣтлая, отъ луны и отъ снѣга, покрывающаго всю окрестность, и я могъ наслаждаться чудными видами, разстилающимися по правую и лѣвую сторону желѣзной дороги. Огромная широкая рѣка блестѣла, точно серебряная лента. По берегамъ стояли неподвижные, молчаливые, черные лѣса; окрестность казалась дикою и дѣвственною, а моя фантазія населяла ее индѣйцами и буйволами, слѣды которыхъ, мимоходомъ говоря, давно уже заросли травою, и о которыхъ родившіеся и выросшіе здѣсь жители знаютъ не больше жителей Варшавы или Люблина.

Несмотря на дружбу, связывающую меня съ однимъ молодымъ переводчикомъ географіи Гуше, мои географическія познанія равняются познаніямъ гимназиста третьяго класса, уже мечтающаго о четвертомъ но долженъ сознаться, что до сихъ поръ я считалъ Америку и, по крайней мѣрѣ, Соединенные Штаты страною болѣе теплою. Въ Европѣ, въ Бельгіи, Франціи и даже Англіи мы оставили весну, шумящіе потоки, зеленѣющую ниву; здѣсь на параллели южной Италіи на поляхъ лежитъ снѣгъ, дуетъ холодный вѣтеръ, а деревья въ темнотѣ кажутся безлиственными контурами. Однако, Гудсонъ-Риверъ не замерзла,—я видѣлъ много большихъ пароходовъ, волнующихъ спокойную гладь рѣки, что, въ особенности ночью, представляетъ чудный видъ. Но вскорѣ рѣка скрылась изъ нашихъ глазъ. Поѣздъ шелъ по дорогѣ, высѣченной въ скалѣ; высоко поднимающіяся стѣны совершенно закрывали окрестный

пейзажъ. Иногда мы проѣзжали черезъ туннели, но поѣздъ несся далеко не съ тою прославленною американскою быстротою, о которой приходилось столько слышать и читать. Я уже столько наѣздился по различнымъ американскимъ дорогамъ, что имѣю неоспоримое право назвать всѣ разсказни о бѣшеной ѣздѣ баснями. Американскіе поѣзда ходятъ не только не быстрѣе, но гораздо медленнѣе обыкновенныхъ европейскихъ, за исключеніемъ экстренныхъ, которые, ради шика, оригинальности или, наконецъ, какого-нибудь безотлагательнаго дѣла, пробѣгаютъ такія разстоянія, какъ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско, въ трое сутокъ.

Мы ѣхали семь сутокъ, правда, причемъ не было болѣе продолжительныхъ остановокъ, чѣмъ день или два, но поѣздъ шелъ такъ, какъ ходятъ поѣзда по нашей Тереспольской дорогѣ. Конечно, я сюда не включаю непредвидѣнной стоянки на одной станціи по случаю снѣжныхъ заносовъ. Всѣ эти семь дней приходится жить въ вагонѣ, спать въ вагонѣ и ѣсть въ вагонѣ. Въ концѣ концовъ такъ къ этому привыкаешь, что потомъ не можешь заснуть безъ этого шума и толчковъ. Кто ѣздилъ въ такъ называемыхъ Slepingear, тому путь покажется довольно сноснымъ: онъ спитъ на постели почти такой же, а часто и лучшей, чѣмъ дома; но кому приходится проводить ночи въ обыкновенномъ вагонѣ, тотъ терпитъ настоящія муки, такъ какъ въ разсказахъ объ удобствахъ и комфортѣ американскихъ вагоновъ столько же правды, сколько въ сообщеніяхъ о быстротѣ хода этихъ поѣздовъ. Обыкновенный американскій вагонъ перваго класса—это огромная повозка, по бокамъ которой стоятъ два ряда скамеекъ, а по срединѣ—проходъ. Скамейки эти обиты полинялымъ бархатомъ или ободранной клеенкою, и такъ узки, что съ трудомъ могутъ вмѣстить двухъ человѣкъ средней комплекціи; къ тому же онѣ поставлены такъ близко одна около другой, что всякій, обладающій болѣе длинными ногами смертный не знаетъ, куда ихъ дѣвать, если по американскому обычаю не протянетъ ихъ на спинку противоположнаго сидѣнья, схватывая при этомъ, какъ щипцами, голову перваго попавшагося пассажира.

Въ каждомъ концѣ вагона помѣщается желѣзная печь, въ которую желѣзнодорожный служитель подкладываетъ день и ночь столько угля, сколько она можетъ вмѣстить. Жара и воздухъ невыносимые; пассажиры разгуливаютъ по всему поѣзду, кондукторъ ежеминутно отворяетъ дверь, холодный вѣтеръ врывается вмѣстѣ съ запасомъ ревматизмовъ; сосѣди жуютъ и курятъ табакъ, сплевываютъ, ѣдятъ, спятъ; всюду страшный безпорядокъ; на полу множество корокъ отъ плодовъ, орѣховыхъ скорлупокъ, плевательницъ; одни свистятъ, другіе поютъ, третьи храпятъ, дѣти плачутъ, мужчины снимаютъ сюртуки, женщины раздѣваются до послѣдней возможности; однимъ словомъ, настоящій содомъ.

Въ особенности утромъ вагонъ напоминаетъ мѣсто побоища. Среди этого хаоса блуждаетъ кондукторъ, но совсѣмъ не такой любезный, какъ въ Европѣ, который подраздѣляетъ пассажировъ на чистыхъ и нечистыхъ и согласно этой классификаціи распредѣляетъ мѣста, или котораго угощаютъ папиросой за то, чтобы онъ больше никого не пускалъ въ отдѣленіе; но важный кондукторъ, важная персона, настоящій капитанъ парохода, который шныряетъ по всему вагону, садится въ Hepinglar'ахъ

или dreving-room'ахъ, задираетъ ноги на невообразимую высоту, снимаетъ сюртукъ, подсаживается къ женщинамъ; часто онъ возвышенъ, величественъ, иногда снисходителенъ, фамильяренъ, а иногда съ опухолью подъ глазомъ, послѣ неудачнаго состязанія съ какимъ-нибудь тренеромъ, который, въ свою очередь, не обратилъ вниманія даже на такую высокопоставленную особу.

Вообще на здѣшнихъ дорогахъ дѣло обстоитъ такъ: если вы оскорбите кондуктора, то онъ вызоветъ васъ на кулачки, подобьетъ глаза и выброситъ изъ вагона; но если вы сильнѣе его, то можете ему свернуть челюсть и тоже выбросить изъ вагона. Это относится и къ джентльменамъ, занимающимся топкою печей или приготовленіемъ постелей въ sleping-gear'ахъ; впрочемъ, въ Америкѣ, какъ и вездѣ, кто самъ себя уважаетъ и не ищетъ скандаловъ, тотъ и не попадается ни въ какую исторію; напротивъ, если онъ иностранецъ, то къ нему относятся любезнѣе, чѣмъ къ своимъ.

Въ sleping gear'ахъ, т. е. въ спальныхъ вагонахъ, или въ такъ называемыхъ: silcerpalace Pulmana, гораздо больше порядка и комфорта. Вечеромъ является негръ, выдвигаетъ изъ боковъ вагона различные ящики и обращаетъ ихъ въ постели, которые устроиваются одна надъ другою, вдоль длинныхъ стѣнъ вагона; и каждая пара отдѣляется шелковыми занавѣсками. Такія двѣ постели называются секціей: нижняя лучше, верхняя хуже. Если кто путешествуетъ вдвоемъ, то заказываетъ себѣ заранѣе такую секцію и имѣетъ на ночь свой шелковый будуаръ; если же кто путешеотвуетъ одинъ и не желаетъ платить за два мѣста, то иногда бываетъ не совсѣмъ удобно, такъ какъ въ одной секціи приходится очутится съ женщиною.

Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Старый нѣмецъ, продавецъ сигаръ, который ѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ Омаху, занималъ секцію, въ нижней, болѣе удобной половинѣ которой помѣщалась старая и худая, какъ скелетъ, миссъ. Каждое утро они окидывали другъ друга въ высшей степени недружелюбными взглядами, а каждый вечеръ бѣдный нѣмецъ долженъ былъ карабкаться на свое верхнее ложе, причемъ мялъ нижнюю постель и стоналъ, точно передъ смертью.

Такой обычай въ Европѣ повлекъ бы за собою, безъ сомнѣнія, массу скандалезныхъ послѣдствій; американцы же не находятъ въ этомъ ничего дурного. Это объясняется особеннымъ уваженіемъ, какимъ здѣсь пользуется женщина. Всякая изъ нихъ, хотя бы самая молоденькая, если только путешествуетъ одна, находится подъ опекой всѣхъ мужчинъ, которые кулакомъ или револьверомъ, а въ Штатахъ, гдѣ существуетъ законъ Линча, и повѣшеніемъ мстятъ за нанесенное ей оскорбленіе, хотя бы это были простые рудокопы или фермеры. Джентльмены, ѣхавшіе съ нами, несмотря на то, что принадлежали къ высшему обществу, безъ всякаго стѣсненія ходили въ присутствіи женщинъ безъ сюртуковъ и сапогъ, а когда мы обратили на это ихъ вниманіе, то они отвѣтили, что соблюденіе такихъ пустыхъ приличій есть только ширма, за которой скрывается засада. Мы, однако, придерживались европейскихъ правилъ вѣжливости, уважаемыхъ здѣшними женщинами.

На слѣдующій день мы проснулись довольно поздно. Большинство

постелей было сложено; нѣкоторыя дамы, очень нарядно одѣтыя, пили чай или кофе на маленькихъ столикахъ, поставленныхъ передъ диванчиками; джентльмены въ сюртукахъ и безъ сюртуковъ входили или выходили изъ мужской уборной, помѣщающейся въ концѣ вагона; кондукторъ, съ руками, засунутыми въ карманы, и съ заспаннымъ лицомъ, сидѣлъ у окна и бросалъ недовольные взгляды на присутствующихъ, какъ бы удивляясь, что никто не находитъ нужнымъ поздравить его съ облегченіемъ пищеваренія, которому способствуетъ икота; я же подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ выглядитъ Америка при дневномъ освѣщеніи.

Поѣздъ шелъ по открытой мѣстности, окруженной по краямъ обнаженными еще лѣсами. Окрестность была заселена. По обѣимъ сторонамъ виднѣлись фермы съ красивыми домиками въ швейцарскомъ стилѣ; въ общемъ эти фермы имѣютъ много сходства съ польскими. Хозяйство, насколько объ этомъ можно судить зимою, нельзя сравнить съ нѣмецкимъ, бельгійскимъ или французскимъ. Плохія постройки, отсутствіе порядочныхъ плетней и рвовъ: все это напоминаетъ трущобы Полѣсья или Пинскихъ болотъ. Земля, повидимому, очень плодородная, но, можетъ быть, вслѣдствіе этого плохо обработанная, и представляетъ грустное зрѣлище для глаза, привыкшаго къ роскошной культурѣ западной Европы. Во всемъ здѣсь видна поспѣшность. Мѣстами, несмотря на то, что мы ѣхали штатомъ Нью-Іоркъ, самымъ населеннымъ и самымъ благоустроеннымъ, фермерскіе домики, одиноко стоящіе среди лѣса, ясно свидѣтельствовали о своемъ недавнемъ происхожденіи. Кругомъ—ни фруктовыхъ садовъ, ни тѣнистыхъ деревьевъ, ни намека на огороды,—только густой лѣсъ, куда глазъ хватаетъ; унылые ряды пней, мѣстами кучи сучьевъ и щепокъ, лужи грязной воды въ сѣрой рамѣ грязнаго снѣга.

Эти мѣста напомнили мнѣ безбожное истребленіе лѣсовъ у насъ, хотя здѣсь это имѣетъ иное, менѣе зловѣщее значеніе. Здѣсь еще до сихъ поръ такое множество лѣсовъ, что піонеры, очищающіе отъ нихъ страну, оказываютъ ей истинную услугу. Часто можно видѣть одинокіе домики, стоящіе среди лѣса, а вокругъ нихъ обработанныя поля, гдѣ за годъ передъ тѣмъ шумѣли деревья. День и ночь раздается стукъ топора, испуганные звѣри и птицы подвигаются все болѣе на западъ; почти ежедневно выдвигаются изъ лѣсного мрака на свѣтъ Божій все новыя пространства и ожидаютъ только рукъ и плуговъ, чтобы преобразиться въ ниву.

На основаніи всего, что мнѣ приходилось слышать или видѣть собственными глазами, я могу смѣло утверждать, что природные американцы не могутъ быть причислены къ образцовымъ сельскимъ хозяевамъ. Они для этого слишкомъ подвижны, слишкомъ неусидчивы. Поэтому, если американецъ покупаетъ землю, то не для того, чтобы воздѣлать и передать ее дѣтямъ и внукамъ, но для спекуляціи. Онъ пріобрѣтаетъ участокъ лѣса или дѣвственной степи за безцѣнокъ, а часто и даромъ, огораживаетъ плетнемъ, строитъ домъ, кое-какъ поцарапаетъ землю и, какъ вполнѣ устроенную ферму, продаетъ, часто съ большой прибылью, эмигрантамъ или мѣстнымъ капиталистамъ. Нужно замѣтить, что насколько дешево продается въ нѣкоторыхъ штатахъ казенная дѣвственная земля,

настолько дорого стóить обработанная, въ особенности—расположенная вблизи большихъ городовъ, доходя до стоимости, нигдѣ не встрѣчаемой въ Европѣ. Не одинъ счастливецъ, завладѣвшій безплатно землею, потомъ продавалъ ее по пятисотъ, шестисотъ и по тысячѣ долларовъ за акръ, если неожиданно, какъ это часто случается въ Америкѣ, выросталъ по близости большой торговый городъ. Такъ случилось, напр., съ землями, лежащими около Чикаго, Иллинойса, которыя правительство недавно еще раздавало, какъ ничего не стоющія, ветеранамъ въ награду за заслуги; въ настоящее время онѣ продаются почти на вѣсъ золота.

Но многіе спекуляторы, пріобрѣвшіе большія пространства земли вблизи основывающихся городовъ, понесли громадные убытки потому, что американцы съ городами не церемонятся. Случается, что среди пустыни возникаетъ городъ и растетъ первое время, какъ грибъ, а затѣмъ, если выбранное мѣсто оказывается неудобнымъ, или климатъ нездоровымъ, или, наконецъ, исчерпываются естественныя богатства окрестности, жители, не долго думая, нагружаютъ телѣги женами, дѣтьми, домашнимъ скарбомъ и отправляются, куда глаза глядятъ, а вчерашній городъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ жителей, превращается въ жалкій поселокъ или совсѣмъ уничтожается.

Кто же пріобрѣтаетъ землю не для спекуляціи, да еще имѣетъ кое-какія средства, тотъ рѣдко остается въ накладѣ. Часто какой-нибудь эмигрантъ, бѣдствующій въ Европѣ или ищущій послѣ житейской бури тишины и уединенія, покупаетъ телѣгу, хозяйственныя принадлежности, забираетъ жену, дѣтей и отправляется на дальній западъ, въ пустыню. Выбравъ мѣсто по вкусу, обыкновенно вблизи лѣса или рѣки, строитъ домъ, огораживаетъ кусокъ поля и поселяется тутъ. Съ этой минуты, земля, которою онъ завладѣлъ, составляетъ его неотъемлемую собственность, и всякаго, посягнувшаго на нее, ожидаетъ не процессъ, но пуля, пущенная въ лобъ рукою собственника, или, если по близости находятся другія поселенія, управляющіяся закономъ Линча, болѣе страшное наказаніе отъ исполнителей этого драконовскаго закона.

Эти піонеры рѣдко наживаютъ милліоны, но и никогда не теряютъ Если нѣтъ сбыта на скотъ и хлѣбъ, то, конечно, нѣтъ и денегъ, но на что же деньги въ пустынѣ? Они сыты, одѣты, дѣти выростаютъ здоровыя, какъ дубнякъ, а выросши вылетаютъ изъ гнѣзда и поселяются по сосѣдству съ родителями, и такъ вся жизнь складывается немного дико, по-степному, но спокойно, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, и человѣкъ не успѣетъ оглянуться, какъ настанетъ вечеръ и закатъ солнца,—ясный, какъ въ степи.

Часто, однако, случается, что вблизи такого поселка появляется другой поселенецъ, потомъ третій, десятый, сотый; земля, доставшаяся каждому даромъ, пріобрѣтаетъ все большую и большую цѣнность и черезъ нѣсколько лѣтъ, не стоющее ничего, кромѣ труда собственника, доходитъ до стоимости сотенъ тысячъ долларовъ.

Но бываетъ и наоборотъ. Впрочемъ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, черезъ который по направленію большихъ озеръ мнѣ приходилось проѣзжать, и вообще въ восточныхъ штатахъ, почти уже нѣтъ не занятой ими казенной земли. Здѣсь каждый клочекъ извѣстенъ и размѣренъ, все находится

въ частныхъ рукахъ, а земля, благодаря своей плодородности и удобству путей сообщенія, также дорога, а часто и дороже, нежели въ Европѣ.

Сельское хозяйство, какъ я уже упоминалъ, во всемъ уступаетъ европейскому. Можетъ быть, лѣтомъ оно показалось бы лучше, такъ же, какъ и всѣ окрестности, которыя разстилались передъ моими глазами, однообразныя, сѣрыя, печальныя, сплошь до Сиракузы.

Въ Сиракузѣ поѣздъ остановился на полчаса для ранняго завтрака, послѣ чего мы направились къ Рочестеру, городу, расположенному надъ рѣкою Онтаріо. По мѣрѣ приближенія къ Рочестеру, мѣстность становилась все ниже. Обиліе воды на поляхъ и въ лѣсахъ доказывало близость озеръ. Лѣса, мѣстами, занимали громадныя пространства, но большей частью были залиты водою, что производило такое впечатлѣніе, точно деревья выростали изъ озера. Изъ оконъ вагона я видѣлъ стаи водяныхъ птицъ: дикихъ утокъ, чирковъ и чаекъ, залетающихъ сюда съ моря. Иногда лѣсъ, вдругъ, прерывался, и дорога шла низменными лугами, покрытыми травою, касатикомъ и прошлогоднимъ засохшимъ тростникомъ. Фермы попадались чаще, чѣмъ деревни въ Польшѣ, но, окруженныя лужами, выглядѣли печальнѣе, нежели подъ Сиракузой.

Мѣстами черная, обработанная земля выглядывала изъ подъ тающаго снѣга, блестя наполненными водою бороздами. Дулъ теплый вѣтеръ; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, еще слабое, но животворное, освобождающее воды отъ зимнихъ оковъ. Въ Рочестерѣ, наконецъ, заблестѣла голубая гладь Онтаріо. Мнѣ казалось, что мы опять пріѣхали къ морю, и я снова вижу безбрежныя пространства, въ которыхъ теряется взоръ. Дорога идетъ около самаго берега, иногда даже такъ близко, что вода обмываетъ основаніе желѣзнодорожной насыпи. По временамъ на голубомъ фонѣ воды и неба бѣлѣетъ парусъ; иногда издали появляется сѣрая лента дыма, выходящая изъ пасти невидимаго для глаза парохода. Мѣстами берегъ удаляется отъ насыпи и входитъ въ озеро плоскою отмелью. На отмеляхъ, у самой воды, стоятъ домики, по берегамъ колышатся привязанныя къ кольямъ лодки, нетерпѣливо подергивая веревку, то но желая сорваться и уплыть. Развѣшанныя передъ домами сѣти, лоснятся отъ влаги; подъ сѣтями лежатъ кучи водяныхъ растеній; доносится запахъ рыбьей чешуи и касатика. Стаи птицъ носятся въ воздухѣ, то исчезая, то черпѣя, въ видѣ крестиковъ въ голубой лазури.

Такимъ образомъ мы доѣхали до Суспенсіонъ-Бриджъ, гдѣ остановились для осмотра Ніагары и ея знаменитыхъ водопадовъ. Поѣздъ пошелъ дальше, наши вещи поѣхали къ Гурону, а мы, съ какимъ-то молодымъ англичаниномъ, фамилію котораго забылъ, наняли лошадей и отправились черезъ мостъ къ водопадамъ. Мостъ этотъ отдѣляетъ Соединенные Штаты отъ Канады; поэтому по одну его сторону находится американская, а по другую англійская таможня; такъ какъ водопадъ съ американской стороны неприступенъ, то приходится переѣзжать во владѣнія королевы Викторіи. Въѣхавъ на мостъ, уже можно видѣть всю ширину обоихъ водопадовъ, но я, по причинѣ-ли туманной и дождливой погоды, или силы, съ какою раздробляется вода, падая съ такой высоты,— видѣлъ только гигантскіе клубы тумана, поднимающагося изъ пропасти

къ небу; однако, страшный шумъ, доносящійся изъ этой мглы, ясно говоритъ о томъ, что творится за этою бѣлою завѣсою.

Проѣхавъ мостъ, мы остановились передъ рядомъ домовъ, стоящихъ на очень высокомъ берегу, тутъ же около водопада. Здѣсь передо мною предстало зрѣлище, при одномъ воспоминаніи о которомъ воображеніе свертываетъ свои крылья, а перо падаетъ изъ рукъ. Гигантская масса водъ озера Эри, стремящаяся огромнымъ рукавомъ въ Онтаріо, вдругъ теряетъ подъ собою почву и падаетъ въ двухъ мѣстахъ въ бездну. На первый взглядъ кажется, что земля не выдержитъ напора взбѣшеныхъ дикихъ водъ. Во всемъ этомъ чувствуется какое-то допотопное неистовство, какая-то непонятная сила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, варварство, бьющее въ глаза страшнымъ насиліемъ, совершаемымъ надъ природою. Невольно приходитъ на умъ, что здѣсь случилось что-то ужасное, что это какой-то катаклизмъ природы, и не можешь освоиться съ мыслью, что онъ никогда, никогда не кончится. Небо здѣсь хмурое и какъ-бы растерзанное. Гонимыя вѣтромъ облака то сбѣгаются, то разбѣгаются, какъ стада дикихъ лошадей. Кругомъ черныя, мрачныя скалы, испещренныя трещинами, очертанія которыхъ образуютъ какіе-то демоническіе знаки, шумъ воды оглушительный; рѣзкій вѣтеръ бьетъ въ лицо водяными брызгами; иногда изъ бездны поднимается туманъ и заслоняетъ все; но вдругъ появляется снова свѣтъ, и тогда весь водопадъ какъ на ладони.

Но это продолжается недолго. Обыкновенно пѣна, вода и воздухъ, перемѣшанные между собою, образуютъ такой хаосъ, что въ немъ теряются взглядъ, слухъ и, наконецъ, сознаніе. Кажется, что здѣсь все взбѣсилось. Черезъ пять минутъ путешественникъ чувствуетъ себя утомленнымъ, а на лбу у него выступаютъ капли пота, замерзающія отъ ледянаго дыханія бездны. Ему хочется крикнуть: «Довольно!»—а водопадъ гудитъ, реветъ, пропасть во всю ширину пасти выплевываетъ пѣну, слышатся то какіе-то стоны, то голоса, взывающіе о помилованіи, то смѣхъ, переходящій въ бѣшеное рычаніе, точно весь разнузданный адъ справляетъ среди хаоса свою страшную оргію.

Такое впечатлѣніе или, вѣрнѣе, такое полусознательное ощущеніе вызываетъ Ніагара. Въ этомъ ощущеніи есть что-то подавляющее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладостное; оно вызываетъ минутное забвеніе и полное единеніе съ природою. Но поборовъ первоначальный хаосъ угнетенныхъ мыслей, потомъ не хочется оторвать глазъ отъ этой картины. Бездна влечетъ и манитъ. Какая-то непобѣдимая сила тянетъ зрителя къ самому краю пропасти; хотѣлось бы имѣть ее тутъ же, у своихъ ногъ, не отдаленную даже на вершокъ отъ земли. Хотѣлось бы нагнуться, повиснуть и чувствовать себя хотя на минуту между жизнью и смертью. А тамъ, на днѣ, уродливыя извилины пѣнящейся воды какъ будто разступаются для принятія утопленника, то вновь брызги вытягиваются, точно руки, готовыя обнять и унести тебя. Пропасть говоритъ: «Иди!»—но инстинктъ черезъ минуту отвѣчаетъ: «Хорошо, но со всевозможными предосторожностями».

Дѣйствительно, съ большими предосторожностями можно сойти внизъ подъ каскадъ, такъ какъ вода спадаетъ съ такою силою и стремитель-

ностью, что выгибается дугою и образуетъ между выгибомъ и скалою свободное мѣсто, заваленное только льдомъ и пѣною. Но чтобы туда пройти, нужно прежде всего соотвѣтственно одѣться; съ этой цѣлью мы вошли въ домикъ проводника-негра, который отдаетъ въ распоряженіе туристовъ себя и свои костюмы. Въ домикѣ мы уже застали какое-то англійское супружество, совершающее также водопадный туалетъ. Старая, безобразная, худая мистриссъ, одѣтая въ отвратительный плащъ и капюшонъ изъ рыбьихъ пузырей, изъ-подъ котораго виднѣлись конецъ ея носа и золотыя очки, выглядѣла точно воробьиное пугало. Мы нарядились въ такіе же плащи и капюшоны и, наконецъ, двинулись цѣлымъ караваномъ. Черезъ нѣсколько минутъ негръ подвелъ насъ къ небольшому деревянному строенію, въ полу котораго чернѣло отверстіе, а въ отверстіи находилась лѣстница. На первыхъ же порахъ насъ охватила темнота и холодъ отъ льда, лежащаго между скалою и водопадомъ. Безобразный негръ, похожій болѣе на гориллу, чѣмъ на человѣка, шелъ впередъ, выкрикивая по временамъ: «Го, го!»—для того, чтобы указывать намъ дорогу въ темнотѣ.

Наконецъ, когда мы прошли нѣсколько десятковъ ступеней, передъ нами блеснулъ блѣдный свѣтъ, шедшій снизу. Мы вошли въ маленькія сѣни, ведущія прямо подъ водопадъ, но проводникъ закричалъ: «Стопъ!» и началъ привязывать къ нашимъ сапогамъ подошвы, подбитыя острыми гвоздями. Англійская мистриссъ сочла это неловкимъ, но, наконецъ, согласилась и, опустивъ глаза, или очки, скромно протянула негру ногу, или, вѣрнѣе, шпагу въ нѣсколько дюймовъ ширины, но зато около аршина длины. Потомъ мы вошли подъ водопадъ. Не знаю, почему, но внизу шумъ кажется меньше, нежели снаружи; сѣрый дневной свѣтъ, проникая сквозь водяную завѣсу, наполняетъ всю пещеру какимъ-то мрачнымъ полусвѣтомъ. Скала, составляющая заднюю стѣну,—черная, потрескавшаяся; подъ ногами большія глыбы льда,—всюду уныло и мрачно, какъ въ могилѣ. Узкія ленты воды, оторвавшись отъ водопада, падаютъ съ шелестомъ на льдины; воздухъ пропитанъ влагою; вѣтеръ дуетъ, точно изъ дьявольской кузницы; холодъ проникаетъ сквозь плащи и пальто. Несмотря на то, что шумъ здѣсь слабѣе, разговаривать нѣтъ возможности. По огромнымъ, скользкимъ, какъ стекло, глыбамъ льда я подошелъ къ водопаду, такъ какъ острые гвозди моихъ сапогъ устраняли всякую опасность. Проводникъ началъ что-то кричать, но я видѣлъ только его жестикулированіе и движенія губъ, голосъ же терялся среди рева воды.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе красивое, нежели водопадъ, видѣнный извнутри, снизу. Когда я взглянулъ вверхъ, водяная пелена показалась мнѣ неподвижною, точно одна громадная глыба льда, и если бы не шумъ внизу, я подумалъ бы, что она дѣйствительно замерзла, но клубы пѣны, которые по временамъ падали снаружи, нарушали иллюзію. Я посмотрѣлъ внизъ. Какую неизмѣримую пропасть должна была образовать въ землѣ вода, падая цѣлые вѣка съ такою силою! Такъ все кипитъ, шумитъ, бьется, неистовствуетъ,—однимъ словомъ, настоящій водяной адъ. Отступивъ отъ ледяной массы, я вздохнулъ свободно, точно послѣ тяжелой работы. Внутренность пещеры показалась

мнѣ покойною. Маленькія струйки воды разбивались о льдины въ брилліантовыя капли съ легкимъ ласкающимъ шумомъ, составляющимъ поразительный контрастъ съ бѣшенымъ шабашемъ, рычащимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Мои глаза до такой степени освоились съ полумракомъ, что ясно различали каждый изломъ, каждую щель черной скалы, также какъ и кучки мху, лоснящагося отъ влаги въ расщелинахъ.

Время уже было возвращаться, такъ какъ холодъ и сырость все болѣе давали себя чувствовать, между тѣмъ англичане задерживали насъ, накладывая въ свои карманы обломки скалы. Мнѣ кажется, что если бы они могли, то спрятали бы въ карманы всю Ніагару, чтобы перенести въ British Museum, какъ сдѣлали это съ греческимъ Акрополисомъ. Наконецъ, мы вышли. Всю дорогу мой товарищъ ссорился съ молодымъ англичаниномъ, который утверждалъ, что водопадъ находится въ Англіи, такъ какъ Канада составляетъ часть Англіи; но когда мы ему сказали, что, уступивъ право рыбной ловли американцамъ, Англія почти отреклась отъ своихъ правъ, то англичанинъ умолкъ, хотя и обозлился, не знаю, на янки, или на насъ. Выйдя наверхъ, мы не увидѣли водопада, такъ какъ все было закрыто бѣлой пеленою тумана. Потомъ мы посѣтили прибрежные дома. Въ одномъ изъ нихъ помѣщается музей съ непредставляющими никакого интереса рѣдкостями Ніагары, какъ-то: раковины, окаменѣлости, кости звѣрей, унесенныхъ водопадомъ, фотографіи и пр. На самомъ дѣлѣ, эти дома не что иное, какъ ловушки для путешественниковъ, которымъ продаютъ на вѣсъ золота различныя, будто бы, историческія мелочи. Вдобавокъ продаетъ ихъ такая молодая и красивая миссъ, что трудно удержаться отъ искушенія; поэтому каждый покупаетъ въ десять разъ болѣе того, что онъ предполагалъ. Потомъ еще ведутъ путешественниковъ на верхъ музея, въ маленькую башенку, изображающую обсерваторію, откуда видна вся окрестность. Стѣны и баллюстрады башенки покрыты тысячами надписей на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и другихъ языкахъ. Я замѣтилъ тоже польскія и русскія надписи, такъ какъ всякій считаетъ своей обязанностью оставить здѣсь свою фамилію.

Что касается меня, то, какъ добрый коллега, я обезсмертилъ не только свою фамилію, но и своихъ знакомыхъ, какихъ только могъ припомнить, всѣхъ кузинъ, кузеновъ, а также и потомство. Молодой англичанинъ рядомъ со своимъ именемъ Генри написалъ имя Мэри, потомъ, окруживъ ихъ замысловатымъ росчеркомъ, отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы полюбоваться издали на свое произведеніе. Наконецъ, мы сошли внизъ, гдѣ насъ схватили, посадили на пень и въ пять минутъ сфотографировали вмѣстѣ съ нашими плащами, за что насъ заставили порядочно заплатить. Между тѣмъ стемнѣло. Водопадъ все болѣе скрывался за непроницаемой завѣсою тумана; началъ накрапывать мелкій дождикъ. Мы сѣли и отправились обратно въ Суспенсіонъ-Бриджъ. Въ концѣ моста на насъ напали американскіе таможенные, требуя уплаты пошлины за купленныя нами достопримѣчательности, но долларъ, всунутый въ руку начальника таможни, успокоилъ республиканскую заботливость о доходахъ Соединенныхъ Штатовъ, и мы спокойно пошли дальше. Въ Суспенсіонъ-Бриджѣ мы бросили послѣдній взглядъ на почти невидимый,

вслѣдствіе клубовъ тумана, водопадъ. Скоро пришелъ американскій поѣздъ и направился черезъ Канаду въ самый западный уголъ Онтаріо, къ Гамильтону, откуда въ теченіе цѣлой ночи мы ѣхали по Канадѣ до Детроа, по самому берегу Эри. Мѣстность незамѣтно, но постоянно возвышалась, такъ какъ Эри лежитъ на сто слишкомъ футовъ выше Онтаріо, а Ніагара—не что иное, какъ стокъ водъ Эти въ Онтаріо, который, наткнувшись на скалу, образуетъ водопадъ. Отъ Онтаріо почва постепенно понижается вплоть до океана, гдѣ озера соединяются, можетъ быть, широчайшею въ мірѣ рѣкою Св. Лаврентія.

На слѣдующее утро мы прибыли въ Детроа, городъ, лежащій въ Мичиганѣ, недалеко отъ Эри, надъ рѣкою, соединяющей воды Гурона съ Эри. О Детроа я зналъ только изъ географіи, что онъ существуетъ, и больше ничего. Каково же было мое удивленіе, когда, выйдя изъ вокзала на улицу, я увидѣлъ огромный, въ высшей степени опрятный и красивый городъ, какого до сихъ поръ еще не встрѣчалъ въ Америкѣ. Было еще очень рано, поэтому все спало. Мы пошли по большой улицѣ, гдѣ чуть не на каждомъ шагу попадались церкви, кажется, католическія. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли не обыкновенные кирпичные дома, а прехорошенькія палаццо, отдѣленныя отъ улицы золочеными рѣшетками. За рѣшетками виднѣлись клумбы уже зеленѣющихъ цвѣтовъ, ели и пирамидальные тополи, между которыми рисовались бѣлыя стѣны и освѣщенныя утреннею зарею большія окна палаццо. Кое-гдѣ негры подметали тротуары, покуривая трубки и напѣвая въ полголоса. Мы вышли на большую базарную площадь. Посреди нея возвышался памятникъ какого-то генерала изъ послѣдней войны съ югомъ; кругомъ уже обыкновенные, но красивые и разукрашенные дома, громадныя лавки съ открытыми ставнями. Рынокъ уже кипѣлъ жизнью. Возы съ зеленью, запряженные мулами, съ грохотомъ двигались по мостовой. Наконецъ, мы вернулись на вокзалъ. Поѣздъ отходилъ черезъ полчаса,—значитъ, у насъ осталось еще время для завтрака. Намъ подали превкусный супъ изъ улитокъ. За завтракомъ прислуживалъ намъ метисъ. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ видѣть человѣка, въ жилахъ котораго течетъ индѣйская кровь. Это былъ джентльменъ высокаго роста, съ красноватымъ цвѣтомъ кожи, жесткими, прямыми, черными волосами съ синеватымъ отливомъ и съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Лобъ у него былъ узкій, скулы немного выдающіяся,—впрочемъ, черты довольно правильныя, напоминающія лица нашихъ жестяниковъ. Послѣ каждаго приказанія онъ важно повторялъ: «Yes, sir!» и прислуживалъ ловко и быстро. Когда послѣ завтрака я, вопреки американскому обычаю, всунулъ ему въ руку монету, онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ, воскликнувъ: «O! yes, sir!» улыбнулся и по собственному желанію отнесъ наши шубы и саквояжи въ вагонъ.

Мы поѣхали черезъ штатъ Мичиганъ къ озеру того же названія, на юго-западной сторонѣ котораго находится Чикаго. Сторона, черезъ которую мы проѣзжали, очень похожа на прусскую Польшу. Множество большихъ и малыхъ озеръ, рѣкъ, ручьевъ, вообще обиліе воды; однимъ словомъ, видно, что здѣсь когда-то, въ доисторическія времена, бушевали волны. Вездѣ большіе лѣса. Близость большихъ озеръ видимо вліяетъ

смягчающимъ образомъ на климатъ, такъ какъ снѣгу мы почти нигдѣ не видали; на деревьяхъ распускались почки, а трава зеленѣла на низкихъ лугахъ. По временамъ я посматривалъ въ окно, не увижу ли краснокожихъ, *многочисленныя поколѣнія которыхъ еще-такъ недавно жили* вблизи озера, а одно изъ нихъ запечатлѣло навѣки свое имя въ названіи Гуронъ, но теперь пропалъ даже ихъ слѣдъ. Ихъ нѣтъ не только въ Мичиганѣ, но и въ сосѣднихъ Огейо, Индіанѣ и Иллиноисѣ. Индѣйцы, кабаны, шакалы и ягуары отодвигаются все дальше на западъ передъ бѣлыми или гибнутъ въ отчаянной борьбѣ. Черезъ двадцать четыре часа мы пріѣхали въ Чикаго. Этотъ громадный городъ лежитъ на юго-западномъ берегу озера Мичиганъ и служитъ портомъ для судовъ, совершающихъ рейсы между Канадою и Соединенными Штатами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, но теперь отстраивается съ непостижимой быстротою. Слѣды пожара видны и до сихъ поръ. Когда мы пріѣхали, уже вечерѣло, но, несмотря на это, я тотчасъ же вышелъ на улицу. Послѣ разочарованія, испытаннаго мною въ Нью-Іоркѣ, послѣ грязи и безпорядка, прославленнаго Empire City, Чикаго производитъ пріятное и величественное впечатлѣніе. Необыкновенно широкія улицы, громадные, роскошно отдѣланные дома, высоко поднятые надъ уровнемъ улицы тротуары удивляютъ шириною каменныхъ плитъ. Однимъ словомъ, здѣсь все огромно; можно подумать, что городъ построенъ великанами и для великановъ. Мнѣ пришлось читать фантастическое описаніе городовъ XX-го вѣка: Чикаго мнѣ напомнилъ это описаніе. Все здѣсь правильно, прямолинейно, прямоугольно, всюду не введенныя еще нигдѣ улучшенія. По всѣмъ улицамъ перекрещиваются линіи телеграфныхъ столбовъ съ безчисленнымъ множествомъ проволокъ; на проволокахъ же поперекъ улицъ, между домами, висятъ различныя вывѣски. Въ вечернемъ мракѣ, когда проволоки не видны, эти вывѣски кажутся *висящими* въ воздухѣ. Взглянувъ въ глубь улицы, видишь ихъ цѣлые ряды разрисованныхъ въ различные цвѣта, точно городъ по случаю какого-нибудь торжества разукрасился флагами.

На тротуарахъ большое движеніе; толпа бѣлыхъ и цвѣтныхъ пѣшеходовъ бѣжитъ въ разныя стороны съ чисто американской поспѣшностью; по срединѣ улицы тянется цѣпь экипажей и фіакровъ, слышатся звонки трамваевъ, выкрикиванія извозчиковъ; вездѣ шумъ и давка, характеризующіе жизненную силу этого молодого города. Ночь почти наступила, но вездѣ было свѣтло, какъ днемъ, отъ тысячи газовыхъ огней. Окна громадныхъ магазиновъ точно пылали. Выбравъ первую попавшуюся улицу, я пошелъ, куда глаза глядятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ряды домовъ *неожиданно прерывались*, а *вмѣсто* нихъ *видѣлись пустыя площади* съ остатками кирпичей и другими признаками недавняго пожара. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казалось, что здѣсь основывается какой-то новый гигантскій городъ. Повсюду лѣса и лѣса, недоконченные дома, кучи кирпича и извести, а дальше опять улица, уже отстроенная; слышятся говоръ и шумъ толпы, грохотъ экипажей; опять сверкаютъ газовые огни; словомъ, опять видишь городъ, точно возрожденный изъ пепла, какъ фениксъ.

Что прежде всего поражаетъ въ американскихъ городахъ, такъ это

ихъ жизненность и вмѣстѣ съ тѣмъ неимовѣрная энергія жителей. Случился пожаръ, неслыханный въ наше время, городъ сгорѣлъ, какъ порохъ; жители разбѣжались, торговля упала, промышленность—тоже; все рухнуло, люди остались безъ крова и хлѣба. Прошло нѣсколько лѣтъ: городъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ; четыреста тысячъ жителей находятъ въ немъ работу и пристанище; воздвигаются дома, дворцы, церкви, фабрики, отели, магазины, увеличивается благосостояніе, кипитъ жизнь и трудъ; черезъ нѣсколько лѣтъ и слѣдовъ пожара не останется, а если сгоритъ городъ, то его отстроятъ и разъ, и два, и десять, потому что энергія этихъ людей превозмогаетъ всякія несчастія и всякіе случаи.

Необычайный ростъ Чикаго объясняется не только энергіей жителей, но и превосходнымъ торговымъ положеніемъ. Онъ расположенъ надъ Мичиганомъ, а эта королева озеръ царитъ надъ всей системою водъ, соединяющихъ Канаду съ Соединенными Штатами. Вся торговля этихъ внутреннихъ морей находится непосредственно въ ея рукахъ. Можно сказать, что это портъ, находящійся среди материка, поэтому онъ пользуется всѣми выгодами, какъ приморскаго, такъ и центральнаго города. Кромѣ того, какъ большой и болѣе всего выдвинутый на западъ городъ по трансатлантической дорогѣ, онъ соединяетъ Нью-Іоркъ съ Санъ-Франциско,—цивилизацію съ дальнимъ западомъ. Востокъ посылаетъ продукты своего промысла, западъ—продукты природы; Чикаго составляетъ центръ обмѣна.

Идя все впередъ, я вошелъ въ болѣе отдаленную и глухую часть, гдѣ городъ оборвался, а вмѣсто него я увидѣлъ необъятную поверхность водъ Мичигана. Посеребренныя лунными свѣтомъ волны разбивались о низкую набережную, тутъ же у моихъ ногъ. Издали доносился шумъ города, а здѣсь было тихо, спокойно, просторно, только плескъ воды, а иногда свистъ далекаго парохода нарушали торжественную тишину.

Наконецъ, я возвратился въ отель Palmerhouse, зданіе, построенное изъ цѣльныхъ мраморныхъ плитъ съ истинно вавилонской роскошью. Здѣсь все блеститъ отъ золота, шелка и бархата. Мои глаза, приглядѣвшіеся за минуту передъ тѣмъ къ тихому, унылому водному пространству, не могли вынести этого избытка свѣта и роскоши, искрящихся, какъ шампанское въ бокалѣ. Этотъ отель считается главной достопримѣчательностью Чикаго. И здѣсь, какъ во всѣхъ американскихъ городахъ, нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, никакихъ древностей, музеевъ, церквей и т. д. Здѣсь все новое, все сегодняшнее; всюду и во всемъ проглядываетъ «завтра», а «вчера» означаетъ пустыню и дѣвственные лѣса.

На слѣдующій день мы еще разъ осмотрѣли городъ, хотя, по правдѣ сказать, для осмотра каждаго американскаго города достаточно нѣсколькихъ часовъ; поэтому, новаго ничего мы не увидѣли. Но день прошелъ, а на другой, утромъ, мы снова двинулись въ путь.

Сѣверная часть Иллинойса, черезъ которую мы ѣхали въ теченіе цѣлаго дня,—прекрасно обработанная и густо населенная страна, отличающаяся отъ вышеописанныхъ штатовъ отсутствіемъ лѣсовъ и вообще деревьевъ, что придаетъ унылый видъ окрестностямъ. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись обработанныя поля и фермы, расположенныя одна около другой.

Какъ въ Иллинойсѣ, такъ и въ лежащемъ ближе къ сѣверу Висконсинѣ, много польскихъ селеній. Они состоятъ большей частью изъ крестьянъ, находящихся подъ властью священниковъ (О нихъ смотрите свѣдѣнія въ особомъ письмѣ). Селенія эти, несмотря на большое количество жителей, очень бѣдны; жители ограничиваютъ себя во всемъ и тоскуютъ по родинѣ. Это объясняется незнаніемъ языка, обычаевъ и вообще мѣстныхъ условій, потому что земля плодородна, а удобство путей сообщенія обезпечиваетъ сбытъ произведеній и развитіе торговли.

Послѣ двѣнадцатичасовой ѣзды мы прибыли къ границѣ Иллинойса и Айовы, къ станціи, или, вѣрнѣе, селенію Клэйтонъ, лежащему на самомъ берегу Миссисипи.

Былъ закатъ солнца. Величественный, хотя въ этомъ мѣстѣ и не особенно широкій «Отецъ водъ» блестѣлъ на гигантскихъ поворотахъ, точно огромная золотая лента, исчезающая вдали въ темныхъ лѣсахъ. Берега его живописно поросли деревьями: видно, еще немного прошло времени, какъ бѣлый человѣкъ наложилъ свою желѣзную руку на эти окрестности. Въ самомъ Клэйтонѣ деревянные дома еще не почернѣли отъ солнца и вѣтра. Это селеніе точно вчера построено; немногочисленные дома стоятъ на черномъ болотѣ; вездѣ лужи и грязь. Кучи стружекъ лежатъ еще передъ домами. Дальше видны начатыя постройки, груды досокъ и пней изъ прибрежныхъ лѣсовъ. Въ нѣкоторыхъ пняхъ торчатъ топоры піонеровъ; всюду безпорядокъ, увеличивающійся отъ снующаго вездѣ рогатаго скота и грязныхъ свиней. Это—первое селеніе, въ которомъ видна чисто піонерская жизнь, но, кто знаетъ, не превратится ли оно черезъ нѣсколько лѣтъ въ большой городъ, чему способствуетъ его положеніе на точкѣ пересѣченія великой желѣзной дороги съ Миссисипи.

На водахъ «Великаго Отца» большое движеніе. Различныя лодки, галеры, барки со всякими товарами направлялись въ С.-Луи, а можетъ быть, и далѣе. Лодочники и матросы, одѣтые во фланелевыя рубахи и оборванныя шляпы, сильные, высокіе, представляютъ чистѣйшій типъ пограничныхъ американцевъ, живущихъ на рубежѣ цивилизаціи и пустыни, о которыхъ столько приходилось читать въ повѣстяхъ Купера, Бретъ-Гарта и другихъ писателей. Ихъ бороды, энергическія лица, револьверы, торчащіе изъ кармана,—все это придаетъ имъ истинно романическій и отчасти разбойничій видъ. Плывутъ они большей частью изъ Висконсина или съ истоковъ «Великаго Отца», по берегамъ которыхъ жизнь до сихъ поръ ведется дикая, степная. Жизнь эта отразилась на нихъ: они сильно пьютъ, дерутся изъ-за пустяковъ; ничѣмъ не сдерживаемыя страсти проявляются на каждомъ шагу, но въ общемъ это въ высшей степени честные и справедливые люди, хотя ихъ справедливость часто граничитъ съ жестокостью.

Но Айова уже принадлежитъ къ цивилизованнымъ штатамъ, а Великій Западъ собственно начинается за Миссури, отъ довольно большого города Омахи, черезъ который проходитъ трансатлантическая желѣзная дорога. Не желая, однако, идти впереди учебниковъ географіи, возвращаюсь къ Клэйнтону. Послѣ получасовой остановки поѣздъ пошелъ дальше. Дорога теперь идетъ краемъ совершенно безлѣснымъ и посте-

ненно поднимается въ гору, такъ какъ мы приближаемся къ гигантскому плоскогорью, покрытому степями или такъ называемыми преріями, занимающими всю середину Соединенныхъ Штатовъ. По обѣимъ сторонамъ дороги мелькаютъ фермы, но уже рѣже, чѣмъ въ Иллинойсѣ.

Мѣстами, при свѣтѣ луны, я вижу поля, засѣянныя кукурузою, черные, увядшіе стебли которой остались еще съ прошлаго лѣта. По мѣрѣ приближенія къ западу мѣстность становится все пустыннѣе. Айова, перерѣзанная по всѣмъ направленіямъ желѣзными дорогами, составляетъ преддверіе этой огромной пустыни, занимающей пространство отъ Миссури до Сіерра-Невады. Взоръ теряется въ этомъ необозримомъ, ровномъ пространствѣ, мѣстами только изогнутомъ въ небольшія долины и холмики. Отсутствіе цивилизаціи сказывается и на обществѣ, наполняющемъ вагоны. Вмѣсто прилично одѣтыхъ, болѣе или менѣе элегантныхъ джентльменовъ, поѣздъ переполненъ какими-то бородатыми и усатыми личностями въ изодранномъ платьѣ, съ грязными узелками и револьверами за поясомъ. Слышится громкій и бурный разговоръ, иногда раздаются проклятія; клубы дыма поднимаются къ потолку; двери хлопаютъ, то отпираемыя, то запираемыя сильными руками; въ рѣчахъ часто повторяются названія сіуксовъ и павніевъ, индѣйскихъ племенъ, заселяющихъ Небраску и Дакоту.

Я полагалъ, что по мѣрѣ приближенія къ западу поѣздъ будетъ пустѣть, но, къ моему величайшему удивленію, на каждой станціи ожидали цѣлыя толпы пассажировъ. Подъ конецъ въ вагонахъ стало такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было пошевельнуться. Съ европейской точки зрѣнія это было самое дурное общество. Все тѣ же бородачи съ револьверами и дикими лицами. Вся эта толпа и шумъ казались мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ; поэтому, услышавъ, что мой сосѣдъ заговорилъ по-французски, я обратился къ нему съ просьбою объяснить мнѣ, что это значитъ. Онъ разсказалъ, что всѣ эти люди ѣдутъ въ Омаху, а оттуда черезъ Сіуксъ-Сити до Черныхъ горъ, гдѣ недавно открылись золотыя копи. Слѣдовательно, все это были рудокопы, или вѣрнѣе, авантюристы различныхъ штатовъ, покинувшіе другія занятія ради ожидаемой сказочной наживы въ горахъ. Французъ разсказалъ мнѣ, что множество такихъ партій уже отправилось въ Блэкъ-Гиль, а каждый день прибываютъ все новыя. Тутъ нѣтъ недостатка и въ женщинахъ даже съ грудными дѣтьми, которыя иногда ѣдутъ однѣ, а иногда сопровождаютъ мужей. На побочныхъ дорогахъ Айовы такое же движеніе,—однимъ словомъ, во всѣхъ пограничныхъ штатахъ только и слышишь: «Блэкъ-Гиль, Блэкъ-Гиль»!

А между тѣмъ этотъ желанный рай для многихъ станетъ могилою, такъ какъ вся эта мѣстность вмѣстѣ съ Черными горами составляетъ собственность сіуксовъ, самаго многочисленнаго индѣйскаго племени на сѣверѣ, могущаго выставить десять тысячъ воиновъ. Черныя горы съ давнихъ поръ были признаны ихъ собственностью самимъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ; поэтому «топоръ войны» долго лежалъ зарытымъ между бѣлыми и красными. Теперь времена измѣнились. Толпы бѣлыхъ авантюристовъ, не обращая вниманія на правительственныя распоряженія, бросились въ горы. Правительство въ такихъ случаяхъ не

покровительствуетъ имъ и не посылаетъ войскъ для обороны, но вооруженные и привыкшіе къ борьбѣ съ индѣйцами авантюристы заботятся о помощи еще менѣе, чѣмъ о правительственныхъ договорахъ, и забираютъ все, что имъ заблагоразсудится. Такое положеніе вещей привело индѣйцевъ въ отчаяніе.

Напрасно они высылаютъ депутаціи, которыя пергаментами, печатями и подписями удостовѣряютъ свое право на владѣніе. Правительство не въ силахъ удержать авантюристовъ, а край уже заселенъ, и воздвигнуты фермы,—ему ничего больше не остается, какъ санкціонировать захватъ и присоединить къ штатамъ еще новую территорію. Такъ было въ Дакотѣ, Небраскѣ, Канзасѣ, Индіанѣ,—словомъ, вездѣ. Правительство назначаетъ дикимъ земли, а бѣлые ее забираютъ и, вытѣснивъ индѣйцевъ, основываютъ новые штаты. Что же остается краснокожимъ? Война, и война безъ надежды на побѣду, война на смерть. Въ настоящее время краснокожіе вполнѣ поняли, что имъ не устоять противъ «Длинныхъ ножей», какъ они называютъ бѣлыхъ, и дѣло въ томъ, чтобы не погибнуть безъ отмщенія и положить на томъ свѣтѣ къ ногамъ Великаго Духа какъ можно больше скальповъ съ головъ похитителей. Короче говоря, эта храбрая, хотя и дикая раса гибнетъ на всемъ пространствѣ штатовъ. Съ цивилизаціей, которую, впрочемъ, имъ преподносятъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ, они примириться не умѣютъ и не могутъ, поэтому цивилизація стираетъ ихъ съ лица земли неумолимо, звѣрски.

Теперь настала очередь сіуксовъ. Ихъ воины выкрасились охрою и выступили въ бой, который уже начался. Газеты переполнены описаніемъ драматическихъ эпизодовъ въ Черныхъ горахъ; описанія эти, часто преувеличенныя, только возбуждаютъ ненависть бѣлыхъ и побуждаютъ неспокойные умы искать кровавыхъ приключеній и мести надъ краснокожими. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній носятъ чисто романическій характеръ. Вотъ, напримѣръ, я слышалъ исторію одной дѣвушки, прекрасной, какъ лилія, и богатой, которая вопреки желанію родителей вышла замужъ за бѣднаго эмигранта. Ей не дали ничего въ приданое, и новобрачные очень нуждались. Прекрасная Нелли стирала своими бѣлыми ручками бѣлье, а молодой супругъ ходилъ съ коробкомъ и продавалъ по домамъ разные товары. Вдругъ разнеслась вѣсть о копяхъ въ Блэкъ-Гилѣ. Не долго думая, молодой супругъ забралъ свою обожаемую Нелли и отправился въ горы. Однажды, съ ружьемъ за плечами, онъ удалился отъ обоза, чтобы подстрѣлить какую-нибудь дичь къ ужину, и больше не возвратился. Нелли осталась одна, безъ опеки и средствъ, среди авантюристовъ самаго низкаго пошиба. Къ счастію, вблизи обоза, каждый вечеръ свѣтился огонь траперовъ, т. е. степныхъ охотниковъ, которые всю жизнь проводятъ въ преріяхъ, охотясь и воюя съ индѣйцами. Въ одну прекрасную ночь около костра траперовъ появилось блѣдное личико Нелли.

— Я одинокая, бѣдная женщина,—обратилась она къ нимъ.—Я любила, но краснокожіе похитили любимаго мною человѣка. Примите и спасите меня, потому что я одинока и несчастна!

Полудикія сердца старыхъ траперовъ преисполнились жалостью. Они не только приняли бѣдную Нелли, но и полюбили, какъ дочь, и бе-

регли, какъ зѣницу ока. На слѣдующее утро они отправились на поиски пропавшаго возлюбленнаго и нашли его въ вигвамахъ сіуксовъ, больного, избитаго, близкаго къ смерти, тѣмъ болѣе, что передъ вигвамомъ вождя стоялъ уже столбъ для пытокъ. Траперы ночью подползли къ самымъ палаткамъ и, издавъ военный окликъ, бросились на краснокожихъ. Съ помощью шестнадцати ружей скоро управились съ врагами. Возлюбленный былъ спасенъ, но героиня Нелли была смертельно ранена въ грудь убѣгающимъ индѣйцемъ. Она простилась съ мужемъ, со своими «отцами» и умерла. Съ тѣхъ поръ мужъ пересталъ добывать золото, траперы покинули охоту и всю жизнь посвятили только мщенію. Много уже индѣйскихъ лагерей развѣялъ вѣтеръ, много воиновъ пошло охотиться въ небесныя степи къ Великому Духу, много погибло женщинъ и дѣтей, но мстительные траперы и до сихъ поръ, подобно волкамъ или злымъ духамъ, снуютъ по ночамъ около индѣйскихъ вигвамовъ.

Такова исторія Нелли, достойная пера купера или Габріэля ферри. Безъ сомнѣнія, правды въ ней немного, а можетъ быть, и вовсе нѣтъ, но вѣрно то, что условія, среди которыхъ она могла возникнуть, я видѣлъ собственными глазами. Въ вагонахъ, идущихъ въ Омаху, а оттуда черезъ Сіуксъ-Сити въ Черныя горы, не было недостатка въ хорошихъ охотникахъ, о которыхъ упоминается въ исторіи Нелли. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ smoking wagon'ѣ, покуривая въ трубки. Одѣты они были въ мѣховыя шапки, пояса изъ буйволовой кожи и мѣховые кафтаны. Рядомъ какой-то длинноволосый гамбузино наигрывалъ на гитарѣ. По временамъ мнѣ казалось, что я вижу сонъ или читаю какую-то повѣсть. Вдругъ я чувствительнѣйшимъ образомъ убѣдился, что все это чистѣйшая дѣйствительность.

Это произошло еще въ Айовѣ, но уже на западномъ ея концѣ и среди ночи. Мы въѣхали въ царство скунсовъ, и не знаю, переѣхалъ ли поѣздъ одно изъ этихъ животныхъ, или множество ихъ водилось по близости, только вагоны наполнились такимъ ужаснымъ запахомъ, что почти невозможно было дышать. Закрывъ носы платками, мы чувствовали эту противную вонь во рту. Я попробовалъ отворить окно, оказалось еще хуже. Мнѣ захотѣлось вознаградить себя за испытываемую непріятность хотя зрѣлищемъ этихъ звѣрьковъ, но изъ окна вагона я видѣлъ только степь, поросшую бурьяномъ и облитую лунымъ свѣтомъ, и больше ничего. Французъ сказалъ мнѣ, что на слѣдующей станціи я увижу если не скунсовъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ шкурки. Разговоръ перешелъ на этотъ предметъ. Скунсъ—довольно большое, около одного фута длиною, хищное животное изъ породы куницъ. Онъ питается птицами, яйцами, уничтожаетъ въ большомъ количествѣ крысъ, хорьковъ, земляныхъ бѣлокъ и степныхъ собакъ и въ этомъ отношеніи очень полезенъ, но вообще эти животныя наносятъ большой вредъ полямъ. Нѣкоторыя породы, а въ особенности черный скунсъ, доставляютъ дорогіе и красивые мѣха, которые хорошо извѣстны въ Варшавѣ; но скунсы изъ Айовы, бѣлые съ черными пятнами или съ бѣлыми крапинками на спинѣ, бѣлою грудью и брюшкомъ, никуда не годятся; поэтому на этихъ никто не охотятся, и они плодятся, сколько имъ угодно. Между животными у нихъ нѣтъ опасныхъ враговъ,—напротивъ, они сами обладаютъ прекрас-

нымъ оружіемъ, а именно: ужаснымъ запахомъ и легкостью, съ какою они при малѣйшемъ волненіи отравляютъ имъ воздухъ. Французъ, хорошо изучившій индѣйскіе обычаи, такъ какъ провелъ среди краснокожихъ довольно продолжительное время, увѣрялъ меня, что индѣйцы ѣдятъ ихъ съ удовольствіемъ. Сначала я не хотѣлъ этому вѣрить, но теперь убѣдился, что индѣйцы, такъ же, какъ и китайцы, ѣдятъ все, что только можно раскусить.

Наконецъ, мы миновали эту зараженную мѣстность. Черезъ окна вагона врывался чистый, холодный степной воздухъ. Ночь начинала блѣднѣть. На востокѣ показалась бѣлая полоска разсвѣта. Не была она еще ни золотистой, ни розовой, но уже, казалось, вѣщала степямъ и небу: «Fiat lux!» Я вышелъ на площадку. Длинная, унылая лента дороги, исчезающая вдали, съ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, напоминающихъ кресты, все болѣе и болѣе освобождалась отъ мрака. Но утреннюю зарю не привѣтствовали ни птичьи голоса, ни шелестъ листьевъ, блестящихъ отъ утренней росы. Окрестность здѣсь мертвая, глухая, пустынная, лишенная воды и растительности. Тишину нарушало только лихорадочное дыханіе локомотива, который, казалось, пожиралъ пространство съ какою-то яростью и озлобленіемъ.

Долго еще я всматривался въ дорогу, которую, высунувшись изъ вагона, можно было превосходно видѣть, до самыхъ краевъ горизонта. Ничего нѣтъ печальнѣе степной дороги. Къ телеграфнымъ столбамъ здѣсь прибиваютъ вверху поперечную перекладину для звонковъ, что, какъ я упоминалъ, придаетъ имъ видъ крестовъ. Впереди видишь только сѣрую, безконечную равнину, поросшую бурьяномъ, мѣстами покрытую равнину снѣгомъ, а на этой равнинѣ кресты и кресты, насколько можно окинуть глазомъ,—и ничего болѣе, кромѣ этихъ крестовъ, которые кажутся дорогою, ведущею въ страну смерти, или надгробными памятниками путешественниковъ.

Впрочемъ, это и на самомъ дѣлѣ памятники; стоятъ они на могилахъ первобытныхъ дѣтей этой земли. Гдѣ только появится такой крестъ, тамъ гибнутъ народы, лѣса, бизоны, гибнетъ дѣвственность земли, и вчерашняя тишина замѣняется шумомъ торгующихъ, покупающихъ, обманывающихъ и обманутыхъ. На могилахъ индѣйцевъ ученый профессоръ читаетъ международное право; въ логовищѣ лисицъ адвокатъ открываетъ свою канцелярію; тамъ, гдѣ обиталъ волкъ, духовный пастырь пасетъ своихъ овечекъ. Вотъ она, людская погоня за тѣмъ, что называется счастіемъ, настолько же плодотворная, какъ погоня собаки за собственнымъ хвостомъ.

Но прежде чѣмъ всѣ эти шопенгауеровскія и гартмановскія мысли промелькнули въ моей головѣ, почти уже совсѣмъ разсвѣло. Разбойничьи лица авантюристовъ казались блѣдными и утомленными; въ это время поѣздъ остановился. Мы пріѣхали въ Кетчемъ, маленькую станцію на границѣ Айовы, недалеко отъ Омахи.

И здѣсь ожидали цѣлыя толпы авантюристовъ, такъ что пришлось прицѣплять вагоны, что заняло не мало времени. Тутъ ожидалъ меня настоящій сюрпризъ, такъ какъ въ Кетчемѣ я въ первый разъ увидѣлъ дикихъ индѣйцевъ.

Выйдя изъ вагона, я тотчасъ же замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи кучку собравшихся въ кружокъ людей, которые съ любопытствомъ къ чему-то присматривались. Я спросилъ, что это значитъ? Мнѣ отвѣчали, что это посольство Сіуксовъ, ѣдущее на востокъ къ Гранту, или, вѣрнѣе, къ губернатору Айовы, или, наконецъ, къ какому-то генералу, командующему войсками около Блэкъ-Гиля. Другіе утверждали, что это индѣйцы, вызванные на выставку въ Филадельфію. Я отыскалъ своего француза, который говорилъ по-англійски, по-сіукски и еще, Богъ знаетъ, на какихъ языкахъ, и мы оба побѣжали тотчасъ же къ индѣйцамъ. Шесть немолодыхъ уже воиновъ сидѣло возлѣ костра изъ сухого вереска. Одѣты они были отчасти въ буйволовыя шкуры, отчасти въ рубища европейской одежды, или попоны съ литерами U. S. (United States), которыя раздаетъ имъ правительство штатовъ. Волосы, прямые, черные и жесткіе, у нѣкоторыхъ были распущены; другіе понатыкали въ нихъ перья и куски лентъ. Почти всѣ были вооружены кентукскими райфлями (ружья), у всѣхъ были топорики, или, такъ называемые, томогауки, и большіе или маленькіе ножи. У нѣкоторыхъ за поясомъ висѣли скальпы, т. е. волосы, содранные вмѣстѣ съ кожею съ головы врага; волосами этими были также украшены швы ихъ одежды. Они сидѣли спокойно, неподвижно и молчаливо, точно бронзовыя изваянія. Толпа, ихъ окружающая, была настроена въ высшей степени враждебно; часто слышались возгласы: «Goddam you! Peste on you!..» и другія мѣстныя проклятія; но эта невоздержность бѣлыхъ, казалось, ничуть не возмущала краснокожихъ воиновъ. Они ни на кого не смотрѣли, ничему не удивлялись; лица ихъ были спокойны, какъ у людей, погруженныхъ въ задумчивость, выраженіе глазъ въ высшей степени апатичное.

Индѣйцы также пылки, какъ и всѣ дѣти природы, но по ихъ понятіямъ, только женщина или недостойный своего названія мужчина выказываютъ то, что творится въ ихъ душѣ. Истинный воинъ умѣетъ владѣть собою; въ то время когда въ его душѣ кипитъ звѣрское бѣшенство, онъ умѣетъ смотрѣть на свою жертву тѣмъ спокойнымъ взглядомъ, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ. Когда же непріятель привяжетъ его къ столбу пытки, онъ ни однимъ мускуломъ не обнаруживаетъ своихъ страданій; напротивъ, онъ долженъ тогда возбуждать ихъ злобу оскорбленіями и напоминаніемъ о всѣхъ нанесенныхъ имъ кровавыхъ обидахъ.

Таковы понятія индѣйцевъ. Въ дѣйствительности, очень мало найдется такихъ воиновъ, которые бы въ данномъ случаѣ могли соотвѣтствовать подобному идеалу. О сіуксахъ говорятъ даже, что они не такъ храбры, какъ обители юга, апачи и команчи.

Во время войны, которая вскорѣ послѣ этого возгорѣлась, Сіуксы опровергли справедливость этого мнѣнія. Ихъ вождь, сидящій Быкъ, въ кровавой стычкѣ разбилъ американское войско, предводительствуемое генераломъ Кустеромъ, который самъ погибъ въ битвѣ. Въ концѣ концовъ сіуксы были побѣждены; Сидящій Быкъ нашелъ убѣжище въ Канадѣ.

Но какъ бы то ни было, они стараются выказать стоицизмъ, составляющій поразительную особенность этой наполовину дикой еще расы, которая выработала понятія, свойственныя народамъ, стоящимъ на высокой ступени умственнаго развитія.

Со всѣмъ тѣмъ воины сіуксовъ не вполнѣ отвѣчаютъ тому идеалу индѣйцевъ, какой я создалъ въ своемъ воображеніи, читая разсказы Купера, Бульмера и др. Они были оборваны и чрезвычайно грязны, къ тому же издавали запахъ ничуть не лучше скунсовъ, который, къ счастію, заглушался дымомъ горѣвшаго вереска. Когда мы усѣлись вмѣстѣ съ французомъ безъ всякихъ привѣтствій и церемоній около костра, лица воиновъ остались также неподвижны; они не почтили насъ ни единымъ взглядомъ; но когда я вынулъ изъ кармана довольно объемистую пачку сигаръ и шоколада, и когда французъ объявилъ (о чемъ я узналъ послѣ), что молодой воинъ съ сѣвера, принадлежащій къ другому, дружественному красножимъ, бѣлому племени, пришелъ познакомиться съ красными братьями и предлагаетъ имъ дары,—стоицизмъ индѣйцевъ мгновенно исчезъ. Правда, ихъ лица и глаза остались почти такими же неподвижными, какъ раньше, но раздалось глухое, хриплое: «Гало!», огромныя бронзовыя лапищи протянулись жадно къ подаркамъ, и какъ шоколадъ, такъ и сигары моментально исчезли въ пасти моихъ новыхъ союзниковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышно было только хрустѣніе шоколада, преподнесеннаго мнѣ прекрасными ручками въ Варшавѣ, затѣмъ наступила торжественная тишина.

Теперь уже ледъ былъ сломанъ. Я могъ разговаривать вволю, но прежде, чѣмъ я успѣлъ освѣдомиться объ именахъ моихъ братьевъ и сочинить какое-нибудь поэффектнѣе для себя названіе, свистнулъ локомотивъ,—нужно было возвращаться. Французъ все-таки успѣлъ узнать, что на высокихъ степяхъ выпали огромные снѣга, и что, вѣроятно, «большія телѣги бѣлыхъ принуждены будутъ остановиться». Я хотѣлъ еще узнать, давно ли «мои красные братья» прибыли въ Кетчемъ и куда ѣдутъ, но не было времени, такъ какъ мы слишкомъ много его потратили, сидя у костра въ обязательномъ молчаніи.

На пути къ вагонамъ авантюристы начали дѣлать мнѣ и французу выговоры за то, что мы разговаривали, какъ съ людьми, съ «этими негодяями, красными чертями, разбойниками» и т. д. Мы имъ отвѣтили,—т. е. отвѣтилъ французъ,—что это не ихъ дѣло, и вошли въ вагонъ, въ которомъ рѣчь шла о краснокожихъ. Трудно себѣ представить, до какой степени доходятъ ненависть и презрѣніе пограничныхъ американцевъ по отношенію къ индѣйцамъ. Правда, постоянная борьба на жизнь и смерть, грабежи и разбои обостряютъ взаимныя отношенія, но правда и то, что пограничные бѣлые совсѣмъ не считаютъ индѣйцевъ за людей и думаютъ, что, уничтожая ихъ, они оказываютъ человѣчеству большую услугу. Бѣлый человѣкъ, по ихъ понятіямъ, имѣетъ такое право истреблять краснокожихъ, какъ гремучихъ змѣй, медвѣдей и другихъ вредныхъ животныхъ. Въ то время когда нью-іоркскіе филантропы устраиваютъ маскарады въ пользу индѣйцевъ, на границахъ кипитъ безжалостная, жесточайшая война, какую только можно вообразить. Нужно замѣтить, что жители окраинъ, снисходительные по отношенію къ своимъ, жестоки не менѣе краснокожихъ къ индѣйцамъ. Индѣецъ безжалостенъ,—это вѣрно; жертва, попавшаяся ему въ руки, напрасно станетъ прибѣгать къ просьбамъ и мольбамъ: красный воинъ смотритъ на нее неподвижными

глазами, ея мольбы только ласкаютъ его слухъ; мученія жертвы—его отрада, онъ наслаждается ими и въ эту минуту—счастливъ.

Бѣлые точно такъ же поступаютъ съ ними: индѣйцы срываютъ кожу съ головы плѣнника, какъ военный трофей; бѣлые переняли этотъ обычай и тоже скальпируютъ своихъ плѣнныхъ. Но все-таки, если-бы меня кто спросилъ, на чьей сторонѣ справедливость, то я по чистой совѣсти призналъ бы ее на сторонѣ индѣйцевъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ преподносится имъ цивилизація, къ воспріятію которой ихъ объявляютъ неспособными. Прежде всего: правительство штатовъ гарантируетъ имъ право на землю, а граждане, изъ которыхъ образовалось это правительство, завладѣваютъ ею, вопреки его распоряженію. Такимъ образомъ, на первомъ же шагу они встрѣчаются съ ложью и клятвопреступленіемъ; какъ дѣти природы, они не могутъ отличить правительства отъ народа и изъ всего этого выносятъ только одно чувство: кровавой обиды. Кромѣ того, индѣйцевъ видитъ въ цивилизаціи только потерю всего того, что поддерживало жизнь его и его предковъ. У него отнимаютъ все необозримое пространство степей и взамѣнъ даютъ клочокъ земли, котораго онъ не умѣетъ обрабатывать. Даютъ ему попону, а отнимаютъ свободу. Дикій воинъ, сидя на спинѣ мустанга, мчится по степямъ, охотится, воюетъ, дышитъ полною грудью; ему такъ же необходима эта дикая, степная жизнь, какъ птицѣ воздушное пространство; онъ безъ нея не можетъ обойтись: сохнетъ и умираетъ. Подумайте, что онъ пріобрѣтаетъ и теряетъ, принимая, такъ называемую, цивилизацію. Прежде всего онъ мретъ съ голоду на своей пашнѣ; тѣ же братья, которые такъ сладко пѣли о цивилизаціи, теперь третируютъ его, какъ въ Европѣ цыгана, а въ результатѣ ему ничего не остается, какъ цыганская жизнь,—попрошайничество, мелкое воровство, перебиваніе со дня на день, среди которыхъ онъ окончательно деморализуется.

Наконецъ, каковы эти апостолы цивилизаціи, съ которыми ему приходится сталкиваться? Прежде всего купецъ, обманывающій его на каждомъ шагу; потомъ авантюристъ, сдирающій кожу съ его головы; далѣе траперъ—охотящійся передъ его вигмамами на буйволовъ, составляющихъ пищу краснокожихъ; наконецъ, американскій правительственный комиссаръ съ бумагою, на которой между строкъ написано: «Mane, fekel, fares»! для всего племени.

Послѣ на многихъ станціяхъ Небраски и Уойоминга мнѣ приходилось встрѣчать, такъ называемыхъ, цивилизованныхъ индѣйцевъ. Это—олицетвореніе нужды и отчаянія: мужчины, оборванные, грязные, развращенные; женщины протягиваютъ исхудалыя руки къ окнамъ вагоновъ. Вы спросите: почему они не работаютъ? Не умѣютъ; никто, впрочемъ, и не позаботится о томъ, чтобы ихъ научить чему-нибудь. Они отказались отъ войны съ бѣлыми, отъ разбоевъ, охоты, а получили за это... попоны... и презрѣніе.

Наконецъ, первые, непосредственные продукты, которые они пріобрѣли отъ цивилизаціи,—это водка, оспа и сифилисъ; что же удивительнаго, если, глядя на цивилизацію, съ точки зрѣнія этихъ первыхъ благодѣяній, они не стремятся къ ней, защищаются и гибнутъ.

Но прежде всего—гибнутъ. Цѣлыя племена,—все-равно, приняли

ли они цивилизацію, или живутъ въ дикомъ состояніи,—гибнутъ съ поражающею быстротою. Они не могутъ ни противиться цивилизаціи, ни вынести ея тяжести на своихъ слабыхъ плечахъ. Это—явленіе, встрѣчающееся въ исторіи всѣхъ дикихъ народовъ.

Нашъ ученый соотечественникъ Стишелецкій возвелъ это въ научный законъ, прозванный англичанами «Sfozelocku law» и принятый въ настоящее время за аксіому въ антропологіи. Что же касается индѣйцевъ, а въ особенности нѣкоторыхъ племенъ, такъ какъ между ними существуетъ большая разница, то если бы имъ пришлось столкнуться не съ подонками общества, а съ лучшей ея стороною, они, можетъ быть, приспособились бы къ ней и уцѣлѣли отъ погибели. Цивилизація должна быть ласковой наставницею и сгибать исподоволь, а не ломать сразу. Перемѣна образа жизни, постоянная осѣдлость, занятіе землепашествомъ, которыя при данномъ положеніи вещей составляютъ необходимость, навязываемыя насильственнымъ образомъ неподготовленнымъ къ этому племенамъ, распространились бы тогда, какъ естественныя послѣдствія постепеннаго развитія.

Мнѣ кажется, что научный законъ о необходимой гибели народовъ, встрѣчающихся съ цивилизаціею, можно объяснить не абсолютною неспособностью этихъ народовъ, а тѣмъ собственно, что они не имѣютъ достаточно времени цивилизоваться такъ, какъ цивилизовались европейскіе народы, т. е. путемъ прогрессивнаго и постепеннаго развитія. Живя въ первобытномъ состояніи, иногда даже пожирая людей (Sammel Wölker), дикія племена сталкиваются сразу съ высоко развитою и абсолютно для нихъ недоступною цивилизаціей; ничего нѣтъ удивительнаго, что, вмѣсто того, чтобы подъ ея вліяніемъ развиваться, они только глупѣютъ и въ результатѣ разбиваютъ себѣ головы объ эту слишкомъ твердую для нихъ цивилизацію.

Возвращаюсь еще разъ къ индѣйцамъ: я слышалъ отъ людей свѣдущихъ, а позже и самъ убѣдился, что это—племена, достаточно развитыя умственно. Они стоятъ, въ этомъ отношеніи, ничуть не ниже калмыковъ, башкировъ и другихъ кочующихъ племенъ Россіи и Азіи; у нихъ есть свои преданія, своя миѳологія и даже своя поэзія, заключающаяся въ военныхъ, похоронныхъ и другихъ пѣсняхъ. Нѣкоторыя преданія очень поэтичны и доказываютъ умѣніе пользоваться матеріаломъ, доставляемымъ природою и людьми. Когда великій Маникъ (говоритъ одно изъ этихъ преданій) рѣшилъ создать человѣка, онъ взялъ глину, сдѣлалъ изъ нея человѣческое подобіе и положилъ его въ огонь, чтобы закалить. Въ первый разъ онъ пережегъ его въ уголь, но оставилъ свое твореніе для жизни,—и отсюда произошелъ негръ; во второй разъ не дожегъ,—и произошелъ бѣлый человѣкъ; въ третій разъ, наученный опытомъ, онъ продержалъ въ огнѣ глину надлежащее время, и отсюда произошла совершенная, истинно прекрасная порода—краснокожихъ.

Въ этомъ преданіи видна мѣткость, основанная на искусномъ сопоставленіи трехъ расъ. Далѣе, самый способъ выраженія индѣйцевъ, изобилующій даже въ обыденной рѣчи массою сравненій и метафоръ, указываетъ на извѣстную обработанность мысли. Въ нѣкоторыхъ индѣйцахъ врожденная интеллигентность, прямо-таки удивительна: всѣ они

очень проницательны и умѣютъ отличать правду отъ лжи, хотя бы самой подслащенной; но эта же проницательность уживается съ почти дѣтской наивностью.

Наконецъ, эти племена выработали уже извѣстную цивилизацію, слѣдовательно, могли бы идти и далѣе, могли бы стать при разумной помощи на высотѣ нашей цивилизаціи, но эта послѣдняя изобрѣла болѣе короткій способъ: вмѣсто того, чтобы подерживать и укрѣплять слабыхъ, она ихъ убиваетъ.

Съ такими мыслями я пріѣхалъ въ Омаху, на границу Айовы и и Небраски, т. е. почти на половину дороги, соединяющей два океана; дальнѣйшее описаніе путешествія отъ Омахи до Санъ-Франциско откладываю до слѣдующаго письма.

V.

Съ трансатлантической желѣзной дороги.

Не разъ приходилось мнѣ читать описаніе различныхъ приключеній и опасностей, какимъ подвергаются пассажиры по дорогѣ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско. Года два тому назадъ газеты сообщали, что индѣйцы подожгли дѣвственный лѣсъ, черезъ который проходилъ поѣздъ, и машинистъ не только не остановилъ поѣзда, но ринулся на всѣхъ парахъ въ разступившееся подъ напоромъ воздуха огненное море. Поѣздъ прошелъ благополучно, а пассажиры, слегка опаленные, были спасены.

Во французскихъ и нѣмецкихъ иллюстраціяхъ я видѣлъ даже рисунки, дополняющіе эти эффектныя описанія. Теперь, когда я самъ проѣхалъ по всей линіи, эти описанія, также, какъ и рисунки, служатъ мнѣ доказательствомъ, до какой степени доходитъ ложь, переходящая изъ американскихъ газетъ въ наши, или изъ разсказовъ путешественниковъ, которые, доѣхавъ до какого-нибудь атлантическаго порта, описываютъ Соединенные Штаты съ такою увѣренностью, какъ будто имъ удалось ихъ осмотрѣть невооруженнымъ глазомъ съ первой попавшейся церковной башни.

Для опроверженія вышеупомянутаго пожара дѣвственнаго лѣса мнѣ достаточно сказать, что въ восточныхъ штатахъ, ближайшихъ къ Нью-Іорку, дѣйствительно, растутъ лѣса, хотя не дѣвственные, но все-таки большіе, но нѣтъ вовсе индѣйцевъ, а въ западныхъ, начиная отъ Айовы, путешественникъ буквально не видитъ ни одного дерева вплоть до лѣсистой границы Калифорніи и Невады, т. е. приблизительно на такомъ разстояніи, какое отдѣляетъ Варшаву отъ Мадрида: Айова, Небраска, Уойлингъ, Утаха и Невада представляютъ въ среднихъ полосахъ одну гигантскую и безлѣсную прерію, поросшую только травою, верескомъ и кое-гдѣ въ оврагахъ ничтожными кустиками лозы.

Но Небраска—это чистѣйшій типъ степи. Путешественникъ, утомленный видомъ заселенныхъ, пестрѣющихъ фермами окрестностей восточныхъ штатовъ, жаждущій увидѣть пустыню, находитъ здѣсь то, чего искалъ. Изрѣдка только, у самой линіи желѣзной дороги, ютится домикъ какого-нибудь піонера, а далѣе пустынная равнина, безбрежная, молча-

-чвая, на которой взору не на чемъ отдохнуть, и онъ падаетъ, какъ птица, намѣревающаяся на своихъ слабыхъ крыльяхъ перелетѣть океанъ.

Иногда, когда поѣздъ останавливался на болѣе продолжительное время, я бѣжалъ въ степь, которая начиналась сейчасъ же за оградой ничтожнаго деревяннаго дома, изображающаго вокзалъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, вѣтеръ покачивалъ верхушки вереска; кругомъ царила глубокая тишина: нигдѣ ни птицы, ни звѣря, ни единой живой души. Но въ этой тишинѣ есть что-то чарующее. Не только взоръ, но и душа и мысль теряются въ этихъ степяхъ, покидаютъ обычные пути, забываютъ о своемъ «я», сливаются съ окружающимъ и черезъ минуту живутъ уже не собственною жизнью, но всѣмъ могуществомъ степей, въ которой исчезаешь, какъ капля воды въ морѣ.

Изъ такихъ чувствъ и впечатлѣній и легкости, съ какою человѣкъ сливается съ природою, вытекли всѣ пантеистическія системы. Человѣкъ на лонѣ природы не можетъ отрѣшиться отъ чувства, что онъ съ нею составляетъ одно цѣлое, что въ немъ и во всемъ окружающемъ есть только одна великая душа, а отдѣльная, человѣческая жизнь—это только переходное состояніе, за которымъ слѣдуетъ вѣчное, общее бытіе.

Это, повторяю, первичное, врожденное чувство, поэтому всѣ безъ исключенія первобытныя религіи—не что иное, какъ различныя формы пантеизма. Впослѣдствіи, когда искусственная жизнь порываетъ связь съ природою, поглощаетъ своими интересами вниманіе человѣка и закрываетъ передъ нимъ первоначальную истину, тогда и боги становятся людьми, а душа—отдѣльною, самостоятельною единицею; но вначалѣ, возьмемъ ли греческую или славянскую миѳологію, или индійскій буддизмъ, вездѣ увидимъ только чистѣйшій пантеизмъ, который боговъ не зоветъ существами и не обѣщаетъ отдѣльнаго бытія послѣ смерти.

Каждый человѣкъ въ глубинѣ души стремится къ сліянію съ природою и индивидуальному небытію. Отдѣльная жизнь, какъ бы то ни было, мучительна; поэтому буддисты называютъ нирвану своимъ небомъ. Она для нихъ не абсолютное небытіе; напротивъ, нирвана—это всебытіе, великій отдыхъ и вѣчный непробудный сонъ, и является небытіемъ только для единицъ.

Но то, что составляетъ сущность буддизма, этой, въ принципѣ, естественнѣйшей изъ всѣхъ религій, живетъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ болѣе или менѣе опредѣленное чувство. Только этимъ чувствомъ и тоскою по всебытію и объясняется то очарованіе, какое производятъ на насъ явленія природы, напоминающія безконечность.

Мы любимъ, напримѣръ, моря, степи, хотя по правиламъ эстетики, требующей спокойной гармоніи, какъ главнаго основанія красоты, въ нихъ нѣтъ *ничего эстетическаго. Что же есть въ этой безбрежной степной* равнинѣ? Ничего. Одна пустыня. Сѣрая даль сливается съ небомъ на краю горизонта,—молчаніе вокругъ: глушь, почти смерть. Однако, степь манитъ и привлекаетъ. Хотѣлось бы сѣсть на коня, мчаться и мчаться; хотѣлось бы выкупаться въ этой безконечности, протянуть руки и кричать: «Эй, эй, степи!»—и забыться въ нихъ и жить.

Чѣмъ же объяснить это непонятное очарованіе? Именно тѣмъ, что тамъ такъ пусто, безбрежно и безконечно, что тамъ все есть, только

передъ всѣмъ, что тамъ есть, единичныя, отдѣльныя явленія исчезаютъ, что тамъ только одна великая душа: потому степь такъ манитъ и привлекаетъ. Это какъ бы отраженіе нирваны всебытія, а тоска по ней лежитъ въ душѣ человѣка.

Поэтому степь такъ манитъ и привлекаетъ.

Возвращаюсь къ степямъ Небраски, вѣрнѣе—къ степямъ среднихъ штатовъ, которыя производятъ черезвычайно сильное впечатлѣніе своей необъятною величиною и глушью. Онѣ тянутся на цѣлыя тысячи миль къ сѣверу, югу, востоку и западу, такъ какъ занимаютъ почти всѣ штаты на западъ отъ Миссисипи, за исключеніемъ Калифорніи. Это, какъ я уже сказалъ, громадное плоскогорье, возвышающееся къ серединѣ, центръ которой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хребетъ составляютъ такъ называемыя Rocky Mountains (Скалистыя горы). Горы эти, направляясь съ сѣвера на югъ, достигаютъ самой большой высоты въ Уойомингѣ, потомъ, пройдя черезъ Колорадо и Нью-Мексику, понижаются все болѣе и болѣе, переходя постепенно въ холмы, образующіе нѣсколько грядъ въ самой Мексикѣ

Кромѣ этой системы горъ, на западъ отъ нихъ идетъ еще Сіерра-Невада. Отроги этихъ горъ покрываютъ всю Калифорнію, и въ ней, такъ же, какъ и на сѣверѣ, въ Орегонѣ, взятыя отдѣльно, носятъ различныя названія. На сѣверѣ (Орегонъ, Вашингтонъ, Идаго), на югѣ (Нью-Мексика, Аризона) Сіерра-Невада почти сходится со Скалистыми горами, а въ серединѣ Скалистыя горы выгибаются полукругомъ на востокъ, къ Миссисипи, а Сіерра-Невада на западъ, къ Тихому океану. Между этими двумя полукругами лежатъ штаты или территоріи Идаго, часть Орегона, часть Уойоминга, Невада, Утахъ, вся Аризона и часть Новой Мексики. Скудныя воды Сіерра-Невады впадаютъ въ Тихій океанъ, воды же Скалистыхъ горъ, направляясь на востокъ, къ Атлантическому океану, образуютъ большія рѣки (Миссисипи, Миссури) съ притоками. Вслѣдствіе этого, часть, замкнутая между двумя полукругами горъ, почти безводна. Небольшія рѣки или пропадаютъ въ степяхъ, или впадаютъ во внутреннія озера, не имѣя доступа къ морю. Степь, то здѣсь, то тамъ, переходитъ въ совершенно безплодную пустыню; мѣстами на поверхность земли выступаетъ соль. Въ штатѣ Утахъ находятся большіе резервуары соленой воды (Соленое озеро и Утахъ). Такъ же часто они встрѣчаются и въ Невадѣ, напр.: Таго, Пирамидъ и Гумбольдтъ.

Въ особенности югъ Утаха и Невады почти совсѣмъ безводенъ, только въ Аризонѣ и Нью-Мексикѣ находятся довольно значительные притоки: Колорадо-Риверъ и Гранъ-Риверъ. Степи здѣсь красивѣе и болѣе обильны растительностью; мѣстами попадаются и деревья, хотя въ общемъ эти степи уступаютъ восточнымъ степямъ Скалистыхъ горъ, тянущимся вплоть до Миссури и Миссисипи, т. е. степямъ Небраски, Канзаса, Индѣйской территоріи и Техаса.

Плодородіе и влажность восточныхъ степей объясняются присутствіемъ двухъ вышеупомянутыхъ рѣкъ и большимъ количествомъ притоковъ. Разсказываютъ чудеса объ урожаяхъ въ Небраскѣ, Канзасѣ, Индѣйской территоріи и Техасѣ. Несмотря на это, всѣ эти земли почти пусты, заселены только различными индѣйскими племенами и дикими звѣрями.

Мѣстами между рѣками должны находиться огромные лѣса, но на всемъ протяженіи желѣзнодорожной линіи какъ въ западныхъ, такъ и восточныхъ степяхъ, я не видѣлъ буквально ни одного дерева, кромѣ посаженныхъ въ небольшомъ количествѣ около станцій.

Вездѣ степь и степь, поросшая только верескомъ, бурьяномъ и еще какимъ-то растеніемъ, шишки котораго похожи на нашу бѣлену. Видъ торжественный, но унылый. Правда, первый разъ я видѣлъ эти степи въ половинѣ марта, т. е. тогда, когда на нихъ еще все спитъ зимнимъ сномъ. Въ степяхъ Айовы, Небраски, Уойоминга, Утаха и Невады, хотя и расположенныхъ подъ 42° сѣверной широты, т. е. на параллели Португаліи, Испаніи и южной Италіи, зима продолжительная и холодная. Читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что на той же широтѣ въ Европѣ теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо; но есть еще и другая, болѣе важная причина—это высота положенія надъ уровнемъ моря. Я уже упоминалъ, что, начиная отъ системы большихъ озеръ, или, точнѣе, отъ Миссисипи, плоскогорье все повышается, такъ что въ Уойомингѣ и Утахѣ оно достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ футовъ высоты надъ уровнемъ моря, т. е. линіи вѣчныхъ снѣговъ. Со всѣмъ тѣмъ это поднятіе почвы такъ незамѣтно, что путешественникъ, очутившись на высотѣ Монъ-Блана или С. Готарда, не замѣтилъ, что поднимался въ гору. На взглядъ поѣздъ мчится все по равнинѣ, только снѣжныя засыпи да такъ называемые снѣговые дома, т. е. огромныя деревянныя галлереи, среди которыхъ идетъ дорога, указываютъ на настоящее положеніе вещей.

Небраска лежитъ несравненно ниже, но и въ ней, въ особенности въ западной ея части, зима продолжается до половины апрѣля; зато лѣтомъ жара доходитъ до ста слишкомъ градусовъ по Фаренгейту. Солнечные лучи, падая почти отвѣсно на незащищенную тѣнью деревьевъ степь, накаляютъ ее, какъ плавильную печь. Трава, бурьянъ и репейникъ высыхаютъ и, упавъ на землю, представляютъ изъ себя одну сплошную пожелтѣвшую подстилку. Маленькія рѣки или такъ называемыя «creek», и большія, «river», высыхаютъ совершенно, листья вербы чернѣютъ, свертываются вокругъ стебля и крошатся въ рукахъ. Ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжаетъ раскаленнаго воздуха; сѣрое небо точно дышитъ пламеннымъ дыханіемъ; земля трескается. Въ это время степи становятся такими безмолвными и пустынными, какъ сама смерть. Въ этой желтой пустынѣ не видно ни бабочекъ, ни другихъ насѣкомыхъ; въ небесной выси не рѣютъ птицы, дикіе звѣри спятъ въ своихъ логовищахъ.

Даже ягуаръ и пума рѣдко появляются въ полуденную пору, когда жара доходитъ до высшей степени. Большіе сѣрые медвѣди, самые страшные степные разбойники, уходятъ въ горы, гдѣ снѣгъ никогда не таетъ, или лѣниво бредутъ вслѣдъ за бизонами, ищущими убѣжища въ руслахъ рѣкъ, не успѣвшихъ окончательно высохнуть отъ жары. Мучительное вліяніе жары сказывается и на бизонахъ. Огромныя ихъ головы, покрытыя на нѣсколько дюймовъ пылью, глиною и спутавшимися степными растеніями, поминутно наклоняются, ударяя рогами о твердую землю, точно отыскивая воду; большіе, старые самцы, предводители стадъ, нетерпѣливо роютъ копытами землю или, поднимая подвижныя ноздри, нюхаютъ вокругъ, не почувствуютъ ли въ раскаленномъ воздухѣ освѣ-

жающей влаги, идущей отъ рѣкъ и озеръ. Ихъ безумные, затекшіе кровью глаза и высунутые языки доказываютъ ярость и жажду.

Только вечеромъ, когда громадный, красный солнечный дискъ скроется за горизонтомъ, въ степи начинается ночная жизнь. Тутъ и тамъ слышится зловѣщій крикъ кагуара, иногда раздается рычаніе сѣраго медвѣдя, за которымъ все на минуту умолкаетъ; потомъ опять вѣтеръ доноситъ жалобный вой шакаловъ, или малыхъ степныхъ волковъ, идущихъ вслѣдъ за большими разбойниками и живущихъ остатками отъ ихъ трапезы.

Но самое большое движеніе царитъ около рѣкъ и озеръ. Спрятавшись въ прибрежномъ тростникѣ, можно видѣть, какъ на ладони, цѣлый разнообразный звѣринецъ. Въ красныхъ лучахъ заходящаго солнца отражаются съ поразительной ясностью огромные, черные силуэты бизоновъ, бѣгущихъ рысью къ водѣ и погружающихся въ нее вмѣстѣ съ головою; тутъ и тамъ легкими, граціозными прыжками приближаются стада красивыхъ антилопъ, за ними крадутся хищники; иногда трава и кусты раздвигаются, и среди зарослей на минуту показывается украшенная перьями голова индѣйца. Сидя на конѣ, вооруженный дротикомъ, красный воинъ окидываетъ пылающимъ взоромъ этотъ звѣриный міръ, который черезъ минуту станетъ его добычею.

Но во время жары, когда все молчитъ и засыпаетъ, когда даже индѣецъ прячется подъ тѣнь своего вигвама, одно только существо рѣшается подвергать свою голову дѣйствію солнечныхъ лучей—это существо—бѣлый человѣкъ. Часто въ самую жару, среди воздуха, наполненнаго сплошной пылью, тянутся большіе возы, прозванные кораблями пустыни, запряженные въ три, четыре и даже въ шесть паръ муловъ. Такой караванъ звенитъ издалека, такъ какъ къ каждому хомуту привязываютъ по четыре колокольчика, звукъ которыхъ ободряетъ и придаетъ силы животнымъ. Крыши возовъ покрыты полосатымъ полотномъ, а въ возахъ помѣщаются женщины, дѣти и разная домашняя утварь; за караваномъ сквэтеры, часто негры или метисы, погоняютъ коровъ и овецъ, пощелкивая длинными бичами, покрикивая: «Го, го!» или проклиная жару и себя. Возлѣ каждой запряжки плетется со штуцеромъ за плечами traweller, одѣтый во фланелевую рубаху и большую шляпу (sombrero).

Что это за люди? Это переселенцы, ѣдущіе вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ скарбомъ на «Дальній Западъ». Они часто сами не знаютъ, куда ѣдутъ, иногда могутъ указать штатъ или мѣстность. «Мы ѣдемъ въ Канзасъ, Колорадо или Небраску (говорятъ они) или въ глухую степь. Гдѣ найдемъ землю, немного лѣсу и воду, тамъ и поселимся».

Нѣтъ надобности говорить, какъ опасно такое путешествіе. Правда, нѣсколько хорошо вооруженныхъ и храбрыхъ человѣкъ могутъ не опасаться цѣлой сотни сіуксовъ, павніевъ или уроновъ, если только они зорко слѣдятъ за всѣмъ и не даютъ поймать себя въ засаду. Индѣйцы никогда не нападаютъ, если знаютъ, что придется оплатить слишкомъ дорогою цѣною небольшое количество добычи и скальповъ. Наконецъ, при настоящемъ положеніи вещей и солидарности, съ какою бѣлые мстятъ за своихъ, краснокожіе, если не защищаютъ своихъ селеній, не особенно часто рѣ-

шаются нападать даже на одиноких путников, но зато грабять их другимъ путемъ, какъ только могутъ.

Въ особенности, лошади и мулы составляютъ для нихъ легкую добычу; они крадутъ ихъ такъ ловко, что путешественники принуждены день и ночь оберегать свой обозъ; если же они поселятся вблизи вигвамовъ, то бдительность ихъ никогда не прекращается. Новые поселенцы всегда предупреждаютъ, что всякаго индѣйца, который попадается въ такомъ то разстояніи отъ ихъ фермы, застрѣлятъ, какъ собаку, не спрашивая, правъ-ли онъ или виноватъ; но и это мало помогаетъ,—нужно неусыпно остерегаться нападеній, воровства, даже поджоговъ, такъ какъ индѣйцы часто поджигаютъ хлѣба бѣлыхъ, просто изъ желанія нанести вредъ. Такія отношенія существуютъ въ Индѣйской территоріи. Земля эта, отданная краснокожимъ, теперь заселяется все болѣе и болѣе бѣлыми, несмотря на запрещеніе правительства.

Но самую большую опасность во время такихъ путешествій представляютъ степные пожары. Иногда индѣйцы поджигаютъ ихъ умышленно, но часто пожары происходятъ отъ костровъ путниковъ и вслѣдствіе жары. Трудно себѣ представить, съ какою неимовѣрною быстротою пламя, гонимое вѣтромъ, бѣжитъ по преріи. Сухая, выжженная солнцемъ трава (blue grass) горитъ, какъ сѣра. Пламя, возникшее отъ одной искры, жадно схватываетъ стебли волчеца и листья бурьяна, перескакиваетъ черезъ пустыя пространства, разбрасываетъ золотыя искры во всѣ стороны, гудитъ, мчится съ неистовствомъ впередъ, бѣснуется и догоняетъ напрасно убѣгающихъ животныхъ, которыя, полузадушенныя отъ дыма и жара, падаютъ съ высунутыми языками прежде, чѣмъ пламя успѣетъ ихъ охватить и пойти далѣе по обугленнымъ трупамъ. Горе путешественнику, который, замѣтивъ ночью красный отблескъ зарева, напоминающій зарю, не зажжетъ тотчасъ-же передъ собою степь и не скроется на свѣже выжженномъ, еще горячемъ пространствѣ. Если же онъ спохватится слишкомъ поздно, то прежде, чѣмъ онъ высѣчетъ огонь, красная, гудящая волна прилетитъ, какъ на крыльяхъ, и тогда уже нѣтъ спасенія, потому что, если его не сожжетъ огонь, то задушитъ дымъ и недостатокъ воздуха.

Однако, такой пріемъ спасенія приноситъ извѣстную долю зла: онъ распространяетъ пожаръ до безконечности. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ видъ спаленныхъ степей; степь покрывается чернымъ покровомъ пепла и угля, всюду мертвящая тишина и безмолвіе, а горячіе и безъ того солнечные лучи, падая на черную поверхность, до такой степени накаляютъ ея воздухъ, что положительно нечѣмъ дышать.

Съ другой стороны, пожары чрезвычайно удобряютъ преріи. Весною, послѣ зимнихъ дождей, когда влажная земля покрывается первой зеленью, на выжженныхъ мѣстахъ выростаетъ самая густая и высокая трава. Мнѣ показывали такія полосы, по которымъ годъ тому назадъ прошелъ огонь, и, дѣйствительно, ихъ легко отличить по болѣе густому зеленому цвѣту и травѣ, изъ за которой видны только голова и плечи всадника.

Нѣтъ словъ ни высказать, ни описать всего очарованія степей весною, когда солнце растопитъ снѣга, земля насквозь пропитается вла-

гою, всѣ ручьи выступятъ изъ береговъ и, заливъ огромныя пространства, просвѣчиваютъ освѣжающей весеннею водою среди травъ и зарослей. Все тогда выростаетъ почти на глазахъ, выпускаетъ почки и цвѣтетъ. Степь кажется сплошнымъ пестрымъ ковромъ. Прежде всего дороги, по которымъ проходили телѣги, заростаютъ прекрасными золотисто-желтыми цвѣтами, которые растутъ только на мѣстахъ, вырытыхъ копытами, и гдѣ упалъ навозъ. Эти дороги, точно золотыя ленты, извиваются по всей степи: то расходятся, то сходятся, то перекрещиваются и, наконецъ, пропадаютъ вдали. Кое-гдѣ степь проростаетъ тонкою и высокою, испещренною серебристыми, мелкими, какъ жемчугъ, цвѣтами, а сходство это увеличиваютъ капли прозрачной, свѣшивающейся съ нихъ смолы; въ другомъ мѣстѣ около этихъ бѣлыхъ цвѣтовъ синѣютъ большіе степные колокольчики; далѣе цѣлыя семейства заячьей капусты и росянокъ пестрѣютъ то желтыми, то красными цвѣтами; мѣстами цѣлыя пространства покрываютъ дикіе тюльпаны. Тамъ опять цвѣты, похожіе на кувшинчики, наполненные утренней росою, гостепріимно протягиваютъ къ путнику свои чашечки. Наконецъ, множество цвѣтовъ, одноцвѣтныхъ и разноцвѣтныхъ, вьющихся и ползучихъ растеній путается, переплетается между собою, заглушаетъ другъ друга, выростаетъ одно за другимъ, торжествуетъ, любитъ,—словомъ, настоящій хаосъ растеній, извѣстныхъ и не извѣстныхъ, различныхъ названій и сортовъ. Все это доходитъ до такой высоты, что въ этихъ зеленыхъ и пестрыхъ волнахъ можно спрятаться съ головою. Тысячи запаховъ, то медовыхъ и нѣжныхъ, какъ ароматъ лилій и геліотроповъ, то сильныхъ и пряныхъ, раздражаютъ обоняніе. Освѣжающій запахъ травъ то преобладаетъ надъ ними, то уступаетъ первенство дыханію цвѣтовъ.

Въ цвѣтахъ и надъ цвѣтами, въ травѣ и надъ травою кишитъ цѣлый отдѣльный міръ животныхъ. Иногда трава заколышется узенькою дорожкой, покажется страшная голова бизона или прелестная мордочка антилопы, съ грустными глазами, и вновь исчезаетъ въ морѣ травъ. Подъ ногами то и дѣло шмыгаютъ земляныя собачки и полевыя мыши, называемыя здѣсь гофрами. Иногда въ мѣстахъ, гдѣ трава поменьше, можно увидѣть молодого зайчика, сидящаго на заднихъ лапкахъ, съ вытаращенными глазами и грозно двигающимися усами, который при видѣ путника быстро исчезаетъ. Отъ времени до времени раздаются зловѣщіе сухіе звуки колецъ гремучей змѣи, которая, грозно извивая хвостъ, стремительно движется впередъ, зная, что если только человѣкъ ее увидитъ, то убьетъ безъ милосердія.

Даже изъ вагона можно видѣть мѣста, гдѣ земляныя собачки построили цѣлыя селенія. Это ряды кочекъ, стоящихъ другъ возлѣ друга, съ отверстіями, ведущими въ довольно обширныя подземныя ямы. Между кочками снуютъ ихъ маленькіе жители, то грызясь между собою, то играя, то таща травы и коренья. Нѣкоторые изъ нихъ сидятъ у самаго отверстія и серьезно присматриваются ко всему, что происходитъ въ лагерѣ, совершенно, какъ деревенскія хозяйки въ дверяхъ своей хаты. Немного дальше стоитъ стража; словомъ, все въ такомъ же порядкѣ, какъ въ хорошо организованномъ человѣческомъ обществѣ.

Такихъ селеній я видѣлъ очень много и именно потому не совѣтую

приближаться къ нимъ. Уже за нѣсколько десятковъ шаговъ можно замѣтить на освѣщенномъ солнцемъ пространствѣ какія то продолговатыя, темныя тѣла, отъ времени до времени лѣниво поворачивающіяся. Это ни больше, ни меньше, какъ гремучія змѣи, которыхъ въ каждомъ селеніи множество. На видъ эти грозные сосѣди живутъ въ полномъ согласіи съ маленькими республиканцами; но, по словамъ знающихъ людей, змѣи ихъ ѣдятъ; тѣ же, не имѣя возможности избавиться отъ своихъ гонителей, терпятъ ихъ, считая, можетъ быть, за своихъ жрецовъ или боговъ.

Весною степи заселяются, кромѣ того, огромнымъ количествомъ птицъ, которыя прилетаютъ сюда съ лѣсистыхъ мѣстностей и держатся, главнымъ образомъ, вблизи рѣкъ, поросшихъ лозою. Однако, въ открытой степи на каждомъ шагу попадаются маленькія сѣрыя совы, сидящія съ закрытыми отъ избытка свѣта глазами. Онѣ питаются мышами, крысами и гофрами и поэтому пользуются большимъ почтеніемъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ совъ, въ воздухѣ парятъ на распростертыхъ крыльяхъ орлы, ястреба, кобчики и соколы. Съ опущенною внизъ головою и устремленными въ степь глазами они подолгу висятъ неподвижно надъ травою, а такъ какъ солнце отбрасываетъ ихъ тѣни на землю, то кажется, что они всматриваются въ собственную тѣнь.

Часто въ Калифорніи я видѣлъ большихъ, черныхъ, съ лоснящимися перьями птицъ, съ красною головою, похожихъ издали на нашихъ индѣекъ. Сначала я даже принялъ ихъ за дикихъ индюковъ, но, подстрѣливъ одного, убѣдился, что это коршунъ-стервятникъ. Ихъ голая голова издали кажется украшенной индюшечьими кораллами. Они питаются падалью и очищаютъ отъ нея какъ степи, такъ и заселенныя уже мѣстности.

Но больше всего здѣсь пѣвчихъ птицъ. Утромъ вся степь гремитъ свистомъ, пѣніемъ, щебетаніемъ, словомъ, огромнымъ концертомъ этихъ пѣвцовъ-самоучекъ. Но здѣшнія птицы поютъ иначе, чѣмъ наши. Напримѣръ, большой калифорнійскій жаворонокъ, величиною съ нашего перепела, съ длиннымъ клювомъ и золотистой грудью, не поетъ такъ долго и мелодично, какъ нашъ, но, усѣвшись гдѣ-нибудь, свиснетъ разъ-другой, какъ на собаку, и довольно. Иныя поютъ и чирикаютъ довольно мелодично, но лучше всѣхъ поетъ такъ называемый дроздъ-пересмѣшникъ.

Это замѣчательная птица. Его вездѣ держатъ въ клѣткахъ, потому я могъ къ нему хорошо присмотрѣться. Не больше нашего жаворонка, онъ не щеголяетъ красивымъ опереніемъ; онъ весь сѣрый, съ маленькими бѣлыми крапинками на крыльяхъ. Но зато эта птица обладаетъ талантами, вполнѣ замѣняющими быстро проходящую наружную красоту. Онъ не только прекрасно поетъ, но перенимаетъ всѣ голоса, какіе только услышитъ.

Услышитъ мяуканіе кота, тотчасъ же начинаетъ мяукать, какъ котъ; услышитъ лай собаки,—начинаетъ лаять, какъ собака. Когда его держатъ въ домѣ, онъ даже кашляетъ, подражая въ этомъ людямъ.

Однажды, во время моего пребыванія въ Калифорніи, я зашелъ къ одному знакомому и, замѣтивъ клѣтку съ пересмѣшникомъ, началъ что-то напѣвать. Птичка моментально спрыгнула на нижнюю жердочку, перегнула на бокъ головку, прищурила одинъ, черный, какъ бусинка, глазъ

и, казалось, внимательно прислушивалась. Черезъ минуту она,—понявъ, въ чемъ дѣло, перепрыгнула на верхнюю жердочку, пріободрилась, и я услыхалъ точнѣйшее повтореніе своего напѣва, которое продолжалось до тѣхъ поръ, пока, по моему примѣру, она не разсмѣялась самымъ сердечнымъ смѣхомъ, какъ будто услышала что-нибудь очень остроумное.

Пѣніе его похоже на соловьиное, хотя не такое звонкое и нѣжное. Въ степи онъ безпрестанно перелетаетъ съ одного растенія на другое и поетъ или передразниваетъ животныхъ и птицъ.

Но вся эта шумная степная жизнь длится недолго: съ наступленіемъ жары все улетаетъ или прячется въ заросли и умолкаетъ до слѣдующей весны; потомъ приходитъ осень, такая же прекрасная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такая же короткая, какъ весна, а послѣ осени, на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, опять водворяется безмолвіе смерти; въ воздухѣ носятся снѣжинки; степь замираетъ, и только сухіе стебли бурьяна иногда зашелестятъ отъ дуновенія вѣтра, или несущійся на западъ локомотивъ своимъ порывистымъ горячимъ дыханіемъ прерветъ на минуту эту мертвенную тишину.

Исключеніе изъ этого правила составляютъ степи южныхъ штатовъ, какъ, напримѣръ, Индѣйская территорія, гдѣ царитъ вѣчная весна, или Техасъ съ его непрерывною жарою. Но въ сѣверныхъ штатахъ, на вершинахъ скалистыхъ горъ, почти вѣчная зима, и снѣгъ не таетъ даже лѣтомъ. Небраска обладаетъ умѣреннымъ климатомъ, съ рѣзкими переходами отъ суровой зимы къ палящему лѣту.

Эта страна, до сихъ поръ почти не заселенная, имѣетъ передъ собою великую будущность. Предпріимчивые американцы уже теперь подумываютъ объ учрежденіи въ ней большихъ скотоводныхъ фермъ, какія уже существуютъ въ степяхъ южной Америки, въ Аргентинѣ, Парагваѣ и Уругваѣ. Въ настоящее время компанія желѣзныхъ дорогъ раздаетъ землю около станцій за безцѣнокъ на условіяхъ десятилѣтней уплаты, а подальше отъ линіи можно завладѣть землею, не спрашивая никого и не платя за нее никому.

11-го марта я пріѣхалъ въ Сидней, большую станцію, лежащую еще въ Небраскѣ, но уже въ западной ея части. Вокзалъ въ Сиднеѣ украшенъ головами бизоновъ, убитыхъ съ поѣзда, такъ какъ станція построена на дорогѣ, по которой бизоны въ извѣстное время года проходятъ цѣлыми десятками на югъ. Недалеко отъ Сиднея намъ пришлось проѣзжать черезъ мѣстность антилопъ, которыхъ здѣсь такое множество, что ихъ можно видѣть изъ оконъ вагона. Кромѣ антилопъ, тутъ живетъ племя павніевъ, которые иногда пріѣзжаютъ на станцію для обмѣна шкуръ на разныя мелочи.

Степь постоянно возвышается. Мы уже на нѣсколько десятковъ футовъ надъ уровнемъ моря, хотя почти нигдѣ нельзя замѣтить, чтобы поѣздъ шелъ въ гору. Въ степи снѣгъ и морозъ. Въ вагонахъ опять топятъ печи; все предвѣщаетъ близость скалистыхъ горъ.

Въ тотъ же день вечеромъ мы прибыли въ Пайнъ-Блеффсъ, — на границу Небраски и Уойминга. Характеръ мѣстности совершенно измѣняется и изъ степнаго переходитъ въ гористый. Поѣздъ идетъ еще по равнинѣ, но съ обѣихъ сторонъ видны горы съ вершинами, покрытыми

снѣгомъ, или фантастически нагроможденныя скалы, напоминающія руины замковъ надъ Рейномъ. Окрестности дикія и унылыя. Изъ вагоновъ снова видимъ антилопъ и селенія земляныхъ собачекъ. Мы приближаемся къ Чейэнну, станціи въ Уойомингѣ, но по дорогѣ проѣзжаемъ черезъ первый «снѣжный домъ», тянущійся на нѣсколько верстъ. Это чрезвычайно длинная крытая галлерея, предохраняющая линію желѣзной дороги отъ снѣжныхъ засыпей. Я столько о нихъ наслышался, что теперь испытываю полное разочарованіе. Правда, галлереи очень длинны, но сколочены самымъ первобытнымъ способомъ изъ досокъ и балокъ; въ крышѣ множество дыръ, словомъ,—построены онѣ такъ, какъ у насъ десятки лѣтъ тому назадъ строились избы. Такая постройка, можетъ быть, вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію, но вовсе не заслуживаетъ того, чтобы ее считать восьмымъ чудомъ свѣта.

Тотчасъ же за снѣжнымъ домомъ открывается величественный видъ. Направо отъ поѣзда видны, какъ на ладони, Черныя Горы, куда черезъ Омаху и Ріуксъ-Сити проѣхало столько народа. Это особая группа, стоящая на равнинѣ отдѣльно отъ другихъ горъ, какъ наши Карпаты. Среди покрытыхъ снѣгомъ окрестностей и на фонѣ свинцоваго неба горы эти, дѣйствительно, кажутся черными, какъ ночь, притомъ мрачными, таинственными и грозными. Только верхушки покрыты снѣгомъ, остальная черная масса не имѣетъ и слѣда голубоватаго оттѣнка, свойственнаго горамъ. Въ данную минуту онѣ являются свидѣтелями драмъ, разыгрываемыхъ между краснокожими и бѣлыми *).

Наконецъ, мы прибыли въ Чейэннъ. Всѣ обитатели станціи возбуждены. Они разсказываютъ намъ, что вчера произошла стычка между сіуксами и золотоискателями, въ которой послѣдніе понесли пораженіе: потеряли восемь человѣкъ убитыми и нѣсколько ранеными, кромѣ того, всѣхъ лошадей, быковъ и запасы живности. Прежде чѣмъ доставятъ новые запасы черезъ Омаху и Сіуксъ-Сити, между ними воцарится нужда и голодъ. Чрезъ Чейэннъ въ Черныя Горы ближе, но дорога почти недоступна.

Въ Чейэннѣ поѣздъ стоитъ четверть часа. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ я слушалъ разсказы о войнѣ, а потомъ съ удивленіемъ разсматривалъ большого сѣраго медвѣдя grizzli, подошедшаго черезчуръ близко къ станціи и убитаго, вѣрнѣе разстрѣляннаго, ея обитателями изъ всѣхъ ружей, какія только нашлись. Это чудовище такъ велико, что когда его поставили на заднія лапы, то средняго роста человѣкъ былъ ему только по плечо, а голова достигала до одного фута въ ширину. Вблизи Чейэнна водится ихъ множество.

Чейэннъ находится непосредственно въ системѣ Черныхъ Горъ; высота ихъ достигаетъ 6401 фута надъ уровнемъ моря; т. е. онѣ почти такой же высоты, какъ наши Ломницы. Далѣе за станціей снѣжные дома тянутся почти безпрерывно; снѣга вездѣ огромные Мѣстность, въ кото-

*) Въ ту минуту, когда я пишу это письмо (вторая половина іюля), въ Черныхъ Горахъ война въ полномъ разгарѣ, но не между золотоискателями и индѣйцами, а между этими послѣдними и правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, войска, подъ предводительствомъ генерала Кустера, понесли чувствительное пораженіе.

рой лежатъ полустанки: Хазардъ, Отто, Гранитъ-Каньонъ и Буферъ, становится все выше и выше. Наконецъ, мы подъѣзжаемъ къ станціи Шермэнъ, высочайшей точкѣ всей линіи, находящейся на высотѣ 9000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Трудно себѣ представить что-нибудь печальнѣе, чѣмъ видъ этой станціи. На голой, небольшой площадкѣ стоитъ домъ, съ крышей, занесенной сугробами снѣга; воздухъ до того рѣзкій и пронизывающій, что мы, несмотря на шубы, дрожали отъ холода. Снѣгъ здѣсь идетъ почти безпрерывно, вѣтеръ воетъ и кружитъ снѣжные хлопья, кое-гдѣ торчатъ голыя, черныя скалы, съ которыхъ сегодня вѣтеръ сдулъ снѣгъ, а завтра нанесетъ новый. Не понимаю, какъ люди могутъ тутъ жить постоянно, гдѣ груди буквально не хватаетъ воздуха, въ ушахъ звенитъ, а у болѣе слабыхъ идетъ кровь горломъ.

Съ 11-го марта мы начинаемъ понемногу спускаться внизъ, но и по эту сторону горъ уклонъ весьма незначителенъ. Мы все еще находимся на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь уже конецъ Уойоминга. Въ полдень этого же дня мы прибываемъ къ рѣкѣ Гранъ-Риверъ, которая недалеко отсюда, въ горахъ, беретъ свое начало. Мѣстность вездѣ скалистая, а скалы принимаютъ такія фантастическія формы, что эту часть дороги можно назвать самою интересною. Нѣкоторыя изъ нихъ похожи на обелиски, другія—на пирамиды; тамъ опять стоитъ замокъ,—можно поклясться, что онъ возведенъ человѣческими руками: тутъ нѣтъ недостатка ни въ башняхъ, ни въ стрѣльчатыхъ окнахъ, ни даже въ обводной стѣнѣ. Вотъ опять перемѣна декораціи: скалы понижаются и, насколько можно окинуть взглядомъ, образуютъ стѣны длинныя, прямыя и до того правильныя, точно построенныя по линейкѣ.

Въ Утахѣ, недалеко отъ станціи Эко, находятся самыя любопытныя формаціи, такъ называемыя Дьявольскія Ворота и Дьявольская Тропинка, похожія другъ на друга и разнящіяся только размѣрами. Эти скалы поднимаются въ гору двумя хребтами совершенно параллельно и вслѣдствіе этого образуютъ глубокіе коридоры, до того дикіе и демоническіе, что, въ самомъ дѣлѣ, дьяволъ не могъ бы нигдѣ найти болѣе соотвѣтственнаго жилища.

Наконецъ, проѣхавъ еще одинъ рукавъ рѣки, а можетъ быть, только притокъ Гранъ-Ривера, мы прибыли въ Огденъ, станцію и городъ въ Утахѣ. Недалеко отъ Огдена, въ сторону отъ главной линіи, находится Соленое озеро и Salt-Sake-City, столица мормоновъ. Къ несчастію, за два часа до нашего прибытія была получена телеграмма, что дорога занесена снѣгомъ и только къ слѣдующему дню будетъ свободна. Не испугавшись этого, я хотѣлъ было дождаться слѣдующаго дня, чтобы посѣтить этотъ замѣчательный городъ, какъ вдругъ пришла новая телеграмма, съ угрожающимъ извѣстіемъ, что дня черезъ два движеніе можетъ прекратиться и на главной линіи, потому что въ горахъ идетъ небывалый снѣгъ. Нечего было дѣлать. Спѣша въ Санъ-Франциско, я долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія мормоновъ, обѣщая себѣ на обратномъ пути остановиться здѣсь, хотя на нѣсколько дней.

Между тѣмъ оказалось, что поѣздъ лучше бы сдѣлалъ если бы

сразу остановился въ Огденѣ, потому что на слѣдующій день, на маленькой станціи Туано, гдѣ поѣздъ останавливается лишь на три минуты, пришло извѣстіе, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ дорога на пространствѣ нѣсколькихъ миль засыпана снѣгомъ.

— Что дѣлать?—спросили меня мои товарищи.

— Очень просто,—вернемтесь опять въ Огденъ, а оттуда поѣдемъ къ мормонамъ.

Обрадованные этой мыслью, мы пошли въ кассу и спросили, когда отходитъ поѣздъ въ Огденъ?

— Отсюда поѣздъ не идетъ туда. Въ Огденъ идетъ только поѣздъ, идущій изъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка,—отвѣтилъ кассиръ.

— А когда поѣздъ придетъ изъ Санъ-Франциско?

— Когда путь будетъ свободенъ.

Мы повѣсили голову. Приходилось оставаться въ Туано и ждать, пока Богъ смилуется. Трудно себѣ представить что-нибудь скучнѣе Туано. Это—пять или шесть избъ, сколоченныхъ изъ досокъ и стоящихъ въ снѣгу. Сидѣть тамъ, когда впереди находится очаровательная Калифорнія, равносильно смерти. А между тѣмъ никто не можетъ сказать, какъ долго придется намъ здѣсь страдать. Можетъ быть, недѣлю, можетъ быть, два дня, а можетъ быть, и десять—вотъ каковъ отвѣтъ.

Мы слышали, что десять локомотивовъ пришло изъ Санъ-Франциско; четыре, прибывшіе изъ Огдена, мы сами видѣли въ Туано. Всѣ они, вооруженные громадными плугами, пошли разбивать снѣговые заносы, но могло случиться, что расчищенное мѣсто опять занесетъ снѣгомъ.

Въ первый день мы отъ нечего дѣлать стрѣляли часа четыре изъ револьверовъ; вечеромъ одолжили у обитателей станціи ружья и отправились на охоту. Намъ сказали, что въ сосѣднихъ горахъ водятся медвѣди. Оттуда мы вернулись ночью, не видавши ни одного слѣда медвѣдя, зато измученные и иззябшіе, такъ какъ намъ не разъ случалось проваливаться по шею въ снѣгъ.

Такимъ образомъ прошелъ день; мы всѣ перезнакомились въ нашемъ sleping-car'ѣ, въ которомъ ѣхало самое избранное общество. Трудно *было бы и не познакомиться, живя съ кѣмъ-нибудь въ одномъ вагонѣ.* Но знакомство это было не особенно заманчиво, такъ какъ, исключая подростковъ, самой молодой лэди можно было дать около сорока лѣтъ.

Американцы начали устраиваться такъ, точно разсчитывали здѣсь остаться навсегда. И, дѣйствительно, было похоже на то, что мы должны здѣсь выдержать довольно продолжительный карантинъ. День проходилъ за днемъ, и каждый вечеръ мы ложились съ мыслью, что завтра, можетъ быть, проснемся въ Невадѣ.

И просыпались... въ Туано.

Вскорѣ въ нашемъ вагонѣ между пассажирами установились самыя дружескія отношенія. Мы вмѣстѣ обѣдали, пили чай, а вечеромъ, около одиннадцати часовъ, пѣли хоромъ національный американскій «Georgia-march», потомъ негръ Чарльзъ устраивалъ намъ постели, и мы ложились спать.

Программа дня была тоже распредѣлена. Утромъ — стрѣльба изъ револьверовъ, причемъ дамы награждали лучшаго стрѣлка апельсинами.

Мнѣ удалось получить эту награду на другой день. Послѣ стрѣльбы,— прогулка вокругъ вагоновъ и дамскій турниръ, заключающійся въ хожденіи по рельсамъ. Дама, которая дольше всѣхъ удерживалась на рельсахъ и проходила самое большое разстояніе, получала въ награду отъ джентльменовъ тоже апельсинъ.

Нужно было видѣть нашихъ лэди, какъ онѣ, подобравъ платья, вступали въ соревнованіе и на каждомъ шагу оступались.

Наконецъ, на четвертый день вечеромъ, кто-то пустилъ слухъ, что ночью мы поѣдемъ. На радостяхъ мы устроили пикникъ, который прошелъ очень торжественно въ помѣщеніи пекаря; потомъ, преисполненные радужныхъ надеждъ, мы легли спать и проснулись... въ Туано.

На этотъ разъ мы упали духомъ, потому что намъ угрожала новая опасность. Въ Туано жизненные припасы были на исходѣ. Оставались еще сухари, сахаръ, чай, кофе, яблоки, но въ мясѣ чувствовался недостатокъ, а изъ Огдена нельзя было доставлять припасы, такъ какъ путь былъ засыпанъ.

Къ счастію, вечеромъ пришло достовѣрное извѣстіе по телеграфу, что локомотивы, наконецъ, расчистили дорогу и черезъ минуту будутъ въ Туано.

Никогда не забуду той минуты, когда они пришли. Былъ уже вечеръ и вечеръ очень темный; только отблескъ снѣга нѣсколько разсѣивалъ темноту. Вдругъ мы услышали отдаленный шумъ локомотивовъ и, наконецъ, увидѣли поѣздъ, состоящій изъ одинѣхъ только машинъ. Первая изъ нихъ, вооруженная гигантскимъ плугомъ, вся засыпанная снѣгомъ, носила на себѣ явные слѣды тяжелаго труда. Онѣ приближались, звоня въ колокола, свистя, сопя и роняя цѣлые снопы искръ. Этотъ звонъ колоколовъ, шумъ и свистъ производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. Казалось, что эти черныя чудовища празднуютъ свой тріумфъ, что это голоса радости послѣ трудной борьбы и побѣды; казалось, что они опьянены собственною силой и торжествомъ. Можно было подумать, что они живутъ и чувствуютъ, а эти звуки тріумфа только усиливали иллюзію. Какимъ-то неописаннымъ могуществомъ вѣяло отъ этого чернаго хоровода машинъ и трубъ, который, точно вереница гигантскихъ животныхъ, возвращающихся съ водопоя, прошелъ мимо насъ и понемногу исчезалъ и тонулъ во мракѣ, какъ ночное видѣніе.

Только шумъ, свистъ и звонъ колоколовъ долго доносились до нашего слуха изъ темной дали, потомъ вагоны наши дрогнули, столкнулись и медленно двинулись впередъ.

Вскорѣ мы были уже въ Невадѣ.

Если бы Густавъ Доре родился въ Америкѣ, то я сказалъ бы, что онъ въ качествѣ образца для своего ада взялъ здѣшнія окрестности. Ничто такъ не угнетаетъ, не наполняетъ душу такимъ сомнѣніемъ и апатіей, какъ рядъ этихъ голыхъ, черныхъ скалъ, окружающихъ равнину, черезъ которую проходитъ поѣздъ. Мнѣ кажется, что такъ должны выглядѣть мертвыя поля луны. И, дѣйствительно, здѣсь все мертво... Растительности никакой, нигдѣ ни одного живого существа, скалы кажутся трупами скалъ, а вся площадь однимъ огромнымъ кладбищемъ. По временамъ приходитъ въ голову, что весь этотъ край спитъ мертвымъ

летаргическимъ сномъ, что онъ проклятъ какимъ-то злымъ духомъ. Къ апатіи прибавляется еще чувство тоски: кажется, что и тобою овладѣетъ сонъ, что уснетъ все и будетъ ждать пробужденія цѣлые вѣка, въ глубокой и непрерывной тишинѣ.

Даже названія въ этой удивительной странѣ какія-то грустныя и зловѣщія. Вотъ, направо, эти мрачныя горы называются Batle Mountains, или Горы Битвы: да и вся эта равнина—не что иное, какъ постоянное поле битвъ, недавно еще кипѣвшихъ между бѣлыми и индѣйцами. Всѣ мѣста связаны съ какими-нибудь грустными воспоминаніями. «Здѣсь вырѣзали цѣлый караванъ піонеровъ»,—говоритъ знакомый съ этой мѣстностью спутникъ. Тамъ опять погибло сразу около двухсотъ индѣйцевъ; тамъ они задушены дымомъ въ пещерахъ. А это что? Могила, а вокругъ нея черная рѣшетка и крестъ съ надписью: «Дженни»...

Кто была эта Дженни? Какая-то бѣдная дѣвушка! Ея фамилія тоже начерчена на памятникѣ, но улетучилась изъ моей памяти. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда еще не было желѣзной дороги, на этомъ мѣстѣ снѣгъ засыпалъ караванъ путешественниковъ. Всѣ упали духомъ; среди женщинъ и дѣтей распространился тифъ; голодъ дошелъ до самой высшей степени. Въ это время Дженни ходила отъ палатки къ палаткѣ, ухаживала за больными и ободряла унывающихъ. Ночью она разводила костры, днемъ выгребала изъ подъ снѣга мохъ и готовила изъ него пищу; однимъ словомъ, была ангеломъ-хранителемъ обоза. Наконецъ, и сама упала подъ бременемъ неносильной тяжести: заболѣла и умерла, а другіе уцѣлѣли, такъ какъ помощь пришла въ самый день смерти Дженни. Благодарные піонеры насыпали надъ нею могильный холмъ и поставили крестъ. Теперь онъ стоитъ около самой желѣзнодорожной насыпи, такъ что изъ окна вагона можно прочитать надпись.

Вотъ исторія Дженни. Въ полдень мы проѣзжали около ея могилы, а вечеромъ были у великихъ Соленыхъ Озеръ, въ западной части Невады. Первое изъ нихъ носитъ названіе Гумбольдтъ, второе—Пирамида, третье—Таго, четвертое—Валькеръ. Вблизи ихъ береговъ почва покрыта солью и почти лишена растительности. Окрестности мало чѣмъ отличаются отъ предыдущихъ; эти сѣрыя, неподвижныя, мутныя воды кажутся тоже уснувшими волшебнымъ сномъ.

Зима здѣсь, повидимому, также продолжительна и сурова. Мѣстами на равнинѣ еще лежалъ снѣгъ; верхушки горъ сплошь были имъ покрыты, притомъ дулъ рѣзкій вѣтеръ, который проникалъ даже въ вагоны и колебалъ пламя лампъ. Я вышелъ на площадку, но черезъ минуту вернулся иззябшій и недовольный. «Если Калифорнія похожа на Неваду,—думалъ я,—то чего же ради я стремлюсь къ ней день и ночь? для того ли, чтобы, увидѣвши ее завтра, мерзнуть и разочароваться, какъ сегодня.

Удрученный такими мыслями, я легъ спать. Мнѣ снилось, что мы еще въ Гуано, поэтому я каждую минуту просыпался; наконецъ, когда первые лучи солнца проникли сквозь зеленыя занавѣски въ вагонъ, я одѣлся и вышелъ.

Сначала мнѣ казалось, что я все еще вижу сонъ. Невада со своими дантовскими видами, зимой и холоднымъ вѣтромъ—исчезла; мы были въ

лѣсу, чудномъ горномъ, сосновомъ лѣсу, веселомъ, благоухающемъ и какъ будто улыбающемся въ розовомъ свѣтѣ утра. Теплый весенній вѣтерокъ ласково обвѣвалъ мое лицо. Надо мною простиралось голубое небо; тысячи ручьевъ журчали въ горахъ; въ лѣсу раздавалось щебетаніе птицъ; бока красныхъ скалъ, среди которыхъ проходилъ поѣздъ, пестрѣли цвѣтами, лоснящимися отъ утренней росы. Словомъ, всюду весна, пробужденіе, жизнь и веселье.

Мы были въ Калифорніи.

Поѣздъ спускался по западному крутому спуску Сіерра-Невады. Вскорѣ всѣ пассажиры вышли на площадки вагоновъ; на всѣхъ лицахъ видна была радость и восторгъ. Люди улыбались природѣ, природа— людямъ. Окрестности становились все красивѣе. Я нигдѣ не видѣлъ такого богатства красокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой гармоніи. Небо голубое, какъ въ Италіи, темно-зеленые лѣса, болѣе свѣтлыя долины, поросшія травою, красныя скалы,—все это мѣняется и играетъ въ солнечныхъ лучахъ всѣми цвѣтами радуги. Въ глубокихъ, какъ пропасти, рвахъ, около которыхъ проходитъ линія желѣзной дороги, шумятъ обильныя весеннія воды. Тутъ и тамъ виднѣются тянущіеся на цѣлыя мили длинные деревянные шлюзы, въ которыхъ промываютъ золото. Группы китайцевъ съ длинными черными косами толпятся около шлюзовъ и сыплютъ туда золотоносный песокъ и землю. Въ долинахъ на темномъ фонѣ лѣсовъ бѣлѣютъ домики фермеровъ; стада коровъ и овецъ, живописно разбросанныхъ по склонамъ горъ, пасутся среди травы и цвѣтовъ; иногда промелькнетъ всадникъ на высокомъ сѣдлѣ, съ лассо вокругъ лука, и скроется за поворотомъ лѣсной тропинки.

По мѣрѣ того какъ мы спускались внизъ, край становился все красивѣе, передъ домами виднѣлись огромные кактусы и другія цвѣтущія растенія. Множество незнакомыхъ мнѣ растеній вилось около дороги, или цѣплялось за шлюзы, мѣстами покрывая ихъ совершенно. Наконецъ, горы исчезли, и мы поѣхали черезъ луга, поросшіе кое-гдѣ огромными дубами. Нѣкоторые изъ этихъ луговъ стояли подъ водою, другіе были до того покрыты тюльпанами, что не видно было травы. Надъ водою носились тысячи дикихъ утокъ и чирковъ. На поляхъ, огороженныхъ плетнями, я видѣлъ цѣлыя стада зайцевъ, которые при нашемъ приближеніи убѣгали или прятались въ траву, выставивъ изъ нея только уши и усы; разноцвѣтныя птицы перепархивали съ дерева на дерево, наполняя воздухъ радостнымъ щебетаніемъ.

Въ одиннадцать часовъ мы прибыли въ Сакраменто, столицу Калифорніи. На вокзалѣ ожидали цѣлыя толпы людей, желающихъ видѣть поѣздъ, освободившійся изъ снѣжной неволи. Въ толпѣ сновало множество китайцевъ съ приплюснутыми носами и длинными, достигающими до земли косами, завязанными черными шелковыми нитками. Выйдя изъ вагона, я присматривался къ нимъ съ любопытствомъ, которое, видимо, ихъ забавляло, такъ какъ они усмѣхались, узнавъ во мнѣ иностранца, который видитъ ихъ первый разъ въ жизни.

Черезъ четверть часа поѣздъ пошелъ дальше. Дорога нѣсколько минутъ шла берегомъ золотоносной рѣки Сакраменто, величественно катившей свои красныя воды, заливая не только берега, но и домики

стоящіе недалеко отъ береговъ. Черезъ минуту, однако, рѣка исчезла изъ нашихъ глазъ, а вмѣсто нея по обѣимъ сторонамъ дороги показались небольшіе холмы, покрытые цвѣтами и зеленью. Мѣстность становилась все населеннѣе, а культура все лучше. По временамъ мнѣ казалось, что я въ Саксоніи или Бельгіи, но горячіе лучи солнца и видъ растеній, которыя въ тѣхъ странахъ считаются экзотическими, выводили меня изъ заблужденія.

Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ, на горизонтѣ блеснули голубыя волны моря. Я думалъ, что это Тихій Океанъ, но это оказался только заливъ, надъ которымъ лежитъ Санъ-Франциско и его предмѣстье Оакландъ, черезъ которое мы проѣхали, не останавливаясь. Поѣздъ мчался, какъ бѣшеный, и легко представить мое удивленіе, когда, выглянувъ изъ окна, я увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ дороги морскія волны, дикихъ утокъ и чаекъ; словомъ,—я увидѣлъ себя вмѣстѣ съ поѣздомъ просто-на-просто въ морѣ, точнѣе, на длинномъ, мили въ двѣ деревянномъ мосту, конца котораго я не могъ видѣть даже съ площадки вагона. Признаюсь, что такой способъ путешествія показался мнѣ черезчуръ американскимъ, тѣмъ болѣе, что я не зналъ, какъ долго придется намъ такъ ѣхать. Наконецъ, на половинѣ залива мостъ окончился, и поѣздъ остановился, путешествіе наше тоже было окончено. Оставалось только сѣсть на пароходъ и проѣхать на немъ черезъ другую часть залива, на противоположномъ берегу котораго изъ морской мглы вырисовывался уже видимый для глазъ Санъ-Франциско.

Описаніе этого города, такъ же, какъ и всей Калифорніи, откладываю до слѣдующихъ писемъ.

(Писалъ въ южной Калифорніи, въ горахъ Сіерра-Мадре).

VI.

Американскіе эскизы.

Въ настоящемъ письмѣ я снова скажу нѣсколько словъ объ американскомъ обществѣ и объ отличіи его отъ европейскаго общества. Разница эта такъ велика, что, благодаря ей, не только общественный строй Соединенныхъ Штатовъ, но, вообще, жизнь и обычаи этого государства для свѣже-прибывшаго европейца совершенно непонятны. Возьмемъ, напримѣръ, демократію здѣшнюю и европейскую. Первая разнится отъ второй настолько, насколько практика—отъ теоріи. Въ Европѣ каждое государство, въ которомъ выборное право для всѣхъ одинаково, а процентъ съ дохода составляетъ основаніе налоговъ *), называется демократическимъ. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что въ Европѣ, въ особенности на западѣ, больше всего государствъ демократическихъ. Но не исключительно только въ отличіи учрежденій заключается разница между

*) Я не касаюсь извѣстныхъ ограниченій, стѣсняющихъ почти вездѣ выборное право до такой степени, что дѣйствительнымъ его основаніемъ является цензъ; не касаюсь тоже такъ называемыхъ косвенныхъ налоговъ, почти всей тяжестью падающихъ только на нѣкоторые классы, о чемъ подробно сказано у Адама Смита, Рикардо и т. д.

европейской и американской демократій, и, чтобы представить ее въ настоящемъ свѣтѣ, я, прежде всего, замѣчу, что демократическое государство не обусловливается непремѣнно демократическимъ обществомъ.

Какъ примѣръ, приведу Францію. Никто не станетъ спорить, что со временъ великой революціи строй этого государства—демократическій, но каждый тоже согласится съ тѣмъ, что, несмотря на надписи на всѣхъ церквахъ: «Egalité, fraternité и т. д.» первое изъ этихъ словъ въ смыслѣ не государственномъ, но общественномъ, напоминаетъ басню Ляфонтена. Развѣ докторъ, купецъ, чиновникъ, простой рабочій, крестьянинъ, солдатъ, учитель, банкиръ въ общественной жизни и на практикѣ равны между собою? Развѣ во Франціи, какъ, впрочемъ, и вездѣ, не существуютъ рядомъ два разные міра, обособленные другъ отъ друга, какъ индѣйскіе касты: міръ людей простыхъ, міръ блузъ и міръ людей образованныхъ, изысканный, эстетическій, барскій? Развѣ, наконецъ, люди, принадлежащіе къ этому другому міру, не считаютъ себя чѣмъ-то лучшимъ въ сравненіи съ принадлежащими къ первому? Противъ этого, какъ и противъ всякой очевидности, возражать невозможно. Такія отношенія установились въ силу историческихъ и экономическихъ условій. Они естественны, такъ какъ вполнѣ отвѣчаютъ существующему общественному различію.

Въ Америкѣ иначе. Демократизмъ здѣсь не только государственный, но и общественный, существующій не только въ теоріи, но и на практикѣ. Тутъ люди различныхъ общественныхъ положеній, дѣйствительно, равны между собою; они вмѣстѣ живутъ, дружатся, принадлежатъ къ одному обществу, садятся за одинъ столъ,—однимъ словомъ, не стоятъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, потому что этой лѣстницы и ступеней здѣсь нѣтъ, есть только одинъ уровень, стоя на которомъ, никто головою не превышаетъ другого. Подраздѣленія людей на простыхъ и не-простыхъ не существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, да и не можетъ существовать по многимъ причинамъ, о которыхъ я скажу вкратцѣ.

Главный принципъ общественной демократіи—это уваженіе къ труду. Тамъ, гдѣ всякій трудъ одинаково уважаемъ и святъ, тамъ нѣтъ смысла дѣлить его представителей на высшихъ и низшихъ. Мы, европейцы, не имѣемъ и не можемъ имѣть понятія о томъ, до какой степени уважается трудъ въ Америкѣ. Въ этомъ отношеніи американцы стоятъ неизмѣримо выше всякаго европейскаго общества. Нужно сознаться, что у насъ теоріи о равенствѣ труда только пустыя фразы, не примѣняющіяся на практикѣ. У насъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему классу, если обстоятельства его заставятъ снискивать себѣ пропитаніе ручнымъ трудомъ, несмотря на все то, что пишутъ и говорятъ объ этомъ, понижается какъ въ собственномъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи; просто-на-просто вычеркивается изъ своей касты, порываетъ всѣ связи со своимъ кругомъ и вступаетъ въ такъ называемый низшій классъ. Въ Америкѣ этого нѣтъ. Тутъ общественныхъ классовъ въ европейскомъ смыслѣ не существуетъ; существуетъ только различный «business», но джентльменъ, занимающійся издѣліемъ обуви, пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ и джентльменъ, занимающійся адвокатурою, по той простой и уважительной причинѣ, что общественное мнѣніе съ одинаковымъ уваженіемъ относится какъ къ сапожнику, такъ и къ адвокату.

Такое неслыханное уваженіе къ труду составляетъ главную причину того, что здѣсь не существуетъ подраздѣленія на два міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ключъ для уразумѣнія американской демократіи, которая сначала кажется совершенно непонятною. Это уваженіе легко объяснимо какъ съ исторической, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Историческая причина состоитъ въ томъ, что здѣшнее общество образовалось изъ эмигрантовъ, принадлежащихъ большей частью къ ремесленному низшему классу, которые всегда существовали только ручнымъ трудомъ; поэтому они привыкли видѣть въ трудѣ главное достоинство человѣка, могущественнѣйшее свое оружіе и величайшую заслугу. Что касается экономической причины, то она также понятна и проста. Небольшое количество людей, сравнительно съ неизмѣримымъ пространствомъ края, и большой спросъ, который, вслѣдствіе недостатка рукъ, невозможно было удовлетворить, *неслыханно повысили цѣну на трудъ и окружили его* нигдѣ не существующимъ почтеніемъ, которое перешло и на его представителей. Говоря торговымъ языкомъ, спросъ на трудъ въ десять разъ превышалъ предложеніе, непосредственнымъ результатомъ чего явилась высокая оцѣнка какъ матеріальная, такъ и моральная. Этимъ объясняется все. Это неравномѣрное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ существуетъ въ большинствѣ штатовъ и до сихъ поръ, поэтому до сихъ поръ не упало и уваженіе къ нему, которое поддерживается общественнымъ мнѣніемъ и воспитаніемъ, какъ главное отличительное національное качество.

Съ другой стороны, при самоуправленіи, допускающемъ отраженіе извѣстныхъ симпатій общества на учрежденіяхъ, сдѣлалось возможнымъ организовать государственный строй въ духѣ уваженія къ труду, т. е. въ духѣ чисто демократическомъ. Къ такимъ общественнымъ учрежденіямъ принадлежатъ, прежде всего, школы. Въ Европѣ хотя и давно поняли необходимость образованія для низшихъ классовъ, однако, главное вниманіе обращено не на элементарныя школы, цѣлью которыхъ является просвѣщеніе народныхъ массъ, но на спеціальныя высшія заведенія, почти недоступныя для большинства, составляющаго, такъ называемый, *простой классъ, иначе,—государственное образованіе имѣетъ цѣлью не* образованіе народа, а только болѣе достаточнаго класса, высшаго, интеллигентнаго, барскаго. Послѣдствіемъ такого неравнаго умственнаго развитія является и невозможность равенства общественнаго.

Въ Америкѣ опять наоборотъ. Здѣсь школы имѣютъ въ виду не столько спеціальныя знанія, сколько просвѣщеніе и общее развитіе. Правда, существуютъ спеціальныя высшія учебныя заведенія, но вниманіе общества обращено, главнымъ образомъ, на элементарныя школы, гдѣ учится весь народъ. Поэтому можно сказать, что наука, въ полномъ значеніи этого слова, стоитъ въ Соединенныхъ Штатахъ ниже, чѣмъ въ Европѣ, просвѣщеніе же неизмѣримо выше. Оно здѣсь распространяется на всѣхъ безъ исключенія. Слѣдуетъ прибавить, что и объемъ элементарнаго курса несравненно ниже европейскаго. Элементарная школа не только учитъ читать и писать: каждый американецъ выноситъ оттуда нѣкоторыя *познанія изъ области* математики, географіи, естественныхъ наукъ и, наконецъ, наукъ гоосударственныхъ. Дальнѣйшимъ его образо-

ваніемъ занимаются газеты и практическая жизнь. Легко понять, что каждый гражданинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избиратель, принадлежащій къ извѣстной партіи, интересы которой непосредственно связаны съ его интересами, вслѣдствіе столкновенія съ политической жизнью и непосредственнаго въ ней участія, пріобрѣтаетъ не только извѣстныя спеціальныя познанія и взгляды, но и высшую интеллигентность и высшее пониманіе всего, что его окружаетъ.

Вслѣдствіе этого, такого темнаго человѣка, какъ всякій «простой человѣкъ» въ Европѣ, какъ напр., нашъ или французскій крестьянинъ, можно здѣсь встрѣтить развѣ лишь среди недавно освобожденныхъ неграмъ. Здѣсь съ первымъ попавшимся фермеромъ, ремесленникомъ, извозчикомъ или матросомъ можно поговорить хотя бы о различныхъ формахъ правленія, о заграничной политикѣ, о кредитной системѣ или звонкой монетѣ,—однимъ словомъ, обо всемъ, кромѣ литературы и искусствъ. Обо всемъ этомъ онъ слышалъ въ школѣ, читалъ въ газетахъ, все это ему приходилось принимать въ разсчетъ, какъ избирателю: наконецъ, онъ слышалъ тысячи политическихъ рѣчей, республиканскихъ и демократическихъ спичей, въ которыхъ каждую вещь ему показывали со всѣхъ сторонъ. Взгляды его не всегда бываютъ глубоки, иногда даже обнаруживаютъ врожденную глупость, но никогда не выказываютъ абсолютнаго невѣжества. Каждый природный американецъ обладаетъ извѣстнымъ общимъ развитіемъ, и такого различія въ умственномъ развитіи, какое встрѣчается на каждомъ шагу въ Европѣ, здѣсь вовсе не бываетъ. Короче говоря, просвѣщеніе здѣсь распространено шире, и распредѣленіе его болѣе равномѣрно. Люди здѣсь по умственному развитію стоятъ ближе другъ къ другу, поэтому и взаимное пониманіе болѣе развито среди нихъ. Спеціальность, основанная на такой почвѣ, не можетъ быть поводомъ для возвышенія однихъ надъ другими, потому что, если, напр., докторъ обладаетъ свѣдѣніями, которыхъ не достаетъ сапожнику, зато докторъ не умѣетъ шить обуви; оба они, однако, люди развитые, такъ что ихъ спеціальности низводятся до значенія различныхъ «business'овъ», которые не могутъ имѣть вліянія на ихъ взаимныя отношенія.

Вотъ второе условіе, дѣлающее возможнымъ общественное равенство.

Въ Европѣ высшій классъ отличается отъ низшаго не только умственнымъ трудомъ, достаткомъ и образованіемъ, но и обычаями. Одно неминуемо вытекаетъ изъ другого. Дѣйствительно, утонченность нравовъ и обычаевъ можетъ привиться только на соотвѣтственно подготовленной почвѣ. Это нѣжное растеніе требуетъ старательной умственной обработки, дѣлающей возможнымъ тонкое различіе эстетическаго и изысканнаго отъ грубаго и неотесаннаго. Въ Европѣ, въ высшемъ свѣтѣ,—въ которомъ существуютъ соотвѣтственныя условія, утонченность дошла до такой степени, о какой американцы и мечтать еще не могутъ. Вотъ почему всякому, только что пріѣхавшему въ Америку европейцу, американцы со своими привычками, жеваніемъ табаку и закидываніемъ ногъ на столъ кажутся варварскимъ народомъ.

Утонченность нравовъ, если принять во вниманіе только верхушки, стоитъ выше въ Европѣ, зато какая пропасть отдѣляетъ въ нашемъ старомъ свѣтѣ нравы высшихъ классовъ отъ нравовъ низшихъ классовъ.

Возьмемъ какого-нибудь придворнаго и поставимъ его рядомъ съ мужикомъ, и намъ покажется, что это люди съ разныхъ планетъ: разница будетъ такъ велика, что если бы взяли за мѣрило общественныхъ правовъ обычаи низшихъ классовъ, то можно было бы сказать, что общественная цивилизація стоитъ ниже въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ. Слѣдовательно, можно вывести заключеніе: или уровень цивилизаціи очень высокъ, или онъ несравненно ниже, чѣмъ въ Америкѣ; однако, разсмотрѣвъ всѣ условія, мы придемъ къ тому заключенію, что на долю однихъ пришлось все, а на долю другихъ—ничего. Въ Америкѣ какъ нѣтъ большой разницы въ просвѣщеніи, такъ нѣтъ ея и въ обычаяхъ. Та же логика, которая въ Европѣ создаетъ такое различіе, здѣсь его уничтожаетъ. Правда, нигдѣ нѣтъ такихъ утонченныхъ обычаевъ, какъ въ высшемъ европейскомъ кругу, но зато нигдѣ въ Америкѣ нѣтъ и такихъ первобытныхъ и грубыхъ, какъ въ низшемъ европейскомъ. Вотъ третье условіе общественнаго равенства.

Только лишь принявъ въ соображеніе эти три условія, т. е. 1) уваженіе къ труду, 2) отсутствіе большой разницы въ образованіи, 3) отсутствіе большой разницы въ обычаяхъ,—можно понять американскую демократію и вообще американскую жизнь. И помню, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извозчикъ, привезшій меня къ одному фермеру-миллионеру, вмѣсто того, чтобы остаться при лошадяхъ, вошелъ вмѣстѣ съ нами въ салонъ и, усѣвшись на диванѣ, началъ занимать разговоромъ дочь хозяина, въ моей европейской головѣ этотъ фактъ никакъ не могъ помѣститься, тѣмъ болѣе, что, не понимая въ то время по-англійски, я не могъ оцѣнить разговора. Но мѣстнымъ жителямъ это казалось совершенно естественнымъ, потому что для нихъ извозчикъ былъ только джентльменомъ, business котораго заключался въ содержаніи лошадей, во всемъ остальномъ онъ былъ совершенно равенъ каждому гражданину Соединенныхъ Штатовъ. Теперь и меня не удивилъ бы подобный фактъ, такъ какъ я уже знаю, что если американскій милліонеръ стоитъ ниже европейскаго въ утонченности обычаевъ,—то зато американскій извозчикъ и по своему развитію стоитъ въ десять разъ выше извозчика европейскаго.

Этимъ-то интеллектуальнымъ равенствомъ и объясняются тысячи другихъ фактовъ обыденной жизни, на которые европейскіе путешественники смотрятъ съ такимъ удивленіемъ. Слуги здѣсь всегда садятся вмѣстѣ со своими хозяевами за столъ и не составляютъ отдѣльнаго общества; на деревенскихъ балахъ разодѣтыя дочери фермеровъ танцуютъ съ работниками своихъ отцовъ, какъ съ джентльменами, стоящими въ общественномъ отношеніи съ ними наравнѣ: кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ въ свободныя минуты занимаютъ разговоромъ самыхъ изысканныхъ путешественницъ; гарсоны въ ресторанахъ свободно бесѣдуютъ съ посѣтителями: нигдѣ не замѣтно почти никакой разницы, вездѣ одно большое общество, къ которому принадлежитъ весь народъ, и вездѣ отношенія такого рода, что сначала кажется, будто американцы задались цѣлью поступать во всемъ вопреки всѣмъ установившимся взглядамъ и понятіямъ.

Далѣе, то уваженіе къ труду, о которомъ я говорилъ выше, даетъ

возможность людямъ заниматься всякимъ дѣломъ безъ малѣйшаго ущерба для своего достоинства и, наконецъ, для своего соціальнаго положенія. Многіе изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, на ряду со своими служебными обязанностями, занимаются торговлею, промысломъ или, наконецъ, ремесломъ, конечно, настолько, насколько позволяетъ время. Выйдя въ отставку, каждый изъ нихъ принимается за какой-нибудь «business», въ выборѣ котораго ничуть не стѣсняется. Я самъ знаю въ Санъ-Франциско отставного генерала, бывшаго губернатора штата Джорджіа, который въ настоящее время содержитъ питейный домъ съ продажею пива, водки и т. д., и собственноручно разноситъ кружки и рюмки своимъ гостямъ. Согласитесь, по европейскимъ понятіямъ это что-то невозможное, невѣроятное; здѣсь если бы и удивились по этому поводу, то развѣ лишь европейскому удивленію передъ такой простой и естественной вещью. Такихъ генераловъ, губернаторовъ и т. д. можно было бы насчитать очень много, тѣмъ болѣе, что въ Америкѣ никто не занимаетъ своей должности долѣе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего тамъ очень много отставныхъ.

Я привожу эти факты для того, чтобы обратить вниманіе читателей, насколько такая неразборчивость въ выборѣ занятія способствуетъ поддержанію равенства въ общественной и частной жизни. Дѣйствительно, кто можетъ считать себя выше какого-нибудь кабатчика, москательщика или ремесленника, если онъ вчера былъ губернаторомъ или засѣдалъ въ сенатѣ, а завтра, если партія, къ которой онъ принадлежитъ, одержитъ верхъ и станетъ во главѣ правительства, будетъ занимать такой же высокій, а пожалуй, и болѣе высокій постъ. Такъ вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ уваженіе къ труду создаетъ равенство, равенство, въ свою очередь, поддерживаетъ это уваженіе: равенство обычаевъ развитія уничтожаетъ разницу въ жизни,—словомъ, перефразировавъ латинскую пословицу: «Abussus, abussum, provocat», можно по справедливости сказать о Соединенныхъ Штатахъ и ихъ демократіи, что здѣсь «equalitas equalitatem provocat».

Если бы послѣ всего вышесказаннаго кто-нибудь спросилъ,—какое общество выработало лучшую цивилизацію?—я безъ колебанія призналъ бы первенство за американцами. Въ Европѣ цивилизація обнимаетъ только нѣкоторые классы, или вѣрнѣе одинъ, который поглощаетъ все. Весь міръ существуетъ только въ немъ и для него, наука и знаніе являются исключительно его удѣломъ; поэзія, искусство, умственное движеніе,—словомъ—все, что дѣлаетъ жизнь, дѣйствительно, прекрасною, возвышенною, все, что составляетъ духовную, эстетическую, интеллектуальную сторону жизни, существуетъ только въ немъ и для него и имъ только движется впередъ. За нимъ никто ничего не знаетъ, никто ничего не понимаетъ. Этотъ высшій классъ пишетъ, судитъ, создаетъ общественное мнѣніе, издаетъ газеты, наполняетъ художественныя галлереи, библіотеки, театры: словомъ, составляетъ цивилизацію, за которою существуетъ мутная волна людей, живущая почти исключительно животной, грубой и невѣжественной жизнью.

Если бы, по крайней мѣрѣ, къ этому высшему міру въ каждомъ европейскомъ государствѣ принадлежали цѣлые милліоны людей: поло-

вина, четвертая, восьмая, наконецъ, десятая часть всего населенія,—то можно было бы сказать, что предѣлы его не узки. Но этого нѣтъ. Точно сосчитать, сколько человѣкъ принадлежитъ къ высшему, и сколько къ низшему классу—трудно, но можно вывести приблизительныя цифры, взявъ за основаніе большую или меньшую зажиточность отдѣльныхъ единицъ. Это будетъ раціонально, такъ какъ легко понять, что образовываться какъ научно, такъ и эстетически, могутъ только люди со средствами. Сейчасъ у меня подъ рукою чрезвычайно любопытная книга, въ которой помѣщены статистическія данныя, собранныя русскимъ правительствомъ при введеніи подоходнаго налога въ 1851 году. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ цѣлой Пруссіи, насчитывающей въ настоящее время семнадцать милліоновъ жителей, только 44,408 человѣкъ имѣли болѣе тысячи таллеровъ годового дохода *). Если принять для круглаго счета цифру 50,000, знаете ли, читатели, что получится? Получится то, что наука, литература, искусства, общественное мнѣніе, развитіе, словомъ, вся эта квинтъ-эссенція высокой цивилизаціи, которою такъ гордится Пруссія и называетъ цивилизаціей цѣлаго народа, составляетъ достояніе лишь 100,000 семействъ, что при повсемѣстномъ упадкѣ зажиточности, помимо увеличенія населенія, можно считать даже сильно преувеличеннымъ; остальная же часть, то-есть милліоны, принадлежатъ къ тому міру простыхъ людей, которыхъ, при всемъ развитіи элементарнаго образованія въ Пруссіи, отъ свѣта высшаго и его цивилизаціи отдѣляетъ цѣлая пропасть. Въ демократическихъ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ иначе.

Здѣсь какъ знаніе, такъ и развитіе не достигаютъ ни у отдѣльныхъ индивидуумовъ, ни у цѣлыхъ классовъ такой высокой степени; какъ первое, такъ и второе здѣсь распространены шире и равномѣрнѣе. Вотъ что называется американской демократіей. А теперь прибавлю только, что если высокая цивилизація не гарантируетъ счастія, то нужно отбросить и вернуться къ тѣмъ временамъ, когда люди ходили на четверенькахъ; если же, какъ всѣ думаютъ, — она это гарантируетъ въ будущемъ,—то мы должны сознаться, что и возможность общественнаго счастія въ Америкѣ гораздо больше, нежели гдѣ-либо въ Европѣ, то-есть, американская демократія ближе всего къ тому общественному идеалу, за которымъ мы гоняемся цѣлые вѣка.

Но довольно объ американской демократіи. Изъ того, что я сказалъ, можно ясно понять американскую жизнь и ея отличіе отъ европейской; читатель могъ не только составить извѣстное понятіе объ американской демократіи, но и о причинахъ, способствующихъ развитію ея въ направленіи, о которомъ я говорилъ.

О крупныхъ злоупотребленіяхъ здѣшней администраціи я говорилъ уже въ предыдущихъ письмахъ, точно такъ же, какъ и объ ихъ причинахъ, заключающихся въ томъ, что каждый чиновникъ лишь до тѣхъ поръ удерживаетъ свой постъ, пока его партія составляетъ правящее большинство. Мѣняется партія, мѣняются и чиновники, такъ что чинов-

*) Цифры эти даны правительственнымъ комитетомъ, находящимся подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Дитриха.

никъ, оставляющій изъ за служебныхъ обязанностей свой «business», то-есть свои средства къ жизни, знаетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ потеряетъ свою должность. Вслѣдствіе этого остается одно—красть, и крадутъ такъ ревностно, какъ только умѣютъ.

Это недостатокъ правительственнаго механизма, и его нельзя брать мѣриломъ нравственности цѣлаго народа, тѣмъ болѣе, что здѣшніе чиновники не имѣютъ такого значенія и не составляютъ такой крупной цифры, какъ въ Европѣ, при другомъ образѣ правленія.

Для оцѣнки народной нравственности нужно искать другія основанія. Изъ всѣхъ общественныхъ аксіомъ менѣе всего подлежитъ сомнѣнію та, что развитіе просвѣщенія влечетъ за собою развитіе нравственности. Кто не вѣритъ, пусть возьметъ статистику преступленій любого государства и посмотритъ, сколько ихъ совершается людьми, лишенными всякаго просвѣщенія, сколько—умѣющими читать и писать, и сколько—людьми образованными. Если это такъ, то въ Америкѣ, какъ въ государствѣ, въ которомъ наиболѣе широко распространено всеобщее образованіе, и нравственность стоитъ выше. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Но предупреждаю, что я не имѣю въ виду портовыхъ городовъ, въ которыхъ большинство преступленій совершаютъ эмигранты, побуждаемые къ этому нуждою. Ясно, что такія преступленія нельзя отнести къ американцамъ. Я тоже не принимаю въ разсчетъ отношеній на индѣйскихъ границахъ, такъ какъ тамъ не существуетъ никакой общественной организаціи, нѣтъ городовъ, учрежденій, законовъ; словомъ,—это край дикій, гдѣ единица, предоставленная самой себѣ и своему ружью, не живетъ общественной жизнью. Слѣдовательно, ничто не ограничиваетъ проявленій ея страстей и самосуда. Вѣчная война, вѣчная опасность, нападенія, возмездія и дикая, суровая среда обостряютъ индивидуальныя страсти, которыя вырастаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Но иначе и быть не можетъ. Припомнимъ нашихъ пограничниковъ, селившихся на границахъ и татарскихъ дорогахъ, и мы увидимъ вѣрное подобіе того, что происходитъ въ такихъ же мѣстахъ въ Америкѣ. Въ Европѣ это были люди храбрые, суровые, любившіе войну и кровопролитіе, а также всякія приключенія. Въ Америкѣ происходитъ то же самое, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что пограничное населеніе состоитъ изъ подонковъ общества,—изъ людей, не ужившихся съ закономъ или бѣжавшимъ отъ него въ пустыню, гдѣ никто, кромѣ звѣздъ небесныхъ, на нихъ не смотритъ. Они составляютъ тамъ не общество, но зародышъ общества, которое находится еще въ состояніи броженія, потому что должно бродить,

Сколько разъ приходится читать въ исторіи, что однимъ изъ мотивовъ, побуждающихъ людей сплочиваться въ общества, можно считать разбои. Такъ, Ливій пишетъ о возникновеніи Рима, что первоначальное его населеніе состояло изъ «pastorum convenarumque plebs transfuga ex suis populis *); далѣе, германскіе народы или галльскіе кланы представляли вначалѣ лишь шайки, жившія, главнымъ образомъ, разбоями. То же самое можно сказать и о норманнахъ. Вотъ и эти американскіе погра-

*) Пастуховъ и толпы бродягъ, изгнанныхъ изъ среды своего народа.

ничники, эти рыцари пустыни, «вакеро» и т. д. составляютъ такое же удобреніе общественной нивы. Какъ только область отнята у дикихъ людей и дикой природы, какъ только населеніе увеличивается, — условія измѣняются, и водворяется общественный порядокъ. Сначала этотъ порядокъ выражается въ страшныхъ судахъ жегуляторовъ и въ жестокомъ правѣ «Линча». Постепенно, при постоянно увеличивающемся народонаселеніи, и суды регуляторовъ и право «Линча» становятся безправіемъ; страсти утихаютъ, какъ взбудораженныя волны; отношенія принимаютъ характеръ болѣе спокойный, болѣе правильный, болѣе согласный съ требованіями высокой цивилизаціи, и въ концѣ концовъ память о прежнихъ бурныхъ временахъ остается лишь въ какомъ-нибудь названіи, какъ, напр. «Кровавый Арканзасъ», въ разсказахъ стариковъ у камина или въ какомъ-нибудь сенсаціонномъ романѣ, въ которомъ индѣйцы и бѣлые похищаютъ поочередно идеальную дѣвушку, съумѣвшую, несмотря на длинные дни и ночи, проведенные въ плѣну, сохранить свою невинность для счастливаго героя.

Такимъ образомъ создавались всѣ штаты или здѣшнія государства. Чрезвычайно любопытное зрѣлище, дорогіе читатели, такъ какъ это тотъ же процессъ образованія обществъ, черезъ который проходили всѣ европейскія государства; только тамъ онъ длился цѣлыя тысячелѣтія, а здѣсь совершается почти на глазахъ. Кромѣ того, зрѣлище это очень утѣшительно, такъ какъ доказываетъ, что стремленіе къ прогрессу, таящееся въ человѣческой натурѣ, обладаетъ непоколебимой силою, которая разрушаетъ и уничтожаетъ всѣ преграды и водворяетъ повсюду міръ, уваженіе человѣческихъ правъ и такой порядокъ, при которомъ каждому воздается должное. Благодаря этой справедливости, всѣ нелегальныя отношенія, въ которыхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ физической силы, будутъ считаться переходными моментами, сильнымъ колебаніемъ политическихъ и общественныхъ вѣсовъ, стремящихся придти въ равновѣсіе въ силу вѣчныхъ правъ природы.

Но возвратимся къ дѣлу. Говоря объ общественной нравственности, я не могу принять въ разсчетъ тѣхъ окраинъ Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ общественнаго порядка еще не существуетъ; я буду говорить только о штатахъ, находящихся въ нормальныхъ условіяхъ. Долженъ сказать, что не знаю общества болѣе лояльнаго, чѣмъ американское. Общественная безопасность гарантирована здѣсь прочнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Когда сначала, благодаря розсказнямъ объ Америкѣ, я ѣздилъ и ходилъ съ револьверомъ за поясомъ, съ желѣзнымъ боксомъ въ карманѣ и шпагою, скрытою въ палкѣ, вооруженный, точно разбойникъ въ операхъ,—люди, знакомые съ мѣстными условіями, смѣялись надо мною и спрашивали: не стану ли я и въ обществѣ женщинъ держать палецъ на куркѣ? Я живу въ Штатахъ уже болѣе полугода, былъ въ различныхъ мѣстахъ и сталкивался съ разными людьми; случалось мнѣ ночевать въ одинокихъ фермахъ, отстоящихъ на десятки миль отъ обитаемыхъ мѣстностей, въ шалашахъ пастуховъ, рыбачьихъ хижинахъ, и нигдѣ ни съ кѣмъ не приходилось имѣть никакого столкновенія, ни разу опасность не угрожала моей личности и моему кошельку, по крайней мѣрѣ, со стороны американцевъ.

Не могу, напр., сказать того же о мексиканцахъ, населяющихъ южную часть Калифорніи, или о полуцивилизованныхъ индѣйцахъ,—какъ одни, такъ и другіе не прочь свернуть въ темномъ уголкѣ кому-нибудь шею и отнять кошелекъ. Но на границѣ Соединенныхъ Штатовъ это рѣдко случается, такъ какъ не только бдительность полиціи, но и энергія жителей, умѣющихъ быть для самихъ себя полиціею, препятствуютъ этому. О разбояхъ же и организованныхъ шайкахъ и не слышно. Разбойничаютъ индѣйцы и мексиканцы на границахъ, но въ благоустроенныхъ штатахъ царствуетъ полное спокойствіе. Возьмемъ, напр., любой номеръ «Варшавскаго Курьера» и, безъ сомнѣнія, найдемъ тамъ болѣе эффектныя описанія кражъ со взломомъ, совершаемыхъ въ этомъ городѣ. То же самое происходитъ въ Парижѣ, Берлинѣ,—словомъ, во всѣхъ большихъ городахъ Европы. Здѣсь это случается гораздо рѣже, даже такъ рѣдко, что подобные исключительные случаи считаются большими событіями, которыя описываются въ газетахъ, иллюстрируются въ еженедѣльныхъ журналахъ, причемъ газеты не жалѣютъ при этомъ горькихъ словъ по адресу полиціи, правительства и даже самого президента, на котораго, впрочемъ, какъ «на бѣднаго Макара, всѣ шишки валятся».

Съ другой стороны, спросите только нашихъ деревенскихъ жителей, что дѣлается по деревнямъ, и вы услышите, безъ сомнѣнія, цѣлыя исторіи о кражѣ жита, пшеницы, о потравѣ луговъ и настбищъ, о ночныхъ нападеніяхъ на фруктовые сады и т. д. Въ Америкѣ собственность уважается въ высшей степени. Напримѣръ, здѣсь, въ Калифорніи, по причинѣ теплаго климата никто не запираетъ лошадей, овецъ, скота, птицу; никто не огораживаетъ частоколами садовъ; сараевъ и амбаровъ почти не существуетъ,—однако, никто не жалуется на то, чтобы у него что-нибудь пропало. Частная собственность здѣсь — святыня, которую можно оставить на большой дорогѣ, и ея, пожалуй, никто не тронетъ.

Вотъ это—высшая нравственная сторона общества. Просвѣщеніе не единичныхъ элегантныхъ классовъ, но просвѣщеніе демократическое, распространяющееся на весь народъ, исключаетъ возможность посягательства на собственность. Но, кромѣ просвѣщенія, есть еще одинъ факторъ, поддерживающій ее и вытекающій изъ нея,—это зажиточность.

Опять я говорю не о портовыхъ городахъ, гдѣ пріѣзжіе эмигранты терпятъ нужду, пока не найдутъ работы, но о цѣломъ краѣ вообще. Что здѣсь зажиточность выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, видно изъ того, что здѣсь на каждаго человѣка приходится почти во сто разъ больше земли, чѣмъ въ Европѣ, и что каждый можетъ получить 160 акровъ почти даромъ, то есть съ десятилѣтнею расплатою, считая по $1^1/_2$ доллара за акръ. Притомъ, какъ я сказалъ выше, такое процентное отношеніе людей къ землѣ порождаетъ большую цѣнность труда, при относительной дешевизнѣ предметовъ первой необходимости; поэтому о нищетѣ въ европейскомъ значеніи этого слова, представляющемъ синонимъ голода, здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Говорятъ, напримѣръ, что въ Анагеймѣ мистеръ Броунъ, или Гаррисонъ, или Доунъ—человѣкъ очень бѣдный. Что это значитъ? Пойдемъ, посмотримъ на этого бѣдняка! Идемъ, и вотъ передъ нами приличный домъ, окруженный тамариндовыми, перечными, персиковыми деревьями и виноградомъ; въ сараѣ возлѣ

дома — корова, одна или двѣ лошади; далѣе видны стога кукурузы, ячменя и т. д. Наконецъ, дверь отворяется, и американскій бѣднякъ выходитъ къ намъ навстрѣчу. Правда, на немъ только рубашка, штаны и сапоги, но здѣсь никто не ходитъ иначе.

— Halo, gentlemen! — говоритъ хозяинъ дома и приглашаетъ насъ войти.

— Halo!—отвѣчаемъ мы ему и входимъ. Въ домѣ нѣсколько комнатъ. Я замѣтилъ, что въ одной изъ нихъ, по американскому обычаю, устланной ковромъ, стоятъ столъ, качалки и другая мебель; въ слѣдующихъ—разныя хозяйственныя принадлежности; кровать, занимающая половину комнаты, на которой можетъ помѣститься вся семья. Нужда какъ то не колетъ глазъ. Можетъ быть, этому человѣку нечего ѣсть? Нѣтъ, онъ ѣстъ три раза въ день мясо и пьетъ вино, какъ самый дешевый напитокъ. Почему же говорятъ, что онъ бѣденъ? Потому, что онъ не имѣетъ сотни долларовъ свободныхъ! Господи, ты Боже мой! сколькихъ я знаю въ Варшавѣ литераторовъ, адвокатовъ, докторовъ, сколькихъ, наконецъ, помѣщиковъ, не имѣющихъ и ста талеровъ наличными деньгами! Но у насъ это не называется бѣдностью или, по крайней мѣрѣ, нуждою. Нужда живетъ въ подваллахъ, ѣстъ разъ или два въ день, а мясо видитъ только въ окнахъ мясныхъ лавокъ; нужда у насъ стучитъ зубами отъ холода, пухнетъ отъ голода, побирается, крадетъ, грабитъ! Покажите мнѣ здѣсь такую нужду!

Такой здѣсь нѣтъ. Мистеръ Броунъ, Гаррисонъ или Доунъ—бѣденъ, но не нищій. Бѣднымъ его называютъ потому, что у него нѣтъ капитала, а можетъ быть, онъ имѣетъ долги, за которые заберутъ все.

Это «все» нужно понимать тоже по-американски: кредиторы у него не могутъ забрать хозяйственныхъ орудій, домашнихъ вещей, постели и т. д.; не могутъ воспрепятствовать продать наканунѣ съ аукціона корову, лошадь, овцу, птицу и деньги спрятать въ карманъ. Въ результатѣ у него могутъ только забрать землю, если ея не обезпечиваетъ право, называемое: «home stead» *).

Допустимъ даже, что у него отнимутъ всю землю, что же изъ этого? Въ пятнадцати, двадцати или пятидесяти миляхъ—лежатъ цѣлыя тысячи акровъ, ожидающія колонистовъ,—слѣдовательно, вопросъ заключается только въ томъ, чтобы забрать семью, отправиться туда, вырубить лѣсъ, построить домъ, вотъ и готово новое убѣжище. Излишне добавлять, что долги не могутъ быть перенесены на вновь основанное хозяйство.

Но, даже не занимая новой земли, обанкротившійся фермеръ имѣетъ передъ собою тысячи занятій на выборъ. Можетъ наняться въ качествѣ рабочаго въ деревнѣ или городѣ; всюду не онъ, а его будутъ искать, причемъ предложенной ему платы съ избыткомъ хватитъ на удовлетвореніе потребностей его и его семьи.

Въ особенности западные Штаты, въ томъ числѣ и Калифорнія, находятся въ этомъ отношеніи въ исключительно счастливыхъ условіяхъ.

---

*) На нашъ языкъ это можно было бы перевести: „безопасность домашняго очага". Въ силу этого закона, имущество дѣлается полусобственностью жены и дѣтей, поэтому не можетъ быть, въ случаѣ банкротства, ни отнято у семьи, ни продано за долги.

На востокѣ нужда, можетъ быть, приближается къ европейской, но не доходитъ до такой степени по той же простой причинѣ, т. е. по причинѣ малаго количества людей въ сравненіи съ большимъ пространствомъ земли.

Какъ же вы хотите, чтобы развитой и сравнительно образованный человѣкъ, пользующійся всѣми правами гражданства, чувствующій себя равнымъ каждому, который притомъ имѣетъ что поѣсть, выпить и во что одѣваться, оставилъ это выгодное положеніе и пошелъ по тернистому пути преступленія? Это сдѣлаетъ развѣ человѣкъ съ врожденной склонностью ко злу, какой-нибудь черный характеръ «grand criminel», какой мы видимъ на театральныхъ подмосткахъ. Но такихъ вездѣ немного. Я не говорю, что въ Соединенныхъ Штатахъ преступленій не бываетъ! Напротивъ, они случаются и здѣсь, какъ и вездѣ, но въ то время какъ въ Европѣ они большею частью совершаются вслѣдствіе неблагопріятнаго соціальнаго положенія, здѣсь они являются продуктомъ индивидуальныхъ наклонностей, но не нужды и невѣжества. Нужно ли доказывать, что здѣсь эта послѣдняя категорія всегда въ десять разъ превышаетъ первую.

Въ силу этого, можно доказать цифрами, что американское общество нравственнѣе всякаго европейскаго.

Еще одно слово о чистотѣ нравовъ. Въ городахъ нравственность стоитъ немногимъ выше, чѣмъ въ Европѣ, а тамъ, гдѣ перевѣсъ народонаселенія на сторонѣ китайцевъ, — даже ниже. Вообще врожденный холодный темпераментъ націи не допускаетъ чрезмѣрной распущенности, а жизнь молодежи, преисполненная физическаго труда и движенія, способствуетъ укрѣпленію и развитію врожденной сдержанности.

Таковы черты и достоинства этого общества, которое вначалѣ меня отталкивало, и которое я теперь, чѣмъ больше узнаю, тѣмъ больше уважаю. Въ своихъ выводахъ я старался быть объективнымъ и по возможности точнымъ; они не представляютъ ни проявленія оптимизма, въ этомъ еще никто меня не подозрѣвалъ,—ни предвзятой симпатіи къ мѣстнымъ учрежденіямъ. Я отлично понимаю, что нѣтъ учрежденій безусловно и одинаково для всѣхъ хорошихъ. Всѣ учрежденія хороши, когда они соотвѣтствуютъ требованіямъ народа, его обычаямъ, традиціямъ, наконецъ, когда обезпечиваютъ наибольшій общественный прогрессъ; дурны,—если они задерживаютъ развитіе, стремясь сохранить неподвижными и неизмѣнными прежнія формы даже тогда, когда внутреннее содержаніе этихъ формъ требуетъ реформы.

Таковъ мой взглядъ на вещи. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что, присматриваясь къ американскимъ учрежденіямъ и видя ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, можно многимъ воспользоваться, многому научиться и освободиться отъ многихъ нелѣпыхъ предразсудковъ; наконецъ, можно выработать болѣе широкіе взгляды на міръ и обновить душу гуманитарными, достойными XIX-го вѣка чувствами человѣколюбія и справедливости.

Кромѣ того, я замѣтилъ, что корреспонденціи нашихъ газетъ, писанныя отсюда съ натуры не безъ таланта, касаются лишь минутныхъ происшествій, минутныхъ политическихъ положеній, то есть той «silvae

rerum», которая представляетъ скорѣе проявленіе внѣшней жизни, а не ея основаніе.

Я, не связанный срокомъ въ присылкѣ своихъ писемъ, могу свободнѣе дѣлать свои наблюденія, не обращая вниманія на внѣшнія обстоятельства и доискиваясь ихъ причинъ,—словомъ, могу изслѣдовать вещи «das Ding in sich», какъ сказалъ старикъ Кантъ, и своими наблюденіями дѣлиться отъ времени до времени съ читателями, хотя бы въ неисчерпаемой фельетонной формѣ.

II.

О литературѣ и искусствахъ я поговорю съ читателями впослѣдствіи, такъ какъ этотъ предметъ заслуживаетъ особаго письма. Однако, вскользь замѣчу, что развитіе литературы и искусства *) въ Соединенныхъ Штатахъ не дошло еще до той высоты, на которой стоитъ въ Европѣ. Генри Томасъ Бокль въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» замѣчаетъ, что литература и искусства тогда только возникаютъ и развиваются въ извѣстномъ обществѣ, когда въ немъ начинается накопленіе богатства **).

Это мнѣніе можно было бы выразить иначе, а именно, это развитіе начинается только тогда, когда, во первыхъ, цивилизація окончитъ побѣдою борьбу съ природою, и, во-вторыхъ, когда наступитъ пресыщеніе реальною жизнью. Въ Америкѣ пока еще не наступило ни то, ни другое,—слѣдовательно, и эстетическія потребности не велики; тѣ же, какія существуютъ, удовлетворяются, кромѣ собственной, и родственной по языку англійской литературой. Но объ этомъ послѣ, теперь же перейдемъ къ вопросу, настолько связанному съ литературою, что онъ производитъ въ ней въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ страшно много шума, то есть перейдемъ къ эмансипаціи женщинъ въ Америкѣ.

Въ Европѣ повсюду распространено мнѣніе, что эмансипація женщинъ нигдѣ не нашла такого осуществленія, какъ въ Америкѣ. Я самъ былъ увѣренъ, что встрѣчу здѣсь множество женщинъ докторовъ, адвокатовъ, чиновниковъ, даже духовныхъ; что встрѣчу многихъ, посвятившихъ себя научнымъ изслѣдованіямъ; наконецъ, что встрѣчу хотя бы даже забавляющихся эмансипаціей, которая, несмотря на эксцентрическія формы, носитъ характеръ какого-то общаго движенія. Между тѣмъ дѣла обстоятъ иначе. Дѣйствительно, элементарное образованіе здѣсь преимущественно въ рукахъ женщинъ, которыя на этомъ поприщѣ оказываютъ неисчислимыя услуги обществу; но если подъ эмансипаціей женщинъ мы будемъ подразумѣвать высшее, спеціальное образованіе и участіе ихъ въ общественныхъ дѣлахъ, въ другихъ странахъ составляющихъ лишь достояніе мужчинъ, то увидимъ, что въ этомъ отношеніи здѣсь сдѣлано меньше, чѣмъ въ Европѣ.

Здѣсь существуетъ возможность эмансипаціи. Американцы обладаютъ однимъ неоцѣненнымъ свойствомъ, а именно: стремленіемъ испы-

*) Я подразумѣваю только изящную словесность и искусства.
**) За исключеніемъ поэзіи.

тать на практикѣ все, что только представляется въ видѣ теоріи, стремящейся къ улучшенію человѣческой жизни и прогресса. Если такая теорія не бросается въ глаза очевидной нелѣпостью, если находитъ сторонниковъ, вызываетъ научные споры, имѣетъ за собою какія-нибудь данныя, то ее тотчасъ же стараются провести въ жизнь.

У насъ, гдѣ общественное мнѣніе создаютъ диваны, какъ только появится какая-нибудь новая мысль изъ-за-границы, тотчасъ же поднимается такой шумъ и тревога, что нужно было бы обладать смѣлостью, почти граничащею съ нахальствомъ, чтобы ввести какую-нибудь реформу или вообще что нибудь небывалое. Но въ Америкѣ на конѣ, изображающемъ прогрессъ, не ѣздятъ ханжи безъ сѣдла: хочешь пробовать, такъ пробуй,—такъ было и съ эмансипаціей.

Общественное мнѣніе заранѣе дало ей санкцію, а въ санкціи государственной здѣсь не нуждается никто. Государство можетъ запретить только то, что угрожаетъ общественной нравственности, общественной безопасности и т. д., но разрѣшеній не раздаетъ.

Движеніе началось свободно и овладѣло всѣми умами. Начали громоздиться волны, стонать гора, и родилась... мышь.

Однимъ словомъ, эмансипація въ томъ значеніи, какъ я ее опредѣлилъ, не вошла въ жизнь.

Въ Нью-Іоркѣ мисъ, если не ошибаюсь, Макъ-Клефтонъ служитъ полковникомъ; въ Уойомингѣ есть женщина пасторъ; вѣроятно, найдется также нѣсколько адвокатовъ; въ университетахъ попадаются женщины-студенты, но уже самое разглашеніе такихъ случаевъ указываетъ на ихъ исключительность. Это большей частью индивидуумы, обладающіе болѣзненной фантазіею, за которыми большинство женщинъ не слѣдуетъ, и которыхъ общественное мнѣніе, несмотря на снисходительность, осмѣиваетъ.

Что бы вы сказали о женщинѣ-священникѣ, исповѣдующей своего мужа? Или о женщинѣ-полковникѣ? А если бы во время войны такому полковнику пришлось просить непріятеля о перемиріи по случаю неожиданнаго увеличенія штаба еще однимъ невиннымъ существомъ? Впрочемъ, такое затруднительное положеніе военачальниковъ, можетъ быть, сильнѣе повліяло бы на уменьшеніе всѣхъ ужасовъ войны, чѣмъ брюссельская конференція. Хотя нѣтъ! Свѣдущіе люди говорятъ, что видъ этого полковника, отдающаго приказанія сопрано, и его пластическія формы, обрисовывающіяся въ узкомъ военномъ костюмѣ, чрезвычайно благодѣтельно дѣйствуютъ на воинственный пылъ солдатъ.

Но, шутки въ сторону. Я хочу сказать, что эмансипація не вошла въ американскую жизнь, и что вообще въ общественныхъ дѣлахъ женщина принимаетъ небольшое участіе. Мнѣ возразятъ, что въ восточныхъ штатахъ, напр., въ Новой Англіи, женщины работаютъ на фабрикахъ. Правда; но сколько женщинъ и даже дѣтей работаетъ на фабрикахъ въ Европѣ? Въ Великобританіи, напр., правительство принуждено было ограничить число рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣтей; то же происходило и въ другихъ государствахъ, о чемъ читатель можетъ найти свѣдѣнія у любого политико-экономa. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ этой отрасли женщины принимаютъ здѣсь меньшее участіе, нежели въ Ста-

ромъ Свѣтѣ. Далѣе, женщины прислали здѣсь на выставку свои издѣлія, которыя помѣстили въ такъ называемомъ женскомъ отдѣлѣ. На европейскихъ выставкахъ не было особыхъ женскихъ отдѣловъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тысячи экспонируемыхъ предметовъ не были приготовлены женщинами. Кто же выдѣлываетъ кружева, удивляющія весь свѣтъ, множество галантерейныхъ предметовъ, вышивки, гобелены, издѣлія изъ фарфора, шелка, женскіе наряды и т. д.? Во всемъ этомъ, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, на половину видны слѣды женскихъ рукъ. Неоспоримо, что рабочій классъ имѣетъ несравненно больше представительницъ въ любомъ фабричномъ государствѣ Европы, нежели въ Америкѣ. Впрочемъ, это участіе въ промыслѣ не можетъ быть причислено къ эмансипаціи. Однако, въ Европѣ женщины служатъ въ телеграфныхъ и почтовыхъ конторахъ, частныхъ и государственныхъ банкахъ; здѣсь этого почти нигдѣ нѣтъ. Число наборщицъ въ Европѣ тоже больше. Словомъ, я нигдѣ здѣсь не видѣлъ такого участія женщинъ въ мужскихъ профессіяхъ, которое могло бы служить основаніемъ для распространенія такого понятія объ эмансипаціи въ Америкѣ, какое встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ книгахъ, посвященныхъ женскому вопросу, въ газетныхъ статьяхъ и брошюрахъ, подъ заглавіями вродѣ слѣдующихъ: «Слово о женскомъ вопросѣ», «Нѣсколько словъ», «Еще одно слово», или въ различныхъ «Общественныхъ зернахъ», которыя, говоря мимоходомъ, никто клевать не хочетъ.

Остается только учительство, учительство и больше ничего. Занятіе это благородное, но оно не вытекаетъ изъ эмансипаціоннаго движенія и эмансипацей считаться почти не можетъ. Наконецъ, если бы мы и приняли это за проявленіе эмансипаціи, то это только одно стремленіе, первый шагъ, отъ котораго къ всеобщему участію въ трудѣ и обязанностяхъ еще слишкомъ далеко.

Между тѣмъ, въ Европѣ это участіе считается фактомъ совершившимся.

Что же касается спеціальнаго образованія женщинъ, то возможность его существуетъ: учебныя заведенія для нихъ открыты; никто не запрещаетъ принимать женщинъ на медицинскій или юридическій факультеты; но сами женщины пользуются своими правами крайне ограниченно. Слухи, ходящіе въ Европѣ о высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Америки, сильно преувеличены. Такія учрежденія, какъ напр., такъ называемая академія Вассара, различныя коллегіи въ Нью-Іоркѣ, Вашингтонѣ, Бостонѣ, Филадельфіи, принимаемыя у насъ за университеты, равняются по объему курса германскимъ политехникумамъ. Это,—какъ американцы говорятъ: «humbug». Какъ только соберу достаточное количество матеріала, посвящу этимъ женскимъ академіямъ особое письмо; а пока скажу, что, насколько я успѣлъ узнать, это только—высшіе пансіоны, программа которыхъ шире на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Женщина здѣсь получаетъ образованіе одинаковое съ мужчиной только въ школахъ низшихъ, которыя даютъ одинъ общее умственное развитіе, а не спеціальное знаніе. Мужчины знакомятся съ этими спеціальностями позже, или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или на практикѣ;

большинство женщинъ не идетъ далѣе и по-немногу забываетъ то, чему училось въ школѣ.

По моему мнѣнію, такое явленіе весьма естественно. Участіе женщинъ въ наукѣ и общественныхъ обязанностяхъ не вошло въ американскую жизнь, потому что не могло войти. Всякая теорія можетъ превратиться въ дѣйствительность, не исключительно тамъ, гдѣ правительство не ставитъ преградъ, но и тамъ, гдѣ она отвѣчаетъ естественной и необходимой, какъ хлѣбъ, потребности. Тамъ, гдѣ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, гдѣ тысячи ихъ не выходятъ замужъ, а не выйдя, не могутъ найти заработка,—тамъ напоръ женщинъ, ищущихъ средствъ къ жизни, будетъ такъ силенъ, что его не выдержать никакія плотины, и эмансипація должна войти въ жизнь, какъ необходимость. Но въ Америкѣ совершенно другія условія. Страна эта мало заселена и богата. Я уже упоминалъ о большой зажиточности всего народа. Земля и предметы первой необходимости очень дешевы, а трудъ дорогъ; поэтому, каждый мужчина, работая по шести часовъ въ сутки *), свободно можетъ заработать на содержаніе себя и семьи. Кромѣ того, дѣти здѣсь, какъ нѣкогда у израильтянъ, считаются благословеніемъ Божьимъ, такъ какъ со временемъ они образуютъ цѣнную рабочую силу.

Съ другой стороны, этотъ богатый во всѣхъ отношеніяхъ край бѣденъ только женщинами. Хотя и не имѣю подъ рукою статистики народонаселенія Штатовъ, но увѣренъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ восточныхъ штатовъ, число мужчинъ въ нѣсколько разъ превышаетъ число женщинъ; въ нѣкоторыхъ же южныхъ и западныхъ—отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ равно отношенію 5 : 1. Вслѣдствіе этого, женщина здѣсь имѣетъ въ пять разъ больше возможности выйти замужъ и въ трудѣ мужа найти способъ не только къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, но и нѣкотораго комфорта.

Случалось, что польскія, русскія и чешскія семьи, число которыхъ довольно велико въ Калифорніи, тяготясь существующимъ здѣсь равенствомъ прислуги, выписывали простыхъ деревенскихъ дѣвушекъ изъ отечества. Радость при прибытіи такой прислуги бывала велика, но непродолжительна, такъ какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ являлся какой-нибудь джентльменъ, ремесленникъ, рабочій, фермеръ, который дѣлалъ предложеніе какой-нибудь миссъ Каськѣ, Мариськѣ или Ягнѣ и женился на ней, а женившись, рядилъ ее въ шелкъ и бархатъ. Лэди Каська, которая привыкла дома воду таскать на коромыслѣ, здѣсь, качаясь въ креслѣ, скоро освоивалась со своимъ новымъ положеніемъ и вскорѣ ничѣмъ не отличалась отъ другихъ «лэди». Я самъ познакомился съ нѣсколькими такими дамами: нѣкоторыя даже забыли родной языкъ, но всѣ вслушивались въ звуки родной рѣчи, каждую минуту отвѣчая: «Есть, (yes) дорогой панъ!»

Изъ этого слѣдуетъ, что женщина здѣсь, не работая, не только не умретъ отъ голода, но даже можетъ жить болѣе или менѣе комфортабельно. Это объясняетъ все.

---

*) Повсюду принято это количество рабочихъ часовъ, въ особенности на западѣ.

Какъ къ наукѣ, такъ и къ другимъ занятіямъ люди стремятся въ большинствѣ случаевъ не вслѣдствіе какихъ-нибудь идеальныхъ побужденій, а вслѣдствіе необходимости; здѣсь этой необходимости не существуетъ. Какъ бы то ни было, качаться въ креслѣ, иначе говоря—жить весело и безъ заботъ, пріятнѣе, чѣмъ напрягать умъ и мускулы. Что же удивительнаго въ томъ, что здѣсь женщины выбираютъ первое?

Говоря исключительно о Калифорніи, я долженъ прибавить, что женщины здѣсь уклоняются отъ такихъ занятій, которыя въ другихъ странахъ находятся исключительно въ женскихъ рукахъ. Въ деревняхъ, напримѣръ, мужчины доятъ коровъ; во многихъ фермахъ я видѣлъ мужчинъ, подметающихъ комнаты; тамъ же, гдѣ средства позволяютъ держать китайца, все хозяйство лежитъ на его плечахъ. Честнѣйшій «Джонъ» изображаетъ изъ себя и няньку, и кухарку и садовника, а хозяйка дома качается въ креслѣ, принимаетъ гостей, наряжается, балуетъ своего до нельзя распущеннаго бебе, и этимъ ограничиваются ея занятія.

Оканчивая эти нѣсколько строкъ объ эмансипаціи, повторяю, что возможность для ея существленія существуетъ, но за неимѣніемъ потребности, нѣтъ и примѣненія. Въ Европѣ принимаютъ возможность за совершившійся фактъ, поэтому представленіе объ американской женщинѣ заключаетъ въ себѣ много заблужденія.

Еще нѣсколько словъ для дополненія картины.

Нигдѣ въ свѣтѣ женщина не находится въ такихъ выгодныхъ для нея условіяхъ, какъ въ Америкѣ. Законъ съ нею кокетничаетъ, обычай даетъ свободу, общественное мнѣніе защищаетъ ее даже тогда, когда она виновата, мужчина ее балуетъ. Уваженіе къ женщинамъ—это общая черта англо-саксонской расы: но въ Америкѣ оно доходитъ до высшей степени. Можетъ быть поэтому женщина здѣсь имѣетъ видъ немного испорченнаго ребенка. Если бы мнѣ кто-нибудь предложилъ сравнить ее въ отношеніи интеллигентности, умственнаго развитія и манеръ съ европейской женщиной, то я прежде всего спросилъ бы: съ какой европейской женщиной я долженъ ее сравнить? Потому что здѣсь такихъ разницъ, какъ въ Европѣ, нѣтъ. У насъ дама и крестьянка, барышня и деревенская дѣвушка, это два міра, или, по крайней мѣрѣ, два противоположныхъ полюса.

Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ, почему я беру такія крайности? Я отвѣчу: потому что мнѣ такъ нравится, что я не выдумалъ этихъ крайностей, но онѣ существуютъ въ обществѣ. У насъ барышня, кромѣ польскаго, знаетъ еще нѣсколько и другихъ языковъ, такъ какъ съ дѣтства имѣла гувернантку «съ языками»; играетъ на фортепьяно, необыкновенно очаровательно говоритъ о литературѣ и искусствахъ. Умъ ея гибокъ и развитъ; если ей заблагоразсудится позировать въ роли исключительной натуры, то она всегда сумѣетъ прикрыть таинственнымъ облачкомъ раздушенную душу. Она умѣетъ нанизывать многозначительныя полуслова на нитку пустого разговора, какъ бусы. Въ густомъ лѣсу тончайшихъ оттѣнковъ словъ и чувствъ она движется такъ свободно, какъ дома. Она съ перваго взгляда оцѣнитъ характеръ, силу и ловкость противника, не надѣвая лѣвою рукою очковъ, какъ это сдѣлалъ въ «Панѣ Тадеушѣ» старый Мацекъ: не даромъ же она ради упражненія влюбляла

въ себя всѣхъ кузеновъ и гувернеровъ своихъ младшихъ братьевъ. Вообще, она находчива; отточена на общественномъ ремнѣ жизни, какъ бритва; на самомъ дѣлѣ немного знаетъ, но психологически и эстетически развита въ высшей степени.

Она можетъ быть при этомъ добра или зла, благородна или не благородна, — это дѣло уже воспитанія и совѣсти; во всякомъ случаѣ она высоко интеллигентна. Набрасывая этотъ портретъ, вмѣстѣ съ тѣмъ кланяюсь моимъ старымъ и новымъ знакомымъ. Доставитъ-ли имъ это удовольствіе или неудовольствіе, не имѣю времени рѣшать, такъ какъ перехожу къ другой крайности, то есть къ крестьянской дѣвушкѣ. Эта Хлоя съ красными ногами ходитъ босикомъ по сжатому полю и потому страдаетъ рожей на ногахъ; пьетъ водку, закрывшись фартукомъ, и на всѣ вопросы отвѣчаетъ вѣчно одно и тоже: «когда мнѣ стыдно!» Такая идиллическая стыдливость не мѣшаетъ ей предаваться такимъ-же идиллическимъ удовольствіямъ на свѣжемъ сѣнѣ... Это касается нравовъ. Хлоя не умѣетъ ни читать ни писать; абсолютно не понимаетъ того, что вокругъ нея происходитъ, а міръ отражается въ ея душѣ такъ же мимолетно, какъ небо въ водѣ. Ничто не коснется ея мозга. Послѣ этого, съ какою-же женщиною я долженъ сравнить американку? Вы скажете, что не нужно вдаваться въ крайности, а взять середину; но этой середины у насъ не существуетъ, а если вы ее сумѣете найти, то опредѣлите, гдѣ она, потому что я это не знаю. Если это касается американки, то другое дѣло. Исключивъ нѣсколько сотъ индивидуумовъ, которыя, путешествуя по Европѣ, превратились въ европейскихъ женщинъ, возьму любую изъ нихъ и скажу: вотъ типъ. Тогда придется повторить то же самое, что я уже сказалъ, говоря о просвѣщеніи въ Америкѣ. Здѣсь нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ у насъ. Каждая женщина умѣетъ здѣсь читать, писать, читаетъ газеты, относительно развита, всѣ одинаково одѣваются, т. е. по одной модѣ; всѣ не разнятся другъ отъ друга обычаями, т. е. какъ съ интеллектуальной, такъ и съ эстетической точки зрѣнія стоятъ ниже небольшого числа нашихъ женщинъ, но выше массы.

Но на путешественниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ сравниваютъ здѣшнихъ женщинъ исключительно съ представительницами одного класса въ Европѣ, онѣ производятъ невыгодное впечатлѣніе. Вотъ почему, напримѣръ, г-жа Кристина Нарбуттъ рисовала черными красками здѣшній женскій міръ. Я понимаю, что этотъ міръ долженъ былъ ей казаться невѣжественнымъ, грубымъ, вообще: mauvais genre. Если бы Орэнъ сравнивалъ американокъ съ нашими женщинами большого свѣта, то послѣднія не пришлись бы ему по вкусу; но онъ ничего дурного о нихъ не напишетъ, такъ какъ это неугомонный поклонникъ прекраснаго пола.

Что касается меня, то, отдавая справедливость большему проценту просвѣщенныхъ женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, я далекъ отъ мысли ставить ихъ въ примѣръ просвѣщеннымъ европейскимъ женщинамъ. Скажу даже, что американки, обладая многими ихъ недостатками, не имѣютъ ихъ достоинствъ. Прежде всего, онѣ менѣе трудолюбивы, меньше занимаются домомъ, хозяйствомъ и кухней, вслѣдствіе чего по-

слѣдняя находится въ плачевномъ состояніи. Во-вторыхъ, любовь къ нарядамъ доходитъ у нихъ до крайности. Даже на парижскихъ бульварахъ нельзя увидѣть такихъ великолѣпныхъ туалетовъ, какъ на нью-іоркскомъ Бродвэѣ или на Корнеѣ въ Санъ-Франциско. Мода, какъ я уже сказалъ, здѣсь одинакова для всѣхъ, и костюмъ служанки и деревенской женщины отличается отъ костюма милліонерши купчихи или жены высокопоставленнаго чиновника только цѣною и качествомъ матеріала, но не покроемъ.

Нарядныя женщины представляютъ удивительный контрастъ съ мужчинами, не придающими никакого значенія костюму. Можно сказать, что перчатки и фракъ въ Америкѣ—вещи почти неизвѣстныя. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что президентъ Грантъ явился на торжество открытія выставки въ сюртукѣ и безъ перчатокъ. Во время моего пребыванія въ Анагеймѣ южной Калифорніи, въ этотъ городокъ пріѣхалъ французскій циркъ. Все окрестное населеніе съѣхалось на это торжество. Нужно было видѣть этихъ деревенскихъ и городскихъ лэди, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, декольтированныхъ, напудренныхъ, въ перчаткахъ, идущихъ на вечернее представленіе подъ руку съ мужьями, одѣтыми только въ сапоги, штаны и бумажныя рубахи, безъ жилетовъ и сюртуковъ.

Но здѣсь это обычное явленіе. Мужчина, наряжая свою жену, этимъ уже удовлетворяетъ свои эстетическія потребности.

Знаніе французскаго языка, хотя и считается американскими женщинами признакомъ хорошаго тона, не особенно распространено. Каждая женщина, какъ только рѣчь зайдетъ о французскомъ языкѣ, не премінетъ произнести стереотипную фразу: «It is very sweet language (it is very swit lingwidz, т. е., это очень благозвучный языкъ); почти каждая, слѣдуя за модой, начинаетъ учиться французскому языку, но при первыхъ же затрудненіяхъ теряетъ желаніе и энергію. Несмотря на это, среди совершенно незнакомыхъ съ этимъ языкомъ она слыветъ знающей, пока не явится какой-нибудь иностранецъ, и пока въ разговорѣ съ нимъ не окажется, что миссъ знаетъ «wery little» (очень мало), причемъ это «wery little» обыкновенно равняется нулю.

О литературѣ, поэзіи и искусствахъ здѣшнія женщины имѣютъ очень мало понятія, причемъ знакомство съ иностранной литературою затрудняется незнаніемъ языковъ. На таланты въ дѣлѣ образованія женщинъ здѣсь меньше обращаютъ вниманіе, чѣмъ въ Европѣ. Я не встрѣчалъ женщины, умѣющей рисовать. Знаніе музыки, къ несчастью, болѣе распространено, зато въ высшей степени поверхностно. Американкамъ недостаетъ и прилежанія, и музыкальныхъ способностей и, наконецъ, эстетическаго чутья. Пересматривая ноты въ разныхъ здѣшнихъ домахъ, я ни разу не встрѣтилъ произведеній Генделя, Моцарта, Бетховена, Шопена, Листа, — вездѣ я находилъ только какіе-то вальсы, польки, маршъ Джорджіо и... quousque tandem, Catilina!—«Молитва дѣвы» Бонджевской! Здѣшнія дѣвицы играютъ эту «молитву», разъѣзжая вмѣстѣ съ кресломъ вдоль клавіатуры, вздыхая, закатывая глаза,—словомъ, совершенно такъ, какъ у насъ; это должно обозначать невинность, идеальность, дѣвичью тоску, недостатокъ аппетита и т. п.

Въ обычаяхъ и разговорѣ здѣсь пуританская суровость перемѣши-

вается со свободою, о какой мы даже и понятія имѣть не можемъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ свѣтѣ такихъ противоположныхъ обществъ, какъ американское и испанское (мексиканское), съ которымъ я познакомился въ южной Калифорніи. Въ испанскомъ обществѣ почти единственный серьезный вопросъ, который мужчина задаетъ женщинѣ,—это «Esta Usted enamorada?» т. е. влюблены ли вы? Если женщина отвѣтитъ: «Si, caballero!»—то приличіе требуетъ, чтобы мужчина воскликнулъ: «Я погибъ!» Эта поэтическая раса, какъ и всѣ романскіе народы, любовь считаетъ добрымъ геніемъ, безъ котораго жизнь не стоила бы и одного реала, первою, самою главною и необходимою, какъ насущный хлѣбъ, потребностью. Что же удивительнаго въ томъ, что она прежде всего говоритъ о любви?

Въ американскомъ обществѣ такой разговоръ считается неприличнымъ, но, между прочимъ, здѣсь молодая дѣвушка часто позволяетъ себѣ сказать такую вещь, отъ которой европеецъ можетъ прямо остолбенѣть. На одной прогулкѣ я познакомился съ двумя дамами, хорошо, какъ мнѣ говорили, воспитанными: теткой, кажется, поэтессой, и племянницей, красивой дѣвушкой, бѣлой, какъ снѣгъ, съ голубыми глазами и рыжими волосами. Я разговаривалъ съ барышней черезъ переводчика, потому что еще очень мало понималъ по-англійски.

— Весьма сожалѣю,—сказалъ я черезъ минуту,—что, не зная вашего языка, не могу съ вами разговаривать безъ посредника.

— Это не бѣда, — отвѣтила миссъ, — если вы позволите, я буду вашей учительницей.

— Очень вамъ благодаренъ... и т. д.

— Но я буду васъ учить съ однимъ условіемъ.

— Заранѣе согласенъ на все; но съ какимъ же?

— Если вы позволите во время урока пожимать отъ времени до времени вашу руку.

Признаюсь, я сталъ втупикъ. Если бы насъ было только двое, то мое врожденное самомнѣніе открыло бы обширное поле для догадокъ. Но это было сказано черезъ посредство третьяго лица, общей нашей знакомой, и громко, въ присутствіи всего общества, какъ обыкновенная любезность «sans conséquence». Если бы мнѣ было шестьдесятъ лѣтъ, я услышалъ бы то же самое: здѣсь обычай допускаетъ это.

Только такой свободой нравовъ можно объяснить существованіе флирта. Это выраженіе можно перевести словомъ: волокитство, ухаживаніе.

Молодой человѣкъ и дѣвушка, предаваясь флирту, встрѣчаются другъ съ другомъ наединѣ, ходятъ вдвоемъ на прогулку, путешествуютъ,—словомъ, постоянно вмѣстѣ. Если ихъ характеры сходятся, то флиртъ переходитъ въ супружескій союзъ, если нѣтъ—,каждый идетъ своей дорогою.

Въ Европѣ такія отношенія вызвали бы непремѣнно массу скандальныхъ послѣдствій. Здѣсь съ одной стороны этому препятствуетъ холодный темпераментъ женщинъ, съ другой—общественное мнѣніе, которое въ данномъ случаѣ всю отвѣтственность сваливаетъ на мужчину и только его одного предаетъ общественному презрѣнію; наконецъ, и

законъ, который подъ страхомъ огромнаго денежнаго штрафа заставляетъ его жениться, оправдываетъ женщину даже тогда, когда дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе.

Этимъ я заканчиваю свой очеркъ. Благодаря своимъ размѣрамъ, онъ, вѣроятно, вышелъ слишкомъ краткимъ и неисчерпывающимъ сути дѣла; но я старался быть, насколько возможно, объективнымъ. Изъ него читатель можетъ вывести, какое угодно, заключеніе. Что касается меня, то я повторяю, что, не закрывая глазъ на темныя стороны здѣшняго общества, чѣмъ больше и глубже къ нему присматриваюсь, тѣмъ больше замѣчаю свѣтлыхъ сторонъ.

VII.

Американскіе эскизы.

Я ничѣмъ не хочу быть связаннымъ въ своихъ письмахъ,—ни временемъ, ни порядкомъ въ описаніи впечатлѣній. Позвольте мнѣ быть свободнымъ и писать, о чемъ заблагоразсудится: позвольте, напр., отложить описаніе моего пребыванія въ Санъ-Франциско, Сакраменто или надъ рѣкою Козумнесъ и чисто фельетоннымъ прыжкомъ перенести васъ за сотни миль далѣе, въ мѣста, гдѣ я теперь нахожусь.

Прежде всего долженъ васъ предупредить, что у меня цыганская натура, поэтому я не могу долго усидѣть на одномъ мѣстѣ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ было хорошо въ Анагеймской долинѣ, въ этомъ настоящемъ земномъ раю, о которомъ смѣло можно сказать:

Знаешь ли ты тотъ край,
Гдѣ апельсины зрѣютъ?

И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь зрѣютъ апельсины, а кромѣ того, какъ у насъ въ липахъ, такъ тамъ каждый домъ скрывается подъ сѣнью перечныхъ деревьевъ, тамариндъ, пальмъ, рицинусовъ, олеандровъ, винограда, фигъ и камедныхъ деревьевъ. Темные плющи съ большими, похожими на кленовые, листьями и другія вьющіяся растенія, названій которыхъ даже не знаю, цѣпляются за каждый пень, каждую вѣтку, каждую рѣшетку на верандѣ или стѣнѣ, образуя непроницаемые фестоны и зеленые купола, подъ которыми даже въ полдень бываетъ прохладно. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть подъ такимъ куполомъ на качающемся креслѣ и смотрѣть изъ тѣни на освѣщенныя солнцемъ пространства.

Воздухъ, пропитанный запахомъ геліотроповъ, лилій, розъ и другихъ цвѣтовъ, растущихъ только въ этомъ климатѣ, почти опьяняетъ. На цвѣтахъ качаются бабочки; отъ времени до времени прилетаютъ яркія колибри, величиною съ полевого конька, и, трепеща крылышками, погружаютъ въ чашечку цвѣтка свой иглообразный клювъ. Птичка эта своими движеніями напоминаетъ насѣкомое: она порхаетъ, какъ бабочка, почти никогда не садится, а ея крылышки, вслѣдствіе необыкновенно быстрыхъ движеній, издаютъ шелестъ, похожій на шелестъ крыльевъ саранчи. Это—бебе или Вениаминъ всѣхъ птицъ, потому что ни одна изъ нихъ не причиняетъ ей никакого вреда, только отвратительные

пауки иногда нападаютъ на нее, но она храбро съ ними сражается и часто побѣждаетъ. Людей она боится не болѣе любого мотылька и часто порхаетъ надъ самыми ихъ головами. Въ общемъ ведетъ очень веселую жизнь: гнѣздо имѣетъ на померанцевомъ листкѣ, пьетъ и ѣстъ вволю, податей не платитъ, богата, независима, избалована и счастлива.

Кромѣ колибри, здѣсь еще множество другихъ птицъ. Сѣрый, съ желтой грудью пчелоѣдъ, большой забіяка, такъ и смотритъ, нѣтъ-ли поблизости какого-нибудь дрозда, чтобы тотчасъ-же подраться съ нимъ. Но мудрый дроздъ или, такъ называемый, пересмѣшникъ, спрятался въ листья рицинуса и изъ своей засады передразниваетъ всѣхъ животныхъ. Иногда замяукаетъ, какъ кошка, то залаетъ, какъ собака, или заквакаетъ, какъ лягушка, то вдругъ вздумаетъ чихать, кашлять, то вдругъ начинаетъ хохотать, какъ помѣшанный. Самъ, плутъ, поетъ почти такъ же хорошо, какъ соловей, но поетъ только ночью, а днемъ предпочитаетъ передразнивать другихъ. Индѣйцы называютъ его за это птицей-обезьяной, но всѣ его любятъ за его неистощимый юморъ. Это—gavroche птицъ.

Маленькіе, черные, съ красными крылышками скворцы наполняютъ воздухъ точно звуками серебряныхъ колокольчиковъ. Въ виноградникахъ шмыгаютъ пестрыя перепелки, самцы которыхъ имѣютъ рога на головѣ. Обратите вниманіе: только самцы. Изъ этого можно вывести нелестное заключеніе о поведеніи самокъ, которыя, впрочемъ, и выглядятъ легкомысленными, вѣтренными и кокетливыми существами. Это имъ тѣмъ болѣе непростительно, что мужья очень за ними ухаживаютъ. Въ то время когда дамы ѣдятъ виноградъ, мужья стоятъ на стражѣ; въ случаѣ приближенія кота или какого-нибудь варшавскаго литератора, славнаго, впрочемъ, пуделя, случайно попавшаго въ эти мѣста, они издаютъ условный окрикъ, и все общество стремительно убѣгаетъ въ кактусы, которые своими колючими шипами останавливаютъ всякую погоню.

Здѣшніе жители, за исключеніемъ упомянутаго литератора, не причиняютъ вреда птицамъ, даже очень вкуснымъ; напротивъ, очень ихъ любятъ и считаютъ полезными, такъ какъ птицы уничтожаютъ насѣкомыхъ, которыхъ здѣсь множество. Что же касается литератора, то и онъ рѣдко бываетъ виновникомъ какого-нибудь несчастья, но зато нагоняетъ не мало страху, тѣмъ болѣе, что не знаешь, съ которой стороны его ждать: бродитъ весь день по полямъ, виноградникамъ, кустарникамъ,— словомъ, выростаетъ тамъ, гдѣ его вовсе уже не ждали.

Вокругъ Анагейма, черезъ всю долину, вплоть до степного пояса, простираются необработанныя, никѣмъ не занятыя, поросшія только кактусами поля. Кактусы эти образуютъ огромные мысы, острова и цѣлые лѣса. Они доходятъ до десяти и болѣе футовъ вышины, потому что одинъ листъ выростаетъ изъ другого до тѣхъ поръ, пока растеніе не согнется подъ собственною тяжестью. Лѣтомъ все это покрывается чудными пурпурными цвѣтами, а осенью—синеватыми плодами, покрытыми жгучими, какъ крапива, мелкими шипами, вкусомъ и формой напоминающими фиги. Въ этихъ кактусовыхъ лѣсахъ живутъ цѣлыя тысячи зайцевъ, земляныхъ бѣлокъ, полевыхъ мышей и барсуковъ. Вся земля изрыта ямками, въ которыя ежеминутно попадаетъ нога путешественника.

Всѣхъ этихъ животныхъ здѣсь безчисленное множество, но больше всего зайцевъ. Никто и ничто не ограничиваетъ здѣсь свободу истребленія этихъ длинноухихъ, такъ какъ вредъ, наносимый ими полямъ, громаденъ. Они уничтожаютъ плантаціи всякаго хлѣба и кукурузы, портятъ деревья, обгрызая кору, опустошаютъ виноградники, поѣдая листья молодыхъ кустовъ,—словомъ, являются карою Божьею, которая, несмотря на всѣ мѣропріятія, сильно даетъ себя чувствовать.

Вотъ почему въ Анагеймѣ, Санта-Анна Орандже и другихъ селеніяхъ вы каждый вечеръ услышите безпрестанную канонаду. Всѣ мужчины, всѣ мальчики, начиная съ четырнадцати лѣтъ, ходятъ каждый день на зайцевъ и убиваютъ ихъ безъ счета. Въ Санта-Анна, во время моего пребыванія, была устроена на нихъ облава, и въ теченіе шести часовъ ихъ было убито болѣе семисотъ; но несмотря на это, когда я на слѣдующій день пошелъ на охоту, то не замѣтилъ, чтобы число ихъ уменьшилось. Если войти подъ вечеръ въ чащу кактусовъ, всюду можно увидѣть торчащія уши, вытаращенные глаза и грозно двигающіеся усы. Случается, что выстрѣлишь по одному, вдругъ изъ-подъ кустовъ выскакиваетъ ихъ сразу нѣсколько, тогда ужъ стрѣляй, сколько душѣ угодно, тѣмъ болѣе, что послѣ пяти, шести прыжковъ они не бѣгутъ дальше, но, сѣвъ на заднія лапки, поводятъ ушами и оглядываются вокругъ. Не нужно добавлять, что стрѣляющій по-латыни охотникъ открываетъ тогда отъ удивленія ротъ и самъ не знаетъ, что ему дѣлать.

Другой здѣшній бичъ—это земляныя бѣлки и такъ называемые гофры. Кромѣ того, что, роя землю, они затрудняютъ ея обработку, они опустошаютъ и хлѣбъ на поляхъ. Разъ я задалъ себѣ трудъ раскопать яму гофра, которая оказалась въ нѣсколько аршинъ глубины. Какіе тамъ коридоры, кладовыя, погреба! Откопавъ только нѣкоторые, я нашелъ нѣсколько фунтовъ различнаго хлѣба и кореньевъ, причемъ не достигъ еще ни нижнихъ этажей, ни конца подземелья. Казалось бы, что родъ этихъ опустошителей долженъ погибнуть. Люди ихъ уничтожаютъ безъ милосердія; барсуки и шакалы питаются ими; на нихъ охотятся орлы и ястреба; пожираютъ ихъ змѣи,—и, несмотря на это, повсюду ихъ масса.

Во время прогулокъ, на разстояніи нѣсколькихъ англійскихъ миль отъ Анагейма, мнѣ часто, въ особенности съ наступленіемъ ночи, попадались шакалы. Они очень похожи на нашихъ волковъ, только значительно меньше. На людей не нападаютъ никогда; притомъ они очень трусливы, такъ что днемъ совсѣмъ не показываются. Иногда они подходятъ къ человѣческимъ жилищамъ, подстерегая овецъ, гусей, куръ и т. п. Если имъ удастся поймать овцу, то у нихъ это большой пиръ, но одинъ шакалъ при помощи другихъ не въ состояніи одолѣть овцу.

Коза для нихъ слишкомъ храбра. Потрясая грозно бородою и опустивъ голову, она смѣло бросается хотя бы на четырехъ шакаловъ, которые тотчасъ же отступаютъ. Въ болѣе заселенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ меньше зайцевъ, шакалы исключительно занимаются воровствомъ. Они крадутъ все, что попадается, и ѣдятъ рѣшительно все. Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, старый траперъ, живущій болѣе тридцати лѣтъ въ Калифорніи, разсказывалъ мнѣ, что разъ ночью въ горахъ Сіера-

Невады они вытащили у него изъ подъ головы мѣшокъ съ сухарями, вслѣдствіе чего въ цѣломъ обозѣ поднялась тревога, такъ какъ думали, что это индѣйцы забрались къ нимъ ночью въ палатки.

Подстрѣленный или пойманный шакалъ обнаруживаетъ такія чувствительныя доказательства своей трусости, что къ нему подойти невозможно; въ случаѣ же нападенія собаки, защищается такъ отчаянно, что только борзая можетъ съ нимъ справиться. Приручать ихъ никто не пробовалъ, можетъ быть, по причинѣ распространяемаго ими отвратительнаго запаха, а можетъ быть, и потому, что ихъ невозможно приручить.

Зато барсукъ приручается очень легко. Я говорю это по опыту, потому что у меня есть одинъ, который ни привязанностью, ни понятливостью не отличается отъ собаки. Однажды вечеромъ, проходя зарослями, я замѣтилъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ норы и заступилъ ему дорогу. Это забавное пузатое существо не знало, что дѣлать: бѣжать по причинѣ чрезвычайно короткихъ ногъ онъ не можетъ, по близости же не было другой ямы, а земля лѣтомъ слишкомъ высыхаетъ, чтобы ее можно было сейчасъ разрыть и спрятаться. И вотъ съ помощью снурка и снятаго сюртука удалось мнѣ, послѣ продолжительной и храброй борьбы съ его стороны, поймать бѣднягу и затащить домой. Это былъ молодой годовалый самецъ, покрытый красивой, сѣрой шерстью съ бѣлой лысиною на лбу и черной мордочкой. Дня два онъ лежалъ, свернувшись въ клубокъ, и грозно ворчалъ при моемъ приближеніи, однако, ѣлъ все, что попало, когда на него никто не смотрѣлъ. Ночью онъ поднималъ страшный шумъ, бѣгая по комнатѣ и стуча громадными когтями, точно каблуками. Черезъ нѣсколько дней онъ сталъ уже болѣе ручнымъ, а черезъ недѣлю, когда я подошелъ къ нему, вдругъ перевернулся на спину, замахалъ ногами и вообще сталъ проявлять всѣ признаки радости. Я началъ съ нимъ играть и далъ ему руку, которую онъ слегка кусалъ точь-въ-точь, какъ щенокъ.

Это очень умное и ласковое животное и хотя не выноситъ воды, но очень опрятное. Къ порядку пріучается такъ же легко, какъ собака. Спитъ, свернувшись въ клубокъ, и такъ крѣпко, что его можно таскать по комнатѣ. Если онъ проснется, то обычною переваливающейся походкою бѣжитъ тотчасъ же въ уголъ и снова засыпаетъ. Благодаря своей толщинѣ и лѣнивой походкѣ, онъ очень неуклюжъ и смѣшонъ. Это настоящій разгильдяй. Когда замѣтитъ чужую собаку, тотчасъ залѣзаетъ подъ первую попавшуюся мебель, и горе собакѣ, если она вздумаетъ заглянуть въ его убѣжище: непремѣнно выскочитъ оттуда искалѣченная и оцарапанная. Говорятъ, что въ дикомъ состояніи, если вдали отъ норы попадутъ собаки, онъ переворачивается на спину, чтобы имѣть всѣ четыре лапы свободными для обороны. Я этого, впрочемъ, не видѣлъ.

Барсукъ обладаетъ еще одной особенностью, чрезвычайно цѣнною въ этихъ странахъ: онъ совсѣмъ не боится укушенія змѣй, даже самыхъ ядовитыхъ. Собака, укушенная гремучей змѣей, черезъ четверть часа умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ, а барсукъ при первой возможности съѣдаетъ ее съ аппетитомъ, не заботясь объ укушеніи.

Впрочемъ, я убѣдился на мѣстѣ, что разсказы о ядовитости гремучихъ змѣй слишкомъ преувеличены. Мнѣ кажется, что восточно-индѣй-

ская очковая змѣя гораздо ядовитѣе. Прежде всего, гремучая змѣя, увидѣвъ человѣка, поспѣшно уползаетъ, а во-вторыхъ, о приближеніи ея всегда можно узнать издали,—поэтому легко скрытѣся. Лучшее средство противъ яда этой змѣи—нашатырный спиртъ; рана, тотчасъ же вымытая и натертая нашатырнымъ спиртомъ, скоро заживаетъ. Американцы, однако, употребляютъ другое средство, заключающееся въ томъ, что укушенный выпиваетъ столько водки, сколько въ него можетъ вмѣститься. Говорятъ, что это самое раціональное средство... чтобы, вылечившись отъ укушенія, заболѣть воспаленіемъ кишекъ. Однако, всѣ укушенные, которыхъ я зналъ, лечились водкой и живутъ до сихъ поръ.

Кромѣ того, гремучихъ змѣй становится все меньше. Всякая, попавшаяся на глаза человѣку змѣя тотчасъ же погибаетъ. Лучшимъ оружіемъ противъ нихъ служитъ кнутъ, такъ какъ змѣя, ударенная гибкимъ предметомъ, распадается на куски. Кромѣ людей, уничтожаютъ ихъ также барсуки и другія животныя. Охотясь между кактусами въ Анагеймѣ, мнѣ часто случалось видѣть птицъ, величиною съ цыпленка, *серебристо-голубого цвѣта, которыя при моемъ приближеніи быстро убѣгали.* Мои зоологическія познанія привели меня къ заключенію, что это были *серебристые фазаны, но американцы говорятъ, что мясо ихъ невкусно.* а вмѣсто этого приписываютъ имъ другое достоинство. Говорятъ, что эта птица, увидѣвши уснувшую змѣю, отламываетъ колючіе листья кактуса, окружаетъ ее непроницаемымъ кругомъ, среди котораго змѣя, не имѣя возможности выбраться наружу, издыхаетъ съ голоду. Я самъ этого никогда не видѣлъ и считаю басней, выдуманной развѣ самыми птицами, чтобы избавиться отъ смерти. Дѣйствительно, американцы никогда не убиваютъ ихъ и очень разсердились на меня, когда я одну подстрѣлилъ.

Крикомъ своимъ они напоминаютъ нашихъ павлиновъ и кричатъ цѣлый день въ зарослях и между кактусами, питаются же вовсе не змѣями, но плодами кактусовъ.

Но въ благословенной Анагеймской долинѣ нѣтъ болѣе гремучихъ змѣй; изъ земноводныхъ здѣсь водятся красивые экземпляры, принадлежащіе къ семейству саламандръ, но они никому вреда не причиняютъ. Здѣсь нѣтъ также ни медвѣдей, ни пумъ, ни ягуаровъ, ни даже москитовъ, этого бича южныхъ странъ. Здѣсь есть только пальмы, миндальныя и померанцовыя деревья, яркія птицы и воздушные цвѣты, бабочки и вѣчная весна, безоблачные дни и лунныя ночи, во время которыхъ пересмѣшникъ поетъ, какъ соловей, покачиваясь на вѣтвяхъ тамаринда.

Самыми опасными существами для молодыхъ охотниковъ являются развѣ испанскія сиьоріты, *которыя на темномъ фонѣ пальмъ кажутся какими-то неземными созданіями.* Но отъ этой опасности никто не бѣжитъ, *напротивъ, каждый стремится къ ней, какъ бабочка къ огню.* Вы легко поймете, какъ мнѣ тамъ было хорошо. Въ угоду людямъ положительнымъ *я прибавлю, что абрикосы тамъ доходятъ до размѣровъ* крупнаго яблока, а виноградъ,—какъ въ землѣ Ханаанской; если кто хочетъ купить менѣе ста фунтовъ, то ему предлагаютъ пойти въ виноградникъ и поѣсть даромъ, сколько ему угодно. Да какъ тутъ и продавать, когда во время сбора винограда можно купить сто фунтовъ за двадцать пять

центовъ! Вообще, жизнь дешева, такъ что можно состариться, какъ сказалъ кто-то о южной Франціи, но умереть—никогда.

Однако, наскучила мнѣ эта идиллія, наскучили синьориты, наскучилъ недостатокъ тѣней на картинѣ, и въ одинъ прекрасный день я забралъ свою собаку, барсука и молодого орла съ подстрѣленнымъ крыломъ, словомъ, весь свой звѣринецъ, и отправился въ Анагеймъ-Лэндингъ, къ берегамъ Тихаго океана.

Анагеймъ и Анагеймъ-Лэндингъ—это, какъ небо и земля. Только пятнадцать миль отдѣляютъ эти два мѣста, но когда я пріѣхалъ въ Лэндингъ, мнѣ казалось, что я очутился въ странѣ, на воротахъ которой Данте прочелъ: «Lasciate ogni speranza». Почва очаровательной Анагеймской долины по мѣрѣ приближенія къ морю понижается, растительность постепенно исчезаетъ. Мѣстами просвѣчиваютъ то желтые пески, то соляныя болота, надъ которыми носятся рои москитовъ: кое-гдѣ виднѣются преріи, на которыхъ лѣтомъ нѣтъ и слѣдовъ травы. Вокругъ не видно ни дерева, ни куста, а видъ этой пустыни тѣмъ болѣе заставляетъ сжиматься сердце, что въ раскаленномъ воздухѣ фата-моргана постоянно обманываетъ зрѣніе чудными картинами, которыя при приближеніи исчезаютъ, какъ сновидѣніе.

Когда я подъѣзжалъ къ Лэндингу, мнѣ казалось, что я вижу Неаполь: большой, раскаленный городъ растянулся полукругомъ надъ сапфировой гладью залива; мраморные дворцы, церковныя башни, группы пальмъ,—въ заливѣ мачты и разноцвѣтные флаги, и все это покрыто прозрачной голубой дымкою, какъ мечтою. Но когда я пріѣхалъ на мѣсто видѣнія, то увидѣлъ только песчаныя отмели. Такія прелестныя картины постоянно обманываютъ зрѣніе путешественника. Это—игра раскаленнаго воздуха и солнечныхъ лучей, падающихъ на бѣлую, покрытую солью землю. Въ дѣйствительности, все побережье представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ пустынь, какія мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Вы спросите, почему я поѣхалъ въ Лэндингъ?—Потому, что въ Лэндингѣ морскія купанья.

Не думайте, однако, чтобы это было нѣчто въ родѣ, напр., Остенде, съ его великолѣпными отелями, курзаломъ и казино, съ оркестромъ Сенжеле, съ устричнымъ паркомъ, съ семнадцатью тысячами иностранцевъ, красивыми женщинами, нарядами, модой, роскошью и шумной, позолоченной жизнью,—вовсе нѣтъ.

Анагеймъ-Лендингъ—это рыбачье селеніе, состоящее изъ шести избъ и одного бара, то-есть корчмы, вотъ и все.

Я поселился у собственника этой корчмы, м-ра Неблунга, а спалъ съ нимъ вмѣстѣ, въ смежной съ шинкомъ комнатѣ. Тамъ по цѣлымъ днямъ рыбаки играли въ карты, и въ то время, когда я писалъ, до моихъ ушей доносились гнѣвные возгласы: «Goddam you! goddam!» и кромѣ этого «Goddam», обозначающаго дурное расположеніе духа игрока, я ничего болѣе не слышалъ. На другой день оказалось, что въ Лендингѣ и ѣсть почти нечего. Утромъ мы пили черный кофе, потому что не было молока, и ѣли рыбу, за обѣдомъ—рыбу и за ужиномъ—рыбу. Конечно, тюрбо, камбала и т. п. очень изысканныя блюда, но если ихъ ѣсть по три раза въ день, въ теченіе двухъ недѣль, то до того пресы-

тишься этими деликатесами, что съ удовольствіемъ съѣлъ бы кусокъ мяса. Кромѣ того, мнѣ недоставало общества, потому что хотя каждый изъ рыбаковъ и именовалъ себя капитаномъ, но всѣ они были невѣжественнѣе всѣхъ людей, какихъ я только встрѣчалъ въ Америкѣ. Хорошъ капитанъ, который татуируетъ себѣ, по обычаю американскихъ матросовъ, грудь и руку. Единственный нетатуированный человѣкъ въ Лэндингѣ былъ мой хозяинъ. Максъ Неблунгъ—личность въ высшей степени интересная и [illegible] описанія. Это—нѣмецъ, всю жизнь путешествующій по бѣлому свѣту. Онъ довольно образованъ, большой франтъ и говоритъ смѣсью всѣхъ европейскихъ языковъ. Нѣтъ угла на свѣтѣ, гдѣ бы онъ не былъ. Въ Пекинѣ онъ прожилъ четыре года и увѣряетъ, что служилъ при посольствѣ; мнѣ, впрочемъ, кажется, что онъ былъ тамъ въ качествѣ повара, такъ какъ прекрасно знаетъ кулинарное искусство. Потомъ былъ въ Австраліи, гдѣ добывалъ золото. Въ Бразиліи охотился на ягуаровъ, въ [illegible] и Африкѣ—на гориллъ;—вретъ, точно получаетъ за это [illegible] плату. Это олицетвореніе лѣни; по цѣлымъ днямъ лежитъ и читаетъ [illegible], а въ это время рыбаки пьютъ, сколько хотятъ, и платятъ тоже, сколько хотятъ. Его познанія изъ области исторіи и литературы [illegible]. Однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Сэръ, мое имя Неблунгъ, слѣдовательно, я происхожу отъ Нибелунговъ.

Въ другой разъ онъ обнаружилъ свое знакомство съ Иліадой. Онъ декламируетъ на [illegible] выдержки изъ Гете и Шиллера, между тѣмъ какъ иногда не знаетъ самыхъ простыхъ вещей. Онъ вовсе не матеріалистъ, напротивъ, очень легкомысленъ и вѣчно влюбленъ. Въ первый же день онъ сознался, что его сердце раздѣлено на двое, между двумя сестрами, испанками—донной Америкой и донной Соль (солнце). Сестры эти черезъ недѣлю пріѣхали купаться въ Лэндингъ, вслѣдствіе чего Максъ окончательно потерялъ голову; истратилъ всѣ деньги на помаду и галстухи, а потомъ [illegible] въ долгъ пиво въ Анагеймѣ.

Такихъ людей [illegible] встрѣтить только въ Америкѣ. Максъ, какъ Лауфенъ въ комедіи Любовскаго, не можетъ составить фразу на одномъ языкѣ, но всегда смѣшиваетъ нѣмецкія, французскія, англійскія, испанскія, а иногда и [illegible] слова. Въ Анагеймѣ его всѣ любятъ, охотно ему даютъ въ долгъ, [illegible] онъ не особенно аккуратенъ, и приглашаютъ всюду, какъ только онъ гдѣ-нибудь покажется.

Мнѣ, однако, онъ надоѣдалъ своей болтливостью и часто мѣшалъ писать, задавая безпрестанно, какъ ребенокъ, различные вопросы. Когда я его просилъ сидѣть тихо, онъ вертѣлся, точно связанный. Тогда я бралъ ружье и выходилъ на берегъ.

Звѣря въ Лэндингѣ почти нѣтъ. По ночамъ только воютъ шакалы, но днемъ они прячутся; зато морскихъ птицъ — милліарды, но онѣ не годятся въ пищу, такъ какъ мясо ихъ пропитано запахомъ рыбы. Могу сказать, что мое общество, главнымъ образомъ, составляли пеликаны. Эти огромныя птицы не только не боятся людей, но любятъ ихъ и охотно къ нимъ идутъ. Это истинная любовь безъ взаимности, такъ какъ прибрежные [illegible], въ противоположность фермерамъ, истребляютъ ихъ, елико возможно: [illegible] убиваютъ веслами и т. д. Когда я въ пер-

вый же день пріѣзда вышелъ на берегъ, то увидѣлъ нѣсколькихъ пеликановъ, тяжело колышущихся на своихъ громадныхъ крыльяхъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ футовъ надъ моей головою. Я выстрѣлилъ. Одинъ изъ нихъ повернулся въ воздухѣ и тяжело упалъ на песокъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ умиралъ, но поднималъ еще голову, вооруженную большимъ клювомъ и мѣшкомъ, глядя на меня какъ будто съ укоромъ.

— Вѣдь, ты идешь въ Нирвану, милая птица,—сказалъ я ему,—и напрасно жалѣешь о жизни: всѣ мы тамъ будемъ.

Но несмотря на это философское замѣчаніе, мнѣ было не по себѣ, я чувствовалъ дарвинское угрызеніе совѣсти, убивъ этого ближняго. Съ этихъ поръ я пеликановъ оставилъ въ покоѣ и купилъ даже моимъ капитанамъ пива за обѣщаніе жить съ ними въ дружбѣ.

Иногда я садился въ маленькую лодку и плылъ до ближайшихъ песчаныхъ отмелей, лежащихъ въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Тамъ я садился на песокъ и вслушивался въ эту птичью жизнь, шумную, веселую, свободную. Тысячи чаекъ сидѣли на яйцахъ, или съ крикомъ носились надъ водою; пеликаны садились тутъ же, возлѣ меня, и, откинувъ голову на спину, философски посматривали вокругъ, точно занятые разрѣшеніемъ міровыхъ вопросовъ: большіе морскіе кулоны бродили по берегу, уходя отъ набѣгающей волны, и, казалось, опять ее догоняли, когда она скрывалась въ глубину; все это искало пищи, все стремилось къ тому, чтобы поѣсть, поддержать жизнь: ѣсть и ѣсть, вотъ единственная безсознательная забота этого міра. Когда присмотришься и прислушаешься ко всему этому, то кажется, что эта борьба за существованіе, это стараніе поддержать жизнь, эта удивительная энергія не имѣетъ индивидуальнаго характера, но что это проявленіе какого-то общаго закона, сознательнаго или безсознательнаго, но составляющаго суть всебытія.

И опять я впадалъ въ пантеизмъ, который тысячу лѣтъ тому назадъ снился человѣчеству надъ берегами Ганга, въ горахъ Ирана и надъ голубыми волнами Архипелага. Мнѣ казалось, что и этотъ птичій міръ, и мои желтые песчаные острова, и волны, плывущія съ шумомъ и плескомъ въ неизмѣримыя пространства, и вѣтеръ, качающій глупыя, толстыя растенія, растущія на соленой почвѣ,—все это имѣетъ одну большую душу, что это одинъ греческій зевсъ, которому угодно было надѣть на себя мантію, называемую у насъ міромъ явленій.

Я пробуждался отъ своихъ мечтаній только тогда, когда солнце уже скрывалось подъ водою, а на мрачномъ побережьи въ Лэндингѣ зажигали морской фонарь. Тогда я садился въ лодку, и тихое теченіе залива уносило меня къ берегу. Потомъ, поболтавъ съ Максомъ, я ложился спать, вѣрнѣе,—отдавалъ себя на съѣденіе москитамъ. Не разъ, проснувшись ночью, я думалъ: «можетъ быть, въ мудромъ распредѣленіи природы и москиты имѣютъ право на существованіе, но если бы я былъ ея творцомъ, то устроилъ бы такъ, чтобы они ѣли Макса, а не меня».

На разсвѣтѣ я шелъ купаться. Не думайте, чтобы здѣсь купанье было такъ же безопасно, какъ въ Балтійскомъ или Нѣмецкомъ морѣ. На всемъ калифорнійскомъ побережьи множество акулъ. Сколько разъ,

плавая съ рыбаками въ открытомъ морѣ, я видѣлъ остроконечный хвостъ и черную спину одного изъ этихъ чудовищъ, которыя любятъ играть вечеромъ на волнахъ, то появляясь на поверхности воды, то опять исчезая. Первый разъ я купался съ ножомъ въ рукѣ, но это была излишняя предосторожность, такъ какъ акулы никогда не приближаются къ берегу изъ боязни, чтобы волны не выбросили ихъ на песокъ. Для купающихся гораздо опаснѣе другія созданія, по-англійски называемыя «stengris». Это плоская, круглая рыба съ продолговатымъ хвостомъ, похожимъ на хвостъ поросенка, вооруженнымъ остріемъ на подобіе шпаги, съ зазубринами съ обѣихъ сторонъ. Рыба эта скрывается въ пескѣ недалеко отъ берега, и, когда купающійся наступитъ на нее ногою, она вонзаетъ ему зазубрины въ пятку или подошву. Такія раны долго не заживаютъ и такъ страшно болятъ, что прибрежные жители больше боятся укола этой рыбы, чѣмъ укушенія гремучей змѣи, и считаютъ ее ядовитѣе всѣхъ змѣй.

Но это не правда. Рыба эта неядовита, а раны, наносимыя ею, потому опасны, что какъ въ пяткѣ, такъ и въ подошвѣ, сходятся соединенія всѣхъ жилъ и нервовъ. Если бы не пята, то и Ахиллъ не умеръ бы во цвѣтѣ лѣтъ.

Впрочемъ, отъ нея не трудно избавиться, нужно побольше шумѣть, когда входишь въ воду. Что касается меня, то я видѣлъ ихъ нѣсколько, но ни одна меня не уколола. Я видѣлъ одну, пойманную рыбаками, которая вѣсила болѣе восьмидесяти фунтовъ. Одинъ шипъ или зазубрину длиною около двухъ вершковъ я спряталъ на память.

У песчаныхъ отмелей водится много страшныхъ полиповъ, называемыхъ въ зоологіи «cefaloped». Это студенистое чудовище съ клювомъ попугая и длинными щупальцами, съ помощью которыхъ оно схватываетъ и всасываетъ рыбъ, крабовъ, молодыхъ тюленей и даже, какъ говорятъ, и людей. Викторъ Гюго описалъ его въ своихъ «Труженикахъ моря». Но чаще всего на калифорнійскомъ побережьи встрѣчается морской левъ, животное дѣйствительно красивое и вполнѣ заслуживающее такого названія. Въ Санъ-Франциско есть домъ, стоящій тутъ же надъ заливомъ, въ сѣверной части города, называемый Clife-House, вблизи котораго изъ моря выступаетъ нѣсколько гранитныхъ скалъ. На этихъ-то скалахъ можно всегда видѣть цѣлыя сотни гигантскихъ морскихъ львовъ, грѣющихся на солнцѣ. На галлереяхъ этого дома, спеціально съ этой цѣлью устроенныхъ, можно всегда встрѣтить множество путешественниковъ, разсматривающихъ въ бинокли этихъ чудовищъ, унылый ревъ которыхъ разносится далеко въ воздухѣ. Старые самцы, съ помощью плавниковъ, быстро взбираются на скалы, часто борются между собою, сталкивая другъ друга съ болѣе всего нагрѣтаго солнцемъ мѣста; то вдругъ бросаются въ воду, которая разсыпается тысячами брызгъ подъ тяжестью ихъ гигантскихъ тѣлъ. Самки темнаго цвѣта и вдвое меньше самцовъ; онѣ не рычатъ, но лаютъ, какъ собаки; рычанія самцовъ не постыдился бы и африканскій левъ.

Несмотря на грозный видъ, несмотря на пасть, вооруженную страшными клыками, это—въ высшей степени ласковое животное; оно никогда не нападаетъ на людей и защищается только въ крайнихъ случаяхъ.

Онъ очень понятливъ и быстро приручается, доказательствомъ чего служитъ морской левъ, находящійся въ Удуордсъ-Гарденъ въ Санъ-Франциско, который на голосъ своего сторожа выплываетъ изъ воды, взбирается на скалу и на лету схватываетъ бросаемую ему рыбу. Въ Clifehouse стрѣлять во львовъ запрещено, но и въ другихъ мѣстахъ люди не причиняютъ имъ никакого вреда, такъ какъ ни мясо ихъ, ни шкура почти никуда не годятся. Акулы бросаются только на молодыхъ и на самокъ, потому что старый самецъ разорвалъ бы ее своими клыками на куски.

Въ Лэндингѣ я видѣлъ ихъ нѣсколько, но стрѣлять не могъ за неимѣніемъ пуль и винтовки, а изъ гладкоствольнаго ружья дробью или картечью кожу пробить нельзя. Наконецъ, даже имѣя оружіе, я не сталъ бы злоупотреблять довѣріемъ, съ какимъ они относятся къ людямъ, ни нарушать ихъ покоя. Я предпочиталъ ходить по берегу и собирать раковины или прелестныя морскія звѣзды, которыхъ каждый отливъ оставляетъ тысячи на пескѣ.

Иногда я по цѣлымъ часамъ присматривался къ морскимъ растеніямъ, также выбрасываемымъ волнами. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ такую странную форму, что невозможно описать.

Я часто, напримѣръ, находилъ растеніе, имѣющее форму бомбы, съ противоположныхъ концовъ которой выходятъ два плеча, похожія на каучуковые рукава. Одно изъ нихъ короче и толще, раздѣляется на два отростка; другое, длиною въ нѣсколько футовъ, постепенно суживается и оканчивается тонкими усами, обнимающими всегда камень. Одинъ экземпляръ этого любопытнаго растенія я спряталъ, но онъ на солнцѣ почернѣлъ и измѣнился до неузнаваемости.

Любилъ я также присматриваться во время лова къ морскимъ рыбамъ. Не разъ казалось мнѣ, что кто-то изощрялъ свою фантазію, чтобы придать имъ болѣе оригинальную форму. У нѣкоторыхъ изъ нихъ оба глаза съ одной стороны; у другихъ ротъ—помѣщается почти посрединѣ туловища; иныя имѣютъ видъ шара, покрытаго иглами. Матросы, пріѣзжавшіе съ юга, показывали мнѣ засушенныхъ маленькихъ рыбокъ съ головою и спиною лошади. Онѣ и называются морскими коньками. Въ проливахъ между песчаными отмелями и при устьяхъ рѣкъ живетъ странное существо, называемое Бернаръ-пустынникъ *). Это—ракъ, весь покрытый скорлупою, за исключеніемъ хвоста, обнаженнаго и мягкаго и вслѣдствіе этого подверженнаго всѣмъ случайностямъ и превратностямъ судьбы. Но мудрый Бернаръ умѣетъ себѣ помочь. Найдя раковину, онъ выѣдаетъ улитку, а въ пустую скорлупу прячетъ свое слабое мѣсто, то-есть хвостъ, который съ этой минуты совершенно обезпеченъ. Бернаръ никогда не разстается со своей скорлупою и тащитъ ее всюду за собою, хотя онъ вообще мало движется, надѣясь, что волны сами принесутъ ему все нужное для поддержанія жизни

Имѣя много свободнаго времени, я по цѣлымъ днямъ пополнялъ свои зоологическія и ботаническія коллекціи. У меня ихъ цѣлый сундукъ, жаль только, что мои слабыя познанія въ естественныхъ наукахъ

*) Ихъ много водится въ Ламаншѣ.

не даютъ мнѣ возможности разобрать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ и обозначить соотвѣтствующими названіями. Но, что же дѣлать, если я не знаю. Другой на моемъ мѣстѣ собралъ бы здѣсь цѣлыя сокровища.

Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ Лэндингъ, прибыли, наконецъ, горячо ожидаемыя Максомъ синьорита Америка и синьорита Солнце. Максъ нанялъ для нихъ рыбачій домикъ, самъ же напомадился такъ, что я не въ состояніи былъ съ нимъ сидѣть въ одной комнатѣ. Онъ увѣрялъ, что болѣе красивыхъ женщинъ нѣтъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, рѣдко случается видѣть такія правильныя черты лица, но также рѣдко приходится видѣть и такія вѣтошки. Максъ ручался честнымъ словомъ, что съ наступленіемъ дождливой погоды это сойдетъ, но мнѣ некогда было ея ждать. Я началъ съ тоскою поглядывать на далекія синія горы, рисующіяся на востокѣ и замыкающія со всѣхъ сторонъ Анагеимскую долину, Санта-Лючія, Санъ-Бернардино, Санъ-Ячинто —самыя эти названія имѣли для меня какую-то притягательную силу; я рѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отправиться туда. Иногда поздними вечеромъ на этихъ горахъ видѣлось точно зарево пожара.

— Что это такое?—спрашивалъ я Макса—восходъ луны?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ на нѣмецко-французско-англійско-испанскомъ нарѣчіи,—*это, вѣроятно, индѣйцы зажгли лѣса.*

— Значитъ, тамъ есть индѣйцы?

— О да, полудикіе индѣйцы, кромѣ того—горные львы, медвѣди, олени и еще Богъ знаетъ кто.

Тогда я загнулъ уголъ страницы въ книгѣ моихъ намѣреній, гдѣ было написано слово «поѣду».

Съ тѣхъ поръ Анагеймъ-Лэндингъ сталъ надоѣдать мнѣ все болѣе и болѣе, но я убивалъ время за письмомъ и обдумываніемъ плана новыхъ литературныхъ произведеній. Тогда-то предстало предо мною въ неясныхъ очертаніяхъ и то произведеніе *), которое я вамъ уже послалъ и которое со временемъ быть-можетъ пробудитъ въ обществѣ хотя слабое эхо. По вечерамъ я писалъ продолженіе: «Изъ жизни и природы», «Ганю и Селима», но это какъ-то не клеилось. То первое произведеніе поглотило меня до того, что, рисуя Селима, я думалъ о другомъ. Не подумайте, чтобы я лѣнился. Доказательствомъ моего прилежанія могутъ служить письма, да и съ Селимомъ я надѣюсь скоро покончить.

Не мало также времени уходитъ на изученіе языковъ. По англійски я уже говорю недурно. Въ Лэндингѣ я усердно занимался испанскимъ языкомъ. Въ южной Калифорніи безъ испанскаго языка нельзя шагу ступить; впрочемъ, къ этимъ занятіямъ мнѣ больше всего побудило знакомство съ различными синьоритами, съ которыми меня хотѣлось разговаривать на ихъ родномъ языкѣ. Синьорита Америка и синьорита Солнце помогали мнѣ, къ большому безпокойству Макса, очень усердно, и, благодаря имъ, я дѣлалъ необыкновенные успѣхи; кромѣ того, Орэнъ прислалъ мнѣ изъ Санъ-Франциско превосходныя книги и французско-испанскій словарь, слѣдовательно, недостатка не было ни въ чемъ.

Не было также недостатка и въ желаніи, такъ какъ я полюбилъ

*) Эскизы углемъ.

этотъ прекраснѣйшій въ мірѣ языкъ, каждое слово котораго звучитъ, какъ серебро, эту благородную пѣвучую рѣчь, которая такъ же льнетъ къ памяти, какъ магнитъ къ желѣзу. Кто прошелъ всѣ трудности англійскаго языка, выучился вертѣть языкомъ, какъ веретеномъ, произносить звуки, лишенные всякой выразительности, тому при изученіи испанскаго языка покажется, что онъ изъ терніевъ перешелъ въ прелестный цвѣтущій садъ. Я не знаю языка съ болѣе легкимъ произношеніемъ, чѣмъ испанскій. Помню, что когда я первый разъ раскрылъ книгу и напалъ на фразу: «Examina, o mortal, tu corazon, ahi veras los motivos de tus aciones!» что по-французски будетъ: «Examine, o mortel, ton coeur, tu y verras les motifs de tes actions!» я радостно воскликнулъ: «Да вѣдь, я знаю испанскій языкъ почти такъ же, какъ у Мольера: «Я вѣдь умѣю писать прозой!» Дѣйствительно, кто знаетъ латинскій и французскій языки, для того изученіе рѣчи Сервантеса составляетъ вопросъ не годовъ и мѣсяцевъ, а недѣль.

Но въ данномъ случаѣ необходима помощь какой-нибудь донны Америки или донны Солнце. Обращаю вниманіе педагоговъ на этотъ новый способъ преподаванія языковъ, прибавивъ въ скобкахъ, что чѣмъ меньше у такой синьориты будетъ веснушекъ, тѣмъ больше будутъ успѣхи ученика.

Кромѣ изученія испанскаго языка, я занимался еще чтеніемъ серьезныхъ англійскихъ сочиненій; попалось мнѣ, напримѣръ, изложеніе идей Лассаля, изъ котораго я многому научился. Отъ времени до времени Оренъ мнѣ присылалъ наши газеты и «Иллюстрированный Еженедѣльникъ». Это былъ для меня настоящій праздникъ, но я читалъ слишкомъ жадно, а потому и удовольствіе было очень кратковременно. Какъ старый боевой конь при звукѣ трубы раздуваетъ ноздри, встряхиваетъ гривой и сверкаетъ глазами, такъ и я, зачитываясь то полемикой, то различными литературными вопросами, всей душою рвался въ Варшаву, въ среду литераторовъ, къ этой борьбѣ воззрѣній и мыслей,—словомъ, ко всему этому міру, немного горячечному, но живому, дѣятельному, подвижному, въ которомъ зиждется духовная жизнь всего человѣчества. Бывали минуты, когда мнѣ казалось, что общество мнѣ надоѣло, когда я чувствовалъ себя утомленнымъ, но теперь старая привычка заговорила во мнѣ съ новой силою.

Не разъ хотѣлось мнѣ подать голосъ по тому или другому вопросу, опустить свою лепту вдовицы въ ту или другую сокровищницу, скрестить шпаги съ тѣмъ или другимъ противникомъ, высѣчь огонь на рогахъ какого-нибудь pauvre diable boiteux, пошевелить желчь тому или другому, шепнуть на ухо какому-нибудь спящему комитету: «Проснись и убирайся, убирайся къ чорту!» Я иногда скучаю даже по своей печальной роли фельетониста, которую я игралъ, насколько хватало умѣнья, въ продолженіе двухъ лѣтъ, и которая меня такъ утомила, что я пріѣхалъ отдыхать сюда, среди ягуаровъ, гремучихъ змѣй и медвѣдей.

Но когда я подумаю, что прежде, чѣмъ мой голосъ дойдетъ до васъ, вопросы эти устарѣютъ, какъ дѣвы, напрасно ожидающія мужей, и люди о нихъ забудутъ,—перо падаетъ изъ моихъ рукъ.

Изъ газетъ и «Еженедѣльника» я вижу, что издательство у насъ

прогрессируетъ. Не знаю, потому-ли, что голодному и черный хлѣбъ кажется вкуснымъ, но всѣ статьи показались мнѣ очень жизненными и всесторонними, а наши газеты гораздо выше американскихъ, которыя въ литературномъ отношеніи заставляютъ многаго желать. У насъ пресса не порвала еще нити съ литературой и искусствомъ,—здѣсь же она не что иное, какъ ремесло и «business», которые такъ же далеки отъ искусства, какъ Санъ-Франциско отъ Варшавы.

Какое прелестное стихотвореніе помѣщено въ № 29 «Еженедѣльника» подъ заглавіемъ: «Въ горахъ». Я началъ его читать съ пренебреженіемъ, какъ и всѣ подобныя вещи, но кончилъ съ увлеченіемъ.

Окружаютъ меня лишь равнины сонныя
Длинной вереницей,—
Я уже стремлюсь мыслью въ края отдаленные,
Умѣю быть птицей.

Все это вступленіе само напрашивается на мотивъ одной изъ шопеновскихъ мазурокъ. Въ немъ слышится и стрекотаніе горныхъ кузнечиковъ, и звуки пастушьихъ рожковъ и горное эхо. Слѣдующія двѣ строфы одинаково хороши, но не имѣютъ связи ни съ первою, ни между собою. Подъ стихотвореніемъ была подпись «Марія Конопницкая». Я не знаю этой поэтессы, но признаю за нею несомнѣнный талантъ, который просвѣчиваетъ сквозь каждый стихъ, какъ лучъ солнца сквозь мглу. Припоминаю, что на моей совѣсти лежитъ вина по отношенію къ молодой музѣ Энемонта. Она, бѣдняжка, всегда хромала на одну ногу, а я немилосердно старался свихнуть ей другую. Но, несмотря на это, у меня легко на душѣ. Пусть эта вина падетъ на меня и на мое потомство до десятаго колѣна. Но мнѣ кажется, что совѣсть моя не была бы такъ спокойна, если-бы я подрѣзалъ крылья этому горному соловью; поэтому я хвалю его открыто, такъ какъ знаю, что ничто такъ не вредитъ посредственностямъ, какъ похвала, но ничто такъ не возбуждаетъ и не согрѣваетъ истиннаго таланта, какъ искреннее его признаніе.

Но довольно объ этомъ. Возвращаюсь къ своему путешествію.

Прошло еще нѣсколько дней. Каждый вечеръ на Санта-Лючіа виднѣлось зарево отъ пожара лѣсовъ; каждый день въ воздухѣ носился дымъ, придавая солнечнымъ лучамъ ржавый оттѣнокъ, а я съ горечью думалъ, что прежде, чѣмъ я туда поѣду, сгорятъ всѣ лѣса и останутся только обнаженныя верхушки да скалы

Но въ одно прекрасное утро разбудилъ меня какой-то шумъ. Было еще почти темно. Въ этомъ сѣромъ полумракѣ я увидѣлъ Макса, стоящаго на креслѣ съ веревкою въ рукѣ около большихъ гвоздей, вбитыхъ въ стѣну, на которыхъ висѣли мексиканскія сѣдла.

Я подумалъ, что Максъ, не будучи въ состояніи разрѣшить вопросъ, которую изъ синьоритъ больше любитъ, хочетъ повѣситься, поэтому вскочилъ съ кровати и съ испугомъ спросилъ, что онъ дѣлаетъ.

— Ѣду къ Гаррисонъ, сэръ, — отвѣчалъ онъ. — Вотъ ужъ скоро годъ, какъ я ему одолжилъ сто талеровъ; теперь ѣду ихъ получить.

— А гдѣ живетъ этотъ Гаррисонъ?—спросилъ я небрежно.

— О, далеко... въ горахъ.

— Въ горахъ?

Я вскочилъ на ноги. Давно ожидаемая минута, наконецъ, наступила. Максъ и безъ того бралъ пару лошадей, такъ какъ ему нужно было привезти клепокъ и нѣсколько бочепковъ меду, а въ сѣдлахъ недостатка нѣтъ. Слѣдовательно, все складывалось, какъ нельзя лучше.

Я зажегъ свѣчу и началъ укладываться.

Черезъ полчаса я былъ готовъ, а черезъ часъ колыхался уже на высокомъ мексиканскомъ сѣдлѣ. Около насъ бѣжали собаки: моя и Макса. Мы оба были хорошо вооружены: за поясомъ у насъ были револьверы, кромѣ того, къ лукѣ каждаго сѣдла было привязано свернутое лассо, самое страшное мексиканское оружіе, по которымъ я, къ несчастью, не умѣю владѣть. Мое гладкоствольное ружье мало бы помогло въ случаѣ какого-нибудь приключенія въ горахъ, но Максъ обѣщалъ мнѣ подыскать въ Анагеймѣ винтовку, а самъ вооружился кентукійскимъ райорлемъ, вѣсомъ около сорока фунтовъ, стрѣляющимъ на пятьсотъ шаговъ конической пулей.

Въ Анагеймъ мы пріѣхали очень рано, но, прогалопировавъ пятнадцать миль, я былъ такъ утомленъ, что не могъ безъ остановки проѣхать еще двадцать пять. У меня болѣла каждая кость. Максъ смѣялся надо мною, но согласился переночевать въ Анагеймѣ, тѣмъ болѣе, что у него здѣсь были дѣла.

Вечеромъ мы оба отправились на оригинальное зрѣлище, какое можно видѣть только въ Америкѣ. Въ Анагеймъ прибылъ актеръ, который за три доллара въ мѣсяцъ брался учить декламаціи и хорошимъ манерамъ. Сейчасъ же явилось нѣсколько человѣкъ желающихъ. Занятія происходили въ мѣстной школѣ при свѣчахъ. Мы попали на первую лекцію, вѣрнѣе, на вступительную рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Джентльмены! Америка славится своимъ краснорѣчіемъ, но увы! аристократическая Англія справедливо замѣчаетъ, что нашимъ ораторамъ не достаетъ той красивой жестикуляціи, тѣхъ пластическихъ движеній, которыя придаютъ рѣчи силу и такъ же необходимы, какъ тактъ въ музыкѣ. Во имя патріотизма, во имя настоятельной потребности, удовлетвореніе которой необходимо въ парламентарномъ городѣ, какъ и во всякомъ другомъ,—я хочу васъ научить тому, чего вы не знаете, хочу вашимъ словамъ придать силу грома, а вашимъ жестамъ величіе изваяній» и т. д.

Послѣ рѣчи, которая на самомъ дѣлѣ была гораздо длиннѣе, началось преподаваніе. Ораторъ прежде всего продекламировалъ нѣсколько патетическихъ отрывковъ изъ Шекспира, сказалъ нѣсколько изъ влеченій изъ рѣчей, кажется, Блэна, причемъ вскидывалъ головою, какъ дикій конь, закатывалъ глаза, размахивалъ руками и оралъ такъ, что въ ушахъ звенѣло. Слушатели были видимо восхищены и очарованы. Потомъ настала и ихъ очередь. Показавъ имъ нѣсколько позицій ногъ, какія приняты у насъ въ танцахъ, и нѣсколько движеній рукъ, ораторъ уставилъ ихъ возлѣ стѣны, приказалъ имъ смотрѣть на себя и проговорилъ:

— Теперь, джентльмены, прежде всего успокойтесь, а затѣмъ повторяйте мои слова и движенія.

Тутъ всѣ начали выгибаться назадъ, размахивая руками, встряхивать головою... Въ комнатѣ поднялся невообразимый шумъ. Глядя на маріонеточныя движенія этихъ людей, можно было принять ихъ за сумасшедшихъ, но это было американское преподаваніе прекрасныхъ манеръ. И кто этому учился,—какъ вамъ кажется? Кучеръ омнибуса изъ Плантерсъ-отеля, коридорный—оттуда же, нѣсколько старыхъ и молодыхъ ремесленниковъ, нѣсколько кабатчиковъ, словомъ, то общество, изъ котораго состоитъ все населеніе Анагейма. Имъ это можетъ пригодиться. Кто знаетъ: можетъ быть, теперешній кучеръ омнибуса современемъ будетъ президентомъ Штатовъ? Каждый здѣсь можетъ надѣяться стать президентомъ, какъ во Франціи каждый солдатъ можетъ надѣяться стать маршаломъ.

По окончаніи представленія мы съ Максомъ отправились спать, такъ какъ на разсвѣтѣ должны были ѣхать дальше. Къ счастью для моихъ костей, нашъ отъѣздъ протянулся до полудня. Дорога шла нѣсколько миль равниною, но мѣстность становилась все пустыннѣе; съ обѣихъ сторонъ возвышались только кактусы, доходящіе иногда до десяти футовъ. Черезъ каждые два часа намъ попадались одинокія фермы. Иногда мы встрѣчались съ отрядами полуцивилизованныхъ индѣйцевъ, направляющихся въ Анагеймъ на сборъ винограда, гдѣ имъ хорошо платили. Мы привѣтствовали ихъ короткимъ: «Гало!» и продолжали свой путь. Когда мы приблизились къ подножью горъ, наступила ночь, и золотистый мѣсяцъ озарялъ эту дикую лѣсистую мѣстность. Тутъ уже почти нѣтъ людей, а тишина царитъ такая, какъ въ первый день міросданія. Только большіе дубы, разбросанные живописными группами по склону горъ, шумѣли надъ нашими головами, да иногда захрапитъ конь или собака заворчитъ и бросится въ сторону отъ дороги. Тогда мы хватались за поводья и револьверы и ожидали, что будетъ дальше. Въ эту лунную ночь, въ этой тишинѣ и на лонѣ могучей природы я чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, точно у меня выросли крылья. Такое же очарованіе овладѣло и Максомъ. Онъ затянулъ какую-то пѣсню, но тотчасъ же оборвалъ ее и затихъ. Мы ѣхали въ молчаніи. Вскорѣ холмы смѣнились горами,—вокругъ насъ потянулись гигантскія скалы. Глыбы гранита, нагроможденныя другъ на друга, казались при лунномъ свѣтѣ какими то фантастическими замками и башнями. Вода многочисленныхъ источниковъ, спадая съ высоты, издавала металлическій звукъ.

Это можно назвать оркестромъ этихъ мѣстъ. Тутъ опять картина измѣняется. Широкія долины вдругъ суживаются въ ущелья, поросшія дубами. Здѣсь нужно ѣхать осторожно и держать ухо востро: въ такихъ мѣстахъ водятся когуары и большія дикія кошки, хрипящіе голоса которыхъ доносились до нашихъ ушей. Собаки предпочитали держаться поближе къ лошадямъ; но, не встрѣтивъ ни одного опаснаго существа, мы счастливо выбрались изъ ущелья на поляну, только кое-гдѣ поросшую дубами.

Около часу пополуночи мы, наконецъ, увидѣли бѣлѣющійся въ темнотѣ шалашъ дровосѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пасѣчника, у котораго должны были остановиться. Когда мы подъѣхали, собаки подняли такую тревогу, точно съ нихъ кто шкуру сдиралъ, а хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу съ револьверомъ за поясомъ.

— Гало!—крикнулъ изъ темноты мой товарищъ.
— А, это ты, Максъ?—отвѣтилъ хозяинъ.
— Да!—я, да еще другой джентльменъ
— Хорóшо, я сейчасъ зажгу огонь.

Съ этой минуты до сегодняшняго дня я живу въ этой горной пустынѣ, которая съ каждымъ днемъ меня все болѣе привлекаетъ и восхищаетъ. На семьдесятъ миль кругомъ, до Санъ-Діего, здѣсь нѣтъ ни живой души, но у меня не было недостатка ни въ приключеніяхъ, ни въ впечатлѣніяхъ, о которыхъ я разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

ПОСЛѢДУЕМЪ ЗА НИМЪ.

Переводъ М. Л. де-Вальдена.

ПОСЛѢДУЕМЪ ЗА НИМЪ.

I.

Кай Сентимъ Цинна принадлежалъ къ римскому патрицианскому роду. Молодые годы его протекли среди легіоновъ, въ походахъ и суровой лагерной жизни. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Римъ, чтобы, пользуясь доходами съ своего громаднаго, хотя уже нѣсколько расшатаннаго состоянія, наслаждаться разными удовольствіями высшаго свѣта и пріобрѣтенной на войнѣ славой. Цинна насладился всѣмъ, что могла доставить ему столица гигантской римской имперіи, насладился и пресытился. Ночи у него проходили на пирахъ въ роскошныхъ, великолѣпныхъ виллахъ, дни же протекали, въ состязаніяхъ у *ланистовъ*, въ оживленныхъ бесѣдахъ съ риторами въ *тепидаріяхъ*, гдѣ диспутировали на самыя разнообразныя темы и между прочимъ обмѣнивались городскими и великосвѣтскими сплетнями,—въ циркахъ, на скачкахъ или бояхъ гладіаторовъ—среди греческихъ лютнистовъ, среди оракійскихъ ворожей и чудныхъ танцовщицъ съ острововъ Архипелага. Цинна по материнской линіи приходился сродни извѣстному Лукуллу и отъ него унаслѣдовалъ склонность къ изысканнымъ яствамъ. За обѣдомъ у него подавались греческія вина, неаполитанскія устрицы и жирная понтійская саранча, душоная въ меду. Все, что можно было достать въ Римѣ, должно было быть у Цинны, начиная отъ рыбъ изъ Краснаго моря и кончая куропатками съ береговъ далекаго Борисоена. Онъ, однако, наслаждался не только, какъ воинъ, жадно вознаграждающій себя за годы лишеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ патрицій, обладающій разборчивымъ, утонченнымъ вкусомъ. У него явилась мимая, а можетъ быть, и искренняя страсть къ красивымъ художественнымъ произведеніямъ: къ статуямъ, выкапываемымъ изъ подъ развалинъ Кориноа, къ этрусскимъ или серикумскимъ вазамъ, эпилихніямъ изъ Аттики, римскимъ мозаикамъ, драгоцѣннымъ евфратскимъ тканямъ, арабскимъ благовоніямъ и ко всѣмъ тѣмъ рѣдкостямъ, которыя хотя въ сущности и не представляли особеннаго интереса, но тѣмъ не менѣе наполняли пустоту жизни патриціевъ. Обо всемъ этомъ Цинна умѣлъ разсуждать, какъ знатокъ и любитель, съ беззубыми старцами, которые передъ тѣмъ, какъ обѣдать, украшали свои лысины вѣнками изъ розъ, а послѣ пировъ жевали цвѣты геліотропа съ цѣлью сдѣлать свое дыханіе благовоннымъ. Цинна понималъ также красоты цицероновскихъ рѣчей, стихи знаменитыхъ поэтовъ того времени, Горація или Овидія. Воспитанный риторомъ аонияниномъ, онъ свободно владѣлъ греческимъ языкомъ, цитировалъ наизусть цѣлыя главы изъ «Иліады» Гомера, а во время пировъ иногда былъ неутомимъ въ пѣніи пѣсенъ Анекреона. Благодаря своему наставнику и другимъ извѣстнымъ риторамъ, Цинна познакомился съ философіей настолько, что понималъ разныя ея теоріи, зародившіяся въ Элладѣ и ея колоніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что всѣ онѣ или очень шатки или пережили свое время,

Онъ лично былъ знакомъ со многими стоиками, къ которыми относился недружелюбно, такъ какъ считалъ ихъ скорѣе политической, чѣмъ философской партіей, и кромѣ того смотрѣлъ на нихъ, какъ на ворчливыхъ чудаковъ, враждебно относящимся къ радостямъ жизни. Скептики часто бывали у него на обѣдахъ, на которыхъ за чашами, наполненными виномъ, разрушали цѣлыя философскія системы и провозглашали, что наслажденіе—ничтожество, истина—что-то недостижимое, и что цѣлью мудреца можетъ быть исключительно лишь мертвый покой.

Все это часто приходилось ему слышать, но все это не проникало въ глубину его души. У него не было никакихъ принциповъ, да ему и не хотѣлось ихъ имѣть. Въ его глазахъ Катонъ представлялъ соединеніе великаго характера съ великой глупостью. Жизнь, по мнѣнію Цинны, была подобно морю, на которомъ дуютъ вѣтры, куда хотятъ, и мудрость заключалась въ искусствѣ ставить паруса такимъ образомъ, чтобы эти вѣтры двигали его ладью впередъ. Кромѣ того, онъ придавалъ значеніе своимъ широкимъ плечамъ, здоровому желудку и красивой римской головѣ съ орлинымъ профилемъ и былъ увѣренъ, что со всѣмъ этимъ можно какъ-нибудь прожить жизнь.

Не принадлежа къ школѣ скептиковъ, Цинна тѣмъ не менѣе былъ скептикомъ въ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и эпикурейцемъ, хотя зналъ, что наслажденіе не есть счастье. Ему было неизвѣстно истинное ученіе Эпикура, вслѣдствіе чего онъ считалъ себя эпикурейцемъ. Вообще философія въ его глазахъ являлась состязаніемъ умовъ, напоминавшимъ состязаніе у ланистовъ, и такимъ же хорошимъ, какъ и то, когда разсужденія надоѣдали ему, онъ отправлялся въ циркъ смотрѣть на кровавыя зрѣлища.

Въ боговъ Цинна не вѣрилъ, равно какъ и въ добродѣтель, высшую-правду и счастье, и со всѣмъ тѣмъ вѣрилъ въ разныя предвѣщанія ворожей, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ предразсудковъ и, кромѣ того, сильно интересовался таинственными религіями Востока. Къ невольникамъ своимъ онъ относился хорошо, въ такія минуты, когда временная скука не доводила его до жестокости. По его мнѣнію, жизнь также есть великая амфора, которая тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ лучшимъ сортомъ вина она наполнена, а потому онъ старался наполнить свою амфору самымъ лучшимъ виномъ. Цинна никого не любилъ, но чувствовалъ слабость ко многому въ жизни и, между прочимъ, къ себѣ самому, къ своей собственной красотѣ.

Въ первые годы своей, полной наслажденіями жизни, онъ любилъ иногда удивлять Римъ разными фантазіями, что удавалось ему нѣсколько разъ, но впослѣдствіи и къ этому сталъ совершенно равнодушенъ.

II.

Спустя нѣкоторое время, Цинна разорился. Имѣнія его перешли къ кредиторамъ, а Циннѣ остались усталость, точно послѣ великихъ трудовъ, пресыщеніе и еще нѣчто для него совершенно неожиданное, а именно—какая-то странная, непонятная тревога. Ужъ, кажется, онъ то вполнѣ насладился богатствомъ, насладился любовью такъ, какъ понималъ это чувство тогдашній міръ, насладился воинской славой, опасностями, познавалъ предѣлы современной ему человѣческой мысли, познакомился съ поэзіей и искусствомъ, слѣдовательно, имѣлъ основаніе думать, что взялъ отъ жизни все, что она могла дать. А между тѣмъ теперь въ

душѣ его было такое чувство, точно онъ упустилъ что-то въ своей жизни и именно что-то самое важное. Цинна, однако, не зналъ, что это такое, и тщетно раздумывалъ надъ этимъ. Не разъ онъ пытался отогнать отъ себя эти мысли, стряхнуть съ себя эту тревогу, пытался увѣрить себя, что въ жизни ничего болѣе нѣтъ и быть не можетъ, но одновременно съ тѣмъ тревога его не только не уменьшалась, какъ этого можно было ожидать, но, напротивъ, тотчасъ возрастала до такой степени, что ему казалось, будто это чувство охватываетъ его не только за себя, но и за весь Римъ. Въ одно и то же время Цинна и завидовалъ скептикамъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на глупцовъ, такъ какъ они утверждали, что пустоту можно отлично наполнить ничѣмъ. Въ немъ теперь было какъ бы два человѣка, изъ которыхъ одинъ удивлялся этой тревогѣ, другой же невольно признавалъ ее вполнѣ основательной.

Въ скоромъ времени послѣ потери состоянія, Цинна, благодаря своимъ вліятельнымъ и могущественнымъ роднымъ, былъ назначенъ правителемъ Александріи, куда его послали отчасти съ тѣмъ, чтобы онъ въ этой богатой странѣ нажилъ новое состояніе. Тревога послѣдовала за нимъ на корабль въ Бриндизіумѣ и неотступно сопровождала его къ мѣсту назначенія. Цинна полагалъ, что въ Александріи служебныя дѣла, иной міръ, новые люди, новыя впечатлѣнія избавятъ его отъ докучливаго товарища, но, увы, ошибся. Прошелъ мѣсяцъ, два, и подобно тому, какъ зерно Деметры, привезенное изъ Италіи, взошло еще роскошнѣе на плодородной почвѣ Дельты, такъ и эта тревога изъ куста разрослась въ раскидистый кедръ и постепенно бросала все большую тѣнь на душу Цинны. На первыхъ порахъ Цинна пытался заглушить ее такой жизнью, какую нѣкогда велъ въ Римѣ. Въ то время Александрія была богатымъ, чрезвычайно оживленнымъ и полнымъ разныхъ соблазновъ городомъ. Тамъ было много красивыхъ гречанокъ съ свѣтлыми волосами и матовымъ цвѣтомъ лицъ, которыя жгучее солнце Египта покрыло янтарнымъ прозрачнымъ блескомъ. И вотъ, въ объятіяхъ этихъ женщинъ онъ искалъ успокоенія. Но когда и это не помогло, ему все чаще и чаще стала приходить въ голову мысль о самоубійствѣ. Многіе изъ его знакомыхъ и товарищей избавились отъ жизни именно такимъ образомъ по причинамъ, значительно менѣе серьезнымъ, чѣмъ у него: часто просто отъ скуки, пустоты, безцѣльности существованія, пресыщенія и апатіи. Если только рабъ держалъ мечъ умѣло и крѣпко, то въ одну минуту кончалось все. Мысль эта увлекла Цинну, но когда онъ уже почти рѣшился привести ее въ исполненіе, его внезапно удержалъ странный сонъ. Снилось ему, что когда его перевозили черезъ рѣку, онъ увидѣлъ на другомъ берегу свою тревогу въ образѣ изможденнаго невольника, который, низко поклонившись ему, проговорилъ: «Я заранѣе явился сюда, чтобы принять тебя», Цинна впервые испугался, такъ такъ понялъ, что коль скоро о загробной жизни онъ не можетъ думать безъ тревоги, то, слѣдовательно, и туда она послѣдуетъ за нимъ.

Наконецъ, онъ рѣшилъ познакомиться поближе съ мудрецами, которыми былъ полонъ Серапеумъ, въ надеждѣ найти разрѣшеніе загадки. Хотя они на самомъ дѣлѣ ничего не сумѣли ему разрѣшить, но зато называли его Τοῦ μουσείου — титулъ, придаваемый ими римлянамъ высокаго рода и положенія. Это, впрочемъ, было малое утѣшеніе, и названіе мудреца, данное человѣку, который не въ силахъ былъ отвѣтить себѣ на

то, что его болѣе всего интересовало, могло показаться Циннѣ ироніей, но онъ предполагалъ, что Серапеумъ, быть можетъ, не сразу открываетъ всю свою мудрость, и ободрялъ себя надеждой

Въ Александріи тогда среди всѣхъ мудрецовъ выдѣлялся своей дѣятельностью благородный Тимонъ, аоннянинъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ и бывшій римскимъ гражданиномъ. Онъ проживалъ въ Александріи уже лѣтъ десять слишкомъ и пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы основательно изучить таинственную египетскую науку. О немъ разсказывали, что въ александрійской библіотекѣ не было ни одного манускрипта, котораго бы онъ не прочиталъ, а нѣкоторые увѣряли, что онъ постигъ всю человѣческую мудрость. Притомъ Тимонъ былъ человѣкомъ мягкимъ, добрымъ и снисходительнымъ. Среди массы педантовъ и комментаторовъ, Цинна сразу отличилъ его и въ непродолжительномъ времени сблизился съ нимъ, а затѣмъ даже подружился. Молодой римлянинъ удивлялся его тонкой діалектикѣ, краснорѣчію, съ какими старецъ говорилъ о возвышенныхъ предметахъ, касавшихся предназначенія человѣка и міра. Особенно его поражало то, что въ словахъ Тимона замѣчалась нѣкоторая грусть. Впослѣдствіи, когда у нихъ завязались болѣе тѣсныя дружескія отношенія, Цинна неоднократно хотѣлъ спросить стараго мудреца о причинѣ этой грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть ему свою душу. Спустя немного, это и случилось.

III.

Однажды, вечеромъ, когда послѣ оживленнаго диспута о загробномъ странствованіи души, они остались одни на терассѣ, съ которой открывался величественный видъ на море, Цинна взялъ за руку Тимона и откровенно высказалъ ему то, что являлось величайшей мукой его жизни, и объяснилъ, кромѣ того, вслѣдствіе какихъ причинъ старался поближе сойтись съ философами и учеными Серапеума.

— Въ данномъ случаѣ—закончилъ онъ—я, по крайней мѣрѣ, выгадалъ лишь то, что познакомился съ тобою, Тимонъ, и теперь знаю, что если даже ты не разрѣшишь загадки моей жизни, то, навѣрно, никто другой не въ состояніи будетъ ее разрѣшить.

Старецъ нѣкоторое время задумчиво смотрѣлъ на простиравшуюся предъ нимъ зеркальную поверхность моря, въ которой отражался молодой серпообразный мѣсяцъ, затѣмъ медленно проговорилъ:

— Ты, конечно, видѣлъ тѣ стаи птицъ, которыя слетаются сюда зимою, прибывая съ далекаго сумрачнаго сѣвера. Знаешь ли ты, ради чего онѣ стремятся въ Египетъ?

— Знаю. Ради тепла и свѣта.

— Человѣческія души тоже стремятся къ теплу, которое есть любовь, и къ свѣту, которымъ является истина. Но птицы знаютъ, куда имъ летѣть за своимъ благомъ, души же людей блуждаютъ, разыскивая дорогу, въ печали и тревогѣ.

— Почему же, благородный Тимонъ, онѣ не могутъ найти дороги?

— Нѣкогда люди находили душевный покой въ вѣрѣ въ боговъ, въ настоящее время вѣра въ боговъ выгорѣла, какъ масло въ лампадѣ. Потомъ человѣчество полагало, что философія будетъ для душъ солнцемъ истины—теперь же, какъ тебѣ это самому отлично извѣстно, на ея развалинахъ и въ Римѣ, и въ академіи въ Аѳинахъ, и здѣсь, есть не мало

скептиковъ, которымъ кажется, что они даютъ успокоеніе, тогда какъ въ дѣйствительности они сѣютъ тревогу. Ибо отказаться отъ свѣта и тепла равносильно тому, что оставить души пребывать во мракѣ, но вѣдь мракъ— это тревога. И вотъ нынѣ мы, простирая руки впередъ, ищемъ выхода...

— Неужели и ты его не нашелъ?

— Искалъ, но увы, не нашелъ. Ты, Цинна, искалъ его въ разныхъ наслажденіяхъ, я же— въ мышленіи—и оба мы блуждаемъ во мглѣ. Однако, да будетъ тебѣ извѣстно, другъ мой, что ты не одинъ томишься неизвѣстностью и сомнѣніями, и что въ твоемъ лицѣ томится душа міра. Повѣдай мнѣ, вѣдь, ты уже давно не вѣришь въ боговъ?

— Въ Римѣ ихъ еще почитаютъ и даже привозятъ новыхъ изъ Азіи и Египта, но вѣруютъ въ нихъ искренно развѣ только торговцы овощами и зеленью, которые по утрамъ пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ селеній въ городъ.

— И тѣ лишь единственно спокойны.

— Точно такъ же, какъ тѣ, которые здѣсь въ Египтѣ поклоняются котамъ и луковицамъ.

— И такъ же, какъ тѣ, что точно сытые звѣри не жаждутъ ничего большаго, какъ только спа послѣ ѣды.

— Но въ такомъ случаѣ стоитъ ли жить?

— А развѣ мы знаемъ, что даетъ намъ смерть?

— Если такъ, то въ чемъ заключается разница между тобой и скептиками?

— Скептики мирятся съ окружающей насъ тьмою или, по крайней мѣрѣ, притворяются примиренными, я же томлюсь въ ней.

— И не ждешь избавленія?

Старый мудрецъ на минуту умолкъ, затѣмъ, словно съ нѣкоторымъ колебаніемъ, отвѣтилъ:

— Я жду его.

— Откуда.

— Не знаю.

Потомъ, склонивъ голову на руку, онъ, точно подъ вліяніемъ царившей на терассѣ тишины, промолвилъ пониженнымъ тономъ.

— Странно, но порою, мнѣ кажется, что если бы въ мірѣ ничего не было, кромѣ того, что мы знаемъ, и если бы мы не могли быть ничѣмъ большимъ, чѣмъ нынѣ, то въ насъ не было бы теперь этой странной тревоги... И вотъ я въ самомъ недугѣ почерпаю надежду на выздоровленіе. Вѣра въ боговъ и философія кончили свое существованіе, но источникомъ жизни и здоровья можетъ быть какая-нибудь новая истина, которая мнѣ еще невѣдома. . . . . .

Совершенно неожиданно бесѣда эта доставила Цинѣ великое облегченіе. Услышавъ, что недугъ этотъ томитъ не только его одного, но и весь міръ, онъ испыталъ такое чувство, словно кто-нибудь снялъ съ него громадное бремя и разложилъ его на тысячи плечъ.

IV.

Съ того времени дружескія отношенія между Цинной и ученымъ грекомъ еще болѣе укрѣпились. Они теперь часто навѣщали другъ друга и дѣлились какъ мыслями, такъ и яствами во время пировъ. Цинна, впрочемъ, несмотря на нѣкоторую апатію, явившуюся послѣдствіемъ пре-

сыщенія, былъ слишкомъ еще молодъ, чтобы жизнь не представляла для него никакихъ невѣдомыхъ соблазновъ,—а такимъ именно соблазномъ оказалась единственная дочь Тимона—Антея.

Въ Александріи она пользовалась славой, не меньшей, чѣмъ ея отецъ. Ее почитали знатные римляне, бывавшіе въ домѣ Тимона, почитали философы изъ Серапеума и почиталъ простой народъ. Тимонъ не заставлялъ ее жить замкнутой жизнью въ гинекеѣ, какъ это было въ обычаѣ у грековъ по отношенію къ женщинамъ, и дѣлился съ нею всѣми своими познаніями. Когда Антея вышла изъ дѣтскаго возраста, старый философъ читалъ съ нею книги, написанныя не только на греческомъ, но даже на римскомъ и еврейскомъ языкахъ, такъ какъ, одаренная необыкновенной памятью, она легко изучала эти языки. Отца и дочь соединяла общность духовной жизни и умственныхъ интересовъ, молодая дѣвушка нерѣдко участвовала въ диспутахъ, какіе велись во время симпозіоновъ въ домѣ Тимона, и часто въ лабиринтѣ сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ она, подобно Аріаднѣ, быстро находила путь сама и другихъ выводила вмѣстѣ съ собой. Отецъ удивлялся ей и относился къ ней съ глубокимъ уваженіемъ. Кромѣ того, въ ней было обаяніе какой-то таинственности и почти святости, такъ какъ нерѣдко у нея бывали пророческіе сны, въ которыхъ она видѣла то, что недоступно взорамъ простыхъ смертныхъ. Тимонъ любилъ ее всей душою еще и потому, что его страшила мысль объ ея утратѣ, ибо Антея неоднократно говорила, что видитъ во снѣ какія-то зловѣщія существа—и какой-то страшный свѣтъ, о которомъ ей неизвѣстно, будетъ ли онъ источникомъ жизни или смерти.

А тѣмъ временемъ ее окружала только любовь. Египтяне, навѣщавшіе Тимона, называли ее Лотосомъ, можетъ быть, по той причинѣ, что на берегахъ Нила этому цвѣтку оказывались божескія почести, а быть можетъ, и потому, что кто хотя одинъ разъ видѣлъ Антею, тотъ готовъ былъ забыть весь міръ.

Ибо красота ея равнялась ея мудрости. Солнце Египта не покрыло загаромъ ея лица, въ которомъ розовые лучи утренней зари, казалось, были заключены въ прозрачную жемчужную раковину. Глаза ея обладали лазурью Нила, а взглядъ исходилъ изъ такой же невѣдомой дали, какъ и вода этой безконечной, таинственной рѣки.

Когда Цинна впервые увидѣлъ ее и услыхалъ ея рѣчь, то, вернувшись домой, возымѣлъ желаніе воздвигнуть въ атріумѣ своего дома въ честь ея алтарь и принести ей въ жертву бѣлыхъ голубей. Въ жизни своей ему приходилось видѣть тысячи женщинъ, начиная отъ уроженокъ далекаго сѣвера съ бѣлыми рѣсницами и волосами цвѣта созрѣвшаго хлѣба и кончая черными, какъ лава, нумидіанками, но до этого времени онъ никогда еще не встрѣчалъ ни такой красоты, ни такой души. И чѣмъ чаще Цинна ее встрѣчалъ, тѣмъ ближе узнавалъ, чѣмъ чаще случалось ему внимать ея рѣчамъ, тѣмъ болѣе возрастали его восторгъ и изумленіе. Порою ему, невѣрующему въ боговъ, тѣмъ не менѣе казалось, что Антея не можетъ быть дочерью Тимона, что она дочь какого-нибудь бога—слѣдовательно, на половину женщина, на половину же безсмертная.

И вскорѣ Цинна неожиданно для себя полюбилъ ее любовью великою, непреодолимою и настолько не похожею на испытанныя имъ прежнія чувства, насколько Антея была не похожа на другихъ женщинъ. Онъ

жаждалъ обладать ею лишь за тѣмъ, чтобы поклоняться ей и, ради обладанія ею, готовъ былъ пожертвовать жизнью. Цинна предпочелъ бы быть нищимъ съ нею, чѣмъ цезаремъ безъ нея. И подобно тому, какъ морской водоворотъ съ непреодолимой силою поглощаетъ все, что находится вблизи его, такъ любовь Цинны поглотила его душу, сердце, мысли, его дни, ночи и все, изъ чего состоитъ жизнь.

Наконецъ, любовь запылала и въ сердцѣ Антеи.

— Tu felix, Cinna!—говорили его друзья...

— Tu felix, Cinna,—говорилъ онъ самъ себѣ,—и когда, наконецъ, мечта его исполнилась, когда ея божественныя уста произнесли священныя слова: «Гдѣ ты Кай, тамъ и я Кайя»—тогда ему казалось, что счастье его будетъ неизсякаемымъ и безграничнымъ, какъ море.

V.

Прошелъ годъ, и Цинна попрежнему оказывалъ своей молодой супругѣ чуть не божескія почести; она была для него зѣницей ока, любовью, мудростью и свѣтомъ. Но, сравнивая свое счастье съ моремъ, онъ забылъ, что въ морѣ бываютъ отливы. По истеченіи года Антея захворала ужаснымъ, невѣдомымъ недугомъ. Ее стали посѣщать страшныя видѣнія, которыя подтачивали ея жизнь. На лицѣ молодой женщины угасли лучи утренней зари, сохранилась лишь прозрачность жемчужной раковины; руки ея стали просвѣчиваться, глаза глубоко впали, и розовый лотосъ все болѣе и болѣе превращался въ бѣлый лотосъ, такой бѣлый, какъ ликъ мертвеца. Замѣтили, что надъ дворцомъ Цинны стали царить ястреба, что въ Египтѣ считалось предвѣщаніемъ смерти. Видѣнія Антеи становились все страшнѣе. Когда въ полуденную пору міръ утопалъ въ солнечныхъ лучахъ, и во всемъ городѣ воцарялось молчаніе, Антеѣ чудилось, будто она слышитъ быстрые шаги какихъ-то невидимыхъ существъ, а въ воздухѣ видитъ изсохшее блѣдно-желтое лицо мертвеца, глядѣвшее на нее черными глазами. Глаза эти упорно всматривались въ нее, точно призывая ее куда-то, въ какую-то таинственную ужасающую тьму.

Въ такія минуты Антея дрожала всѣмъ тѣломъ, словно въ лихорадкѣ, лицо блѣднѣло, чело покрывалось каплями холоднаго пота, и эта глубоко почитаемая жрица домашняго очага превращалась въ беззащитное испуганное дитя, лицомъ прижималась къ груди мужа и въ ужасѣ повторяла: «Спаси меня, Кай! Защити меня!»

И Кай кинулся бы на всякое привидѣніе, какое только изъ тьмы Аида могла бы выпустить Персефона, но тщетно взоры его проникали въ пространство. Кругомъ, какъ обыкновенно въ полуденные часы, было пусто. Солнце ярко озаряло городъ и море, а въ тишинѣ слышались только своеобразные крики ястребовъ, описывавшихъ плавные круги надъ дворцомъ.

Видѣнія повторялись все чаще и, наконецъ, стали являться ежедневно. Они преслѣдовали молодую женщину и въ атріумѣ, и во внутреннихъ комнатахъ и за стѣнами дворца. Цинна, слѣдуя совѣту врачей, приглашалъ египетскихъ самбукиновъ и бедуиновъ, игравшихъ на глиняныхъ дудкахъ, которые своей шумной музыкой должны были заглушать звуки, производимые невидимыми существами.

Но все это не достигало цѣли. Среди наибольшаго шума Антея слышала страшные звуки, а когда солнечный дискъ подымался такъ

высоко, что тѣнь падала у самыхъ ногъ человѣка, какъ сброшенная съ плечъ одежда, тогда въ дрожащемъ отъ жара воздухѣ показывалось ужасное лицо таинственнаго существа, которое, смотря на Антею своими стеклянными глазами, медленно отступало назадъ, точно желало сказать ей: «Слѣдуй за мною!»

Иногда Антеѣ чудилось, будто уста призрака медленно шевелятся, а иногда казалось, что изъ нихъ вылетаютъ черные, безобразные жуки и несутся къ ней. Одна мысль о призракѣ приводила ее въ ужасъ, и въ концѣ-концовъ жизнь для молодой женщины стала такой страшной мукой, что она неоднократно просила мужа, чтобы онъ позволилъ ей пронзить себя мечомъ или принять ядъ.

Но Цинна зналъ, что не въ силахъ этого сдѣлать. Своимъ мечомъ онъ перерѣзалъ бы ради нея свои жилы, но убить ее не могъ. Когда въ воображеніи это дорогое существо представлялось ему мертвымъ, съ закрытыми навѣки глазами, съ печатью холоднаго покоя на лицѣ, и когда онъ мысленно видѣлъ эту грудь, пронзенную его собственнымъ мечомъ, то чувствовалъ, что прежде ему надо совершенно обезумѣть, чтобы совершить это.

Какой-то греческій врачъ сказалъ ему, что это Геката является Антеѣ, а тѣ невидимыя существа, шелестъ которыхъ такъ ужасаетъ больную, составляютъ свиту зловѣщаго божества. По мнѣнію врача, спасти Антею невозможно, потому что кому являлась Геката, того ждала неминуемая смерть.

Тогда Цинна, который незадолго передъ тѣмъ, навѣрно, посмѣялся бы надъ вѣрою въ Гекату, теперь принесъ ей въ жертву гекатомбу. Увы, жертва не помогла, и на слѣдующій день, въ полуденный часъ мрачные глаза опять упорно смотрѣли на Антею.

Окружающіе пробовали закрывать ея голову, но она видѣла ужасное лицо даже сквозь самыя плотныя покрывала. Когда больная находилась въ темной залѣ, лицо глядѣло на нее со стѣнъ, разсѣивая мракъ своимъ блѣднымъ, мертвеннымъ блескомъ.

По вечерамъ больная чувствовала себя лучше и погружалась въ столь глубокій сонъ, что не разъ старому Тимону и Циннѣ казалось, что она ужъ не проснется. Вскорѣ она до того ослабѣла, что не въ состояніи была ходить безъ посторонней помощи. Молодую женщину стали носить на носилкахъ.

Прежняя тревога, но уже съ стократно бо́льшей силой овладѣла всѣмъ существомъ Цинны. Въ немъ были и боязнь за жизнь дорогой ему Антеи и вмѣстѣ съ тѣмъ странное предчувствіе, что недугъ ея находится въ какой-то таинственной связи съ тѣмъ, о чемъ онъ говорилъ во время своей первой откровенной бесѣды съ старымъ философомъ. Быть можетъ, Тимонъ думалъ то же самое, но Цинна не хотѣлъ и боялся спросить его объ этомъ. Тѣмъ временемъ Антея увядала, точно цвѣтокъ, въ лепесткахъ котораго поселился ядовитый паукъ.

Несмотря на то, что надежды не было, Цинна, однако, употреблялъ отчаянныя усилія, чтобы спасти ее. Прежде всего онъ поѣхалъ съ Антеей въ пустыню, въ окрестности Мемфиса, но когда и пребываніе среди древнихъ пирамидъ не избавило больную отъ страшныхъ видѣній, онъ вернулся въ Александрію и окружилъ свою супругу предвѣстителями-чародѣями, заговаривающими разные недуги, и толпою всякихъ шарлатановъ, которые пользовались легковѣріемъ людей съ помощью якобы чудодѣйственныхъ снадобій.

Но Циннѣ не оставалось никакого выбора, и онъ прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ.

Въ это самое время пріѣхалъ въ Александрію изъ Цезареи очень извѣстный врачъ, еврей Іосифъ, сынъ Кузы. Цинна немедленно пригласилъ его къ своей супругѣ, — и вскорѣ въ его сердцѣ зародилась надежда. Іосифъ, не вѣрившій ни въ греческихъ, ни въ римскихъ боговъ, съ глубокимъ презрѣніемъ отнесся къ предположенію о вліяніи Гекаты. По его мнѣнію, можно было допустить, что это скорѣе демоны опутали больную, и онъ совѣтовалъ уѣхать изъ Египта, гдѣ, кромѣ демоновъ, ея здоровью могли вредить также и испаренія болотистой Дельты. Между прочимъ, врачъ совѣтовалъ, быть можетъ, оттого, что самъ былъ евреемъ, отправиться въ Іерусалимъ, въ городъ, куда демоны не могутъ проникнуть, и гдѣ воздухъ сухой и здоровый.

Цинна тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ его совѣту, что, во-первыхъ, не было иного исхода, а, во-вторыхъ, потому, что въ это время правителемъ Іерусалима былъ его знакомый, предки котораго нѣкогда считались кліентами дома Цинны.

И дѣйствительно, когда они прибыли въ Іерусалимъ, прокураторъ Понтій принялъ ихъ съ распростертыми объятіями и предоставилъ въ ихъ распоряженіе свою собственную виллу, расположенную вблизи городскихъ стѣнъ.

Но надежда Цинны разсѣялась еще до прибытія въ этотъ городъ. Страшное лицо глядѣло на Антею даже на палубѣ галеры, — и потому по пріѣздѣ въ Іерусалимъ больная ожидала полудня съ тою же тревогой, какъ недавно въ Александріи.

И вотъ дни ихъ попрежнему проходили въ угнетеніи, боязни, отчаяніи и ожиданіи смерти.

VI.

Въ красивомъ атріумѣ, несмотря на фонтанъ, тѣнистый портикъ и ранній часъ, было очень жарко, такъ какъ мраморъ раскалился отъ жгучихъ лучей весенняго солнца. Но кстати недалеко отъ дома находилось старое раскидистое фисташковое дерево, бросавшее тѣнь на значительное пространство. Въ виду того, что мѣсто это было открытое, тамъ время отъ времени чувствовалось духовеніе вѣтерка. Туда-то Цинна велѣлъ перенести больную, лежавшую въ украшенныхъ гіацинтами и цвѣтами яблони носилкахъ. Затѣмъ, сѣвъ подлѣ нея, онъ положилъ свою руку на ея блѣдныя, какъ алебастръ, ручки и спросилъ:

— Хорошо ли тебѣ здѣсь, carissima?

— Хорошо,—отвѣтила Антея чуть слышнымъ голосомъ.

И закрыла глаза, какъ будто ею овладѣвалъ сонъ. Кругомъ царило молчаніе, только слышался слабый шелестъ маленькихъ вѣточекъ фисташковаго дерева, колеблемыхъ духовеніемъ налетавшаго порою вѣтерка. На землѣ, около носилокъ, мигали и переливались золотые блики солнечныхъ лучей, проникавшихъ сквозь листья; между камнями время отъ времени раздавалось стрекотанье кузнечиковъ.

Спустя немного, больная открыла глаза.

— Кай,—проговорила она,—правда ли, что въ этой странѣ въ настоящее время есть философъ, который исцѣляетъ больныхъ?

— Здѣсь такихъ людей называютъ пророками,—отвѣтилъ Цинна.

Мнѣ разсказывали о немъ,—и я хотѣлъ пригласить его къ себѣ, но оказалось, что это мнимый чудотворецъ. Притомъ онъ кощунствовалъ надъ здѣшними святынями и вѣрованіями жителей этого края, за что прокураторъ осудилъ его на смертную казнь, и нынче человѣкъ этотъ будетъ распятъ на крестѣ.

Антея печально понурила голову.

— Тебя излѣчитъ время, — промолвилъ Цинна, замѣтивъ печаль, отразившуюся на ея лицѣ.

— Время—слуга смерти, но не жизни,—медленно сказала она.

И опять водворилось молчаніе. Кругомъ деревья, на землѣ все мигали и переливались золотистые блики, кузнечики стрекотали еще громче, а изъ разсѣлинъ скалъ выглѣзали маленькія ящерицы для того, чтобы погрѣться на солнцѣ.

Цинна время отъ времени взглядывалъ на Антею, и въ тысячный разъ въ его голову тѣснились доводившія его до отчаянія мысли, что всѣ средства спасенія исчерпаны, что нѣтъ даже искры надежды, и что въ очень непродолжительномъ времени отъ этого столь дорогого и любимаго существа останется одна лишь тѣнь да горсть пепла въ колумбаріумѣ.

Даже теперь Антея, лежа съ закрытыми глазами въ убранныхъ цвѣтами носилкахъ, казалась умершей.

— И я послѣдую за тобой!—повторялъ въ душѣ Цинна.

Въ эту минуту въ отдаленіи послышались чьи-то шаги.

Лицо Антеи тотчасъ страшно поблѣднѣло, грудь учащенно стала вздыматься, дыханіе стало прерывистымъ. Несчастная мученица была увѣрена, что это приближаются къ ней невидимыя существа, предшествующія появленію ужаснаго призрака съ черными, мрачными глазами. Цинна, видя ея испугъ, схватилъ ее за руки и началъ успокаивать:

— Антея, не бойся, эти шаги слышу и я.

А черезъ минуту онъ добавилъ:

— Это Понтій идетъ къ намъ.

Дѣйствительно, на поворотѣ тропинки появился прокураторъ, сопровождаемый двумя невольниками. Это былъ уже человѣкъ немолодой, съ круглымъ, аккуратно выбритымъ лицомъ, видимо старавшійся придать себѣ важный и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченный и усталый видъ.

— Привѣтъ тебѣ, благородный Цинна, и тебѣ, божественная Антея!—проговорилъ онъ, войдя подъ тѣнь фисташковаго дерева. — Послѣ столь холодной ночи насталъ такой знойный день: да принесетъ онъ счастья вамъ обоимъ, и да расцвѣтетъ здоровье прелестной Антеи, какъ эти гіацинты и эти цвѣты яблони, что украшаютъ ея носилки!

— Да будетъ миръ съ тобою, Понтій, и привѣтъ тебѣ,—отвѣтилъ Цинна.

Прокураторъ, сѣвъ на обломокъ скалы, пристально взглянулъ на Антею, чуть-чуть нахмурилъ брови и сказалъ:

— Уединеніе порождаетъ печаль и даже болѣзнь, тогда какъ среди массы народа нѣтъ мѣста тревогѣ, а потому я вамъ дамъ одинъ совѣтъ. Къ сожалѣнію, здѣсь не Антіохія и не Цезарея, въ этомъ невозможномъ городѣ нѣтъ ни игрищъ, ни ристалищъ, а если бы даже тутъ и устроили циркъ, то на слѣдующій день онъ былъ бы разрушенъ здѣшними необузданными фанатиками. Здѣсь только и слышишь слово: «религія»—а этой религіи все мѣшаетъ. Я предпочелъ бы лучше жить въ Скиѳіи, чѣмъ въ этой странѣ...

— Что ты собственно хотѣлъ сказать, Пилатъ?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я уклонился въ сторону. А отчего это происходитъ? Отъ заботъ. Такъ вотъ я говорилъ, что среди народа нѣтъ мѣста тревогѣ. Кстати, нынче вамъ представляется возможность увидѣть одно зрѣлище. Въ Іерусалимѣ вамъ надо по неволѣ довольствоваться малымъ, но прежде всего надо стараться, что бы въ полуденную пору Антея находилась среди народа. Нынче умрутъ на крестѣ трое людей. Мнѣ кажется и это лучше, чѣмъ ничего. Притомъ по случаю праздника Пасхи въ городъ нахлынула громадная толпа самыхъ странныхъ оборванцевъ, прибывшихъ сюда со всего этого края. Вы можете присмотрѣться къ этому народу. Я велю дать вамъ великолѣпное мѣсто вблизи крестовъ. Надѣюсь, что осужденные встрѣтятъ смерть мужественно. Одинъ изъ нихъ положительно странный человѣкъ, называетъ себя Сыномъ Божіимъ, кротокъ, какъ голубь, и на самомъ дѣлѣ не совершилъ ничего такого, что заслуживалъ бы казни.

— И все-таки ты осудилъ его на смерть?

— Мнѣ не хотѣлось имѣть хлопоты и безпокойства и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось трогать гнѣзда осъ, что жужжатъ вокругъ ихъ храма. Они и безъ того посылаютъ на меня жалобы въ Римъ. Впрочемъ, вѣдь, дѣло идетъ не о римскомъ гражданинѣ.

— Отъ этого осужденный будетъ страдать не меньше.

Понтій ничего не отвѣтилъ, но послѣ минутнаго молчанія сталъ говорить какъ бы самому себѣ:

— Въ жизни есть одно, чего я положительно не выношу — это крайность. Кто при мнѣ произноситъ это слово, тотъ лишаетъ меня веселаго настроенія на цѣлый день. Золотая середина—вотъ чего, по моему мнѣнію, долженъ держаться всякій благоразумный человѣкъ. А между тѣмъ, во всемъ мірѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы придерживались этого принципа менѣе, чѣмъ здѣсь. Какъ все это мучаетъ меня! Здѣсь ни въ чемъ нѣтъ спокойствія, ни въ чемъ и нигдѣ нѣтъ равновѣсія... ни въ людяхъ, ни въ природѣ... Напримѣръ, въ настоящее время весна, ночи холодныя,— а днемъ такая жара, что по камнямъ трудно ходить. До полудня еще далеко, а между тѣмъ поглядите, что творится вокругъ! Что же касается людей—то лучше и не говорить. Я нахожусь въ этой странѣ, такъ какъ долженъ ѣсть. Впрочемъ, теперь дѣло не въ этомъ. Я чуть было опять не уклонился въ сторону. Совѣтую вамъ идти смотрѣть, на крестную казнь. Я увѣренъ, что этотъ Назорей будетъ умирать мужественно. Я велѣлъ подвергнуть его бичеванію въ надеждѣ, что это удовлетворитъ фанатиковъ, и что, такимъ образомъ, мнѣ удастся спасти его отъ смерти. Я не жестокъ. Во время бичеванія онъ былъ терпѣливъ, какъ агнецъ, и благословлялъ людей, а когда по всему его тѣлу заструилась кровь, онъ вознесъ очи къ небесамъ и молился. Это самый удивительный человѣкъ, какого мнѣ когда-либо приходилось видѣть въ жизни. Жена моя по поводу его не давала мнѣ ни минуты покоя: «Не допусти, чтобы погибъ невинный!» — вотъ что неустанно говорила она мнѣ чуть ли не съ самой зари. Я и хотѣлъ спасти его. Двукратно я выходилъ изъ преторіи на площадку и обращался съ рѣчью къ этимъ яростнымъ первосвященникамъ и къ грязной,

презрѣнной черни. Они отвѣчали мнѣ, какъ одинъ человѣкъ, запрокидывая назадъ головы и чуть не до ушей раскрывая свои пасти: «Распни!»

— Ты уступилъ?—спросилъ Цинна.

— Да, такъ какъ въ городѣ уже началось волненіе, а я здѣсь нахожусь для того, чтобы поддерживать порядокъ и спокойствіе, и, слѣдовательно, долженъ исполнять свою обязанность. Я уже говорилъ, что не люблю крайностей и притомъ въ настоящее время чувствую смертельную усталость, но тѣмъ не менѣе коль скоро за что-нибудь возьмусь, то безъ колебанія пожертвую ради общаго блага жизнью одного человѣка, особенно, если это человѣкъ неизвѣстный, о которомъ никто не будетъ справляться. Тѣмъ хуже для него, что онъ не римлянинъ.

— Солнце свѣтитъ не надъ однимъ лишь Римомъ!—замѣтила Антея.

— Божественная Антея,—сказалъ прокураторъ,—я могъ бы тебѣ отвѣтить, что во всемъ мірѣ солнце свѣтитъ римскому владычеству, и ради него слѣдуетъ жертвовать всѣмъ, а волненія подрываютъ нашъ авторитетъ. Но прежде всего умоляю тебя: не требуй отъ меня измѣненія приговора. Цинна подтвердитъ, что это невозможно, и что коль скоро приговоръ произнесенъ, то измѣнить его въ силахъ развѣ только одинъ цезарь. Если бы даже я хотѣлъ—не могу. Не правда ли, Кай?

— Правда.

Но на Антею слова эти произвели, очевидно, непріятное впечатлѣніе, такъ какъ она сказала, быть можетъ, имѣя въ виду себя:

— Слѣдовательно, можно страдать и умереть безъ вины.

— Никто не безвиненъ—отвѣтилъ Понтій.—Правда, тотъ Назорей, о которомъ идетъ рѣчь, не совершилъ никакого преступленія, а потому я, какъ прокураторъ, умылъ руки. Но, какъ человѣкъ, я осуждаю его ученіе. Я нарочно бесѣдовалъ съ нимъ довольно долго съ цѣлью узнать его и убѣдился, что онъ проповѣдуетъ что-то неслыханное. Это почти невозможно! Міръ долженъ руководиться разумомъ. Кто же споритъ, что добродѣтель необходима?.. Разумѣется, не я. Но даже по ученію стоиковъ слѣдуетъ только спокойно, твердо переносить бѣдствія и невзгоды, но они не требуютъ отъ людей, чтобы тѣ отказались отъ всего, начиная съ имущества и кончая обѣдомъ. Скажи Цинна,—ты человѣкъ разсудительный, какого бы ты былъ обо мнѣ мнѣнія, если бы, напримѣръ, эту виллу, въ которой вы теперь живете, я ни съ того ни съ сего отдалъ бы тѣмъ оборванцамъ, которые грѣются на солнцѣ возлѣ Яффскихъ воротъ? А онъ именно этого и требуетъ. Притомъ этотъ удивительный человѣкъ проповѣдуетъ, что всѣхъ надо одинаково любить: іудеевъ такъ же, какъ римлянъ, римлянъ, какъ египтянъ, египтянъ, какъ африканцевъ, и такъ далѣе. Признаюсь, что этого мнѣ было достаточно. Въ ту минуту, когда дѣло идетъ о его жизни, онъ держитъ себя такимъ образомъ, точно рѣчь идетъ о комъ-то другомъ, поучаетъ и—молится. Я не обязанъ спасать того, кто самъ о себѣ не заботится. Кто не умѣетъ ни въ чемъ сохранить чувства мѣры, тотъ человѣкъ, очевидно, неблагоразумный. Въ довершеніе всего онъ именуетъ себя Сыномъ Божіимъ и разрушаетъ основы, на которыхъ зиждется міръ, и, слѣдовательно, вредитъ людямъ. Пусть себѣ въ душѣ онъ думаетъ, что ему угодно, лишь бы не разрушалъ основъ. Какъ человѣкъ, я протестую противъ его ученія. Допустимъ, напримѣръ, что я не вѣрю въ боговъ, но это мое

личное дѣло. Тѣмъ не менѣе религія, по моему мнѣнію,—необходима, и я провозглашаю это публично, такъ какъ полагаю, что вообще для людей религія является уздою. Кони должны быть взнузданы и хорошо взнузданы... Впрочемъ, того Назорея смерть не должна страшить, ибо онъ утверждаетъ, что воскреснетъ.

Цинна и Антея съ удивленіемъ переглянулись.

— Воскреснетъ?

— Ни болѣе, ни менѣе, какъ черезъ три дня. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ его ученики. Его самого я забылъ объ этомъ спросить. Наконецъ, это безразлично, ибо смерть освобождаетъ отъ обѣщаній. А если бы и не воскресъ, то ничего отъ этого не потеряетъ, такъ какъ, согласно его же ученію, истинное счастье вмѣстѣ съ вѣчною жизнью начинается только послѣ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ объ этомъ съ полнѣйшей увѣренностью. Въ его элизіумѣ свѣтлѣе, чѣмъ въ подсолнечномъ мірѣ, и чѣмъ болѣе человѣкъ страдаетъ здѣсь, тѣмъ вѣрнѣе войдетъ туда; для этого онъ долженъ только любить, любить и любить.

— Странное ученіе,—промолвила Антея.

— А тѣ люди кричали тебѣ: «Распни его»? —спросилъ Цинна.

— Я даже не дивлюсь этому. Душой этого народа является ненависть, а кто же, если не ненависть, будетъ требовать креста для любви?

— И Назорей увѣренъ, что можно жить и быть счастливымъ послѣ смерти? медленно проговорила Антея.

— Вотъ оттого ему не страшны ни крестъ, ни смерть.

— Какъ бы это было хорошо, Цинна!.. произнесла молодая женщина.

А черезъ минуту она опять спросила:

— Откуда онъ знаетъ объ этомъ?

Прокураторъ махнулъ рукой.

— Онъ говоритъ, что знаетъ это отъ Отца всѣхъ людей, который для іудеевъ есть то же, что для насъ Юпитеръ, съ тою разницей, что, по мнѣнію Назорея, Онъ на свѣтѣ единый и милосердный.

— О, какъ бы это было хорошо, Кай!—повторила больная.

Цинна хотѣлъ было что-то отвѣтить, но промолчалъ, и бесѣда прекратилась.

Понтій, очевидно, продолжалъ раздумывать надъ страннымъ ученіемъ Назорея, такъ какъ качалъ головой и ежеминутно пожималъ плечами. Наконецъ, онъ поднялся и сталъ прощаться.

Внезапно Антея проговорила:

— Кай, пойдемъ взглянуть на этого Назорея.

— Поторопитесь,—сказалъ уходя Пилатъ,—шествіе скоро начнется

VII.

День, съ утра знойный и ясный, около полудня сталъ хмуриться. Съ сѣверо востока надвигались темныя или мѣдно-красныя тучи, хотя не очень большія, но зато густыя, какъ бы чреватыя грозой. Между ними еще виднѣлось голубое небо, но легко было предвидѣть, что тучи вскорѣ сомкнутся и закроютъ весь горизонтъ. Тѣмъ временемъ солнце окрашивало ихъ очертанія то въ золотистый, то въ багровый цвѣтъ. Надъ самымъ городомъ и надъ окружающими его холмами простиралась широкая полоса чистаго безоблачнаго неба, и внизу не было никакого вѣтра.

На высокомъ плоскогорьѣ, называемомъ Голгоѳой, кой-гдѣ уже стояли маленькими группами люди, которые поспѣшили занять мѣста прежде, чѣмъ шествіе двинется изъ города. Солнце озаряло широкія каменистыя пространства, пустынныя, безплодныя и печальныя. Ихъ однообразный жемчужный тонъ прерывался только черной сѣтью ущелій и овраговъ, тѣмъ болѣе черной, чѣмъ болѣе само плоскогорье было залито свѣтомъ. Въ отдаленіи видѣлись болѣе высокіе холмы, такіе же пустынные, прикрытые легкой голубоватой дымкой.

Ниже, между городскими стѣнами и плоскогорьемъ Голгоѳы, находилась равнина, менѣе пустынная и мѣстами усѣянная скалами. Тамъ изъ расщелинъ, въ которыхъ скопилось немного плодородной земли, выглядывали фиговыя деревья съ рѣдкой, тощей листвою. Мѣстами видѣлись строенія съ плоскими крышами, прилѣпившіяся къ каменнымъ стѣнамъ, будто гнѣзда ласточекъ или сіяющія на солнцѣ, выкрашенныя въ бѣлую краску гробницы. Теперь по случаю наступающаго праздника Пасхи и большого стеченія народа изъ провинціи недалеко отъ стѣнъ раскинулась масса шатровъ и шалашей, которые образовали цѣлый лагерь, переполненный людьми и верблюдами.

Солнце подымалось все выше по незакрытому тучами пространству неба. Близилось время, когда на этихъ возвышенностяхъ обыкновенно царило глухое молчаніе, такъ какъ все живое искало убѣжища подъ сѣнью стѣнъ города или въ тѣнистыхъ оврагахъ. Но даже и теперь, несмотря на необычное оживленіе, что-то печальное было въ этой окрестности, въ которой ослѣпительные лучи солнца падали не на зелень, а на сѣрыя каменистыя пространства. Шумъ отдаленныхъ голосовъ, доносящійся со стороны стѣнъ, преображался здѣсь какъ бы въ шопотъ волнъ и, казалось, поглощался царящей тишиной.

Между тѣмъ отдѣльныя группы людей, съ утра ожидавшія на Голгоѳѣ, посматривали въ сторону города, откуда съ минуты на минуту должно было двинуться шествіе. Вскорѣ принесли на носилкахъ Антею; носилки окружали нѣсколько солдатъ римскаго гарнизона, присланныхъ прокураторомъ, которые должны были пролагать путь въ толпѣ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать Антею и ея мужа отъ оскорбленій ненавидящей иноземцевъ фанатической черни. Возлѣ носилокъ шелъ Цинна вмѣстѣ съ центуріономъ Руфиломъ. Антея казалась болѣе спокойной и менѣе встревоженной близкимъ наступленіемъ полудня, когда появлялись страшныя видѣнія, истощавшія ея жизнь. Разсказъ прокуратора о молодомъ Назорѣ овладѣлъ умомъ Антеи и отвлекъ ея вниманіе отъ мучившаго ее недуга. Ибо во всемъ слышанномъ для нея заключалось что-то странное, необыкновенное, чего она почти не могла понять. Въ ту эпоху было не мало людей, которые умирали такъ же спокойно, какъ гаснетъ погребальный костеръ, когда дрова догорятъ до тла. Но то было спокойствіе, вытекавшее изъ мужества и философскаго примиренія съ неумолимой необходимостью перехода изъ свѣта въ тьму, изъ дѣйствительной жизни въ какое-то туманное неопредѣленное бытіе. Никто до сихъ поръ не благословлялъ смерти, никто не умиралъ съ непоколебимой увѣренностью, что лишь послѣ того, какъ угаснетъ земная жизнь начинается истинное существованіе и счастье, такое великое и безконечное, какое можетъ дать лишь существо всемогущее и безконечное.

Между тѣмъ этотъ Назорей, которому вскорѣ предстояла смерть на крестѣ, провозглашалъ это, какъ *несомнѣнную истину*. Антею не только поразило это ученіе, но оно ей показалось вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ источникомъ утѣшенія, бодрости и надежды. Молодая женщина знала, что должна умереть, и ею овладѣвала безграничная скорбь. Ибо чѣмъ являлась для нея смерть? Разлукой съ Цинной, разлукой съ отцомъ, разлукой съ міромъ и любовью, она представлялась ей какой-то безконечной пустыней, холодомъ, мракомъ, полу-небытіемъ. Слѣдовательно, чѣмъ лучше и краше могла быть ея жизнь, тѣмъ большая скорбь предстояла ей. Если бы смерть могла на что-нибудь пригодиться, или если бы можно было унести съ собою хотя воспоминаніе о любви и пережитомъ счастьѣ, тогда она скорѣе примирилась бы съ ея неизбѣжностью.

И вотъ, не ожидая отъ смерти ничего, Антея внезапно услышала, что она можетъ дать ей все. И кто же это провозглашалъ? Какой-то странный человѣкъ, учитель, пророкъ, философъ, который заповѣдывалъ людямъ любовь, какъ величайшую добродѣтель, который благословлялъ ихъ, когда они бичевали его, и который вскорѣ долженъ быть распятъ. Теперь въ голову тѣснились мысли: «Почему же онъ такъ поучалъ, коль скоро крестная казнь будетъ для него единственной наградой? Одни жаждутъ власти—онъ ея не желалъ, другіе—богатства, онъ остался убогимъ; иные жаждутъ всякихъ наслажденій, пировъ, роскоши, дворцовъ, пурпурной одежды, великолѣпныхъ колесницъ, украшенныхъ перламутромъ и слоновой костью,—а онъ жилъ, какъ скромный пастырь.

Притомъ осужденный проповѣдывалъ любовь, состраданіе, бѣдность,—слѣдовательно, не могъ же онъ быть злымъ и умышленно вводить въ заблужденіе народъ. Если же онъ говорилъ правду, то да будетъ благословенна смерть, какъ конецъ этой жалкой юдоли, какъ перемѣна худшаго счастья на лучшее, какъ свѣтъ для гаснущихъ очей, какъ крылья, на которыхъ возносятся туда, гдѣ царитъ вѣчная радость!» Теперь Антея *поняла, что означала проповѣдь воскресенія*.

Бѣдная больная всѣми силами своего ума и сердца прильнула къ этому ученію. Ей вспомнились слова отца, который не разъ повторялъ, что только какая то новая истина въ состояніи извлечь истомленную человѣческую душу изъ мрака и узъ. И вотъ это и есть новая истина! Она побѣдила смерть и, слѣдовательно, являлась спасеніемъ. Молодая женщина всѣмъ существомъ своимъ до такой степени была поглощена этими мыслями, что Цинна впервые за много-много дней не замѣтилъ въ ея лицѣ безпокойства предъ наступающей полуденной порою.

Шествіе, наконецъ, двинулось изъ города къ Голгоѳѣ, и съ возвышенности, на которой находилась Антея, можно было видѣть рѣшительно все. Толпа была многочисленная и, однако, она, казалось, терялась среди этихъ обширныхъ каменистыхъ пространствъ. Изъ открытыхъ городскихъ воротъ выступали все новыя группы людей, а по дорогѣ къ нимъ присоединялись тѣ, что ждали за стѣнами города. Сначала шли длинной болѣе или менѣе сомкнутой массой, которая, по мѣрѣ движенія впередъ, мало по малу разливалась, какъ рѣка въ половодье. По сторонамъ взапуски бѣжали дѣти. Бѣлыя одежды перемежались съ багряными и голубыми платками женщинъ. Посреди народа ярко блестѣли подъ лучами

солнца панцыри и копья римскихъ воиновъ. Шумъ смѣшанныхъ голосовъ долеталъ издалека и становился все яснѣе.

Наконецъ, шествіе приблизилось—и первые ряды стали всходить на Голгоѳу. Люди спѣшили занять ближайшія мѣста, чтобы получше видѣть казнь, вслѣдствіе чего отрядъ воиновъ, сопровождавшихъ осужденныхъ, сильно отставалъ. Первыми прибыли на плоскогорье дѣти, преимущественно мальчики, полуголые, съ остриженными головами, кромѣ двухъ прядей волосъ и висковъ, смуглые, съ глазами почти голубыми и крикливымъ говоромъ. Бедра ихъ были повязаны кускомъ тряпки. Среди дикаго гама они стали вытаскивать изъ расщелинъ отвалившіеся куски каменныхъ глыбъ, которыми намѣревались кидать въ распятыхъ. Слѣдомъ за дѣтьми тотчасъ же на холмъ хлынула разношерстная чернь. Лица большей частью горѣли отъ движенія и ожиданія занимательнаго зрѣлища, ни на одномъ изъ нихъ не было даже тѣни состраданія. Крикливые голоса, необыкновенная болтливость, рѣзкость движеній удивляли Антею, хотя въ Александріи она и привыкла къ подвижности и болтливости грековъ. Здѣсь люди разговаривали между собой такимъ образомъ, словно собирались кинуться другъ на друга, призывали одинъ другого, точно дѣло шло объ ихъ спасеніи, а спорили до того отчаянно, какъ будто съ нихъ сдирали кожу.

Центуріонъ Руфилъ, приблизившись къ носилкамъ, давалъ объясненія Антеѣ спокойнымъ дѣловымъ тономъ, а изъ города тѣмъ временемъ народъ волнами двигался къ Голгоѳѣ. Давка съ каждой минутой усиливалась. Въ толпѣ виднѣлись богатые жители Іерусалима, одѣтые въ полосатыя мантіи, которые держались въ сторонѣ отъ бѣдняковъ изъ предмѣстья. Сюда стеклось и много поселянъ съ семьями, прибывшихъ по случаю Пасхи въ городъ, земледѣльцевъ и пастуховъ съ добродушными и удивленными лицами, въ одеждѣ изъ козьяго мѣха. Вмѣстѣ съ мужчинами тянулись группы женщинъ, большей частью изъ простого народа, такъ какъ болѣе состоятельныя горожанки неохотно выходили изъ своихъ домовъ. Здѣсь были и блудницы въ яркихъ нарядахъ, съ крашеными волосами, бровями и ногтями, въ ожерельяхъ изъ монетъ и съ громадными серьгами въ ушахъ.

Наконецъ, подошелъ и Синедріонъ, а среди него Ганаанъ, старикъ съ лицомъ коршуна, съ кровяного цвѣта вѣками, и толстый Каіафа въ двурогой шапкѣ, съ золоченой таблицей на груди. Вмѣстѣ съ ними шли фарисеи разныхъ сектъ: *волочащіе ноги*, нарочно натыкавшіеся на разныя препятствія, фарисеи съ *кровавыми челами*, также нарочно бившіеся головой объ стѣны, и фарисеи *сгорбленные*, точно готовые принять на свои плечи бремя грѣховъ всего города. Угрюмая важность и холодная жестокость отличали ихъ отъ суетливой и шумной черни.

Цинна глядѣлъ на всѣхъ этихъ людей съ холоднымъ презрѣніемъ человѣка, принадлежащаго къ господствующей націи, Антея же съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Въ Александріи было много іудеевъ, но тамъ они казались на половину эллинами, здѣсь же она впервые видѣла ихъ такими, какими описывалъ ихъ прокураторъ, и какими они дѣйствительно оказались въ своемъ собственномъ гнѣздѣ. Ея молодое, прекрасное лицо, на которомъ смерть наложила уже свою печать, ея фигура, казавшаяся какой-то тѣнью, обращали на себя всеобщее вниманіе. Всѣ присматривались къ ней настолько назойливо, насколько позволяли

это окружающіе носилки воины. Ненависть и презрѣніе къ чужестранцамъ до того были глубоки, что ни въ чьихъ глазахъ не замѣчалось сочувствія къ бѣдной больной, напротивъ, въ нихъ сверкала радость, что она не избѣгнетъ смерти. Теперь только Антеѣ стало понятно, почему эти люди требовали казни пророка, который проповѣдывалъ любовь.

И неожиданно этотъ Назорей сталъ для нея близкимъ и чуть ли не дорогимъ. Ему предстояла смерть—и ей тоже. Его послѣ произнесенія приговора уже ничто не могло спасти,—и надъ ней также произнесенъ приговоръ, а потому молодой женщинѣ казалось, что ихъ соединяетъ братство по несчастью и смерти. Только онъ шелъ на казнь съ глубокой вѣрой въ будущую жизнь, у нея же до сихъ поръ не было этой вѣры, и вотъ она пришла почерпнуть ее изъ созерцанія его.

Тѣмъ временемъ издали донесся шумъ, свистъ, ревъ, потомъ сразу все утихло. Послышалось бряцанье оружія и тяжелые, мѣрные шаги легіонеровъ. Массы народа всколыхнулись, разступились, и отрядъ, сопровождавшій осужденныхъ, сталъ проходить мимо носилокъ. Впереди, по обѣимъ сторонамъ и сзади, ровно и медленно шли воины; посреди нихъ виднѣлись три перекладины крестовъ, которые точно сами плыли въ воздухѣ, такъ какъ люди, несшіе кресты сгибались подъ ихъ тяжестью. Легко было отгадать, что между этими тремя людьми нѣтъ Назорея—ибо два изъ нихъ выглядѣли настоящими разбойниками, третьимъ былъ уже немолодой поселянинъ, котораго, очевидно, солдаты заставили нести крестъ вмѣсто кого-то другого. Назорей шелъ за крестами и тутъ же за нимъ два легіонера. Онъ шелъ въ накинутомъ поверхъ одежды пурпуровомъ плащѣ, а на головѣ его былъ терновый вѣнокъ, изъ-подъ шиповъ котораго сочились капли крови. Иныя медленно стекали по его лицу, иныя застывали подъ вѣнцомъ и казались ягодами шиповника или коралловыми четками. Онъ былъ блѣденъ и медленно подвигался впередъ колеблющимися, слабѣющими шагами. Назорей шелъ, осыпаемый издѣвательствами черни, какъ бы совершенно погруженный въ какую-то точно неземную задумчивость, какъ бы оторванный отъ міра, какъ бы не слыша криковъ ненависти, полный всепрощенія, превышающаго мѣру человѣческаго прощенія, полный состраданія, превышающаго мѣру человѣческаго состраданія, ибо былъ уже охваченъ безконечностью, вознесенъ надъ злобой, тихій, кроткій и скорбящій великой скорбью міра.

— Ты—Истина,—дрожащими устами прошептала Антея.

Шествіе двигалось уже около самыхъ носилокъ и даже на минуту пріостановилось, такъ какъ солдатамъ пришлось силою прочищать въ толпѣ дорогу. Антея видѣла теперь Назорея въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя,—видѣла, какъ отъ дуновенія вѣтерка слегка развѣвались его волосы, видѣла въ красноватомъ отблескѣ багряницы его блѣдное, прозрачное лицо. Чернь рвалась къ нему и въ эту минуту окружила его тѣснымъ полукругомъ солдатъ, такъ что тѣ принуждены были сомкнуться и направить копья на напиравшихъ, чтобы защитить его отъ ихъ ярости. Всюду виднѣлись простертыя руки со сжатыми кулаками, глаза, чуть не выходившіе изъ орбитъ, сверкающіе зубы, растрепавшіяся отъ бѣшеныхъ движеній бороды, раскрывшіяся и пѣнящіяся уста, извергавшія хриплыя, угрожающія восклицанія. Онъ же, окинувъ взглядомъ этихъ людей, точно хотѣлъ спросить: «Что я вамъ сдѣлалъ дурного?»—Затѣмъ вознесъ глаза къ небу и молился—и прощалъ.

—Антея! Антея!—въ эту минуту воскликнулъ Цинна.

Но Антея, казалось, не слышала этого восклицанія. Изъ ея очей струились крупныя слезы; молодая женщина забыла о своемъ недугѣ, забыла, что вотъ уже много дней, какъ не подымалась съ носилокъ, и, внезапно вставъ въ полубезсознательномъ состояніи отъ жалости и состраданія къ осужденному и негодованія на эту яростную толпу, она, дрожа всѣмъ тѣломъ, стала срывать цвѣты яблони и гіацинты и бросать ихъ подъ стопы Назорея.

На минуту все утихло. Толпа пришла въ изумленіе при видѣ этой благородной римлянки, оказывающей почесть осужденному. Назорей обратилъ свои взоры на ея блѣдное, болѣзненное лицо, и уста его зашевелились, словно онъ благословлялъ ее. Антея опустилась на подушки носилокъ и чувствовала, что на нее изливается море свѣта, доброты, милосердія, бодрости, надежды, счастья, и опять прошептала:

— Ты—Истина!

Затѣмъ глаза ея снова наполнились слезами. Но Назорей уже находился на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ носилокъ, на мѣстѣ, гдѣ въ расщелины скалъ были уже вбиты столбы, которые должны были служить основаніемъ для крестовъ. Толпа опять заслонила осужденнаго, но такъ какъ то мѣсто, гдѣ Онъ стоялъ, было значительно выше общаго уровня плоскогорья, то Антея вскорѣ снова увидѣла Его блѣдное лицо и терновый вѣнецъ. Солдаты еще разъ повернулись къ все напиравшей толпѣ и довольно далеко отогнали ее палками, чтобы она не мѣшала приготовленіямъ къ казни. Тотчасъ стали привязывать двухъ разбойниковъ къ боковымъ крестамъ. Третій крестъ стоялъ посреди съ прибитой вверху его бѣлой таблицей, колеблющейся при каждомъ порывѣ все усиливающагося вѣтра. Въ ту минуту, когда воины, подойдя къ Назорею, стали снимать съ Него одежду, изъ толпы народа загремѣли крики: «Царь, царь! Не давайся, царь! Гдѣ же твое войско? Защищайся!» Время отъ времени слышался громкій смѣхъ черни, отдававшійся эхомъ по всему холму. Тѣмъ временемъ осужденнаго положили навзничь, чтобы прибить Его руки къ поперечинѣ креста и затѣмъ поднять ее вмѣстѣ съ Нимъ на главный столбъ.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ въ бѣлой симаррѣ, стоявшій недалеко отъ носилокъ, внезапно бросился на землю, посыпалъ голову пылью и кусочками каменьевъ и сталъ кричать ужаснымъ, полнымъ отчаянія голосомъ:

— Я былъ прокаженный, и онъ исцѣлилъ меня! Такъ не за это ли его распинаютъ?!

Антея поблѣднѣла, какъ полотно.

— Онъ его исцѣлилъ... Слышишь ли, Кай?—проговорила она.

— Не хочешь ли вернуться домой?—спросилъ Цинна.

— Нѣтъ! Здѣсь останусь!

Цинной овладѣло дикое, безграничное отчаяніе, что онъ не призвалъ къ Антеѣ Назорея, чтобы тотъ исцѣлилъ ее.

Но въ эту минуту воины молотками стали прибивать руки Назорея къ поперечинѣ креста. Раздался тупой звонъ желѣза о желѣзо, который вскорѣ смѣнился болѣе яснымъ звукомъ, когда острія гвоздей, пройдя сквозь тѣло, углубились въ дерево.

Народъ опять притихъ, вѣроятно, для того, чтобы насладиться стонами, какіе отъ страшныхъ мукъ могли вырваться изъ устъ Назорея. Но Онъ оставался безгласенъ... слышались только страшные и зловѣщіе удары молотовъ.

Наконецъ, руки были прибиты, и поперечину креста, вмѣстѣ съ распятымъ, подняли вверхъ. Наблюдавшій за казнью центуріонъ, однообразнымъ голосомъ и почти нараспѣвъ, отдавалъ надлежащія приказанія, согласно которымъ одинъ изъ воиновъ сталъ прибивать къ столбу стопы Назорея.

Между тѣмъ тучи, что съ полудня видиѣлись на горизонтѣ, теперь заволокли солнце. Блестѣвшія въ отдаленіи взгорья и скалы померкли. Окрестности утонули въ зловѣщемъ, мѣдно-красномъ сумракѣ, все болѣе и болѣе сгущавшемся по мѣрѣ того, какъ солнце уходило все далѣе въ глубину тучъ. Казалось, будто кто-то съ вышины просѣиваетъ на землю красноватую темноту. Горячій вѣтеръ налетѣлъ разъ-другой, потомъ утихъ. Въ воздухѣ стало душно.

Внезапно и тѣ мѣдно-красные отблески почернѣли. Мрачныя, какъ ночь, тучи, клубясь, направлялись къ Голгоѳѣ и городу. Надвигалась буря...

— Вернемся домой!—опять сказалъ Цинна.

— Я еще, еще разъ хочу видѣть его!—отвѣтила Антея.

Въ виду того, что наступившій мракъ окуталъ распятыхъ, Цинна велѣлъ перенести носилки къ самому мѣсту казни. Теперь ихъ отдѣляло отъ креста разстояніе всего въ нѣсколько шаговъ. На темномъ деревѣ видиѣлось тѣло Распятаго, казавшееся въ этомъ сумракѣ сотканнымъ изъ серебристыхъ лучей мѣсяца. Грудь Его быстро подымалась, а голова и глаза были все еще обращены къ небу.

Но вотъ въ глубинѣ тучъ раздался глухой рокотъ. Вслѣдъ за этимъ отъ востока на западъ со страшнымъ грохотомъ прокатился громъ, а потомъ, какъ будто низвергаясь въ бездонныя пропасти, постепенно началъ затихать, затѣмъ опять усилился и, наконецъ, грянулъ такъ, что земля затряслась въ своемъ основаніи.

Одновременно съ этимъ гигантская синяя молнія разорвала тучи, освѣтила небо, землю, кресты, доспѣхи воиновъ и въ безпокойствѣ сбившуюся, подобно стаду овецъ, встревоженную чернь.

Послѣ молніи стало еще темнѣе. Недалеко отъ носилокъ послышались рыданія какихъ-то женщинъ, также приблизившихся къ кресту. Было что-то раздирающее душу и захватывающее въ этомъ рыданіи среди царившей повсюду тишины. Нѣкоторые, придя вмѣстѣ на Голгоѳу, въ темнотѣ и суматохѣ, затерялись въ толпѣ и теперь окликали другъ друга. Кой-гдѣ раздавались испуганные голоса:

— О, яхъ! Ой, ляну! Ужъ не Праведника ли распяли!?

— Это Онъ проповѣдывалъ истину! О, яхъ!

А чей-то голосъ воскликнулъ:

— Горе тебѣ, Іерусалимъ!

— Земля затряслась!—крикнулъ еще кто-то.

Другая молнія раскрыла глубину неба, и тамъ какъ бы показались какія-то гигантскія огненныя фигуры. Голоса людей стихли или, скорѣе, растаяли въ свистѣ вѣтра, который, внезапно налетѣвъ, съ необыкно-

венной силой сорвалъ множество платковъ и плащей и сталъ раскидывать ихъ по всему плоскогорью.

Опять послышались голоса:

— Земля затряслась!

Нѣкоторые изъ толпы бросились бѣжать. Иные въ ужасѣ стояли, точно вкопанные, точно остолбенѣвшіе, съ безсмысленно устремленными взорами, лишь смутно сознавая, что произошло что-то страшное.

Внезапно сумракъ сталъ разсѣиваться. Сильный вѣтеръ гналъ и разрывалъ тучи, словно истлѣвшіе лоскутья. Свѣтъ постепенно усиливался, и, наконецъ, на землю хлынулъ цѣлый потокъ солнечныхъ лучей, озаривъ и плоскогорье, и испуганныя лица людей и кресты.

Голова Назорея низко склонилась на грудь, лицо стало блѣднымъ, какъ бы восковымъ, глаза Его были закрыты, уста посинѣли.

— Умеръ!—прошептала Аптея.

— Умеръ!—повторилъ Цинна.

Въ эту минуту центуріонъ слегка вонзилъ копье въ бокъ умершаго. Странно, но выглянувшее изъ-за тучъ солнце и смерть казненнаго, казалось, успокаивающимъ образомъ дѣйствовали на толпу. Теперь уже люди подвинулись ближе къ крестамъ, тѣмъ болѣе, что воины не препятствовали имъ въ этомъ. Среди черни послышались насмѣшливыя восклицанія:

— Сойди съ креста. Сойди съ креста!

Антея еще разъ окинула взоромъ эту блѣдную, склоненную голову, а затѣмъ промолвила тихо, будто обращаясь къ самой себѣ:

— Неужели Онъ воскреснетъ?..

Видя, какъ смерть постепенно наложила на Него свою печать, какъ посинѣли Его вѣки и уста, какъ неестественно вытянулись руки, какъ опустилось неподвижное тѣло, при видѣ всего этого голосъ ея дрожалъ отъ отчаянія и сомнѣнія.

Не меньшая скорбь терзала и душу Цинны. Онъ также не вѣрилъ, что Назорей воскреснетъ, но, тѣмъ не менѣе, вѣрилъ, что если бы Онъ былъ живъ, то лишь Онъ одинъ могъ бы своей злой или доброй силой исцѣлить Антею.

Тѣмъ временемъ толпа около креста все росла и многочисленные голоса громко восклицали:

— Сойди съ креста! Сойди съ креста!

— Сойди! — съ отчаяніемъ въ душѣ повторилъ Цинна. — Исцѣли ее и возьми мою душу.

Между тѣмъ небо прояснялось все болѣе и болѣе. Возвышенности были еще во мглѣ, но надъ плоскогорьемъ и городомъ открылась уже свѣтлая лазурь. «Turris Antonia», озаренная солнечными лучами, сіяла, какъ само солнце. Воздухъ сдѣлался свѣжимъ, и въ немъ цѣлыми стаями носились ласточки.

Было уже послѣ полудня. Когда носилки приблизились къ виллѣ, Антея внезапно проговорила:

— Геката сегодня не являлась.

И Цинна тоже думалъ объ этомъ.

VIII.

Призракъ не показался и на слѣдующій день. Больная была необыкновенно оживлена, такъ какъ изъ Цезареи прибылъ Тимонъ, который чрезвычайно безпокоился за жизнь дочери и, встревоженный письмами Цинны, нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ изъ Александріи, чтобы передъ смертью еще разъ увидѣть свое единственное дитя. Въ сердце Цинны стала опять стучаться надежда, словно прося впустить ее, но онъ не смѣлъ открыть двери этому гостю, не смѣлъ надѣяться. Въ видѣніяхъ, убивавшихъ Антею, случались уже перерывы, правда, не двухдневные, но однодневные бывали и въ Александріи, и въ пустынѣ. Данный перерывъ, по мнѣнію Цинны, объяснялся радостью по поводу пріѣзда Тимона и впечатлѣніями, испытанными на Голгоѳѣ во время казни Назорея, которыя до такой степени наполнили душу больной, что она даже съ отцомъ ни о чемъ иномъ не могла говорить. Тимонъ внимательно, сосредоточенно слушалъ ее, не возражалъ, размышлялъ — и только подробно разспрашивалъ объ ученіи Назорея, о которомъ, впрочемъ, Антея знала лишь то, что ей разсказалъ прокураторъ.

Въ общемъ, однако, молодая женщина чувствовала себя болѣе здоровой и отчасти болѣе сильной, а когда миновалъ полдень, глаза ея засвѣтились надеждой. Нѣсколько разъ она назвала этотъ день радостнымъ и просила мужа записать его.

День же на самомъ дѣлѣ былъ печальный и пасмурный. Изъ низко нависшихъ съ однообразными очертаніями тучъ съ самаго утра шелъ дождь сначала проливной, а потомъ мелкій. Только къ вечеру небо очистилось отъ тучъ, и громадный, огненный дискъ солнца выглянулъ изъ мглы, окрасилъ пурпуромъ и золотомъ облака, сѣрыя скалы, бѣлые мраморные портики виллъ и, заигравъ безчисленными лучами, опустился въ сторону Средиземнаго моря.

Зато на слѣдующій день погода была чудная. День обѣщалъ быть знойнымъ, но утро было свѣжее, на небѣ не замѣчалось ни одного облачка, а земля до того утопала въ лазури, что всѣ предметы казались голубыми. Антея велѣла перенести себя подъ любимое фисташковое дерево, чтобы съ возвышенности, на которой стояло дерево, наслаждаться видомъ веселой, лазурной дали. Тимонъ и Цинна не отходили ни на шагъ отъ носилокъ, внимательно наблюдая за выраженіемъ лица больной. Правда, на лицѣ ея отражалось какое-то безпокойство ожиданія, но не было замѣтно того смертельнаго ужаса, какой овладѣвалъ ею прежде предъ наступленіемъ полудня. Глаза ея были болѣе оживлены, чѣмъ обыкновенно, а щеки окрасились слабымъ румянцемъ. Теперь и Циннѣ порою казалось, что Антея можетъ выздоровѣть, и при этой мысли ему то хотѣлось пасть на землю, рыдать отъ радости и благословлять боговъ, то опять его охватывала тревога, что, быть можетъ, это послѣдняя вспышка гаснущей лампады. Желая почерпнуть откуда-нибудь надежду, Цинна время отъ времени взглядывалъ на Тимона, но и у стараго мудреца, должно быть, мелькали тѣ же мысли, такъ какъ онъ избѣгалъ взгляда своего зятя. Никто изъ нихъ троихъ не проронилъ ни слова о томъ, что полдень приближается. Цинна только, ежеминутно слѣдя за тѣнями, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ замѣчалъ, что онѣ становятся все короче.

И вотъ сидѣли они какъ бы погруженные въ задумчивость. Быть можетъ, менѣе всѣхъ безпокоилась Антея. Лежа въ открытыхъ носилкахъ, положивъ голову на пурпуровую подушку, молодая женщина съ наслажденіемъ вдыхала чистый воздухъ, который окружалъ ее, долетая сюда съ дуновеніемъ вѣтерка съ запада, съ далекаго моря. Жара усиливалась; согрѣтые солнцемъ кусты нарда распространяли сильный, опьяняющій ароматъ. Надъ анемонами кружились яркоцвѣтные мотыльки. Маленькія ящерицы, которыя, очевидно, привыкли и къ этимъ людямъ, и къ этимъ носилкамъ, какъ обыкновенно, выползали одна за другой, не выказывая страха, но вмѣстѣ съ тѣмъ бдительно наблюдая за каждымъ движеніемъ знакомыхъ имъ существъ. Весь міръ покоился въ лучезарной тиши, въ теплѣ и въ лазурной дремотѣ.

Тимонъ и Цинна также, казалось, погружались въ этотъ лучезарный покой.

Больная закрыла глаза, точно ею овладѣлъ легкій сонъ,—и молчаніе не прерывалось ничѣмъ, кромѣ вздоховъ, которые порою вырывались изъ ея груди.

Спустя немного Цинна замѣтилъ, что тѣнь его утратила продолговатую форму и находится у него тутъ же подъ ногами.

Насталъ полдень.

Внезапно Антея открыла глаза и проговорила какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Цинна, подай мнѣ руку.

Цинна вскочилъ, и вся кровь застыла у него въ сердцѣ: насталъ часъ страшныхъ видѣній.

Глаза молодой женщины раскрывались все шире.

— Видишь-ли ты,—говорила Антея,—какой тамъ свѣтъ образуется въ воздухѣ, какъ онъ дрожитъ, блеститъ и приближается ко мнѣ?..

— Антея, не гляди туда!—воскликнулъ Цинна.

Но, о чудо! въ ея лицѣ не было испуга. Уста ея раскрылись, глаза еще болѣе раскрылись — и какая-то безпредѣльная радость постепенно озаряла ея лицо.

— Дивный свѣтъ приближается ко мнѣ,—продолжала она.—Вижу!.. Это Онъ! Это Назорей... Онъ улыбается... О, кроткій... О, милостивый... Пронзенныя руки простираетъ ко мнѣ, какъ мать, Цинна! Онъ несетъ мнѣ здоровье, спасеніе и призываетъ меня къ себѣ...

А Цинна сильно поблѣднѣлъ и промолвилъ:

— Куда бы Онъ насъ ни призывалъ—послѣдуемъ за Нимъ!

. . . . . .

Вскорѣ, съ другой стороны, на каменистой тропинкѣ, ведущей въ городъ, появился Понтій Пилатъ. Прежде чѣмъ прокураторъ подошелъ къ виллѣ, можно было замѣтить по выраженію его лица, что онъ идетъ съ какой-то новостью, которую, какъ человѣкъ разсудительный, считаетъ новымъ, страннымъ вымысломъ легковѣрной и невѣжественной толпы. И въ самомъ дѣлѣ, Понтій еще издали, утирая потъ съ чела, воскликнулъ:

— Представьте себѣ, что эти люди опять разсказываютъ: они говорятъ, будто Онъ воскресъ!

13=44